РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Перевод с латинского
Ю.А. КУЛАКОВСКОГО и А.И. СОННИ

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
Москва
2005

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
А62

Компьютерный дизайн *Н.В. Пашковой*

Перевод с латинского
Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни

Подписано в печать 30.12.04. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 5000 экз. Заказ № 55.

ISBN 5-17-029112-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-86218-212-8 (Научно-издательский центр «Ладомир»)

Книга XIV

(годы 353—354)

1. Свирепость Цезаря Галла.
2. Набеги исаврийцев.
3. Неудавшийся замысел персов.
4. Вторжения сарацин и их нравы.
5. Казни приверженцев Магненция.
6. Пороки сената и народа Рима.
7. Жестокость и свирепость Цезаря Галла.
8. Описание провинций Востока.
9. О Цезаре Констанции Галле.
10. Август Констанций дарует мир аламаннам по их просьбе.
11. Август Констанций вызывает Цезаря Констанция Галла и карает его смертью.

1

1. Окончился трудный поход;*;[1] успокоилось напряжение партий, надломленных разнообразными опасностями и трудами. Но не успел еще смолкнуть звук боевых труб, не разошлись еще по зимним квартирам солдаты, а государство было вновь потрясено другими волнениями, которые воздвигла жестокая судьба в виде множества тяжких злодеяний Цезаря Галла[2]. Вознесенный в расцвете юности неожиданным скачком из пучины бедствий до высоты власти, он превышал предоставленные ему полномочия и во всех своих действиях проявлял невероятную жестокость. Родство с императорской фамилией и принадлежность к роду Констанция возбуждали его надменность, и будь он сильнее, то мог бы, казалось, отважиться на враждебные действия против виновника своего благополучия. 2. Его свирепости содействовала в значительной степени супруга, чрезмерно гордившаяся тем, что она сестра императора. Раньше по воле своего отца, императора Константина, она была замужем за царем Ганнибалианом, сыном его брата**. Мегера в человеческом облике, она постоянно поощряла бешенство Галла будучи не менее жадной до человеческой крови, чем ее супруг. Приобретя с течением времени опытность в злодеяниях, супруги выведывали ложные, входившие в их расчеты слухи через действовавших тайно ко-

---

* Имеется в виду конец борьбы с узурпатором Магненцием (350—353). Здесь и далее после знака * даются примечания Ю. А. Кулаковского (1906 г.), после арабских цифр — составителя.

** Имп. Константин предоставил ему Понт, т. е. северо-восточную часть Малой Азии со старинным титулом rex regum, но через несколько месяцев после смерти Константина он был убит вместе со своим братом Далмацием.

варных собирателей сплетен, которые имеют дурную привычку прибавлять легкомысленные измышления к тому, что им удалось узнать. На основании такого рода материала супруги стали возбуждать против ни в чем не повинных людей клеветнические обвинения в стремлении к верховной власти и в колдовстве. 3. Возмутительное убийство Клемация, одного знатного александрийца, выдалось из ряда злодеяний менее значительных и по своей жестокости вышло далеко за пределы обычных преступлений. Теща Клемация, влюбленная в него до безумия, когда ей не удалось склонить его к связи с собой, проникла, как рассказывали, во дворец через потайную дверь и, поднеся царице драгоценное ожерелье, добилась того, что к Гонорату, тогдашнему комиту Востока[3], был послан для исполнения смертный приговор, и ни в чем не повинный Клемаций был убит, не успев и рта раскрыть, чтобы сказать хоть слово в свою защиту.

4. После этого гнусного злодеяния, которое заключало в себе опасность для других, предоставлен был словно полный простор жестокости, и несколько человек было осуждено на основании совершенно призрачных подозрений. Одни из них были казнены, другие наказаны конфискацией имущества. Эти последние изгонялись из своих домов на улицу, на долю их оставались только жалобы и слезы, и жили они на добровольные подаяния других. Когда основанное на законе и справедливости правление заменилось кровавым произволом, стали приходить в запустение богатые и знатные дома. 5. В этой громаде злодейств не искали даже обвинителей, хотя бы подставных, чтобы, пусть для вида, предъявлять обвинения согласно определениям закона, как иногда это делали жестокие государи;[4] но что решал в каждом данном случае свирепый Цезарь, то немедленно приводилось в исполнение, словно для этого было решение, строго и обдуманно согласованное с законом. 6. Было придумано еще следующее. Никому не известные люди, не вызывавшие ни в ком опасения из-за своего ничтожества, были направлены по всем концам Антиохии для собирания слухов и сообщения о них. Мимоходом и незаметно они появлялись в кружках людей с положением, проникали в дома богачей в одежде бедных просителей и все, что им удавалось узнать или тайком прослышать, доносили во дворец, имея доступ с заднего крыльца. Проявляя едино-

душное между собою согласие, они кое-что присочиняли, а то, что узнавали, преувеличивали в дурную сторону, причем, однако, умалчивали о похвалах Цезарю, которые у многих, вопреки их мыслям, исторгал страх пред грозившими бедствиями. 7. Случалось иной раз так, что если отец семейства во внутренних покоях дома говорил что-нибудь на ухо своей жене, причем не было никого из домашней прислуги, то на следующий же день об этом узнавал Цезарь, словно получал откровения от Амфиарая или Марция[5], некогда знаменитых прорицателей. Стали бояться даже стен, единственных свидетелей чего-либо тайного. 8. Упорное стремление выведывать тайны все росло благодаря поощрению со стороны царицы, толкавшей своего мужа в пропасть; а ей следовало бы, по свойственной женской природе мягкости, вернуть его полезным советом на путь правды и гуманности, как поступала некогда супруга Максимина[6], памятного своею жестокостью государя, о чем я рассказывал при изложении истории Гордианов[7].

9. Наконец, Галл посягнул на новый компрометирующий поступок, которым некогда в Риме уронил себя, как рассказывают, Галлиен[8]. В сопровождении нескольких товарищей, носивших под платьем оружие, он шатался по вечерам по харчевням и людным перепутьям и, вполне владея греческим языком, расспрашивал каждого, что он думает о Цезаре. И он смело проделывал это в городе, где ночное освещение улиц почти равнялось дневному свету. В конце концов, будучи не раз опознан и понимая, что дальнейшие его выходы не останутся незамеченными, он стал появляться только днем, открыто и для выполнения дел, которые считал важными. Такое поведение Галла вызывало у многих скорбный ропот.

10. А тогдашний префект претория Талассий[9], человек и сам высокомерный, хотя и видел, что жестокость Галла растет на погибель многим, тем не менее не пытался сдерживать его добрыми советами, как смягчали иной раз сановники жестоких государей. Напротив, возражая ему и вступая с ним в спор как раз в неподходящее время, он доводил его до бешенства и в частых донесениях Августу описывал с преувеличениями поступки Галла, стараясь, — неизвестно по каким побуждениям, — чтобы это не оставалось в тайне. Такой образ действий еще более ожесточал Цезаря; он заходил все

дальше в своем упорстве и, забыв о своих и чужих интересах, стремился вперед, подобно быстрому потоку низвергая все на своем пути.

2

1. И не одна эта беда сковывала различными несчастьями Восток. Исавры, которые то держатся спокойно, то причиняют большие беспокойства неожиданными набегами, стали изредка предпринимать разбойничьи нападения и, становясь благодаря безнаказанности все более и более наглыми, перешли от разбоев к настоящей войне. Мятежный дух возрастал в их буйных движениях уже давно; но, как они заявляли, их поднял взрыв негодования в ответ на то, что несколько их земляков, взятых в плен, были, вопреки обычаю, брошены в амфитеатр на съедение диким зверям в писидийском городе Иконии*. 2. Как сказал когда-то Цицерон**, даже дикие звери, будучи томимы голодом, обычно возвращаются на то место, где они однажды покормились; так и эти люди спустились, как вихрь, со своих недоступных и крутых гор и устремились в приморские местности. Скрываясь там в излучинах дорог и ущельях, с приближением ночи — а луна была еще в первой фазе и потому светила еще не полным блеском — высматривали они мореходов. Когда же они замечали, что команды судов объяты сном у якорных канатов, то подползали на четвереньках, осторожно шагая, влезали в лодки и неожиданно появлялись на кораблях. Корысть разжигала их свирепость: они не щадили даже сдававшихся и, перебив всех до одного человека, грабили дорогие товары как ничего не стоящие предметы, не встречая никакого сопротивления. Но это длилось недолго. 3. Когда стали находить трупы ограбленных и убитых, то никто уже не приставал на стоянку в тех местах, этого берега стали избегать, словно грозящих смертью скал Скирона[10], и совершали плавание, придерживаясь берегов Кипра, который лежит напротив скалистых берегов Исаврии. 4. Время шло, и не было никакой поживы с моря; и вот исаврийцы, покинув морской берег, направились в смежную с их областью Ликаонию и там, затаясь по дорогам в сети постов, промышляли добром местного населения и ратни-

* Ныне Кония.
** *Cic.* Pro Cluentio, c. 25, § 67.

ков. 5. Эта дерзость раздражала солдат, расквартированных во многих соседних городах и укреплениях. Каждый старался по мере сил давать отпор разбойникам, которые проникали все дальше и дальше; но как в тех случаях, когда собирались в шайки, так и когда действовали врассыпную, они имели перевес своим несметным количеством. Родившиеся и выросшие среди крутых утесов и пропастей, они передвигались в горах, как на равнине, издали поражая выступавших против них метательными снарядами и устрашая их диким криком. 6. Наши пехотинцы, вынужденные иногда во время преследования взбираться на высокие горы, кое-как добирались до вершин, скользя и хватаясь руками за кусты и растения, но не могли в тесных и труднопроходимых местах развернуть строй или даже стать твердой ногой; а враги между тем разбегались и скатывали сверху обломки скал. Таким образом, наши или бывали избиваемы валившимися на них огромными камнями, или же, храбро сражаясь в последней крайности, терпели поражение и с большой опасностью отступали по круче. 7. Поэтому с течением времени они стали действовать с большей осторожностью, и когда разбойники забирались на горные крутизны, то наши солдаты не преследовали их из-за пересеченной местности. Когда же удавалось захватить их на равнине, что случалось довольно часто, то их избивали, как скотину, не давая времени поднять руку и замахнуться дротиком, которых они носят по два — по три.

8. И вот разбойники, опасаясь Ликаонии, которая представляет собою по большей части равнину, и зная по многократному опыту встреч с войсками, что в правильных схватках они окажутся слабее наших, направились по труднопроходимым горным тропам в Памфилию. Эта область долгое время не подвергалась никаким нападениям, а в последнее время, ввиду опасения грабежей и разбоев, ее охрана была еще усилена повсеместно расквартированными большими гарнизонами. 9. Желая быстротою предупредить слухи о своем появлении, они очень спешили; но и при полной уверенности в своей силе и ловкости лишь с большой медленностью добирались по извилистым тропам до вершин хребта. Когда они с большими трудностями добрались до верховьев глубокой и стремительной реки Мелана*, которая своим

* Ныне Менавгат-су.

течением, как бы стеной, защищает местных жителей, то, ввиду глубокой ночи, вообще увеличивающей страх, дали себе краткий отдых, ожидая рассвета. Они надеялись беспрепятственно переправиться и неожиданным набегом опустошить все окрестности. Но напрасно они перенесли эти тяжкие труды. 10. Когда взошло солнце, переправу задержала глубина потока, хотя он и не был широк; а пока они искали рыбачьи лодки и готовились переправиться на наскоро связанных плотах, выступили легионы, зимовавшие в Сиде, и быстро атаковали их. Построившись в боевой порядок на берегу реки и готовясь к битве лицом к лицу, солдаты прикрылись сдвинутыми один к другому щитами. Без труда наши перебили и тех, которые, надеясь на свое уменье плавать или пользуясь выдолбленными стволами деревьев, пытались незаметно переправиться через.реку. 11. В минуту опасности разбойники прибегали к разным хитростям, но ни одна из них не удалась; сила и внушенный им страх отразили их, и не зная куда направиться, они подошли к городу Ларанде*. 12. Здесь они подкрепились пищей и отдохнули, а когда прошел страх, напали на богатые селения. Случайно оказавшиеся поблизости когорты всадников напали на них. Не пытаясь оказать сопротивление на просторной равнине, они отступили и вызвали к себе на подмогу всю свою молодежь, оставшуюся дома. 13. Так как они испытывали большой недостаток продовольствия, то направились к городу по имени Палея, который обращен к морю и укреплен надежной стеной, — пункт этот служит и до наших дней местом расположения складов провианта, который заготовляется для солдат, оберегающих всю границу Исаврии. Три дня и три ночи простояли разбойники вокруг этого укрепления. Невозможно было взобраться на эту крутизну, не подвергая себя смертной опасности, ничего нельзя было достигнуть подкопами и не удавались никакие другие военные хитрости, которые применяются при осаде. И вот они в огорчении отступили, но только с тем, чтобы под гнетом крайности приняться за дело, превышавшее их силы. 14. Отчаяние и голод доводили их до остервенения, и, умножив свои силы, они пошли в неудержимом порыве на Селевкию**, мать го-

* Ныне Ларенда или Караман.

** Название сохранилось и ныне в форме Селефке.

родов, чтобы ее разрушить. Там стоял комит Кастриций с тремя легионами, закаленными в боевых трудах. 15. О приближении исаврийцев были заранее осведомлены надежными разведками командиры; они дали обычный сигнал и быстро вывели все свои силы. Поспешно перешли они через мост на реке Каликадна*, глубокие воды которого омывают башни города, и выстроили войска в боевой порядок. Никто, однако, не отважился броситься вперед и не получил разрешения сойтись с врагом: такой страх внушала эта остервеневшая толпа, превосходившая численностью наши силы и готовая ринуться на мечи, не думая о своей жизни. 16. Когда разбойники издали увидали выстроившееся против них войско и услыхали звуки сигналов, они замедлили шаг, на некоторое время приостановились, угрожающе потрясая мечами, и затем стали медленно наступать. 17. Солдаты, готовые встретить врага, стояли развернутым строем и ударяли копьями о щиты, что возбуждает гнев и ожесточение сражающихся, а ближайших они пугали и жестами. Но командиры отозвали назад своих солдат, уже вполне готовых вступить в схватку, считая несвоевременным подвергаться риску сражения, когда близко находились стены, которые могли служить надежной защитой для всех. 18. По этим соображениям бойцы были отведены внутрь стен города, все ворота заперты, люди заняли свои места у бойниц и зубцов стен, имея при себе запасы камней и стрел, чтобы в случае, если бы кто-нибудь отважился подойти ближе, закидать его метательными снарядами и камнями. 19. Тем не менее запершиеся были удручены, так как исавры, захватив суда, подвозившие запасы провианта, оказались его обладателями; а сами они, потребляя имевшиеся в городе запасы, стали испытывать ужас перед надвигавшимся бедствием голода. 20. Далеко разошлась об этом молва, и частые донесения заставили Цезаря Галла послать им помощь. Поскольку магистр конницы[11] находился в этот момент далеко, комит Востока Небридий** получил приказ, стянув отовсюду военные силы для освобождения от опасности этого богатого и столь важного по своему положению города, как можно быстрее спешить к нему.

* Современные имена этой реки: Салеф, Гиюк, Ерменек-су.
** Преемник на этом посту упомянутого выше (14, 1, 3) Гонората.

Узнав об этом, разбойники отступили, не совершив более ничего значительного, и, рассеявшись, как это у них принято, направились в свои неприступные крутые горы.

3

1. Так обстояли дела в Исаврии. Между тем персидский царь был[12] занят войной с соседями и отгонял от своих границ дикие народы, которые в своем изменчивом настроении часто наступают на него, а иной раз, когда он идет на нас войной, оказывают ему помощь. В ту пору на некоего Ногодареса, персидского вельможу, было возложено поручение делать набеги на Месопотамию всякий раз, как представится такая возможность, и он тщательно высматривал, не найдется ли места, где бы можно было прорваться неожиданным набегом. 2. И так как вся граница Месопотамии из-за постоянной опасности охранялась сторожевыми постами и фортами, то он направил свой путь влево и остановился на границах Осдроэны, придумав новый и вряд ли когда-либо применявшийся маневр. Если бы эта затея удалась, то Ногодарес опустошил бы все с быстротой молнии. План его состоял в следующем.

3. Город Батна, построенный в Антемузии* македонянами, лежит недалеко от реки Евфрат. В нем очень много богатых купцов. Туда сходится в начале сентября великое множество людей из различных сословий для закупок товаров, присылаемых индийцами и серами**, и всяких других, которые свозятся сюда по морю и по суше. 4. В определенное для ярмарки время названный выше полководец собирался напасть на этот город, двигаясь через пустыню и по заросшим берегам реки Аборы***. Но его выдали свои же люди, бежавшие к римлянам из страха наказания за совершенное злодеяние, и его выступление не имело никакого успеха, а потом он уже оставался в полном бездействии.

---

* Это имя принадлежало собственно одному городу в Месопотамии, а от имени города получил название целый округ.

** Под этим именем древним были известны китайцы со стороны материка, а с моря и со стороны Индии — под именем синов, Sinae.

*** Ныне Хабур.

4

1. Однако сарацины[13], которых нам лучше бы не иметь ни друзьями, ни врагами, в своих налетах то там, то здесь в один миг опустошали все, что им попадалось, словно хищные коршуны, которые, если завидят сверху добычу, похищают ее стремительным налетом, а если не удастся схватить, летят прочь. 2. Хотя я, помнится, сообщал уже о нравах и обычаях этого народа в истории императора Марка[14] и несколько раз далее, но хочу изложить кое-что кратко и теперь. 3. У этих племен, область проживания которых, начинаясь от Ассирии, простирается до порогов Нила и границы с блеммиями*, все люди без различия — воины. Полуголые, покрытые до бедер цветными плащами, на быстрых конях и легких верблюдах передвигаются они с места на место как во время мира, так и в пору военных тревог. Никто из них никогда не берется за плуг, не сажает деревьев, не ищет пропитания от обработки земли. Они постоянно кочуют на широких пространствах без дома, без определенного местожительства, без законов. Не выносят они долго одного и того же места под небом, не нравится им никогда долго одно и то же пространство земли. 4. Жизнь их проходит в вечном передвижении. Жен они берут себе за плату по договору на время; а чтобы это имело подобие брака, будущая жена подносит мужу в виде приданого копье и палатку; по желанию она может уйти после определенного срока. Страстность в любви того и другого пола у них прямо невероятна. 5. Они проводят всю жизнь в столь далеких скитаниях, что женщина на одном месте выходит замуж, на другом рожает, а детей уводит с собой вдаль, не имея возможности никогда успокоиться. 6. Пищей всем им служит мясо диких зверей, молоко, которое у них имеется в изобилии, а также различные травы и птицы, каких удается поймать силком. Я сам видел многих из них, и им было совершенно неизвестно употребление хлеба и вина. 7. Вот что хотел я на этот раз сообщить об этом зловредном народе, а теперь возвращаюсь к своему изложению.

---

* Один из народов Нубии.

5

1. Пока на Востоке происходили описанные события, Констанций[15] зимовал в Арелате*. С большим великолепием дал он там игры в театре и цирке: 10 октября заканчивался тридцатый год его правления[16]. Высокомерие его все более разрасталось. Всякий донос, сомнительный или даже заведомо ложный, он принимал за чистую монету. Так, он покарал тяжкой ссылкой Геронция, комита партии Магненция, подвергнув его предварительно пыткам. 2. И как на болезненный организм сильно действуют даже ничтожные потрясения, так он, при своей ограниченности и подозрительности, все, о чем ни доходили до него вести, считал совершенным или задуманным на гибель ему, и убийствами невинных делал кровавым свое торжество. 3. Стоило только возникнуть слуху, что кто-нибудь из военных чинов, или гражданских властей, или просто какой-нибудь видный в своей среде человек стоял на стороне вражеской партии, как его заковывали в цепи и тащили как дикого зверя, хотя бы с обвинением выступал личный недруг данного человека или даже не оказывалось обвинителя вовсе; словно было достаточно, что его называл слух, что был сделан донос, что он отдан под суд, чтобы произнести над ним смертный приговор, присудить к конфискации имущества или к ссылке на острова.

4. К жестокости императора в случаях, когда речь шла об умалении или оскорблении величества, и к его вспыльчивости и возбужденной подозрительности присоединялась кровожадная лесть придворных, которые преувеличивали разные случайные происшествия и притворно выражали глубокую скорбь по поводу опасности для жизни государя, от благоденствия которого, по их льстивым заявлениям, непосредственно зависит благосостояние вселенной. 5. Поэтому когда ему подносили на утверждение, согласно обычаю, приговор, он никогда, как рассказывают, не миловал осужденных за эти и тому подобные проступки, что делали нередко даже самые жестокие государи. Эта гибельная черта, которая у других с течением времени смягчается, у него крепла с годами, и толпа льстецов поджигала его в этом направлении.

6. Между ними выделялся нотарий[17] Павел, испанец по

---

* Ныне Арль.

происхождению; его гладкое лицо ничего не выражало, но он обладал удивительным умением выискивать тайные пути на погибель людям. Будучи послан в Британию, чтобы привезти оттуда некоторых военных людей, которые посмели принять участие в заговоре Магненция, будучи вынуждены к тому обстоятельствами, он свободно вышел за пределы своих полномочий, словно вздувшийся поток, подмыл благополучие многих и понесся, и за ним следовали разрушения и опустошения. Благородных людей он заключал в темницу, а иных из них заковывал в кандалы, насочинив множество преступлений, далеких от истины. Благодаря ему было совершено страшное злодеяние, наложившее на время Констанция пятно вечного позора. 7. Управлявший за префектов* теми провинциями Мартин глубоко сокрушался о страданиях невинных людей и не раз умолял Павла пощадить ни в чем не повинных лиц; когда же его просьбы оказывались безуспешными, он угрожал, что сложит с себя свои полномочия, чтобы злобный сыщик, опасаясь хоть этого, перестал наконец подвергать очевидной опасности людей, настроенных самым мирным образом. 8. Но Павел, видя в этом помеху своему служебному рвению, как большой художник в запутывании разных дел, откуда и дано было ему прозвище Катена (цепь), сумел распространить общие опасности и на самого викария, продолжавшего защищать подчиненных ему людей. Он стал настаивать на том, чтобы доставить в цепях в главную квартиру императора викария вместе с трибунами и многими другими лицами. Возмущенный этим и предчувствующий свою гибель викарий, выхватив кинжал, бросился на Павла; но поскольку слабость руки помешала ему ранить того насмерть, то он направил обнаженное лезвие в собственную грудь. Такой ужасной смертью окончил свою жизнь безупречный правитель, отважившийся облегчать тяжкие бедствия многих. 9. После таких злодеяний обагренный кровью Павел вернулся к императорскому двору и привел с собою много людей, закованных в цепи, истомленных и отчаявшихся. К их прибытию расставили дыбы и палач приготовил крюки и другие орудия пытки. Многие из них подверглись конфискации имущества, другие отправлены в ссылку, а некоторые были осуждены на смертную казнь.

* Т. е. в звании викария, как его и называет автор в § 8.

Вряд ли кто вспомнит, чтобы существовали оправданные при Констанции, в правление которого подобные дела возбуждались на основании пустых слухов.

6

1. В это время префектом Вечного города[18] был Орфит[19], возносившийся в своей гордыне выше предела предоставленного ему сана. Человек он был разумный и очень сведущий по судебной части, но для знатного человека недостаточно образованный. В его управление возникли большие беспорядки из-за недостатка вина: чернь, привыкшая к неумеренному его потреблению, нередко производит по этому поводу жестокие возмущения.

2. А так как, быть может, те, кто не жил в Риме и кому доведется читать мою книгу, удивятся, почему в случаях, когда мое повествование доходит до событий в Риме, речь идет только о волнениях, харчевнях и тому подобных низких предметах, то я вкратце изложу причины этого, никогда намеренно не уклоняясь от истины. 3. Когда впервые воздымался на свет Рим, которому суждено жить, пока будет существовать человечество, для его возвышения заключили союз вечного мира Доблесть и Счастье, которые обычно бывают разлучены, а если бы хотя бы одной из них не было налицо, то Рим не достиг бы вершины своего величия. 4. Со своего начала и до конца времени детства, т. е. почти в течение 300 лет, римский народ выдерживал войны вокруг стен города. Затем, войдя в возраст, после многообразных невзгод на полях битв он перешел через Альпы и через морской пролив; а став юношей и мужем, стяжал победные лавры и триумфы со всех стран, входящих в необъятный круг земной; склоняясь к старости и нередко одерживая победы одним своим именем, он обратился к более спокойной жизни. 5. Поэтому-то достославный город, согнув гордую выю диких народов и дав законы, основы свободы и вечные устои, словно добрый, разумный и богатый отец, предоставил управление своим имуществом Цезарям, как своим детям. 6. И хотя трибы давно бездействуют, центурии[20] успокоились, нет борьбы из-за подачи голосов, и как бы вернулось спокойствие времен Нумы Помпилия[21], но по всем, сколько их ни есть, частям земли чтят Рим, как влады-

ку и царя, и повсюду в чести и славе седина сената и имя римского народа.

7. Но этот великолепный блеск Рима умаляется преступным легкомыслием немногих, которые, не помышляя о том, где они родились, так, словно им предоставлена полная свобода для пороков, впадают в заблуждения и разврат. По словам поэта Симонида[22], первое условие счастливой жизни — слава Отечества. 8. Некоторые из них, полагая, что они могут себя увековечить статуями, страстно добиваются их, словно в медных мертвых изображениях заключена награда более высокая, нежели заключенная в сознании за собой честной и благородной деятельности. Они хлопочут о позолоте этих статуй, почет, который впервые был присужден Ацилию Глабриону, когда он силою оружия и своей умелостью победил царя Антиоха[23]. А как прекрасно, пренебрегая этими мелочами, взбираться на вершину истинной славы по крутому и длинному пути, как сказал некогда аскрейский поэт (Гесиод)[24], это показал цензор Катон[25]. Когда его однажды спросили, почему нет его статуи среди множества других, он сказал: «Я предпочитаю, чтобы разумные люди удивлялись, почему я этого не заслужил, чем чтобы они про себя с осуждением толковали о том, чем я это заслужил; это было бы много обиднее».

9. Другие, почитая высшее отличие в необычно высоких колесницах и великолепии одевания, потеют под тяжестью плащей, застегнутых на шее и прихваченных у пояса. Делая их из чрезвычайно тонкой материи, они дают им развеваться, откидывая их частыми движениями руки, особенно левой, чтобы просвечивали широкие бордюры и туника, вышитая изображениями различных звериных фигур. 10. Третьи, напуская на себя важность, преувеличенно хвалятся, когда их о том и не спрашивают, размерами своих поместий, умножая, например, ежегодные доходы со своих плодородных полей, раскинувшихся с самого востока и до крайнего запада; при этом они забывают, что предки их, благодаря которым достигло таких размеров Римское государство, стяжали славу не богатствами, а жестокими войнами: ни в чем не отличаясь от простых солдат по имуществу, пище и одежде, доблестью сокрушали они всякое сопротивление. 11. Поэтому расходы на погребение Валерия Публиколы[26] были покрыты в складчину; вдова Регула[27], оставшись без средств с детьми, жила на посо-

бия от друзей ее мужа; дочери Сципиона[28] из государственной казны было выдано приданое, так как знати было стыдно, что остается не замужем девушка во цвете лет из-за продолжительного отсутствия своего неимущего отца.

12. А теперь, если ты, как новый в Риме человек благородного сословия, явишься для утреннего приветствия к какому-нибудь богатому, а потому и зазнавшемуся человеку, то он примет тебя в первый раз с распростертыми объятиями, станет расспрашивать о том и сем и заставит тебя лгать ему. И удивишься ты, что человек столь высокого положения, которого ты никогда раньше не видел, оказывает тебе, человеку скромного состояния, такое изысканное внимание, так что, пожалуй, и пожалеешь, что ради такого преимущества на десять лет раньше не прибыл в Рим. 13. Но если ты, польщенный этой любезностью, сделаешь то же самое и на следующий день, то будешь ожидать, как незнакомый и нежданный посетитель, а твой вчерашний любезный хозяин будет долго соображать, кто ты и откуда явился. Если же ты, будучи наконец признан и принят в число друзей дома, будешь три года неизменно исполнять обязанность утреннего приветствия, а затем столько же времени будешь отсутствовать и вернешься опять к прежним отношениям, то тебя не спросят, где ты был и куда, несчастный, уезжал, и понапрасну будешь ты унижаться весь свой век, заискивая перед этой высокомерной дубиной. 14. Когда же начнутся приготовления к бесконечным зловредным пирам, устраиваемым время от времени, или раздача ежегодных спортул, то с большой опаской идет обсуждение того, следует ли пригласить кроме тех, для кого этот пир является ответной любезностью, также и чужого человека. И если, после тщательного обсуждения, решатся это сделать, то пригласят того, кто шатается у дверей возниц цирка, мастерски играет в кости или выдает себя за человека, знакомого с тайнами науки чернокнижия. 15. А людей образованных и серьезных избегают как скучных и бесполезных; следует отметить и то, что номенклаторы[29] обычно продают эти и другие подобные приглашения и, взяв деньги, позволяют участвовать в прибылях и пирах безродным проходимцам, пуская их со стороны.

16. Я не стану говорить об обжорстве за столом и разных излишествах, чтобы не затянуть своего изложения; но отмечу, что некоторые из знати носятся сломя голову по обшир-

ным площадям и мощеным улицам города, не думая об опасности, мчатся, как курьеры, волоча за собой толпы рабов, словно шайку разбойников, не оставляя дома даже и шута, как выразился комический поэт*. Подражая им, и многие матроны мечутся по всему городу, пусть и с закрытым лицом и в носилках. 17. Как опытные полководцы ставят в первую линию густые ряды людей посильнее, за ними легковооруженных, далее стрелков, а позади всех вспомогательные войска, чтобы они могли прийти на помощь при необходимости; так и начальники подвижной праздной городской челяди, которых легко узнать по жезлу в правой руке, тщательно расставляют свою команду, и, словно по военному сигналу, выступает впереди экипажа вся ткацкая мастерская, к ней примыкает закопченная дымом кухонная прислуга, затем уже вперемежку всякие рабы, к которым присоединяется праздное простонародье из числа соседей, а позади всего — толпа евнухов всякого возраста, от стариков до детей с зеленоватыми, безобразно искаженными лицами. В какую сторону ни пойдешь, наткнешься на толпы этих изуродованных людей и проклянешь память Семирамиды[30], знаменитой древней царицы, которая впервые кастрировала юных отроков, совершая насилие над природой и отклоняя ее от предначертанного пути; между тем как природа, уже при самом рождении живого существа влагая зародыши семени, дает им как бы указание на пути продолжения рода.

18. При таких условиях даже немногие дома, прежде славные своим серьезным вниманием к наукам, погружены в забавы позорной праздности и в них раздаются песни и громкий звон струн. Вместо философа приглашают певца, а вместо ритора — мастера потешных дел. Библиотеки заперты навечно, как гробницы, и сооружаются гидравлические орга́ны, огромные лиры величиной с телегу, флейты и всякие громоздкие орудия актерского снаряжения.

19. Дошли наконец до такого позора, что, когда не так давно из-за опасности недостатка продовольствия принимались меры для быстрой высылки из города чужестранцев, представители знания и науки, хотя число их было весьма незначительно, были немедленно изгнаны без всяких послаблений, но оставлены были прислужники мимических

---

* *Terent.* Eun., 780.

актрис* и те, кто выдали себя за таковых на время; остались также три тысячи танцовщиц со своими музыкантами и таким же числом хормейстеров. 20. И в самом деле, куда ни кинешь взор, повсюду увидишь немало женщин с завитыми волосами в таком возрасте, что если бы они вышли замуж, то могли бы по своим годам быть матерями троих детей, а они до отвращения скользят ногами на подмостках в разнообразных фигурах, изображая бесчисленное множество сцен, которые сочинены в театральных пьесах.

21. Нет сомнения в том, что, пока Рим был обиталищем всех доблестей, многие знатные люди старались удержать при себе — как гомеровские лотофаги сладостью своих ягод** — разными любезностями благородных чужеземцев. 22. А теперь многие в своем надутом чванстве считают низким всякого, кто родился за пределами городских стен за исключением бездетных и холостых: просто невероятно, с какой изобретательностью ухаживают в Риме за людьми бездетными! 23. И так как у них в столице мира свирепствуют болезни, в борьбе с которыми оказывается бессильно всякое врачебное искусство, то придумали спасительное средство: не посещать заболевших друзей, а к прочим предосторожностям прибавилась еще одна, довольно действенная: рабов, которых посылают наведаться о состоянии здоровья пораженных болезнью знакомых, не пускают домой, пока они не очистят тело в бане. Так боятся заразы, даже когда ее видели чужие глаза. 24. Но если их пригласят на свадьбу, где гостям раздают золото***, то те же самые люди, соблюдающие такие предосторожности, готовы, даже если и плохо себя чувствуют, скакать хотя бы в Сполетий[31]. Таковы нравы знати.

25. Что же касается людей низкого происхождения и бедняков, то одни проводят ночи в харчевнях, другие укрываются за завесами театров, которые впервые ввел Катул[32] в свое эдильство****, в подражание распущенным нравам. Компании режутся в кости, втягивая с противным шумом

* Держимся чтения mimarum, у Гардтгаузена minimarum.

** *Hom.* Od., 9, 84 сл.

*** *Plin.* Ep., X, 116; 117. Современник Аммиана Симмах упоминает в одном своем письме (IV, 55) об обычае одаривать золотыми монетами приглашенных на свадьбу.

**** *Val. Max.*, II, 4, 6. Автор разумеет завесы, которыми от солнца и дождя затягивалось сверху открытое здание театра.

воздух, с треском выпускают его через ноздри или же — и это самое любимое занятие — с восхода солнца и до вечера, в хорошую погоду и в дождь обсуждают мелкие достоинства и недостатки коней и возниц. 26. Удивительное зрелище представляет собой эта несметная толпа, ожидающая в страстном возбуждении исхода состязания колесниц. При таком образе жизни Рима там не может происходить ничего достойного и важного. Итак, возвращаюсь к моему повествованию.

7

1. Проявляя все шире и свободнее свой произвол, Цезарь стал невыносим для всех порядочных людей и, не зная удержу, терзал все области Востока, не давая пощады ни царским сановникам, ни городской знати, ни простым людям. 2. Наконец он приказал в одном общем приговоре казнить всех видных людей антиохийского сената. Пришел же он в ярость из-за того, что на его настойчивые требования установить низкие цены на продукты в неподходящее время, когда грозил недостаток продовольствия, был дан ему более резкий ответ, чем можно было допустить. И они бы все до одного погибли, если бы не воспротивился самым настойчивым образом Гонорат, бывший в ту пору комитом Востока. 3. Очевидным и наглядным свидетельством свирепости Галла было и то, что он находил особенное удовольствие в кровавых зрелищах. Вид шести-семи кулачных бойцов в цирке, когда они, прибегая к запрещенным законом приемам, наносили друг другу удары и обливались кровью, приводил его в такой восторг, как если бы на его долю выпала большая прибыль. 4. И без того уже возбужденную склонность вредить другим разожгла одна женщина низкого происхождения. Она просила о доступе во дворец, была допущена и донесла Галлу, будто против него тайно злоумышляют какие-то совершенно неизвестные солдаты. Констанция торжествовала, словно теперь уже жизнь ее супруга в безопасности; она щедро одарила эту женщину, приказала посадить ее в повозку и вывезти через ворота в город, чтобы тем самым подвигнуть и других на подобные или более важные доносы. 5. Когда Галл вскоре после этого собирался отправиться в Гиераполь[33], чтобы хотя бы для вида присутствовать при похо-

де, антиохийская чернь слезно молила его устранить страх перед голодом, наступление которого ожидали по многим серьезным причинам. Он, однако, не сделал распоряжений, какими государи с их широким кругом власти могут иногда врачевать подобные бедствия, поражающие отдельные местности, и не отдал приказания подвезти провиант из соседних провинций; но указал взволнованной грозным бедствием черни на стоящего рядом с ним консуляра[34] Сирии Феофила, настойчиво повторяя, что никто не будет нуждаться в съестных припасах, если на то не будет воли правителя провинции. 6. Эти слова возбудили дерзость черни: когда недостача провианта стала еще чувствительнее, голодная и возбужденная толпа подожгла великолепный дом некоего Евбула, одного из местной знати, и напала на правителя, который как бы был ей выдан императорским суждением. Набросившись на него с кулаками, преследуя пинками и избив до полусмерти, чернь растерзала его на куски. После этой достойной слез кончины всякий видел в этом событии прообраз собственной опасности и боялся такого же конца. 7. Примерно в то же время бывший дукс Серениан[35], по оплошности которого, как я ранее рассказывал*, была опустошена Цельза в Финикии, был совершенно правильно привлечен к ответственности по обвинению в государственной измене. Неизвестно, при помощи каких ухищрений удалось ему добиться оправдания, хотя он был полностью уличен в том, что отправил одного своего приятеля с шапкой, которую носил сам и над которой были произведены колдовства, в прорицалище, чтобы вопросить самым определенным образом, предстоит ли ему обладание прочной верховной властью, как он того желал, и притом над всей империей. 8. Так, в одни и те же дни произошло два несчастья: погиб жестокой смертью ни в чем не повинный Феофил и достойный всеобщего проклятия Серениан ушел от обвинения оправданным, несмотря на весьма заметный протест общественного мнения.

9. Время от времени об этом доходили вести до Констанция; кое-что знал он из донесений Талассия, который, как это было всем известно, ненавидел Галла. Констанций писал Цезарю ласковые письма, а между тем удалил мало-помалу

* В недошедшей до нас части сочинения.

почти все войска под предлогом опасений, как бы солдаты, всегда склонные в мирное время к бунтам, не подготовили заговор против него. Так он ограничил его дворцовыми схолами и протекторами с скутариями и гентилами[36]. А Домициану, бывшему комиту финансов[37], а тогда префекту, он поручил, по прибытии в Сирию, деликатно и вежливо уговорить Галла спешно приехать в Италию, куда он сам уже не раз звал его. 10. Во исполнение этого приказания Домициан поспешил в Антиохию. По прибытии туда он проехал мимо дворца, не оказав внимания Цезарю, к которому ему надлежало явиться, и направился в торжественном шествии в преторий[38]. Отговариваясь болезнями, он долго не являлся во дворец и не показывался на улицах. Скрываясь у себя в доме, он стремился погубить Галла и к донесениям, которые время от времени посылал императору, делал разные лишние добавления. 11. Когда наконец Галл сам позвал его во дворец и он был введен в консисторий, то без всяких околичностей сказал ему с легкомысленной неосторожностью: «Поезжай, Цезарь, как тебе приказано, и знай, что если ты станешь медлить, то я тотчас прикажу задержать отпуск сумм как на твое содержание, так и на твой дворец». Сказав только это вызывающим тоном, он гневно вышел вон и не являлся более, несмотря на неоднократные вызовы. Рассердившись на это и усмотрев в этом несправедливую и ничем не вызванную обиду, Галл поручил своим доверенным протекторам держать под стражей префекта. 12. Узнав об этом, Монций, бывший тогда квестором[39], хотя и уклончивый по характеру человек*, но склонный к мягким мерам, в интересах общественного спокойствия созвал на совещание наиболее видных людей из дворцовых схол и мягко обратился к ним, внушая, что это не подходящий и не полезный образ действий, а затем уже строгим голосом прибавил, что, если уж на то пошло, безопаснее покушаться на жизнь префекта, предварительно низвергнув статуи Констанция. 13. Узнав об этом, Галл, словно змей, раненный стрелой или камнем, который, чувствуя уже свой конец, старается как только возможно спасти свою жизнь, приказал собрать всех военных людей и, пока они стояли в тревоге, говорил, скрежеща зубами: «Помогите мне, храбрые

* Предпочитаем конъектуру Валезия vafer, Гардтгаузен принял в текст конъектуру Кисслинга: Afer.

люди в опасности, которую вы разделяете со мною. 14. С неслыханной дерзостью Монций в своей злобной речи обвиняет нас как бунтовщиков, восставших против величества императора, рассердившись на то, конечно, что я, только для устрашения, приказал отдать под стражу дерзкого префекта, который делает вид, что не знает, чего требует порядок». 15. Солдаты, которые нередко жадно ловят всякий повод к беспорядкам, немедленно напали сначала на жившего неподалеку Монция, слабого и болезненного старика; жесткими веревками связали они его по ногам и, опрокинув навзничь, поволокли бездыханного до самого претория. 16. В том же самом диком возбуждении они сбросили с лестницы Домициана, связали его веревками и бегом потащили их обоих вместе по всему городу. Когда была нарушена связь их суставов, они истоптали их и, как бы насытившись, бросили обезображенные тела убитых в реку. 17. Дошедших до безумия в своем остервенении людей еще более возбуждал некто Луск, куратор города[40], внезапно появившийся здесь: частыми окриками, словно надсмотрщик грузчиков, он подстрекал солдат к завершению того, за что они принялись. За это он и был вскоре сожжен живым.

18. Так как Монций, прежде чем испустить дух под руками своих мучителей, несколько раз с порицанием называл имена Епигона и Евсевия, не называя ни профессии их, ни ранга, то был объявлен строжайший розыск о том, кто они такие. Чтобы не дать остыть делу, схвачены были — из Ликии философ Епигон и из Эмезы — Евсевий, по прозвищу Питтака, оратор, известный своим возбуждающим красноречием. Но квестор (Монций) имел в виду не их, а трибунов оружейных фабрик, которые обещали выдать оружие, если бы стало известно, что подымается бунт.

19. В то же время Аполлинарий, зять Домициана, который недавно еще состоял управляющим дворцом Цезаря, будучи отправлен своим тестем в Месопотамию, производил усердные розыски в легионах, не было ли там получено каких-либо тайных писем Галла, выдававших его мятежные замыслы. Узнав о происшедшем в Антиохии, он тайком пробрался через Малую Армению в Константинополь, но там был схвачен протекторами и содержался под строжайшим караулом.

20. Среди этих событий пришло известие, что в Тире тай-

но занимались тканьем императорского облачения, неизвестно по чьему заказу и для кого. Поэтому отец Аполлинария, носивший то же самое имя, который состоял тогда правителем этой провинции, был привлечен к ответственности как соучастник, а с ним вместе было арестовано много других людей из разных городов, на которых и обрушилось обвинение в тяжких преступлениях.

21. Прозвучал уже сигнал внутренних волнений, и сбившийся с правого пути Цезарь свирепствовал, уже ничем не прикрываясь, как то было ранее. Никто не производил правильного следствия о проступках, действительно совершенных или вымышленных, не различались виновные и невинные, словно всякая справедливость была изгнана из судов, умолкла законом установленная защита, и по всем провинциям Востока повсеместно царил палач — посредник грабежа, казни, конфискации имущества.

Здесь я считаю уместным описать эти провинции, за исключением Месопотамии, о которой я рассказывал в повествовании о Парфянских войнах, а также Египта, который, по необходимости, оставляю до другого раза.

8

1. Если перевалить за горы Тавра[41], которые круче подымаются к востоку, то там на широкой равнине расстилается Киликия, страна, богатая всякими благами; с правой стороны к ней примыкает Исаврия, которая также богата роскошными виноградниками и плодами; через середину Исаврии протекает судоходная река Каликадн. 2. В числе других городов Исаврию украшают два: Селевкия*, создание царя Селевка, и Клавдиополь** , колония, основанная Клавдием Цезарем[42]. Что до Исавры***, то этот некогда чрезвычайно могущественный город подвергся разрушению за свой ожесточенный мятеж и носит в настоящее время лишь скудные следы своей прежней славы. 3. А Киликию, гордую своей рекой Кидном, прославляет Тарс, город весьма видный. По преданию, его основал Персей[43], сын

* Ныне Селефке.
** Ныне Эрекли.
*** Ныне Серки-Серай (?).

Юпитера и Данаи, или же, что более вероятно, пришелец из Эфиопии, некто Сандан, богатый и знатный человек. Другие важные города Киликии — Аназарб, сохранивший имя своего основателя, и Мопсуестия*, место проживания знаменитого прорицателя Мопса, который в походе аргонавтов, когда они, похитив золотое руно, возвращались назад, сбился с пути и был прибит к африканскому берегу, где его и настигла внезапная смерть. С тех пор останки этого героя, скрытые под пунийским дерном, лечат различные болезни, принося в большинстве случаев исцеление. 4. Эти две провинции некогда, во время войны с пиратами, кишели шайками морских разбойников; проконсул Сервилий[44] покорил их, и они стали данницами римского народа. Обе эти страны лежат на большом выступе материка и отделены от остального Востока Аманскими горами.

5. Восточная граница империи тянется на большом протяжении в прямом направлении от берегов реки Евфрата до берегов Нила, соприкасаясь слева с племенами сарацин, а справа открываясь к морскому прибою. Эти земли подчинил себе Селевк Никатор[45] и весьма возвысил их, когда после смерти Александра Македонского он получил по праву наследования Персидское царство; то был царь чрезвычайно удачливый в своих предприятиях, как указывает его прозвище**. 6. Властвуя над огромным множеством народа, которым он долго правил в мире, он превратил селения в богатые и укрепленные города; хотя большинство этих городов и доныне носят греческие названия, которые дала им воля основателя, но они не утрачивают и своих первоначальных имен, какими нарекли их на ассирийском языке их древние основатели.

7. После Осдроэны, которую, как сказано, я исключил из этого обзора, прежде всего простирается, слегка подымаясь, Коммагена, ныне Евфратензис. Она славится двумя большими городами: это Гиераполь***, в древности Нин, и Самосата****. 8. Далее расстилается прекрасной равниной Сирия. Она славна Антиохией, известным всему миру городом, с которым нелегко мог бы тягаться какой другой как местными, так и стекающимися сюда богатствами, — а также Лаодике-

* Ныне Мессис.

** Никатор — победитель.

*** Ныне Мембедж.

**** Шамсат.

ей*, Апамеей** и Селевкией, которые с самого своего основания находятся в процветающем состоянии. 9. За Сирией лежит примыкающая к Ливанскому хребту Финикия, страна красивая и прелестная, прославленная большими и прекрасными городами. Приятностью положения и знаменитостью имени выдается между ними Тир***, далее Сидон**** и Берит*****, а также равные с ними Эмисса*) и Дамаск, основанные в древности. 10. Эти провинции, через которые протекает река Оронт, которая, пройдя у подножия крутого Кассиева хребта, впадает в Парфенийское море, — присоединил к Римской державе Гней Помпей[46], отделив их от Армянского царства после победы над Тиграном[47].

11. Последняя из сирийских провинций — Палестина, простирающаяся на большом протяжении и изобилующая прекрасно обработанными землями. Много в ней благоустроенных городов, из которых многие процветают, ничем не уступают друг другу и могут поспорить между собою. Таковы Кесария, которую построил в честь императора Октавиана[48] Ирод[49], Елевтерополь, Неаполь**), а также Аскалон и Газа, сооруженные в более древнее время. 12. В этой местности нет ни одной судоходной реки, но во многих местах бьют из земли горячие ключи, воды которых пригодны для исцеления разных болезней. Тот же Помпей обратил в провинцию и эти области после победы над иудеями и взятия Иерусалима и установил в них римское управление.

13. С Палестиной соседствует Аравия, которая с другой стороны граничит с набатеями. Она изобилует разнообразными товарами и покрыта крепостями и фортами, построенными здесь для отражения нападений со стороны соседних племен на удобных и безопасных высотах, благодаря тщательной заботливости древних. Помимо небольших городов здесь находятся и огромные: Бостра***), Гераза****) и

* Ладики.
** Калат-эль-Мудин.
*** Сор или Сур.
**** Сайда.
***** Бейрут.
*) Гомс.
**) Древний Сихем, ныне Наблус.
***) Бусра.
****) Джераш.

Филадельфия, которые защищены крепкими стенами. Сделать эту страну провинцией, дать ей правителя и тем заставить повиноваться нашим законам — было делом императора Траяна, которому пришлось не раз укрощать буйный дух местных жителей, когда он вел славную войну с парфянами*.

14. Находящийся далеко от материка богатый гаванями остров Кипр, помимо многих других расположенных на нем городов, особенно славен двумя — Саламином и Пафом**, первый знаменит храмом Юпитера, второй — Венеры. Благодаря плодородию своих земель этот остров настолько изобилует всякими продуктами, что, не нуждаясь в привозе извне, снаряжает грузовые корабли от килевой балки и до самых верхних парусов и с полной оснасткой спускает их в море. 15. Приходится сознаться, что римский народ завладел этим островом скорее поддаваясь корысти, нежели имея на то справедливые причины. Состоявший с нами в союзе царь Птолемей[50] был лишен своих прав на владение не за какую-либо вину, а только из-за скудости нашей казны. Он добровольно покончил с собой, приняв яд. Остров стал нашим данником, и его сокровища, словно военная добыча, были привезены в Рим Катоном[51]. А теперь я возвращаюсь к повествованию о событиях.

9

1. В то время как происходили эти разнообразные бедствия, Урзицин был вызван из Нисибиса[52], где находилась его главная квартира; императорским приказом я был прикомандирован к нему. Против своего желания Урзицин был вынужден разбирать причины этого губительного раздора, и хотя он уклонялся, но целая толпа льстецов заглушала его протест. Он был боевым человеком, всегда служившим отечеству оружием, хорошим полководцем, но не был знаком с судопроизводством. Опасаясь за себя, в тревоге глядел он на выползавших из одних и тех же нор обвинителей и судей, пребывавших во взаимном согласии. Тайное и явное он доводил до сведения Констанция, умоляя его в секретных до-

* *Dio Cass.* LXVIII, 32.
** Бафа.

несениях о помощи, чтобы можно было внушить страх зазнавшемуся, как то всем было ясно, Цезарю. 2. Но эта чрезмерная осторожность навлекла на него большие беды, о чем я расскажу ниже: его завистники сумели возбудить тяжкое подозрение против него у Констанция, который вообще был сносный государь, но стоило кому-нибудь, хотя бы и безвестному человеку, шепнуть ему на ухо что-нибудь подобное, как он становился жесток, неумолим и вообще в делах подобного рода не похож на себя.

3. И вот в заранее назначенный для печального допроса день магистр конницы (Урзицин) восседал в качестве судьи только по видимости, так как остальные члены комиссии заранее были подучены, что им следует делать. Тут и там стояли нотарии, сразу доносившие Цезарю, какой поставлен вопрос и какой дан ответ. По его свирепому приказу и наущению царицы (Константины), которая время от времени подслушивала за завесою, много обвиняемых было приговорено к смерти, не получив разрешения разоблачить предъявляемое им обвинение и не сказав ни слова в свою защиту. 4. Первыми подвергли суду Епигона и Евсевия, которые были схвачены по одному лишь совпадению имен. Я сказал, что Монций при своем последнем издыхании винил носивших эти имена трибунов оружейных фабрик, которые обещали свое содействие на случай волнения. 5. Епигон, философ, как оказалось, только по одеянию, тщетно пытался прибегнуть к мольбам; будучи подвергнут пытке, из страха смерти он сделал позорное признание, будто был участником заговора, которого вовсе не существовало, хотя он ничего не видел и не слышал, будучи совершенно далек от общественных дел. А Евсевий упорно отрицал предъявленное ему обвинение и на пытке остался таким же твердым, громко восклицая, что это не суд, а разбой. 6. Как сведущий в законах человек, он настойчиво требовал обвинителя и соблюдения установленных форм судопроизводства. Узнав об этом, Цезарь усмотрел в его твердости дерзость и приказал пытать его как дерзкого упрямца. Истерзанный так, что не оставалось уже живого места на его теле, он взывал к небу о справедливости, бросал грозные взоры с твердым сознанием своей правоты и не возвел обвинения ни на себя, ни на кого-либо другого. Так, не будучи доведен до признания вины и ни в чем уличен, он был казнен вместе со своим низким товарищем.

Неустрашимо шел он на казнь, проклиная современную неправду подобно Зенону, знаменитому стоику древности: тот, когда его долго мучили, чтобы вынудить ложное показание, откусил свой язык и кровавой слюной плюнул в лицо допрашивавшего его кипрского царя[53].

7. Затем производилось расследование дела о царском одеянии. Рабочие пурпурной фабрики под пыткой сознались, что была соткана пурпурная безрукавка*. Тогда был вызван на суд некто по имени Марас, дьякон, как именуют его христиане. Предъявлено было его письмо, написанное по-гречески начальнику тирской ткацкой фабрики, в котором он настоятельно просил поторопиться с изготовлением заказа, не обозначая, какого именно. Он также был замучен до смерти, но и от него не добились никакого признания. 8. Расследование было распространено на людей разного состояния, и так как кое-что оставалось сомнительным, а в отношении кое-чего готовы были смотреть не так строго, то после многих казней отправлены были в изгнание оба Аполлинария, отец и сын. Но когда они прибыли в местность, называемую Кратеры, на их собственную виллу, находившуюся на расстоянии 24 миль** от Антиохии, то, согласно приказу, им перебили голени и предали их смерти. 9. После их казни Галл, свирепствуя по-прежнему, словно лев, отведавший человеческого мяса, продолжал подобные розыски. Не стоит, однако, рассказывать о них по отдельности во избежание длинноты, чего не должно допускать.

10

1. Пока длились эти страдания Востока, Констанций в консульство — свое седьмое и третье[54] Цезаря*** — с наступлением весны выступил из Арелата**** и направился в Валенцию*). Он был намерен двинуть войска против аламаннских братьев — царей, Гундомара и Вадомария, опустошав-

* Туника без рукавов — colobium, κολόβιον.

** Тысяча шагов, mille passuum, как единица измерения, равняется 1,48 км; таким образом 24 мили — 34,52 км, т. е. несколько более 32 верст.

*** Год 354.

**** Ныне Арль.

*) Ныне Валанс.

ших частыми набегами пограничные области Галлии. 2. Пока он там оставался, дожидаясь провианта, подвозу которого из Аквитании препятствовали дожди, более частые, чем обычно в это время года, и высокий уровень воды в реках, прибыл Геркулан, протектор-доместик, сын Гермогена, бывшего магистра конницы, который во время бунта черни в Константинополе был растерзан толпою, как я о том рассказывал выше*. Он представил императору отчет о действиях Галла. Сожалея о прежних его поступках и опасаясь за будущее, император, сколько мог, сдерживал свою душевную тревогу. 3. Между тем собравшаяся в полном составе в Кабиллоне** армия, тяготясь продолжительной задержкой, приходила во все большее возбуждение, тем более что не хватало провианта, так как обычный подвоз был задержан. 4. Из-за этого тогдашний префект претория Руфин[55] подвергся смертельной опасности. Ему было приказано лично отправиться к войскам, которые находились тогда в крайнем возбуждении вследствие недостатка продовольствия, и вообще всегда выказывают, словно по исконному обычаю, дерзость и грубость в отношении гражданских властей; он должен был успокоить их и объяснить, какие причины вызвали замедление доставки хлеба. 5. Имелся тут хитрый умысел, а именно: погубить этим коварным способом дядю Галла, чтобы он, человек весьма влиятельный, не мог оказать тому поддержки в его преступных замыслах. Но были пущены в ход разные воздействия, и план был отложен. В Кабиллон был отправлен препозит царской опочивальни Евсевий с большой суммой денег. Тайной их раздачей главарям бунта было успокоено возбуждение солдат и спасена жизнь префекта. Когда затем доставлен был в изобилии провиант, то в назначенный день войска выступили в поход. 6. Преодолев много препятствий и двигаясь по дорогам, которые по большей части были еще завалены снегом, они подошли у Раврака*** к берегам реки Рейн. Но тут они получили отпор, и скопища аламаннов оказались настолько значительными, что римляне не могли навести моста на судах: стрелы летели со всех сторон наподобие града. Признав неосуществимым

* В недошедшей до нас части труда.

** Ныне Шалон на Соне.

*** Ныне Аугст близ Базеля.

этот план, император чувствовал себя в большом затруднении и не знал, на что решиться. 7. Но вот неожиданно прибыл проводник, хорошо знакомый с местностью, и за денежную награду показал ночью брод, где можно было совершить переправу. Переправившиеся через реку войска могли бы произвести страшные опустошения неожиданно для неприятеля, который сосредоточил свое внимание на другом пункте, если бы некоторые офицеры высокого ранга, происходившие из того же племени, не подали тайком вести своим землякам. Так, по крайней мере, думали многие. 8. Это подозрение тяготело над Латином, комитом доместиков, Агилоном, трибуном царской конюшни, и Скудилоном, командиром скутариев, которые тогда пользовались таким уважением, словно на них было основано спасение государства. 9. Варвары действовали сообразно обстоятельствам и, быть может, по решению своих прорицателей или вследствие религиозного препятствия к битве, оставив боевой задор, с которым они столь дерзко сопротивлялись, отправили старейшин своего племени просить прощения за проступки и дарования им мира. 10. Послы обоих царей были задержаны. Долго обдумывалось дело в большой тайне, и так как при опросе мнений все единогласно признавали правильным дать им мир, которого они просили на справедливых условиях, и все высказывались за то, что он будет выгоден, то император созвал войско на сходку, чтобы произнести соответствующую обстоятельствам речь, взошел на трибунал и, окруженный свитой высших сановников, сказал так:

11. «Пусть не покажется никому из вас удивительным, что я как будто внезапно изменил свои намерения и склоняюсь к миру как раз в то время, когда под знаменем вашей храбрости я дошел до самой родины варваров, когда совершен трудный подвиг продолжительного похода и в достаточном количестве доставлено продовольствие. 12. Пусть каждый из вас вдумается в свои обязанности и свои помыслы: он признает, что солдату всегда, даже при полной крепости сил, приходится думать лишь о себе самом и защищать только свою собственную жизнь; а полководец, верный своему долгу, обязан заботиться обо всех и, будучи поставлен стражем чужого благополучия, не может не понимать, что его личная безопасность полностью зависит от благополучия его людей.

Поэтому его нравственный долг — неукоснительно пользоваться всем, что посылает благое Провидение, коль скоро данная мера* представляется выгодной при данном положении дел. 13. Чтобы я мог вкратце объяснить и показать вам, почему я созвал вас всех сюда, мои верные боевые товарищи, выслушайте благосклонно то, что я расскажу с возможной краткостью. Истина всегда понятна и проста. 14. Цари и племена аламаннов в страхе перед нашей прославленной доблестью, о которой разрастающаяся все далее и далее молва донесла весть до жителей самых отдаленных окраин, с поникшими головами просят через послов, которых вы видите, о снисхождении к прошлому и о мире. Как человек, склонный принимать решения медленно, осторожный и советующий то, что полезно, я по разным соображениям полагаю, что следует им даровать мир, если на то будет ваше согласие, во-первых, чтобы избежать превратностей войны; во-вторых, чтобы из противников сделать их помощниками, как они то обещают; далее, чтобы, не проливая кровь, укротить те порывы их свирепости, которые столь часто бывают гибельны для наших провинций; и, наконец, принимая во внимание еще следующее: кроме той победы, когда враг падает в бою, пораженный силою оружия и натиска противника, есть еще другая, много более безопасная, а именно: не позволяя раздаться бранному звуку трубы, заставить добровольно склониться под ярмо противника, который по опыту знает, что у нас нет недостатка ни в храбрости по отношению к нарушителям мира, ни в милосердии — по отношению к молящим о пощаде... 15. Одним словом, я ожидаю вашего решающего совета как миролюбивый государь, который полагает, что при удаче не следует превозноситься. Не трусости, но умеренности и человечности будет приписано, верьте мне, это зрелое, обдуманное решение».

16. Как только он закончил свою речь, все, охотно склоняясь к тому, чего желал император, стали хвалить его решение и согласились на мир. Самым сильным мотивом было то, что по частым походам знали, что счастье было на стороне Констанция только в междоусобных войнах, а когда он предпринимал внешние войны, то обычно его постигали неудачи. После этого был заключен договор по международному

* Принимаем чтение: rationes et.

обычаю, и, когда это торжество было отпраздновано, император вернулся на зимние квартиры в Медиолан[56].

11

1. Сбросив там бремя своих остальных забот, Констанций принялся обдумывать, как ему всеми средствами низвергнуть Цезаря; задача, представлявшая собою какой-то страшно запутанный узел. С близкими людьми он вел по ночам секретные совещания о том, как и каким образом осуществить это, прежде чем тот утвердится в своих дерзких замыслах насчет государственного переворота, и было решено заманить Галла ласковым письмом под предлогом важного и не терпящего отлагательств дела, чтобы, лишив его поддержки со стороны, погубить безо всяких затруднений. 2. Против этого плана возражали тесно сплотившиеся между собою льстецы; среди них был Арбецион, завзятый и страстный интриган, и Евсевий, тогдашний препозит царской спальни, любитель всяких каверз. Они выставляли в качестве предлога то, что оставление на Востоке Урзицина после устранения Цезаря явится серьезной опасностью, если не будет никого, кто бы мог оказать противодействие его далеко идущим замыслам. 3. К ним присоединились также евнухи, корыстолюбие которых в ту пору не знало никаких границ. На своей службе в непосредственной близости к императору они давали пищу подозрительности Констанция таинственными намеками на разные вымышленные преступления. Они старались тяжелыми обвинениями погубить этого храброго мужа (Урзицина), рассказывая, будто его взрослые уже сыновья, вызывавшие к себе всеобщие симпатии своей красотой и юностью, питают преступные замыслы, будто они щеголяют своими всесторонними знаниями в военном деле и намеренно выставляют на всеобщее обозрение в ежедневных воинских учениях свою силу и ловкость, будто Галл, свирепый от природы, был вовлечен через подставных людей в преступления с тем расчетом, чтобы, когда он по достоинству заслужит всеобщую ненависть, верховная власть могла перейти к детям магистра конницы.

4. Эти и тому подобные речи доходили до слуха Констанция, который был склонен внимать такого рода сплетням; после некоторого колебания между различными планами он

избрал наконец следующий, как наилучший. Прежде всего он отозвал к себе с большим почетом Урзицина под тем предлогом, будто неотложные обстоятельства требуют совместного с ним обсуждения вопроса о том, как усилить войска, чтобы сокрушить напор утрожавших войною парфянских народов*. 5. А чтобы не вызвать каких-либо опасений со стороны Урзицина, был отправлен в качестве заместителя до его возвращения комит Проспер. После получения письма и разрешения воспользоваться государственной почтой мы направились большими переездами в Медиолан. 6. Оставалось теперь, чтобы затем выехал по вызову и Цезарь. Во избежание возможности подозрений, Констанций в очень ласковом письме, наполненном множеством любезностей далеко не искренних, убеждал свою сестру, жену Галла, приехать наконец к нему, так как, мол, он очень хочет с ней повидаться. Хотя она и колебалась, опасаясь нередких у него проявлений жестокости, тем не менее в надежде, что ей удастся смягчить своего брата, отправилась в путь. Доехав до Вифинии, она умерла на станции Кен Галликанский от внезапного приступа сильной лихорадки. Супруг ее сознавал, что с ее смертью пала единственная его опора, и пребывал в нерешительности и тревожных мыслях о том, как ему поступить. 7. В этом затруднительном положении все сводилось у него к мысли об одном, что Констанций, относившийся ко всему по-своему, не примет извинения и не простит ему его провинностей, но с обычной своей жестокостью в отношении родственников, расставит ему втайне силки, и если он даст себя поймать, то не миновать ему смертной казни. 8. Оказавшись в такой ситуации и предполагая возможность рокового исхода, если он сам не примет мер предосторожности, Галл начал помышлять провозгласить себя императором, если бы представилась такая возможность; однако он опасался предательства своих близких по двум причинам: они боялись его как кровожадного и легкомысленного человека и верили в счастливую звезду Констанция в междоусобных войнах. 9. Помимо пребывания в этих мучительных тревогах, он постоянно получал письма императора, в которых тот убеждал и просил его приехать к нему, косвенно давая понять, что государство не может и не должно быть разделено, но что каждый обязан

* Аммиан нередко называет парфянами персов.

по мере своих сил служить ему в трудных обстоятельствах настоящего времени, подразумевая под ними опустошение Галлии. 10. Он ссылался на не столь еще давний пример: Диоклетиану и его соправителю[57] Цезари служили как помощники, не оставаясь на одном месте, но разъезжая туда и сюда, и однажды в Сирии облеченный в пурпур Галерий[58] целую тысячу шагов (милю) пешком шел впереди колесницы гневавшегося на него Августа. 11. После многих других посланцев прибыл трибун скутариев Скудилон, скрывавший под своим простоватым видом искусное умение уговаривать. Льстивой речью, перемешанной с серьезными аргументами, он один сумел склонить Галла к путешествию, принимая притворное выражение лица и неоднократно заверяя, что двоюродный брат страстно желает видеть Галла, что он по своей мягкости и милосердию простит, если тот в чем-либо по необдуманности провинился, сделает его участником своей верховной власти и, таким образом, Цезарь станет товарищем в трудах, которых требовали давние бедствия северных провинций. 12. И как бывает обыкновенно, что человек, на которого рок налагает свою руку, теряет ясность соображения и тупеет, так и Галл поддался на эту приманку, воспрянул надеждами и, покинув в недобрый час Антиохию, попал по старой пословице, из огня да в полымя. Прибыв в Константинополь, он устроил колесничные состязания, как будто дела его были в наилучшем состоянии, и на голову одержавшего победу возницы Торакса собственноручно возложил венец. 13. Когда об этом узнал Констанций, гнев его не знал границ, и, чтобы Галл, беспокоясь о будущем, не стал предпринимать чего-либо ради своего спасения, удалены были из городов, лежавших на его пути, все расквартированные там войска. 14. В то же самое время Тавр, отправлявшийся в звании квестора в Армению, вызывающе проехал мимо него, не поприветствовав его и не повидавшись с ним. Однако некоторые лица явились к нему по приказу императора под предлогом разных служебных дел; они должны были тайно сторожить его, чтобы он не имел свободы действий и не сделал попытки что-либо предпринять. Среди них были Леонтий, впоследствии префект Рима[59], откомандированный к нему в качестве квестора, Луциллиан[60] под видом комита доместиков и трибун скутариев по имени Байнобавд. 15. Сделав несколько больших переездов по равни-

не, Галл прибыл в Адрианополь, город у гор Гема, называвшийся ранее Ускудама, и расположился там на двенадцатидневный отдых. Тут он узнал, что фиваидские легионы[61], зимовавшие в соседних городах, отправили к нему депутатов, которые имели поручение, давая свое поручательство, посоветовать ему остаться здесь и довериться значительным силам, расположенным на соседних стоянках. Но из-за неукоснительной близости своих приближенных, Галл не мог найти возможности тайком повидаться с ними и выслушать их предложение. 16. В письмах, следовавших одно за другим, император требовал его выезда, и он отправился далее на десяти повозках государственной почты, как было предписано, оставив всех придворных, за исключением немногих служителей спальни и стола, взятых им с собою из Антиохии. Покрытый дорожной пылью, он был вынужден по настоянию многих спешить, то и дело проклиная свою опрометчивость, которая принизила его и подчинила власти самых последних слуг. 17. И ночной покой его тревожили видения: тени убитых с Домицианом и Монцием впереди хватали его — как ему во сне казалось — и бросали на мучения фуриям. 18. Дело в том, что дух, освобождаясь от уз тела, остается бодрствующим во время сна и под воздействием дум и забот воспринимает ночные видения, которые мы (греки) называем фантазиями.

19. Его несчастный жребий направил его на путь, где ему было предопределено потерять и жизнь, и власть. Меняя на станциях лошадей, он проехал большое пространство и прибыл в Петовион, город Норика*. Там уже был открыт весь тайный умысел. Внезапно появился комит Барбацион, который при его особе командовал доместиками, и с ним императорский агент Аподемий. С ними были солдаты, обязанные императору разными благодеяниями; сам он их выбрал, будучи уверен в их верности и в том, что нельзя будет ни подействовать на них подачками, ни вызвать в них сострадание.

20. Теперь уже были оставлены всякие хитрости, и дворец был окружен военной охраной с той стороны, где он выступал за стены. Войдя к Галлу поздно вечером, Барбацион снял с него императорское облачение, одел его в простую тунику

* Ныне Петтау на Драве в Штирии.

и обыкновенный плащ и, несколько раз клятвенно заверив его якобы по приказу императора, что ему ничто не грозит, произнес: «Сейчас вставай», посадил его на частную повозку и повез в Истрию в окрестности города Полы, где некогда, как известно по рассказам, был убит Крисп, сын Константина. 21. Там его содержали под строжайшей охраной, полумертвого от страха пред близящейся гибелью. Туда поспешили к нему Евсевий, препозит царской спальни, нотарий Пентадий и Маллобавд, трибун арматур*, чтобы согласно приказу императора побудить его представить подробный отчет о том, на каком основании предал он смерти всех убитых им в Антиохии. 22. Смертельно бледный, как Адраст[62], Галл мог только сказать, что большинство казней он совершил по наущению жены своей Константины. Очевидно, он не слыхал о том разумном ответе, который дал Александр Великий, когда мать его потребовала казни одного невиновного и, надеясь настоять на своем, сказала ему, что она носила его девять месяцев под сердцем, — а именно: «Проси, дорогая матушка, другой награды, жизнь человека не искупается никаким благодеянием».

23. Узнав об этом ответе Галла, император исполнился гневом и скорбью и ради собственной безопасности признал необходимым устранить его. Он отправил Серениана, который, как я раньше рассказал, вышел, благодаря разным секретным махинациям, оправданным из обвинения в оскорблении величества, а также нотария Пентадия и императорского агента Аподемия, поручив им произвести смертную казнь. И вот, связав ему за спиной руки, как какому-нибудь разбойнику, они обезглавили его и оставили лишенное головы, составляющей красу человека, тело того, кто еще недавно внушал страх городам и провинциям. 24. Но высшая правда Божьего суда проявила свое действие как на нем, так и на его палачах. И Галла погубили его собственные жестокие деяния, и вскоре погибли страшной смертью те, кто хитростью и клятвопреступлением обрекли его на смерть. Скудилон умер от разложения печени, вследствие кровотечения из легких, а Барбацион, который уже давно возводил на Галла ложные

* Маллобавд был командиром одной из схол, именовавшейся armaturae; другие носили названия scutarii, третьи — gentiles. Маллобавд был родом франк царского происхождения. В 377 г. он состоял в звании комита доместиков. См.: 31, 10, 6.

обвинения, по навету зложелателей, внушавших императору, будто он, достигнув сана магистра пехоты, метит выше, был осужден на смерть и своей, не вызвавшей слез, кончиной явился искупительной жертвой тени коварством завлеченного на смерть Цезаря.

25. Такие и бесчисленное множество других подобных дел совершает воздающая за зло, а иной раз (о если бы это было всегда!) за добро Адрастея, которую мы также называем другим именем — Немезида[63]. Высшая правда воздействующего на мир божества заключается, по людским представлениям, в лунном круге, или, по определению некоторых, является индивидуальным духом-покровителем, направляющим судьбу каждого человека от его рождения; древние теологи признают ее дочерью Справедливости и учат, что она из таинственной вечности взирает на все совершающееся на земле. 26. Она, как царица всех причин, вершительница всех дел, мешает жребии в урне судьбы, изменяя последовательность событий, приводя наши начинания иногда к результату, противоречащему нашим намерениям, и в вечной смене вершит разные дела. Нерасторжимыми узами необходимости опутывает она человеческую тщетно воздымающуюся гордыню, возвышая и низвергая, как она сама захочет, то подавляет и топчет надменное высокомерие, то с самого низа возносит к счастливой жизни достойных. Потому-то в древних сказаниях приданы ей крылья, чтобы указать этим на быстроту, с которой она поспевает всюду на лету, в руки дан руль и под ноги подставлено колесо, дабы ясно было, что она правит миром, проникая во все стихии.

27. Так преждевременно окончил опостылевшую ему самому жизнь Галл на 29-м году жизни после четырех лет правления. Родился он в Тусции в Массе Ветернинской; отцом его был Констанций, брат императора Константина, а мать — Галла, сестра Руфина и Цериалия, которые оба достигли консульского сана и префектуры. 28. Он был очень видный мужчина с изящными формами тела, очень хорошо сложен, его русые волосы были мягки, борода лишь недавно стала пробиваться; тем не менее он в молодом возрасте имел солидную внешность. Различие между ним и его нравственно совершенным братом Юлианом было столь же велико, как между Домицианом и Титом[64]. 29. Будучи вознесен на вершину счастья, он испытал изменчивость судьбы, которая, играя людь-

ми, то поднимает их до неба, то погружает в глубины Коцита[65]. Из бесчисленного множества примеров я приведу лишь немногие. 30. Та же переменчивая и непостоянная судьба сделала сицилийца Агафокла[66] из горшечника царем, а Дионисия[67], некогда грозу народов, поставила учителем школы в Коринфе. 31. Она Андриска из Адрамития[68], родившегося в валяльной мастерской, вознесла до имени Лже-Филиппа*, а законного сына Персея научила кузнечному ремеслу ради снискания хлеба насущного. 32. Она же предала Манцина нумантинцам[69] после того, как он облечен был властью главнокомандующего**, выдала Ветурия[70] суровым самнитам***, Клавдия[71] — корсиканцам;**** она принесла Регула[72] в жертву жестокости Карфагена; благодаря ее несправедливости Помпей, удостоившийся имени Великий за свои славные подвиги, был убит в Египте[73] по произволу евнухов*). 33. И Эвн, раб из эргастула, был предводителем беглых рабов на Сицилии[74]. Сколько знатных людей, по прихоти той же самой богини, обнимали колени Вирулата*));[75] и Спартака*)));[76]! Сколько голов, пред которыми трепетали народы, пало под позорным топором палача! Один попадает в тюрьму, другой облекается властью, о которой он и не мечтал, третий низвергается с высоты своего положения. 34. Пытаться перечислить все эти разнообразные и часто повторяющиеся случаи было бы таким же безумием, как попытка счесть морской песок или точно взвесить громады гор.

* *Flor.* I, 30.
** Id. I, 34.
*** *Liv.* IX, 10.
**** *Val. Max.* VI, 3, 3.
*) *Dio Cass.* XLII, 4, 5.
*)) *Flor.* I, 32, 15.
*))) Id. II, 8.

Книга XV

(годы 354—355)

1. О смерти Цезаря Галла сообщается императору.
2. Возбуждается обвинение в оскорблении величества против Урзицина, магистра конницы на Востоке, Юлиана, брата Цезаря Галла, и Горгония, препозита спальни Цезаря.
3. Наказание друзей Цезаря Галла и его слуг.
4. Аламаннское племя лентиензы перебито или обращено в бегство Августом Констанцием.
5. Франк Сильван, магистр пехоты в Галлии, провозглашается Августом в Колонии и на 28-й день власти коварным образом устраняется.
6. Друзья и соучастники Сильвана предаются казни.
7. Подавление бунтов римского народа Леонтием, префектом Рима. Смещение с кафедры епископа Либерия.
8. Юлиан, брат Галла, возведен Августом Констанцием, его дядей по отцу, в сан Цезаря и поставлен во главе Галлии.
9. О происхождении галлов; откуда идут названия кельтов и галатов; об их ученых.
10. О Галликанских Альпах и о различных через них проходах.
11. Краткий обзор территории Галлии. Течение Родана.
12. О нравах галлов.
13. О Музониане, префекте претория Востока.

1

1. Насколько я мог разузнать истину, я изложил последовательно как то, что довелось мне видеть как современнику, так и то, что можно было выведать у непосредственных свидетелей при тщательном опросе. Дальнейшее повествование я постараюсь вести по мере сил еще более детально, не опасаясь упреков в излишней растянутости изложения, потому что краткость только тогда заслуживает признания, когда, устраняя излишние подробности, она не причиняет ущерба постижению смысла событий.

2. Не успели еще в Норике[1] снять с Галла императорское облачение, как Аподемий, который, пока был жив Галл, являлся самым яростным его врагом, повез снятые с него пурпурные сапоги и так быстро мчался на сменных почтовых лошадях, что загнал многих насмерть. Явившись с предварительным донесением в Медиолан, он вошел во дворец и бросил эти сапоги у ног Констанция, словно доспехи, снятые с убитого царя парфян. При этой внезапной вести о том, что трудная задача благополучно решена так, как того желал император, высшие придворные чины, проявляя, как обычно, величайшее усердие в лести, стали славить до небес храбрость и счастье императора, по мановению которого, правда, в разное время два государя, Ветранион* и Галл, так легко были лишены своего звания, как будто речь шла о простых солдатах. 3. Эта изысканная лесть возымела свое действие, и в полной уверенности, что в будущем он уже неподвластен всяким человеческим бедам, Констанций настолько

* Ветранион, или Ветранион, как он называется у Зосима и на монетах, командовавший войсками в Иллирике, посягнул на императорскую власть в 350 г. и вскоре сам ее сложил. См.: *Zos.* II, 44.

уклонился от правого пути, что не раз употреблял в разговоре выражение «моя вечность», а в написанном собственной рукой называл себя «владыкой всего круга земного». А ему бы следовало с негодованием относиться к тому, что другие употребляли о нем такие выражения, так как он, по собственным словам, горячо стремился уподобиться своей жизнью и поведением императорам гражданского духа. 4. Если бы он правил бесконечными мирами Демокрита, о которых под влиянием Анаксарха мечтал Александр Великий[2], то и тогда ему следовало бы сообразить, — о чем он мог читать или слышать, — что, согласно учению всех математиков, объем Земли, которая кажется нам огромной, является по отношению ко всей Вселенной одной лишь маленькой точкой.

2

1. Тотчас же после жалкой кончины Цезаря Галла был дан сигнал для судебных расследований, возбуждено было обвинение в оскорблении величества против Урзицина, и зависть, враг всех хороших людей, все более настойчиво стала покушаться на его жизнь. 2. Положение Урзицина было тем труднее, что император был глух к справедливой и основательной защите, но чрезвычайно восприимчив к разным тайным наветам интриганов, которые внушали ему, что имя Констанция совершенно забыто на Востоке империи и что там все с вожделением ожидают Урзицина как человека, внушавшего страх персам. 3. Но этот человек высокого духа оставался невозмутим и опасался лишь ущерба для своего достоинства; в глубине сердца скорбел он о том, что даже невинный не пребывает в безопасности. Одно его огорчало: друзья, раньше столь многочисленные, переметнулись к более сильным в ту пору людям, подобно тому, как при смене должностных лиц переходят к преемнику ликторы. 4. Его товарищ Арбецион, поднаторевший в интригах против прямодушных людей и в ту пору не в меру могущественный, толкал его, под видом искреннего расположения, на гибель тем, что нередко публично называл его храбрым. Подобно тому как змея, укрываясь в подземной норе, следит оттуда за проходящими мимо, внезапно бросается на них и жалит одного за другим, так и

этот человек, прошедший путь от низшего звания до высших* чинов, не будучи сам ни оскорбленным, ни задетым, осквернял себя необъяснимой склонностью вредить другим. 5. И вот вместе с несколькими префектами на тайном совещании в присутствии императора... было решено увезти Урзицина на следующую ночь от солдат и убить без суда, как убит был некогда в позорное время правления Нерона верный и осторожный защитник провинций Домиций Корбулон**. 6. Когда уже было принято такое решение и люди, на которых было возложено исполнение этого злого умысла, ожидали назначенного срока, император склонился к более мягким мыслям и отдал приказ отложить нечестивое дело до повторного обсуждения. 7. После этого клеветники обратились к Юлиану, впоследствии превосходному государю, который тогда только что был принят при дворе. Против него были выдвинуты два опасных обвинения: первое, что он из любви к наукам переехал в Азию*** из поместья Мацелл в Каппадокии, и второе, что он встречался с братом своим Галлом, когда тот проезжал через Константинополь. 8. Хотя он опроверг эти обвинения и объяснил, что на оба эти поступка было высочайшее соизволение, тем не менее он бы погиб под натиском позорной клики льстецов, если бы по внушению самого Бога не заступилась за него императрица Евсевия. Он был отправлен в город Комум поблизости от Медиолана и, после недолгого там пребывания, получил разрешение отправиться в Грецию для продолжения образования, к чему он страстно стремился.

9. Среди последующих событий, связанных с описанными, были и такие, которые нельзя не признать вполне благоприятными, когда кара постигала людей действительно виновных или же падали пустые и ни на чем не основанные обвинения. Но иногда богатые, прибегая к помощи влиятельных лиц и обвиваясь вокруг них, как плющ вокруг высокого дерева, покупали оправдание за огромные деньги, а бедные люди, имеющие лишь незначительные средства на выкуп своей жизни или вовсе ими не обладающие, были неправедно приговоре-

---

* Восполняем пропуск одного слова.

** *Dio Cass.* LXIII, 17.

*** Термин Asia обозначал провинцию Азию, Asia proconsularis.

ны к смерти. Таким образом и правда затемнялась ложью, и ложь иной раз сходила за истину.

10. Отдан был под суд тогда и начальник спальни Галла, Горгоний, и хотя даже из его собственных показаний иногда было очевидно, что он являлся участником и подстрекателем злодеяний Галла, но сговорившиеся между собою евнухи сумели своей согласной ложью прикрыть истину, и он вышел из опасного положения совершенно оправданным.

3

1. Пока в Медиолане происходили эти события, в Аквилею были доставлены военные чины Галла и множество придворных с Востока. Исстрадавшись в оковах, едва влача свое существование, проклинали они мучительную отсрочку смерти. Их обвиняли в том, что они были орудиями свирепых деяний Галла, что они растерзали Домициана и Монция и в дальнейшем погубили других. 2. Снять с них допрос отправлены были Арборей и Евсевий, тогдашний препозит царской опочивальни, оба — легкомысленные самохвалы, равно несправедливые и кровожадные. Нисколько не разобравшись в деле, не различая правых и виноватых, одних они приговорили к ссылке после предварительного наказания палками и пыток, других разжаловали в низший военный чин, остальных казнили. Оставив после себя груды трупов, они, торжествуя, вернулись назад и доложили о своих деяниях государю, который в подобных делах выказывал всегда неумолимую суровость. 3. Как будто желая задержать предначертанный ход судьбы, Констанций с тех пор еще свободнее отдавался во власть людей, строивших козни другим. И вот появилось вдруг множество собирателей слухов, хватавших своей звериной пастью сначала богатых, а потом бедных и богатых без разбора; не так, как те Верресовы кибираты, что лизали трибунал одного легата*, эти — терзали все тело государства, пользуясь случавшимися бедствиями. 4. Среди этих людей выделялись Павел и Меркурий, перс по происхождению, родившийся в Дакии**. Павел

* Считаем излишней вставку ille, сохраненную Гардтгаузеном. Ср.: 14, 5, 6—9.

** Два брата, уроженцы города Кибиры во Фригии, приспешники Верреса. *Cic.* In Ver. II, 4, 14—15.

был нотарий, а Меркурий — служитель царского стола. Павел, как было выше упомянуто, был прозван Катена (цепь) за то, что в искусстве вязать и составлять самые злостные оговоры проявлял цепкую злостность и был удивительно изобретателен, подобно тому, как некоторые ловкие атлеты ухитряются в борьбе пяткой держать противника*. 5. Меркурия прозвали «комит сновидений», потому что он, как злой и коварный пес, который, скрывая свою злобу, подобострастно виляет хвостом, умел втираться на пиры и собрания, и, если кто рассказывал своему другу о том, что он имел то или иное видение во сне, когда свободно расходится фантазия, Меркурий расцвечивал это своим ядом и доводил до сведения императора, охотно внимавшего слухам, а в результате возникало обвинение в тяжком и неискупаемом преступлении. 6. Когда молва распространила о том вести, то не только перестали рассказывать о ночных видениях, но и в присутствии чужих даже не признавались, что спали, а некоторые ученые люди даже выражали сожаление, что не родились среди атлантов, где, как говорят, никто не видит снов**, — факт, исследование причин которого предоставляю людям науки.

7. Пока происходили эти ужасы сыска и казней, разыгралась в Иллирике новая трагедия, подвергшая опасности многих, хотя началось дело с пустых слов. На пирушке у Африкана, правителя Второй Паннонии в Сирмии***, некоторые гости, выпив лишнего, не стесняясь поносили правительство за большие притеснения, не догадываясь о присутствии каких-либо наблюдателей; другие утверждали на основании каких-то примет близость желанного государственного переворота; некоторые в ослепленном безумии предсказывали сами себе повышение. 8. Присутствовавший там императорский агент Гауденций со свойственной ему глупой поспешностью донес обо всем этом как о серьезном деле Руфину, занимавшему тогда место начальника канцелярии префекта претория, — то был человек, доходивший до всяких крайностей и известный своей злобностью. 9. Немедленно, точно на крыльях, поспешил он в главную квартиру государя и, при большой склонности Констанция к такого рода подозрени-

* Принимаем чтение calce tenere.

** *Herod.* 4, 184; *Plin.* 5, 8, 45.

*** Ныне Митровице на Саве.

ям, так его распалил, что безо всякого обсуждения приказано было привлечь к суду Африкана и всех участников той роковой пирушки. За это доносчик, жаждавший, как все люди, запретного, получил приказание остаться в должности еще на два года, как он того и желал. Арестовать их был послан Тевтомер, протектор-доместик, с одним товарищем. 10. Согласно приказу, он заковал их в цепи и направил в главную квартиру. Но когда по пути прибыли они в Аквилею, Марин, бывший раньше кампидуктором[3], а в ту пору состоявший трибуном, — он-то и завел эти опасные разговоры, — человек вспыльчивый, воспользовавшись тем, что был оставлен в гостинице, пока собирались в дальнейший путь, случайно найдя нож, всадил его себе в бок и тотчас умер, выпустив себе внутренности. 11. Остальные были доставлены в Медиолан, и так как под тяжкими пытками сознались, что вели за столом дерзкие речи, то приказано было держать их в тюрьме, причем была дана надежда, хотя и слабая, на возможность оправдания. Протекторам приказано было отправиться в изгнание за то, будто они позволили Марину лишить себя жизни; но за них просил Арбецион, и они были прощены.

4

1. После того как это дело закончилось таким образом, объявлена была война... лентиензам, аламаннскому племени, которое позволяло себе нередко большие вторжения в пограничные области империи. В поход выступил сам император. По прибытии на Канинские Поля в Рэции*, признано было после долгих совещаний наиболее подходящим и целесообразным магистру конницы Арбециону направиться вперед с частью армии и немедленно атаковать варваров, сосредоточив главные силы на побережье Бригантского озера. Топографию этой местности я обрисую вкратце, насколько это возможно в данном случае.

2. Среди крутых горных громад берет свое начало мощным истоком Рейн... принимая в себя другие реки, подобно тому как быстрым падением через пороги изливается Нил. От самого истока Рейн мог бы быть судоходен при своем

---

* Ныне территория швейцарского кантона Граубюнден.

обилии воды, если бы не являлся скорей стремительным горным потоком, чем рекой. 3. Высвободившись из гор и протекая среди крутых берегов, он впадает в большое круглое озеро, которое живущие по его берегам реты зовут Бриганцией. Это озеро, имеющее 460 стадий в длину[4] и почти столько же в ширину, кроме того места, где древняя римская доблесть благоразумно проложила широкую дорогу[5], мало доступно из-за густых лесов, а также противодействия варваров, неблагоприятного рельефа местности и суровости климата. 4. Пенящимися волнами с шумом вливается река в это озеро и протекает через стоячие воды озера по самой его середине, точно по отвесу. Как бы чуждая стихия, она выносит ту же самую массу воды, которую внесла, не увеличив и не уменьшив ее, под тем же самым именем, с той же самой силой, и, не получая затем никакого притока, погружается в волны океана. 5. Особенно удивительно, что воды озера от быстрого протока реки не приходят ни в какое движение и быстрое течение реки не замедляется илистой водой озера, с которой вода реки нимало не смешивается. Если бы в этом не убеждало непосредственное наблюдение, то нельзя было бы поверить, что это именно так. 6. Подобно этому берущий свое начало в Аркадии Алфей, охваченный страстью к источнику Аретузе, рассекая Ионийское море, стремится к возлюбленной... (нимфе)[6].

7. (Арбецион) попал в засаду и остановился, смущенный этим неожиданным несчастьем... 8. Враги выскочили из-за прикрытий и без пощады поражали всякого рода метательным оружием все, что попадалось. Никто из наших не мог оказать сопротивления, и спасти жизнь можно было только быстрым отступлением. Думая только о том, чтобы избежать поражения, солдаты метались туда и сюда и подставляли спину под удары. Однако многие, рассеявшись по тесным тропинкам, спаслись от опасности под защитой темной ночи и, когда рассвело, с новыми силами присоединились каждый к своей части. В этом печальном и неожиданном приключении мы потеряли значительное число солдат и десять трибунов. 9. Аламанны, приободренные этим успехом, стали более дерзкими и ежедневно, когда утренняя мгла скрывала свет, ходили поблизости от римских укреплений с мечами в руках, с бахвальством выкрикивая угрозы. Однажды скутарии сделали внезапно вылазку, но остановились на месте, будучи отраже-

ны отпором вражеской силы, и стали настойчиво вызывать на битву всех своих товарищей. 10. Недавние потери устрашали многих, и сам Арбецион пребывал в нерешительности, опасаясь неблагоприятного исхода. Тут бросились вперед со своими отрядами три трибуна вместе: Аринфей, заменявший командира арматур, Сениавх, командовавший турмой комитов, и Баппон, командир промотов...* 11. Ринувшись на врага, словно стремительный поток, не становясь в боевую линию, а бросаясь в одиночку... они обратили всех в постыдное бегство. Аламанны расстроили свои ряды, бросали щиты в поспешном отступлении, а наши рубили их мечами и кололи копьями. 12. Много лежало убитых вместе с лошадьми, и мертвые сидели они на спинах своих коней. Увидев это, высыпали из лагеря все, опасавшиеся до этого броситься в бой вместе с товарищами; забыв теперь обо всякой осторожности, избивали они варваров, топтались в кучах мертвых тел, забрызганные кровью павших; только немногие варвары спаслись от смерти бегством. После такого результата этой битвы император с ликованием и торжеством возвратился на зимние квартиры в Медиолан.

5

1. При этом общем печальном положении дел поднялась новая буря бедствий, не менее горестная для провинций, и все оказалось на краю гибели; но благодетельная властительница людских судеб Фортуна положила скорый конец в высшей степени грозному бунту. 2. Когда Галлия из-за продолжительного попустительства власти подвергалась жестоким убийствам, грабежам и пожарам со стороны свободно бродивших по ней варваров и никто не приходил ей на помощь, отправился туда по приказу императора магистр пехоты Сильван[7], человек, которого считали способным поправить положение дел. Всячески старался ускорить его отъезд Арбецион, чтобы устранить соперника...

3. ...Некий Динамий, актуарий императорских вьючных

* Термин comites употреблялся, помимо своего технического значения — оруженосец, в более общем, как специальное имя некоторых отрядов, германского или вообще варварского происхождения. Специальным именем многих кавалерийских частей является также термин promoti. См.: Notit. dign.

лошадей, попросил у него (Сильвана) рекомендательные письма к друзьям, чтобы представить себя его близким приятелем. Получив письма от Сильвана, который по простоте душевной ничего не подозревал, Динамий спрятал их, чтобы совершить со временем нечто гибельное. 4. Сильван проходил походами по Галлии, сообразуя их с потребностями времени, и разгонял варваров, которые сбавили в своей наглости и стали чувствовать страх. Между тем Динамий, человек хитрый и поднаторевший в обманах, придумал безбожное коварство, причем помощником и соучастником ему был, по темным слухам, префект претория Лампадий, а также Евсевий, бывший комит государственных имуществ, имевший прозвище Mattyocopa[8], и Эдесий, бывший магистр императорской канцелярии рескриптов и прошений*, — им обоим префект устроил приглашение на торжество вступления консулов в должность как своим близким друзьям. Смыв кисточкой текст писем Сильвана и оставив только подпись, они написали на них совершенно отличный от прежнего текст, как будто Сильван в двусмысленных выражениях просил и убеждал своих друзей, состоявших при дворе, и частных лиц — в числе их Туск Альбин и многие другие — помочь в затеваемом им государственном перевороте и посягательстве на верховную власть в скором времени... 5. Этот пакет вымышленных писем, сочиненных с целью погубить невиновного, Динамий передал префекту для представления императору, жадному до расследования подобных дел... Улучив подходящее время, префект, надеясь показать себя бдительным стражем жизни императора, испросил аудиенцию с глазу на глаз... и прочитал ему эти хитро сочиненные письма. Немедленно отдан был приказ взять под стражу трибунов и доставить из провинции частных лиц, имена которых значились в письмах.

6. Командир гентилов Маларих[9], негодуя на эту гнусную интригу, немедленно созвал своих коллег, страшно возмущался и кричал, что преданных империи людей безбожно

---

* В придворном ведомстве состояло четыре канцелярии scrinium, под общим начальством сановника, именовавшегося — magister scriniorum. Во главе каждой канцелярии стоял свой магистр, подчиненный первому. Канцелярии эти назывались: memoriae, epistolarum, libellorum и epistolarum graecarum. Первая из них ведала за императорские рескрипты и ответы на прошения.

обходят партийными интригами и обманом. Он просил разрешения немедленно отправиться и привезти Сильвана, который никогда не замышлял того, что приписывают ему его злые враги, причем он предлагал взять в заложники за себя свою семью и представлял поручительство трибуна арматур Маллобавда в том, что он вернется, или же предлагал на таких же условиях позволить отправиться Маллобавду, который выполнит то, что он сам брался сделать. 7. Заявлял он также с полной уверенностью, что если не пошлют к Сильвану его соплеменника, то тот, вследствие склонности проявлять опасливость даже в случаях, когда нет ничего угрожающего, может вызвать восстание.

8. Хотя совет этот и был полезен и целесообразен, но речь его была выброшена на ветер. По совету Арбециона послан был вызвать Сильвана с письменным приказом Аподемий, давний и жестокий враг всех хороших людей. Прибыв в Галлию, Аподемий... отступил от данных ему при отъезде предписаний, не повидался с Сильваном, не передал ему письменного приказа возвратиться ко двору, но, пригласив к себе начальника денежной части, стал преследовать клиентов[10] и рабов магистра пехоты (Сильвана) с таким враждебным высокомерием, как будто тот был уже проскрибирован и приговорен к смерти. 9. Пока ждали скорого прибытия Сильвана, а Аподемий производил смуту в Галлии, Динамий, желая подкрепить свою подлую интригу надежными аргументами, переслал от имени Сильвана и Малариха трибуну кремонской оружейной фабрики сочиненное им самим письмо, близкое к тем, которые он доставил императору через префекта. Письмо содержало предписание трибуну как соучастнику тайны поспешить с подготовкой дела. 10. Прочитав это письмо, трибун долго недоумевал, что бы это значило, так как не мог вспомнить, чтобы авторы письма когда-либо беседовали с ним на подобную тему. И вот он через того же посланца, который принес письмо, приставив к нему одного солдата, отослал письмо к Малариху, с настойчивой просьбой объяснить открыто и без загадок, чего он хочет. Он заявлял, что, как человек простой и необразованный, не понимает речей намеками.

11. Маларих, которого продолжали угнетать тяжелые заботы и тревоги за судьбу своего земляка Сильвана, а также и свою собственную, получив это письмо, пригласил к себе

франков, которых было много и которые имели силу при дворе, держал перед ними возбужденную речь и жаловался, что интрига, ставшая теперь ясной, направлена против их жизней.

12. Поставленный в известность об этом император повелел произвести следствие по этому делу общей комиссией придворных и всех высших военных чинов. Поскольку судьи не захотели вникнуть в дело, Флоренций, сын Нигриниана, исполнявший тогда обязанности магистра оффиций, тщательно рассмотрев документ, заметил остатки прежних записей и заключил отсюда, что после уничтожения прежнего текста, с злостным умыслом был написан другой. 13. Когда таким образом было разоблачено мошенничество и был представлен точный отчет императору, он приказал, лишив должности префекта (Лампадия), отдать его под суд; но усиленное заступничество многих лиц спасло префекта. Евсевий, бывший комит государственных имуществ, показал под пыткой, что эта интрига была ему известна. 14. Эдесий упорно отрицал, что ему было нечто известно по этому делу, и был освобожден от ответственности. Таким образом, дело кончилось освобождением всех привлеченных к ответственности по доносу об этом преступлении. А Динамий, как будто он зарекомендовал себя с лучшей стороны, послан был управлять Тусцией в звании корректора[11].

15. Сильван тогда находился в Агриппине* и получал непрерывно сведения о том, что затевал на его погибель Аподемий. Зная переменчивый нрав императора и опасаясь заочного осуждения без суда и следствия, он подумывал в своем трудном положении отдаться под защиту варваров. 16. Но ему отсоветовал это Ланиогайз, бывший тогда трибуном, тот самый, о котором я выше сообщал, что он один присутствовал при смерти Константа**[12], будучи тогда в звании кандидата. Он доказывал Сильвану, что франки, к которым он принадлежал по происхождению, или убьют его, или выдадут за деньги. Не находя из сложившихся обстоятельств никакого выхода, Сильван почувствовал себя

* Ныне Кельн.

** Младший брат Констанция, которому имп. Константин предоставил Иллирик, Италию и Африку; после войны со старшим братом, Константином II, в 340 г., Констант завладел всей западной половиной империи и правил до 350 г., когда против него восстал Магненций.

вынужденным прибегнуть к последнему средству: тайно переговорив с наиболее влиятельными офицерами и склонив их на свою сторону обещаниями больших наград, он провозгласил себя императором, временно воспользовавшись пурпурными тканями, снятыми с драконов и других знамен[13]. 17. Пока в Галлии происходили эти события, однажды вечером принесено было в Медиолан неожиданное известие о том, что Сильван уже открыто, не довольствуясь своим рангом магистра пехоты, привлек на свою сторону армию и провозгласил себя государем. 18. Констанций был поражен этим известием словно ударом грома; все сановники были созваны на совет во вторую стражу ночи* и поспешили во дворец. Никто ничего не мог ни придумать, ни сказать; и лишь шепотом произнесено было имя Урзицина, человека выдающихся военных талантов, которому безвинно была нанесена тяжкая обида. Немедленно он был приглашен через магистра приемов — что являлось наиболее почетным способом приглашений, — и, когда он вошел в зал совета, более любезно, чем когда-либо прежде, позволено было ему поцеловать пурпур. Этот способ приветствия учредил впервые по обычаю чужеземных царей император Диоклетиан, тогда как ранее государей приветствовали так же, как и сановников. 19. И тот, которого недавно резко преследовали, называя его пожирателем Востока и обвиняя в намерении овладеть через своих сыновей верховной властью, был теперь предметом заискиваний как самый опытный полководец, боевой товарищ Константина Великого, единственный, кто может подавить восстание, — что и было правильно, хотя при этом имелись и тайные умыслы, а именно: прилагали все старание сокрушить Сильвана, сильного военной доблестью мятежника, или же, если бы это не удалось, добить пошатнувшегося уже Урзицина, чтобы совсем устранить этого человека, внушавшего большой страх. 20. И вот, когда он, принимая спешные меры для ускорения сборов в путь, хотел представить возражение против выставленных против него обвинений, император остановил его любезной речью, что, мол, теперь не время разбирать спорные дела, когда грозные обстоятельства тре-

* Ночь делилась на четыре стражи, vigiliae, т. е. четыре смены часовых. Вторая стража соответствует приблизительно 9 часам вечера.

буют взаимного согласия партии и необходимо предупредить возможность дальнейших осложнений.

21. На совещаниях дело было обсуждено со всех сторон, и особенно тщательно был рассмотрен вопрос о том, каким способом устроить так, чтобы Сильван думал, что император не знает о случившемся. Чтобы сделать это вероятным, сочинили любезный рескрипт, приглашавший его вернуться ко двору, сохранив все свои полномочия и передав командование Урзицину. 22. Когда это было подготовлено, Урзицин получил приказ немедленно выезжать. По его требованию ему дана была свита из трибунов и десяти протекторов-доместиков для исполнения поручений по государственному делу. Среди них был и я с моим товарищем Веренианом. Все остальные... 23. ...каждый, боясь за себя, провожали его при отъезде. И хотя нас, словно бастиариев[14], бросали навстречу диким зверям, понимали мы, однако, что бедствия в прошлом имеют ту хорошую сторону, что за ними следует радость, и восхищались изречением Цицерона, возникшим из глубин истины: «Хотя самым желанным является непрерывное благополучие, но такое правильное течение жизни не дает того чувства, какое появляется, когда мы возвращаемся к благополучию из тяжелого положения и жестоких бед»*.

24. Итак, мы торопимся, совершая большие переезды, чтобы наш начальник прибыл в подозрительные области раньше, чем в пределах Италии мог бы распространиться какой-либо слух о появлении самозванца. Но как мы ни спешили, летевшая пред нами словно на крыльях молва выдала нас и, прибыв в Агриппину, мы нашли дело в состоянии, уже не соответствовавшем нашим замыслам. 25. Отовсюду стекалось множество народа, все спешили поддержать Сильвана, стянуто было много войск. В данных обстоятельствах казалось более подходящим, чтобы наш начальник смиренно подделался под мысли и желания нового государя, для вида увеличив его силы своим ложным присоединением. Таким способом можно было надеяться, усыпив его осторожность разными прикрасами лести, провести его, не вызывая в нем никаких подозрений. 26. Удача этого плана представлялась весьма сомнительной, так как приходилось с величайшей осторожностью поджидать удобного момента, не опередив его и не упу-

* *Cic.* Ad Quir. p. red. I, 2.

стив. Если бы наши намерения обнаружились не вовремя, то было бы ясно, что все мы разом будем обречены на смерть.

27. Наш командир был принят весьма любезно; подчиняясь обстоятельствам, он преклонил на торжественном приеме колени перед возгордившимся, облеченным в пурпур самозванцем. Сильван оказывал ему большое уважение и обращался с ним, как с близким другом. Свободно допуская его к себе и приглашая к императорскому столу, Сильван стал приглашать его на тайные совещания относительно способов достижения единовластия. 28. Он жаловался на то, что недостойных людей возвышают до консулата и высших постов, а что он сам и Урзицин после многих тяжких трудов, перенесенных на благо государству, попали в такую немилость, что сам он был позорно оскорблен следствием над друзьями и обвинен в оскорблении величества, а Урзицин отозван с Востока и предан ненависти своих врагов. Эти жалобы он повторял не раз и с глазу на глаз, и публично. 29. Такие шли разговоры, а нас между тем все более пугал доносившийся отовсюду ропот солдат, которые жаловались на нехватку всего и горели желанием форсировать со стремительной быстротой теснины Коттиевых Альп[15].

30. При этом опасном настроении умов мы обсуждали на тайных совещаниях способ привести в исполнение наш план; не раз менялись решения под воздействием страха, и мы остановились наконец на следующем. Тщательно отыскали мы осторожных исполнителей дела и, взяв с них клятву, стали склонять на свою сторону бракхиатов и корнутов*, которые не отличались особенной верностью и которых можно было за высокую плату склонить к чему угодно. 31. Таким образом дело было совершено через посредников из простых солдат, которые подходили для такого дела даже своей безвестностью и были подкуплены обещанием щедрой награды. И вот внезапно, на первом рассвете едва забрезжившего утра, собрался отряд вооруженных людей и, проявляя, как это обыкновенно бывает в рискованных предприятиях, невероятную дерзость, проник во дворец и перебил стражу. Сильван спрятался от страха в часовне; его вытащили оттуда и, когда он попытался укрыться в месте собраний христианской общины, зарубили мечами.

* Названия отрядов.

32. Так окончил свою жизнь полководец, имевший за собой немалые заслуги. Интриги преступников опутали его, когда он отсутствовал, и, чтобы спасти свою жизнь, он решился на крайнее средство. 33. Констанций был ему очень обязан за переход на его сторону во главе тяжеловооруженной конницы перед битвой при Мурзе;* но Сильван опасался неустойчивости и непостоянства Констанция, хотя имел за себя громкие дела отца своего Бонита, который, будучи франком по происхождению, много раз сражался в междоусобной войне против партии Лициния на стороне Константина.

34. Еще до этих событий, разыгравшихся в Галлии, в Риме в цирке однажды — неизвестно, на основании ли каких-либо данных или просто по предчувствию, — раздались громкие крики: «Сильван побежден!»

35. Гибель Сильвана в Агриппине, как я о ней рассказал, преисполнила императора радостью, и так как главными чертами его характера были гордость и чванство, то он приписал эту удачу исключительно своему счастью: совершавших храбрые дела людей он всегда ненавидел, как Домициан, и старался перещеголять каким-либо качеством, не имеющим отношения к личному мужеству. 36. Он был настолько далек от мысли похвалить за успешное выполнение дела, что обронил в своем письме несколько слов о захваченных будто бы галльских сокровищах, которых никто не касался. Он отдал приказ произвести строжайшее следствие, допросив Ремигия, который был тогда казначеем при нашем начальнике. Этот самый Ремигий позднее при Валентиниане был казнен через повешение по делу о триполитанском посольстве**. 37. По окончании этого дела Констанций стал еще более чваниться, словно он сравнялся с небом и повелевает судьбою; его превозносили льстецы, число которых он преумножал, выказывая презрение недостаточно искусным и отстраняя их от себя. Про Креза читали мы, что он прогнал из своего царства Солона за неумение льстить[16], и Дионисий угрожал смертью поэту Филоксену[17] за то, что тот, когда Дионисий читал

---

* Ныне Эссек на Драве в Венгрии. Здесь произошла 28 сентября 351 г. большая и страшно кровопролитная битва между войсками Констанция и Магненция. Победа осталась на стороне Констанция. *Zos.* II, 42—54.

** 28, 6; 30, 2, 9—12.

свои плохие и нескладные стихи, и все их хвалили, единственный не выразил никакого одобрения. 38. Лесть — кормилица всяких пороков. Только такая хвала должна быть угодна властителю, когда может оказаться место и для осуждения за нехороший поступок.

6

1. По восстановлении спокойствия начались, как обычно, сыски и многие, словно преступники, были закованы в оковы и цепи. В дикой радости вознесся Павел, этот дьявольский доносчик, и дал широкий простор своим ядовитым козням. Следствие по делу вели гражданские и военные чины императорского совета, и было приказано подвергнуть пытке Прокула, доместика* Сильвана, человека слабого физически и болезненного. Всех охватил страх, как бы он, под воздействием на слабое тело страшной муки пыток, не обвинил в тяжких преступлениях всех без разбора. Но вышло совсем иначе, чем ожидали. 2. Помня о сне, в котором ему было запрещено, как он утверждал, давать показания против кого-либо невиновного, он не назвал и не выдал никого, хотя и был замучен до полусмерти. Упорно оправдывал он деяние Сильвана и давал самые неопровержимые доказательства того, что не честолюбие, а необходимость вынудила его замыслить то, на что он посягнул. 3. Он выставлял аргумент, удостоверенный показаниями многих, а именно: за пять дней до того, как Сильван возложил на себя императорскую повязку, он выдал жалование войску от имени Констанция и обратился с речью к солдатам, внушая им быть храбрыми и сохранять верность. Было ясно, что если бы он собирался посягнуть на императорский венец, то раздал бы эту большую сумму золота от своего имени.

4. После Прокула осужден был на смертную казнь Пэмений. Выше было рассказано о нем, что, когда тревирцы заперли ворота своего города перед Цезарем Деценцием, он возглавил организацию обороны**. Затем казнены были

* При всех высших чинах, особенно военного звания, состояли доместики, начальники личной охраны и ближайшие доверенные. Институт этот — германского происхождения; из него выросли мажордомы франкских королей.

** В недошедшей до нас части сочинения — Деценций — брат претендента Магненция, с которым Констанций боролся с 351 по 353 г. Маг-

комиты Асклепиодот, Луттон, Маудион и вместе с ними многие другие, так строго в те времена преследовались дела, подобные описанному.

7

1. Пока свирепствовала эта буря бедствий, в Вечном городе правил Леонтий, показавший себя образцовым судьей. Скорый в допросах, весьма справедливый в разбирательствах, он отличался по самой своей натуре благожелательностью, хотя своей заботой о сохранении авторитета казался некоторым строгим и слишком расположенным к обвинительным приговорам.

2. Первый повод к бунту против него был самый пустой и ничтожный. Он приказал взять под стражу возницу Филорома. Собравшаяся на его защиту чернь, стремившаяся вырвать из рук властей своего любимца, бушевала и наступала на префекта, считая его робким человеком. Но тот, твердый и решительный, направил в толпу своих служителей, схватил несколько человек, подверг их пытке и покарал ссылкой на острова*. Никто не посмел возмущаться и оказывать сопротивление. 3. Несколько дней спустя чернь проявила опять свой обычный буйный дух под предлогом недостатка вина. Толпа собралась к Септемзодию, знаменитому строению, где император Марк (Аврелий) воздвиг великолепный Нимфей**. Туда направился префект. Друзья его и стража горячо уговаривали его не показываться наглой и угрожающей толпе, которая к тому же была ожесточена еще с прошлого бунта. Не зная чувства страха, он прямо въехал в толпу, причем его покинула часть свиты, поскольку он шел на очевидный риск. 4. С полным самообладанием посмотрел он острым взглядом с колесницы на лица отовсюду напиравшей взволнованной толпы, словно в

ненций назначил своих братьев Дезидерия и Деценция Цезарями. Деценций правил в Галлии и в 353 г., будучи разбит аламаннским царем Хонодомарием, лишил себя жизни.

* Insulari poena multavit — ссылка на острова, как уголовная кара, появилась в начале императорского режима и вошла позднее в число уголовных наказаний.

** Т. е. фонтан. — Septemzodium, очевидно, то же самое, что Septizonium. Сооружений с таким названием было в Риме несколько. *Suet.* V. Titi, 2; *Capit.* Sev., 19.

глаза змей, и выслушал множество оскорблений. Тут он узнал возвышавшегося над другими человека огромного роста с рыжими волосами и спросил его, не он ли Петр по прозвищу Вальвомер. Когда тот дерзким голосом дал утвердительный ответ, префект, узнав в нем давно известного ему зачинщика беспорядков, приказал, несмотря на громкий протест множества людей, скрутить ему руки за спиной и в таком виде подвесить. 5. Когда его на глазах у всех подняли на высоту и он тщетно взывал о помощи к товарищам, толпа, только что напиравшая, рассыпалась по всему городу и исчезла. Зачинщик волнения тут же был подвергнут телесному наказанию, как будто перед судейским трибуналом, и сослан в Пицен. Позднее он там обесчестил знатную девушку и по приговору консуляра Патруина был приговорен к смертной казни.

6. В правление того же Леонтия Констанций отдал приказ прислать на главную квартиру христианского епископа Либерия как оказавшего неповиновение повелениям императора и решению большинства епископов. Я расскажу вкратце об этом деле. 7. Тогда в Александрии был епископ Афанасий, который считал себя более значительным, чем имел на то право, и совался не в свои дела, как то подтверждали упорные слухи. Съезд многих епископов — христиане называют его синодом — лишил его сана. 8. О нем рассказывали, что, обладая большими познаниями в искусстве предсказания и разных тонкостях авгурской науки, он несколько раз предсказывал будущее. Кроме того ему вменяли в вину другие отступления от предписаний веры, которую он представлял. 9. Либерий должен был подтвердить своей подписью вместе с другими низложение Афанасия с епископского трона. Несмотря на приказ императора и вопреки уговорам, он упорно отказывался это сделать и не раз громко заявлял, что считает величайшей несправедливостью осудить человека, не увидев и не выслушав его. Таким образом, он открыто сопротивлялся императорской воле. 10. Хотя император знал, что Афанасий, к которому он всегда относился враждебно, уже низложен, тем не менее он настойчиво желал, чтобы это низложение было подтверждено высшим авторитетом епископа Вечного города. И все-таки он этого не добился; а Либерий с большими трудностями был увезен из города ночью из-за страха пред народом, который был к нему очень расположен.

8

1. Итак, вот что происходило, как я рассказал, в Риме. А Констанция беспокоили постоянные известия о том, что галльские провинции на краю гибели, так как варвары, не встречая никакого отпора, разоряют и уничтожают все. Долго он раздумывал, как справиться ему с этим бедствием и остаться при этом самому в Италии, как он того хотел, считая опасным удаляться на отдаленную окраину. Наконец он нашел правильный выход из положения, а именно: задумал взять в соправители своего двоюродного брата Юлиана, который недавно был вызван из Ахайи[18] и носил еще греческий плащ. 2. Обеспокоенный грозящими бедствиями, Констанций поделился этой мыслью с ближайшими к нему людьми и открыто признался — чего никогда раньше не делал, — что изнемогает в своем одиночестве от стольких и столь частых несчастий; а те, привычные к изысканному подобострастию, сбивали его с толка, утверждая, что нет ничего столь трудного, чего бы не одолели, как всегда дотоле, его великая доблесть и его неземное счастье, а многие, сознавая за собой разные провинности, добавляли, что следует впредь опасаться титула Цезаря и напоминали о случившемся при Галле.

3. Их настойчивым наветам оказала противодействие лишь императрица. Трудно сказать, из боязни ли дальнего путешествия или вследствие врожденного разумного понимания государственных интересов она всем заявляла, что необходимо предпочесть родственника. После долгого обсуждения, принято было твердое решение, оставлены были пустые споры и решено было принять Юлиана в соправители. 4. Когда он появился в назначенный заранее день, созваны были все войска, император взошел на высокий трибунал, окруженный орлами и знаменами, и, держа Юлиана правой рукой, произнес такую речь милостивым тоном.

5. «Мы стоим перед вами, славные защитники отечества, по делу, которое одинаково касается всех, и я расскажу вам его вкратце, как перед справедливыми судьями. 6. После гибели бунтовщиков, которых подвигло на их посягательства бешеное безумие, варвары, словно совершая римской кровью поминки по их нечестивым теням, нарушив мир на границах, разоряют области Галлии. Их наглость находит себе поддержку в том, что тяжелые обстоятельства удерживают

нас в отдаленных от тех мест пределах. 7. Это бедствие касается уже вовсе не только пограничных местностей. Если мы сойдемся с вами в твердой решимости дать отпор, пока есть еще время, то вынудим дерзкие племена склонить свою голову и неприкосновенными пребудут границы империи. Остается только, чтобы вы осуществили надежду, которую я питаю. 8. Я хочу предоставить власть Цезаря Юлиану, моему, как вы знаете, двоюродному брату; его скромность, делающая его столь же дорогим мне, как и мое с ним родство, стяжали ему признание, и в нем виден молодой человек выдающейся энергии. Свое желание сделать его соправителем я ставлю в зависимость от вашего согласия, если вы считаете это полезным для отечества».

9. Он пытался говорить и дальше, но крики одобрения со стороны всего собрания прервали его; как бы в предвидении будущего, раздавались возгласы о том, что это решение самого верховного божества, а не человеческого разума. 10. Неподвижно стоял император, ожидая, пока установится тишина, и уже с большей уверенностью продолжал свою речь так: «Так как ваш радостный крик свидетельствует о вашем одобрении, то пусть взойдет на высшую ступень почета молодой человек, обладающий спокойствием духа и мощной энергией, моральные качества которого достойны подражания и не требуют хвалы. Его превосходные дарования, развитые научным образованием, отметил я достаточно, как кажется, уже тем, что выбрал его. Итак, я облеку его в императорское одеяние, уверенный в видимом указании перста Божия».

11. После этих слов он облачил Юлиана в дедовский пурпур и провозгласил его при ликовании всего войска Цезарем. С выражением серьезной сосредоточенности на лице стоял Юлиан, когда император обратился к нему с такими словами. 12. «Ты получил, мой возлюбленнейший брат, во цвете своей юности блистательнейшее отличие твоего рода. Я признаю в этом преумножение блеска моей собственной славы: то, что я справедливо предоставляю моему знатному родственнику верховную власть, более возвеличивает меня, нежели то, что я сам обладаю этой властью. 13. Итак, раздели со мной опасности и труды, прими на себя управление и охрану Галлии и постарайся всяческими добрыми деяниями облегчить тяжелое положение этих областей. Если будет необходимо схватиться с врагом, твердой стопой становись сре-

ди самих знаменоносцев, придавай бодрость нападающим на врага, когда это нужно, поощряй сражающихся, выступая сам вперед, соблюдая, конечно, осторожность; приходи на помощь дрогнувшим, скажи вовремя слово порицания робеющим и будь как для храбрых, так и для трусов беспристрастным свидетелем их поведения в бою. 14. Иди же, храбрый муж, так как опасность наступила, и веди за собой таких же храбрецов! Связанные прочными узами любви, мы будем помогать друг другу, будем вместе воевать и с равным участием и благожеланием будем править умиротворенной вселенной, если только Бог пошлет свое соизволение в ответ на наши молитвы. Для меня ты будешь всегда со мной, и я буду с тобой во всех твоих делах. Шествуй, шествуй же, напутствуемый обетами всех нас! Спеши, чтобы ревностной заботой отстоять доверенный тебе самим отечеством пост!»

15. Никто уже не хранил молчания после этих слов императора. Страшный шум подняли солдаты, ударяя щитами по наколенникам — это знак полного одобрения, в то время как, напротив, удар копьем о щит служит выражением гнева и скорби, — с невероятным ликованием одобрили все, за исключением очень немногих, решение императора и с восторгом глядели на Цезаря, стоявшего перед ними во блеске императорского пурпура. 16. Вглядываясь в его глаза, ласковые, но в то же время и властные, в его благообразные черты лица, старались прочитать на них, каков он будет, как будто изучали древние книги, знакомство с которыми позволяет определить характер человека по его наружности. Похвалы, которые ему при этом воздавали, сохраняя должное почтение, не переходили границ и не были ниже того, что приличествовало ему: можно было подумать, что слышишь голоса цензоров, а не солдат. 17. Приглашенный взойти вместе с императором на колесницу по дороге во дворец, он шептал про себя стих Гомера:

Очи смежила багровая Смерть и могучая Участь*.

Событие это произошло 6 ноября в год консульства Арбециона и Лоллиана**. 18. Несколько дней спустя совершено было бракосочетание Цезаря с Еленой, сестрой Констанция,

* *Hom.* II, 5, 83.
** 355 г.

а затем, когда закончены были все приготовления, которых требовал спешный отъезд, Юлиан с небольшой свитой отправился в путь 1 декабря. Август проводил его до места расположения двух колонн, между Лаумеллом (Лаумелло) и Тицином (Павия). Юлиан доехал, не останавливаясь, до Тавринов (Турин). Здесь ему сообщили тревожное известие, которое было получено при дворе незадолго до его отъезда, но намеренно скрыто от него, чтобы не вносить изменения в задуманный план. 19. Известие это состояло в том, что Колония Агриппина, весьма важный город Второй Германии[19], после упорной осады была взята огромными силами варваров и разрушена. 20. Юлиан был поражен этой вестью как предзнаменованием грядущих бедствий, и окружающие его слышали, как он про себя сетовал, что своим возвышением достиг лишь права умереть в хлопотах. 21. При его прибытии в Виенну люди всех возрастов и положений устремились к нему навстречу, чтобы приветствовать его как желанного и храброго правителя. Весь народ и все население окрестных мест, завидев его еще издали, обращались к нему, называя его милостивым и несущим счастье императором, и все с восторгом взирали на приезд законного государя: в его прибытии видели исцеление всех бед и кричали, что, когда дело стало на край гибели, явился гений-спаситель. 22. Когда в это время одна слепая старуха спросила, кто прибыл, и ей сказали: «Цезарь Юлиан», то она воскликнула: «Он восстановит храмы богов!»

9

1. Так, используя выражение величавого мантуанского певца*,

Больших событий чреда для меня зачинается ныне,
Больший подъемлю я труд, —

я считаю уместным рассказать о географическом положении галльских областей, чтобы при описании быстрых походов и разнообразных случайностей военных событий, объясняя что-либо некоторым неизвестное, не оказаться похожим на нерадивых матросов, которым приходится чинить поврежденные паруса и канаты при буре и волнении, хотя можно было все это свободно сделать раньше.

* *Verg.* Aen. 7, 44. Перевод Фета.

2. Древние писатели, не имевшие определенных сведений о происхождении галлов, оставили лишь неясные сообщения. Но позднее Тимаген[20] с греческой тщательностью и на греческом языке собрал из разных книг данные, долго остававшиеся неизвестными. Полагаясь на него, я изложу с полной ясностью и определенностью собранные им сведения. 3. Некоторые авторы утверждали, что в тех краях существовало местное население, которое названо было по имени своего любимого царя кельтами, а по имени его матери — галатами — так и теперь называют греки галлов; другие — что дорийцы последовали за древним Геркулесом и населили местности, соседствующие с океаном. 4. Дразиды (друиды) рассказывают, что часть народа действительно была коренным населением, но стеклись также пришельцы с отдаленных островов и из зарейнских областей, которые были изгнаны со своей родины частыми войнами и разливами бушующего моря. 5. Некоторые говорят, что после разрушения Трои, рассеявшиеся повсюду греки в небольшом числе заняли эти местности, бывшие тогда незаселенными. 6. А местные жители более всего склоняются к другому преданию, и я сам читал его в виде надписей, высеченных на памятниках в Галлии. Сын Амфитриона, Геркулес[21], спешил, чтобы сразиться со свирепыми тиранами Герионом и Таврискои[22], из которых первый терзал Испанию, второй — Галлию. Победив обоих, он сходился с благородными женщинами и имел много детей, которые и назвали страны, где они повелевали, своими именами. 7. Азиатский народ из Фокеи, убегая от свирепого Гарпала, наместника царя Кира[23], направился на судах в Италию. Часть этих беглецов основала в Лукании Велию, другая в Виеннской области — Массилию. Затем в следующие века, увеличившись по численности своего населения, они основали немало городов. Но достаточно этих различных мнений, которые невольно вызывают даже чувство досады. 8. Когда люди постепенно освоились в этих местах, у них возникли занятия науками, начало которым положили барды, евгаги и дразиды. Барды воспевали храбрые подвиги славных мужей в эпических стихах под сладкие звуки лиры; евгаги предавались исследованию явлений и тайн природы и пытались их объяснить. Превосходя умом тех и других, дразиды, составив союзы, как было установлено авторитетом Пифагора, поднялись до исследования

высоких и таинственных вещей; с презрением относясь к земному, они провозгласили бессмертие души.

10

1. Будучи окружена крутыми горами, покрытыми вечными снегами, территория Галлии оставалась, за исключением прибрежных областей, почти неизвестной жителям остальных частей Земли, так как со всех сторон ее окружают природные, но словно воздвигнутые искусством, преграды. 2. С юга она омывается Тирренским и Галльским морями; со стороны, где она смотрит на Медведицу[24], она отделена волнами Рейна от диких народов; где обращена к западным созвездиям, ее окружает океан и высокий Пиренейский хребет; где страна поднимается к востоку, она упирается в Коттиевы Альпы. Когда уже все галлы были покорены, царь Коттий один скрывался в ущельях, полагаясь на их неприступность, наконец смирившись, он был принят в качестве друга императором Августом и в благодарность за милость предпринял большие сооружения для устройства прямых и удобных для путников дорог, которые проходят посередине между другими, издревле известными Альпами, и о них я позднее расскажу то, что мне удалось точно узнать. 3. В этих Коттиевых Альпах, которые начинаются от города Сегузиона*, поднимается высокий хребет, через который можно перебраться только с опасностью для жизни.

4. Если двигаться со стороны Галлии, то этот хребет круто спускается вниз, представляя грозный вид со своими нависающими с обеих сторон скалами. Переход по его обрывающимся в пропасть ущельям особенно страшен в весеннее время, когда от теплых ветров тает лед и растапливаются снега: ступая неверным шагом по скрытым под надвинувшимися льдинами прогалинам, люди, животные и повозки проваливаются в бездну. Чтобы избежать гибели, найден один только способ: к повозкам привязывают крепкие канаты, позади ставят лошадей или быков, при помощи которых и спускают повозки шаг за шагом, уменьшая тем самым опасность. Так бывает, как я сказал, весной. 5. А зимой, когда скованная морозом земля покрывается гладким слоем льда и становится

* Ныне Суза.

скользкой, спускающиеся скатываются по уклону, и обширные ущелья, прикрытые на всем своем протяжении обманчивым снегом, пожирают иной раз путников. Потому-то знакомые с местностью люди отмечают более надежные места, устанавливая деревянные столбы, чтобы путник мог безопасно ориентироваться по ним. Если же эти столбы завалит снегом или снесет с дороги горным потоком, то можно лишь с трудом выбраться при помощи проводников из местных жителей. 6. От высшей точки подъема со стороны Италии простирается равнина шириной в семь миль до станции Марс, а затем поднимается другая крутая гора, еще более высокая и труднопроходимая, до вершины Матроны* — имя это дал месту несчастный случай с одной знатной женщиной. Отсюда идет крутой, но более удобный путь до укрепления с названием Вирганция**. 7. Гробница царька, соорудившего, как я сказал, эту дорогу, находится вблизи стен Сегузиона, и его память чтят по двум основаниям: за то, что он был весьма справедливый правитель, и за то, что, став союзником римской державы, обеспечил вечный мир своему племени.

8. Хотя этот путь, лежащий посередине, самый прямой и наиболее оживленный, но есть и другие, сооруженные много раньше в разные времена. 9. Первый из них проложил фиванец Геркулес поблизости от Приморских Альп, когда он, как я уже упоминал, медленно двигался, собравшись погубить Гериона и Тавриска. Эти Альпы он и назвал Морскими. Он также соорудил крепость и гавань Монэка*** на вечную о себе память. Много столетий спустя Пэнинские Альпы получили свое название по следующей причине. 10. Когда Публий Корнелий Сципион, отец Старшего Африкана, направлялся на помощь славным своими несчастьями и своею верностью сагунтинцам[25], которых теснили упорной осадой карфагеняне, то стал переправлять в Испанию флот, на который посажена была большая армия. Но так как Сагунт тем временем был взят силой и разрушен и Сципион не мог настигнуть направлявшегося в Италию Ганнибала, который за три дня до его высадки переправился через Родан****, то он быстро сделал неболь-

* Ныне Mont Genèvre.
** Ныне Бриансон.
*** Ныне Монако.
**** Ныне Рона.

шой переезд обратно по морю, чтобы наблюдать у лигурийского города Генуи за Ганнибалом, когда тот будет спускаться с гор, и, если представится случай, сразиться с ним на равнине, не дав ему времени оправиться после трудного перехода через горы. 11. Но, правильно понимая интересы государства, он приказал направиться в Испанию своему брату Гнею Сципиону, чтобы тем воспрепятствовать Газдрубалу привести в исполнение свое намерение выступить оттуда вслед за Ганнибалом. Ганнибал узнал от перебежчиков о планах Сципиона; быстро и находчиво оценив положение, он направился, взяв проводников у тавринов, через область трикасинов вдоль границы с воконцами в Трикорийские горы. Оттуда он проложил новый путь, по которому раньше никто не ходил. При этом он взрывал огромные скалы страшной высоты, раскаляя их большим пламенем и поливая затем уксусом. Он перешел через реку Друэнцию*, трудную для переправы из-за водоворотов, и попал в Этрусскую область. На этом я окончу описание Альп и перейду к остальной территории.

11

1. В древности, когда те страны, как варварские, были совершенно неизвестны, они делились, как рассказывают, на три части по национальности населения: кельты, они же галлы, аквитаны и белги, различавшиеся по языку, обычаям и законам. 2. Галлов, или кельтов, от аквитанов отделяет река Гарумна (Гаронна), которая, беря начало в Пиренейских горах, минует в своем течении многие города и впадает в океан. 3. От белгов отделяет их Матрона (Марна) и Секвана (Сена), реки, равные по своей величине. Протекая по Лугдунской провинции и окружив, словно остров, крепость паризиев Лутецию (Париж), они сливаются и у крепости Констанции (Гарфлер) впадают в море. 4. Самыми храбрыми считались у древних белги, так как они были дальше всех от культурных стран, не знали изнеживающего влияния привозных благ и долго боролись с зарейнскими германцами. 5. Наоборот, аквитаны, к берегам которых благодаря их близости и доступности привозятся чужеземные товары, смягчились в своих нравах и лег-

* Ныне Durance.

ко были покорены римлянами. 6. С того времени, как после непрерывных войн[26] Галлия подчинилась диктатору Юлию Цезарю, страна эта была разделена на четыре провинции: Нарбоннская включала в себя область Виенны и Лугдунума, другая охватывала всех аквитанов; Верхняя и Нижняя Германии и Белги образовывали в то время две юрисдикции. 7. В настоящее время в Галлии существуют следующие провинции. Первой областью, начиная с востока, является Вторая Германия; ее защищают большие и богатые города Агриппина (Кельн) и Тунгры (Тонгерн). 8. Затем следует Первая Германия, где в числе других городов находятся Могонциак (Майнц), Вангионы (Вормс), Неметы (Шпейер) и Аргенторат (Страсбург), прославленный поражениями варваров. 9. За этими областями простирается Первая Белгика с городами Медиоматрики (Мец) и Тревиры (Трир), славная резиденция государей. 10. Граничит с нею Вторая Белгика, где находятся в числе других городов Амбианы (Амиен), Кателауны (Шалон на Марне) и Ремы (Реймс). 11. В области секванов мы встречаем наиболее значительные города: Бизонтии (Безансон) и Раврaки (Аугст). Первую Лугдунскую провинцию украшают города: Лугдун (Лион), Кабиллон (Шалон на Соне), Сеноны (Санс), Битуриги (Бурж) и огромная старинная крепость Августодун (Отен). 12. Во Второй Лугдунской провинции замечательны города: Ротомаги (Руан), Турины (Тур), Медиолан (Эврё) и Трикасины (Труа). В провинциях Альпы Грайские и Пэнинские, кроме других менее замечательных городов, находятся... Авентик (Аванш), запустевший в настоящее время, но не лишенный значения в прежнее, как свидетельствуют о том полуразрушенные теперь здания. Таковы провинции и знаменитые города Галлии.

13. В Аквитанской области, которая обращена к Пиренейским горам и той части океана, которая омывает Испанию, первая провинция — Аквитания, прославленная своими большими городами. Не говоря о многих других, замечательны здесь Бурдигала (Бордо), Арверны (Клермон), Сантоны (Сентонж) и Пиктавы (Пуатье).

14. Провинция Новемпопулана известна городами Ауски (Ош) и Вазаты (Базас). В Нарбонской провинции первое место среди городов занимают Элуза*, Нарбона и Толоза (Ту-

* Ныне Eauze.

луза). В Виеннской провинции очень много прекрасных городов; наиболее замечательны из них сама Виенна, Арелат (Арль) и Валенция (Валанс). К ним присоединяется Массилия (Марсель), которая, как мы читаем, не раз оказывала поддержку Риму в трудные времена его жизни, пребывая с ним в союзе. 15. Поблизости от этих городов лежат Саллувии, Никея (Ницца), Антиполь (Антиб) и Стехадские острова.

16. Так как в своем последовательном рассказе я дошел до этих мест, то неудобно и неловко было бы ничего не сказать о знаменитой реке Родан. Вытекая обильным истоком из Пэнинских Альп и в стремительном падении вниз к более ровным местам, скрывает она своей массой воды берега и впадает в озеро по имени Леманн (Женевское); проходя его, она не смешивается с другими водами, пробиваясь по поверхности более медленной воды озера, и, ища выхода, прокладывает себе путь мощным стремлением. 17. Затем, ничего не теряя в своей массе воды, река направляется через Сапаудию (Савойя) и землю секванов; в дальнейшем своем течении касается левым берегом провинции Виеннской, а правым — Лугдунской; затем после множества извивов она принимает реку Арар, которую называют также Савконной (Сона), берущую начало в Первой Германии. Место их слияния есть начало Галлии. Отсюда расстояния измеряются не в милях, а в левгах[27]. 18. До этого места по Родану, ставшему полнее от пришлой воды, могут подниматься очень большие корабли, которые нередко страдают от бурь. Закончив свое течение в положенных природой пределах, Родан, пенясь, вливается в Галльское море через широкий лиман, который называется Ad gradus (Грас), на расстоянии почти 18 миль от Арелата. На этом я закончу описание страны. Теперь я расскажу о внешности и обычаях населения.

12

1. Почти все галлы высоки ростом, белы телом, русоволосы; взгляд у них живой и угрожающий; они страшно сварливы и чрезвычайно заносчивы. Когда один из них поссорится с другим и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, то целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда та, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнет наносить кулаками и ногами удары не слабее снарядов катапуль-

ты, выбрасываемых при помощи скрученных жил. 2. Голос у большинства звучит резко и угрожающе, спокойно ли они говорят или сердятся; все они вообще опрятны и чистоплотны, и в тех областях, а особенно у аквитанов, редко можно встретить даже самую бедную женщину в лохмотьях, как в других местах. 3. Для военной службы годятся у них люди любого возраста, и равным образом выступает в поход как старик, так и юноша, поскольку они закалены морозом и непрестанным трудом и способны вынести много трудных испытаний. Никогда у них не бывает случая, чтобы кто-нибудь из страха перед военной службой отрубил себе большой палец на руке, как случается это в Италии, где таких людей зовут по-местному *murci*[28]. 4. Они большие любители вина и умеют готовить различные похожие на вино напитки. Некоторые из них, принадлежащие к низшим слоям населения, так одурманивают себя постоянным опьянением, которое Катон определил в известном изречении как вид добровольного помешательства, что начинают метаться в разные стороны; таким образом, находит себе подтверждение замечание Цицерона в его речи за Фонтейя: «Придется галлам пить вино, примешивая больше воды, что они считают ядом»[29].

5. Эти области, особенно граничащие с Италией, постепенно без большого труда попали под власть Рима. Первые шаги в этом направлении сделал Фульвий; далее повел дело в незначительных битвах Секстий; наконец совершенно подчинил их Фабий Максим*. Полная победа, когда разгромлено было суровое племя аллоброгов, дала Фабию прозвище по этому имени (Allobrogicus). 6. Всю Галлию, за исключением некоторых недоступных вследствие болот местностей, связал, по свидетельству Саллюстия[30], вечными договорами с нашим государством Цезарь в консульство Сульпиция и Марцелла после взаимных потерь и поражений в течение десяти лет войны. Я сделал большое отступление и вернусь наконец к своему повествованию.

---

* Марк Фульвий Флакк вел войну в Южной Галлии в 125—124 гг. до Р. Х., Гай Секстий Кальвин — в 123—122, Квинт Фабий Максим победил аллоброгов и арвернов в 121 г. В результате этих войн появилась провинция — Gallia Narbonensis от имени колонии Narbo Martius, основанной в 118 г. до Р. Х.

13

1. После того как Домициан погиб ужасной смертью*, его преемник Музониан управлял Востоком в звании префекта претория. Он был знаменитым оратором на греческом и латинском языках. За это он и поднялся выше, чем можно было ожидать. 2. Когда Константин хотел точнее ознакомиться с сектами манихеев[31] и тому подобными и не удавалось найти подходящего переводчика, он остановился на Музониане, которого ему рекомендовали как подходящего человека. После того, как тот хорошо справился с этим поручением, император даровал ему имя Музониан, а до этого он звался Стратегием. Затем, последовательно проходя почетные звания, он дошел до префектуры. Человек он был разумный, сносный для вверенных ему провинций правитель, мягкий и ласковый; но при малейшей возможности и особенно в процессах — что самое гнусное — проявлял страшное корыстолюбие. Это обнаружилось как во многих других случаях, так с особенной очевидностью на следствии о смерти Феофила, консуляра Сирии**, который из-за предательства Цезаря Галла был растерзан набросившейся на него толпой черни. Тогда были осуждены бедняки, которые могли доказать свое отсутствие в то время, а богатые, действительно виновные в этом деле, отдав свое состояние, вышли из-под суда оправданными. 3. С Музонианом равнялся Проспер, командовавший армией, заняв место магистра конницы (Урзицина), пребывавшего тогда в Галлии; человек, постыдно бездеятельный и, по слову комика, открыто грабивший, пренебрегая уловками воров***. 4. Оба эти человека действовали в полном согласии и оказывали друг другу взаимные услуги. Персидские командиры, стоявшие по соседству с пограничными реками, тревожили наши территории грабительскими налетами, в то время как царь был занят в крайних областях своих земель. Они совершали дерзкие набеги то на Армению, то — еще чаще — на Месопотамию. А римские военачальники в то же самое время заняты были грабежом имущества покорного населения.

---

* 14, 7, 16.

** 14, 7, 5—6.

*** *Plaut.* Epid., 12. Th. Minus iam furtificus sum quan antehac. — Ep. Quid ita? — Th. Rapio propalam.

Книга XVI

(годы 356—357)

1. Похвала Цезарю Юлиану.
2. Цезарь Юлиан нападает на аламаннов, разбивает их, берет в плен и обращает в бегство.
3. Юлиан отбивает у франков взятую ими Колонию и заключает там мир с франкскими царями.
4. В городе Сенонах Юлиан осажден аламаннами.
5. Доблести Цезаря Юлиана.
6. Привлечение к суду и освобождение консуляра Арбециона.
7. Препозит опочивальни Цезаря Юлиана, Евтерий, защищает его перед императором против Марцелла. Похвала Евтерию.
8. Доносы и клевета на главной квартире Августа Констанция; корыстолюбие придворных.
9. Переговоры о мире с персами.
10. Август Констанций вступает с войсками и якобы с триумфом в город Рим.
11. Цезарь Юлиан нападает на франков на островах Рейна, куда они укрылись, и отстраивает против них Три Таберны.
12. Цезарь Юлиан нападает на семь аламаннских царей, притеснявших Галлию и разбивает варваров под Аргенторатом.

1

1. Так непрерывной чередой происходили в римском мире события. Цезарь, находившийся тогда в Виенне, удостоен был консульства вместе с императором, который возлагал на себя этот сан в восьмой раз. В нем бушевала врожденная энергия, он слышал вокруг себя шум битвы, бредил поражениями варваров и уже готовился собрать воедино обломки провинции, если его появление на поле действий состоится в добрый час. 2. Совершенные им в Галлии подвиги, в которых его доблесть была равна его счастью, превзошли многие храбрые деяния древности, и я постараюсь поэтому рассказать о них по отдельности во временной последовательности, приложив к этому все силы моего слабого дарования, если только они будут достаточны для такой задачи. 3. И весь мой рассказ, чуждый всяких хитросплетений лжи, покоящийся на незыблемых основах только правды, перейдет тем не менее почти в панегирик. 4. Казалось, какая-то счастливая звезда сопровождала этого молодого человека от его благородной колыбели до последнего его вздоха. Быстрыми успехами в гражданских и военных делах он так отличился, что за мудрость считали его вторым Титом (сын Веспасиана), славою военных дел он уподобился Траяну, милосердием был как Антонин, углублением в истинную философию был близок к Марку[1], поступки и нравственный облик которого он представлял своим идеалом. 5. Цицерон сказал*, что ко всем великим качествам мы относимся как к деревьям: нас восхищает высота, а не ствол

* *Cic.* De orat. III, 46; 179: Quid in arboribus, in quibus non truncus, non rami, non folia sunt denique nisi ad suam retinentiam conservandamque naturam? Nusquam tamen est ulla pars nisi venusta.

и корни. Так первые проявления великолепного дарования этого человека оставались скрытыми в глубокой тени. Но их подобает поставить выше многих его удивительных дел, совершенных позднее, потому что он в годы нежной юности, как Эрехфей, воспитанный под сенью храма Минервы[2], явился на поле брани не из боевой палатки, а из тенистых аллей Академии и, покорив Германию, умиротворив течения холодного Рейна, тут пролил кровь, там заковал в кандалы руки царей, запятнанных убийством.

2

1. Проведя в напряженной деятельности зиму в вышеназванном городе, Юлиан узнал из долетавших постоянно слухов, что варвары внезапно напали на древнюю крепость Августодун*, укрепления которой, весьма впечатляющие по своим размерам, пришли к этому времени в ветхость. При этом сообщалось, что находившийся там гарнизон проявил полную бездеятельность, но собравшийся отряд ветеранов своим мужественным отпором отстоял город; как часто случается, отчаяние в собственном спасении, достигнув высшей своей степени, содействует победе над величайшими опасностями. 2. Не оставляя без внимания дела и не поддаваясь рабской лести, с которой его приближенные склоняли его к приятной и роскошной жизни, Юлиан сделал все нужные приготовления и 24 июня прибыл в Августодун, с энергией и предусмотрительностью испытанного вождя, собираясь напасть на бродивших повсюду варваров, как только представится удобный случай. 3. Проведено было совещание с участием знакомых с местностью людей для обсуждения вопроса, какой избрать самый безопасный маршрут. Мнения разделились: одни утверждали, что следует идти на Арбор... а другие на Седелавк** и Кору. 4. При этом некоторые указывали, что недавно магистр пехоты Сильван прошел с восьмью тысячами человек — хотя и с большими затруднениями — по более близкой дороге, пролегающей через труднопроходимые леса, — и Цезарь настаивал на том, чтобы последовать примеру этого храброго полководца.

---

* Ныне Отен (Autun).

** Ныне Солиё (Saulieu) в департаменте Кот д'ор.

5. Чтобы не получилось какой-либо задержки, Юлиан взял только катафрактариев и баллистариев*, мало подходящих для охраны особы командующего, и пройдя по этому пути, прибыл в Аутосиодор (Оксерр). 6. Дав здесь непродолжительный, по своему обычаю, отдых войскам, он направился к Трикасинам (Труа). Поскольку целыми толпами угрожали ему варвары, он, опасаясь их численного превосходства, тщательно охранял свой фланг; а других, заняв заранее удобную позицию, без труда сам разогнал, напав на них; некоторых, сдававшихся из страха, он взял в плен; остальным, полагавшим свои шансы в быстром отступлении, он позволил уйти безнаказанно, так как не мог гнаться за ними со своим тяжеловооруженным отрядом. 7. Уверившись в том, что ему удастся отразить их вторжения, он дошел, преодолев много опасностей, до Трикасин и прибыл туда столь неожиданно, что, когда он почти стучался в ворота, ему открыли их не без смущения из страха перед бродившими повсюду шайками варваров. 8. Задержавшись здесь на некоторое время, чтобы дать отдых своему утомленному отряду, он, считая несвоевременным промедление, направился в город Ремы: там приказано было собраться всей армии и с запасами провианта на один месяц ожидать его прибытия. Во главе этих войск стоял Марцелл, преемник Урзицина, и сам Урзицин, которому было приказано находиться в тех местах до окончания похода. 9. После некоторого колебания между различными планами военных действий решено было идти на аламаннов через Децемпаги**, и сомкнутыми колоннами, в бодром настроении солдаты двинулись на врага. 10. День был дождливый и сумрачный, ничего нельзя было разглядеть даже на близком расстоянии, и враг, пользуясь лучшим знанием местности, по обходному пути вышел в тыл Цезарю и, напав на два легиона арьергарда, едва их не уничтожил; но внезапно раздавшийся крик их призвал к ним на помощь товарищей. 11. Поняв теперь, что ни при движении вперед, ни при переправе через реки не миновать засад, Юлиан стал предусмотри-

* Cataphractarii, cataphracti — панцирная конница; ballistarii — солдаты, состоявшие при метательных машинах, баллистах, выделившиеся в те времена из прежних легионов в особые отряды; они соответствуют нашей артиллерии.

** Ныне Диэз близ Меца.

тельно медлителен — превосходное качество выдающихся полководцев, обычно идущее на пользу и спасение армиям. 12. Выяснив, что вокруг городов Аргенторат, Бротомаг, Таберны, Салисон, Неметы, Вангионы, Могонциак* варвары заняли территорию и заселяют ее, — городов они избегают, словно это опутанные сетями гробницы, — Юлиан занял прежде всего Бротомаг. Но при самом его прибытии туда против него выступил германский отряд и вызвал его на битву. 13. Юлиан построил боевую линию полукругом; обе стороны сошлись лицом к лицу, и начался бой. Враг был побежден на обоих флангах; одни были захвачены в плен, другие пали в бою, остальные бежали, положившись в спасении на быстроту ног.

3

1. Так как после этого никто не оказывал сопротивления, Юлиан решил отвоевать Агриппину, разрушенную варварами до его прибытия в Галлию. В этих местностях нет ни городов, ни укреплений кроме Ригомага**, расположенного у Конфлюэнтес***, — так называется место впадения реки Мозеллы**** в Рейн, — и башни, одиноко стоящей подле самой Колонии (Агриппины). 2. Вступив в Агриппину, он воспользовался тем, что наглость франкских царей уменьшилась под воздействием страха, и не покидал этот город, пока не заключил с ними мир, который должен был дать хотя бы временное облегчение государству, и, таким образом, обеспечил свое обладание этой сильной крепостью. 3. Радуясь этому первому своему успеху, он двинулся назад через Тревиры*), чтобы перезимовать в Сенонах**), как в подходящем в данное время городе. Неся один, как говорится, на своих плечах все бремя полнившихся войн, он разрывался между различными заботами: как вернуть назад на опасные места солдат, покинувших свои лагеря,

* Argentoratum — Страсбург, Brotomagus — Брумат, Tabernae — Рейнцаберн, Saliso — Сельц, Nemetae — Шпейер, Vangiones — Вормс, Mogontiacum — Майнц.

** Ремаген.

*** Кобленц.

**** Мозель.

*) Трир.

**) Санс.

как разгромить племена, соединившиеся по общему договору на гибель Риму, как избежать недостатка продовольствия для войска, которому предстояло совершить поход по дальним местностям.

4

1. Такие его занимали заботы, когда на него напали значительные силы врагов, воодушевленных надеждой взять город. Уверенность в успехе придавали им полученные от перебежчиков сведения, что при Юлиане нет ни скутариев, ни гентилов, которые были размещены в разных городах для большего удобства их снабжения. Но когда... 2. Распорядившись запереть ворота города и укрепить слабые участки стен, Юлиан днем и ночью находился на глазах у всех солдат на башнях и зубцах стен. Гнев в нем кипел, и со скрежетом зубовным негодовал он на то, что его постоянное стремление сделать вылазку встречало препятствие в малочисленности наличных сил. Наконец варвары, простояв 30 дней, отступили в печали, упрекая сами себя за тщетную и глупую попытку осадить город. 3. Но прямым позором было то, что магистр конницы Марцелл, находившийся поблизости, не оказал помощи оказавшемуся в опасности Цезарю, хотя он был обязан в случае нападения на город, не будь там даже Цезаря, поспешить на выручку. 4. Освободившись от осады, Цезарь со всей своей энергией прилагал все старание к тому, чтобы утомленные продолжительными трудами солдаты отдохнули не продолжительное, но достаточное для восстановления сил время, хотя земля, пострадавшая от частых опустошений, была совершенно разорена и приносила лишь самое малое количество продовольствия. 5. Отнесясь и к этой беде с самым серьезным вниманием и дав надежду на лучшие времена, он и сам приободрился духом и готовился совершить много великих дел.

5

1. Прежде всего Юлиан наложил на себя трудный обет — умеренности; он соблюдал ее так, как будто подчинялся в своей жизни законам против роскоши, которые были пере-

несены в Рим из ретр и аксонов* и долго там соблюдались; а когда постепенно были забыты, то их восстановил диктатор Сулла, исходивший из принципа Демокрита: «Счастье устраивает роскошную трапезу, а доблесть — скромную»[3]. 2. То же самое положение Катон из Тускула, получивший за свой строгий образ жизни прозвание Цензория, выразил в такой верной формуле: «Большая забота о пище — большое небрежение к доблести». 3. Внимательно перечитывал Юлиан расписание стола, которое собственноручно составил Констанций, словно отчим, отправляющий в учение пасынка, определив самовластно расходы на стол Цезаря, — и сам запретил покупать и подавать фазанов, свиную матку и вымя, довольствуясь простой и случайной пищей рядового солдата. 4. При таком умеренном образе жизни Юлиан делил свои ночи между тремя занятиями: отдых, государство и музы. То же самое делал, как мы читали, Александр Великий, но Юлиан шел много дальше. Тот ставил возле ложа раковину и в протянутой руке держал серебряный шарик, так что, когда сон ослаблял напряжение мускулов, звон упавшего шарика будил его. 5. А Юлиан просыпался без всякого приспособления столько раз, сколько хотел; в полночь он всегда поднимался — не с перин и не с шелковых тканей переливчатых цветов, но с войлока и бараньего тулупа, который называется в просторечии susurna; затем он тайно молился Меркурию[4], который, по определению теологов, будучи движущим началом мира, приводит в действие человеческий разум, и посвящал полное свое внимание государственным делам, находившимся в столь сложном положении. 6. Окончив эти трудные и серьезные дела, он обращался к упражнению своего ума, и просто невероятно, с каким жаром он одолевал трудную науку возвышенных истин и, как бы отыскивая пищу для своего стремившегося к возвышенному духа, тщательно изучал все части философии. 7. Хотя его познания в высших науках достигли совершенства, тем не менее он не пренебрегал и ниже стоявшими дисциплинами: так, он уделял некоторое внимание поэтике и риторике (о чем свидетельствует безукоризненное изящество его речей и

* Ретрами назывались законоположения, приписываемые Ликургу; αξονεζ — доски, поворачивающиеся на осях; этим именем обозначались в Афинах законы Солона.

писем, соединенное с серьезностью), а также истории нашего государства и чужих. Кроме того он обладал также в достаточной мере искусством латинской изящной речи. 8. Если верно, — о чем говорят многие писатели, — что царь Кир, лирик Симонид и элеец Гипатий, самый тонкий из софистов[5], потому обладали такой великолепной памятью, что укрепляли ее особыми снадобьями, то, пожалуй, Юлиан уже взрослым выпил целую бочку снадобья памяти, если такое вообще существует. Таковы свидетельства его целомудренности и добродетелей в часы ночных бдений. 9. А о том, какие в течение дня держал он изящные и остроумные речи, что делал для подготовки военных действий и совершал в самом бою, какое благородство и свободу духа проявил в делах гражданского управления, — обо всем этом будет сказано по отдельности в свою очередь. 10. Поскольку ему, философу, приходилось теперь как государю выполнять приемы военного учения и обучаться искусству маршировать на манер пиррихи* под звуки флейт, он произносил про себя, нередко произнося имя Платона, старую пословицу: «Седло надели на быка! Не по нам это бремя»**. 11. В один торжественный день были созваны в приемную дворца имперские агенты для раздачи им денег; когда один из них не подставил, как полагалось, полу своего плаща, а взял деньги в обе пригоршни, император сказал: «Хватать, а не получать деньги умеют агенты». 12. Получив однажды жалобу от родителей об изнасиловании их дочери, Юлиан, когда доказана была вина преступника, приговорил его к ссылке. Поскольку те остались недовольными и усмотрели оскорбление для себя в том, что их обидчик не подвергся смертной казни, Юлиан сказал: «Пусть право сделает мне упрек в мягкосердии, но законы милосердия императора должны стоять выше остальных»***. 13. Нередко при самом выступлении в поход обращались к нему разные люди с жалобами на обиды; он отправлял их для производства дела к правителям провинций, а по возвращении требовал отчета о том, что каждый прави-

* Пирриха — военный танец людей вооруженных.

** Ср.: *Cic.* Ad Attic. V, 15.

*** Сохраняем рукописное чтение *ceteris*, не изменяя его на *severis* (конъектура Келлербауэра, принятая в тексте Гардтгаузеном). Изречение изысканно и не вполне вразумительно, но оно еще темнее при поправке — *severis*.

тель сделал по этим жалобам, и с врожденной ему мягкостью уменьшал строгость наказаний за проступки. 14. Не говоря уже о победах, одержанных им над варварами, продолжавшими свои дерзкие грабежи, победах, которые принесли значительное облегчение доведенным до отчаяния галлам, польза от его управления сказалась в следующем: прибыв впервые в эту страну, он обнаружил там прямую подать в размере 25 золотых с одного капитула, а когда он покидал Галлию, то все налоги вместе составляли 7 золотых*. Поэтому галлы, ликуя и восторгаясь, говорили, что над их землей заблистало солнце после черного мрака. 15. Известно о нем и то, что до самого конца правления и жизни он соблюдал полезное правило — не позволять образоваться недоимкам путем так называемых индульгенций[6]. Он знал, что от индульгенций выигрывают только богатые, тогда как бедняки вынуждены безо всяких послаблений уплачивать налоги полностью в самом начале индикта.

16. При таких принципах управления, которые заслуживают подражания со стороны добрых государей, увеличивалась, однако, все больше дерзость варваров. 17. Как дикие звери, привыкшие нападать на стада из-за небрежности пастухов, не перестают делать то же самое после устранения прежних стражей и замены их на более бдительных и смелых, но, вынуждаемые голодом, нападают на стада крупного и мелкого скота; так и германцы, потратив все, что награбили, и чувствуя вновь голод, бросались снова на добычу, а иногда даже погибали прежде, чем им удавалось чем-нибудь поживиться.

6

1. Таковы были кампании этого года в Галлии; начатые с малой надеждой на успех, они завершились вполне благоприятным исходом. А на главной квартире Августа зависть

* По всей вероятности, Аммиан допустил здесь погрешность, исправить которую весьма затруднительно. Единицей обложения был *caput*, т. е. известное количество земли, колебавшееся в зависимости от ее качества. Слагались ли *capita* в *capitula*, об этом ничего не известно. Налог в 25 золотых, а потом в 7 золотых с одной единицы обложения — невероятно велик, потому поправка *capitula* на *capita*, принятая и Гардтгаузеном, дела не улучшает. См.: *Seeck*, Rhein. Mus. 49 (1894), с. 630—632.

приводила ко всяческому очернению Арбециона, как будто он осуществлял всякие махинации для того, чтобы захватить верховную власть. С большой яростью нападал на него комит Вериссим, бросавший ему прямо в лицо обвинения в том, что, начав простым солдатом и достигнув высшего военного звания* и не довольствуясь этим, он стремится к императорскому достоинству. 2. Особенно преследовал его некто Дор, бывший медик скутариев, который, как я сообщал**, был назначен при Магненции центурионом по охране памятников искусства в Риме;[7] он выступал обвинителем городского префекта Адельфия***, якобы стремившегося к верховной власти. 3. Когда же дошло до следствия, приняты были необходимые предварительные меры для производства дела, и все ожидали подтверждения виновности совершенно неожиданно; благодаря старанию спальников, как гласила упорная молва, сразу отпущены были из оков лица, подвергнутые предварительному заключению по обвинению в соучастии, Дор исчез, и смолк вдруг Вериссим, словно на сцене, когда опущен занавес.

7

1. Примерно в то же время до Констанция дошли слухи о том, что Марцелл не помог Цезарю, когда тот был осажден в Сенонах. За это он уволил Марцелла из армии и приказал ему удалиться на родину. Усмотрев в этой отставке тяжкую для себя обиду, Марцелл стал строить козни против Юлиана, рассчитывая на податливость императора ко всяким наговорам.

2. Поэтому после отъезда Марцелла из Галлии послан был немедленно препозит опочивальни Евтерий с поручением уличить его, если он что-либо сочинит. А тот, не зная об этом, вскоре явился в Медиолан и поднял шум, как человек пустой и чуть ли не сумасшедший. Будучи допущен на аудиенцию, он стал обвинять Юлиана в вызывающей дерзости и в том, будто он примеряет на себя крылья для более высокого полета. Такие речи держал он, сопровождая их страшно

* Ср.: 15, 2, 4.

** В недошедшей части сочинения.

*** Адельфий был префектом в 351 г.

возбужденными жестами. 3. Он еще предавался своему свободному сочинительству, когда допущен был в залу совета Евтерий по своей просьбе. Получив разрешение говорить, Евтерий начал почтительно и спокойно разъяснять, что истина затемнена здесь ложью. Несмотря на то, что магистр оружия (Марцелл) намеренно, как все думали, не оказал поддержки, Цезарь благополучно выдержал осаду в Сенонах благодаря своей предусмотрительности и энергии и отразил натиск варваров; а за то, что Юлиан до конца жизни будет верным слугой возвеличившего его государя, Евтерий ручался своей головой. 4. Это обстоятельство дает мне повод сказать еще несколько слов об Евтерии, что, быть может, не найдет веры, поскольку даже если бы сами Нума Помпилий и Сократ сказали доброе слово об евнухе и свои слова заверяли клятвой, то их все-таки стали бы обвинять в пренебрежении истиной. Но среди терниев растут розы, и между дикими зверями встречаются ручные. Поэтому я хочу вкратце изложить важнейшие события его жизни, насколько они мне известны. 5. Родом он был из Армении и родился у свободных родителей; еще ребенком он был взят в плен соседним вражеским племенем, оскоплен и, будучи продан римским купцам, попал во дворец Константина. Подрастая там, он выказывал прекрасные моральные качества и деловитость; приобрел достаточное для своего положения научное образование, проявлял чрезвычайную остроту ума и сообразительность при изучении трудных и глубоких предметов и обнаруживал невероятную память. Стремящийся к добрым делам, он был всегда наготове с добрым советом. Если бы император Констант слушался благородных и разумных советов Евтерия, ставшего уже взрослым человеком, то за ним не было бы проступков, или только самые простительные.6. Состоя при Юлиане в должности препозита опочивальни, Евтерий иногда делал даже ему замечания, если тот проявлял легкомыслие вследствие привычки к азиатским обычаям. Наконец он вышел в отставку; но потом был причислен ко двору и, отличаясь всегда здравомыслием, соблюдал столь неукоснительную честность и воздержание, эти великие добродетели, что никогда не выдал ничьей тайны, разве только чтобы спасти жизнь другого, никогда не навлек на себя обвинения в корыстолюбии либо стяжании в отличие от остальных евнухов. 7. Поэтому когда он изредка посещал Рим и

позднее поселился там в годы старости, то, при неизменном сопутствии своей чистой совести, он пользовался и пользуется почтением и любовью всех слоев общества; обыкновенно же подобные люди, нажив неправедно большие богатства, стараются, подобно страдающим светобоязнью, скрыться в какое-нибудь недоступное место, избегая взоров обиженных ими людей.

8. С каким из евнухов древности сравнить мне его, не мог я найти, хотя производил старательные розыски во многих книгах. Были в древности, хотя и очень мало, верные и честные евнухи, но на всех них было какое-нибудь пятно. При тех добрых качествах, какие имел каждый от природы или приобрел собственным старанием, они или отличались корыстолюбием, или заслуживали презрения за свою жестокость, или имели склонность вредить другим, или были слишком податливы для людей своей партии, или возгордились в сознании своего влияния. Но я, признаюсь, никогда не читал и не слышал о таком во всех отношениях превосходном человеке, в установлении чего могу с уверенностью сослаться на общее суждение нашего поколения. 9. Если же какой-нибудь дотошный знаток древней истории противопоставит нам Менофила, евнуха Митридата, царя Понтийского, то пусть вспомнит, что о нем ничего не известно, кроме одного подвига, который был им славно совершен в момент крайней опасности, а именно: 10. когда этот царь, разбитый в решающем сражении римлянами, возглавляемыми Помпеем, бежал в царство колхов, то оставил в крепости Синории* свою тяжелобольную дочь Дрипетину, вверив ее заботам самого Менофила. Вылечив девушку всеми средствами медицинской науки, Менофил самым внимательным образом берег ее, чтобы возвратить отцу. Когда же укрепление, в котором он находился, осадил Манлий Приск, легат главнокомандующего, и доходили вести, что гарнизон помышляет о сдаче, то, опасаясь, как бы знатная девушка не попала в плен и не оказалась изнасилованной на позор ее отцу, Менофил убил ее и затем всадил меч в свои внутренности**. Но возвращаюсь к тому, на чем я прервал свой рассказ.

---

* На границе Большой и Малой Армении.

** *Val.* Max. I, 8.

8

1. Опасность со стороны Марцелла, как я сказал, была устранена, и он вернулся в Сердику*, откуда был родом. Между тем при дворе Августа совершалось много позорных дел под предлогом охраны императорского величества. 2. Стоило кому-либо обратиться с вопросом к знатоку по поводу свиста полевой мыши**, встречи с лаской или подобного знамения, стоило прибегнуть для облегчения болезни к старушечьим заговорам — способ лечения, который допускает даже медицинская наука, — тотчас следовал с той стороны, откуда нельзя было и ждать этого, суд и смертная казнь. 3. В это время... жена некоего Дана, рассчитывая только попугать своего мужа, пожаловалась на него за какие-то мелкие проступки... Против этого ни в чем не повинного человека злоумышлял Руфин, состоявший и тогда за свое подобострастие старшим в канцелярии префекта претория***. Выше я сообщил, что по доносу Руфина, воспользовавшегося какими-то сведениями, полученными от имперского агента Гауденция, был казнен тогдашний консуляр Паннонии Африкан вместе со своими сотрапезниками. 4. Как сам Руфин с хвастовством рассказывал, он соблазнил легкомысленную жену Дана и вовлек ее в опасное мошенничество: он убедил ее разной ложью обвинить своего невиновного мужа в оскорблении величества и сочинить, что Дан украл с гробницы Диоклетиана пурпурное покрывало и скрывал его вместе с несколькими лицами. 5. Подготовив таким образом погибель многим и надеясь этим возвыситься, Руфин помчался на главную квартиру, чтобы, как обычно, пустить там в ход свою клевету. Когда он сделал доклад, Маворций, состоявший тогда префектом претория, человек неукоснительно твердый, получил приказ произвести строжайшее расследование этого преступления, а в товарищи к нему для допроса был назначен Урсул, комит финансов, отличавшийся также строгостью. 6. Дело значительно разрасталось по духу того времени. Многие были подвергнуты пыткам, но дело

* Ныне София, столица Болгарии.

** *Plin.* Hist. nat. VIII, 57, 223: Nam sorieum occentu derimi auspicia annalis refertos habemus.

*** Ср.: 15, 3, 8 — должность эта исполнялась обыкновенно в течение двух лет.

нимало не продвигалось, и судьи оказывались в полном недоумении. Наконец выяснилась долго скрываемая истина, и та женщина созналась, что Руфин был виновником всей этой интриги, не скрыла и позора своего прелюбодеяния. Тотчас сообразно с действующими на сей предмет законоположениями... оба были осуждены на смертную казнь, как того требовали порядок и справедливость. 7. Известие об этом привело Констанция в ярость, и, скорбя о гибели Руфина, являвшегося как бы охранителем его благополучия, он послал верховых курьеров с грозным приказом Урсулу вернуться ко двору и явиться к ответу*. Но тот, не обращая внимания на преграждавших ему доступ к императору, бесстрашно проник к нему и, войдя в консисторий, смело и правдиво разъяснил дело. Эта отвага заткнула рты льстецам, и Урсул спас от страшных опасностей как префекта, так и себя самого.

8. Тогда случилось в Аквитании событие, наделавшее много шума. Какой-то негодяй был приглашен на богатый и роскошный пир, которые нередко даются в тех местах. Там он увидел два покрывала на обеденных ложах с такими широкими пурпурными полосами, что при искусной драпировке они казались пурпурной тканью, такими же скатертями был покрыт и стол. Оттянув снизу обеими руками переднюю часть своего плаща, он драпировался так, что оказался словно облеченным в императорское одеяние. Этот случай погубил богатое состояние. 9. Такой же коварный поступок совершил один имперский агент в Испании, будучи также приглашен на пир. Когда он услышал обычный возглас слуг, вносивших вечерние светильники: «Да будет наша победа!»**... злостно истолковал эти слова и погубил знатное семейство.

10. Такие случаи становились тем более часты, что Констанций, со своей чрезмерной подозрительностью, постоянно грезил покушениями на свою жизнь. Он уподобился в этом знаменитому сицилийскому тирану Дионисию[8], который из-за этой своей слабости научил своих дочерей парикмахерскому искусству, чтобы не поручать бритье своего лица

* Переводим так неясное выражение: sistere veritati.

** После слова vincamus в оригинале стоит начало какого-то слова perun и затем приходится лакуна. Возглас tu vincas был приветствием императору и сохранялся в Византии в VI в., а вероятно и позднее. Ср.: *Theoph.* Chr. p. 182 de Boor.

кому-либо чужому. Тот же Дионисий окружил маленький домик, который служил ему обычно местом ночного отдыха глубоким рвом, через который был перекинут разборный мостик; отходя ко сну, он уносил с собою разобранные балки и доски этого моста, а утром опять водворял их на место, чтобы иметь возможность выйти. 11. Раздували пламя общественных бедствий также и влиятельные при дворе лица, с тем чтобы присоединить к своему имуществу добро осужденных и иметь возможность расширять свои земельные владения, включая в них соседние участки. 12. На основании совершенно ясных свидетельств можно утверждать, что впервые Константин дал открыть пасть своим приближенным, а Констанций кормил их до отвала самым мозгом провинций. 13. При нем первые люди всех рангов пылали ненасытной жаждой обогащения без всякого стеснения перед правдой и справедливостью. Среди гражданских лиц выделялся в этом отношении префект претория Руфин, а среди военных — магистр конницы Арбецион, препозит царской опочивальни... квестор..., а в Риме Аниции... которые, следуя примеру предков, никогда не могли насытиться, хотя состояние их непрерывно возрастало*.

9

1. Между тем на Востоке персы захватывали людей и скот скорее путем воровского разбоя, нежели в правильных боевых схватках, как то было в прежнее время. В одних случаях им удавалось поживиться благодаря неожиданности нападения, в других — они терпели урон, преодоленные численностью наших солдат, а иногда наши не давали им возможности высмотреть, где бы можно им было чем-нибудь поживиться. 2. Префект претория Музониан**, человек, как я раньше отметил, высокообразованный, но продажный и легко отступавший от истины ради денег, разузнавал о планах персов через умелых и ловких в обмане соглядатаев. Советником в этих делах он привлекал Кассиана, дукса Месопотамии, закаленного продолжительной службой и всякого рода опасностями.

* Ср.: *Zos.* 6, 7.

** Ср.: 15, 23.

3. Когда они узнали из достоверных и подтверждающих друг друга сообщений лазутчиков, что Сапор, несмотря на понесенные им тяжелые потери в людях, с трудом отражает на дальних рубежах своего царства враждебные народы, то попытались начать тайные переговоры через каких-то солдат с персидским военачальником Тамсапором, который командовал в пограничных с нами областях. Они подстрекали Тамсапора обратиться, если представится удобный случай, к своему царю с письмом и посоветовать ему заключить наконец мир с римским императором, что дало бы царю возможность, обезопасив себя на всех флангах, напасть на тревоживших его непрестанно врагов. 4. Тамсапор послушался и, полагаясь на них, написал царю, что Констанций, подавленный жестокими войнами, умоляет его заключить мир. Много прошло времени, пока это письмо дошло в область хионитов и евсенов, где проводил зиму Сапор.

10

1. Пока в восточных областях и в Галлии принимались по обстоятельствам такие меры, Констанций, как будто он запер храм Януса[9] и поверг всех врагов, захотел посетить Рим, чтобы после гибели Магненция справить триумф над римской кровью, не принимая никакого титула. 2. Самолично он не победил никакого народа, находившегося в войне с Римом, не получил также вести о поражении какого-нибудь народа благодаря доблести своих полководцев, не прибавил новой области к Римской державе, никогда не видели его в трудную минуту на поле брани первым или в числе первых. Но он хотел показать блистательную процессию, сверкающие золотом знамена, великолепную свиту мирному народу, не имевшему надежды увидеть когда-либо что-нибудь подобное и даже не мечтавшему об этом. 3. Вероятно, он не знал, что некоторые императоры древности в мирное время довольствовались ликторами[10], а когда пыл брани не допускал бездействия, один доверился во время страшного вихря рыбацкому челноку*, другой, по примеру Дециев[11], отдал свою жизнь за спасение государства**, третий[12] лично осмо-

* Юлий Цезарь.
** Клавдий Gothicus.

трел с простыми солдатами лагерь врага*, и вообще многие прославились блистательными деяниями и тем создали себе славную память у потомков.

4. (Не стану рассказывать об) огромных расходах на приготовления... во вторую префектуру Орфита**, пройдя через Окрикул***, любуясь оказываемыми ему великими почестями, окруженный грозной военной охраной, словно армией в боевом порядке, совершал Констанций свой путь, и взоры всех были прикованы к этом зрелищу. 5. Когда он приближался к столице, сенат вышел ему навстречу, и он с радостным видом принимал почтительные приветствия сената, разглядывал почтенные лики людей патрицианского происхождения и не думал, как Кинеас, посол Пирра[13], что перед ним собралось в одно место множество царей****, но что тут место сбора всего мира. 6. Перенося свои взофы на народ, он приходил в изумление, с какой быстротой съехались в Рим люди со всех концов земли. И, как бы желая устрашить Евфрат и Рейн видом оружия, он вслед за двойным рядом знамен восседал один на золотой колеснице, украшенной различными драгоценными камнями, игравшими на солнце переливающимся светом. 7. Вслед за длинным строем передней части свиты несли драконов с пурпурными нашивками, прикрепленных к верхушкам копий, блиставшим золотом и драгоценными камнями; колеблемые ветром, они, словно разъяренные, шипели своей огромной пастью, и хвосты их вились в воздухе длинными извивами. 8. По обеим сторонам шел двойной ряд воинов со щитами, в шлемах, на которых переливчатым светом играли султаны, и в блестящих искрящихся панцирях. То тут, то там видны были закованные в доспехи всадники, которых называют клибанариями; покрытые панцирем и опоясанные железными полосами, они казались изваянными рукой Праксителя[14] статуями, а не живыми людьми. Тонкие железные колечки, скрепленные между собою, охватывали все части тела, приспосабливаясь к их изгибам, так что при каком угодно движении тела одеяние плотно облегало его части.

9. Приветственные выкрики его императорского имени и

* Галерий Максимиан.

** 357 г., первая его префектура — 354 г.

*** Ныне Отриколи, у подошвы горы S. Oreste, в древности Соракте.

**** *Flor.* I, 18.

отдававшиеся звуки рогов оставляли его невозмутимым, и он выказывал себя таким же величавым, каким видели его в провинциях. 10. Будучи очень маленького роста, он наклонялся, однако, при въезде в высокие ворота, устремлял свой взор вперед, как будто его шея была неподвижна, и, как статуя, не поворачивал лица ни направо, ни налево; он не подавался вперед при толчке колеса, не сплевывал, не обтирал рта, не сморкался и не делал никаких движений рукой. 11. Хотя это было для него привычными манерами, но как это, так и кое-что другое из его личной жизни являлось показателем большой выдержки, на которую, как можно думать, только он был способен. 12. А то, что в течение всего времени своего правления он никогда никого не посадил рядом с собою на колесницу, ни с одним лицом неимператорского дома не разделил консулата, как делали то покойные императоры, и многое другое подобное, что он со времени своего возвышения на трон соблюдал как священнейшие законы, — это все я опускаю, имея в виду, что я упоминал об этом при подходящем случае.

13. Вступив в Рим, обитель мирового владычества и всех доблестей, и дойдя до ростр[15], он был поражен обилием дивных памятников, свидетелей древнего могущества, красовавшихся на Форуме, повсюду, куда бы ни направлялся его взор. В курии он обратился с речью к знати, к народу — с трибунала; затем отправился во дворец, провожаемый восторженными криками, и получил то наслаждение, которое ожидал. Часто веселил его, когда он давал конные игры, острый язык римской толпы, не впадавшей в дерзкий тон, но и не терявшей в то же время прирожденного ей чувства свободы, и сам он соблюдал в отношениях с народом должную меру внимания. 14. Так, он не определял лично исхода состязания по собственному усмотрению, как то делал в остальных городах империи, но, согласно обычаю, предоставлял это игре случая. Осматривая части города, расположенные на семи холмах по склонам и на равнине, а также предместья, он находил, что все, что он видел впервые, затмевает все остальное: храм Юпитера Тарпейского[16], представлявшийся ему настолько выше всего другого, насколько божественное выше земного; здания общественных бань, обширные как целые провинции; громада амфитеатра, сложенная из тибуртинского камня и такой высоты, что ее едва достает человеческий взор;

Пантеон[17], круглое громадное здание, заканчивающееся вверху сводом; высокие столбы с внутренней лестницей, на которых воздвигнуты статуи консулов и прежних императоров; храм города Рима[18], Форум Мира[19], театр Помпея[20], Одеон[21], Стадий[22] и другие красоты Вечного города. 15. Но когда он пришел на Форум Траяна[23], сооружение единственное в целом мире, достойное, по-моему, удивления богов, он остолбенел от изумления, обводя взором гигантские строения, которые невозможно описать словами и которые никогда не удастся смертным создать во второй раз. Оставив всякую надежду соорудить что-либо подобное, он сказал, что хочет и может воспроизвести только помещенного в середине атрия Траянова коня, на котором красовалась фигура императора. 16. Стоявший рядом с ним царевич Ормизда[24], о бегстве которого из Персии я раньше упоминал*, сказал на это со свойственным его народу остроумием: «Сначала прикажи, император, построить такую конюшню, если можно; конь, которого ты собираешься соорудить, должен так же широко шагать, как и тот, который перед нами». Этот самый Ормизда на вопрос, как он находит Рим, отвечал, что ему понравилось здесь только то, что, как он узнал, и здесь умирают люди. 17. Осмотрев многое с величайшим изумлением, император жаловался на бессилие и злую молву, которая, вообще все преувеличивая, при описании чудес Рима оказывается слабой. Долго обсуждал он вопрос, что бы ему соорудить, и решил умножить красоты города обелиском в Большом Цирке[25]. О происхождении и форме этого обелиска я расскажу в подходящем месте.

18. В то же время царица Евсевия подвергала преследованиям Елену, сестру Констанция, жену Цезаря Юлиана, которая была приглашена в Рим под видом сердечного к ней расположения. Будучи сама бесплодной всю свою жизнь, Евсевия коварством заставила ее выпить особое снадобье, чтобы каждый раз, как она забеременеет, у нее случался выкидыш. 19. Уже до этого Елена потеряла ребенка мужского пола, который родился у нее в Галлии: подкупленная повивальная бабка урезала ему больше, чем нужно, пуповину и этим его убила. Такую ревностную заботу прилагали для того, чтобы не дать появиться потомству от доблестного мужа (Юлиана).

* В недошедшей до нас части сочинения.

20. Хотя император имел сильнейшее желание подольше побыть в этом священнейшем месте, чтобы наслаждаться невозмутимым покоем и всеми радостями, его тревожили непрерывные и вполне достоверные вести о том, что свевы делают набеги на Рэцию, квады на Валерию, сарматы, наиболее поднаторевшее в грабежах племя, разоряют Верхнюю Мезию и Вторую Паннонию. Встревоженный этими вестями, Констанций покинул город на тридцатый день по прибытии туда, 29 мая, и через Тридент поспешно направился в Иллирик. 21. Оттуда он послал на место Марцелла Севера, опытного в военном деле и уже пожилого полководца, а Урзицина вызвал к себе. Получив с радостью письмо императора, Урзицин отправился со своею свитой в Сирмий. После продолжительного обсуждения мероприятий в случае мира с персами, на заключение которого дал надежду Музониан, император отослал Урзицина на Восток с полномочиями магистра. Старшие из моих товарищей получили повышение и были назначены на офицерские должности в армии; а нам, младшим, было приказано следовать за Урзицином для исполнения служебных поручений, которые он на нас возложит.

11

1. Тревожную зиму провел Цезарь в Сенонах, и в год девятого консульства Августа и второго своего*, когда со всех сторон раздавались угрозы германцев, покинул при добрых знамениях зимние стоянки и бодро поспешил в Ремы**. Настроение его было тем радостнее, что армией командовал Север, человек, не склонный к ссорам и не высокомерный, приученный долгим военным опытом к повиновению, который будет готов как дисциплинированный солдат следовать за вождем, указывающим правильный путь. 2. С другой стороны, Барбацион, назначенный после гибели Сильвана магистром пехоты, пришел по приказу императора из Италии с армией в 25 тысяч человек в Равраки***. 3. Приняты были продуманные меры для осуществления плана, состоящего в

* 357 г.

** Реймс.

*** Аугст близ Базеля.

том, чтобы аламаннов, которые тогда свирепствовали больше обычного и предпринимали далекие грабительские походы, взять с обоих флангов двумя армиями как бы в тиски и перебить их. 4. Когда уже приступили к скорейшему выполнению этого хорошо разработанного плана, леты-варвары, умевшие поймать момент для грабежей, прошли незаметно между лагерями той и другой армии и напали на не чаявший беды Лугдун;* они едва не разграбили и не сожгли его внезапным нападением, но ворота успели закрыть, и им пришлось, таким образом, ограничиться разорением того, что можно было найти вне города. 5. Получив известие об этом несчастье, Цезарь сразу отрядил три эскадрона легкой конницы из самых храбрых людей для наблюдения за тремя дорогами, по которым, как он предполагал, должны были прорываться назад грабители. И этот план удался. 6. Все те, кто шел по тем дорогам, были перебиты, добыча отобрана вся полностью; спаслись только те, которые прошли через вал Барбациона. Им удалось ускользнуть лишь благодаря попустительству трибуна скутариев Целлы, прикомандированного на этот поход к Барбациону. Для наблюдения за валом были отряжены трибуны Байнобавд и Валентиниан, будущий император, с находившимися под их командой конными силами; но Целла не позволил им занять дорогу, по которой, как стало известно, возвращались германцы. 7. Бездеятельный магистр пехоты (Барбацион), упорный завистник военной славы Юлиана, не довольствуясь тем, что сознательно отдал приказ в ущерб интересам римлян, — это удостоверил Целла, когда его привлекли к ответственности, — обманул еще Констанция в своем донесении: он придумал, будто эти трибуны под видом заботы об общем деле явились собственно для того, чтобы агитировать среди солдат, которых он привел с собою. Поэтому трибуны были лишены своего звания и как частные люди отправлены на родину.

8. В то же самое время поселившиеся на нашей стороне Рейна варвары, напуганные приходом наших войск, частью нарубив огромных деревьев, старательно загородили дороги, и без того труднопроходимые и от природы крутые; частью заняв многочисленные острова на Рейне, подняли зловещий вой, понося римлян и Цезаря. Возмущенный этим

* Лион.

Цезарь потребовал от Барбациона, для поимки некоторых из них, семь кораблей из тех, которые тот, собираясь устроить переправу, изготовил для наведения мостов. Но Барбацион, чтобы ни в чем не содействовать ему, сжег все свои суда. 9. Наконец, Цезарь узнал со слов недавно захваченных лазутчиков, что в наступившую уже сухую пору лета можно перейти реку вброд; он обратился с уговорами к вспомогательным легковооруженным войскам и послал их с трибуном корнутов Байнобавдом совершить, если посчастливится, достойное памяти дело. Перебираясь вброд, а кое-где вплавь на щитах, как на челноках, они выбрались на ближайший остров, вышли на берег и перебили всех мужчин и женщин без различия возраста, как скотину. Захватив пустые челноки, они пустились на них вплавь по реке, несмотря на их утлость, пробрались в очень много таких мест и, когда им надоело убивать, вернулись все невредимые назад, нагруженные богатой добычей, часть которой они еще потеряли из-за сильного течения реки. 10. Остальные германцы, узнав об этом, покинули небезопасное убежище, которое представляли острова, и увезли подальше в глубь страны семьи, запасы и свое варварское имущество.

11. Тогда Юлиан занялся восстановлением Трех Таберн* — так называлось укрепление, которое было недавно разрушено яростным нападением врагов. Можно было рассчитывать, что восстановление этого укрепления создаст препятствие для обычных набегов германцев внутрь Галлии. Он закончил работы быстрее, чем предполагал, и оставил там запасы продовольствия на целый год для гарнизона, который намеревался там оставить. Руками солдат был собран с полей варваров хлеб, причем дело не обошлось без столкновений с врагом. 12. Не ограничившись этим, Юлиан собрал также продовольствие на двадцать дней для своей армии. Его солдаты с бóльшим удовольствием потребляли добытое собственными руками, разгневанные тем, что из запасов, которые были недавно для них доставлены, им не удалось получить ничего: обоз проходил поблизости от Барбациона, и тот высокомерно захватил себе часть этих запасов, а остальное свалил в кучу и предал огню. По необдуманности ли и глупости позволял он себе такие поступки, дерзкие и преступные, или имел на то

* Ныне Эльзас — Цаберн (Saverne).

приказ от императора, — осталось и доселе неясным. 13. Но тогда повсюду ходила молва, будто Юлиан был избран в Цезари не с тем, чтобы облегчить трудное положение Галлии, но чтобы погубить его самого в жестокой войне, так как думали, что, при своей полной неопытности в военном деле, он не вынесет самого звука оружия. 14. Пока быстро возводились лагерные укрепления и часть солдат вела караульную службу на развернутых в линию постах, а другие собирали хлеб, принимая меры предосторожности против засад, полчища варваров с быстротою, предупредившей всякие слухи, внезапно напали на Барбациона, который, как уже сказано, стоял со своей армией за Галльским валом[26], и погнали бегущих до Рavраков и дальше, насколько было возможно. Захватив бóльшую часть обоза и вьючных животных с погонщиками, германцы вернулись домой. 15. А Барбацион, как будто поход был благополучно закончен, разместил своих солдат по зимним стоянкам и вернулся на главную квартиру императора, чтобы там, по своему обычаю, интриговать против Цезаря.

12

1. Когда распространились вести об этом постыдном отступлении, цари аламаннов Хонодомарий и Вестральп, а также Урий и Урзицин с Серапионом, Суомарием и Гортарием, собрали в одном месте все свои силы и избрали позицию близ города Аргентората, предполагая, что Цезарь, опасаясь окончательного поражения, отступил, тогда как он был занят завершением укреплений своего лагеря. 2. Их наглость, высоко поднявшую свою голову, усилил один перебежчик-скутарий, который перешел к ним после отступления бежавшего вождя (Барбациона) из страха наказания за совершенное им преступление. Он сообщил, что с Юлианом осталось только 13 тысяч человек — такое число и было с ним в действительности, хотя варвары в диком бешенстве стягивали отовсюду исполненные боевым задором силы.

3. Перебежчик много раз подтверждал свое заявление; это подзадоривало германцев, и они отправили к Цезарю посольство с высокомерным требованием освободить земли, которые они приобрели силой оружия и своей храбростью. Не ведая страха, чуждый гнева и печали, относясь лишь с насмешкой к высокомерию варваров, Юлиан задержал по-

слов до окончания работ по укреплению лагеря и оставался непоколебим в своей твердости.

4. Душой и зачинщиком всего движения был царь Хонодомарий, который вел усиленную агитацию, появляясь повсюду, вмешиваясь во все и побуждая к опасным предприятиям. Он держал себя крайне надменно, гордясь своими неоднократными удачами. 5. Он победил Цезаря Деценция[27], встретившись с ним в правильном бою, захватил и опустошил много цветущих городов и, не встречая никакого противодействия, прошел всю Галлию своими дерзкими набегами. Усилению его наглости содействовало недавнее бегство римского полководца, армия которого превосходила его и числом и силою. 6. По знакам различия на щитах аламанны признали в солдатах Барбациона тех самых, из-за которых лишь немногие из их грабительских банд вернулись на родину, тех самых, от которых они не раз, когда приходилось сталкиваться лицом к лицу, убегали с большими потерями. Все усиливающееся движение германцев беспокоило Цезаря, так как после отступления Барбациона в самое трудное время ему приходилось с небольшой, хотя и храброй армией выдерживать напор весьма многочисленных орд.

7. Уже золотящими лучами блистало солнце, когда под звуки труб стала медленным шагом выступать пехота, прикрытая на обоих флангах кавалерией, среди которой были отряды катафрактариев и стрелков, грозный род оружия. 8. И так как расстояние от места, с которого двинулось римское войско, до вала варваров было 14 левг, т. е. 21 миля*, то, в разумной заботе как о пользе дела, так и безопасности, Цезарь отозвал ушедшую было вперед легкую кавалерию и, водворив обычными возгласами спокойствие, держал к расположившимся вокруг него клиньями войскам такую речь в свойственном ему любезном тоне:

9. «Забота о нашем общем благе — чтобы выразиться как можно мягче — создает необходимость для вашего Цезаря, преисполненного в душе своей бодрости, убеждать и просить вас, мои боевые товарищи, чтобы вы, питая полную уверенность в нашей могучей храбрости, предпочли поспешному и рискованному образу действия более безопасный путь к перенесению и отражению предстоящих нам опасностей.

* 30 км.

10. Подобает юным воинам быть в опасностях бодрыми и отважными, но, когда того требуют обстоятельства, они должны проявлять послушание и рассудительность. Итак, если вы согласны меня выслушать и ваше справедливое негодование на врага может повременить, с удовлетворением изложу вкратце свои мысли.

11. День приближается уже к полудню, а нас, ослабленных из-за утомительного перехода, ожидают трудные и темные тропинки, ночь на ущербе луны, не освещенная звездами, почва, опаленная зноем и не обещающая нам в поддержку никаких водных истоков. Допустим, переход не представит никаких затруднений; но что будет с нами, когда на нас бросятся полчища врагов, отдохнувших и подкрепившихся пищей и питьем? С какими силами встретим врага мы, истомленные голодом, жаждой и трудами? 12. Своевременное распоряжение часто выручало в труднейших обстоятельствах, и при помощи разумного совета, благосклонно принятого, не раз спасала божеская помощь поколебавшееся уже положение дел. Так отдохнем же здесь, под охраной рва, вала и расставленных сторожевых постов, подкрепим себя по мере возможности сном и пищей и подымем — говорю с упованием на Бога — наших победоносных орлов и наши победные знамена, когда забрезжит дневной свет».

13. Солдаты не дали ему закончить своей речи. Скрежеща зубами и выказывая свое боевое воодушевление ударами копий о щиты, просили они вести их на показавшегося уже неприятеля, уверенные в благоволении Бога небесного, в своем мужестве и в известных доблестях своего счастливого вождя. Как показал результат, некий спасительный гений побуждал их к бою, незримо присутствуя, пока мог быть с ними.

14. Это бодрое настроение поддержано было полным сочувствием высших чинов, особенно префекта претория Флоренция, который полагал, что немедленное вступление в бой, хотя и является делом рискованным, имеет под собой серьезное основание, пока варвары стоят в густых колоннах. Если же они рассеются, то, говорил он, при свойственной солдатам склонности к возмущениям не удержать их от бунта; они возмутятся, что победа вырвана у них из рук, и могут решиться на опрометчивые поступки. 15. Уверенность нашим придавали два соображения. Они помнили, во-первых, что в прошед-

шем году, во время далеких передвижений римлян по зарейнским местностям, никто не выступил на защиту своего очага и не оказал сопротивления: преградив повсюду дороги частыми завалами из срубленных деревьев, варвары в суровую зимнюю стужу ушли далеко и кое-как влачили существование. Во-вторых, наши не забыли, что, когда император вступил на земли варваров, последние не посмели ни сопротивляться, ни показаться ему на глаза, но униженными просьбами вымолили себе мир. 16. При этом никто, однако, не принимал в расчет, что обстоятельства изменились. Тогда варварам грозила гибель с трех сторон: император напирал через Рэцию, стоявший поблизости Цезарь не давал им никуда уйти, соседние племена, из-за каких-то несогласий оказавшиеся во враждебных с ними отношениях, теснили с тыла окруженных с той и другой стороны. Но потом император, даровав им мир, удалился; соседние народы, прекратив раздоры, жили с ними в согласии; а постыдное отступление римского полководца (Барбациона) восстановило их прирожденную воинственность. 17. Кроме того, положение римлян было отягчено еще следующим обстоятельством. Два брата-царя, связанные узами мира, который с ними в прошлом году заключил Констанций, не смели ни восставать, ни предпринять что-либо. Но немного времени спустя один из них, Гундомад, который был могущественнее и лучше хранил нам верность, был коварно убит, а весь его народ заключил соглашение с нашими врагами; а сразу после этого народ Вадомария... как он утверждал, самовольно присоединился к полчищам воюющих с нами варваров.

18. И вот, когда все, и высшие и низшие чины, считали данный момент наиболее удобным для битвы и всеобщее возбуждение не уменьшалось, вдруг воскликнул знаменосец: «Шествуй, счастливейший Цезарь, куда тебя ведет благорасположенная судьба. В твоем лице — давно желанное зрелище! — идут на битву храбрость и разум. Иди впереди нас, как счастье предвещающий и храбрый передовой воин. Ты на опыте узнаешь, что может проявить в возбуждении своей силы солдат на глазах воинственного предводителя, непосредственного свидетеля подвигов, только бы была помощь Бога вышнего». 19. После этого возгласа не было уже времени для проволочек. Войска тронулись вперед и дошли до отлогого холма, покрытого спелым уже хлебом, находящегося

недалеко от берега Рейна. С его вершины сорвались неприятельские разведчики, три всадника, и поспешили к своим, чтобы известить о приближении римского войска; а один пехотинец, который не мог за ними последовать, был захвачен быстрым нападением наших и показал, что германцы переходили через реку три дня и три ночи. 20. Когда наши командиры увидели, что враги уже поблизости строятся в тесные клинья, они остановились и выстроили несокрушимую стену из людей первой шеренги, шеренги со знаменами и старших в рядах. С такими же предосторожностями стали и враги в своем строю по клиньям. 21. И когда они увидали, что вся конница, как раньше сообщил о том вышеназванный перебежчик, выставлена против них на правом крыле, все, что у них были конные силы, они поместили на левом крыле в сомкнутых рядах. Но среди всадников разместили они легкую пехоту, что было вполне целесообразно. 22. Они знали, что конный боец, как бы ни был он ловок, в схватке с нашим клибанарием, держа узду и щит в одной руке и копье на весу в другой, не может причинить вреда нашему закованному в железо воину; а пехотинец в опасную минуту боя, когда все внимание сражающегося сосредоточено на противнике, назаметно подкрадываясь по земле, ударом в бок коню может свалить всадника, если тот не побережется, и без затруднения убить его.

23. Построившись таким образом, варвары укрепили свой правый фланг хитро укрытыми засадами. Предводительствовали над всеми воинственными и дикими полчищами Хонодомарий и Серапион, превосходившие властью других царей. 24. Преступный зачинщик всей этой войны, Хонодомарий, с пунцовым султаном на голове, смело выступал, полагаясь на свою огромную силу впереди левого крыла, где предполагался наиболее ожесточенный бой. Конь под ним был в пене, в руке его торчало копье ужасающих размеров, блеск от его оружия распространялся во все стороны; прежде — храбрый солдат, теперь — полководец, далеко превосходивший всех остальных. 25. Правое крыло вел Серапион, тогда еще юноша с едва опушившимися щеками, но не по летам деятельный и энергичный. Он был сын брата Хонодомария, Медериха, который в течение всей своей жизни проявлял по отношению к Риму величайшее вероломство. Свое имя он получил потому, что его отец, пробыв долго в качестве заложника в Галлии и познакомившись с

некоторыми греческими таинствами[28], дал такое имя своему сыну, называвшемуся ранее на родном языке Агенарихом. 26. За ними следовали ближайшие к ним по власти цари, числом пять, десять царевичей, большое количество знатных и 35 тысяч воинов, которые были собраны из разных племен отчасти по найму за деньги, отчасти по договору в силу обязательства взаимной помощи.

27. И уже при грозном звуке труб Север, командовавший левым крылом римлян, приблизился к рвам, служившим прикрытием для неприятелей: по их военному плану, оттуда должны были внезапно появиться залегшие в засаду и произвести полное замешательство. Север бестрепетно остановился и, заподозрив военную хитрость, не пытался ни отступать, ни двигаться вперед.

28. Жаждавший великих опасностей Цезарь увидел это и со свитой в двести всадников в карьер бросился к пешему строю, чтобы обратиться, как требовал того опасный момент, к людям. 29. Говорить ко всем не позволяло широкое протяжение поля битвы и густое построение стянутой в одно место значительной части войска; да, кроме того, он хотел избежать тяжкого обвинения, будто он посягает на то, что рассматривал как свою прерогативу Август[29]. Он мчался среди вражеских стрел, соблюдая при этом, конечно, осторожность, и призывал к храбрым подвигам как знакомых ему в лицо, так и незнакомых: 30. «Пришел момент сразиться, давно желанный для меня и для вас, который раньше вы сами вызывали вашим буйным требованием вступить в бой». 31. А когда подъезжал к другим, построенным во второй линии в самом хвосте, то говорил так: «Вот, товарищи, настал давно желанный день, который побуждает нас всех вернуть римской державе подобающий ей блеск, смыв все прежние пятна позора. Вот они, варвары, которые в своей ярости и диком безумии отважились выступить навстречу нашей доблести на гибель себе». 32. Старых бойцов, закаленных продолжительной службой, он, выравнивая их строй, поощрял такими словами: «Вперед, храбрые мужи, и устраним храбростью, которой требует настоящий момент, нанесенный нашей армии ущерб, он был у меня пред глазами, когда я долго не решался принять титул Цезаря». 33. А к тем, кто легкомысленно требовал сигнала к бою и относительно которых он мог опасаться, что они

своими беспокойными движениями нарушат дисциплину, он обращался с такими словами: «Прошу вас, не помрачите славу грядущей победы слишком ретивым преследованием обращающегося в бегство врага, но пусть также никто не отступает без крайней необходимости. Если вы побежите, то я, конечно, покину вас; но если вы будете рубить спину врага, я буду нераздельно с вами, если, конечно, вы будете вести себя и тогда с должной осмотрительностью».

34. Повторяя подобные обращения, которые он многократно произносил перед солдатами, Юлиан выстроил бóльшую часть армии против первой линии варваров. Вдруг раздался негодующий ропот аламаннских пехотинцев. В один голос кричали они, что царевичи должны сойти с коней и встать в ряды с ними, чтобы, в случае неудачи, нельзя им было покинуть простых людей и легко ускользнуть. 35. Узнав об этом, Хонодомарий сам тотчас соскочил с коня, и его примеру последовали без промедления и остальные; никто из них нисколько не сомневался в том, что победа будет на их стороне.

36. И вот, по обычному сигналу труб о начале боя, сошлись обе стороны с большим напором. Сначала полетели стрелы, и германцы бросились вперед быстрым бегом, не думая об осторожности; размахивая оружием в правых руках, они ринулись, скрежеща зубами, на турмы наших всадников; развевающиеся их волосы от чрезвычайного ожесточения становились дыбом, яростью пылали их глаза. Наши воины не подались назад; закрыв свои головы щитами, они устрашали врага взмахами мечей и смертоносными выстрелами. 37. В самый разгар боя всадники храбро держали свой тесный строй, пехота укрепляла свои фланги, образуя фронт тесно сплоченной стеной щитов. Поднялись густые облака пыли, и сражающиеся передвигались с места на место: наши то оказывали сопротивление, то подавались назад. Некоторые варвары, опытнейшие бойцы, припадая на одно колено, старались так отбросить врага. Упорство с обеих сторон было чрезвычайное, и рука сходилась с рукой, щит сталкивался со щитом, небо оглашалось громкими криками торжествующих и падающих. В то время как левое крыло, наступая, опрокинуло страшным натиском огромную силу напиравших германцев и с громким криком шло на варваров, наша кон-

ница, занимавшая правый фланг, неожиданно в беспорядке попятилась назад. Но первые шеренги бегущих задержали последние, и прикрытая легионами конница оправилась и вошла опять в бой. 38. Это произошло потому, что во время перестройки рядов панцирные всадники увидели, что их командир легко ранен, а один их товарищ свалился через голову своей упавшей лошади и был раздавлен тяжестью вооружения. Они бросились врассыпную и произвели бы полный беспорядок, топча пехотинцев, если бы те, собравшись в тесный строй и поддерживая друг друга, не устояли недвижимо на месте.

39. Когда Цезарь издали увидал, что конница ищет спасения в бегстве, он погнал во весь опор своего коня и задержал ее, словно задвинув засов. Узнав его по прикрепленному к верхушке длинного копья пурпурному лоскутку, остатку разорванного дракона, трибун одной турмы остановился и смущенный и бледный поспешил назад, чтобы восстановить боевую линию. 40. И, как обычно поступают при сомнительных обстоятельствах, Цезарь высказал им свой упрек в мягкой форме: «Куда это, храбрецы, мы отступаем? Или вы не знаете, что бегство, которое никогда не приносит спасения, показывает только глупость тех, кто делает столь бесполезную попытку? Вернемся к нашим, чтобы хоть разделить их будущую славу, если мы их неразумно оставили в их борьбе за благо государства».

41. Этими мягкими словами он вернул всех к исполнению воинского долга, взяв пример — не говоря о различиях — с древнего Суллы. Когда тот, утомленный в жаркой битве против Архелая, полководца Митридата, был покинут всеми своими солдатами, то устремился в первую линию, схватил знамя и бросил его в сторону врага со словами: «Ступайте, вы, которых я избрал себе товарищами в опасностях, если вас спросят, где остался ваш полководец, отвечайте по правде: в Беотии, один, проливая в бою свою кровь за нас всех»[30].

42. Когда аламанны отбросили и рассеяли нашу конницу, то навалились на строй пехоты в надежде, что теперь, когда сломлена уже бодрость сопротивления, им удастся погнать ее назад. 43. Но когда они сошлись лицом к лицу, то долго шел бой с равными шансами успеха для обеих сторон. Корнуты и браккиаты, закаленные в боях, нагонявшие страх уже

внешним своим видом, издали громкий боевой клич. Начинаясь в пылу боя с тихого ворчанья и постепенно усиливаясь, клич этот достигает силы звука волн, отражающихся от прибрежных скал. Дротики и стрелы со свистом летели тучей с той и другой стороны, и среди пыли, поднявшейся от движения людей и не оставлявшей никакого просвета, скрестились мечи, столкнулись тела. 44. В пылу гнева расстроив свои ряды, варвары вспыхнули как пламя и старались ударами мечей разбить заслон щитов, который закрывал наших на манер черепахи. 45. Заметив это, на помощь товарищам поспешили быстрым бегом батавы вместе с «царями» (страшный отряд, который может вырвать находящихся в самой крайней опасности из пасти смерти, если благоволит случай) и грозно раздавались трубные сигналы, и люди бились с напряжением всех сил.

46. Но аламанны, яростно вступив в бой, все более воодушевлялись и в порыве бешенства готовы были уничтожить все, что стояло у них на пути. Тучей продолжали лететь метательные копья, дротики и стрелы с железными наконечниками; в бою лицом к лицу бились кинжалами, сокрушали мечами панцири, и раненые, не потерявшие еще всей своей крови, поднимались с земли, чтобы биться с еще большим остервенением.

47. Равные сошлись здесь с равными: аламанны были сильнее телом и выше ростом, наши — ловчее благодаря огромному опыту; те — дики и буйны, наши — спокойны и осторожны; те полагались на свой огромный рост, наши — на свою храбрость.

48. Римлянин иногда отступал под натиском оружия, с тем чтобы снова подняться, а аламанн, если чувствовал слабость в ногах, припадал на левое колено и сам бросал вызов врагу — высшая степень упорства. 49. Внезапно вынесся вперед с боевым воодушевлением отряд знатнейших, среди которых сражались и цари. Сопровождаемый простыми воинами, он дальше других врезался в наш боевой строй и, открывая себе путь, дошел до легиона приманов, который был помещен посередине нашего боевого порядка — эта позиция называется «преторианским лагерем». Но наши солдаты укрепили свой строй, сплотившись в рядах, и, представляя из себя как бы крепкую башню, с бóльшим воодушевлением возобновили бой; уклоняясь от ударов и прикрываясь

по способу мирмиллионов*, они кололи врага в бок мечом, если тот в гневе открывался. 50. Аламанны, готовые пожертвовать жизнью за победу, пытались прорвать сомкнувшийся строй наших. Из-за множества мертвых тел, падших под ударами приободрившихся римлян, выступали уцелевшие еще варвары; но повсюду раздававшиеся стоны умирающих заставили их в ужасе остановиться.

51. Наконец аламанны пали духом: остатка энергии хватило только на бегство. Они спешили уходить как можно скорее по различным тропинкам, подобно тому как из середины волн бурного моря моряки и кормчие спешат выбраться, не разбирая, куда их уносит ветер. Но то, что спасение было скорее мечтой, нежели надеждой, признают все, кто там тогда был.

52. За нас было милостивое решение благосклонного божества. Если у наших солдат, поражавших отступающих в спину, гнулся меч и не хватало орудия рубить, то они вонзали в варваров их же собственное оружие. И никто из наносивших удары не утолил досыта своей ярости кровью, не пресытил свою десницу убийствами, никто не сжалился над молившим о пощаде и не оставил его в живых.

53. И вот многие лежали, пораженные насмерть, и жаждали избавления в скорейшей кончине; другие, полумертвые, с ослабевающим уже дыханием, ловили потухающими взорами луч света; у иных головы были разбиты метательным оружием наподобие бревна и, склоненные на бок, еле держались на шейном хряще; другие, пробираясь по скользкой глине, падали, поскользнувшись на крови раненых, и, хотя и не получили никаких ран, гибли под тяжестью груды падавших на них трупов.

54. Добившись такого успеха, победители стали еще яростнее наступать; от частых ударов притуплялись у них острия мечей, под ногами валялись блестящие шлемы и щиты. Варвары, напротив, оказались в крайне опасном положении, и так как груды трупов преграждали им выход, то они искали спасения в протекавшей позади них реке, представлявшей единственный путь для спасения. 55. Наши солдаты, двига-

* Так назывался особый вид гладиаторов. Вооруженный щитом и кинжалом мирмиллион должен был уклоняться от врага, который старался накинуть на него сеть.

ясь бегом в полном вооружении, без устали теснили врагов. Некоторые из тех, полагая, что могут спастись от гибели своим умением плавать, бросались в реку. Предвидя со свойственной ему быстротою соображения возможность опасных последствий, Цезарь с трибунами и другими командирами удерживал строгим окриком своих, чтобы никто из них в пылу преследования не бросился в быструю пучину реки. 56. Подчиняясь этому распоряжению, наши, стоя на берегу, поражали германцев метательным оружием, и те, кто быстротой своей успел спастись от смерти, бросаясь в реку, погружались под тяжестью своего тела на самое дно. 57. И как на каком-нибудь театральном представлении, когда открывается занавес и предстают разные удивительные картины, так можно было теперь, не испытывая никакого страха, видеть многие трагические сцены: как за умеющих плавать цеплялись неумеющие; как других уносило течение наподобие бревен, когда их покидали более ловкие; как некоторых поглощали волны, словно река вступала с ними в борьбу. Лишь немногие, плывшие на щитах, могли преодолеть силу течения, направляясь наискосок, и с разными трудностями достигали противоположного берега. Пенясь варварской кровью, изменившая свой естественный цвет река сама должна была дивиться своему необычайному разливу.

58. Между тем царь Хонодомарий нашел возможность бежать. Пробираясь через груды мертвых тел, он с небольшим числом телохранителей спешил по возможности быстрее уйти в свой лагерь, который он смело разбил поблизости от римских укреплений Трибунков и Конкордии*. Там были заранее заготовлены на случай неудачи суда, на которых он надеялся уйти в недоступные части страны. 59. А так как он не мог достигнуть своих земель иначе, как переправившись через Рейн, то уходил тайно, скрывая свое лицо, чтобы не быть узнанным. Когда он уже приближался к берегам реки, ему пришлось обходить топкое место, залитое болотной водой. Тут он попал на вязкий грунт и свалился с коня, но тотчас выбрался, несмотря на тяжесть своего тучного тела, на соседний холм. Но как только его узнали — а скрыть, кто он был, он не мог, так как его выдало прежнее

* Конкордия лежала в 18 римских милях от Аргентората, нынешний Вейсенбург (?).

высокое положение, — тотчас бегом бросилась за ним когорта с трибуном во главе и оцепила поросшую лесом возвышенность, опасаясь нападать открыто, чтобы в густых зарослях не попасть в засаду. 60. Увидев это, Хонодомарий совершенно пал духом, вышел один и сдался на милость победителя. Его свита численностью 200 человек и три близких друга, считая бесчестьем пережить царя и не умереть за него, если выдастся такая судьба, дали схватить себя.

61. Поскольку у варваров в характере унижаться в несчастьях и превозноситься в счастье, Хонодомарий шел теперь, как раб чужой воли, бледный от волнения, онемев от сознания своих преступлений. Как бесконечно не похож был он на того Хонодомария, что совершил столько ужасных зверств в Галлии и, неистовствуя на ее пепелище, изрекал свои свирепые угрозы.

62. И вот, когда благоволением верховного божества делу было дано такое завершение, раздался на закате дня сигнал трубы к отходу. Неохотно возвращались солдаты. Расположившись на берегу Рейна и окружив место стоянки увеличенным по сравнению с обычным числом охранных цепей, римляне подкреплялись пищей и сном. 63. Пало в этой битве с римской стороны 243 солдата и 4 офицера: трибуны корнутов Байнобавд и Лайпсо, командир катафрактариев Иннокентий и один офицер в звании трибуна, имя которого мне неизвестно. Из аламаннов насчитали 6000 трупов, лежащих на поле брани, и целые груды мертвых тел унесла река в своих волнах. 64. Возвеличившись выше занимаемого им положения и более могущественный благодаря совершенным им подвигам, чем предоставленной ему властью, Юлиан провозглашен был Августом[31] единодушным криком всей армии. Но он выразил за это солдатам порицание, назвав их поступок дерзостью, и с клятвой заверял, что не ожидает этого повышения и не имеет никакого желания достигнуть его. 65. Чтобы увеличить радость от счастливого события, он созвал совет, назначил награды и в ласковых выражениях приказал привести к себе Хонодомария. Сначала низко склонившись, а потом пав ниц, Хонодомарий просил на родном языке прощения и получил ободряющий ответ. 66. Через несколько дней его отправили на главную квартиру императора, откуда он был отослан в Рим. Там он жил в лагере инозем-

ных солдат, расположенном на Целийском холме, и вскоре умер от одолевшего его упадка духа.

67. Несмотря на столько успешных деяний Юлиана, при дворе нашлись люди, очернившие его. Заискивая перед императором, они называли его в насмешку Викторином за то, что он в своих приказах по войскам упоминал, хотя и в сдержанных выражениях, о своих неоднократных победах над германцами. 68. Преувеличенными пустыми хвалами, в которых просвечивала ложь, они, как обычно, возбуждали в императоре высокомерие, к которому он был склонен от природы, и приписывали все, что ни случалось во всех концах земли, его счастливому предводительству.

69. Будучи польщен этими широковещательными речами льстецов, Констанций и тогда, и впоследствии допускал в своих эдиктах высокомерную ложь: он один — хотя и не был на месте событий — сражался, одерживал победу, поднимал с земли простершихся пред ним с мольбой царей вражеских племен. Если, например, когда он был в Италии, какой-либо полководец добивался успеха в Персидской войне, Констанций в пространном отчете об этой победе опускал имя победителя и, рассылая отчет в виде лавром увитого, убыточного для провинций*, рескрипта, заявлял в нем с противной хвастливостью, будто он сам был среди первых. 70. В императорских архивах хранятся его эдикты... с повествованием о событиях и превознесением себя до небес. Хотя во время битвы Юлиана с аламаннами Констанций находился в сорока дневных переходах от Аргентората, но в описании сражения он ложно утверждает, будто сам выстраивал боевую линию, стоял среди знаменосцев, обратил варваров в стремительное бегство; будто к нему привели Хонодомария, и — о позорнейший поступок! — умалчивает о славных деяниях Юлиана. Он бы совершенно их стер и из памяти, если бы не молва, которая не умеет замалчивать великие дела, хотя бы этого хотели очень многие.

* Имеется в виду обычай подношений императору по случаю победы, *aurum coronarium*.

Книга XVII

(годы 357—358)

1. Цезарь Юлиан, перейдя Рейн, предает грабежу и огню селения аламаннов, восстанавливает там укрепления Траяна и предоставляет варварам перемирие на десять месяцев.
2. Юлиан осаждает франков, опустошавших Вторую Германию, и вынуждает их к сдаче голодом.
3. Старания Юлиана облегчить положение галлов, подавленных податями.
4. По приказу Августа Констанция в Риме в Большом Цирке воздвигается обелиск; об обелисках и иероглифических знаках.
5. Август Констанций и царь Персидский Сапор безуспешно ведут переписку и посылают посольства о мире.
6. Ютунги, аламаннское племя, разбиты и обращены в бегство римлянами в Рэции, где они производили опустошения.
7. Разрушение Никомедии землетрясением и о том, сколько есть видов землетрясений.
8. Цезарь Юлиан принимает в подданство франкское племя салиев; разбивает одних из хамавов, а других берет в плен, остальным предоставляет мир.
9. Он восстанавливает три укрепления на Мозе, разрушенные варварами, и подвергается оскорблениям и угрозам со стороны солдат, терпящих голод.
10. Цари аламаннов Суомарий и Гортарий после выдачи пленных получают от Цезаря Юлиана мир.
11. Цезарь Юлиан после удачных действий в Галлии подвергается осмеянию во дворце Августа Констанция своими завистниками; его называют вялым и робким.

12. Август Констанций принуждает к выдаче заложников и возвращению пленных сарматов — некогда господ, а теперь изгнанников, и квадов, опустошавших Паннонию и Мезию; он ставит царя сарматам-изгнанникам, возвратив им свободу и жилища предков.
13. Август Констанций вынуждает пограничных сарматов-рабов, произведя большое избиение их, выселиться из своих пределов и обращается с речью к солдатам.
14. Римское посольство о мире, не достигнув цели, возвращается из Персии, так как Сапор требует назад Месопотамию и Армению.

1

1. После окончания описанных мной разнообразных событий, юный питомец Марса, которому уже не причинял больше тревог Рейн, после битвы при Аргенторате мирно несший свои воды, приказал предать погребению всех павших без различия, чтобы хищные птицы не исклевали трупы, а затем, отпустив послов, которые, как я выше сказал, принесли ему гордые предложения еще до битвы, вернулся в Три Таберны*. 2. Отсюда он приказал препроводить добычу вместе со всеми пленными в Медиоматрики** и оставить там до его возвращения. Сам он предполагал направиться в Могонциак***, чтобы, перейдя реку по наводному мосту, атаковать варваров в их собственной земле, поскольку уже не оставалось ни одного из них в наших пределах. Но тут он встретил было сопротивление в армии; однако ему удалось привлечь солдат на свою сторону убедительностью и дружелюбием своей речи. Любовь к нему, увеличившаяся под влиянием того, чему солдаты сами были свидетелями, побуждала их охотно следовать за тем, в ком они видели товарища по всем своим трудам и авторитетнейшего полководца, взваливавшего, как все воочию убедились, больше обязанностей на самого себя, чем на солдата. Вскоре пришли к указанному месту, перешли по наводному мосту через реку и вступили на вражескую территорию. 3. Варвары были приведены в крайнее расстройство грозной опасностью. Чувствуя себя в полном покое, они никак не предполагали возможности нападения, и так как гибель других вызывала в них тревогу за соб-

* Эльзас — Цаберн.
** Мец.
*** Майнц.

ственную судьбу, то они стали притворно просить мира, чтобы отклонить от себя стремительность первого натиска. Они отправили послов с заявлением о том, что они обязуются нерушимо соблюдать договоры. Но неизвестно, какие соображения или обстоятельства изменили их настроение: через других послов, отправленных с большой быстротой, они стали угрожать нашим ожесточеннейшей войной, если они не уйдут из их областей.

4. Получив об этом вполне точное сообщение, Цезарь в начале ночи посадил на небольшие быстроходные суда 800 солдат, с тем чтобы они вели патрулирование с возможной быстротой вверх и вниз по реке и, высаживаясь в разных местах, предавали огню и мечу все, что попадется им навстречу. 5. Когда эти меры были приняты и на рассвете были обнаружены варвары на вершинах гор, наши солдаты в бодром настроении двинулись на высоты; но они никого там не нашли: предвидя нападение, варвары поспешно отступили. Но тут издали показались огромные клубы дыма, свидетельствовавшие о том, что наши проникли на вражескую территорию и предали ее опустошению. 6. Это обстоятельство сломило боевой дух германцев: покинув засады, которые они устроили нашим в тесных и труднопроходимых местах, они поспешили за реку Мен* на помощь своим семействам. 7. Как случается в сомнительных и тревожных обстоятельствах, варвары, опасаясь, с одной стороны, атаки наших всадников, а с другой — внезапного нападения солдат, прибывших на судах, нашли быстрый способ уйти, пользуясь своим знанием местности. После их отступления наши солдаты, беспрепятственно наступая, грабили богатые скотом и хлебом селения и никому не давали пощады. Захватывая людей в плен, солдаты предавали пламени все жилища, тщательно выстроенные по римскому образцу. Пройдя вперед приблизительно десять миль, наши подошли к непроходимому темному лесу. 8. Тут Цезарь остановился и долго не решался двигаться дальше, так как имелись показания одного перебежчика о том, что в подземных пещерах и шедших в разных направлениях рвах пряталось много варваров, чтобы сделать вылазку, выждав удобный момент. 9. Наши, однако, смело шли вперед; но оказалось, что дороги преграждены засеками из

* Майн.

срубленных дубов, ясеней и елей. Поэтому они осторожно двинулись в обход, но с величайшей досадой заметили, что пройти вперед они могут только по дальним и крутым окружным путям. 10. И так как вследствие холодной погоды борьба с величайшими опасностями оказалась бы тщетной, — осеннее равноденствие уже миновало, и в тех местах снега покрыли и горы и равнины, — то принялись за достойное памяти деяние. 11. Пока никто не оказывал противодействия, спешно восстановлено было укрепление, подвергавшееся в давние времена ожесточенным нападениям варваров; воздвиг его на земле аламаннов еще Траян[1], который и назвал его от своего имени*. Там помещен был в соответствии с требованиями данного времени гарнизон и собраны запасы провианта из самых глубин земли варваров. 12. Видя, что эта спешная работа совершается на их погибель, варвары в страхе перед осуществлением предприятия быстро собрались и через посланных просили мира в самом униженном тоне. Цезарь, с большой точностью обставив дело и приведя целый ряд правдоподобных оснований, дал им мир на десятимесячный срок. При этом он предусмотрительно принимал во внимание то, что укрепление, занятое против ожидания беспрепятственно, нужно было снабдить осадными орудиями и обеспечить сильным снаряжением. 13. В силу этого соглашения явились три самых диких царя, из тех, что посылали помощь побежденным при Аргенторате, которые наконец почувствовали страх. Они дали клятву по формуле, соответствующей их национальным обычаям, что они не причинят никаких беспокойств, но будут соблюдать договор до условленного дня, согласно нашему требованию, сохранять укрепление невредимым и на своих плечах доставлять провиант, если гарнизон даст им знать, что испытывает в нем недостаток. И они исполнили то и другое обязательство, так как страх обуздывал их вероломство. 14. Эта памятная война, заслуживающая сравнения с Пуническими и Тевтонскими[2], но законченная с самыми ничтожными потерями с римской стороны, привела Цезаря в самое радостное и восторженное настроение. Можно было поверить клеветникам,

---

* Укрепление это лежало близ впадения Нидды в Майн. В недавнее время оно было открыто: *Wolff.* Berl. Phil. Wochenschrift. 1892. № 6. С. 161—163.

которые сочиняли, будто он потому действовал повсюду так храбро, что предпочитал умереть славной смертью в бою, чем подвергнуться осуждению и казни, как его брат Галл, на что они надеялись; но опровержением служит то, что он и впоследствии оставался таким же, как после смерти Констанция, и прославился достойными удивления делами.

2

1. Уладив прочно, насколько позволяли обстоятельства, эти дела, Юлиан возвратился на зимние квартиры, где его ожидали тяжелые заботы. Магистр конницы Север на своем пути в Ремы* через Агриппину** и Юлиак*** наткнулся на сильный отряд франков в 600 легковооруженных, как это выяснилось позднее, который опустошал оставшиеся без защиты местности. Отважиться на это злодейство побудило их то обстоятельство, что они надеялись поживиться богатой добычей, пока Цезарь будет занят в глубине земли аламаннов и никто им не будет мешать. Но в страхе перед возвратившейся армией они заняли два укрепления, уже давно заброшенные, с тем чтобы обороняться в них, пока это будет возможно. 2. Юлиан, возмущенный этим неожиданным событием и понимая, что может получиться из этого, если он пройдет мимо, оставив их в покое, задержал солдат и решил осадить варваров... Укрепления эти лежат на реке Моз****. Осада затянулась на пятьдесят четыре дня и шла в декабре и январе, так как варвары оборонялись с удивительным упорством. 3. Цезарь, с отличавшей его предусмотрительностью, опасался, как бы варвары, дождавшись безлунной ночи, не перебрались через замерзшую реку. Поэтому он отрядил солдат, которые должны были ежедневно от заката солнца до рассвета разъезжать вверх и вниз по реке на сторожевых судах и, взламывая смерзающийся ледяной покров, не давать никому возможности ускользнуть. Эта мера привела к тому, что варвары, утомленные голодом и караулами, дойдя до полного отчаяния, сами сдались. Они были немедленно ото-

* Реймс.
** Кельн.
*** Юлих.
**** Мозель.

сланы на главную квартиру императора. 4. На выручку им выступил значительный отряд франков; но когда они узнали, что те взяты в плен и уведены, то не осмелились ничего предпринять и возвратились обратно. Покончив с этим, Цезарь вернулся в Паризии, чтобы провести там зиму.

3

1. Так как можно было ожидать, что многие племена соединят в большем возмущении свои силы, то, опасаясь переменчивости военного счастья, Юлиан как осторожный начальник чувствовал на себе непомерное бремя забот. Как ни непродолжительно и хлопотливо было время перемирия, он занялся расчетом податей, желая прийти на помощь разоренным землевладельцам. 2. В то время как префект претория Флоренций после тщательной, как он заявлял, проверки, настаивал на том, чтобы недоимки поземельной подати пополнить экстренными взысканиями, Юлиан с полным знанием дела заявил, что он скорее готов умереть, чем разрешить произвести эти взыскания. 3. Он знал, что подобного рода взыскания, или, правильнее выражаясь, вымогательства, наносят провинциям неизлечимые раны, доводя их до крайней нищеты, — такими взысканиями, как я расскажу ниже, был совершенно разорен Иллирик. 4. Возражая на это, префект претория запальчиво заявлял, что он не потерпит, чтобы обманщиком выставлялось лицо, которому император доверил такой высокий пост. Юлиан его успокаивал и точным подсчетом доказал ему, что сумма поземельной подати не только покрывает необходимые расходы на содержание армии, но и превышает их размеры. 5. Тем не менее ему был представлен много позже текст указа об усилении обложения; но он не стал подписывать и даже читать его и бросил на пол. На основании донесения об этом префекта император прислал ему в письме внушение не позволять себе резких поступков, чтобы не показалось, будто Флоренций не пользуется достаточным доверием. Но Юлиан ответил императору, что следует радоваться, если провинциалы, разоряемые со всех сторон, платят положенные подати, не поднимая вопроса о надбавках, которых нельзя было бы вырвать у бедных людей никакими казнями.

Так было достигнуто твердостью одного человека, что

тогда и после никто не пытался вымогать у галлов в ущерб справедливости что-либо помимо обычных налогов... 6. Цезарь упросил префекта предоставить ему — чему не было примеров — управление Второй Белгикой, пострадавшей от различных бедствий, на условии, что ни один чиновник префекта или правителя провинции не будет принуждать никого к уплате податей. Почувствовав это облегчение, все... без дополнительных напоминаний платили то, что с них причиталось, раньше установленного срока.

4

1. В ту пору как в Галлии занималась заря лучших дней, в Риме во вторую префектуру Орфита воздвигнут был в Большом Цирке обелиск. Считаю уместным сообщить о нем некоторые сведения. 2. В отдаленные века был основан город, славный большой протяженностью своих стен и своими ста вратами. От этого последнего обстоятельства его основатели назвали его Стовратыми Фивами;[3] по имени города и до наших дней провинция называется Фиваидой. 3. В первые годы усиления Карфагена пунийские вожди разрушили его внезапным набегом, а позднее, когда он был восстановлен, персидский царь Камбиз[4], жадный в течение всей своей жизни до чужого и свирепый, ворвавшись в Египет, напал на этот город, чтобы похитить оттуда огромные богатства, не щадя даже приношений богам. 4. Когда он бросался туда и сюда в толпе грабителей, то запутался в своем широком одеянии и упал на землю, причем его собственный кинжал, который он носил у правого бедра, выпал из ножен и ранил его почти насмерть[5]. 5. Много времени спустя, когда Римским государством правил Октавиан, Корнелий Галл, будучи прокуратором[6] Египта, ущемлял этот город своими многочисленными грабежами. Когда по возвращении в Рим он был привлечен к судебной ответственности за обворовывание и грабеж провинции, то в страхе перед возмущенной знатью, которой император предоставил это дело на расследование, он бросился на свой меч. Если я не ошибаюсь, то это тот самый поэт Галл, которого воспевает чувствительными стихами в своей последней буколике Вергилий.

6. В Фивах, наряду с огромными бассейнами и колоссальными изваяниями, изображающими египетских богов,

я видел много обелисков, из которых некоторые лежат в обломках на земле. Древние цари Египта по случаю покорения чужих народов или в гордой радости о цветущем состоянии государства, высекали обелиски, отыскивая подходящую породу камня иногда даже на краю земли, и, воздвигнув обелиск, посвящали его верховным богам. 7. Обелиск — это чрезвычайно твердый камень, поднимающийся наподобие пирамиды на большую высоту и постепенно утончающийся, так как он изображает луч Солнца; четырехугольный внизу, он постепенно суживается к острой верхушке; наружные его площади искусно отшлифованы. 8. Множество фигур — их называют иероглифами, — высеченных на всех его площадях, — создание древней первобытной мудрости. 9. Высекая многообразные изображения птиц и зверей даже других частей света, египтяне хотели сохранить и распространить память о событиях для грядущих веков и таким способом увековечивали обеты, данные или исполненные их царями. 10. В настоящее время определенное число легко запоминаемых букв выражает всякую мысль человека; но древние египтяне писали не так: у них отдельные знаки соответствовали отдельным именам и словам, а иногда обозначали и целые предложения. 11. Пояснение этого я дам в двух примерах. Изображением ястреба они обозначают слово «природа», и это потому, что, по свидетельству естествоиспытателей, среди этих птиц нельзя отыскать самцов; изображением производящей мед пчелы обозначают царя, показывая тем самым, что правитель должен вместе с мягкостью обладать также и жалом. И другие знаки подобны.

12. Льстецы, постоянно напевавшие на уши Констанцию, твердили без конца, что Октавиан Август перевез два обелиска из египетского города Гелиополя[7], из которых один поставлен был в Большом Цирке, а другой — на Марсовом Поле; а этого, который недавно привезен, Октавиан не решился ни коснуться, ни сдвинуть с места ввиду трудностей, которые представляли его громадные размеры. Но пусть же узнают те, кому это неведомо, что тот император древнего времени, перевезя несколько обелисков, оставил этот нетронутым потому, что он, специально посвященный богу Солнцу и установленный внутри святилища великолепного храма, на которое нельзя было наложить руку,

представлял собою как бы венец всех остальных сооружений. 13. Но Константин не придал этому значения, сдвинул эту громаду с ее основания, правильно понимая, что он не совершит религиозного проступка, если унесет это чудо из одного храма и посвятит его в Риме, т. е. в храме всего мира. Однако он долго пролежал, пока делались приготовления к перевозке. Его сплавили по Нилу и доставили в Александрию, где был выстроен корабль необычайных размеров, рассчитанный на 300 гребцов. 14. Когда эти приготовления были закончены, названный император скончался и вместе с тем остыл пыл к этому делу. Теперь наконец его погрузили на корабль и повезли через моря и по реке Тибр. И Тибр, казалось, боялся, что ему не удастся по своему извилистому руслу доставить в стены своего родного города дар, который посылал почти неведомый Нил. Так доставлен был обелиск в селение Александра[8] в трех милях от города. Там он был водружен на подставки и медленно втащен через Остийские ворота[9], а затем через Общественный Водоем доставлен в Большой Цирк. 15. Теперь оставалось только его установить, на осуществление чего было мало или даже почти никакой надежды. Установлены были перпендикулярно высокие балки, представлявшие собою словно лес машин; к ним привязали толстые и длинные канаты и сплели их между собою; образовалась сетка, закрывающая своим густым переплетом небо. К ним подвязали эту исписанную иероглифами громаду и стали мало-помалу подымать ее вверх. Долго она висела в воздухе, пока тысячи людей приводили в движение ворот вроде тех, что употребляются на мельницах, и наконец обелиск был водружен на середине площади. На вершине укреплен был бронзовый шар, блиставший покрывавшими его золотыми пластинками. Так как вскоре этот шар был разбит ударом молнии, то его убрали и на обелиске установлено было бронзовое позолоченное изображение факела, как бы горевшего ярким пламенем.

16. Позднее перевезены были и другие обелиски; один из них воздвигнут на Ватикане, другой в садах Саллюстия, два — на Мавзолее Августа. 17. Я приведу здесь текст, высеченный на древнем обелиске, который мы видим в Цирке. Заимствую его из книги Гермапиона[10], где он приведен в греческом переводе.

Начало на южной стороне в переводе гласит так:

Стих первый

18. «Гелиос царю Раместе:[11] я даровал тебе радостно царствовать по всей вселенной. Тебя любят Гелиос и Аполлон. Могучий друг истины, сын Герона, богом рожденный основатель вселенной. Тебя избрал Гелиос, мощный царь Арея Раместа. Тебе подчинена вся земля с силою и мощью. Царь Раместа, сын Гелиоса, вовек живущий.

Второй стих

19. Аполлон могучий, покоящийся на истине владыка диадемы, стяжавший со славою Египет, озаривший светом город Гелиоса и создавший остальную вселенную и почтивший богов, утвержденных в городе Гелиоса, которого любит Гелиос.

Третий стих

20. Аполлон, могучий сын Гелиоса, все освещающий, которого избрал Гелиос и одарил могучий Арей, коего блага пребывают во всякое время, коего любит Аммон. Ты исполнил благ храм Феникса. Тебе даровали боги время жизни.

Аполлон, мощный сын Герона, царь вселенной, Раместа, охранивший Египет, победил иноземцев. Тебя любит Гелиос. Тебе долгий срок жизни даровали боги, владыка вселенной Раместа, вовек живущий.

Другой второй стих

21. Гелиос, великий бог, владыка неба. Тебе даровал жизнь, которой ты вечно не насытишься. Аполлон, могучий владыка диадемы, несравненный, который воздвиг в этом царстве изображения богов, владыка Египта, и равным образом украсил город Гелиоса и самого Гелиоса, владыку неба. Дело благое совершил сын Гелиоса, царь вечный.

Третий стих

22. Бог Гелиос, владыка неба, царю Раместе: я даровал силу и власть надо всем. Тебя Аполлон, друг истины, владыка времен, и Гефест, отец богов, избрали благодаря Арею. Царь, любезное чадо Гелиоса и возлюбленный Гелиосом.

Первый стих на восточной стороне

23. Великий бог города Гелиоса, в небесах обитающий Аполлон, могучий сын Герона, которого направлял Гелиос, которого почтили боги, царствующий над всей землею, которого Гелиос избрал, мощный через Арея царь. Тебя любит Аммон и светоносный избрал вечным царем» — и т. д.

5

1. В консульство Дациана и Цереалия* в Галлии проявлялось в распоряжениях властей заботливое внимание к интересам населения, и страх перед недавними событиями сдерживал нападения варваров. В это время царь Персидский, все еще находившийся на границе своего царства с самыми отдаленными народами, собирался уже вернуться домой, заключить союзный договор с хионитами и геланами, племенами, отличавшимися особой воинственностью. Тут он получил письмо Тамсапора, извещавшего его о том, что римский император просит о мире. 2. Полагая, что такие действия предпринимаются только из-за ослабления государства, Сапор, возгордясь больше прежнего, заявил, что он соглашается на мир, но условия предложил тяжелые. Он отправил послом к Констанцию некоего Нарсея с дарами и письмом, которое было написано со свойственным ему высокомерием. Содержание письма было, по моим сведениям, таково:

3. «Я, царь царей, Сапор, сопричастник звезд, брат Солнца и Луны, шлю Констанцию Цезарю, моему брату, привет.

Радуюсь и вполне одобряю, что ты вернулся наконец на правильный путь и прислушался к неподкупному голосу справедливости, изведав на деле, какие несчастья иногда приносит

* 358 г.

упорное стремление овладеть чужим. 4. Так как язык истины должен быть ничем не связан и свободен и так как людям высокого положения подобает, чтобы слова их вполне соответствовали их мыслям, то я вкратце выскажу свое решение, напоминая, что я имел случай не раз говорить то, что намерен сказать теперь. 5. О том, что мои предки владели территориями до реки Стримон* и границ Македонии, свидетельствуют даже ваши старые записи. Требовать прежних границ подобает мне, так как я — никто не сочтет высокомерным мое заявление — превосхожу древних царей блеском и множеством выдающихся подвигов. На сердце у меня прежде всего чувство правды; придерживаясь его, я никогда не сделал ничего такого, в чем бы приходилось каяться. 6. Я должен поэтому возвратить себе Армению и Месопотамию, которые были коварно отняты у моего деда[12]. Никогда не будет принято у нас правило, которого вы высокомерно придерживались, а именно: не делая различия между храбростью и обманом, одобрить всякий благополучный исход войны. 7. Одним словом, если ты хочешь послушать моего разумного совета, откажись от небольшой области, являющейся вечным предметом борьбы и кровавого спора, чтобы спокойно править остальным царством; пойми, что и врачи иногда жгут, режут и отсекают отдельные части тела, чтобы было возможно пользоваться здоровыми частями. То же самое проделывают и дикие звери: если они поймут, ради чего именно их ловят, они с тем расстаются по доброй воле, чтобы можно было затем жить без страха. 8. Во всяком случае, я тебе заявляю: если это мое посольство вернется без всякого результата, то по окончании времени зимнего отдыха я поспешу со всей возможной быстротой выступить против тебя со всеми своими силами и буду питать надежду на успех, в уверенности в своем счастье и сознании справедливости предлагаемых мною условий».

9. В течение долгого времени письмо это обсуждалось, а затем был составлен ответ с благородной гордостью и полной осмотрительностью.

10. «Я, Победитель на суше и на море, Констанций, Август вовеки, шлю привет моему брату царю Сапору.

Приветствую твое благополучие, как будущий твой, если захочешь, друг; но твою жадность, никогда не убывающую и

* Марица.

все ширящуюся, жестоко порицаю. 11. Ты требуешь Месопотамию как свою собственность, а также и Армению и советуешь отнять от живого тела некоторые его части, чтобы тем обеспечить его благополучие на последующее время. Этот совет лучше сразу отклонить, чем поддерживать его согласием в какой-либо форме. Узнай поэтому истину без всякой хитрой притаенности, в прозрачной ее чистоте, истину, которую нельзя запугать никакими пустыми угрозами. 12. Мой префект претория, полагая, что он предпринимает дело, направленное к общему благополучию, завел без моего ведома с твоим полководцем через каких-то людей низкого состояния речи о мире. Я не отказываюсь и не отвергаю мира, только бы он был почетный и благородный, и ни в каком отношении не ронял ни моей чести, ни моего величия. 13. В ту пору, когда волны зависти, не раз воздымавшиеся на меня, умиротворены целым рядом моих подвигов, когда по уничтожении тиранов*;13 весь римский мир повинуется мне, нелепо и бессмысленно было бы отрекаться от того, что я долго сохранял нерушимым, когда еще правил только в восточных областях**. Так пусть же прекратятся запугивания, с которыми подступают к нам по обычаю. 14. Ведь не может быть сомнения в том, что иной раз мы не из трусости, а по чувству самообладания вели скорее оборонительную, чем наступательную войну. А когда нас задевают, то мы отстаиваем наше достояние с мужественным воодушевлением доброго дела. По опыту и из истории мы знаем, что лишь изредка в некоторых битвах колебалось римское дело, но конечный исход войн никогда не оказывался в ущерб для римлян».

15. Посольство ничего не добилось и было отпущено, — да и нельзя было ничего больше ответить на наглые требования царя, — а через несколько дней вслед за посольством Сапора уехали комит Проспер***, трибун и нотарий**** Спектат, а также, по совету Музониана*), философ Евстафий, имевший

* Этот термин применяли к претендентам на императорскую власть их победители.

** По разделу империи имп. Константином между тремя сыновьями Констанций получил Восток.

*** Ср. о нем: 14, 11, 5; 15, 13, 3.

**** Высший класс нотариев, notarii principis, имел титул трибунов, см.: *Zos.* 5, 40.

*) Ср. о нем: 16, 9, 2.

репутацию мастера убеждать*. Они везли письмо императора и подарки. На них было возложено поручение задержать всеми способами военные приготовления Сапора, чтобы укрепить по возможности обороноспособность северных провинций.

6

1. В тревожных обстоятельствах пограничное с Италией племя аламаннов ютунги, позабыв о мире и договорах, которых они добились усиленными просьбами, стало производить страшные опустошения в Рэции, и притом столь нагло, что, вопреки обыкновению, пытались осаждать города. 2. Для их отражения отправлен был с сильным отрядом Барбацион, возведенный в сан магистра пехоты на место Сильвана, человек малоэнергичный, но мастер говорить. Сумев сильно поднять дух солдат, он истребил бóльшую часть вторгшихся варваров; с трудом ускользнули лишь немногие, обратившиеся в бегство из страха перед опасностью, и вернулись назад в слезах и стенаниях. 3. В этой битве, как утверждают, участвовал Невитта, впоследствии консул, в ту пору командир турмы, и отличился блестящей храбростью.

7

1. Примерно в те же времена страшное землетрясение прошло по Македонии, Азии и Понту, и повторные подземные удары поколебали многие города и горы. Из числа многих запоминающихся несчастий выделялась гибель Никомедии, главного города Вифинии, и я хочу дать кратко точный отчет об этом разрушении. 2. 24 августа на рассвете густые клубы черных туч закрыли ясное до того времени небо, потух блеск солнца и нельзя было ничего различить ни подле себя, ни непосредственно перед собою: взор затемнялся, и черная непроницаемая тьма покрыла землю. 3. Затем поднялся страшный ураган, словно верховное божество метало губительные молнии и поднимало ветры из самых недр их. Слышны были стоны гор, поражаемых напором бури, грохот волн, бивших о

* Ученик Ямвлиха, Евнапий, v. Aedesii, рассказывает о его посольстве к Сапору и том обаянии, которое он производил на людей своей речью.

берег; последовавшие затем молнии и смерчи со страшным сотрясением земли до основания разрушили город и предместья. 4. И так как большинство домов было построено на склонах холмов, они сползали вниз и падали один на другой при ужасном грохоте всеобщего разрушения. Между тем на вершинах звучали возгласы людей, разыскивавших жен и детей или вообще близких людей. 5. После второго часа дня, задолго до исхода третьего*, атмосфера опять очистилась, и предстала скрытая до тех пор картина печального разрушения. Одни были раздавлены тяжестью падавших сверху обломков и погибли под ними; другие были засыпаны до шеи и могли бы остаться в живых, если бы оказали им помощь, но погибали из-за отсутствия таковой; некоторые висели, пронзенные выдавшимися концами брусьев. 6. Один удар сразил множество людей, и те, кто только что были живыми людьми, теперь представали взору в виде груды трупов. Рухнувшие верхние части домов погребли некоторых невредимыми внутри зданий и обрекли их на гибель от удушья и голода. Из числа последних был Аристенет, управлявший в звании викария недавно столь завидной диэцезой, которая получила от Констанция в честь его супруги Евсевии название «Pietas» (благочестие): он скончался после долгих мучений в таких условиях. 7. Некоторые, засыпанные страшными обвалами, лежат под ними и доселе. Другие с разбитой головой, оторванными руками или ногами, находясь между жизнью и смертью, взывали о помощи к другим, находившимся в таком же положении, но в ответ раздавались лишь громкие жалобы на то же самое. Бóльшая часть храмов, частных жилищ и людей могла бы уцелеть, если бы не свирепствовавший повсюду в течение пяти дней и ночей огонь, который истребил все, что только могло гореть.

9. Я полагаю, что здесь подходящий случай изложить предположения, которые высказаны были древними о землетрясениях. В тайну, скрывающую истину об этом явлении, не проникли не только мы, профаны, но и естествоиспытатели, продолжающие свои бесконечные споры, несмотря на продолжительные исследования. 10. Поэтому и в ритуаль-

* День делился на 12 часов от восхода и до захода солнца; таким образом в конце августа третий час почти соответствует девятому по нашему счету.

ных и жреческих книгах дано предостережение не навлекать на себя греха призыванием одного бога вместо другого, когда неизвестно, кто из них сотрясает землю, и жрецы строго придерживаются этого предписания. 11. Относительно происхождения землетрясений существуют следующие мнения, между которыми не решился сделать выбора сам Аристотель:[14] они происходят или от того, что в маленьких подземных пустотах, которые мы по-гречески зовем «сирингами», происходит более частый напор прибывающей воды; или же, как утверждает Анаксагор[15], вследствие силы ветров, проникающих во внутренность земли: если они попадают на сгустившуюся плотную массу и не находят нигде выхода, то сотрясают те части почвы, куда проникло их влажное дыхание. Поэтому-то наблюдается обыкновенно во время землетрясения отсутствие всякого дуновения ветра, так как ветры в ту пору пребывают в глубине земли. 12. Анаксимандр[16] говорит, что земля, высохшая от чрезмерного зноя или же после страшных дождей, дает широкие трещины, в которые проникает верхний воздух, сильный и мощный, и, будучи сотрясаема через эти щели, колеблется в своих основаниях. Поэтому такие ужасы приключаются в жаркое время или во время крайнего избытка небесных вод. Вот почему древние поэты и теологи называли Нептуна, властителя влажной стихии, «Энносигеем» и «Сисихтоном» (потрясатель земли)[17].

13. Землетрясения происходят четырьмя способами. Они бывают «брасматические», которые, сотрясая землю изнутри, толкают вверх огромные массы; так поднялись из моря Делос, Гиера, Анафа и Родос, который в древние времена носил имена Офиуса, а также Пелагия, некогда облитая золотым дождем, Элевсин в Беотии, в Тирренском море Вулкан и многие острова. Второй вид — «климатические», которые, действуя наклонно, сравнивают с землей города, здания и горы; третий — «хасматические», которые внезапно сильным толчком раскрывают пропасти и поглощают целые части земли: в Атлантическом океане остров, более обширный, чем вся Европа, в Крисейском заливе Гелика и Бурд, в итальянской области Циминии город Саккум увлечены были в глубины Эреба и погружены в вечный мрак. 14. Наряду с этими тремя видами землетрясений различаются еще «микематические» (мычащие), которые сопровождаются грозным грохотом, когда стихии[18], вследствие распадения своих сочетаний, сами

летят вверх или падают вниз вследствие провала земли. Тогда шум и грохот земной дает звук, похожий на мычание быка. Но возвращаюсь к продолжению моего рассказа.

8

1. Во время своей зимовки в Паризиях Цезарь прилагал все свое старание к тому, чтобы предупредить аламаннов: хотя они еще не объединились в один союз, но все доходили до безумия в своей дерзости и озлоблении. Ожидая месяца июля, когда обыкновенно начинаются походы в Галлии, он находился в постоянном напряжении, но не мог выступить, прежде чем из Аквитании не подвезут хлеб, когда летний зной растопит лед и снега*. 2. Но ведь почти не бывает затруднений, которые нельзя было бы победить при разумном усердии, и Юлиан, тщательно и всесторонне обдумав дело, признал наконец единственно правильным напасть на варваров неожиданно, не дожидаясь жатвы. Утвердившись в своем плане, он приказал из всего хлеба на 20 дней, который подлежал потреблению на месте стоянок, изготовить так называемые сухари, пригодные для употребления в течение долгого времени, и солдаты охотно взвалили их себе на плечи. Полагаясь на этот запас, он выступил в поход при благоприятных, как и прежде, знамениях в надежде, что ему удастся совершить в течение пяти или шести месяцев две настоятельно необходимые экспедиции. 3. Так подготовившись, он двинулся прежде всего на франков, а именно на тех, которых принято называть салийскими; они нагло позволили себе уже ранее прочно обосноваться на римской земле близ Токсиандрии**. Когда он прибыл в Тунгры***, его встретили послы вышеназванных франков, которые полагали, что застанут императора еще на зимних квартирах. Они предлагали мир при том условии, чтобы никто не трогал и не тревожил их, пока они мирно живут на своей якобы террито-

---

* Аммиан, как родившийся в другом климате, привел совершенно ложный аргумент: ему следовало связать подвоз хлеба из Аквитании с временем его уборки; из дальнейшего очевидно, что он это именно и разумел, а только выразился неправильно по склонности и пристрастию к цветистым оборотам.

** Главный город токсиандров, в северной части Фландрии.

*** Толгерн в бельгийской провинции Лимбург.

рии. Юлиан внимательно рассмотрел этот вопрос и, поставив со своей стороны запутанные условия, отпустил послов с подарками, делая вид, что останется на месте до их возвращения. 4. Когда же они отбыли, он последовал за ними с быстротой молнии, отправив полководца Севера по берегу, и внезапно напал на все их племя. Обрушившись на них, как гроза, он встретил с их стороны не столько сопротивление, сколько просьбы о пощаде, не стал пользоваться плодами победы и, склонившись к милосердию, принял их в подданство с детьми и имуществом. 5. Точно таким же образом напал он на хамавов, которые отважились на такой же поступок, как и франки, и с той же быстротой одних разбил, а других, несмотря на их ожесточенное сопротивление, взял живыми в плен и заковал в оковы; остальным, которые бросились в стремительном бегстве на свою землю, он на этот раз позволил безнаказанно уйти, чтобы не утомлять солдат продолжительным походом. Вскоре после этого прибыли их послы, чтобы изложить ему свои просьбы и переговорить о своих делах; они пали перед ним ниц, и он даровал им мир, дав заверение в том, что они могут рассчитывать на вполне беспрепятственное возвращение в свою землю.

9

1. Пока, таким образом, все шло по его желанию, Юлиан, постоянно поглощенный заботами о том, чтобы всячески поднять благосостояние провинций, признал своевременным восстановление трех расположенных на одной линии по берегам реки Мозы* укреплений, давно уже превращенных в развалины упорными нападениями варваров. И он тотчас же их восстановил, отложив на время военные действия. 2. Чтобы немедленно подкрепить это разумное мероприятие, он приказал оставить в этих укреплениях часть того продовольствия на 17 дней, которое несли на себе солдаты, рассчитывая, что удастся восполнить то, что оставлено, из урожая в земле хамавов. 3. Но вышло совсем иначе. Хлеб еще не созрел; между тем солдаты, израсходовав то, что несли с собою, и не находя никакого продовольствия, стали нападать на Юлиана с угрозами и бранью: называли его из-

* Маас.

неженным азиатом, хвастливым греком, обманщиком, дураком под видом философа. И поскольку обыкновенно встречаются среди солдат люди острые на язык, то и пошли такие речи: 4. «Куда это нас гонят? Нет надежды на лучшее! Мы терпели в снегах жестокие и невыносимые бедствия, вынесли лютые морозы! Но теперь — о ужас — когда мы наступили врагу на горло, мы сохнем от голода — позорнейший вид смерти. 5. Никто не вправе сказать, что мы поднимаем бунт: мы заверяем, что возвышаем голос лишь за свою жизнь; не просим мы золота и серебра, которых давно уже нам не удавалось ни получать на руки, ни даже видеть; нам в них отказывают, словно мы уличены в том, что приняли на себя столько трудов и опасностей в борьбе не за государство, а против него». 6. И действительно, были основания для жалоб. После целого ряда счастливых предприятий и опасных тревог солдаты, потрудившиеся в Галльских походах, не получили ни донатива*, ни жалованья, с тех пор как прислан был Юлиан; причиной тому было то, что у самого Юлиана не было казны, а Констанций не разрешал делать этих обычных подачек. 7. В этом заключался злой умысел, а не простая скаредность. Выяснилось же это так: один простой солдат попросил, как это случается, денег у Юлиана, чтобы побриться; тот дал ему какую-то мелочь, но это навлекло на него злостную клевету со стороны Гауденция, бывшего тогда нотарием, который давно находился в Галлии, чтобы наблюдать за его поступками. Впоследствии Юлиан приказал его казнить, как будет о том рассказано в соответствующем месте.

10

1. Наконец волнение было успокоено при помощи различных кротких уговоров. По наведенному через Рейн мосту совершена была переправа, и войска вступили на землю аламаннов. Но тут магистр всадников Север, выказывавший до того воинственность и энергию, внезапно проявил без-

* *Donativum* — экстренный денежный подарок солдатам римской армии, получивший еще при Августе характер учреждения. Одним из наиболее обычных поводов для его применения было вступление во власть нового императора; важные для интересов династии события сопровождались обыкновенно подачками солдатам с целью обеспечить их верность.

действие. 2. И тот, кто часто увлекал целые армии и отдельных людей на храбрые подвиги, теперь советовал не вступать в битву, являясь достойным презрения трусом, быть может, под влиянием страха перед приближением смерти: так в книгах Тагета и Вегоны* написано, что люди, которым предстоит быть пораженными ударом молнии, приходят в такое расслабление, что неспособны слышать ни гром, ни другой какой-нибудь даже более громкий звук. И сам поход он совершал с необычной для него робостью: бодро шедших вперед проводников он пугал угрозой казни, если они единодушно не заявят, что совершенно не знают местности. В страхе перед этим властным запретом они потом уж и вовсе не шли вперед.

3. Во время этих проволочек царь аламаннов Суомарий неожиданно сам появился со своими людьми. Прежде свирепый и ожесточенный враг римлян, он был готов в тот момент считать неожиданной удачей, если ему будет позволено оставить за собою то, что ему принадлежало. Так как выражение его лица и вся осанка выдавали смирение, то он был принят Юлианом, который его ободрил и успокоил, а тот, не предъявляя со своей стороны никаких требований, на коленях молил его о мире. 4. И мир был ему дан с забвением прошлого при том условии, чтобы он возвратил наших пленных и каждый раз, когда понадобится, доставлял нашим солдатам продовольствие и получал лишь расписки о доставленном как простые поставщики; если же он не предъявит вовремя расписок, то должен знать, что против него будут опять приняты меры принуждения.

5. Это благоразумное распоряжение было без затруднений приведено в исполнение. Теперь предстояло отправиться в область другого царя, по имени Гортарий. Нужны были только проводники, и Цезарь приказал Нестике, трибуну скутариев, и Хариеттону, человеку выдающейся храбрости, приложить все усилия к тому, чтобы поймать и привести к нему пленного. Вскорости был пойман молодой аламанн и представлен ему. При условии дарования жизни и свободы он обещал показать дорогу. 6. По его указаниям войско тронулось в

* Ритуальные книги этрусков, приписываемые Тагету и Вегоне, существовали в латинском переводе и обработках. Следы этого материала есть в комментарии грамматика Сервия к «Энеиде» Вергилия.

путь, но тотчас же встретило препятствие в виде засек из огромных деревьев. Дальними и извилистыми обходными путями пришли тем не менее в земли Гортария. Рассвирепевшие солдаты предавали поля огню, угоняли скот, а людей, оказывавших сопротивление, убивали безо всякой пощады. 7. Расстроенный этими бедствиями и имея перед глазами грозные силы легионов и остатки сгоревших селений, царь видел уже свою окончательную гибель и тоже стал просить о прощении. Он давал клятвенные обещания исполнить все, что ему будет приказано, и вернуть всех пленных. На последнем особенно настаивал Юлиан, но Гортарий задержал бóльшую часть их и выдал лишь немногих. 8. Узнав об этом, Юлиан воспылал справедливым негодованием, и, когда царь явился, чтобы получить обычный дар, Юлиан приказал задержать четырех людей его свиты, услугами и верностью которых тот более всего дорожил, и не отпускал их, пока не вернулись все пленные. 9. Когда же он был приглашен Цезарем для переговоров, то с растерянным взором приветствовал его и, подавленный видом своего победителя, принял на себя бремя тяжких условий, а именно: так как после стольких успехов необходимо было восстановить города, разрушенные нападениями варваров, то ему предложено было доставить подводы и материал на свои средства и средства своих подданных. После того как он дал это обещание и произнес заклятие искупить своей кровью, если допустит в чем вероломство, ему разрешено было вернуться к себе. Нельзя было требовать от него доставки хлеба, как от Суомария, потому что после окончательного разорения его области нельзя было бы ничего получить.

10. Так эти цари, некогда нагло высокомерные и привыкшие обогащаться грабежами наших земель, склоняли свои укрощенные головы под ярмо римского могущества и, словно родились и выросли среди платящих подати, беспрекословно подчинялись приказаниям. Окончив так эти дела, Цезарь распустил солдат по гарнизонам и вернулся на зимние квартиры.

11

1. По мере того как при дворе Констанция получали известия об этих событиях (Цезарь должен был как слуга доводить до сведения Августа обо всем, что происходило), все

более влиятельные при дворе лица, искушенные мастера в угодничестве, поднимали на смех столь хорошо задуманные и удачно исполненные предприятия Юлиана, нашептывая без конца глупые остроты такого типа: «Противен стал со своими победами этот двуногий козел», намекая на его длинную бороду[19], называли его болтливым кротом, наряженной в пурпур обезьяной, греческим пустомелей. Напевая постоянно эти и тому подобные остроты на уши императору, который находил в этом большое удовольствие, они старались бессовестными речами затемнить доблести Юлиана, поносили его, как бездеятельного труса, ученого педанта, разукрашивающего цветистыми словами неудачные предприятия. Юлиан не первый подвергся подобной участи. 2. Против всех выдающихся людей направляет свое жало зависть. В истории записано, что и у великих вождей древности зложелатели, задетые их великими подвигами, выдумывали пороки и преступления, если их нельзя было отыскать у них. 3. Так обвиняли Кимона, сына Мильтиада... человека, который как прежде не раз, так и близ Евримедонта, реки в Памфилии, уничтожил несчетное количество персов и вынудил народ, всегда отличавшийся надменностью, униженно молить о мире[20]. Точно так же обвиняли в бездеятельности Сципиона Эмилиана завидовавшие ему зложелатели, хотя благодаря его удивительной предприимчивости снесены были с лица земли два могущественных города, ополчившихся против Рима[21]. 4. Поскольку злые завистники, нападавшие на Помпея, не могли, несмотря на всяческое старание, найти ничего, за что бы следовало его порицать, то выискали следующие две достойные смеха мелочи: что он как-то по-своему чесал голову одним пальцем и что в течение некоторого времени обвязывал белой повязкой колено, чтобы прикрыть безобразную язву. В первом видели проявление распущенности, во втором — пристрастие к новшествам; не важно — так гласили их неостроумные наветы, — на какой части тела носить отличие царского достоинства*.

Так преследовали человека, не имевшего себе равных по своей храбрости и любви к отечеству, чему есть неопровержимейшие доказательства.

---

* Очевидно, острота основана на значении слова *диадема* — повязка — и на том, что царская диадема была именно *белого* цвета.

5. Пока происходили описанные события, Артемий, состоявший вице-префектом, стал префектом вместо Басса, который умер вскоре после вступления в должность. Время его правления отмечено бурными волнениями, но вообще не случилось ничего примечательного.

12

1. Пока Август мирно проводил зиму в Сирмии, один за другим являлись к нему вестники с сообщениями о том, что сарматы и квады, племена-соседи, близкие между собой по обычаям и вооружению, соединившись, делают набеги отдельными отрядами на обе Паннонии и Вторую Мезию. 2. У этих племен больше сноровки для разбоя, чем для открытой войны; они вооружены длинными пиками, носят панцири из нарезанных и выглаженных кусочков рога, нашитых наподобие перьев на льняные рубашки; кони у них по большей части холощены, чтобы не бросались при виде кобыл и, когда приходится засесть в засаду, не бесились, выдавая ездоков усиленным ржанием. 3. Они проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля или когда бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет еще в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересаживаясь с одной на другую, сохранить силы коней и, давая отдых, восстановить их силы.

4. И вот, после весеннего равноденствия, император собрал значительные военные силы и с добрыми знамениями отправился в поход. Дойдя до удобного пункта, он приказал навести мост на судах на реке Истр[22], которая разлилась вследствие весеннего таяния снегов. Переправившись, император начал разорять земли варваров. Быстрота нашествия застала их врасплох: они не предполагали, что в эту пору года могла собраться армия, а между тем исполненный боевого духа неприятель наступил уже им на горло. Не смея даже отдохнуть, не то чтобы выступить против, они рассыпались, чтобы избежать неожиданной гибели, и бросились в бегство. 5. Большинство, однако, было перебито, так как страх сковывал их движения; а те, кого спасла от смерти быстрота, спрятались в уединенных горных долинах и смотрели оттуда, как гибла от меча их родина: они бы сумели защитить ее, если бы оказали сопротивление с тем же усердием, с каким бежа-

ли. 6. Это произошло в той части Сарматии, которая обращена ко Второй Паннонии. С таким же ожесточением военная гроза разоряла достояние варваров в местностях, сопредельных с провинцией Валерией, предавая все попадавшееся на пути расхищению и огню.

7. Это страшное разорение заставило сарматов оставить свое желание скрыться. Они разделились на три отряда и, делая вид, что хотят просить мира, задумали напасть на наших, если бы те вели себя беспечно, так чтобы не дать им возможности ни взяться за оружие, ни прикрыться от ударов, ни прибегнуть к последнему средству в крайней опасности — обратиться в бегство. 8. Тут явились на помощь сарматам их союзники в опасностях квады, которые часто бывали их неразлучными товарищами в набегах. Но не помогла им их отвага, толкнувшая их на очевидную опасность. 9. Большинство было перебито, а часть, которой удалось уцелеть, ускользнула по знакомым тропинкам. Этот успех поднял силы и дух наших, отдельные отряды соединились, и войско направилось в царство квадов. Опасаясь на основании прошлых бедствий ужасов в будущем, они решили униженно просить мира и, будучи уверены в помиловании, явились, чтобы предстать перед императором, который в подобных случаях проявлял большую снисходительность. В день, назначенный для установления условий мира, Зизаис, тогда еще царевич[23], молодой человек огромного роста, выстроил сарматов в боевом порядке для предъявления просьбы. Увидев императора, он бросил оружие и пал всем телом, как мертвый, на землю. От страха он потерял голос в тот самый момент, когда должен был изложить свою просьбу. Несколько раз пытался он заговорить, но рыдания мешали ему, и он не мог объяснить, чего он хочет. Это обстоятельство вызвало к нему особое сострадание. 10. Наконец он оправился, голос вернулся, и, получив приказание встать, он на коленях взывал к милосердию и молил о прощении проступков. Сопровождавшая его толпа, допущенная с той же целью, стояла в немом страхе, пока судьба их начальника была неизвестна. Когда же ему приказано было подняться с земли, он подал своим людям давно ожидаемый знак просить о пощаде. Тогда все бросили на землю щиты и копья, протянули с мольбою руки вперед и старались смиренностью мольбы превзойти царевича. 11. Этот последний привел с прочими сар-

матами Румона, Зинафра и Фрагиледа, царских вассалов, и многих знатных людей, чтобы изложить такие же просьбы с надеждой на успех. Радуясь тому, что им дарована жизнь, они обещали компенсировать допущенные ими враждебные действия принятием на себя тяжких условий мира и готовы были предоставить во власть римлян себя самих со своим достоянием, детьми, женами и всеми своими землями. Но возобладала милость в сочетании со справедливостью: им позволено было сохранить за собою свои земли с обязательством возврата всех наших пленных. Они представили также и заложников, которых от них потребовали, и дали ручательство на дальнейшее время неукоснительно повиноваться приказаниям. 12. Приободренные этим примером мягкости с нашей стороны, поспешили явиться царевичи Арагарий и Узафер со всеми своими людьми. Они принадлежали к самой высокой знати и были военачальниками у своих земляков; один из них командовал частью трансюгитанов и квадов, другой — частью сарматов, — эти народы сближало между собой соседство по месту жительства и дикость нравов. Опасаясь, чтобы собравшаяся толпа под видом заключения мира не подняла внезапно оружия, император приказал ей разделиться и тем, кто просил за сарматов, отойти в сторону на то время, пока будет рассмотрено дело Арагария и квадов. 13. Последние предстали, стоя склонившись, как обвиняемые, и, не будучи в состоянии оправдаться в тяжких проступках, боялись тягчайшей кары. От них потребовали заложников, и они их дали, хотя никогда прежде не соглашались предоставлять такого обеспечения верности договору. 14. Когда было принято столь снисходительное и милостивое решение, Узаферу было позволено высказать свои просьбы, хотя этому упорно противился Арагарий, утверждая, что условия данного ему мира должны быть распространены и на Узафера, как на подчиненного ему союзника, привыкшего повиноваться его приказаниям. 15. При всестороннем рассмотрении вопроса было объявлено решение об освобождении сарматов от подчинения чужой власти. Их признали исконными клиентами римлян и обязали дать заложников как ручательство сохранения мира. Сарматы приняли это решение с громкими выражениями благодарности. 16. Когда стало известно, что Арагарий не подвергся наказанию, стали собираться целыми толпами стекавшиеся отовсюду

племена и цари, молившие убрать уже занесенный над их шеей меч. Им также дарован был мир, о котором они просили. Скорее, чем можно было ожидать, представили они в заложники сыновей знатнейших семейств из самых далеких царств, а также, согласно требованию, наших пленных, которых они отдавали с не меньшим горем, чем своих единоплеменников. 17. Когда приняты были эти меры, обращено было внимание на сарматов, которые заслуживали скорее сострадания, нежели гнева, и это принесло им великое благополучие, так что на этом примере подтвердилась справедливость мнения, что власть государя или побеждает злой рок, или сама является таковым. 18. Могущественны и славны были некогда обитатели этого царства, но рабы составили тайный заговор и устроили восстание. И так как у варваров право на стороне сильного, они победили своих господ, будучи столь же храбры, как и те, но имея численный перевес. 19. Не зная в страхе, что предпринять, сарматы бежали к далеко живущим виктогалам, предпочитая в беде лучше служить своим защитникам, нежели быть в рабстве у своих рабов. Когда они получили прощение и были приняты в римское подданство, то стали жаловаться на прошлую обиду и просить защиты своей свободы. Император был тронут их несчастьем и, созвав их, в присутствии всей армии обратился к ним с милостивыми словами и повелел им подчиняться только ему самому и римским командирам. 20. Желая с бóльшим достоинством обставить восстановление свободы, он дал им в цари Зизаиса, человека, вполне подходившего, как выяснилось на деле, для этого высокого сана и сохранявшего верность императору. Впрочем, и после этих славных деяний никому не было позволено уйти раньше чем, согласно требованию, не возвратятся наши пленные. 21. Таковы были действия на варварской земле. Затем император двинул армию в Брегецион*, чтобы и тут слезами и кровью залить пламя войны, еще не угасшее у живших в этой местности квадов. Когда их царевич Витродор, сын царя Видуария, вассал его Агилимунд и другие знатные люди и судьи, стоявшие во главе различных племен, увидали войско во внутренних областях царства на своей родной земле, то поверглись ниц перед солдатами и, получив прощение, подчинились всем прика-

* Шёни в Венгрии, недалеко от Коморна.

заниям. Они выдали своих детей заложниками в ручательство того, что исполнят наложенные на них условия, и, достав мечи, которые они чтут как богов, клялись на них сохранять верность.

13

1. После благополучного окончания описанных предприятий интересы государства потребовали скорейшего похода против лимигантов, сарматов-рабов: отсутствие наказания их за многие преступные деяния являлось прямым позором. Когда вторглись сарматы-свободные, то они, словно забыв о прежнем, воспользовались удобным моментом и прорвались через римскую границу, проявляя согласие со своими господами и врагами только в этом преступном предприятии. 2. Однако и в отношении к ним решено было ограничиться более мягкими мерами, чем того требовала тяжесть преступлений: отмщение предполагалось ограничить тем, чтобы переселить их в отдаленные местности и лишить тем самым возможности тревожить наши пределы. Но сами они, сознавая за собой давнишние провинности, опасались серьезной кары. 3. Подозревая поэтому, что огромные военные приготовления будут произведены против них, они готовились пустить в ход коварство, оружие и просьбы. Но вид нашего войска поразил их как удар грома и, видя перед собою неминуемую гибель, они стали просить даровать им жизнь, давая со своей стороны обещание платить ежегодную дань, поставлять свою сильную молодежь в войска и оказывать полное повиновение; но в случае приказания переселиться на другое место, они приготовились отказаться, как показывали то жестами и выражением лиц, считая безопасными для себя те местности, где они спокойно поселились после изгнания своих владык. 4. В этих землях протекает в извилистом русле Партиск* и впадает в Истр. Там, где Партиск течет свободно один, он проходит по широким степям, которые сужаются только к устью. От нападения римлян защищает население русло Дуная, а от вторжений варваров закрывает своим течением Партиск. Местности здесь по большей части болотистые, и вследствие разлива рек тут

* Тиса.

много топей, заросших лозой, так что пройти может только очень хорошо знакомый с местностью человек. Кроме того, при впадении Партиска главная река (Дунай) делает изгиб и образует остров, совершенно отрезанный от остальной территории. 5. По вызову императора они явились со свойственным им высокомерием на наш берег реки не для того, как показал исход дела, чтобы исполнить приказание, но чтобы не казалось, будто они испугались присутствия солдат. С вызывающим видом стояли они, показывая, что явились для того только, чтобы отвергнуть все требования. 6. Предвидя такую возможность, император незаметно разделил армию на множество отрядов и окружил быстро передвигавшихся варваров строем своих войск. Стоя на высоком валу с небольшой свитой под прикрытием отряда телохранителей, он дружески убеждал их смириться. 7. Но из-за непостоянства настроения они склонялись к различным решениям и, одновременно прибегая к хитрости и впадая в дикую ярость, они готовы были просить пощады или начать войну. Собираясь сделать на наших нападение на близком расстоянии, они нарочно бросили подальше от себя щиты, чтобы, затем приблизившись, постепенно подобрать их и незаметно продвинуться вперед, не выдавая своего коварного умысла.

8. Поскольку день склонялся уже к вечеру и уходящий свет побуждал положить конец промедлению, наши солдаты, подняв боевые значки, в едином порыве понеслись на врага. Варвары, скучившись и еще более уплотнив свой строй, направили свою атаку на самого императора, который, как было сказано, стоял на возвышении, и бросились на него с остервенелыми взорами и дикими криками. 9. Этой безумной дерзости не могли стерпеть наши солдаты, пришедшие в большую ярость: построившись клином, что в просторечии у солдат называется «свиная голова», они разнесли мощным натиском угрожавшего императору врага, и справа пехотинцы рубили толпы пеших, слева всадники врезались в легкие отряды конных. 10. Императорская гвардия, прикрывая со всех сторон Августа, поражала нападавших в грудь, а потом отступавших в спины. Варвары проявляли страшное упорство, и те, кто падал в борьбе, ужасным ревом показывали, что не такие страдания причиняет им собственная смерть, как успех наших. Кроме убитых лежало на земле много врагов с разрубленными поджилками, которые лише-

ны были возможности бежать, другие с отрубленными правыми руками, некоторые хоть и не раненые, но опрокинутые тяжестью упавших на них, и все они в глубоком молчании терпели страдания. 11. И никто из них среди различных ужасов не молил о пощаде, не бросал оружия, не просил скорейшей смерти; все упорно удерживали в руках оружие, даже поверженные наземь, считая меньшим позором быть побежденным силой другого, чем признаться в этом. Порой слышались их крики, что происшедшее случилось по капризу судьбы, а не по их вине. Так в течение получаса разыгралась эта битва; в этот короткий срок пало столько варваров, что лишь сама победа свидетельствовала о том, что было сражение*.

12. Как только было смято вражеское войско, тотчас погнали целым стадом родственников убитых, вытаскивая их из жалких хижин, людей разного возраста обоих полов. Исчезла теперь прежняя их спесь, и они попали в низкое положение рабов. Итак, по прошествии самого незначительного промежутка времени представились взору груды убитых и толпы пленных. 13. К бранному задору присоединилось желание поживиться от победы, и солдаты принялись за тех, кто бежал с поля битвы или скрывался в хижинах. Жадные до варварской крови солдаты, придя в те места, стали раскидывать легкие сооружения и избивать всех; даже жилища, сооруженные из самых крепких бревен, никого не спасли от смерти. 14. Наконец, стали все предавать огню, и никто не мог больше укрываться, так как уничтожено было все, что могло служить убежищем. Кто упорно скрывался, тот погибал в огне; если же человек, спасаясь от смерти в огне, выходил, то, избежав одной смерти, падал под ударами неприятельского меча. 15. Некоторые, однако, спасшись от меча и всеобщего пожара, бросались в волны реки в надежде, как искусные пловцы, достигнуть противоположного берега. Но большинство из них утонуло; другие погибли, пронзенные стрелами, так что кровь обильно окрасила волны огромной реки. Так гнев и доблесть победителей губили сарматов и в одной, и в другой стихии.

---

* Автор, вероятно, хочет сказать, что неожиданность и краткий срок битвы делали ее словно незаметной, и только поле, устланное трупами, говорило о том, что была битва.

16. После такой расправы принято было решение лишить всех уцелевших еще представителей этого народа всякой надежды и радости жизни. Когда жилища были преданы огню и семейства взяты в плен, приказано было собрать лодки для розыска тех, кого укрыл от нашего нападения другой берег. 17. Чтобы не дать остыть боевому пылу солдат, тотчас же были посажены на лодки наши легковооруженные; пройдя по укрытым местам, они заняли потайные убежища сарматов, которых обмануло внезапное появление местных лодок со знакомым способом гребли. 18. Когда же они и́здали по блеску оружия поняли, что приближается опасность, которой они боялись, то бросились искать убежища в болотистых местах. Но наши солдаты настойчиво преследовали их и, перебив очень многих, одержали победу там, где, как до сих пор предполагали, нельзя было ни стать твердой ногой, ни осуществить нападение.

19. После того как амицензы были почти истреблены или рассеяны, тотчас же обратились против пицензов, названных так по имени соседних местностей. Бедствия соплеменников, о которых дошли до них немедленно слухи, сделали их более осторожными. Из-за полного незнания дорог трудно было преследовать их, когда они рассеялись по разным местам, и, для того чтобы подавить их, прибегли к помощи тайфалов, а также свободных сарматов. 20. Так как условия местности вынуждали разделить силы, то наши войска избрали для себя местности, прилегающие к Мезии; тайфалы направились в области, ближайшие к их территории; а свободные сарматы заняли земли, лежащие против их местожительства.

21. Лимиганты, напуганные примером покоренных и убитых земляков, долго не могли прийти к определенному решению: следует ли им оказать сопротивление или же просить милости — для того и другого были достаточно веские основания. Однако наконец победило по настоянию старшин решение сдаться. Таким образом, к иным победным лаврам присоединилось изъявление покорности со стороны народа, который оружием отвоевал себе свободу, презрел своих господ, победив их и считая неспособными воевать; теперь же остатки его склонили свои головы пред теми, которые оказались сильнее их. 22. Получив помилование, бо́льшая часть лимигантов покинула укрывавшие их горные высоты

и, рассыпавшись по широким степям, поспешила к римскому лагерю с родителями, детьми и женами, а также с жалким своим домашним скарбом, который они могли наспех захватить с собой. 23. И те, о ком думали, что они скорее расстанутся с жизнью, чем будут вынуждены переселиться, так как в свободе они видели отсутствие всяких притеснений, согласились теперь повиноваться распоряжениям и перейти на другие места обитания, спокойные и безопасные, где не могла их тревожить война и не грозили внутренние раздоры. Переселившись туда, как казалось, по собственному желанию, они некоторое время оставались спокойны. Но позднее они отважились по своей природной дикости на гибельное злодеяние, как о том будет рассказано в соответствующем месте*.

24. Благоприятным исходом этих предприятий была укреплена необходимая оборона Иллирика в двух смыслах, и, как ни трудна была двойная задача, возложенная на себя императором, он справился с ней благополучно... Он вернул изгнанное племя и водворил его на место жительства предков; и, хотя оно отличалось беспокойным нравом, можно было надеяться, что оно станет вести себя более мирно. В завершение своей милости он поставил им царя, и это был не какой-нибудь простой человек, а избранный ими самими и выделявшийся внешними и внутренними достоинствами царевич. 25. Этот ряд удачных дел освобождал Констанция от всяких тревог, и при полном единодушии своих солдат он принял во второй раз титул «Сарматский» по имени покоренного народа. Собираясь уже уходить оттуда, он созвал все когорты, центурии и манипулы, взошел на трибунал и, окруженный знаменами и орлами, а также собравшимися высшими чинами, держал такую речь, встретившую, как обычно, всеобщее сочувствие.

26. «Верные защитники Римской державы! Воспоминания о славных делах, которые для храбрых выше всяких радостей, побуждают меня с полным смирением припомнить то, что мы, с Божьею помощью победители, совершили до битв и во время самого пыла браней. Что прекраснее и что по всей справедливости более достойно памяти потомков, как не радостное сознание солдата проявленной им храбро-

* Ср.: 19, 11.

сти, а военачальника — того, что он сумел предусмотрительно распорядиться? 27. Дерзкий враг хозяйничал в Иллирике, нагло пользуясь нашим отсутствием, пока мы заняты были обороной Италии и Галлии. Он опустошал пограничные области, предпринимая набеги различными способами, то переезжая на выдолбленных стволах деревьев, то вброд переходя реки. Не дерзал он сразиться, не полагался на оружие и свои силы, но производил привычные ему тайные грабежи, наводя страх на наших предков с самого своего поселения в этих местах своей хитростью и изобретательностью в воровских уловках. Находясь далеко, мы сносили это, насколько это было возможно, питая надежду, что энергия наших военачальников сможет оградить нас от этих не очень важных потерь. 28. Когда же зло, возрастая вследствие безнаказанности, дошло до тяжких, постоянно повторяющихся бедствий, постигавших целые провинции, мы, укрепив проходы в Рэцию, упрочив предусмотрительными предприятиями безопасность Галлии и не оставив в тылу никакой опасности, пришли в Паннонии, чтобы, согласно велению вечного Бога, поддержать то, чему грозила гибель. Приняв все подготовительные меры, как вы знаете, мы выступили в поход в начале весны и принялись за тяжкие труды. Прежде всего нам пришлось добиться того, чтобы вражеские выстрелы не помешали нам навести мост. Совершив это дело без особого труда, мы увидели перед собой вражескую территорию и вступили на нее. Пытавшихся оказать отчаянное сопротивление сарматов мы разбили без потерь с нашей стороны. Сокрушили мы также и явившихся на помощь сарматам квадов, которые с такой же дерзостью ринулись на ряды наших славных легионов. Испытав после тяжких потерь во время своих нападений и грозных попыток сопротивления силу нашей доблести, они выбросили оружие и дали связать за спиной руки, готовые к бою; признав, что единственная надежда для них — просьба о пощаде, припали они к стопам милосердного Августа, военное счастье которого не раз изведали. 29. Справившись с ними, мы с равной доблестью победили лимигантов, перебили бóльшую их часть, а других заставили искать спасения от опасности в болотах. 30. Когда мы благополучно покончили с этими делами, настал момент проявить снисхождение. Лимигантов мы заставили переселиться в отдаленные

места, чтобы в дальнейшем они не могли уже пускаться в какие-либо предприятия во вред нам. Мы пощадили большую часть свободных сарматов и поставили над ними царем Зизаиса, который будет нам предан и верен. Мы придаем больше значения тому, чтобы избрать царя для варваров, чем устранить такового, и это наше действие получило больший блеск от того, что им был дан правитель, которого они сами раньше избрали и приняли. 31. Итак, в одном походе достигли мы и государство успеха в четырех отношениях: наказали прежде всего преступных разбойников; затем, в избытке будут у вас пленники из числа врагов, так как храбрые воины имеют право на то, что добыто их потом и их собственными руками. 32. На нашу долю достались большие средства и большие сокровища. Наши труды и наша храбрость должны сохранить невредимым достояние всех. Это — забота хорошего государя, это результат благополучных предприятий. 33. Наконец, и лично я имею свою долю добычи: во второй раз титул Сарматского, который вы — я могу сказать это, не навлекая тем на себя упрека в высокомерии, — дали мне по заслугам».

По окончании этой речи войска пришли в необычайное возбуждение; приведенные в восторг надеждами на лучшее будущее и выгоды, солдаты подняли радостные крики во славу императора, клялись, как обычно, призывая в свидетели Бога, что Констанций непобедим, и с ликованием разошлись по палаткам. Император проследовал в царскую палатку и после двухдневного отдыха с триумфом вернулся в Сирмий, а войска разошлись по отведенным им местам расквартирования.

14

1. Примерно в то же самое время Проспер, Спектат и Евстафий, назначенные послами в Персию, как я выше об этом рассказывал*, получили аудиенцию у царя, когда он вернулся в Ктесифон[24]. Они передали ему письмо и подарки императора и просили мира на условиях сохранения существующего положения. Придерживаясь данных им инструкций, они твердо стояли на страже интересов Рима и достоинства госу-

* См.: 17, 5, 15.

дарства: настаивали на том, что мир должен быть заключен при непременном условии не возбуждать вопроса о положении Армении и Месопотамии. 2. Долго они там задержались, и так как убедились, что царь в своем упорстве настаивал на том, что согласится на принятие мира, только если ему будет предоставлена власть в этих областях, то вернулись назад, ничего не достигнув. 3. После этого с целью добиться мира на тех же неизменных условиях отправлены были комит Луциллиан и Прокопий, бывший тогда в звании нотария, тот самый, что впоследствии, попав под власть тяжкого рока, поднял знамя бунта[25].

Книга XVIII

(год 359)

1. Цезарь Юлиан принимает меры в интересах галлов и заботится о том, чтобы все повсеместно соблюдали закон.
2. Он восстанавливает стены взятых им крепостей на Рейне и, опустошив враждебную часть Аламаннии, заставляет пять аламаннских царей просить мира и выдать пленных.
3. За что отрублены были головы по приказу Августа Констанция магистру пехоты Барбациону и его жене.
4. Царь Персидский Сапор собирается всеми силами напасть на римлян.
5. Протектор Антонин бежит со всем своим семейством к Сапору и подстрекает его к войне с римлянами, которую тот собирался начать и сам.
6. Магистр пехоты Урзицин, будучи отозван с Востока и доехав до Фракии, отправлен назад в Месопотамию. Вернувшись, Урзицин через Марцеллина узнает о приближении Сапора.
7. Сапор вступает в Месопотамию вместе с царями хионитов и албанов. Римляне сами поджигают свои поля, сгоняют крестьян в города и укрепляют правый берег Евфрата крепостями и фортами.
8. Семьсот иллирийских всадников, захваченные врасплох, обращены персами в бегство. От персов ускользают в одном месте Урзицин, в другом Марцеллин.
9. Описание Амиды и число находившихся там в ту пору в гарнизоне легионов и турм.
10. Сапору сдаются два римских укрепления.

1

1. Таковы события, случившиеся в разных частях земли в течение одного и того же года. В Галлии положение дел улучшилось, и в год, когда консульский титул увенчал братьев Евсевия и Гипатия[1], Юлиан, прославившись целым рядом блестящих успехов, отложил на время пребывания на зимних квартирах военные заботы и с не меньшим вниманием проводил различные мероприятия на пользу провинциям. Он бдительно следил за тем, чтобы никто не оказался чрезмерно задавленным под тяжестью податей, чтобы властные люди не притесняли низших, чтобы не играли роли лица, наживавшиеся на государственный счет, чтобы никакой судья не отступал безнаказанно от справедливости.

2. Последнего он легко достиг тем, что сам разбирал тяжбы, когда того требовала важность дела или высокое положение судящихся лиц, неукоснительно отличая правду от неправды. 3. Много можно указать похвальных поступков и слов его в подобного рода процессах, но достаточно будет привести один пример того, как он действовал. 4. Нумерий, недавно бывший наместником Нарбоннской провинции, был привлечен к ответственности за хищения, и Юлиан с необычной, прямо цензорской строгостью заслушал его дело, допустив в суд всех желающих. Так как обвиняемый отпирался и не удавалось ни в чем изобличить его, то Дельфидий, весьма горячий обвинитель, жестоко на него нападавший, расстроился от того, что доказательства оказывались недостаточными, и воскликнул: «Может ли кто-либо оказаться виновным, о блистательный Цезарь, если достаточно отрицать обвинение?» На это Юлиан немедленно дал остроумный ответ: «Может ли кто оказаться невинным,

если достаточно предъявить обвинение?» Этот случай, как и многие другие, свидетельствует о его гуманном образе мыслей.

2

1. Будучи уверен, что некоторые общины аламаннов вынашивают враждебные замыслы и отважатся на дерзкие поступки, если не покорить и их по примеру прочих, Юлиан собирался в поход, который считал неотложным, и находился в раздумьях, с какой силой и быстротой предпринять ему нападение, как только представится удобный момент, чтобы явиться неожиданно, опередив слухи о своем приближении. После продолжительного обдумывания дела со всех сторон он остановился наконец на решении сделать попытку, которую вполне оправдал исход дела. 2. Он послал, не сказав об этом никому, Гариобавда, трибуна на вакансии, человека испытанной верности и храбрости, под видом посла к царю Гортарию, который теперь заключил уже мирный договор с Римом*. Оттуда посланный должен был пройти по областям, пограничным с теми, на которых предполагалось прежде всего сделать нападение, и, пользуясь отличным знанием местного языка, разузнать, что затевают варвары. 3. Гариобавд отправился в путь, чтобы исполнить возложенное на него поручение, а сам Юлиан, дождавшись удобного для похода времени года, выступил с войсками, которые были стянуты отовсюду. Но прежде всего он считал необходимым занять, пока не началась война, давно разрушенные города, восстановить их стены и построить новые склады вместо сожженных, чтобы можно было разместить там запасы, которые обычно доставлялись из Британии. То и другое удалось ему осуществить, и к тому же быстрее, чем можно было ожидать. 4. И склады были быстро построены, и достаточное количество провианта было в них запасено, и городов было занято семь: Лагерь Геркулеса, Квадрибургий, Трицензимы, Новезий, Бонна, Антеннак и Бингион**. Сюда

* Ср.: 17, 10, 7.

** Castra Herculis — укрепление, лежавшее неподалеку от Гейссена (Huyssen) напротив Арнгейма; Quadriburgium — Шенкеншанц, Tricensimae — Келлен, Novesium — Нейс, Bonna — Бонн, Antennacum — Андернах, Bingion — Бинген.

весьма кстати прибыл префект Флоренций с частью армии и провиантом в таком количестве, что его было достаточно на долгое время.

5. После того как это удалось сделать, оставалось насущно необходимое дело — восстановить стены занятых городов, пока еще никто этому не препятствовал, и тут обнаружилось с полной очевидностью, что в ту пору варвары из страха, а римляне из любви к своему командиру дружно работали на пользу римских государственных интересов. 6. Соблюдая условия договора прошлого года, цари прислали на своих подводах много разного строительного материала, а солдаты вспомогательных отрядов, которые обычно относятся с недовольством к таким работам, склонившись к послушанию под воздействием ласковых слов Юлиана, без ропота носили на своих плечах бревна 50 и более футов длины и оказывали большую помощь при возведении строений. 7. Пока таким образом спешно велись эти работы, вернулся Гариобавд. Он узнал все, что было нужно, и представил об этом донесение. После его прибытия вся армия спешно направилась в Могонциак*. Флоренций и Лупицин, преемник Севера, настаивали на том, что следует переправиться по построенному там мосту; но Цезарь настойчиво возражал, утверждая, что не следует вступать в области племен, с которыми заключен мирный договор, так как солдаты по своей дикости станут грабить все на своем пути, и это создаст возможность неожиданного нарушения договоров.

8. Но аламанны, против земель которых был направлен поход, понимая близость опасности, угрожали царю Суомарию, который стал нам другом со времени последнего договора, и потребовали от него не допускать римлян к переправе через Рейн, к правому берегу которого примыкала его область. На его заявление, что он один не в силах оказать сопротивление, варвары собрались в огромном числе и явились в окрестности Могонциака с тем, чтобы силой воспрепятствовать переправе нашей армии. 9. Таким образом, план Цезаря, советовавшего выбрать для сооружения моста более подходящее место, оказался удобным в двух отношениях: он предупреждал, во-первых, возможность разорения территории племен, находившихся с нами в мире, и, во-вторых, —

* Майнц.

сопряженное со значительными потерями сооружение моста при сопротивлении воинственных полчищ варваров. 10. Догадываясь не без проницательности о нашем замысле, варвары понемногу продвигались вперед на противоположном берегу и, когда видели издали, что наши разбивают палатки, останавливались сами и стерегли всю ночь самым бдительным образом, чтобы с нашей стороны не было попытки устроить переправу. 11. Приблизившись к намеченному месту, наши остановились и разбили лагерь со рвом и валом. Цезарь позвал на совет Лупицина и затем отдал приказ нескольким трибунам выделить по 300 легковооруженных солдат с копьями, не сообщая им ничего ни о времени, ни о месте действий. 12. Глубокой ночью они были собраны и все, кто как мог разместиться, посажены на сорок легких судов — больше не было тогда при армии. Им было приказано спускаться вниз по реке, соблюдая возможную тишину, придерживая даже весла, чтобы всплески воды не привлекли внимания варваров, и, напрягая все силы тела и духа, прорваться на противоположный берег реки, пока враги будут заняты наблюдением за нашими огнями.

13. В то самое время, когда наши спешно совершали это, царь Гортарий, который был нашим союзником и не замышлял измены, но сохранял дружественные отношения со своими соседями, созвал к себе на пир всех царей, царевичей и мелких князей. По их народному обычаю пир затянулся до третьей смены ночной стражи[2]. Когда гости разъезжались, на них неожиданно напали наши, но им не удалось ни убить, ни взять в плен никого из знатных варваров: последние под покровом ночной темноты и пользуясь тем, что были на конях, ускакали, куда кому удалось. Но наши солдаты перебили следовавших за ними пешком слуг и рабов, за исключением немногих, спасшихся от гибели благодаря темноте. 14. Переправившись, римляне считали свои трудности значительно облегченными, как и во время прежних походов, когда им удавалось войти в соприкосновение с врагом. Цари же со своим народом, бдительным надзором старавшиеся воспрепятствовать постройке моста, были страшно поражены, узнав о переходе римлян, и в ужасе бежали, рассеявшись в разные стороны. Смирив свой необузданный нрав, они спешили перевезти свои семьи и свой скарб подальше в глубину страны. Поскольку благодаря этому устранены были все

препятствия, мост был наведен с быстротой, превзошедшей ожидания встревоженных племен; солдаты немедленно появились на варварской земле и стали проходить через царство Гортария, не позволяя себе никаких грабежей. 15. Но когда наши вступили в области царей еще враждебных, то уже безо всяких опасений рассеялись по всей стране неприятеля, опустошая все огнем и мечом.

Сожжены были жалкие плетеные хижины варваров, множество людей перебито: одни падали под мечом, другие молили о пощаде. Когда пришли в местность, носившую имя Капеллатии, или Палас, где пограничные камни отделяют область римлян от бургундов, разбит был лагерь с той целью, чтобы в полной безопасности принять родных братьев, царей Макриана и Гариобавда, которые, видя приближение верной погибели, в страхе пришли просить о мире. 16. За ними следом явился и царь Вадомарий, имевший место своего жительства напротив Раврaков[3]. Он показал письмо Августа Констанция, составленное в весьма лестных для него выражениях и, как подобало, был милостиво принят в качестве давно признанного самим Августом клиента Римской державы. 17. Допущенный вместе со своим братом в лагерь, Макриан с изумлением рассматривал знамена и разнообразные украшения оружия, которые видел тогда впервые, и молил за свой народ. Вадомарий, знакомый с нашими учреждениями, так как он жил по соседству с границей империи, удивлялся также снаряжению блестяще подготовленного похода; но он помнил, что с ранней юности ему приходилось не раз видеть подобное. 18. По основательному размышлению единогласно принято было решение предоставить мир Макриану и Гариобавду. Вадомарию же, который явился не только ради собственной безопасности, но также в качестве посла, как проситель от имени царей Урия, Урзицина и Вестральпа, чтобы вымолить мир и для них, не оказалось возможным дать немедленно благоприятный ответ из-за опасения того, что варвары по своей склонности к вероломству, ободрившись после ухода наших войск, не станут вести себя мирно, если добьются мира при посредстве другого лица. 19. Когда вслед за тем их поля и жилища были сожжены и многие из их племени взяты в плен и перебиты, названные цари сами прислали послов и так смиренно молили о мире, как будто все это совершили они против нас. То-

гда и им был дан мир примерно на тех же условиях. Особенно настойчиво при этом выставлялось требование, чтобы они возвратили всех пленных, которых захватили во время своих нередких набегов.

3

1. Пока Божие благоволение так благополучно направляло дела в Галлии, при дворе Августа поднялась новая буря. Дело началось с пустяка, а привело к великому горю и тяжелым стенаниям. В дом Барбациона, командовавшего тогда пехотой, залетел рой пчел. Встревоженный, он обратился по этому поводу за советом к толкователям предзнаменований. Ответ гласил, что это предвещает большую опасность. Основанием для такого толкования служит, очевидно, то соображение, что пчел, когда они слепят соты и наносят меду, выгоняют дымом и шумным звуком кимвалов[4]. 2. Жена его, по имени Ассирия, была женщина болтливая и неразумная, и, когда муж ее отправился в поход и тревожился по поводу данного ему предсказания, она по своей женской глупости, при помощи одной рабыни, попавшей к ней в наследство от Сильвана, которая хорошо знала тайнопись, написала мужу в совсем неподходящее время слезное письмо, заклиная его, чтобы он после близящейся уже смерти Констанция, когда достигнет, как можно надеяться, верховной власти, не отверг ее и не предпочел вступить в брак с Евсевией, тогдашней императрицей, которая выделялась своей красотой. 3. Письмо было отправлено в глубокой тайне, но рабыня, писавшая его под диктовку госпожи, когда все вернулись из похода, побежала с копией этого письма в начале ночи к Арбециону, была немедленно принята и передала рукопись. 4. Ухватившись за этот донос, Арбецион, обладавший большим умением создавать обвинения, доложил о происшедшем императору. Дело было возбуждено, как обычно, без малейшего промедления, следствие велось без задержки, и так как Барбацион сознался, что получил письмо, а жена его уличена была неоспоримыми доказательствами в авторстве этого письма, то оба были подвергнуты смертной казни через отсечение головы. 5. Когда их казнь была совершена, следствие пошло дальше и дальше, и пострадали многие — как виновные, так и невинные. Среди них был Валентин, бывший

примицерий протекторов, а тогда трибун; хотя он совершенно ничего не знал о деле, но вместе со многими другими был, как соучастник, неоднократно подвергнут пытке. Он выжил и в компенсацию за обиду и опасность был назначен дуксом в Иллирике.

6. Барбацион был человек грубый, склонный к дерзким замыслам. Многим он был ненавистен за то, что, будучи командиром доместиков протекторов при Цезаре Галле, коварно предал его, а после его гибели, возгордившись из-за своего высокого воинского звания[5], замышлял такое же предательство и против Юлиана и часто, к негодованию благомыслящих, нашептывал разные дурные вещи Августу, который был охоч до подобных речей. 7. Не знал он, конечно, мудрого изречения Аристотеля, который, посылая к царю Александру Каллисфена[6], своего ученика и родственника, часто внушал ему, чтобы он как можно реже и только в благожелательном тоне говорил перед человеком, который носит на кончике своего языка право жизни и смерти. 8. Чтобы не удивляться тому, что люди, разум которых родственен небожителям, иной раз могут правильно различать полезное и вредное, следует принять во внимание то, что лишенные разума животные сохраняют иногда свою жизнь глубочайшим молчанием, как поясняет это весьма известный пример. 9. Когда дикие гуси, покидая при наступлении жары восток и устремляясь на запад, достигнут Тавра, где во множестве гнездятся орлы, то в страхе перед этими сильными птицами они берут в клюв камешек, чтобы даже самая крайняя нужда не могла извлечь из их рта никакого звука; а когда они в быстром полете минуют эти горы, то бросают камешки и спокойно продолжают свой путь.

4

1. Пока в Сирмии с великой тщательностью производилось по этому делу следствие, Судьба Востока затрубила в страшную трубу, возвещая о грозных опасностях. Царь Персидский, усилив свою армию вспомогательными отрядами диких народов, которых он покорил, пламенея нечеловеческой страстью увеличить свое царство, готовил оружие, войска и провиант; он общался с силами подземного мира,

вопрошал всех кудесников о будущем и, подготовив все это в достаточной степени, собирался с началом весны совершить страшное нашествие.

2. Сначала пошли об этом слухи, потом получены были достоверные известия, и великий страх охватил всех, с тревогой ожидавших надвигающихся бедствий. Между тем придворная клика, днем и ночью непрестанно разводившая, как говорится, все одну и ту же музыку по указке евнухов, представляла Урзицина подозрительному и боязливому императору в виде страшного лика Горгоны:[7] то и дело заводилась речь о том, что Урзицин, будучи послан на охрану восточных областей после гибели Сильвана, якобы за отсутствием лучших вынашивает дерзкие замыслы. 3. Этими мерзкими интригами многие старались купить расположение Евсевия, тогдашнего препозита царской опочивальни, который — если говорить правду — имел большое влияние на Констанция*. Евсевий имел двойное основание для своей смертельной ненависти к вышеназванному магистру конницы: во-первых, то, что тот один не нуждался в его помощи, как остальные, и, во-вторых, что он не уступил ему своего дома в Антиохии, несмотря на самые настойчивые требования. 4. Словно преисполненная ядом ехидна, которая учит уже жалить своих едва ползающих детенышей, он посылал кубикуляриев-евнухов, чтобы они, оказывая услуги в личной жизни, своими вкрадчивыми и независимо от возраста вечно детскими голосами порочили этого храброго мужа разными инсинуациями, нашептывая их на уши императору, жадно ловившему подобные вещи. Это поручение они вскоре исполнили. 5. Отвращение к подобным мерзостям заставляет помянуть добрым словом древнего императора Домициана: далеко не похожий на своего отца и брата, он запятнал свое имя несмываемым позором; но он прославился весьма популярным законом, по которому под угрозой строгого наказания запрещалось кастрировать мальчиков в пределах действия римского права**. Не будь этого запрета, кто бы мог переносить толпы евнухов, если даже небольшое количество их оказывается тяжким бременем? 6. Действовал Евсевий, однако, с большой осторожностью, чтобы Урзицин, в

* Аммиан иронизирует, хотя и нельзя сказать, чтобы остроумно.
** *Suet.* Dom., 7; *Dio Cass.* 67, 2.

случае вторичного отозвания ко двору, тем страхом, который он внушал, не расстроил всех планов, что Евсевий считал возможным; он предпочитал поджидать удобного случая, чтобы покуситься, прямо на его жизнь.

7. Так при дворе выжидали и колебались; мы же стояли с некоторого времени в Самосате, славной некогда столице царства Коммагены[8], как вдруг стали доходить одно за другим достоверные известия о новых волнениях. Я расскажу об этом в дальнейшем своем повествовании.

5

1. Некий Антонин, прежде богатый купец, затем чиновник по счетной части при duксе Месопотамии, а теперь протектор, опытный и умный человек, пользовавшийся большой известностью повсеместно в тех областях, попал в большие долги из-за корыстолюбия каких-то людей. Опасаясь, что процессы с важными персонами окончательно его погубят вследствие несправедливости рассматривающих дело судей, которые склонны оказывать покровительство влиятельным людям, он, чтобы не лезть на рожон, пошел на уступки и признал себя должником в сумме, которая была по соглашению занесена в счетные книги казначейства. Теперь он готов был решиться на все. Он стал секретно добывать сведения изо всех частей государства и, владея обоими языками[9], занялся исчислениями и составлял точные записи о том, какие войска и где стоят, какова сила отдельных частей и куда они должны двинуться во время похода; путем расспросов он узнавал, имеются ли в достаточном количестве запасы продовольствия и другого военного снаряжения. 2. Ознакомившись в точности с состоянием дел на востоке империи, он узнал и то, что бóльшая часть военных сил сосредоточена в Иллирике, где император был задержан серьезными делами. Между тем приближался для него срок уплаты по долгу, который он под влиянием страха и угроз письменно признал своим, и он видел, что к нему со всех сторон подступили опасности: комит казначейства в угоду другому лицу неотступно требовал уплаты. Тогда Антонин решил бежать к персам вместе с женой, детьми и со всеми своими близкими. 3. Чтобы не обратить на себя внимания наших сторожевых постов, он купил за небольшую цену имение в Гиаспиде, местности, лежащей на

реке Тигр[10]. Благодаря этой хитрой выдумке, раз уж он был собственником земли, никто не смел требовать отчета о том, почему он со всем своим большим семейством направляется на самую границу; а он между тем через верных друзей, умевших хорошо плавать, вел тайные переговоры с Тамсапором, который тогда в звании командующего охранял всю территорию на другом берегу реки и был знаком с ним раньше. И вот Тамсапор послал из персидского лагеря отряд ловких людей. Антонин разместил на лодках все, что было ему дорого, и в начале ночи переправился на другой берег, уподобившись древнему Зопиру, предателю Вавилона[11], только в обратном смысле.

4. Так обстояли дела в Месопотамии, а придворная клика затянула свою старую песню на нашу погибель и нашла наконец предлог вредить прославленному своей храбростью мужу (Урзицину), причем направление и поощрение исходило от целого скопища евнухов — всегда безжалостные и жестокие, лишенные всяких кровных связей, они испытывают чувство привязанности только к богатству, как к самому дорогому их сердцу детищу. 5. У них был составлен такой план: послать на восток в чине главнокомандующего Себастьяна, совсем уже пожилого человека, очень богатого, но бездеятельного, неопытного в военном деле и до сих пор по своей безвестности далекого ото всяких видов на сан магистра, а Урзицина назначить на место Барбациона в звании магистра пехоты и вернуть ко двору, где он со своими планами устроить государственный переворот — как они громко о том говорили — встретит серьезных и страшных врагов.

6. Пока при дворе Констанция организовывали такое дело, словно устраивали игры или представляли театральную пьесу, а посыльные распределяли деньги за столь внезапно проданную высокую должность между домами сильных людей, Антонин прибыл в зимнюю резиденцию персидского царя и был принят как желанный посетитель. Ему предоставлено было почетное право носить тиару, а эта честь дает право на участие в царском столе, голос на совещаниях с царем и подачу мнения на советах, и он не при помощи шестов и канатов, как говорится, т. е. не какими-нибудь обходными путями, а на всех парусах понесся против своего отечества и стал разжигать царя. Как некогда Магарбал[12], упрекавший Ганнибала в мягкотелости, Антонин постоянно говорил

царю, что побеждать он может, а пользоваться победой не умеет. 7. Выросший в условиях тех стран, знакомый со всеми тамошними обычаями, он умел привлечь к себе внимание слушателей и зачаровывал их так, что они — мало сказать, хвалили его, но наподобие гомеровских феаков[13] в молчании ему дивились. Он рассказывал им историю за последние сорок лет и выставлял на вид, что после непрерывного ряда войн и особенно событий при Гилейе и Сингаре*, где в ожесточенной ночной битве наши войска потерпели жесточайшее поражение, персы не завладели еще Эдессой**, не захватили мостов на Евфрате, словно какой-нибудь фециал[14] рознял враждующие стороны. А между тем, благодаря своему военному превосходству и блистательным успехам, персы должны были именно так расширить свое государство, и особенно в такое время, когда Римская держава страдала от продолжительных внутренних междоусобных войн и римская кровь лилась и на востоке, и на западе.

8. Такие речи вел этот изменник, оставаясь сам трезвым на пирах, где у персов, как у древних греков, велись совещания о военных приготовлениях и других серьезных предметах. Он побуждал царя, который и без того был охвачен воинственным пылом, к тому, чтобы он, как только окончится зима, начал военные действия, полагаясь на свою счастливую звезду. При этом Антонин самоуверенно обещал царю свое содействие во многих важных делах.

6

1. Примерно в то же время Сабиниан, гордый внезапно доставшейся ему властью, вступил в Киликию и передал своему предшественнику[15] письмо императора, в котором тот предлагал ему спешить на главную квартиру, чтобы там получить высший сан. И это было сделано при таких обстоятельствах, при которых, будь Урзицин где-нибудь на острове Фуле***, его, ввиду серьезности положения, следовало бы вызвать как старого боевого командира, который лучше

---

* Общепринятая дата особого события — 348 г., но в недавнее время сделана авторитетная попытка отнести его к 345 г. (*Bury*. Byz. Zeitschr. V. 1896. 302—305).

** Ныне Оррое, или Орфа.

*** Остров на далеком севере, край земли.

других на своем продолжительном опыте был знаком с военным искусством персов. 2. Это известие вызвало большое волнение в провинциях: декурионы и граждане городов старались декретами и множеством аккламаций[16] чуть ли не силою задержать у себя защитника отечества. Они помнили, что Урзицин, будучи оставлен для их защиты с ничтожной армией, представлявшей лишь подобие военной силы, в течение целых десяти лет не допустил никаких потерь, а вместе с тем они испытывали страх за свою жизнь, так как узнали, что в такое тревожное время явился на смену ему человек слабый и бездеятельный. 3. Я верю, — и в том нельзя сомневаться, — что молва летает на крыльях по воздушным путям. Она сообщила весть о происшедшем персам, и они обсуждали новое положение дел на своем военном совете. Были высказаны различные суждения, и по совету Антонина было решено после удаления Урзицина, не обращая внимания на нового главнокомандующего, не заниматься опасными осадами городов, а форсировать переправу через Евфрат и идти вперед, чтобы таким образом, предупредив быстротой движения молву, захватить провинции, которые во всех предшествующих войнах, кроме времен Галлиена*[;17], оставались неприкосновенными и разбогатели благодаря продолжительному миру. Антонин ручался, что с помощью Божьей он будет наилучшим проводником. 4. Этот план был одобрен и скреплен всеобщим единодушным согласием, и с таким же единодушием принялись за спешные приготовления: продовольствие, солдаты, оружие и остальное снаряжение — все, чего требовал предстоящий поход, готовили в течение всей зимы.

5. А мы между тем, задержавшись на некоторое время по эту сторону Тавра, спешили согласно приказу императора в Италию. Когда мы доехали до реки Гебра, берущей начало в горах одризов**, мы получили там письмо императора с приказанием безо всяких промедлений вернуться в Месопотамию, чтобы вести опасную войну, хотя мы не располагали сами никакими средствами, так как вся власть была передана другому. 6. Это подстроено было коварными интригами с той целью, чтобы, в случае если персы безо всяких успехов

* Годы правления: 253—268.

** Марица в Болгарии.

вернутся к себе, приписать заслугу храбрости нового вождя; если же дело примет плохой оборот, возбудить против Урзицина обвинение в измене. 7. После этой бестолковой спешки, потеряв много времени, возвратились мы назад и встретились с Сабинианом. То был человек высокомерный, среднего роста, до крайности ограниченный, который едва ли без страха способен был перенести веселый шум пирушки, не говоря уже о шуме битвы.

8. Но так как лазутчики в полном согласии с перебежчиками утверждали, что враги настойчиво и непрерывно ведут приготовления, а тот человечек все зевал, то мы поспешно отправились в Нисибис* с целью предпринять необходимые меры, чтобы персы, втайне подготовив осаду, не захватили города врасплох. 9. Пока мы в стенах города делали с возможной поспешностью нужные приготовления, со стороны Тигра в направлении Кастра Маврорум (лагерь Мавров)**, Сизары и остальных соседних местностей до самого города то и дело подымались клубы дыма, вспыхивали в большем, чем обычно, числе огни: это показывало, что грабительские шайки, перейдя реку, ворвались в наши пределы. 10. Поэтому, предупреждая занятие ими дорог, мы спешно выступили вперед. Едва прошли мы две мили, как увидели на самой дороге мальчика благородной наружности, с золотой цепью на шее, приблизительно 8 лет, сына какого-то благородного человека, как он говорил; он сидел на дороге и плакал. Мать его бежала в ужасе от неприятеля и, растерявшись, оставила его одного. Командир пожалел мальчика и был тронут его положением. Он приказал мне отвезти его в город, и, пока я ехал, взяв его к себе на коня, грабители уже подступили к самому городу. 11. И так как я боялся ужасов осады, то, ссадив мальчика у полуоткрытых задних ворот, поскакал во весь опор догонять наш отряд, причем едва не попал в плен. 12. Конный вражеский отряд преследовал одного трибуна по имени Абдигид, убегавшего вместе со своим конюшим; господин во время бегства упал, слугу схватили, и в тот момент, когда я пронесся мимо них, они спрашивали его, какой это выехал сановник. Услышав, что это Урзицин, недавно вступивший в город, направляется на высоты Изалы, они убили

---

* Ныне Низибин.

** Кафартута арабских географов.

конюшего, собрались в толпу и стали меня преследовать. 13. Благодаря быстроте своего коня я оказался впереди их. Близ Амудиса, незначительного форта*, увидел я наших; они беззаботно отдыхали, пустив коней пастись. Протянув вперед руку, скрутив концы плаща и подняв их вверх, я подавал условный знак, что неприятель близко. Я присоединился к своим, и мы вместе поскакали, хотя мой конь начал уже уставать. 14. Полнолуние и ровная, отлого поднимающаяся местность вызывали у нас беспокойство, так как не было никакой возможности скрыться в случае, если бы оказалось необходимым к этому прибегнуть: не видно было нигде ни деревьев, ни кустов, ничего кроме невысокой травы. 15. И вот мы решили поставить на вьючную лошадь горящий светильник, привязав его, чтобы не свалился, и погнать ее без ездока налево; а мы сами направились к горным отрогам, лежавшим справа. Таким образом, персы должны были подумать, что этот светильник освещает дорогу медленно продвигающемуся вперед командиру, и двинуться вслед. Если бы не эта хитрость, то мы были бы окружены, взяты в плен и попали бы во власть врага.

16. Спасшись от этой опасности, мы прибыли в лесистую местность с виноградниками и плодовыми садами, называющуюся Мейакарире — это имя дали ей холодные ключи. Все жители бежали отсюда, но мы нашли одного солдата, спрятавшегося в укрытии. Его привели к командиру; в испуге он давал противоречивые показания и вызвал тем против себя подозрение. Когда ему пригрозили, он в страхе рассказал всю правду: родился он в Паризиях в Галлии и, будучи на службе в конном полку, боясь наказания за какой-то проступок, бежал и переметнулся к персам; там он женился и родил детей; когда убедились в его честности, то стали посылать лазутчиком в наши пределы, и он часто приносил совершенно точные известия. И теперь он был послан Тамсапором и Ногодаром, персидскими вельможами, которые привели сюда шайки грабителей; к ним он теперь и возвращался, чтобы донести им все, что разведал. После этого он сообщил нам то, что ему было известно о военном плане персов, а затем был казнен.

17. Со всевозрастающей тревогой мы спешно направи-

* Ныне Тель-Амудэ.

лись — при данных обстоятельствах это казалось наилучшим — в Амиду, город, прославленный последовавшими затем несчастиями*. Туда вернулись наши разведчики; они принесли от Прокопия — который, как я выше рассказывал**, вместе с комитом Луциллианом был отправлен послом в Персию — пергамент, исписанный тайнописью и спрятанный в ножнах меча. Писал он намеренно неясно, на тот случай, чтобы дело не вызвало тяжких последствий, если бы посыльные попали в плен и было расшифровано его письмо. [Писал он следующее]: 18. «Далеко отослав греческих послов, может быть, даже с целью предать их смерти, престарелый царь, не довольствуясь Геллеспонтом, намерен навести мосты на Гранике и Риндаке и наводнить Азию многочисленными народами. И сам по себе он вспыльчив и свиреп, а тут еще его возбуждает и поощряет преемник римского императора Адриана. Пришел конец Греции, если она не будет настороже»[18].

19. Этот текст значил, что персидский царь перейдет через Анзабу*** и Тигр и под влиянием уговоров Антонина хочет стать владыкой всего Востока. С трудом разобрав смысл письма вследствие его неясности, задумали мы такой разумный план.

20. В ту пору сатрапом Кордуэны, которая находилась под властью Персии, был некто Иовиниан, получивший это имя, когда в молодости жил на римской территории. Он втайне был на нашей стороне, потому что, став по жребию заложником и будучи поселен в Сирии, пристрастился к наукам и сгорал пламенным желанием вернуться в нашу землю. 21. К нему был отправлен я с одним надежным центурионом, чтобы получить более точные сведения о том, что предпринималось, и прибыл к нему через труднопроходимые горы и крутые теснины. Увидев меня, он узнал меня и любезно принял. Причину своего прихода я рассказал ему с глазу на глаз. Он приставил ко мне человека, хорошо знавшего местность, на молчание которого можно было положиться, и послал на крутые скалы, находившиеся оттуда довольно далеко. С этого наблюдательного пункта можно было разглядеть самый маленький

* Ныне Диарбекир.
** 17, 14, 3.
*** Ныне Заб.

предмет, если только не подводило зрение, на 50 миль вокруг. 22. Там мы оставались два дня, и, когда в третий раз взошло солнце, мы увидели все окружающее пространство до того, что по-гречески называется «горизонт», заполненным несчетной массой войск, а во главе — царя, блиставшего пурпуром своего одеяния. Рядом с ним с левой стороны ехал Грумбат, новый царь хионитов, человек средних лет, уже покрытый морщинами, правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед. С правой стороны ехал царь албанов*, равный с первым по месту и почету, а позади — различные командиры, выделяющиеся по уважению и власти, за ними следовали в огромном количестве отобранные люди из отборных сил соседних народов, приученные продолжительными упражнениями переносить всякие тяготы войны. 23. Доколе станешь ты, любительница сказаний Греция, рассказывать нам о Дориске, фракийском городе, и исчислении войска[19] путем поочередного загона в загородки!** Но нет, я предпочитаю быть осторожным и даже, признаюсь, робким и ничего не преувеличиваю, а говорю только то, что засвидетельствовано точными и достоверными показаниями очевидцев.

7

1. Цари прошли мимо Ниневии, большого города Адиабены, и затем на середине моста через реку Анзабу закланы были жертвенные животные, и так как внутренности их принесли благоприятные знамения, то переход совершился в радостном возбуждении. Понимая, что основная масса войск едва ли сможет переправиться менее чем за три дня, я с этого места сразу вернулся к сатрапу и отдохнул у него, встретив самый радушный прием. 2. От него я вернулся через места столь же пустынные и необитаемые, находя утешение в сознании необходимости. Путь этот я проделал скорее, чем можно было ожидать, и приободрил впавших в нерешительность, когда они узнали, что цари, не совершая обхода, перешли по одному наводному мосту. 3. Тотчас отправлены были курьеры к Кассиану, дуксу Месопотамии, и тогдашне-

* Прикавказское племя, жившее по течению р. Куры между Иверией (Грузией) и Каспийским морем.

** *Herod.* VII, 60.

му правителю провинции Евфронию с предложением приказать сельскому населению с семействами и всем скарбом перейти в более безопасные местности, быстро оставить город Карры*[20], имевший слабые стены, а кроме того, сжечь все поля, чтобы лишить врага возможности добывать продовольствие на месте. 4. Приказание было немедленно исполнено, сделан был поджог, и рассвирепевшая стихия спалила все хлеба с наливающимся уже зерном и роскошные травы так, что от самых берегов Тигра до течения Евфрата не было никакой зелени. Тут сгорело много диких животных и особенно львов, страшно свирепых в тех местах. Они обычно погибают или мало-помалу теряют зрение следующим образом. 5. В камышах рек Месопотамии и зарослях водятся львы в огромном количестве. Они не причиняют никакого вреда в течение зимы, которая в тех местах бывает очень мягкая; но когда наступает лето, они страдают от жары в выжженных солнцем местах и от огромных комаров, роями которых все наполнено там. И так как эти насекомые атакуют глаза, светящиеся и влажные места на теле, и жалят в веки, измученные укусами львы бросаются в реки, чтобы избавиться от этой боли, и тонут в волнах, или же сами лишают себя зрения, выцарапывая глаза когтями, и впадают тогда в полное бешенство. Если бы этого не случалось, то весь Восток был бы переполнен этими зверьми.

6. Пока, как выше сказано, сжигали поля, были отправлены трибуны с протекторами, чтобы укрепить правый берег Евфрата фортами, палисадами и всякими сооружениями, расставив тяжелые орудия в удобных местах, где течение реки не представляло своей стремительностью затруднений для переправы. 7. Пока спешно принимались упомянутые меры, Сабиниан, столь вовремя избранный главнокомандующим в годину тяжелой войны, когда нужно было пользоваться каждой минутой для отражения грозившей всему государству опасности, проявлял свою обычную беспечность и распущенность: для своего удовольствия он, вместо театральных представлений, преспокойно устраивал на кладбище города Эдессы военную пляску под звуки музыки[21], воображая, вероятно, что ничто ему не страшно, если он умилостивит мертвецов, — затея, являющаяся и сама по себе, и по

* Харран, или Гаран.

месту исполнения дурным предзнаменованием. Подобные предосудительные поступки, о которых и рассказывать тяжело, предвещают грядущие бедствия; проникнемся же на будущее убеждением, что честный человек обязан избегать таких действий.

8. Между тем цари миновали Нисибис, оставив после себя лишь незначительные следы опустошения; а так как пожар распространялся все далее и далее, находя себе пищу в виде высохшей растительности, то, во избежание недостатка в пастбищах, они двигались у подошвы горного хребта по поросшим травой долинам.

9. Так они достигли селения, называющегося Бебаза;* отсюда до города Константины, находящегося в 100 милях**, вся местность представляет собой пустыню, и только в колодцах имеется немного воды. Долго оставались они в нерешительности, что им предпринять, и уже готовы были, полагаясь на закаленность своих солдат, двинуться через пустыню, когда один надежный лазутчик сообщил, что уровень воды в Евфрате поднялся вследствие таяния снегов в горах и река широко разлилась, так что нельзя перейти ее вброд. 10. Обманувшись против ожидания в этой надежде, они решили воспользоваться случаем и на военном совете, поспешно собранном из-за затруднительного положения, предложили Антонину высказать свое мнение. Он посоветовал свернуть вправо, чтобы напасть на крепости Барзалон*** и Клавдии****. Вызвавшись быть проводником, он предупреждал, что необходимо сделать большой обход; но зато путь предстоит через местность, изобилующую всяким продовольствием, которая до сих пор сохранена римлянами, полагавшими, что враг двинется по прямому пути. Реку же будет легко перейти вброд, так как в тех местах, вблизи ее истоков, она маловодна и узка, не получив еще массы воды от своих притоков. 11. Этот совет был одобрен; Антонину приказано было вести путем, который он знает, и все войско, отказавшись от прежнего маршрута, последовало за ним.

---

* Ныне Тель-Беш в 40 километрах от Дары.

** 100 римских миль равно 148 км.

*** Ныне Берзель.

**** Крепость Клавдии лежала между Мелитеной (Малация) и Самосатой (Шемисат).

8

1. Узнав об этом из надежных разведок, мы приняли решение поспешить в Самосату и, перейдя там через реку, разрушить мосты у Зевгмы и Каперсаны и таким образом, если нам посчастливится, отразить неприятельское нашествие.2. Но случилось позорное несчастье, которое стоило бы предать всяческому забвению. На охране в тех местах стояли две турмы всадников — приблизительно 700 человек, — недавно присланные из Иллирика для усиления обороны Месопотамии. Люди были слабы и трусливы. Опасаясь ночных нападений, они отходили далеко от дороги по вечерам, когда нужно с особенной тщательностью оберегать все тропинки. 3. Увидев, что они одурманены вином и сном, персы в числе почти 20 тысяч человек перешли под командованием Тамсапора и Ногодара, не будучи никем замечены, и, готовые к бою, укрылись за высокими холмами по соседству с Амидой. 4. Между тем мы, как я сказал, направлялись в Самосату. Лишь только стало рассветать, как с одной возвышенности ударил нам в глаза блеск оружия. Раздался возбужденный крик, что враг перед нами. Дан был обычный сигнал готовиться к бою, и мы встали в тесном строю. Было одинаково опасно бежать, имея перед собой готового к преследованию неприятеля, и вступать в бой с превосходившим нас конницей и численностью противником, — и мы предвосхищали верную смерть. 5. В этой крайней опасности мы решились все-таки сразиться, а пока мы еще собирались и готовились, пало несколько наших, бросившихся безо всякой оглядки на неприятеля. Обе стороны надвигались друг на друга, и Антонин выступал впереди строя. Его узнал Урзицин и громко обругал, называя предателем и негодяем. Тот снял тиару, которую, как знак отличия, носил на голове, сошел с коня и, склонившись всем телом и почти коснувшись лицом земли, приветствовал Урзицина, называя его патроном и владыкой, и, держа руки за спиной, что у ассирийцев является жестом просителя, сказал: 6. «Прости, блистательный комит! Крайность, а не собственная воля привела меня к тому, что я сам признаю преступным. Несправедливые кредиторы меня погубили, как ты сам знаешь. Ведь и ты сам, со своим высоким положением, заступавшийся за меня в моей нужде, не смог положить предела их корысто-

любию». Сказав это, он стал отходить, не поворачиваясь к нам спиной, почтительно отступая назад и держа руку на груди, пока не исчез из вида.

7. Так прошло около получаса, и вдруг в задних рядах нашего строя, который стоял выше от нас по склону горы, раздались крики, что виден другой отряд катафрактов позади и что он приближается к нам во весь опор. 8. И вот, как случается в трудные минуты, никто не разбирал, куда ему нужно или можно направиться, и во всеобщей давке мы все рассыпались; всякий на свой страх и риск пытался спастись от большой опасности; рассеявшись, кто куда мог, мы столкнулись с нападавшим неприятелем. 9. Отчаявшись в спасении своей жизни, мы бились храбро и были оттеснены к крутым берегам Тигра. Одни бросались вниз, но под тяжестью вооружения застревали на мелких местах русла реки; другие попадали в водовороты и тонули; некоторые сходились с врагом и бились с переменным успехом; а некоторые в ужасе перед множеством вражеских отрядов бросились на ближайшие отроги горной цепи Тавра. 10. Среди этих последних был и сам командир. Его узнали, и целая толпа врагов окружила его. Но благодаря быстроте коня ему удалось уйти вместе с трибуном Айадальтом и одним конюшим.

11. Я сам, оказавшись в стороне от своих товарищей, придумывал, что мне предпринять. Тут ко мне приблизился Верениан, доместик-протектор, раненный стрелой в бедро. Пока я пытался по настоятельной просьбе товарища извлечь стрелу, я был окружен наступавшими персами со всех сторон и поскакал во весь опор в город, который с той стороны, откуда на нас нападали, находится на возвышенности и имеет только один очень узкий подъезд, еще более суженный укреплениями, возведенными в ущельях для перекрытия дороги. 12. Здесь, смешавшись с персами, которые одновременно с нами бросились на эти высоты, мы простояли без движения до восхода солнца в такой тесноте, что трупы убитых, сжатые столпившимися людьми, не могли найти места, чтобы упасть на землю, и один солдат передо мной, которому удар меча разрубил голову на две половины, стоял на месте, сжатый отовсюду, словно столб. 13. Множество снарядов изо всяких метательных орудий летели с зубцов стен, но наша близость к стенам спасала нас от опасности. Наконец я проник через боковой вход в город и обнаружил, что он

переполнен множеством людей обоих полов, пришедших из окрестностей. 14. Случайно как раз в эти дни в предместье была обычная ежегодная ярмарка и кроме приезжих купцов было множество съехавшихся сюда крестьян. Страшный шум стоял повсюду: одни оплакивали погибших, другие стонали будучи ранены насмерть, а многие просто звали кого-то из своих близких, кого не могли найти в тесноте.

9

1. Этот город (Амида) был раньше весьма небольшим. Когда же Констанций, тогда еще Цезарь, заложил Антониополь[22], то одновременно окружил большими стенами и башнями также и Амиду, чтобы окрестное население могло найти там надежное убежище. Сооружением арсенала для стенобитных орудий он сделал Амиду грозным для неприятеля местом и хотел дать городу свое имя. 2. С южной стороны Амиду омывает, делая здесь изгиб, река Тигр, которая неподалеку отсюда имеет свой исток; со стороны, откуда на нее дует Евр, она обращена к равнине Месопотамии; где она открыта для Аквилона, протекает река Нимфей и возвышаются вершины Тавра, который отделяет Армению от племен, обитающих за Тигром; со стороны дуновения Зефира* она соприкасается с Гуматеной, областью плодородной и прекрасно возделанной, где находится селение по имени Абарна, известное своими горячими целебными ключами. В самой середине города Амиды под цитаделью пробивается обильный источник; вода в нем пригодна для питья, но во время летнего зноя имеет иногда противный запах. 3. Обычный гарнизон города составлял Пятый Парфянский легион со значительным конным отрядом местных жителей. Но теперь еще шесть легионов форсированным маршем поспешили предупредить вторжение персов и встали на его крепких стенах, а именно: легионы Магненция и Деценция, которые по окончании междоусобной войны император из-за их ненадежности и буйного духа переместил на восток, где опасность грозит только от внешних войн; далее — Тринадцатый легион, Десятый Фретензес, Супервен-

* Е в р — восточный ветер, А к в и л о н — северный, З е ф и р — западный.

торы и Превенторы под командой Элиана, получившего уже ранг комита. Я уже рассказал о них выше*, как, будучи еще свежими новобранцами, по внушению того же Элиана, тогда еще протектора, сделали они вылазку из Сингары и перебили множество погруженных в сон персов. 4. Была также в городе бóльшая часть комитов-сагиттариев — так называются кавалерий-ские отряды, в которых служат исключительно свободнорожденные варвары, отличающиеся силой и отборным оружием.

10

1. В то время как первое нападение окончилось для нас столь неожиданной бедой, царь со своим народом и другими племенами, которые он вел, изменил от Бебазы** направление пути, отклонившись вправо, как посоветовал Антонин, и пошел на Горру, Мейакарире и Харху, словно намеревался оставить в стороне Амиду. Проходя мимо укреплений, из которых одно называлось Реман, другое Бузан, он узнал от перебежчиков, что в этих местах из-за их недоступности хранится имущество многих лиц; добавляли и то, что там находится одна красивая женщина с маленькой дочерью и драгоценным имуществом, жена некоего Краугазия из Нисибиса, который в сенате своего родного города занимал видное положение благодаря своему происхождению, репутации и влиянию. 2. Жадность к чужому добру побудила царя спешно предпринять штурм этих укреплений. Гарнизон, приведенный в ужас армией с разнообразным вооружением, покорился воле царя и выдал всех, кто прибег под его защиту. Получив приказание удалиться, он тотчас поднес царю ключи от ворот. Как только открыт был вход, стали вытаскивать все добро, которое было там собрано; женщины, пораженные ужасом, дети, хватавшиеся за матерей, обреченные испытать тяжкие бедствия в столь юном возрасте, приведены были к царю. 3. Когда царь, спрашивая, чья кто жена, узнал жену Краугазия, которая уже боялась насилия над собой, то приказал ей смело подойти ближе. Она подошла, покрытая черным покрывалом до самого рта, и царь заговорил с ней

* В недошедшей до нас части сочинения.

** Тель-Беш.

ласково, поддерживая в ней надежду встретиться опять с мужем и обещая, что на ее честь не будет посягательств. Он слышал, что муж страстно влюблен в нее, и надеялся ценой ее возвращения мужу купить предательскую сдачу Нисибиса. 4. Других оказавшихся там девушек, посвятивших себя по христианскому обычаю служению Богу[23], царь приказал не трогать и предоставил им беспрепятственно отправлять свой культ. На самом деле он только до поры до времени притворялся милосердным с тем расчетом, чтобы все, кого он раньше устрашал своей бесчеловечной жестокостью, оставили страх и по собственному почину явились к нему, узнав из недавних случаев, что в величии своего счастья он стал проявлять гуманность и мягкость.

Книга XIX

(год 359)

1. На попытку Сапора склонить к сдаче гарнизон Амиды ему отвечают стрелами и черепицами; во время такой же попытки царя Грумбата убивают его сына.
2. Сапор осаждает Амиду и в течение двух дней подвергает ее дважды штурму.
3. Урзицин делает безуспешную попытку ночью прийти на помощь осажденным, встретив сопротивление со стороны магистра армии Сабиниана.
4. Появившееся в Амиде моровое поветрие прекращается на десятый день благодаря небольшому дождю. О причинах и видах моровой язвы.
5. По указаниям перебежчика осада Амиды ведется как с помощью штурма, так и через подземный ход.
6. Вылазка галликанских легионов, нанесшая большой урон персам.
7. Персы придвигают к стенам города башни и другие осадные сооружения; римляне предают их огню.
8. Возведя непосредственно близ стен высокие валы, персы штурмуют Амиду и вторгаются в крепость. После взятия города Марцеллин бежит ночью и направляется в Антиохию.
9. Одни командиры в Амиде преданы казни, другие заключены в оковы. Нисибиец Краугазий из любви к попавшей в плен жене переходит к персам.
10. Римская чернь, опасаясь недостатка хлеба, бунтует.
11. Сарматы-лимиганты притворно просят мира и нападают на императора; страшное их избиение.
12. Многие привлекаются к ответственности по обвинению в оскорблении величества и осуждаются.
13. Лавриций, комит исавров, прекращает их разбои.

1

1. Царь был очень обрадован горестным пленением наших. Ожидая и в будущем подобных успехов, он выступил оттуда и, приближаясь мало-помалу, подошел на третий день к Амиде. 2. При первых лучах наступившего дня все окрестности, насколько хватал глаз, блистали сверкающим оружием, и закованная в железо конница наполняла поля и холмы. 3. Верхом на коне, возвышаясь над другими, сам царь ехал впереди всех своих войск, с золотой диадемой в форме бараньей головы, украшенной драгоценными камнями; его окружали разные высшие чины и свита из разных племен. Можно было ожидать, что он ограничится попыткой уговорить гарнизон сдаться словесным предложением, так как он, по совету Антонина, спешил в другое место. 4. Но Провидение пожелало ограничить несчастья всего Римского государства границами лишь одной местности и внушило страшно возомнившему о себе царю представление, что стоит ему показаться, как все осажденные в ужасе прибегут к нему с мольбой о пощаде. 5. Он разъезжал перед воротами в сопровождении своей блестящей свиты; но когда он в гордой уверенности подъехал слишком близко, так что можно было разглядеть черты его лица, то едва не погиб: стрелы и другое метательное оружие обратились на него из-за блеска его одеяния; однако пыль помешала стрелявшим верно прицелиться, и удар копья проделал лишь дыру в его облачении. Он ушел невредимым, чтобы затем истребить множество людей. 6. Придя в страшную ярость на нас, словно мы были повинны в наглом святотатстве, он кричал, что совершено посягательство на владыку стольких царей и народов, и грозил приложить все усилия к тому,

чтобы снести этот город с лица земли. Главные командиры просили царя, чтобы он не отступался от своих славных начинаний, поддаваясь чувству гнева. Смягчившись благодаря просьбам своих вельмож, он решил на следующий день предложить гарнизону сдаться.

7. И вот, как только рассвело, царь хионитов Грумбат, взявший на себя проведение переговоров, смело приблизился к стенам, окруженный отборным отрядом телохранителей. Когда опытный наводчик одного орудия заметил, что он находится в поле его обстрела, то натянул свою баллисту и пробил выстрелом панцирь и грудь юному сыну Грумбата, находившемуся рядом с отцом. Высоким ростом и красотой этот юноша превосходил своих сверстников. 8. Как только он упал, все его соплеменники обратились в бегство, но вскоре вернулись, опасаясь, чтобы наши не захватили тело павшего, и нестройными криками призвали к оружию множество людей. Тут началась ожесточенная сеча, и стрелы летели тучами с той и другой стороны. 9. Кровопролитный бой затянулся до самого конца дня, и уже в начале ночи через кучи трупов и потоки крови едва удалось вынести тело под покровом темноты, как некогда в Трое жестоко бились над трупом спутника (Патрокла) фессалийского вождя (Ахилла)[1]. 10. Эта смерть повергла в горе царский дом, все вельможи были тяжело поражены вместе с отцом внезапной утратой; объявлена была приостановка военных действий, и стали оплакивать по местному обычаю юношу, выделявшегося своей знатностью и пользовавшегося любовью. В военном облачении был он вынесен и помещен на обширном высоком помосте; вокруг было расставлено десять лож с изображениями умерших людей, которые были так хорошо изготовлены, что совершенно походили на покойных. В течение десяти дней все люди пировали, разделившись на группы по палаткам и отрядам, и пели особые погребальные песни, оплакивая царственного юношу.

11. А женщины скорбными стенаниями по своему обычаю оплакивали надежду народа, погибшую во цвете юности, подобно тому как можно видеть проливающими слезы жриц Венеры на празднике Адониса — по мистическим толкованиям, этот праздник является символом созревания хлебов[2].

2

1. Когда труп был предан огню и кости собраны в серебряную урну, чтобы, согласно воле отца погибшего юноши, отвезти их для предания родной земле, принято было на военном совете решение совершить умилостивительную жертву манам[3] убитого разрушением и сожжением города, так как Грумбат не допускал самой возможности идти дальше, не отомстив за смерть единственного сына. 2. На отдых было дано два дня, в течение которых выслано было много отрядов, чтобы опустошить открытые, как в мирное время, богатые и хорошо обработанные поля, а затем город был окружен пятью линиями щитов. На рассвете третьего дня конные воины в сверкавших на солнце доспехах заполнили все окрестности, сколько хватало глаз, и, медленно продвигаясь вперед, заняли предназначенные им позиции. 3. Персы обложили город по всей окружности стен: восточная часть, где пал тот роковой для нас юноша, досталась хионитам, южная сторона была отведена... северную сторону заняли албаны, а против западных ворот поставлены были сегестанцы, самые храбрые из всех воины; с последними медленно выступал, высоко возвышаясь над людьми, отряд слонов с сидевшими на них вооруженными бойцами. Морщинистые чудовища представляли собой, на что я уже не раз указывал, ужасное зрелище, наводящее неописуемый страх.

4. Видя перед собой несметное количество людей, давно уже собранных на погибель Римского государства, а теперь обращенных против нас, мы оставили всякую надежду на спасение и думали только о славной смерти, которая была уже для всех нас желанной. 5. С восхода солнца и до конца дня люди стояли в строю неподвижно, как вкопанные, ни один человек не сходил с места, не слышно было ржания коней; отходили они в том же порядке, как и приходили, и, подкрепившись пищей и сном, еще до окончания ночи по сигналу трубачей окружили страшным кольцом город, обреченный на гибель. 6. Как только Грумбат по обычаю своего народа и наших фециалов[4] бросил обагренное кровью копье, как войско, потрясая оружием, устремилось к стенам, и тотчас разгорелась кровавая сеча; в стремительной атаке полчища врагов понеслись в бой, а наши со своей стороны с возбужденной решимостью выступили им навстречу.

7. Огромные камни из скорпионов* раздавили множество врагов, пробив им головы. Одни усеяли своими телами землю, пробитые стрелами или пронзенные копьями; другие раненые быстрым бегством спешили назад к своим. 8. Не меньше скорби и смерти было в городе; стрелы стеной закрывали небо, и орудия, которыми овладели персы, разграбив Сингару[5], нанесли многим раны. 9. Осажденные напрягали все свои силы, вновь и вновь возвращались в бой; некоторые падали, опасно раненные в великом напряжении борьбы, и, пораженные насмерть, увлекали своим падением стоящих по соседству или, оставаясь живыми, звали к себе на помощь тех, кто умел извлекать из тела вонзившееся в него оружие. 10. Сцены смерти одна за другой тянулись до самого конца дня, и ночной мрак не положил им конца, так как с обеих сторон сражались с величайшим упорством.

11. Когда уже встала на свои посты ночная стража в боевом вооружении, холмы оглашались громким криком с той и другой стороны: наши прославляли доблести императора Констанция, как верховного владыки мира, персы именовали Сапора Saansan и Pirosen, что означает на их языке «царь, повелевающий царями» и «победитель в битвах».

12. Еще до рассвета были со всех сторон созваны по сигналу труб несметные полчища на такой же жаркий бой и неслись, словно птицы. Насколько видел глаз, в полях и долинах ничего не было видно, кроме сверкавшего оружия диких племен. 13. Вскоре, подняв крик, все бросились вперед, огромная туча стрел понеслась со стен, и можно было думать, что, падая в эту тесную массу людей, ни одна из них не выпускалась напрасно. В одолевавших нас бедствиях поощряли себя мы не желанием найти спасение, как я сказал, но погибнуть славной смертью. С раннего утра и до наступления темноты ни с той, ни с другой стороны не было отступления, и мы бились с остервенением, но без какого-либо плана. Раздавались крики падающих и нападавших, и в ожесточении боя едва ли кто-нибудь мог спастись от ран. 14. Наконец ночь прекратила убийства, и пресыщение ужасами боя дало обеим сторонам более продолжительный отдых. Но и когда нам дана была возможность отдохнуть, непрерывный труд и бессонница истощили остаток наших сил,

* Описание этого орудия см.: 23, 4, 4—7.

а кроме того нас терзали своим видом кровь и бледные лица умиравших товарищей. Теснота не позволяла даже отдать им последний долг погребения; в стены сравнительно небольшого города были втиснуты семь легионов, толпа горожан и пришельцев и некоторое число других еще солдат, всего около 20 тысяч человек. 15. Каждый по возможности лечил свои раны сам или при помощи лекарей; некоторые, получившие тяжкие увечия, боролись со смертью и испускали дух от потери крови, другие, пронзенные насквозь, лежали ничком на земле, и, когда они испускали дух, их отбрасывали в сторону; некоторые были так страшно изранены, что сведущие во врачебном искусстве не позволяли касаться их, чтобы не усиливать еще более их страдания безо всякой пользы; у иных извлекались из тела стрелы, и при этой рискованной процедуре они терпели страдания более тяжкие, чем сама смерть.

3

1. Пока у Амиды обе стороны бились с таким ожесточением, Урзицин, раздосадованный тем, что он находился в зависимости от произвола другого лица, много раз внушал главнокомандующему Сабиниану, который все еще занят был могилами, собрать все легковооруженные войска и идти быстрым маршем по укрытым дорогам у подножия гор. С этими силами он бы мог, если бы ему улыбнулась Судьба, уничтожая сторожевые посты, напасть на ночные пикеты, которые огромным кольцом стояли вокруг стен, или же отвлечь частыми нападениями силы, которые сосредоточились на осаде города. 2. Сабиниан отверг этот план как рискованный, официально ссылаясь на письмо императора, в котором тот повелевал во всех военных предприятиях по возможности щадить солдат; а в глубине своего сердца он хранил наставление, которое ему неоднократно давалось при дворе: не предоставлять своему сгоравшему любовью к славе предшественнику никакой возможности отличиться, даже в тех случаях, когда это могло бы идти на пользу государства. 3. До такой степени стремились, хотя бы на гибель провинций, к тому, чтобы этот человек войны не мог быть назван причиной или участником какого-нибудь славного дела. Расстроенный такими бедствиями, он неоднократно посылал к нам

разведчиков, хотя из-за жесткой осады никому не удавалось без затруднений проникнуть в город, и предлагал много полезных мероприятий, но безуспешно. Он был похож на льва, устрашающего своей величиной и дикой силой, который не может спасти от опасности своих попавших в сети детенышей, потому что у него вырваны когти и зубы.

4

1. А в городе между тем количество лежащих повсюду на улицах трупов было так велико, что не было возможности исполнить в отношении их последний долг предания земле. И вот к стольким бедам прибавилась чума, которую вызвало разложение кишащих червями трупов, жаркие испарения и истощение людей. (По этому поводу) я расскажу коротко, отчего происходят такие болезни. 2. Философы и знаменитые медики высказали мнение, что заразные болезни возникают от чрезмерного холода или тепла, влажности или сухости[6]. Поэтому население местностей болотистых или сырых страдает кашлем, глазными и тому подобными болезнями, а, наоборот, жители жарких стран сохнут от жара лихорадки. Но насколько огонь более сильная стихия, чем остальные, настолько сухость быстрее губит людей. 3. Так, когда греки страдали в Десятилетней войне ради того, чтобы чужеземец (Парис) не остался безнаказанным за расторжение брака царя (Менелая), во время такого мора много людей погибло от стрел Аполлона, под которым подразумевается Солнце[7]. 4. И та чума, что поразила множеством смертей афинян в начале Пелопоннесской войны, как рассказывает Фукидид, охватила Аттику, постепенно переходя из жарких областей Эфиопии[8]. 5. Другие полагают, что воздух, как это часто бывает, и вода, зараженные трупным разложением и по другим подобным причинам, теряют большую часть своих добрых качеств или также, что внезапная перемена погоды вызывает более легкую заболеваемость. 6. Некоторые утверждают, что воздух, сгустившийся вследствие более сильного испарения земли, препятствуя испарению через кожу, оказывает иногда смертоносное действие; поэтому кроме людей умирают также внезапно и животные, как свидетельствует Гомер[9] и как это подтверждается многими позднейшими наблюдениями в случаях подобного поветрия.

7. Первый вид чумы называется «пандемос», под ее действием жителей жаркого пояса часто посещает лихорадка; второй вид — «эпидемос», которая, появляясь, временами притупляет зрение и вызывает опасные опухоли; третья — «лимодес»*, которая появляется также временами, но сопровождается быстрым смертельным исходом. 8. Эта гибельная чума посетила теперь нас; но погибли лишь немногие, от чрезмерной жары в местах, где оказалась чрезвычайная теснота. Наконец в ночь, последовавшую за десятым днем, небольшой дождь разогнал тяжелый густой воздух и вернул нам телесную бодрость.

5

1. Между тем персы спешно окружали город фашинным бруствером и начали возводить валы. Они строили высокие башни с железной фронтовой частью и наверху помещали по одной баллисте, чтобы сбивать защитников с зубцов стен. В то же время пращники и стрелки ни на миг не прекращали перестрелки. 2. С нами были два легиона Магненция, недавно, как я сказал выше, переведенные из Галлии, — люди храбрые, ловкие и умелые в бою на открытом поле; но для того рода войны, на который были обречены мы, они были не только непригодны, но и сами создавали большие затруднения. Они не только не помогали никому на машинах и при проведении работ по обороне, но делали бессмысленные вылазки, храбро вступали в бой и возвращались в меньшем числе, принося столько пользы, сколько приносит, по пословице, на огромном пожаре вода, доставленная в пригоршне одного человека. 3. Наконец, когда ворота были крепко заперты и трибуны запретили выходить, они, будучи лишены возможности делать вылазки, в ярости скрежетали зубами, как дикие звери. Но в следующие дни они блистательно отличились своей храбростью, как я о том сейчас расскажу.

4. На отдаленном выступе южной части стен, которая обращена к реке Тигру, находилась высокая башня; под ней зияла такая пропасть, что нельзя было смотреть вниз без сильного головокружения. С самого низа этой пропасти по

* πάνδνμοζ — всенародный, ’επιδημοζ — народный, туземный, λοιμώδηζ — заразный, чумный.

подземному, пробитому внутри скалы, ходу вела лестница в город, чтобы можно было тайком брать воду из русла реки. Эта лестница была высечена с большим искусством, которое я видел во всех больших крепостях того края, прилегающих к рекам. 5. Один перебежавший к персам горожанин провел через этот темный ход, который оставался без особой охраны из-за его малой доступности, семьдесят персидских стрелков из царской гвардии, людей испытанных и смелых. В тишине отдаленного места, в полночь внезапно поднялись они один за другим до третьего этажа башни. Там они спрятались и на рассвете подняли плащ пурпурного цвета, что служило сигналом для начала боя. Когда они увидели, что их войска со всех сторон плотной массой окружают город, они сняли колчаны, бросили их к ногам своим и, подняв вой, стали посылать стрелы с величайшим искусством. Вслед за тем все силы врага густой толпой с большим, чем прежде, ожесточением двинулись на город. 6. Сначала мы были в колебании и нерешительности, против кого нам следует прежде всего обратиться — против стоящих наверху или против того множества, которое, поднимаясь по приставным лестницам, уже овладевало парапетами стены. Но затем мы разделились: пять более легких баллист было переставлено и направлено против башни; сыпавшиеся из них деревянные стрелы пронзали иногда двух человек разом; одни, будучи тяжело ранены, падали вниз, другие, бросаясь с высоты в страхе перед скрипящими орудиями, разбивались насмерть. 7. Быстро справившись в этом пункте и установив орудия на обычных местах, мы все уже с большей уверенностью обратились к защите стен. Преступное деяние перебежчика усилило раздражение солдат, и они бросали метательные снаряды всякого рода своими мощными руками с такой силой, как будто действовали на открытом поле. К полудню варварские полчища были отброшены и понесли тяжелый урон и, оплакивая смерть многих товарищей, в страхе отступили назад к своим палаткам.

6

1. То была как бы ласковая улыбка нам Фортуны, когда мы прожили день без ущерба с нашей стороны при больших потерях у неприятеля. Остаток этого дня посвятили мы от-

дыху и сну. На рассвете следующего дня мы увидели с акрополя огромную толпу, которую гнали во вражеский стан после взятия укрепления Зиаты. В эту крепость, весьма большую и хорошо защищенную — в окружности она имела десять стадий*;[10], — собрался всякий народ.

2. И другие укрепленные места были взяты в те дни и преданы огню. Много тысяч людей было оттуда выведено, и они шли теперь в рабство; среди них было много дряхлых стариков и престарелых женщин. По той или иной причине доходили многие до полного истощения сил, утомившись из-за продолжительного пути, и если теряли силы жить, то их бросали по дороге, надрезав им икры или пятки.

3. При виде этой жалкой толпы людей галльские солдаты в порыве понятном, но несвоевременном, потребовали, чтобы им была предоставлена возможность сразиться лицом к лицу с неприятелем. На запрет со стороны трибунов и старших они отвечали угрозой убить их. 4. И, как зубастые звери в клетках, разъяренные запахом еды, бьются в надежде выбраться о вращающиеся прутья, так и они рубили мечами ворота, которые, как я сказал, были заперты. Их тревожило опасение, что они погибнут после взятия города, не совершив никакого блестящего дела; или если он спасется от опасности, то не будет упомянуто, что они совершили нечто достойное галльской отваги, хотя и прежде часто во время своих вылазок, когда они делали попытки помешать сооружению валов, неся смерть в ряды врага, совершали они достойные галльской славы подвиги. 5. Мы не знали, на что решиться, и недоумевали, какую преграду можно воздвигнуть их неистовству, и вот на чем остановились, с трудом добившись от них на то согласия. Так как их уже невозможно было удержать, то им было разрешено спустя некоторое время напасть на сторожевые посты неприятеля, которые были расположены на расстоянии немного больше дальности полета стрелы, и, прорвав их, двинуться дальше. Было ясно, что если им выпадет удача, то они произведут страшную резню среди неприятеля. 6. Пока они готовились к вылазке, мы деятельно принимали всякие меры к защите стен, расположив сторожевые посты и орудия так, чтобы во все стороны метать стрелы и камни. Взятие города подготавли-

* Около полутора верст.

валось последовательным возведением осадных сооружений: два огромных вала было воздвигнуто руками пехоты персов. Против них наши с величайшим старанием воздвигли высокие сооружения, которые равнялись по высоте вражеским валам и могли выдержать тяжесть великого множества защитников.

7. Между тем галлы, с трудом дождавшись назначенного срока, опоясались секирами и мечами и вышли через боковые ворота, вознося к Богу молитвы о благоволении и помощи. Ночь была темная и безлунная. Задерживая дыхание, приблизились они к неприятелю, соединились в тесный строй и бросились бежать. Они перебили несколько передовых постов, затем напали на внешние караулы лагеря, которые, не предвидя никакой опасности, покоились во сне; избивая их, они втайне помышляли уже о том, чтобы в случае удачи подойти к самой ставке царя. 8. Но шум их шагов, хотя и легкий, и стоны убиваемых разбудили многих: они вскочили, каждый выкрикивал призывы к оружию, и наши воины остановились, не смея двинуться дальше. Раз те, на кого была устроена засада, уже проснулись, то не имело смысла подвергаться открытой опасности, тем более что со всех сторон спешно подходили на бой отряды разъяренных персов. 9. Галлы, крепкие телом и отважные, держались несокрушимо, сколько могли, и рубили мечами противника. Но часть их была перебита или изранена летевшими отовсюду стрелами. Увидев, что занимаемому ими месту грозит опасность со всех сторон и что отовсюду сбегаются вражеские войска, галлы начали отступление, не поворачиваясь, однако, тылом. Не будучи в состоянии сдержать натиск все яростнее наступавших неприятельских отрядов, они были мало-помалу вытеснены за вал и отступали, шагая как бы в такт звукам лагерных труб. 10. В городе тоже зазвучали рога, и открылись ворота, чтобы впустить своих, если они будут в силах дойти туда. Метательные орудия стояли приготовленными, не выбрасывая, однако, снарядов, чтобы галлы, отступая с передовых отрядов после гибели товарищей, не остались в неведении, где за ними стены, и чтобы было можно принять храбрецов невредимыми в ворота. 11. Благодаря этой хитрости галлы недалеко перед рассветом вошли в ворота — правда, потерпев потери. Некоторые были тяжело ранены, другие — легко; общие потери были четыреста человек. Не Реза, не

фракийцев, стоявших лагерем под стенами Трои*, но самого царя персов, охраняемого сотней тысяч воинов, могли бы они убить в его собственной палатке, если бы не помешали тому неблагоприятные обстоятельства. 12. После гибели города император приказал воздвигнуть их кампидукторам**, как виновникам этих храбрых деяний, в Эдессе на людном месте статуи в боевом вооружении, которые и доселе сохраняются в целости.

13. На следующий день выяснились потери персов; среди убитых оказались вельможи и сатрапы. Нестройные крики и вопли, раздававшиеся в разных местах, обнаруживали эти потери; повсюду слышны были скорбные возгласы царей, полагавших, что римляне прорвались через стоявшие у стен города передовые посты. По соглашению обеих сторон заключено было перемирие на три дня, и мы получили возможность перевести дух.

7

1. Неожиданность этого нападения поразила и озлобила неприятеля. Так как взять город силой не удавалось, то, оставив всякое колебание, они уже решились довершить дело с помощью осадных сооружений. Воинский пыл был возбужден до крайности: все готовы были погибнуть славной смертью или разрушением города справить тризну по убитым.

2. Работы были доведены до конца при всеобщем воодушевлении, и на рассвете стали продвигать к стенам сооружения разного рода с окованными железом башнями. На верхних этажах были установлены баллисты, которые сметали стоявших ниже защитников. 3. С рассветом железные доспехи закрыли от нас весь горизонт, и боевая линия в тесном строю стала надвигаться не беспорядочно, как прежде, но равномерно под тихий звук труб; их прикрывали штурмовые крыши, а впереди находились фашинные прикрытия.

4. Когда, приближаясь к нам, они оказались на расстоянии выстрела, персидская пехота, с трудом отбивая щитами стрелы, летевшие из орудий со стен, раздвинула свой фронт,

* См.: Илиада, X, 435 сл.

** Низший офицерский чин, заменивший центурионов древнего времени.

так как почти ни один снаряд не падал понапрасну. Даже катафракты пришли в расстройство и своим отступлением придали нашим бодрости. 5. Но неприятельские баллисты, поставленные на окованных железом башнях, стреляли сверху вниз, и неравному положению соответствовал неодинаковый результат: на нашей стороне кровь лилась ручьями. Когда с наступлением вечера обе стороны позволили себе отдохнуть, бóльшая часть ночи употреблена была на то, чтобы придумать какой-нибудь способ борьбы с грозным бедствием.

6. Так и сяк рядили мы и наконец остановились на решении, которое являлось самым надежным благодаря возможности быстрой реализации, а именно: мы решили против тех четырех баллист выставить скорпионы. Перенеся их с другого места, мы принялись со всей тщательностью за их установку, что требует большого искусства. Тут начался горестный для нас день, который осветил нам полчища персов с целым строем слонов, рев и ужасный вид которых являются самым страшным, что может себе представить человек. 7. Со всех сторон нас теснили вооруженные люди, осадные сооружения и громады этих зверей. Но из железных пращей скорпионов с зубцов стены полетели круглые камни на башни неприятеля; ими разбиты были скрепы башен, и баллисты вместе со своей прислугой полетели вниз, так что одни погибли от падения, даже не будучи ранены, другие нашли смерть под обрушившимися на них обломками. Слоны также были отброшены: на них мы со всех сторон бросали брандеры[11]. Когда огонь коснулся их тела, они попятились назад, и вожаки не могли их сдержать. Сожжены были, наконец, и сами осадные машины. И тем не менее бой не прекращался. 8. Царь Персидский, который обычно не участвует лично в битве, так распалился от этих неудач своих войск, что сам, как простой солдат, — неслыханный дотоле случай — бросился в густую толпу своих, и так как даже издали можно было различить его по огромной свите телохранителей, то на него было направлено множество выстрелов. Перебито было много людей из его свиты; сам он остался невредим и деятельно перестраивал ряды своих. До самого конца дня не устрашил его ужасный вид стольких убитых и раненых, и только с наступлением ночи разрешил он своим войскам краткий отдых.

8

1. Ночь развела сражающихся, и мы освежили свои силы кратким сном. А когда заблистал день, царь, распаленный гневом и досадой, желая достигнуть намеченной цели и не сдерживаясь никакими соображениями человечности, погнал на нас свои полчища. Осадные башни персов были, как я сказал выше, сожжены; они поэтому попытались вести бой с ближайших к стенам высоких насыпей. Но наши напрягли все силы и соорудили внутри стен высокие дамбы; оттуда они оказывали сопротивление, не уступая врагу в этом трудном положении.

2. Кровавый бой длился долго, и страх смерти никого не удерживал от боевого задора. Мы бились все с тем же упорством, но судьба бесповоротно решила исход дела: наше сооружение, долго выдерживавшее удары, провалилось, словно от сотрясения земли. Пространство, представлявшее собой глубокую впадину между стеной и возведенными врагом насыпями, выровнялось; образовалась как бы насыпь для дороги или перекинутый через пропасть мост. Таким образом открылся для неприятеля проход, не прегражденный никаким препятствием, а бóльшая часть солдат или была задавлена при обвале, или в изнеможении прекратила битву. 3. Однако со всех сторон сбежались люди для отражения этой страшной опасности; но при такой спешке один задерживал другого, и отвага неприятеля росла от самого успеха. 4. Царским повелением были созваны все грабительские шайки. Дрались лицом к лицу на мечах, с той и другой стороны кровь лилась целыми потоками, рвы заполнились телами убитых, и таким образом образовался более широкий путь. Город наполнили стремительно хлынувшие силы неприятеля, исчезла всякая надежда на бегство и всякая возможность отпора, и персы избивали, как скотину, всех вооруженных и безоружных без различия пола.

5. Уже наступил вечерний мрак, и все еще, хотя судьба решила дело, можно было разглядеть много наших в жестокой сече с врагом. Я укрылся с двумя другими товарищами в глухой части города и под покровом темной ночи вышел через боковые ворота, которые не охранялись, и благодаря моему знанию труднопроходимых мест в окрестностях и ловкости моих товарищей достиг десятого милевого столба[12]. 6. На этой

станции мы немного отдохнули и затем направились дальше. Когда я уже изнемогал от длительной ходьбы, как непривычный к этому человек благородного звания, мне открылось ужасное зрелище, которое, однако, при моем страшном утомлении представило мне весьма своевременное облегчение. 7. На быстром коне без седла и уздечки ехал какой-то обозный; чтобы не упасть, он, как это делается, крепко завязал на левую руку повод; но лошадь вскоре его сбросила, и так как он не мог развязать узла, то и разбился о камни и склоны, а теперь удерживал тяжестью своего мертвого тела усталого коня. Воспользовавшись столь кстати попавшим мне конем, я, превозмогая утомление, прибыл с теми же самыми спутниками к горячему верному источнику. 8. Жара вызвала у нас страшную жажду, и долго мы, ползая, искали воду, и нашли наконец глубокий колодец. Глубина его не позволяла нам спуститься в него, веревок у нас не было, крайняя нужда подсказала нам разрезать льняное платье, в которое мы были одеты, на длинные полосы; связав их, мы прикрепили к одному концу шерстяную шапку, которую один из нас носил под шлемом; опуская ее в колодец и давая ей пропитаться водой наподобие губки, утолили мы томившую нас жажду. 9. Оттуда мы быстро пошли к реке Евфрат, собираясь переправиться на тот берег на судне, которое там издавна содержалось для переправы людей и скота на этой дороге. 10. Но вот мы издали увидали рассыпавшийся римский отряд с конными значками, который преследовали большие силы персов, неизвестно откуда столь внезапно появившиеся в тылу отступавших. 11. Этот случай показал мне, что эти «сыны земли» не возникли из недр земных, но появились благодаря своей чрезвычайной быстроте; я имею в виду тех, которых склонная вообще к сказочным преувеличениям древность называла «спартами»[13], полагая, что они вышли из-под земли, так как они неожиданно появлялись в разных местах*. 12. Эта встреча заставила нас еще более спешить, так как теперь спасение было для нас только в быстроте. Мы устремились через кустарник и леса к высоким горам, а оттуда прибыли в Мелитену**, город Малой Армении. Там я застал командира со свитой уже готовыми тронуться в путь и с ним вместе прибыл в Антиохию.

* Намек на миф о Кадме, сеявшем зубы убитого им дракона, из которых выходили люди.

** Ныне Малация.

9

1. Надвигавшийся уже конец осени и появление на небе созвездия Козлов[14] препятствовали продолжению похода; поэтому Сапор и персы собирались вернуться домой с пленными и добычей. 2. Во время убийств и грабежа взятого города комит Элиан* и трибуны, благодаря энергии которых так долго оборонялся город и так умножились потери персов, были злодейским образом распяты на крестах; Яков и Цезий, счетные чиновники, состоявшие в штате магистра всадников, и другие протекторы были уведены в плен, со связанными за спиной руками. С большой тщательностью были разысканы все люди с той стороны Тигра[15] и все до одного, без различия высших и низших, перебиты.

3. Жена Краугазия**, на честь которой не было сделано никаких покушений и к которой относились с большим почтением, как к знатной матроне, горевала при мысли, что ей предстоит переселение как бы в чужой мир без супруга, хотя она, судя по всему тому, что происходило с ней до сих пор, и могла надеяться на блестящее положение. 4. Беспокоясь о своей судьбе и задолго предвидя, что будет, она чувствовала мучительную тревогу, считая для себя одинаково тяжелым как оставаться вдовою, так и вступить в новый брак. Поэтому она тайком послала близкого ей верного человека, знакомого с Месопотамией, чтобы он проник в Нисибис через хребет Изалу между двумя сторожевыми укреплениями Маридой и Лорной. Она поручила посланному сделать Краугазию устные сообщения и передать ему предметы, напоминавшие об их интимной семейной жизни, чтобы Краугазий, узнав о судьбе своей супруги, прибыл к ней для совместной жизни. 5. Посланный отправился в путь через горные тропинки и леса, быстро добрался до Нисибиса. Там он сказал, что не видел нигде своей госпожи, что она, быть может, погибла, и что он ушел из вражеского лагеря, когда представился к тому удобный случай. Поэтому на него не обратили никакого внимания, и он мог передать обо всем Краугазию. Получив уверение, что Краугазий охотно последует за своей супругой, если можно будет это сделать, не подвергая себя опасности, посланный ушел из Нисибиса и принес жене его

* См.: 18, 9, 3.
** См.: 18, 10.

желанное известие. Узнав об этом, она через полководца Тамсапора просила царя, чтобы тот, если это возможно, прежде чем выйти из римских пределов, милостиво повелел принять под свою власть и ее супруга.

6. Неожиданное исчезновение внезапно появившегося пришельца, который, вернувшись из вражеского плена, тотчас же скрылся втайне ото всех, возбудило подозрение у командовавшего в Нисибисе Кассиана и других тамошних начальствующих лиц. Заявляя, что как приход этого лица, так и уход совершился не без воли Краугазия, они подступили к нему с угрозами самой тяжкой кары. 7. Опасаясь попасть под обвинение в измене и весьма озабоченный тем, чтобы какой-нибудь перебежчик не сообщил, что его жена находится живая и пользуется самым почтительным вниманием со стороны неприятеля, Краугазий стал для вида свататься к девушке из другого знатного дома. Под видом приготовления того, что нужно для брачного пира, он поехал на свою виллу в восьми милях от города и бежал верхом на коне к грабительскому отряду персов, о прибытии которого ему стало известно. Когда персы узнали с его слов, кто он такой, они приняли его любезно и на пятый день доставили к Тамсапору, а тот представил его царю. Ему было возвращено все его имущество и весь штат его людей вместе с супругой, которую, впрочем, он потерял через несколько месяцев. Он получил при дворе второе место после Антонина, хотя, по слову великого поэта, «на далеком от него расстоянии»*. 8. Тот, как человек даровитый и хорошо знакомый с делами, проявлял большое умение во всем, за что брался; а этот, менее талантливый от природы, имел, однако, хорошо известное имя. Вся эта история с Краугазием случилась немного позднее.

9. Хотя царь на лице своем выказывал полное спокойствие и, казалось, был рад взятию города (Амиды), но в глубине души он глубоко волновался, понимая, что во время осады он многократно перенес горестные потери и вообще потерял гораздо больше людей, чем взял в плен наших или, по крайней мере, перебил в разных битвах. Так случалось несколько раз под Нисибисом и под Сингарой, а также и теперь, когда он в течение 73 дней осаждал с огромной армией Амиду, он потерял 30 тысяч воинов. Этот подсчет был

* *Verg.* Aen. 5, 320.

сделан несколько позже трибуном и нотарием Дисценом, который использовал следующий способ, чтобы установить различие: трупы наших убитых сейчас же разлагаются и принимают такой вид, что через четыре дня нельзя уже вовсе узнать лица умершего; тела же убитых персов высыхают как колоды: члены не загнивают и не разлагаются, истекая гнойными соками, что является следствием более умеренной жизни и того, что земля, где они рождаются, прожжена зноем.

10

1. Пока на крайнем востоке шли быстрой чередой описанные бурные события, Вечный город с тревогой предвидел затруднения из-за надвигающегося недостатка хлеба; и грозный гнев черни, ожидавшей голода, этого самого ужасного из всех бедствий, несколько раз обрушивался на тогдашнего префекта Тертулла. Это было совершенно безосновательно, так как не от него зависело, чтобы вовремя прибыли корабли с хлебом: необычно дурная погода и мешающие плаванию ветры загнали их в ближайшие заливы, и из-за грозившей на море опасности они не могли войти в гавань Августа*. 2. Так как на префекта неоднократно происходили нападения и все в большую ярость приходила чернь, которую приводил в возбуждение ужас надвигавшегося голода, то префект не имел уже, как ему казалось, никакой надежды спасти свою жизнь, и ему пришла счастливая мысль, которая нередко приходит на ум благодаря какой-нибудь случайности, предоставить волновавшейся черни своих малолетних сыновей. 3. «Вот, — сказал он со слезами, — ваши сограждане, которым предстоит — да не допустят этого боги небесные! — разделить с вами несчастье, если не явится нам более счастливая судьба. Если их убийством вы надеетесь предотвратить тяжкое испытание, то они в вашей власти!» Эта жалостливая речь подействовала на чернь, которая вообще склонна к состраданию; она смолкла и спокойно ожидала грядущей судьбы. 4. Промыслом Провидения, которое возвеличило Рим от самой его колыбели и обещало ему вечность, когда Тертулл приносил в Остии жертву в храме Кастора[16],

* Гавань в устье Тибра.

на море настало спокойствие, буря сменилась тихим южным ветром, корабли вошли в порт на всех парусах и наполнили житницы хлебом.

11

1. Во время этих тревожных событий Констанций все еще спокойно пребывал на зимних квартирах в Сирмии. Тут его потрясла тяжелая и грозная весть о том, чего он тогда особенно боялся, а именно, что лимиганты-сарматы — те, что, как я раньше рассказывал*, выгнали своих господ из земли их отцов, — оставили мало-помалу местности, которые в прошлом году были им предоставлены, чтобы они благодаря своей подвижности не могли начать враждебных против нас действий. Было получено известие о том, что они заняли области, соседние с нашими пограничными землями, свободно кочуют по своему обычаю и могут скоро произвести страшные беспорядки, если их не прогнать. 2. Полагая, что если промедлить с решительными действиями, то наглость их возрастет, император собрал отовсюду много испытанных в бою солдат и в самом начале весны выступил в поход. Ему придавало бодрости, во-первых, то соображение, что войско, обогатившись добычей за прошедшее лето, будет воодушевлено для удачных действий надеждой на подобную же поживу; а во-вторых, — то обстоятельство, что Анатолий, управлявший тогда Иллириком в звании префекта, заранее заготовил все необходимое для похода, благодаря чему все имелось в изобилии безо всяких насильственных действий в отношении кого бы то ни было. 3. В самом деле, и раньше ни при каком другом префекте, как это всем известно, северные провинции не находились в таком цветущем состоянии во всех отношениях, как при Анатолии. Благожелательный и деловитый, он сумел восстановить расстроенную общественную жизнь края. Он облегчил тяжелое бремя почтовой повинности[17], от которой погибло много состояний, и дал населению твердую надежду на уменьшение прямых податей. Счастливо, не терпя обид и не производя беспорядков, могло бы жить население того края, не имея никаких поводов для жалоб, если бы впоследствии не были придуманы самые возмути-

* Ср.: 17, 13.

тельные налоги, увеличившиеся из-за раздоров между плательщиками и сборщиками, причем первые старались иметь на своей стороне представителей власти, а вторые не считали себя обеспеченными, пока не разорили всех плательщиков, так что несчастные люди или подвергались изгнанию, или решались на самоубийство.

4. И вот император, решив совершить настоятельно необходимое дело, выступил, как я сказал, в поход, прекрасно его подготовив, и прибыл в Валерию, которая, будучи некогда частью Паннонии, выделена была в особую провинцию и названа так в честь дочери Диоклетиана Валерии[18]. Разместив войска в зимних палатках по берегам реки Истр, он наблюдал за варварами, которые замышляли под прикрытием дружбы осуществить с целью грабежа нашествие на Паннонию в самую суровую пору зимы, когда не растаявшие еще от весеннего тепла снега делают реку проходимой повсюду, а наши люди из-за морозов тяжело переносят пребывание под открытым небом. 5. Итак, послав немедленно к лимигантам двух трибунов с двумя переводчиками, он спросил в мягкой форме, зачем они, оставив место жительства, отведенное им по их же просьбе после заключения мирного договора, бродят по разным местам и вопреки запрету беспокоят нашу границу. 6. Выставляя пустые и несостоятельные объяснения, — страх заставлял их лгать, — они просили императора о прощении, умоляя, чтобы он, оставив свой гнев, разрешил им перейти к нему через реку и объяснить, какие неудобства они терпят. При этом они заявляли о своей готовности занять в пределах римского мира самые отдаленные земли, если это будет им разрешено, чтобы, пользуясь благами долговременного мира и почитая покой за спасительное божество, нести податные тяготы и стать данниками. 7. Это известие, принесенное возвратившимися трибунами, император принял с радостью, так как дело, считавшееся неразрешимым, улаживалось без всяких затруднений. Он дал разрешение явиться всем. Побуждало его к тому корыстолюбие, которое раздувала шайка льстецов, усиленно напевавших ему в уши, что он, успокоив внешнее волнение и водворив повсюду мир, приобретет много людей, готовых лично нести военную службу, и получит возможность набирать сильных рекрутов, провинциальное же население охотно будет откупаться от личной службы деньгами. Такого

рода расчет не раз ввергал в тяжкие бедствия Римское государство[19]. 8. Близ Ациминка* был сооружен окоп, в нем воздвигнуто возвышение наподобие трибунала, и несколько судов с легионерами на борту получили приказание держаться на реке близ нашего берега под командованием некоего Иннокентия, землемера, — он и предложил этот план, — чтобы, как только они заметят, что варвары что-нибудь затевают, внезапно напасть на них с тыла, пока их внимание приковано к другому пункту. 9. Хотя лимиганты и знали об этих предупредительных мерах, однако они не сумели ничего придумать, кроме притворной мольбы, и стояли, покорно склонив головы; но совсем другое скрывали они в глубине души, чем то, о чем свидетельствовали их смиренный вид и слова.

10. Когда они увидели на высоком помосте императора, который уже собирался начать милостивую речь и обратиться к ним, как к покорным на будущее время подданным, вдруг один из них в злобной ярости бросил сапогом в трибунал и воскликнул: «Марра, марра»[20] — это у них боевой клич. Вслед за тем дикая толпа, подняв кверху свое знамя, вдруг завыла диким воем и бросилась на самого императора. 11. Со своего возвышения император увидел, что пространство вокруг занято волнующейся толпой вооруженных копьями людей и заблестевшие мечи и выставленные вперед верруты** грозят ему смертью: посреди смешавшейся толпы чужих и своих нельзя было узнать, кто он, солдат или полководец. Не время было тянуть или медлить: он сел на быстрого коня и умчался во весь опор. 12. Но несколько телохранителей, пытавшихся оказать сопротивление устремившимся с быстротой огненной стихии варварам, были ранены насмерть или раздавлены под ногами напиравших. Царское сиденье с золотой подушкой было захвачено варварами без противодействия.

13. Как только стало известно, что император подвергся крайней опасности и стоит на краю гибели, солдаты сочли своим священнейшим долгом выручить его, — они еще не знали, что он спасся от опасности. Воодушевившись до полного презрения к смерти, они, хотя и были не в полном бое-

* Ныне Саланкемен близ Петровардейна в Венгрии.

** Так назывался дротик длиною 1,16 м (древко имело 5 римских футов длины, а острие — 3,5 унции). См.: *Veg.* De re mil. II, 15.

вом снаряжении вследствие внезапности этого дела, тем не менее, подняв громкий боевой клич, бросились на полчища варваров, которые твердо решились умереть на месте. 14. И так как наши ринулись с тем, чтобы смыть позор своей храбростью, и пылали гневом на вероломного врага, то без всякой пощады убивали всех, кто попадался навстречу, топтали ногами живых, умирающих, убитых; прежде чем насытилась их ярость кровью варваров, воздвиглись целые груды мертвых тел. 15. Взбунтовавшиеся варвары были раздавлены: одни пали в бою, другие в ужасе разбежались; часть этих последних возымела тщетную надежду вымолить жизнь просьбами; но их убивали, нанося удар за ударом. Когда все были перебиты, затрубили отбой. Тут оказались убитые из наших, хотя и немного; они были или смяты во время страшного натиска, или же их постиг рок, когда они, оказывая сопротивление ярости врага, открывали свои не покрытые панцирями бока.16. Особенно выделялась среди других смерть Целлы, трибуна скутариев, который в самом начале схватки первый среди всех бросился в самую середину толпы сарматов.

17. После этого жестокого побоища Констанций предпринял нужные меры для обеспечения границ, настоятельно требовавшиеся обстоятельствами, и вернулся в Сирмий в сознании того, что заслуженно покарал вероломного врага. Наскоро отдав распоряжения, не терпевшие отлагательств, он выехал оттуда и направился в Константинополь, чтобы, находясь ближе к Востоку, ликвидировать последствия поражения, полученного при Амиде, усилить войска подкреплениями и сдержать тем напор царя персов, противопоставив ему равные силы: было очевидно, что Сапор, если не удержит его Провидение и тщательное принятие многообразных мер, оставит Месопотамию в тылу и откроет военные действия на более широком просторе.

12

1. Среди этих тревожных событий, как бы по воспринятому в древности обычаю, прозвучал грозный сигнал: не междоусобная война поднималась на этот раз, но ложные обвинения в оскорблении величества. Для разбирательства и решения послан был известный нотарий Павел[21], которого

мне приходится часто вспоминать*. Поднаторевший в кровавом деле, он получал барыши и доходы от дыбы и палача, как торговец гладиаторами от погребений и поминальных игр. 2. И так как все его помыслы и стремления были направлены на то, чтобы повредить людям, то он не останавливался даже перед подлогом, возбуждая против ни в чем не повинных людей грозящие смертью обвинения, лишь бы обогатиться столь ужасным образом. 3. Мелкое и незначительное обстоятельство дало повод без конца растянуть сыски. На краю Фиваиды[22] есть город Абид**. Здесь оракул бога, который по-местному назывался Беза, открывал будущее и был почтен в соседних областях издревле установленным культом. 4. Так как одни лично, а иные через других, посылая письменное изложение своих желаний, вопрошали бога в определенно составленных мольбах, то иногда и после получения данных богом ответов оставались в храме куски бумаги или пергамента, содержавшие вопросы. 5. Некоторые из этих текстов были отправлены со злым умыслом к императору, и он, как человек мелочный, проявлявший нечувствительность в иных делах, даже чрезвычайно важных, но в этом оказывавшийся, по пословице, мягче ушной мочки и крайне подозрительным, воспалился всей своей желчью. Немедленно послал он на восток Павла с широкими полномочиями, чтобы тот, как мастер, прославленный опытностью в таких делах, направил процессы по своему усмотрению. 6. Привлечен к этому был также и Модест[23], бывший в ту пору комитом Востока, как пригодный для этих и тому подобных дел. А Гермоген Понтик, тогдашний префект претория, был обойден, как человек слишком мягкий.

7. И вот, согласно приказанию, Павел отправился, выдыхая пламя смертельной ненависти, и так как был предоставлен полный простор клевете, то привлекли к суду множество людей чуть ли не со всех концов земли, знатных и простых; одних заковали в оковы, других заморили в темницах. 8. Местом этих кровавых мучений избран был город Палестины Скифополь***[;24], который был признан наиболее подходящим по двум соображениям: во-первых, потому что он лежит в стороне, и, во-вторых, — находится на середине пути между Анти-

* Ср.: 14, 5, 6; 8; 15, 3, 4; 6, 1.
** Развалины этого города лежат близ селения Эль-Бирбэ.
*** Ныне Бейсан, или Бисан.

охией и Александрией, откуда была привлечена к суду бóльшая часть обвиняемых.

9. В числе первых предстал перед судом Симплиций, сын Филиппа, бывшего префекта и консула*. Он был обвинен в том, что, как говорили, вопрошал оракула о том, как ему достичь верховной власти. По приказу императора, который в подобных делах даже заслуженным людям никогда не прощал ни погрешности, ни ошибки, Симплиций был подвергнут пытке. Судьба пощадила его: он не был искалечен. Его приговорили к ссылке**. 10. Затем привлечен был Парнасий, бывший префект Египта, человек прямой и честный. Опасность для него была столь велика, что обвинение грозило смертной казнью; но и он был приговорен к ссылке. Часто слышали, как он задолго до этого рассказывал следующее: когда он покидал Патры, город Ахайи, где он родился и жил, чтобы заслужить какую-нибудь должность, он увидел сон, будто много теней в костюмах трагических актеров устраивают ему проводы. 11. Далее был вызван на суд и прекрасный поэт Андроник, известный учеными занятиями; но так как совесть его была чиста и нельзя было возвести на него никаких подозрений, да и он сам с уверенностью настаивал на своей невиновности, то был оправдан. 12. Точно так же и философ Деметрий, по прозвищу Хитра[25], глубокий старик, но человек крепкий телом и духом, был уличен в том, что несколько раз приносил жертвы богу Безе. Он не мог этого отрицать, но утверждал, что делал это с ранней юности ради умилостивления бога, но никак не с целью посягать на что-либо высшее, да и не знал он, чтобы вообще кто-либо имел такие замыслы. В течение долгого времени он был подвешен на дыбе и с полной твердостью, не меняя своих показаний, неустрашимо говорил одно и то же. Оправданный по суду, он получил разрешение вернуться в Александрию, откуда был родом.

13. Справедливая Судьба, соратница правды, спасла их и некоторых других от грозившей им гибели. Но так как обвинения распространялись все дальше и сети козней растяги-

* В 348 г.

** Автор употребляет выражение fuga lata. Закон различал три вида ссылки: 1) воспрещение жить в определенных местностях, 2) ссылка в одно определенное место — fuga lata, 3) ссылка на острова. См.: Dig. 48, 22–5 (Marcianus).

вались без конца, то одни приняли смерть во время пытки, другие приговорены были к самым тяжелым наказаниям с конфискацией имущества. Павел являлся душой этих жестокостей; у него был неисчерпаемый запас всяких ухищрений и зловредных козней, и я готов сказать, что от его кивка зависела жизнь всех обитателей земли. 14. Носил ли кто на шее амулет от перемежающейся лихорадки или другого недуга, подавали ли на кого зложелатели донос, будто он вечерней порой переходил через могилу, тотчас привлекали его к ответственности, как отравителя или колдуна, имеющего дело с ужасами мира мертвых и блуждающих по свету душ, — и над ним произносился смертный приговор. 15. Дело велось с такой серьезностью, как будто множество людей обращались в Кларос, к Додонским дубам и в славные некогда Дельфы[26], злоумышляя на жизнь императора. 16. А шайка придворных изощрялась в измышлениях отвратительной лести, утверждая, что Констанций окажется недосягаемым для бедствий, которым подвержены обыкновенные люди, и восклицая громким голосом, что его счастье, всегда мощное и бодрое, блистательно проявило себя в подавлении покушений на его особу.

17. Ни один разумный человек не станет порицать того, что эти дела вызывали строгие розыски. Мы не сомневаемся в том, что жизнь законного государя, защитника и охранителя всех добрых граждан, от которого зависит благополучие других, обязаны отстаивать все соединенными силами. Для большей ее обеспеченности в делах, где защищается от оскорбления священная особа императора, Корнелиевы[27] законы* не допускают освобождения от сысков, хотя бы и кровавых, ни для кого. 18. Но давать без всякой меры волю преследованию в этих несчастных случаях не подобает, чтобы не могло показаться, будто подданными управляет произвол, а не законная власть. Следовало бы брать пример с Туллия (Цицерона), который заявляет, что, имея возможность пощадить или покарать, выискивал основания простить, а не наказать[28]. И это свойственно судье спокойному и вдумчивому.

* У Цицерона названа — in Pison, c. 21, § 50 — Lex Cornelia maiestatis; дальнейшее юридическое развитие установленных этим законом положений дано было Юлием Цезарем, lex Julia maiestatis.

19. После этого в Дафне, приятном и роскошном предместии Антиохии, родился урод, на которого столь же неприятно было посмотреть, как противно и писать о нем: ребенок с двойным лицом, в каждой челюсти по два зуба, бородой, четырьмя глазами и двумя маленькими ушами. Этот столь ужасный урод указывал на то, что государство приходит в безобразное состояние. Уроды такого рода рождаются довольно часто, и их рождение указывает на тот или иной исход событий. Так как теперь из-за них не приносится очистительных жертв, как это делалось в древности от имени государства, то они остаются незамеченными и о них мало кто узнает.

13

1. В то самое время исавры, долго остававшиеся спокойными после событий, о которых я рассказывал раньше*, и их попытки осадить город Селевкию, мало-помалу оправились и, как змеи, выползающие весной из своих нор, спустились со своих крутых и недоступных горных высот. Соединившись в сильные шайки, они стали тревожить соседнее население грабежами и разбоями. Наши сторожевые военные посты они при этом обходили, умея, как горцы, легко рассыпаться по скалам и зарослям. 2. Успокоить их силой или мерами общего характера был отправлен правитель провинции Лаврикий, будучи представлен в звание комита. То был дельный администратор, который, усмирив беспорядки скорее угрозами, чем суровыми мерами, справился так хорошо, что за время его продолжительного управления этой провинцией не случилось ничего такого, о чем бы стоило упомянуть.

* 14, 2.

Книга XX

(год 360)

1. Магистр армии Лупицин послан с войском в Британию для отражения вторжений скоттов и пиктов.
2. Магистр пехоты при особе императора Урзицин уволен в отставку вследствие интриг клеветников.
3. Затмение Солнца и о двух Солнцах. Причины затмений Солнца и Луны. О разных изменениях Луны и ее фазах.
4. Галльские солдаты, которых Констанций приказал забрать у Цезаря Юлиана и перевести на восток против персов, насильно провозглашают Юлиана Августом в Лутеции Паризиев, где он имел свою зимнюю резиденцию.
5. Август Юлиан произносит речь перед солдатами.
6. Осада и взятие Сингары Сапором. Горожане, конные вспомогательные полки и два легиона, составлявшие гарнизон, уведены в Персию. Город разрушен.
7. Сапор завоевывает город Безабду, гарнизон которой составляли три легиона; он укрепляет ее гарнизоном и снабжает провиантом. Тщетные попытки Сапора овладеть крепостью Вирта.
8. Август Юлиан извещает письмом Августа Констанция о совершившемся в Лутеции.
9. Август Констанций повелевает Юлиану довольствоваться титулом Цезаря, но галльские легионы единодушно отвергают это.
10. Август Юлиан, сделав неожиданный набег на франков-аттуариев, живших за Рейном, взял в плен и перебил много народа, а остальным предоставил мир, уступив их просьбам.
11. Август Констанций осаждает Безабду со всей своей армией и отступает, не достигнув успеха. О радуге.

1

1. Так шли дела в Иллирике и на востоке. А в год, когда Констанций принял консульство в десятый раз и Юлиан в третий[1], дикие племена скоттов и пиктов в Британии нарушили заключенный с ними мирный договор и, совершая набеги, стали опустошать пограничные местности. Ужас охватил провинции, истомленные целым рядом минувших бедствий. Цезарь, проводивший зиму в Паризиях, имел тогда много разнообразных забот и не решался идти сам на помощь за море — как сделал это некогда Констант[2], о чем я рассказывал в соответствующем месте*, — чтобы не оставить галльские провинции без правителя в то время, когда раздраженные аламанны все еще грозили войной. 2. Он распорядился поэтому отправить туда Лупицина, состоявшего тогда магистром армии**, чтобы тот уладил дело мирным путем или военной силой. То был человек боевой и опытный в военном деле; но он поднимал брови, словно рога, и выступал, как говорится, на трагическом котурне;***;[3] преобладало ли в его характере корыстолюбие или жестокость, в этом долго сомневались. 3. Двинув в путь легкие отряды, т. е. эрулов и батавов, а также два полка мезиаков, названный командир прибыл в Бононию****, когда кончалась уже зима. Собрав корабли и посадив на них всех солдат, он выждал благоприятный ветер и пристал на противоположном берегу у Рутупий*). Затем он на-

---

* В недошедшей до нас части сочинения.

** 18, 2, 7.

*** Автор хочет сказать, что Лупицин был надменный и надутый человек.

**** Булон-сюр-мер.

*) Ричборо.

правился в Лундиний*, чтобы оттуда, составив план действий в соответствии с обстоятельствами, немедленно начать поход.

2

1. После осады Амиды Урзицин вернулся на главную квартиру императора в звании магистра пехоты (выше я сказал, что он был преемником Барбациона**. Здесь на него набросились клеветники, которые сначала распускали про него злостные сплетни, а потом стали открыто обвинять его в вымышленных преступлениях. 2. Император, зависевший в своих суждениях от слухов и поддававшийся интригам, поверил сплетням и поручил Арбециону*** и магистру оффиций Флоренцию**** произвести следствие о причинах гибели города. 3. Арбецион и Флоренций оставили в стороне ясные и вполне вероятные причины, так как опасались задеть тогдашнего препозита императорской опочивальни Евсевия, если они выставят данные, обличавшие с очевидностью, что причиной приключившегося несчастья было упорное бездействие Сабиниана; поэтому они отклонились от существа дела и занимались расследованием мелочей, которые не имели к нему никакого отношения.

4. Оскорбленный этой несправедливостью обвиняемый (Урзицин) сказал: «Хотя император выказывает ко мне пренебрежение, но дело настолько важно, что только на суде при участии самого главы государства можно его разбирать и вынести по нему приговор. Пусть дойдут до него мои пророческие слова: предаваясь скорби о том, что он узнал из точного отчета касательно Амиды, и позволяя влиять на себя евнухам, он не сможет в будущую весну спасти от разгрома Месопотамию, даже если бы явился туда сам со всеми силами своей армии». 5. Слова эти были переданы Констанцию с добавлениями и в заведомо ложном истолковании. Он страшно рассердился и, не разбирая дела и тем самым не допуская раскрытия того, что оставалось ему неизвестным, приказал окле-

* Лондон.
** 18, 3; 14, 11, 19—24.
*** 15, 2, 4; 18, 3, 4.
**** 15, 5, 12.

ветанному Урзицину выйти в отставку. На его место был назначен трибун гентилов-скутариев* Агилон, — повышение по рангу совсем необычное.

3.

1. Примерно в то же время в восточных областях наблюдалось затемнение неба густым мраком и отчетливое мерцание звезд от утренней зари и до полудня. Ужас этого грозного явления увеличивался еще и потому, что, когда наступила полная темнота и исчез солнечный диск, все оробели и стали опасаться чрезвычайно продолжительного затмения. Но вот сначала появился серп наподобие лунного, который затем увеличился до половины диска, а потом заблистал целый диск в обычном виде. 2. Это явление происходит так отчетливо только тогда, когда Луна на своем изменчивом месячном пути вернется через известный промежуток времени к тому же самому пункту, т. е. когда в пределах того же самого созвездия Луна целиком окажется ниже Солнца по совершенно прямой линии и на некоторое время останавливается в тех пунктах, которые носят в геометрии название «части частей»[4]. 3. И хотя обращение и движение обоих светил, по наблюдениям исследователей природы, совершаются на всегда неизменном расстоянии, однако Солнце не всегда затмевается в эти дни, но лишь тогда, когда Луна становится совершенно прямо между огненным диском Солнца и нашим кругозором. 4. Короче говоря, Солнце затмевается, теряя свой блеск, когда оно само и наиболее низкое из всех небесных тел, Луна, сопровождая друг друга и двигаясь каждое по собственной окружности в определенном отношении высоты, оказываются, — как вполне точно и научно определяет это Птолемей[5], — на расстояниях, которые по-гречески зовутся ’αναβιβἀζοντες και καταβιβἀζοντες ἐκλιπτικοι σύνδεσμοι[6], т. е. узлы затмений. Если Солнце и Луна окажутся в пунктах, близких к этим узлам, то затмение будет неполное. 5. Если же они будут находиться в самих узлах, которые связывают восхождения и нисхождения, то полный мрак покроет небо, и воздух в такой мере потеряет свою прозрачность, что нельзя

* Гардтгаузен читает: Gentilium et Scutariorum, но вставка et есть недоразумение, так как трибун был командир одной схолы, а не двух.

будет различить даже самых близких к нам предметов. 6. Двойное Солнце бывает видимо, как полагают, тогда, когда выше обычного уровня поднявшееся облако, получая освещение от соседства вечного огня (Солнца), образует другой блестящий диск, словно в чистом зеркале.

7. Теперь перейдем к Луне. Видимое и ясное затмение Луна испытывает только в том случае, когда, находясь в фазе полнолуния, она противостоит Солнцу на 180 градусов, т. е. проходит седьмое от него созвездие[7]. И хотя это случается в каждое полнолуние, но затмение происходит не каждый раз. 8. Так как Луна находится поблизости от пути Земли и среди всей красы небес (т. е. звезд) является последней, то иногда она оказывается относительно падающего на нее солнечного света закрытой тенью Земли, оканчивающейся узким конусом. В таком случае она на некоторое время скрывается от нас, будучи затемнена тенью и окутана черными клубами, если Солнце, находясь на нижней кривизне сферы и встречая препятствие в противостоящей Земле, не может осветить ее своими лучами; то, что Луна не имеет собственного света, доказано различными способами[8]. 9. А если Луна сходится с Солнцем под одним и тем же созвездием на прямой линии, то она, как сказано, затмевается, и блеск ее совершенно исчезает. Это называется по-гречески μήνηζ σύοδοζ (встреча Луны). 10. Новолуние бывает, когда Луна при малом отклонении имеет над собой Солнце почти перпендикулярно. Появляющийся на небе серп Луны представляется людям сначала очень тонким, когда, отклоняясь от Солнца, она переходит во второе (т. е. соседнее) созвездие. Когда же она продвинется дальше и уже сильно блестит в виде рога, она зовется μηνοειδή (луновидная). А когда она станет далеко отклоняться от Солнца и дойдет до четвертого созвездия, то воспримет более сильный свет от обращающихся на нее лучей Солнца и становится, как гласит греческий термин, διχόηνις, появляясь в форме полуокружности. 11. Идя вперед все дальше от Солнца и попадая в пятое от него созвездие, она получает форму, которая называется «амфикирт», так как с обеих сторон выдаются горбы. Когда же она становится прямо против Солнца, то, находясь в пределах седьмого созвездия, будет сиять полным светом; все еще находясь в нем и мало-помалу продвигаясь вперед, она понемногу уменьшается, и этот ее вид мы (греки) зовем 'απόκπουδις[9], она воспроизводит,

убывая, те же самые формы. Разнообразные доказательства установили то положение, что затмения происходят только в полнолуние.

12. Выше я сказал, что Солнце находится то в эфире, то в нижних пределах. По этому поводу нужно знать, что небесные тела, если брать их по отношению ко Вселенной, не заходят и не восходят, но что это лишь явление нашего наблюдения с Земли, которая находится в подвешенном состоянии действием некоего внутреннего духа. По отношению ко Вселенной она является ничтожной точкой, а звезды, которые находятся в строю, установленном от века, мы то воспринимаем нашим смертным взором как неподвижные, то нам кажется, что они уходят со своих мест. Но вернемся к нашей задаче.

4

1. Доблестные деяния Юлиана не переставали волновать Констанция во время спешных его сборов к выступлению на восток, спокойствию которого, по единогласным заявлениям перебежчиков и лазутчиков, угрожало вторжение персов. Переходившая из уст в уста молва разносила среди разных племен и народов славу о великих трудах и подвигах Юлиана, вознося ему хвалу за то, что он разрушил несколько аламаннских царств и возвратил Римской державе галльские города, разграбленные и разрушенные теми самыми варварами, которых он теперь сделал данниками Рима. 2. Встревоженный всем этим и опасаясь, чтобы слава Юлиана не возросла еще больше, Констанций, по наущению, как утверждали, Флоренция, послал Деценция, трибуна и нотария, чтобы тот немедленно забрал из армии Юлиана вспомогательные отряды эрулов и батавов, кельтов с петулантами и по 300 человек из других легионов. Выступление приказано было ускорить под предлогом необходимости их участия ранней весной в походе против парфян (персов).

3. Приказ о скорейшем отправлении вспомогательных войск и отрядов по 300 человек из полков был дан только на имя Лупицина, о походе которого в Британию не было еще известно при дворе; а отобрать лучших людей из скутариев и гентилов и доставить их приказано было Синтуле, который состоял в ту пору трибуном конюшни цезаря (Юлиана).

4. Юлиан не возражал и спокойно подчинился решению верховной власти; но он не мог оставить неоговоренным и не высказаться против насилия над теми людьми, которые оставили свои жилища и семейства за Рейном и перешли к нам под тем условием, что их никогда не поведут за Альпы. Он высказывал опасение, что варвары, которые часто при этом именно условии переходят к нам и вступают в ряды наших войск, когда станет известен этот случай, не станут больше переходить к нам. Но слова его не возымели действия. 5. Трибун не придал значения жалобам Цезаря и, исполняя приказ Августа, отобрал самых сильных и ловких людей и выступил с ними в надежде продвинуться в своей карьере.

6. Юлиан, размышляя о том, как ему поступить с остальными людьми, которых было приказано послать, пребывал в нерешительности. Он полагал, что дело это следует вести очень осторожно. С одной стороны, его тревожила дикость варваров, с другой — стеснял авторитет приказа. Отсутствие магистра конницы (Лупицина) еще более усиливало его нерешительность, и он приказал вернуться назад префекту претория (Флоренцию), который отлучился в Виенну под предлогом обеспечения заготовки провианта, а на самом деле чтобы быть подальше от волнения в войсках. 7. Он считал его вероятным согласно тому донесению, которое, как думали, он послал ко двору. В нем он советовал отозвать из галльской охранной армии храбрые отряды, ставшие уже страшными варварам. 8. Он получил письмо Цезаря с настойчивым требованием ускорить свое возвращение, чтобы помочь своим советом в делах государственного значения; но он упорно уклонялся, хотя и чувствовал себя в большом смущении, так как в письме Юлиана было ясно сказано, что префект при тревожном положении дел ни в коем случае не должен удаляться от особы императора. В письме было еще добавлено, что если префект будет уклоняться от исполнения своих обязанностей, то сам Юлиан сложит с себя знаки верховной власти, так как он считает более почетным принять смерть, нежели допустить, чтобы его считали виновным в гибели провинций. Но префект остался непреклонным в своем упорстве и не пожелал подчиниться разумным требованиям Юлиана.

9. Так, в отсутствие Лупицина и боявшегося бунта солдат

префекта, Юлиан остался без советников. После долгих колебаний он признал лучшим решением ускорить сбор войск, выступивших со своих зимних стоянок. 10. Когда это стало известно, кто-то подбросил у знамен петулантов воззвание, в котором среди прочего было написано: «Нас гонят на край земли, словно преступников и осужденных. Опять будут в рабстве у аламаннов наши жены и дети, которых мы спасли из прежнего положения после многих кровопролитных битв». 11. Этот текст был доставлен в главную квартиру; Юлиан прочитал его и, признав жалобы основательными, отдал приказ, чтобы солдаты отправлялись на восток с семьями, для чего и разрешил воспользоваться грузовыми повозками государственной почты;* а так как долго не могли договориться относительно маршрута, то решено было, по совету нотария Деценция, чтобы все прошли через Паризии, где до сих пор безвыездно находился Цезарь. 12. Так это и было сделано. Подходившие отряды Юлиан встречал, как это обычно делалось, в предместьях: обращался со словом похвалы к тем, кого знал лично, вспоминал о храбрых подвигах отдельных лиц и в ласковых выражениях побуждал их бодро идти к Августу, который при своих полномочиях высшей власти воздаст достойные награды за понесенные труды. 13. Он пригласил офицеров к обеду, желая оказать большее внимание перед далеким предстоящим им путешествием, и предложил им просить у него то, что угодно каждому. После такого любезного приема они разошлись, испытывая двойное огорчение, так как немилосердная судьба разлучала их с добрым командиром и родной землей. В таком настроении вернулись они на свои обычные квартиры. 14. А с наступлением ночи вспыхнул открытый бунт. Во всеобщем возбуждении, вызванном непредвиденным приказом Августа, все взялись за оружие и взбунтовались. Со страшным шумом все двинулись к дворцу, оцепили его кругом, чтобы никто не мог уйти, и начали с громкими криками провозглашать Юлиана Августом, настойчиво требуя, чтобы он вышел к ним. Вынужденные дожидаться, пока забрезжит свет, они заставили наконец его выйти. Крики возобновились при виде его, и с величайшим единодушием он был приветствован как Август.

---

* Clabularis cursus.

15. Юлиан упорно сопротивлялся настояниям всей толпы, а также отдельных лиц: он то выказывал негодование, то простирал руки, моля и заклиная, чтобы после многих счастливых побед не совершили они недостойного дела и чтобы несвоевременное безрассудство и поспешность не послужили поводом к нарушению мира. Наконец, когда ему удалось кое-как умерить шум, он обратился к ним с такими словами в снисходительном тоне: 16. «Сдержите немного, прошу вас, свой пыл. Без раздора и бунта легко достигнуто будет то, чего вы требуете. Вас удерживает любовь к родине, страшат чужие и неведомые земли. Так возвращайтесь же немедленно на ваши стоянки, и не увидите вы земель, лежащих за Альпами, так как этого не желаете. Я вполне сумею оправдать это в глазах мудрейшего Августа, который принимает заслуживающие внимания основания».

17. Крики, раздававшиеся со всех сторон, стали после этого еще громче; единое воодушевление овладело всеми, и среди неистовых возгласов, к которым примешивались брань и упреки, Цезарь вынужден был уступить. Его поставили на щит из тех, которые носят пехотинцы[10], и подняли высоко. Раздался единодушный крик, в котором Юлиан был провозглашен Августом. Требовали диадему, и на его заявление, что такой он никогда не имел, — какого-нибудь шейного или головного украшения его супруги. 18. На его замечание, что женское украшение было бы неподходящей приметой для первого момента власти, стали искать конской фалеры, чтобы корона на его голове могла представить хоть отдаленный намек на верховную власть. Но когда он отверг и это как неподобающее, то некто, по имени Мавр, в ту пору гастат* петулантов, — впоследствии он в чине комита потерпел поражение в теснине Сукков**, — сорвал с себя цепь, которую носил как знаменоносец и дерзко возложил ее на голову Юлиана. Чувствуя шаткость своего положения и понимая, что если он будет противиться, то жизнь его окажется в опасности, Юлиан обещал всем солдатам по пяти золотых и по фунту серебра***.

---

* Звание, соответствующее унтер-офицеру нашего строя.

** См.: 31, 10, 20—21.

*** Т. е. обещал выдать донатив, как то издавна было обычно в таких случаях.

19. Из-за всего происшедшего Юлиан чувствовал себя в еще более тревожном положении, чем раньше, и, предвидя с отличавшей его быстротой соображения возможность всяких случайностей, не носил диадемы, не выступал публично и не принимался даже за самые неотложные дела. 20. Когда он, поддаваясь страху перед последствиями совершившегося переворота, скрывался во внутренних покоях дворца, декурион палация — это особый чин — прибежал в лагерь петулантов и кельтов и возбужденно стал кричать, что совершено страшное злодеяние: убит провозглашенный ими накануне Август. 21. При этой вести солдаты, приходившие в одинаковое возбуждение как от верных, так и от ложных слухов, бросились к дворцу — одни размахивая копьями, другие угрожая обнаженными мечами, не соблюдая ни военного строя, ни порядка, как это бывает при внезапных нападениях, и в один миг заняли дворец. Дворцовая стража*, трибуны и сам комит доместиков, по имени Экскубитор, испугавшись ужасного шума и опасаясь вероломства переменчивых в своем настроении солдат, искали в бегстве спасения от грозившей им смерти. 22. Среди глубокой царившей повсюду тишины ворвавшиеся стояли некоторое время спокойно с оружием в руках и на вопрос, в чем причина их бессмысленного и внезапного бунта, долго молчали, находясь еще в неведении насчет жизни государя, и разошлись не раньше, чем были допущены в приемный зал и увидели его в блеске императорского одеяния.

5

1. Когда весть о провозглашении Юлиана Августом дошла до тех солдат, которые, как я сообщал, ушли вперед под командой Синтулы, они спокойно возвратились назад в Паризии вместе с командиром. Юлиан отдал приказ, чтобы на следующее утро все войска сошлись на месте сбора[11], и, выступив с большей против обыкновения торжественностью, взошел на трибунал: орлы, знамена и значки окружали его, и когорты в боевом вооружении составляли его охрану. 2. Некоторое время он хранил молчание, внимательно вглядываясь в выражение лиц присутствующих, и, убедившись, что

* Excubitores — гвардейский отряд, основанный Константином Великим.

все бодры и веселы, обратился к ним с речью, сказанной намеренно просто, чтобы всем было понятно; слова его действовали на войска, как звук трубы.

3. «Храбрые и верные защитники моей личности и государства, вы, которые со мной вместе не раз подвергали опасности вашу жизнь ради благосостояния провинций! Трудное положение дел вынуждает меня, раз вы твердым решением подняли вашего Цезаря на высшую ступень власти, вкратце объяснить некоторые вещи, чтобы при изменившемся положении дел можно было принять правильные и осмотрительные меры. 4. Едва войдя в годы юности, облаченный лишь для вида, как вы знаете, в пурпур, я был божеским изволением вверен вашей охране и никогда не отступал от велений долга. Вы меня видели вместе с собой во всякой опасности, когда дикие народы дали простор своей наглости, и, после разгрома городов и гибели бесчисленного множества людей, оставшееся в живых незначительное население провинции, едва влача свое существование, томилось в несчастиях. Считаю излишним напоминать, сколько раз суровой зимой под холодным небом, когда суша и море свободны от Марсова дела[12], мы сокрушали силы непобедимых раньше аламаннов и отражали их. 5. Но было бы несправедливо промолчать о том дне, который заблистал нам близ Аргентората, словно навек возвещая Галлии свободу. Я разъезжал среди тучи стрел, а вы, полагаясь на свою силу и длительный военный опыт, разили врагов, неистово напиравших, как бурный поток, повергая их наземь мечом или топя в волнах глубокой реки. Лишь немногие из наших остались тогда на поле брани, и предание их земле мы почтили скорее громогласной хвалой, нежели скорбным стенанием. 6. После таких славных подвигов ваши заслуги перед государством прославят, думаю я, среди всех народов потомки, если за того, кого вы вознесли на высоту верховной власти, вы будете стоять в случае какой-либо беды всей силой вашей доблести. 7. А чтобы установить правильный порядок, обеспечить за храбрецами в целости их награды и не допускать, чтобы почетные места доставались по тайным проискам, вот что я постановляю перед лицом вашего почтенного собрания: ни гражданский чиновник, ни военный командир не получат повышения по какой-либо рекомендации, кроме собствен-

ных заслуг, и каждый, кто позволит себе ходатайство за кого-нибудь другого, да будет посрамлен».

8. Солдаты низших рангов, давно не видевшие повышений и наград, были особенно воодушевлены этим заверением. Ударами копий о щиты и громким криком они единодушно выражали одобрение словам и начинаниям императора. 9. И тотчас, чтобы не упустить момента нарушить это разумное решение Юлиана, петуланты и кельты стали просить, чтобы их актуарии* были отправлены в звании правителей в провинции по его усмотрению. Им было отказано, и они удалились без обид и огорчения.

10. В ночь накануне провозглашения Августом, как рассказывал сам Юлиан ближайшим людям своей свиты, он имел видение в образе Гения государства[13], который сказал ему с упреком такие слова: «Давно уже, Юлиан, я тайно стерегу двери твоего дома, желая возвысить твое достоинство, и уже несколько раз я удалялся, словно отринутый. Если и теперь я не буду принят, когда столько людей единодушно желают тебя возвысить, то я уйду в унижении и горе. Вот что, однако, сохрани в глубине своего сердца: после этого я уже не останусь с тобой».

6

1. В то время как в Галлии совершались эти важные события, царь персов, свирепый Сапор, которого раньше подзадоривал Антонин, а теперь еще и новый перебежчик Краугазий, горел желанием овладеть Месопотамией, пока Констанций со своей армией был далеко. Умножив свои боевые средства, Сапор торжественно перешел через Тигр и приступил к осаде Сингары. Город этот, как думали начальствовавшие в тех областях лица, был в достаточном количестве снабжен военными силами и всем нужным.

2. Увидев издали врага, солдаты гарнизона заперли поскорее ворота и в бодром настроении разошлись по башням и зубцам стен, запасались камнями, расставляли орудия и, сделав все приготовления, стояли на местах в боевом

---

* Актуарии в боевых частях несли обязанности по истребованию довольствия людям из государственных запасов хлеба. Раздачей хлеба в легионах заведовали особые чины, *optiones*.

снаряжении, готовые отразить неприятеля, если тот осмелится подойти к стенам.

3. Приблизившись к городу, царь сделал сначала попытку через допущенных ближе к стенам вельмож склонить на свою сторону защитников путем мирных переговоров; когда же это оказалось безуспешным, он дал один день на отдых. На рассвете следующего дня дан был сигнал красным знаменем: войска окружили город, одни солдаты несли лестницы, другие готовили осадные орудия, а главная масса под прикрытием фашин и штурмовых щитов старалась приблизиться к стенам, чтобы повредить их основание. 4. Со своей стороны осажденные, стоя в высоких бойницах, камнями и всякого рода метательным оружием отражали тех, которые дерзко прорывались к стенам.

5. В течение нескольких дней шла борьба с переменным успехом. На той и другой стороне было много убитых и раненых. Наконец, когда бой разгорелся и наступил вечер, был подведен помимо множества других осадных орудий самый сильный таран и стал поражать частыми ударами круглую башню, с которой в прошлую осаду, как я о том сообщал*, город открылся для римлян.

6. Защитники собрались здесь и сражались в тесноте. Отовсюду летели факелы, горящие смоляные снаряды и стрелы с огнем, чтобы поджечь грозящее бедой орудие; с той и другой стороны неслась туча стрел и кусков свинца. Сила тарана преодолела, однако, все усилия защиты. Он сокрушал соединения камней, недавно сложенных и еще слабо державшихся из-за сырости. 7. В то время как бились еще железом и огнем, рухнула башня и открыла путь в город. Защитники оставили это место и разбежались из-за этой крайней опасности; а полчища персов, не встречая более никакого сопротивления, двинулись вперед со страшным криком и заполнили все части города. Там и сям лежали убитые, но их было очень немного, а все остальные были по приказанию Сапора взяты в плен и отправлены в самые отдаленные области Персии.

8. Гарнизон города составляли два легиона: Первый Флавиев и Первый Парфянский[14], и множество местных жителей вместе со вспомогательным конным отрядом, которые

* В недошедшей до нас части сочинения.

укрылись там из-за внезапного бедствия. Всех их увели, как я сказал, со связанными руками, и с нашей стороны им не было оказано никакой помощи. 9. Бóльшая часть нашей армии стояла лагерем на охране Нисибиса, который находится далеко от Сингары. И прежде никто никогда не мог оказать помощи Сингаре во время постигавших ее бедствий, так как все окрестности ее представляют собой безводную пустыню. Хотя еще в древности сооружена была здесь крепость из-за удобства места для наблюдения за неприятелем и внезапными его вторжениями, но Римскому государству она приносила большой ущерб, так как при неоднократных взятиях города погибали его гарнизоны.

7

1. После разрушения Сингары царь из осторожности обошел Нисибис: он помнил, конечно, о неудачах, которые потерпел там не один раз[15]. Он отправился направо, чтобы захватить Безабду*, — древние основатели называли ее Фенихой, — предполагая покорить ее силой или переманить на свою сторону гарнизон заманчивыми обещаниями. То была чрезвычайно сильная крепость, сооруженная на небольшой возвышенности, склон которой был обращен к берегам Тигра, и защищенная двойной стеной в местах слабых и низких. Для ее охраны выделено было три легиона: Второй Флавиев, Второй Армянский, а также Второй Парфянский со значительным числом стрелков из Забдицены; эта область была тогда нам подвластна, и в ее пределах и сооружен был этот город. 2. Как только царь подошел к Безабде, он немедленно начал исследование укреплений. Окруженный свитой панцирных всадников в блестящих доспехах и хорошо заметный среди них, он смело приблизился к самому краю рва. На него были направлены тщательно намеченные удары баллист и туча стрел; но под прикрытием сомкнутых наподобие «черепахи» щитов он ушел невредимый. 3. Он подавил свой гнев и, послав по обычаю переговорщиков, старался побудить осажденных к тому, чтобы они, ради спасения своей жизни, предупредили осаду заблаговременной сдачей, вышли, открыв ворота, и смиренно сдались победителю народов.

* Ныне Джезире-ибн-Умар.

4. Переговорщики дерзнули подойти совсем близко, но стоявшие на стенах защитники не стреляли в них, потому что те вели перед собой знакомых им свободнорожденных пленников, взятых в Сингаре. Из сострадания к ним никто не натянул лука; но переговорщики не получили также никакого ответа на предложение мира.

5. Выждав в спокойствии целые сутки, персы на рассвете следующего дня бросились всей своей массой на яростный приступ на вал, оглашая окрестности грозными криками. Дерзко подошли они к самым стенам и вступили в бой с храбро оборонявшимися защитниками. 6. Среди персов было много раненых, потому что они, как слепые, двигались вперед с лестницами и продвигали перед собой осадные щиты; не обошлось без потерь и с нашей стороны. Стрелы целыми тучами неслись на наших и тем вернее попадали, чем теснее стояли люди. После захода солнца обе стороны разошлись с равными потерями. А на рассвете следующего дня еще с бóльшим ожесточением, чем накануне, разгорелась битва под раздававшиеся повсюду звуки труб. Потери были одинаковы с обеих сторон, так как те и другие сражались с одинаковым упорством.

7. На следующий день по обоюдному согласию был дан отдых после стольких потерь. Осажденным грозили всякие ужасы, столь же большие опасности грозили и персам, и вот христианский епископ показал жестами и кивками, что он хочет выйти из города. Получив заверение, что ему будет позволено вернуться невредимым назад, он направился к царской ставке. 8. Когда ему было разрешено сказать чего он хочет, он стал миролюбиво уговаривать персов, чтобы они вернулись домой; он говорил, что после больших потерь с обеих сторон можно опасаться в будущем едва ли не бóльших бедствий. Но эти и другие его слова не подействовали на ожесточенное безумство царя, который упорно клялся, что отступит лишь после разрушения крепости. 9. А против епископа возникло подозрение, неосновательное, как я думаю, хотя и настойчиво поддерживавшееся многими, как будто в тайной беседе он дал указания Сапору, на какие части стен, как более слабые, ему следует направить атаку. И это казалось правдоподобным, так как сразу на виду у всех осадные орудия врагов с торжеством стали поражать слабые и выветрившиеся части стен, словно их направляли люди, знавшие город изнутри.

10. И хотя тесные дороги делали весьма затруднительным доступ к стенам и готовые к действию тараны с большим трудом продвигались вперед, так как неприятель боялся метаемых руками камней и стрел, не переставали действовать ни баллисты, метавшие стрелы, ни скорпионы, бросавшие камни; летели и обмазанные смолой и нефтью горящие снаряды. Под непрерывным градом выстрелов, направляемых сверху, орудия застряли на месте, словно пустили глубокие корни, а горящие стрелы и брандеры поджигали их. 11. При таком положении дел и значительных потерях с обеих сторон осаждающие горели желанием снести с лица земли еще до зимы город, укрепленный самой природой и огромными защитными сооружениями, будучи уверены, что гнев царя без этого не успокоится. Поэтому ни страшное кровопролитие, ни вид множества смертельно раненых не лишали остальных отваги. 12. Долго бились насмерть, подвергая себя самым крайним опасностям; когда принимались за тараны, их останавливали тучи огромных камней и огненные снаряды всякого рода. 13. Но вот один таран, более высокий, чем другие, покрытый мокрыми воловьими шкурами и менее подверженный поэтому действию огня метательных снарядов, выдвинувшись перед другими, подполз к стене, благодаря чрезвычайным усилиям, стал разрывать своим огромным острием связь камней, расшатал одну башню и опрокинул ее. Она упала со страшным треском и увлекла в своем падении стоявших на ней людей. Низвергнутые внезапным разрушением башни, они были разбиты, раздавлены или засыпаны и погибли смертью столь же различной, сколь и неожиданной. Вооруженная толпа врагов нашла безопасный доступ в город и ворвалась в него.

14. Вой персов со всех сторон поразил слух уцелевших защитников, и внутри стен разгорелась жестокая сеча. Толпы врагов и наших бились врукопашную, сходились лицом к лицу с мечом в руках, никому не было пощады. 15. Напрягая все свои силы, осажденные долго оставляли неизвестным исход боя: наконец они были рассеяны массой напиравшего неприятеля. Яростно рубили враги всех, кто попадался навстречу, резали младенцев, вырывая их из рук матерей, убивали и самих матерей; никто не осознавал, что он делал. Среди этих ужасов только жажда грабежа, еще более свойственная персам, чем жестокость, могла удержать от убийства,

и они с ликованием вернулись в свои палатки, нагруженные всякого рода добычей, ведя перед собою огромную толпу пленных.

16. Царь был вне себя от радости, так как он уже давно горел желанием взять Фениху, столь важную по своему местоположению крепость. Он покинул ее лишь после того, как самым надежным образом укрепил поврежденные части стен, оставил там достаточный запас провианта и поместил на охрану людей, славных своим происхождением и испытанных в военном деле. Он опасался, — как оно и вышло, — что римляне не примирятся с потерей такой важной крепости и придут осаждать ее с огромными силами.

17. Возгордясь больше прежнего, царь надеялся овладеть любым городом, который попадется ему на пути. Захватив несколько незначительных укреплений, он решил подступить к Вирте[16]. Это очень древняя крепость, ее считают сооруженной Александром Македонским; расположена она на самой границе Месопотамии. Окружавшие ее стены изгибались выступами, и сооружения всякого рода делали ее неприступной. 18. Царь действовал разными способами: то старался переманить на свою сторону гарнизон обещаниями, то грозил страшными карами; несколько раз принимался строить валы и пытался подвести осадные орудия. Потерпев больше потерь, чем нанеся вреда неприятелю, он оставил наконец безнадежные попытки и отступил.

8

1. Таковы были события, разыгравшиеся в тот год между Тигром и Евфратом. Констанций получал частые донесения, но, не смея выступить в поход против персов, провел зиму в Константинополе и с большой предусмотрительностью снабжал восточную границу всяким боевым снаряжением. Он делал запасы оружия, набирал рекрутов, пополнял крепкими молодыми солдатами легионы, которые пользовались на востоке славою за свое участие не в одной большой битве, а кроме того, вызывал вспомогательные отряды скифов (готов) за деньги или просьбами, собираясь с началом весны выступить из Фракии и немедленно усилить нуждавшиеся в подкреплении пункты.

2. Между тем Юлиан, находясь на зимних квартирах в

Паризиях, пребывал в тревожном ожидании того, каков будет исход совершенного им переворота. Обдумывая со всех сторон положение, он понимал, что Констанций, относившийся к нему с величайшим презрением, никоим образом не признает свершившегося факта. 3. Внимательно обдумав положение дел, он решил отправить к нему послов, чтобы они доложили ему о случившемся; он вручил им также письмо, в котором откровенно рассказывал о происшедшем и излагал свои соображения насчет того, какие действия следовало предпринять в дальнейшем.

4. Хотя он предполагал, что император давно уже знал все из донесений Деценция, недавно вернувшегося ко двору, а также и от кубикуляриев, которые должны были вернуться из Галлии, передав Цезарю часть сборов с этой страны*. В тоне его письма не было ничего ни вызывающего, ни оскорбительного, чтобы не могло показаться, что он сгоряча сделал переворот. Содержание письма было приблизительно таково.

5. «Я сохранял, сколько было возможно, непоколебимую верность своим принципам в своем личном поведении, как и в выполнении взятых на себя обязательств, и это с очевидностью ясно из множества фактов. 6. С того момента как ты, предоставив мне достоинство Цезаря, послал меня на грозный шум битвы, я довольствовался предоставленной мне властью и, как верный твой слуга, доводил до твоего сведения частые вести о следовавших одна за другой желанных удачах, нимало не придавая значения опасностям, которым я лично подвергался. Хотя можно было бы с несомненностью доказать, что в воинских трудах на обширной территории германцев, где живут в смешении разные племена, меня видели первым, а в отдохновении от трудов — последним. 7. Если же теперь произошла, как ты думаешь, некоторая перемена, то позволю себе, с твоего разрешения, сказать следующее. Солдаты, жертвовавшие собой во многих тяжелых походах без видов на награду, исполнили свое давнее решение: они тяготились командиром второго ранга, полагая, что им не дождаться от Цезаря наград за продолжительный труд и многочисленные победы.

8. Раздражение их по поводу того, что они не получали ни

* Сохраняем чтение ad Caesarem, Гардтгаузен исправил: ad Caesaream.

повышения в чине, ни ежегодного жалованья, усилилось из-за неожиданного приказания им, людям привычным к климату холодных стран, двинуться в отдаленные области востока, покинуть жен и детей и совершать переход без денег и экипировки. И вот, раздраженные сверх меры, они, собравшись ночью, окружили дворец и стали громко кричать: "Юлиан Август!" 9. Признаюсь, меня охватил ужас. Я ушел от них подальше и, пока это было возможно, искал спасения в молчании, скрываясь в отдаленных покоях. Но когда уж нельзя было оттягивать решение, я вышел под щитом, если можно так выразиться, моей чистой совести и встал на виду у всех, полагая, что удастся успокоить волнение авторитетом и ласковым увещанием. 10. Но они были возбуждены до предела и дошли до того, что, когда я попытался сломить их упорство просьбами, не раз бросались на меня, угрожая смертью. Я был наконец побежден, и, успокаивая себя сознанием того, что другой, если меня убьют, с радостью провозгласит себя императором, я дал им свое согласие, надеясь успокоить эту вооруженную силу.

11. Вот как все это случилось, и я прошу тебя, отнесись к этому спокойно. Верь, что мое сообщение совершенно точно, и не слушай зложелательных наушников, которые по своему обычаю раздувают ссоры между государями в своих личных интересах; напротив, отогнав прочь лесть, которая всегда является кормилицей пороков, дай силу справедливости, этой самой высшей среди всех добродетелей. Прими благожелательно справедливые условия, которые я предлагаю, и признай, что это будет на пользу как Римскому государству, так и нам самим, которые связаны между собою единством крови и высотою верховного сана. 12. Прости меня, но я не столько желаю видеть осуществленными эти разумные требования, сколько знать, что ты их одобряешь и признаешь полезными; а сам я со своей стороны готов в будущем почтительно принимать твои указания.

13. В нескольких словах я расскажу тебе, что необходимо сделать. Я буду тебе поставлять упряжных лошадей из Испании и для укомплектования гентилов и скутариев посылать молодых летов из варварских семейств, живущих по нашу сторону Рейна, или также из тех варваров, которые добровольно к нам переходят. Я принимаю на себя обязательство исполнять это не только с охотой, но и с величайшим рвени-

ем до самой моей смерти. 14. Назначение префектов претория из людей, известных своей честностью и заслугами, будет делом твоего милостивого усмотрения; назначение же остальных гражданских чиновников и офицеров армии правильно будет предоставить мне, как и прием людей в мою свиту. Ведь было бы неразумно, если есть возможность действовать предусмотрительно, приближать к особе императора таких людей, характер и настроение которых ему неизвестны.

15. Вот что, однако, позволю себе заявить без малейшего колебания: галлы, пострадавшие от продолжительных тревог и испытавшие много тягчайших бедствий, не будут в состоянии ни по своей воле, ни по принуждению поставлять рекрутов в далекие чужие земли; они уже сейчас подавлены воспоминаниями о прошлых событиях, и если их молодые силы будут истощаться, то они придут в полное отчаяние в предвидении грядущей гибели. 16. Не подобает вызывать отсюда вспомогательные отряды для борьбы с парфянскими племенами, когда до сих пор не устранена здесь угроза варварских нашествий и когда, если позволишь сказать правду, эти провинции, истерзанные непрерывными бедствиями, сами нуждаются в помощи извне, и даже значительной.

17. Я изложил мои советы и, думаю, полезные, мои требования и просьбы. Не хочу показаться высокомерным, но знаю, из каких трудных и отчаянных положений благополучно выводило государство согласие государей, уступавших друг другу, и мне ясно из примеров прошлого наших предков, что правители, державшиеся такого образа мыслей, находили всегда путь к благополучной жизни и оставили самым отдаленным потомкам добрую о себе память».

18. К этому письму Юлиан приложил другое, секретное, для передачи Констанцию втайне, содержавшее в себе порицания и едкие нападки. Получить точные сведения насчет его содержания я не имел возможности; а если бы она и была, то не стоило бы разглашать его.

19. Для выполнения этого поручения избраны были Пентадий, магистр оффиций, человек авторитетный, и Евтерий[17], бывший в ту пору препозитом царской спальни. Им было приказано рассказать Констанцию после подачи письма все, что они видели без малейшей утайки, и в том, что дальше может случиться, действовать твердо и решительно.

20. Между тем разыгравшиеся события были уже представлены в превратном освещении Констанцию бежавшим из Галлии префектом Флоренцием. Предчувствуя бунт из-за вызывающего поведения солдат, уже ясного из разговоров, он намеренно удалился в Виенну под тем предлогом, что забота о провианте вынуждает его покинуть Цезаря; а на самом деле он боялся Юлиана, так как нередко бывал с ним недостаточно вежлив. 21. Когда же он узнал, что тот получил верховную власть, то в ужасе мало надеялся, и даже вовсе терял надежду, спасти свою жизнь. Пользуясь тем, что находился далеко, он устранился от бед, которых опасался, и, оставив всю свою семью, поспешно отбыл к Констанцию; а чтобы выставить себя ни в чем не повинным, стал возводить на Юлиана всякие обвинения, выставляя его бунтовщиком. 22. После его отъезда Юлиан, со свойственным ему благородством и желая дать понять, что он бы его пощадил, если бы тот остался, приказал отправить на восток его семью и имущество, оставшееся в неприкосновенности, предоставив для этого право использовать государственную почту.

9

1. Быстро собрались в путь послы Юлиана с поручениями, о которых я сказал. Но когда во время путешествия им приходилось встречаться с чинами высшего ранга, они испытывали разные затруднения. После продолжительных и неприятных задержек в Италии и Иллирике они переправились наконец через Боспор, подвигались вперед в медленных переездах и застали Констанция все еще в Кесарии Каппадокийской. Этот город назывался некогда Мазака;[18] удобно расположенный и многолюдный, он находится у подошвы Аргейских гор. 2. Будучи допущены к императору, послы передали ему письма Юлиана. Император прочел их и воспылал страшным негодованием: смерть метал послам взор его косящих глаз. Ни о чем не спросив их и ничего сам не сказав, он приказал им удалиться. 3. Как бы ни был он раздражен, он пребывал, однако, в тяжелых сомнениях: приказать ли ему войскам, на верность которых он мог рассчитывать, двинуться против персов или же против Юлиана. После долгих колебаний он отдал, однако, приказ двинуться в поход на восток, согласившись с мнением некоторых разумных советников. 4. Посольство Юлиана он

немедленно отправил назад и приказал своему квестору Леоне спешно отправиться в Галлию к Юлиану с письмом, в котором он заявлял, что никоим образом не дает своего соизволения на совершившийся переворот, и внушал Юлиану, если тот дорожит жизнью своей и своих близких, оставить высокомерные притязания и довольствоваться саном и властью Цезаря.

5. А чтобы вызвать страх перед своими угрозами, он, как бы показывая уверенность в своих силах, назначил префектом претория на место Флоренция Небридия, бывшего тогда квестором при Юлиане, магистром оффиций — нотария Феликса и сделал еще несколько назначений на другие должности. А Гумоария еще до того, как стало известно об этих событиях, он назначил магистром армии на место Лупицина.

6. Леона по прибытии в Паризии был принят соответственно своему рангу и почтенным качествам. На следующий день на военный плац вышел император, окруженный многочисленными воинами и толпой простого народа, которую он умышленно созвал, взошел на трибунал, чтобы быть более на виду, и приказал вручить письмо Констанция. Когда же, приступив к чтению с начала, он дошел до места, где Констанций, порицая все действия Юлиана, предлагал ему остаться Цезарем, отовсюду загремели грозные крики: 7. «Август Юлиан, ты избранник провинциалов, солдат, государства — государства, которое восстало к новой жизни, но до сих пор пребывает в страхе перед варварскими вторжениями». 8. Нечего было больше слушать Леоне: с письмом Юлиана, в котором значилось то же самое, он беспрепятственно пустился в обратный путь. Одного лишь Небридия Юлиан допустил к префектуре, так как он еще в своем прежнем письме к Констанцию, до переворота, сам заявил, что это назначение кажется ему подходящим. Магистром оффиций он сам уже раньше назначил Анатолия, который стоял во главе канцелярии прошений; было еще несколько назначений лиц, которых он считал подходящими и для себя полезными.

9. Хотя Лупицин во время этих событий отсутствовал и все еще находился в Британии, но его боялись, как человека гордого и несговорчивого, допуская возможность, что, узнав за морем обо всем происшедшем, он может поднять знамя бунта. И вот был отправлен в Бононию* нотарий для строго-

* Булон-сюр-мер.

го надзора за тем, чтобы никто не переправлялся через пролив в Британию. Благодаря этому запрету Лупицин вернулся в полном неведении обо всем случившемся и не мог вызвать никаких затруднений.

10

1. Радуясь своему возвышению и преданности солдат, Юлиан был озабочен тем, чтобы их рвение не остыло, и они не стали поносить его самого за трусость и бездействие. Поэтому, отправляя посольство к Констанцию, он выступил в поход к границам Второй Германии. Снабженный всяким снаряжением, которого требовало предстоящее ему дело, он поспешил к городу Трицезимам*. Переправившись там через Рейн, он сделал набег на область аттуарийских франков, беспокойного народа, который совершал дерзкие набеги на окраины Галлии. Франки вовсе не ожидали нападения, чувствуя себя в полной безопасности, так как каменистые дороги затрудняли к ним доступ и они не помнили, чтобы когда-либо на их территорию вступал какой-либо император. Победа досталась Юлиану без труда, множество народа было перебито или взято в плен. Уцелевшие просили мира, и Юлиан предоставил им мир на таких условиях, которые счел подходящими, имея при этом в виду интересы пограничного населения. 3. С такой же быстротой переправившись через реку на обратном пути, он внимательно осматривал и исправлял пограничные укрепления и так дошел до Равраков**. Захватив вновь местности, которые были захвачены варварами и до этого оставались в их власти, и побеспокоившись наилучшим образом об их укреплении, Юлиан вернулся через Безанцион*** в Виенну.

11

1. Так шли дела в Галлии. Пока Юлиан действовал здесь с таким успехом и осторожностью, Констанций вызвал к себе армянского царя Арсака, принял его чрезвычайно любезно и всячески убеждал оставаться нашим верным другом. 2. Он

---

* Келлен близ Клеве.

** Местность нын. Базеля.

*** Безансон.

слышал, что персидский царь не раз делал попытки, прибегая к коварству, угрозам и хитрости, побудить Арсака оставить союз с Римом и перейти на его сторону. 3. Арсак многократно клялся, что он скорее положит свою жизнь, чем переменит свой образ мыслей. Констанций щедро одарил его самого и его свиту. Арсак вернулся в свое царство и не посмел потом изменить своим обещаниям, будучи связан с Констанцием многообразными проявлениями милости к нему императора. Так, между прочим, он выдал за Арсака замуж Олимпиаду, дочь Аблаба, занимавшего некогда пост префекта претория, которая была невестой его брата Константа. 4. Отпустив Арсака, Констанций двинулся из Каппадокии через Мелитену*, город Малой Армении, Лакатены и Самосату, переправился через Евфрат и прибыл в Эдессу**. Там он ожидал подходившие к нему со всех сторон воинские отряды, делал большие запасы провианта и промедлил довольно долго. Только после осеннего равноденствия он выступил в направлении Амиды***.

5. Когда он подошел близко к этому месту, то, рассматривая обгоревшие развалины и следы разрушения, стонал и плакал, вспоминая о бедствиях, постигших несчастный город. Случайно находившийся рядом Урсул, заведовавший государственной казной, воскликнул в глубоком волнении: «Вот с каким мужеством защищают города солдаты, на жалование которым расходуются средства государства». Позднее в Халкедоне припомнили ему военные люди это жесткое слово, и оно принесло ему гибель[19].

6. От Амиды Констанций двинулся дальше, ведя войска плотными колоннами. Подойдя к Безабде, он разбил лагерь и, окружив его валом и глубоким рвом, стал издали объезжать окрестности этой крепости, причем он слышал от многих, что укрепления, пришедшие в негодность от отсутствия заботы, обветшавшие, восстановлены наилучшим образом. 7. Чтобы не упустить ничего, что можно было сделать перед началом военных действий, он послал умелых людей и предложил гарнизону на выбор: или, оставив без кровопролития чужой город, вернуться к своим, или перейти на сторону римлян, с верной надеждой на повышения и награды. Но так

* Ныне Малация.
** Ныне Офра.
*** Об осаде и взятии этого города персами см.: 19, 2, 3—14.

как защитники принадлежали к знатным родам и были проверены в боевых трудах и опасностях, то пришлось готовиться к осаде.

8. Тесным строем, при ободряющем звуке труб, войска с воодушевлением подошли к городу со всех сторон. Легионы построились небольшими отрядами и, под прикрытием сдвинутых щитов мало-помалу продвигаясь вперед, пытались штурмовать стены. Но так как снаряды всякого рода тучей сыпались на подходящих и пробивали прикрытие сдвинутых щитов, то дан был отбой, и войска отошли. 9. Следующий день дан был на отдых. На третий день римляне, старательно подготовив штурмовые щиты, пытались со всех сторон подойти к городу, поднимая повсюду бранный крик. Хотя защитники, чтобы не быть на виду у неприятеля, скрывались за протянутыми киликийскими войлочными завесами, однако всякий раз, когда того требовала необходимость, смело высовывая руки, метали вниз камни и стрелы. 10. А когда наши отважно продвигали вперед фашины и они оказывались у самых стен, то сверху падали бочки, огромные камни, обломки колонн. Эти страшные тяжести валились на осаждавших, их прикрытия получали большие проломы, и они отступали с величайшей опасностью. 11. На десятый день после начала военных действий, когда уверенная отвага наших вызывала большое уныние внутри крепости, было решено придвинуть к стенам огромный таран, ударами которого персы некогда разрушили Антиохию[20]. Они увезли его оттуда, но потом оставили в Каррах. Внезапное появление этого превосходно сделанного орудия так удручающе подействовало на осажденных, что они почти готовы были к капитуляции; но воспрянули духом и стали принимать меры защиты против этой грозной машины. 12. Тут обе стороны проявили в равной мере как дерзкую отвагу, так и разумную осторожность. Пока устанавливали старый, разобранный на части для удобства перевозки* таран, осаждающие, применяя все приемы военного искусства и напрягая все силы, крепко и настойчиво его защищали; выстрелы орудий, тучи камней и стрел убивали множество народа с той и с другой стороны. Насыпные валы быстро росли ввысь, осада со дня на день становилась все ожесточеннее. С нашей стороны много людей

* После *veheretur* ставим запятую, которой нет у Гардтгаузена.

гибло от того, что, сражаясь на глазах императора, они в надежде на отличия снимали шлемы, чтобы можно было узнать их в лицо; тут-то и поражали их меткие стрелки неприятеля. 13. Днем и ночью самым бдительным образом отправляли с той и другой стороны караульную службу. Персы со страхом следили за увеличением высоты насыпей, с ужасом взирали на огромный таран, за которым уже следовали меньшие. Они прилагали величайшие усилия, чтобы сжечь все осадные орудия, но стрелы с огнем и брандеры, которые они метали, не давали результата, потому что деревянные части были в основном покрыты мокрыми кожами и попонами, а другие тщательно смазаны квасцовым раствором в предупреждение действия падавших на орудия огненных снарядов. 14. С большой отвагой продвигали римляне свои тараны, и хотя охрана их требовала величайших усилий, но в пламенном желании овладеть городом, они не отступали перед самыми очевидными опасностями. 15. Защитники крепости со своей стороны, когда самый большой таран был уже совсем близко и готов был начать громить возвышавшуюся перед ним башню, ловко ухитрились поймать сетью его выступающий вперед железный лоб, который действительно имеет вид бараньей головы, и задержали его длинными канатами, так что нельзя было дать ему размаха, отводя его назад, и громить стену учащенными ударами. Кроме того, они лили расплавленную смолу. И долго стояли в бездействии наши продвинутые вперед орудия, осыпаемые огромными камнями и стрелами.

16. Насыпи росли все выше и выше; защитники, имея уже перед глазами верную гибель, если они не примут особых мер предосторожности, решились на последнее средство и сделали внезапно вылазку. Бросившись на наши передовые посты, они метали со всей силы на тараны факелы и наполненные горючим материалом горшки. 17. После ожесточенной схватки нападавшие, ничего не достигнув, были отброшены в город и опять появились на зубцах стен; но римляне поражали их с валов стрелами, камнями из пращей и огненными снарядами. Эти последние перелетали через крыши башен, но падали, не причиняя, как правило, вреда, так как наготове стояли пожарные команды.

18. Число бойцов уменьшалось с той и с другой стороны, и гибель грозила персам, если не выручит их какое-либо чрезвычайное усилие. И вот они решились сделать вылазку,

подготовив ее самым тщательным образом. Целыми толпами вышли они из ворот; лучшие бойцы, разместившись между солдатами, которые несли горючие материалы, стали метать в деревянные части орудий железные корзины, наполненные горючими составами, хворост и другие легко воспламеняющиеся вещества. 19. Черные тучи дыма закрывали всякий просвет; по боевому сигналу труб быстрым шагом пошли в бой легионы. Битва разгоралась все жарче, и, когда дошло дело до рукопашной, вдруг все осветило зарево пожара: огонь побежал по орудиям, все они горели, кроме самого большого тарана. Этот последний, разрубив канаты, которыми его опутали, храбрецы с величайшим напряжением всех сил еле-еле оттащили в полуобгорелом виде.

20. Когда ночной мрак положил конец битве, войскам дан был короткий отдых. Едва они подкрепились пищей и непродолжительным сном, командиры подняли их на ноги и приказали отодвинуть подальше от стены осадные орудия, так как теперь предполагалось вести бой с высоких насыпей, которые были уже закончены и поднимались выше стен. А для того, чтобы легче сгонять со стен защитников, были поставлены на самых высоких пунктах валов две баллисты, и можно было предполагать, что в страхе перед ними никто не посмеет даже выглянуть. 21. По окончании этих подготовительных работ на самом рассвете дня наши войска построились в три колонны; грозно колыхались султаны на шлемах, солдаты несли штурмовые лестницы и шли на приступ. Раздался гром труб, лязг оружия, и начался бой с равным ожесточением с обеих сторон. Шире раздвинули свой строй римляне, видя, что персы прячутся в страхе перед поставленными на валах баллистами, и стали громить тараном башню; с кирками, секирами, ломами и лестницами подходили они к стене; тучи снарядов летели с той и с другой стороны. 22. Однако персы терпели больший урон, так как снаряды баллист, падавшие с высокого сооружения, летели на них, как по отвесу. Видя перед собой неизбежную гибель, они шли на верную смерть. Они разделили между собою, насколько допускало отчаянное положение дел, ратный труд: одни оставались для защиты стен, а бóльшая часть, незаметно открыв ворота, выступила из крепости с мечами наголо, и за ними следовали люди, несшие горючие материалы. 23. Пока римляне атаковали отступавших и бились врукопашную с бросавшимися вперед, те, что несли

горючие материалы, добравшись наперерез ползком, подсунули угли в скрепы вала, состоявшие из брусьев различных деревьев, лозняка и пучков камыша. Пламя быстро охватило этот сухой горючий материал, и наши солдаты с большой опасностью успели очистить вал и спасти баллисты. 24. Когда же наступление вечера положило конец битве и обе стороны разошлись на краткий отдых, император стал колебаться в своих мыслях: с одной стороны, самые основательные мотивы побуждали его настаивать на взятии Фенихи, потому что эта крепость являлась неодолимой твердыней против вражеских нашествий; с другой стороны, позднее время года заставляло помышлять о возвращении назад. Он решил задержаться здесь еще на некоторое время, не доводя дела до серьезного боя: у него была надежда, что, быть может, недостаток продовольствия заставит персов сдаться. Но его ожидания не оправдались. 25. Пока продолжалась война в этом ослабленном виде, наступило влажное время года, и дождевые тучи навели на землю грозный мрак. Почва так размокла от постоянных дождей, что глинистый грунт тех мест с его жирным растительным слоем превратился в сплошную невылазную грязь. Беспрерывные раскаты грома и постоянные молнии нагоняли ужас на робкие умы. 26. К тому же на небе постоянно виднелись радуги. Кратко я объясню, в чем причина такой формы этого явления природы.

Более теплые испарения земли и влажный пар собираются в тучи. Разреживаясь в виде мелких капель и становясь светлыми от смешения с лучами солнца, эти пары громоздятся против самого солнечного диска. Так образуют они радугу, которая принимает круговую форму, потому что возникает в надземном пространстве, которое, по учению физиков, имеет вид полусферы. 27. Первый круг ее представляется человеческому глазу красным, второй — желтым или оранжевым, третий — пурпурным, четвертый — фиолетовым, пятый — голубым, отливающим в зеленый цвет*. 28. Причина этого изящного сочетания цветов, как понимает это человеческий разум, состоит в том, что первая полоса радуги представляется, вследствие воздействия цвета воздуха, более бледной, следующая полоса — желтая, т. е. окрашена сильнее, чем первая,

* Чтобы снять с себя ответственность за порядок цветов спектра, приведем слова автора: prima lutea visitur, secunda flavescens vel fulva, punicea tertia, quarta purpurea, postrema caerulo concreta et viridi.

третья — пурпурная, потому что она, будучи противопоставлена блеску солнца, в соответствии с восприимчивостью воздуха, втягивает в себя самый чистый блеск; четвертая потому фиолетовая, что блеск солнца, из-за густоты мелькающих капелек, как бы тухнет и производит на глаз впечатление огненно-красного цвета, который по мере рассеяния переходит в голубой и зеленоватый.

29. Другие ученые полагают, что появление радуги тогда бывает видно на земле, когда лучи солнца, проникнув в густую, ниже обычного опустившуюся тучу, вольют в нее жидкий свет, который, не находя выхода и сгущаясь, блестит от чрезвычайного трения, и притом цвета, приближающиеся к белому, заимствует от выше над ним стоящего солнца, а зеленоватые получает от уподобления с находящейся над ним тучей. Подобное явление замечается на море, где белы те волны, которые бьют о берег, а более далекая от берега масса воды представляется безо всякого смешения голубой.

30. И так как радуга является знамением перемены погоды, как я сказал, предвосхищая в сухую погоду клубы туч или же, наоборот, водворяя на закрытом раньше небе ясную радость; то у поэтов Ирида[21] (радуга) посылается с неба, когда необходимо изменить существующее положение дел. Есть и разные другие мнения, перечислять которые было бы теперь излишне, и я спешу вернуться к своему повествованию, на том месте, где его прервал.

31. Император, из-за изложенных обстоятельств, колебался между страхом и надеждой, так как зима близилась и в этих бездорожных местностях легко можно было ожидать засад; тревожила его мысль о возможности бунта раздраженных солдат. Кроме того, его мучило сознание, что он как бы постоял перед открытой дверью богатого дома и вынужден, ничего не достигнув, вернуться назад. 32. Итак, он отказался от безнадежного предприятия. Намереваясь зимовать в Антиохии, он вернулся в бедствовавшую Сирию, потерпев жестокий удар, оставшийся неотомщенным и долго возбуждавший скорбные воспоминания. Как будто в силу неблагоприятного расположения звезд, когда Констанций лично выступал на войну с персами, судьба ему не благоприятствовала. Поэтому он стремился одержать над ними победу хотя бы в лице своих полководцев, что действительно удавалось ему несколько раз.

Книга XXI

(годы 360—361)

1. Август Юлиан празднует в городе Виенне пятилетие своего правления. О том, как он узнал, что Август Констанций скоро умрет. О различных способах узнавать будущее.
2. Август Юлиан в Виенне выдает себя за христианина, ради привлечения на свою сторону народной массы и в праздничный день молится Богу в церкви среди христиан.
3. Царь аламаннов Вадомарий, нарушив договор, опустошает с помощью высланных отрядов границы империи. Убийство комита Либинона и нескольких наших воинов.
4. Август Юлиан, перехватив письмо Вадомария к Августу Констанцию, организовал захват его на пиру. Перебив одних аламаннов, а других приняв в подданство, он заключил с остальными мирный договор.
5. Август Юлиан произносит речь перед своими солдатами и приводит их всех к присяге на свое имя, собираясь начать войну с Августом Констанцием.
6. Август Констанций женится на Фаустине. Он пополняет новыми контингентами свое войско, привлекает на свою сторону дарами царей Армении и Иберии.
7. Август Констанций, находясь тогда в Антиохии, удерживает под своей властью Африку через нотария Гауденция. Перейдя через Евфрат, он направляется с войсками в Эдессу.
8. Август Юлиан, устроив дела в Галлии, направляется к берегу Дуная и посылает вперед части своих сил через Италию и Рэцию.
9. Консулы Тавр и Флоренций, они же префекты претория, первый в Иллирике, второй — в Италии, бегут при при-

ближении Августа Юлиана. Захват магистра конницы Луциллиана, который собирался дать отпор Юлиану.

10. Август Юлиан принимает под свою власть Сирмий, столицу западного Иллирика, вместе с его гарнизоном и посылает в сенат письмо, направленное против Констанция.
11. Два легиона Констанция, которые перешли к Августу Юлиану в Сирмии, будучи посланы им в Галлию, захватывают Аквилею с согласия горожан и запирают ворота перед войсками Юлиана.
12. Осада Аквилеи, ставшей на сторону Констанция. Когда позднее стало известно о смерти Констанция, Аквилея сдалась Юлиану.
13. Сапор отводит домой свои войска, так как предзнаменования говорили против войны. Август Констанций держит в Гиераполе речи перед своими солдатами, собираясь начать поход против Юлиана.
14. Предсказания смерти Августа Констанция.
15. Смерть Августа Констанция в Мобсукренах в Киликии.
16. Хорошие и дурные качества Августа Констанция.

1

1. В то время как Констанций из-за неудачного хода военных действий был оттеснен за Евфрат; Юлиан, находившийся в Виенне, проводил дни и ночи за выработкой плана действий на ближайшее будущее. Стараясь, насколько это позволяли скудные средства, поднять свое значение, он, однако, постоянно находился в сомнениях насчет того, следует ли ему достигать всеми способами соглашения с Констанцием или же самому начать наступательные действия, чтобы внушить ему страх. 2. Тщательно обдумывая это, он боялся и того, и другого: в дружбе Констанций был жесток, а в междоусобных войнах часто имел успех, — то и другое пугало Юлиана. Особенную тревогу вызывала в нем участь его брата Галла, которого погубили его собственная бездеятельность и клятвопреступные и обманные действия некоторых людей. 3. Иногда он чувствовал твердую решимость действовать и считал наиболее безопасным открыто выступить против того, чей образ мыслей он, как умный человек, угадывал по его прежним поступкам и кого он достаточно хорошо знал для того, чтобы не дать завлечь себя в ловушку притворной дружбой. 4. Не придав значения тому, что Констанций написал ему через Леону* и не признав ни одного из сделанных им назначений за исключением Небридия, он отпраздновал, уже как Август, пятилетие своего правления[1]. Теперь он стал появляться в великолепной диадеме, блиставшей драгоценными камнями, тогда как в начале своего принципата надевал простой венец и скорее походил на ксистарха** в пурпуре, чем на императора. 5. В это время он отправил в Рим останки своей покойной

* 20, 9, 3—8.
** Т. е. посредник в состязаниях.

жены Елены[2] для погребения вблизи города на Номентанской дороге, где была похоронена также ее сестра Константина, жена Галла.

6. Значение имело еще одно обстоятельство, пробуждавшее в нем желание теперь, когда в Галлии был установлен мир, напасть первому на Констанция, а именно то, что на основании разных примет, разгадывать которые он был мастер, и видений во сне, он предвидел близость его кончины. 7. Так как желающие зла люди приписывают этому ученому и стремящемуся ко всяким знаниям государю преступные способы узнавать будущее, то мне придется дать краткое объяснение того, каким образом мудрый человек может приобрести и этот важный вид знания.

8. Проникающее все элементы (стихии), как тела, вечно пребывающие, духовное начало, обладая всегда и везде живой силой предчувствия, сообщает нам дар непосредственного предвидения на основании тех явлений, которые мы стараемся постигнуть путем разных наук*. А субстанциальные силы (демоны), умилостивление которых производится разными способами, дают смертным вещие слова как бы из никогда не иссякающих родников. Властвует над ними, как полагают, Фемида[3], названная так потому, что она наперед открывает неизменные решения рока, которые по-гречески называются τευειμένα. Поэтому древние теологи и поместили ее на ложе и престоле Юпитера, знаменующего животворящую силу.

9. Авгурии и ауспиции[4] исходят не от птиц, не знающих будущего, — ведь этого не станет утверждать даже самый ограниченный человек, — но бог направляет полет птиц так, что исходящий из клюва звук и быстрое или медленное движение крыльев открывают будущее. Ибо благое божество — потому ли, что люди этого заслуживают, или же потому, что оно сочувствует им, — любит и этими способами открывает им грядущее.

10. Точно так же люди, умеющие исследовать вещие внутренности животных, которые могут открывать несчетное разнообразие изменений, узнают по ним будущее. Эту науку открыл некто Тагет, который, как гласит предание, внезапно появился из недр земных в Этрурии.

---

* Изысканный подбор слов выражает мысль, по-видимому, не совсем ясную для самого автора. После слова *corporum* следует поставить запятую.

11. Открывает грядущее и дух человеческий, когда он находится в состоянии вдохновения и изрекает божественные глаголы. Причина этого в том, что Солнце, мировой разум по определению физиков, источает из себя наши души, как искры, и когда оно сильнее их воспламенит, то делает их способными познавать будущее. Потому-то и сивиллы[5] часто говорят о себе, что они пылают, сжигаемые мощным пламенем. Кроме того, много знамений дают случайно раздающиеся голоса, встречающие человека явления, особенно удары грома, молния, а также падающие звезды.

12. Можно было бы вполне и без всяких сомнений полагаться на сны, если бы истолкователи не ошибались в объяснениях. Иногда, как утверждает Аристотель[6], сны вполне достоверны, а именно: когда зрачок крепко спящего человека, не отклоняясь ни в ту, ни в другую сторону, смотрит совершенно прямо. 13. Невежественные простаки иной раз подымают голос и наивно ставят вопрос так: если бы существовало предчувствие и некое знание будущего, то почему тот не знал, что ему предстоит пасть в сражении, а другой, что ему грозит то или иное бедствие. На это достаточно будет дать такой ответ: и грамматик иной раз выразится неправильно, и музыкант возьмет иной раз фальшивую ноту, и врач ошибется в лекарстве, но это не мешает существовать грамматике, музыке, медицине. 14. Прекрасно, как всегда, высказался по этому поводу Туллий (Цицерон): «Знамения будущего даются нам богами. Если кто ошибся в них, то причина погрешности не в богах, а в человеческом толковании»*. Но чтобы не утомить читателя этим далеко ушедшим в сторону отступлением, возвращусь к изложению дальнейших событий.

2

1. Когда однажды в Паризиях Юлиан, будучи еще Цезарем, совершенствовался на поле для упражнений в разных воинских приемах со щитом, выскочило деревянное покрытие, обрамленное кругом, и в руке у него остался один обод; крепко держа его, он продолжал делать приемы. 2. Все при-

* *Cic.* De nat. deorum, II, 4, 12: in his si qui erraverunt, non deorum natura, sed hominum coniectura peccavit.

сутствующие испугались дурного предзнаменования, но он сказал: «Нечего пугаться: крепко у меня в руке то, что я держал». Потом, когда однажды в Виенне он отошел ко сну совершенно трезвый, в страшный полночный час перед ним во блеске предстало видение, которое изрекло совершенно ясно, хотя он не просыпался, следующие гекзаметры и несколько раз их повторило. Эти стихи внушили ему уверенность, что никакое несчастье не грозит ему в будущем:

«Когда Зевс совершит движение по широкому пределу славного Водолея, а Сатурн пройдет на 25 градусов созвездие Девы, тогда царь Асийской земли Констанций будет у предела жизненного пути, и его постигнет тяжкая горестная смерть».

3. Юлиан не занимался пока никакими изменениями существующего порядка, но с полным спокойствием разбирался во всех текущих делах, стараясь исподволь укрепить свое положение, чтобы возрастание сил шло в соответствии с возвышением его сана.

4. Желая расположить к себе всех без исключения, он притворялся, что привержен к христианскому культу, от которого втайне давно отошел. Он отдавался — о чем знали немногие посвященные в его секреты — гаруспицине[7], авгуриям и соблюдал все то, что всегда чтили поклоняющиеся богам. 5. А чтобы сохранить это пока в тайне, в праздник, приходившийся в январе месяце, который христиане зовут Епифании[8], он посетил церковь и вышел из нее лишь по окончании службы.

3

1. Между тем, когда была уже близка весна, одно неожиданное известие повергло его в печаль и горе. Он узнал, что аламанны, выступив из области Вадомария; откуда после заключения договора нельзя было опасаться никакого нападения, грабят местности, пограничные с Рэцией, и, рассеявшись в грабительских набегах, производят страшные опустошения. 2. Оставить это без внимания значило бы создать опасность возобновления войны. Поэтому Юлиан отправил некоего комита Либинона с кельтами и петулантами, зимовавшими вместе с ним, чтобы тот поступил согласно обстоятельствам на месте. 3. Либинон быстро подошел к городу

Санкциону*. Издалека видели его варвары и, желая вступить в битву, укрылись в долинах. Ободрив своих солдат, которые были неравны варварам по численности, но горели желанием сразиться, Либинон без должной осмотрительности напал на германцев и был убит первым, в самом начале боя. Его смерть усилила дерзость варваров, воспламенила и римлян желанием отомстить за вождя. Битва была очень упорной, но, подавленные численностью неприятеля, наши были рассеяны, потеряв несколько человек убитыми и ранеными.

4. С этим Вадомарием и его братом Гундомадом, который был также царем, Констанций, как уже было сказано**, заключил мир. По смерти Гундомада Констанций, предполагая иметь в лице Вадомария верного союзника и молчаливого и деловитого исполнителя его тайных приказов, возложил на него, если только можно поверить молве, поручение, и писал ему, чтобы он время от времени тревожил, как бы в нарушение мирного договора, пограничные соседние с ним области; имелось при этом в виду воспрепятствовать Юлиану оставить охрану Галлии.

5. Согласно этим, как можно полагать, указаниям, Вадомарий наносил эти и подобные обиды. С ранней юности он был ловок на всякого рода обманы и хитрости, и показал это и впоследствии, когда в звании дукса управлял Финикией***. Но на этот раз он воздержался, будучи уличен одним обстоятельством, а именно: наши форпосты захватили нотария, которого он послал к Констанцию, и при обыске нашли у него письмо Вадомария, в котором тот помимо многого другого писал следующее: «Твоего Цезаря еще не вышколили». А в письмах к Юлиану он титуловал его владыкой, Августом и богом.

4

1. Такое положение дел заключало в себе большую опасность, и Юлиан видел, что оно может оказаться для него гибельным. Поэтому он сосредоточил на нем все свои мысли. Он задумал силой захватить Вадомария, чтобы тем самым обеспечить безопасность себе и провинциям. Для этого он

* Ныне Секинген.
** 18, 2, 16.
*** 26, 8, 2.

придумал такой план. 2. Он послал в те пределы нотария Филагрия, бывшего впоследствии комитом Востока, на предусмотрительность которого он полагался на основании прежнего опыта. В числе других поручений, которые тот должен был исполнить по обстоятельствам, он дал ему запечатанное письмо и приказал не открывать и не читать его, прежде чем не встретится лично с Вадомарием по эту сторону Рейна. 3. Филагрий отправился в путь, как ему было приказано. Когда он находился на месте и был занят различными делами, Вадомарий без малейшей опаски, как будто был глубокий мир, переправился через реку (Рейн) и вел себя так, как будто не знал за собой никакой вины. Встретившись с командиром расквартированных там солдат, он по обычаю обменялся с ним несколькими словами и, чтобы не оставить после своего отъезда ни малейшего подозрения против себя, обещал прийти к нему на обед, на который приглашен был также и Филагрий. 4. Как только последний вошел и увидел царя, он тотчас вспомнил слова императора. Под предлогом спешного и не терпящего отлагательства дела он вернулся на свою квартиру, прочитал письмо, из которого узнал, что он должен сделать, и, вернувшись на обед, занял свое место за столом среди гостей. 5. Когда обед окончился, он схватил Вадомария и приказал командовавшему там офицеру держать его под стражей у знамен. Затем он прочитал подлинный приказ императора и предложил свите Вадомария вернуться домой, так как относительно их не было никаких распоряжений. 6. Царь был препровожден в главную квартиру государя и утратил было всякую надежду на прощение, когда узнал, что его нотарий перехвачен и стало известно все, о чем он писал Констанцию. Но Юлиан, не упрекнув его ни одним словом, препроводил его в Испанию. Он имел в виду главным образом то, чтобы этот дикий человек, когда ему самому придется уйти из Галлии, не возмутил опять спокойствие провинций, которое стоило ему таких трудов. 7. Юлиан был очень доволен, что ему удалось скорее, чем можно было надеяться, захватить царя, которого он боялся в предвидении предстоящего похода в дальние страны. Теперь, не теряя времени, он решил сделать набег на варваров, которые, как я рассказал, убили в стычке комита Либинона и нескольких солдат. 8. А чтобы слух о его приближении не прогнал их в более отдаленные местности, Юлиан переправился через

Рейн глубокой ночью с легким отрядом вспомогательных войск и окружил их, когда они не ожидали ничего подобного. Пока они, проснувшись от лязга вражеского оружия, осматривали свои мечи и стрелы, он быстро их атаковал. Одни были перебиты, других, просивших пощады и предлагавших вернуть добычу, он принял в подданство, а остальным, уцелевшим в схватке и дававшим обещание сохранять полное спокойствие, предоставил мир.

5

1. Во время этих оживленных военных действий Юлиан не упускал из виду того, какой тяжелый внутренний переворот он вызвал, и вполне правильно понимал, что для внезапных предприятий самое важное условие — это быстрота действий. Поэтому он полагал, что для него будет безопаснее открыто объявить о своем отпадении от Констанция. А так как он не был вполне уверен в верности ему солдат, то, совершив тайно жертву Беллоне[9], созвал трубным сигналом войска на собрание и, встав на каменный помост, очевидно уже с бóльшей уверенностью, держал такую речь более громким, чем обычно, голосом.

2. «Давно уже, полагаю, вы, мои благородные товарищи, из-за совершившегося дела столь большой важности, размышляете каждый про себя и хотите узнать о плане действий, в котором должны быть взвешены ожидающие нас события и предупреждены с опасной для нас стороны. Солдату, сроднившемуся со славными деяниями, более подобает слушать, чем говорить, а честному полководцу принимать только такие решения, которые по достоинству можно хвалить и одобрять. Я хочу вам прямо сказать, что я задумал, и прошу вас, выслушайте благосклонно мою краткую речь.

3. Изволением Бога небесного я в ранней моей юности вошел в вашу среду. Я прекратил постоянные набеги аламаннов и франков, сокрушил их непрестанную дерзость, открыл общими нашими усилиями для римских войск Рейн и сделал его проходимым во всякое время; против угрожающих слухов и дерзких нашествий мощных народов стоял я недвижимо, опираясь на твердыню вашей храбрости. 4. Галлия — свидетельница трудов, нами понесенных; она, обновленная после стольких бедствий и потерь, столь тяжких и длившихся столь

долго, восславит нас перед потомством из века в век. 5. А теперь, когда авторитет вашего суждения и сила обстоятельств вознесли меня до сана Августа, я должен с Божьей помощью и при вашей поддержке, если судьба будет благоприятствовать моим начинаниям, увеличить свои задачи, вменяя себе в заслугу признание армии, прославившейся своею верностью долгу и воинской мощью, что в мирное время я проявил умеренность и спокойствие, а в непрестанном ряде войн с целым союзом племен — осмотрительность и осторожность. 6. А чтобы нашим тесным единодушием предупредить несчастные случайности, следуйте моему спасительному, как я думаю, совету, пока общее положение дел соответствует нашим намерениям и нашей воле. Пока иллирийские области не имеют еще усиленной охраны, мы беспрепятственно двинемся вперед и займем Дакию до самых ее границ, а потом примем, смотря по успехам, дальнейший порядок действий. 7. А вы, командиры войска, по обычаю доверяющих своему полководцу воинов, клятвенно обещайте мне прочное согласие и верность; я же, как всегда, буду прилагать самое настойчивое старание, чтобы ни в чем не было необдуманности или небрежения, и на деле докажу каждому, кто бы того ни потребовал, самую щепетильную совестливость в том, что сознательно не предприму и не попытаюсь предпринять ничего, кроме того, что будет иметь целью общую пользу. 8. Заклинаю и прошу вас, чтобы никто из вас в порыве возбуждения не доходил до притеснения частных лиц. Знайте, что наши бесчисленные победы над врагом прославили нас в такой же мере, как и неприкосновенность и благосостояние провинций».

9. Эта речь императора, принятая с таким одобрением, точно откровение какого-нибудь оракула, произвела сильное впечатление на собрание; солдаты, жаждущие политических переворотов, в полном единодушии подняли дикий крик, к которому примешивался страшный лязг щитов; они называли Юлиана великим и вознесенным вождем и — что знали на опыте — счастливым покорителем племен и царей. 10. Когда был отдан приказ всем присягнуть на имя Юлиана, солдаты, приблизив мечи к своим шеям, клялись по формуле со страшными заклятиями переносить за него всякие беды до последнего издыхания, если того потребует необходимость; после солдат офицеры и все ближайшие к государю чины клялись ему в верности с подобными религиозными обряда-

ми. 11. Из числа присутствовавших только префект Небридий воспротивился и выказал тем твердость своего характера: он заявил, что никоим образом не может связать себя клятвой против Констанция как человек, обязанный ему частыми и различными благодеяниями.

12. Когда это услышали близко стоявшие солдаты, то страшно возмутились и бросились на него, угрожая ему смертью; но император, к коленям которого тот припал, прикрыл его своим военным плащом. Когда же по возвращении во дворец Небридий приблизился к Юлиану и, пав на землю, молил его протянуть ему руку, чтобы освободить от страха, Юлиан сказал: «Какое же преимущество останется моим друзьям, если ты коснешься моей руки? Уходи отсюда спокойно, куда хочешь». Услышав эти слова, Небридий удалился к себе домой в Тусцию (Этрурию).

13. Принимая эти меры в своих интересах, как требовала того важность дела, и зная по опыту, как важно в тревожных положениях опередить своего противника, Юлиан отдал приказ выступить в Паннонию и, двинув армию в поход, бросился навстречу превратностям судьбы.

6

1. Теперь будет уместно вернуться назад и вкратце рассказать о событиях при дворе и в армии Констанция во время его зимовки в Антиохии, пока описанные события происходили в Галлии. Среди множества чинов высшего ранга были назначены для почетной службы при особе императора во время его пребывания в далекой окраинной области знатнейшие трибуны. 2. На торжественной встрече при возвращении его из Месопотамии Амфилохий, бывший трибун, родом из Пафлагонии, — он служил еще у Константа, и близкие к очевидности подозрения выставляли его виновником обострения раздора между царственными братьями, — позволил себе дерзко выступить, претендуя быть допущенным к участию в этой церемонии. Его узнали и отстранили; поднялся шум, и многие кричали, что этот нахальный изменник недостоин видеть свет солнца. На это Констанций с необычной для него мягкостью сказал: «Перестаньте нападать на человека, который, как я думаю, виноват, но еще не изобличен со всей очевидностью, и помните, что если он действи-

тельно виноват, то под моими взорами его накажет укор собственной совести, от которой он не может укрыться». Тогда его оставили в покое. 3. На следующий день на играх в цирке тот самый человек стоял против императора, как обычно. Вдруг поднялся крик в момент начала ожидаемого состязания: сломалась решетка, на которую он опирался, как и многие другие. Все упали на землю, ранены были лишь немногие, а он один нашел свою смерть. Оказавшийся как бы провидцем будущего, Констанций торжествовал.

4. Примерно в то же время Констанций женился на Фаустине[10], так как незадолго до этого умерла его жена Евсевия. Братья этой последней, Евсевий и Гипатий, были консулярами. Среди своих современниц Евсевия выделялась красотой и нравственными качествами и при своем высоком положении проявляла гуманность: я имел случай упомянуть, что ее справедливое покровительство спасло Юлиана от преследований и доставило ему звание Цезаря*.

5. В те же дни состоялось назначение Флоренция, который бежал из Галлии, боясь разыгравшегося государственного переворота**. Так как недавно умер Анатолий, префект претория в Иллирике, то на его место был назначен Флоренций, принявший инсигнии[11] высшей магистратуры (консульства) одновременно с Тавром, префектом претория в Италии.

6. Беспрепятственно шли между тем приготовления как к внешней, так и к внутренней войне: увеличивали количество конных легионов и вместе с тем укомплектовывали легионы привлекаемыми из провинций новобранцами; люди всех классов и всех профессий подвергались всяким поборам: все были обязаны доставлять одежду, оружие и орудия, а также золото и серебро, запасы различного провианта и транспортные средства всякого рода. 7. И так как со стороны персидского царя, который прекратил военные действия только из-за тягот зимнего времени, опасались с наступлением весны грозного нападения, то были отправлены к царям и сатрапам за Тигром послы с богатыми дарами, чтобы расположить их в нашу пользу и убедить их не замышлять против нас никакого коварства и вероломства. 8. А прежде всего старались купить великолепными одеждами и разнообразными

* 15, 2, 8.
** 20, 4, 8.

дарами Арсака и Мерибона, царей Армении и Иверии*, которые могли причинить вред римскому делу, если бы при тогдашних сомнительных обстоятельствах переметнулись на сторону персов. 9. Среди этих тревожных обстоятельств умер префект Гермоген и на его место был назначен Гельпидий родом из Пафлагонии. Это был человек весьма неприметельный и не речистый, но прямой по характеру, неспособный пролить чужую кровь и склонный к состраданию до такой степени, что, когда однажды в его присутствии Констанций приказал подвергнуть пытке одного невиновного, он совершенно спокойно стал просить снять с него сан и поручить другим, более сильным, людям вести это дело согласно желанию государя.

7

1. Трудное положение дел смущало Констанция, и он долго колебался, обратиться ли ему против Юлиана и направиться в далекие страны или сражаться с парфянами (персами), готовыми уже, как они грозились, перейти через Евфрат. Наконец, после многократных совещаний с командирами армии, он склонился к тому, чтобы, окончив ближайшую войну или, по крайней мере, ослабив ее грозу и не оставляя в тылу у себя никого, кто бы мог внушать страх, совершить поход через Иллирик и Италию и захватить, как он думал, Юлиана во время первых сборов, как затравленного на охоте зверя. Так он выражался иной раз о нем, желая успокоить своих людей. 2. Но чтобы не пребывать в бездействии и не вызвать впечатления, будто он совершенно лишил своего внимания войну на одной стороне, он повсюду распространял ужас своего прибытия и, опасаясь, как бы в его отсутствие не подверглась нашествию Африка, провинция, обладание которой предоставляло большие удобства для государей при всяких случайностях[12], он распустил слух о своем выступлении из восточных областей. На самом же деле он лишь послал в Африку морем Гауденция, того самого, о котором я раньше упоминал, что он был некоторое время приставлен в Галлии к Юлиану, чтобы следить за его поведением**. 3. Констанций имел два основания полагаться на ревностную

* Грузия.

** См.: 17, 9, 7.

исполнительность с его стороны: во-первых, то, что Гауденций боялся противной партии, как ее обидчик, и, во-вторых, то, что он, конечно, не упустит этого удобного случая угодить Констанцию, в окончательной победе которого он был убежден, как в ту пору решительно все вообще питали в том полную уверенность. 4. Когда Гауденций явился в Африку, то, в соответствии с поручением государя, письменно сообщил комиту Крециону и остальным командирам войск о положении дел, стал собирать отовсюду лучших солдат, перевел из обоих Мавританий[13] легкую кавалерию и учредил самую тщательную охрану побережья против Аквитании и Италии. 5. Эти предупредительные меры увенчались для Констанция желательным результатом: пока он оставался в живых, никто из противников не высадился в тех местах, хотя сицилийский берег от Лилибея до Пахина занимали значительные военные силы, готовые переправиться при первой возможности.

6. Когда Констанций устроил сообразно с обстоятельствами и своими желаниями эти менее важные дела, он получил устные и письменные донесения от начальников войск о том, что персидская армия сосредоточена в одном пункте и направляется уже под начальством своего надменного царя к берегам Тигра; неизвестно было лишь то, в каком именно месте она намерена осуществить вторжение. 7. Встревоженный этими известиями Констанций, чтобы иметь возможность, находясь поблизости, отражать грозившие со стороны персов предприятия, с возможной поспешностью покинул зимние квартиры, стянул отовсюду конницу и лучшие силы пехоты, на которые мог полагаться, перешел через Евфрат близ Каперсаны* по наводному мосту и направился в богатую всякими запасами и хорошо укрепленную Эдессу**. Там он выжидал некоторое время, пока лазутчики и перебежчики не дадут знать о движении во вражеском лагере.

8

1. Между тем Юлиан, приняв меры, о которых я раньше рассказывал, и собираясь выступить из Рavраков, назначил префектом Саллюстия и послал его в Галлию. На место Не-

---

* 18, 8, 1.

** Диарбекир.

бридия он поставил Германиана, Невитту сделал магистром оружия, так как боялся старого предателя Гумоария. Этот последний, как он слышал, будучи командиром скутариев, тайно устроил предательство своего государя Ветераниона[14]. Иовия, о котором было упомянуто в повествовании о Магненции*, он сделал квестором, Мамертину поручил управление финансами, Дагалайфа сделал командиром доместиков, а многим, чьи заслуги были ему известны и на кого он мог положиться, предоставил по своему усмотрению военные командования. 2. Собираясь двинуться через Марциевы леса** и пройти по дорогам, шедшим по берегам реки Истр, он пребывал в нерешительности при быстром ходе событий. Его пугала мысль, как бы немногочисленность шедших с ним сил не вызвала к нему презрения и не пришлось бы ему встретить сопротивление бóльших масс. 3. Чтобы предупредить это, он принял разумное решение разделить свои войска: одну часть под командой Иовина и Иовия он послал форсированным маршем в Италию по обычной дороге; другая, под командой магистра конницы Невитты, должна была двинуться через середину Рэции. Таким образом, его войска, рассыпавшись по разным местам, должны были вызвать представление о несметном числе и повсюду распространить страх и ужас. И Александр Великий, и многие опытные вожди после него так именно и поступали по требованию обстоятельств. 4. Тем не менее он отдал приказ командирам, когда они выступят в поход, идти с большой осторожностью, как если бы предстояла скорая встреча с неприятелем, велел ставить ночные дозоры и патрули, чтобы не подвергнуться неожиданному нападению врага.

9

1. Распорядившись обо всех этих делах надлежащим, как представлялось, образом, Юлиан смело двинул вперед свою армию, тем способом передвижения, который он не раз применял с полным успехом в походах через земли варваров. 2. Когда он дошел до места, где река стала судоходной, он посадил войска на лодки, которых, по счастливой слу-

* В недошедшей до нас части сочинения.

** Шварцвальд.

чайности, оказалось много, и стал спускаться вниз по течению. Ему удалось остаться незамеченным, так как он мог обходить города и крепости: будучи очень нетребователен, он не нуждался в изысканной пище, вполне довольствуясь самой простой едой в умеренном количестве. В своем поведении он воплощал в жизнь прекрасное слово древнего царя Кира. Когда Кир зашел к одному человеку и тот спросил его, что приготовить для него на обед, царь просил дать ему только хлеба, так как он надеется пообедать у ручья. 3. Молва, которая, по слову поэта*, тысячью своих языков удивительно преувеличивает события, разносила по всему Иллирику весть о том, что Юлиан после побед, одержанных над множеством царей и народов, наступает с огромной армией в гордом сознании своих успехов. 4. Этот слух поверг в ужас Тавра, префекта претория, и он заблаговременно уехал, как будто приходилось бежать от нашествия внешнего врага. Меняя с возможной поспешностью лошадей на почтовых станциях, он переехал через Юлиевы Альпы и увез с собою также префекта Флоренция. 5. Военными силами в той местности командовал тогда комит Луциллиан, имевший свою ставку в Сирмии**. Лишь только до него дошли первые слухи о движении Юлиана, он немедленно стянул войска, которые можно было наскоро собрать с их стоянок, и намеревался оказать сопротивление, когда тот появится. 6. Но Юлиан, спешивший к своей цели с быстротой факела или пылающего брандера, лишь только дошел до Бононии, находящейся в 19 милях от Сирмия, под покровом темной ночи, — луна была сильно на ущербе, — неожиданно вышел на берег и немедленно послал Дагалайфа с легким отрядом, чтобы тот вызвал к нему Луциллиана или привел его силой, если тот будет противиться. 7. Луциллиан в этот момент спал в постели. Будучи разбужен грозным шумом и увидев вокруг себя незнакомые лица, он понял, в чем дело, и из страха перед именем императора поневоле повиновался приказанию. По чужому приказу он, незадолго перед тем гордый и суровый магистр конницы, был посажен на первого попавшегося коня и как самый простой пленник доставлен к государю, едва будучи в со-

* *Ovid.* Metamorph., 12, 55.

** Митровица на Саве.

стоянии собрать свои мысли от страха. 8. Но когда он предстал перед Юлианом и заметил, что император предлагает ему поцеловать пурпур, то, овладев собой, смело сказал Юлиану: «Неосторожно, государь, и необдуманно вступил ты в чужую область с такими малыми силами». Горько улыбнувшись, Юлиан отвечал на это: «Эти мудрые речи ты сохрани для Констанция. Я протянул тебе отличие императорского величества не для того, чтобы просить у тебя совета, а чтобы положить конец твоему смущению».

10

1. Когда Луциллиан был таким образом устранен, Юлиан, полагая, что не следует ничего затягивать и задерживать, и будучи по своему характеру смел и решителен, быстро двинулся к Сирмию, который, как он предполагал, готов был ему сдаться. Когда он приближался к обширным и широко раскинувшимся предместиям этого города, солдаты и люди всякого звания огромной толпой встретили его с факелами и гирляндами цветов и, с радостными криками называя его Августом и владыкой, проводили во дворец. 2. Обрадованный этим успехом и таким предзнаменованием, он стал еще больше надеяться на будущее, полагая, что по примеру многолюдной и славной метрополии его примут и в прочих городах как счастливую звезду. Он устроил на следующий день конное состязание к великой радости народа, а на рассвете следующего дня, не допуская излишней траты времени, двинулся вперед по государственной дороге, занял без малейшего сопротивления своим гарнизоном Сукки и поручил охрану этого прохода Невитте, как человеку испытанной верности. Своевременно будет описать здесь природу этого места*.

3. Сближающиеся между собой высоты хребтов Гема** и Родопы, из которых первый начинается от берегов Истра, а другой — от левого берега реки Аксия***, сходятся крутыми склонами в теснину и отделяют Иллирик от Фракии. С этой

* Балканские горы.

** Позднее проход этот назывался «Железные ворота», Σιδηπᾶ у византийцев, Демир-Кану у турок. В настоящее время через него проходит железная дорога (Белград — Константинополь).

*** Река Вардар в Македонии.

стороны за ними лежит Средиземная Дакия* и город Сардика**, а к югу Фракии и Филиппополь. Оба эти города большие и весьма важные. Сама природа как бы предназначила подчинение окрестных племен власти Рима, дав проходу как бы намеренно такой вид: прежде он был лишь узкой расщелиной и лишь позднее, с возрастанием римской власти и могущества, стал доступен для колесного движения; а когда по нему закрывали доступ, то удавалось отражать натиск великих полководцев и целых народов. 4. Обращенная к Иллирику сторона не имеет крутых подъемов, и восхождение здесь не представляет больших затруднений. Но со стороны Фракии горы обрываются в крутых стремнинах, и подъем здесь по обрывающимся тропинкам крайне затруднителен даже тогда, когда никто не препятствует движению. У подошвы этих горных масс с обеих сторон простираются широко раскинувшиеся равнины; верхняя из них тянется до Юлиевых Альп; нижняя до такой степени отлога, что не представляет никакого препятствия для заселения вплоть до самого Боспорского пролива***.

5. Устроив все дела, как подобало при таких серьезных обстоятельствах, и оставив в Сукках магистра конницы (Невитту), император возвратился в Нэсс****, богатый город, чтобы там беспрепятственно распорядиться всеми делами соответственно своим интересам. 6. Он вызвал туда историка Виктора[15], которого встретил в Сирмии, назначил его консуляром Второй Паннонии и почтил бронзовой статуей этого человека, достойного зависти за свой разумный образ мыслей — много позднее он был префектом города Рима*). 7. Становясь все увереннее в себе и понимая, что никакой мир с Констанцием для него невозможен, Юлиан послал в сенат резкую обличительную речь против него, в которой поносил его и расписывал его недостатки. Когда Тертулл, бывший в ту пору префектом города, читал ее в курии, выс-

* Dacia mediterranea, область на правом берегу Дуная, выделенная из состава провинции Верхней Мезии, когда имп. Аврелиан отказался от исторической Дакии на левом берегу Дуная и переселил римское и романизованное население за Дунай.

** София в Болгарии.

*** Босфор.

**** Имя этого города в других наших источниках обыкновенно звучит Naissus. Ныне — Ниш в Сербии.

*) 388—389 гг.

шая знать выразила свое благородство верным и благожелательным отношением к императору: раздался общий единодушный возглас: «Просим уважения к тому, кто тебя возвысил».

8. Тогда же Юлиан потревожил память Константина, обличая в нем любителя новшеств и разрушителя старых законов и древних обычаев. Он ставил ему в вину то, что тот впервые стал возвышать варваров до консульских фасцев и трабеи*. Это было неразумно и легкомысленно, так как он сам вместо того, чтобы избегать того, на что так резко нападал, вскоре присоединился в консулате к Мамертину Невитту**. Этот человек не мог равняться ни по роду, ни по опытности в делах, ни по славе с теми, кому Константин придавал консульское достоинство, и был, напротив, невоспитан и грубоват и — что еще возмутительнее — злоупотреблял своим высоким саном для совершения разных жестокостей.

11

1. Пока Юлиан был занят такими мыслями и находился в тревожном ожидании исхода своего важного и серьезного предприятия, его поразило страшное и неожиданное известие, указывавшее на существование дерзких замыслов у некоторых лиц, которые угрожали задержать его в пылком стремлении вперед, если бы ему не удалось своей бдительностью ослабить их, прежде чем они окрепнут. Я расскажу об этом вкратце.

2. Юлиан направил в Галлию два легиона Констанция, которые он застал в Сирмии, вместе с когортой стрелков. Имея основания опасаться за их верность, он послал их под предлогом настоятельной необходимости. Люди двинулись в путь лениво и в страхе перед огромным расстоянием и постоянными военными действиями против диких германцев, стали замышлять бунт; зачинщиком и подстрекателем был Нигрин, трибун турмы всадников, родом из Месопотамии. В секретных разговорах дело было подготовлено и окрепло в глубокой тайне; а когда отряд пришел в Аквилею, город зна-

* Т. е. назначал консулами. Фасцы — пучки розг, которые носили перед консулом ликторы как символ власти; трабея — парадное, затканное золотом и драгоценными камнями одеяние, отличие консульского сана.

** Год 362.

чительный по своему положению и средствам, окруженный крепкими стенами, то внезапно заперты были с враждебными намерениями городские ворота. Мятежное настроение поддержала городская чернь, у которой Констанций пользовался в ту пору расположением. 3. Заняв подходы и оснастив оружием башни и бойницы, бунтовщики готовили все нужное для предстоявшей борьбы, а пока предавались на свободе всякому распутству. Этим столь дерзким поступком они возбуждали население Италии встать на сторону Констанция, о смерти которого еще не было известно.

12

1. Известие об этом бунте Юлиан получил во время своего пребывания в Нэссе, когда в тылу не предвиделось никакой опасности. Ему приходилось и читать, и слышать, что город Аквилея, хотя и подвергался несколько раз осаде, никогда, однако, не был ни взят силой, ни сдан. Поэтому, пока еще дело не разыгралось серьезнее, он всячески спешил склонить город на свою сторону хитростью и разными способами лести.

2. Он приказал Иовину, магистру конницы, который переходил через Альпы и вступил уже в Норик, вернуться назад и принять все меры к тому, чтобы устранить возгоревшуюся опасность. А чтобы не оказалось недостатка в силах, он приказал задерживать всех проходивших через Нэсс солдат, принадлежали ли они к императорской гвардии или армии, чтобы они по мере сил оказывали помощь.

3. Отдав такие распоряжения, он получил вскоре известие о смерти Констанция и, быстро проехав через Фракию, вступил в Константинополь. Зная на основании неоднократного опыта, что осада Аквилеи не столь опасна, сколь медленна, он поручил это дело Иммону с другими комитами, отозвав оттуда Иовина, на которого он собирался возложить другие, более важные и настоятельные предприятия.

4. Аквилея была окружена двойным кольцом осаждающих. По единодушному решению вождей признано было уместным склонять защитников к сдаче то угрожающими заявлениями, то льстивыми словами. Много было разговоров с той и с другой стороны, но ожесточение страшно возрастало и ни к чему не приводившие переговоры были прерваны. 5. И так

как ничего уже не предвиделось, кроме боя, то обе стороны, подкрепив себя пищей и сном, на рассвете, ожесточившись на взаимную погибель, при трубных сигналах ринулись друг на друга с громкими криками, демонстрируя скорее необузданность, чем обдуманный образ действий. 6. Осаждающие, двигая перед собой осадные щиты и густо сплетенные фашины, выступали медленно и осторожно, с тем чтобы попытаться подкопать множеством железных инструментов основания стен; многие несли лестницы соответствующей стенам вышины. Они уже были у самых стен, но тут одних смяли скатившиеся отвесно камни, других пронзили свистящие дротики. Дрогнули передние и в своем отступлении увлекли назад всех остальных, у которых пропал боевой задор перед опасностью такой же участи. 7. Эта первая стычка подняла боевой дух осажденных. Уверившись, что дальше дело пойдет еще лучше и не размышляя уже о дальнейшем, они укрепились в своем настроении: поставили орудия на удобных местах, тщательно несли караульную службу и принимали прочие меры для охраны. 8. Со своей стороны осаждающие, хотя испытывали страх перед опасностями, стыдились, однако, показаться неумелыми и бездеятельными; а так как приступ давал мало шансов на успех, то они обратились к помощи осадных орудий. Нигде, однако, не оказывалось удобного места, чтобы придвинуть таран, соорудить машины или подойти с подкопами, а недалеко от города протекала речка Натисон*, и вот они задумали план, достойный удивления наряду с древними военными хитростями. 9. Поспешно соорудили они деревянные башни, поднимавшиеся выше зубцов стен, и поместили их на связанные вместе три лодки. Выстроившиеся на башнях вооруженные люди, дружно сплотившись, старались общими усилиями столкнуть со стены защитников, а ниже них стоявшие легковооруженные, выйдя из внутренних помещений башен и перекинув заранее заготовленные мостки, спешили вместе перейти на стену. Пока над ними стоящие перекидывались бы с защитниками метательным оружием и камнями, перешедшие по мосткам без всякой помехи могли бы разломать часть стены и открыть тем доступ внутрь города... 10. ...Эта хитрая выдумка не увенчалась успехом. Маллеолы, облитые смолою, обвязанные камышом, тростником и раз-

* Натизоне.

личным горючим материалом, осыпали башни при их приближении, и вскоре их охватил огонь. Стоявшие на верхней площадке люди пришли в замешательство, под их тяжестью башни потеряли равновесие и упали в реку, а некоторые из воинов погибли на верхнем ярусе от выстрелов из орудий. 11. Пешие солдаты после гибели товарищей на судах, лишившись их помощи, были раздавлены огромными камнями, спаслись из них лишь немногие, успевшие бежать из самой пасти смерти по трудной дороге. Сражение затянулось до вечера; наконец дан был отбой, и обе стороны, разойдясь, провели остаток дня в различном настроении. 12. Скорбные крики осаждавших, которые горевали о смерти своих товарищей, увеличивали надежды осажденных на победу, хотя и они оплакивали потерю нескольких своих. Ожесточение осаждавших, однако, не ослабло. Ночь целиком отведена была на восстановление сил пищей и сном, а на рассвете по сигналу труб завязалась вновь битва. 13. Одни, подняв щиты над головой, чтобы вступить в бой, другие, неся, как прежде, на плечах лестницы, стремительно шли вперед, подставляя грудь под выстрелы; третьи принялись ломать железные запоры ворот, но на них падали огненные стрелы или они находили смерть под низвергаемыми камнями. Некоторые, исполнившись отваги, пытались перейти через ров; но их опрокидывал натиск неприятеля, выходившего незаметно через боковые ворота, и одни падали в бою, а другие отступали израненные. Неприятель имел возможность отходить к крепостной стене, а сложенный впереди нее из дерна вал позволял, не подвергаясь опасности, организовывать засаду. 14. Осажденные, не имевшие кроме стен никакой поддержки со стороны, превосходили своих противников закалкой и боевым опытом. Лучшие люди из армии осаждавших, с трудом вынося задержку, составили отборный отряд, обходили все предместья и тщательно разыскивали место, где бы можно было открыть доступ в крепость штурмом или при помощи осадных орудий. 15. Но так как обнаружились неодолимые препятствия, то осада продолжалась уже с меньшим рвением. Оставлены были караулы и сторожевые посты, а солдаты опустошали соседние поля, запасались всем в изобилии, не обделяя при этом и своих однополчан. Чрезмерное пищевое довольствие и пьянство ослабляли их энергию.

16. Узнав об этом из донесения Иммона и его товарищей,

Юлиан, который все еще находился на зимней стоянке в Константинополе, искал подходящий способ поправить дело и немедленно отправил в Аквилею магистра пехоты Агилона*, имевшего в ту пору большую известность, чтобы появление столь почтенного человека и принесенное им известие о смерти Констанция положило конец осаде.

17. Осада между тем продолжалась, и осаждающие, видя бесплодность своих усилий, решили вынудить к сдаче столь яростно оборонявшийся гарнизон жаждой. Они отрезали водопроводы, но это только еще больше ожесточило сопротивление осажденных. Тогда они отвели с великим трудом реку. Не помогло и это: когда сократились способы снабжения водой, осажденные, которых загнало в заключение собственное неразумие, кое-как обходились водой из колодцев.

18. Так обстояло дело, когда явился по приказу Юлиана Агилон. Под густым прикрытием щитов он смело подъехал к стенам города. В обстоятельном и правдивом рассказе он сообщил осажденным о смерти Констанция и утверждении власти Юлиана; но те разразились в ответ бранью, принимая его слова за ложь. И никто не поверил его рассказу о событиях, пока он, оговорив свою безопасность, не поднялся на бойницу один и там, дав клятвенное заверение в правдивости своих слов, не повторил своего сообщения. 19. Тогда открылись ворота и после долгих бедствий все высыпали за стены и радостно приняли вождя-миротворца. Стараясь оправдаться в его глазах, они выдали Нигрина как зачинщика безумного начинания и нескольких других и требовали, чтобы их казнью искуплены были измена государю и бедствия города. 20. Несколько дней спустя, после тщательного расследования, произведенного тогдашним префектом претория Мамертином, Нигрин, как главный виновник бунта, был сожжен живым. А после него были казнены члены городского совета Ромул и Сабостий, уличенные в том, что они, не заботясь об опасных последствиях, поддерживали бунт. Все же прочие, кого необходимость, а не собственная воля вела на бой, остались без наказания. Такое решение принял император, склонный к милосердию и снисхождению, справедливо взвесив все обстоятельства дела. 21. Но это случилось уже потом. Когда же Юлиан был еще в Нэссе, его

* См.: 20, 2, 5.

угнетали тяжкие заботы, и он видел опасность с двух сторон. Во-первых, он боялся того, чтобы внезапное восстание солдат в Аквилее не повело к захвату проходов в Юлиевых Альпах и не лишило его провинций и тех средств, которые он оттуда ожидал со дня на день. 22. Во-вторых, его очень смущали военные силы востока, так как до него дошло известие, что расквартированные во Фракии солдаты были поспешно созваны, чтобы действовать против его внезапного нападения, и что под командой комита Марциана они уже подходят к местностям, близким к Суккам. В соответствии с надвигавшейся грозой он проявлял живую деятельность и успешно стягивал закаленные в боевых трудах иллирийские войска, которые были готовы примкнуть в бранных состязаниях к воинственному вождю. 23. В это трудное время он, однако, не оставлял без внимания интересы частных лиц, выслушивал запутанные дела, особенно муниципальных властей. В отношении к последним он проявлял особенное благоволение и в обход закона предоставлял многим из них государственные должности*. 24. В Нэсс прибыли на обратном пути с востока видные сенаторы Симмах** и Максим, которые были отправлены римской знатью послами к Констанцию и возвращались назад. Юлиан устроил им почетный прием и в обход первого из них назначил Максима префектом Вечного города на смену Тертуллу. Он хотел этим сделать приятное Руфину Волькацию, так как знал, что Максим был сыном сестры Руфина. В правление Максима продовольственное снабжение в Риме было в блестящем состоянии и прекратились постоянно раздававшиеся жалобы народа. 25. Чтобы обезопасить себя в этом тревожном положении и поддержать доверие подданных, Юлиан назначил консулом Мамертина, префекта претория в Иллирике, а с ним вместе — Невитту, хотя сам же недавно поносил Константина как первого виновника позорного возвышения варварской челяди.

* От IV в. сохранился целый ряд императорских указов (Codex Theodosianus, XII 1), преграждавших муниципальной знати путь к чиновной карьере. Государственная власть преследовала при этом интересы фиска.

** Отец знаменитого носителя того же самого имени, видного представителя языческого мира в конце IV в., бывшего префектом Рима при Грациане. См.: 27, 3.

13

1. Пока Юлиан, живя между страхом и надеждой, расширял круг своих дел, Констанций, находившийся в Эдессе, получал противоречивые донесения от своих разведчиков, приходил в смущение и находился в колебании между двумя противоречивыми решениями: то располагал свои войска для правильной битвы с врагом, то собирался, если представится возможность, приступить к решительной осаде Безабды; и он был прав, так как нельзя было оставить открытой Месопотамию перед предстоящим походом в северные страны. 2. Различные обстоятельства не давали ему выйти из этой нерешительности, и, в частности, то, что персидский царь медлил за Тигром, пока знамения не позволят выступить в поход. Если бы Констанций перешел через реку, то, не встретив никакого сопротивления, он бы мог без всяких затруднений дойти до Тигра. Но, щадя своих солдат для междоусобной войны, он боялся подвергать их опасностям осады городов, зная на опыте о крепости стен и храбрости защитников.

3. Однако, чтобы не оставаться в бездействии и не подвергнуться обвинению в трусости, он приказал магистрам пехоты и конницы Арбециону и Агилону поспешно выступить с большими силами не с тем, чтобы вызвать персов на битву, а чтобы связать местности западного берега Тигра цепью кордонов и следить за тем, в каком направлении намерен сделать вторжение царь. В устных и письменных приказах он неоднократно указывал им поскорее отступать, в случае если враги начнут переходить реку. 4. И пока вожди охраняли порученную им пограничную область и выведывали тайные замыслы этого коварнейшего народа (т. е. персов), он сам, оставаясь с главными силами армии, принимал неотложные меры на случай генерального сражения и охранял города. Лазутчики и являвшиеся время от времени перебежчики сообщали противоречивые известия. Они оставались в неведении относительно будущего, потому что у персов, которые чтут особое божество молчания, никто не посвящается в планы военных предприятий, кроме надежных и умеющих молчать вельмож. 5. Вышеназванные вожди постоянно обращались к императору, прося его прийти к ним на помощь. Они заявляли, что выдержать натиск этого

пламенного врага (т. е. царя Сапора) можно только при том условии, что все силы будут сосредоточены в одном пункте. 6. При таких тревожных обстоятельствах стали одно за другим приходить самые достоверные вести, непреложно удостоверявшие, что Юлиан, быстро пройдя Италию* и Иллирик, занял тем временем теснины Сукков и лишь ожидает созванные со всех сторон подкрепления, чтобы, собрав вокруг себя значительные силы, пройти через Фракию. 7. Весть об этом повергла Констанция в глубокую скорбь; утешение он находил лишь в сознании того, что ему всегда удавалось справляться с внутренними замешательствами. Хотя серьезность положения затрудняла вообще возможность принятия определенного плана действий, но он признал, однако, за лучшее отправлять войска мало-помалу вперед, посадив людей на повозки государственной почты для того, чтобы скорее встретить лицом к лицу угрожающее бедствие. 8. Это решение было всеми одобрено, и, согласно приказу, отряды налегке двигались вперед. Император был еще занят этими распоряжениями, когда на следующий день получено было известие, что царь со всеми бывшими при нем силами двинулся по указанию небесных знамений назад в свои земли. Таким образом, Констанций освободился от этой заботы; он отозвал и сам все войска, кроме обычного гарнизона Месопотамии, и вернулся в Гиераполь**.

9. Не будучи уверен в исходе дела с Юлианом, Констанций, когда все войска были стянуты в один пункт, созвал все центурии, манипулы и когорты на собрание. При звуках труб все поле наполнилось солдатами, и Констанций, чтобы вызвать в них бóльшую готовность исполнять его приказания, взойдя на высокий трибунал, окруженный большей, чем обычно свитой, держал такую речь с выражением спокойствия и уверенности на лице.

10. «В непрестанных заботах о том, чтобы каким-нибудь необдуманным поступком или словом не допустить чего-либо не соответствующего своей незапятнанной чести, и уподобляясь осторожному кормчему, который в зависимости от волн то поднимает руль, то его опускает, я вынужден

---

* Италия в смысле диэцезы включала в себя области Рэции и Норика, т. е. часть нынешней Южной Германии и Австрии. Поход Юлиана не коснулся местностей южнее Аквилеи, и то случайно.

** Ныне Мембедж.

теперь перед вами, возлюбленные мужи, сознаться в своих ошибках, или, скорее, если можно сказать правду, в добродушии, которое, как я думал, должно было послужить на благо общему делу. А чтобы стало понятнее, для чего созвано это собрание, выслушайте, прошу вас, беспристрастно и благожелательно.

11. В ту пору, когда старался вызвать всеобщую смуту в государстве Магненций, которого сокрушила ваша доблесть, я облек моего двоюродного брата Галла властью Цезаря и послал его на охрану востока. Когда же он отступил от справедливости и позволил себе действия, равно возмущавшие как свидетелей, так и тех, кто о них только слышал, его постигла кара по закону. 12. О, если бы этим удовольствовалась ненависть, жестокая возбудительница смут! Меня бы мучило только одно воспоминание о пережитом и не вызывающем уже тревоги бедствии. А теперь случилось нечто другое, смею сказать, горшее прежнего, и лишь помощь свыше сокрушит это зло через присущую вам храбрость. 13. Я поставил Юлиана на охрану Галлии в ту пору, когда вы отражали нападения чужих народов, угрожавшие со всех сторон Иллирику. И вот, возомнив о себе, как безумец, после легких стычек, которые он выдержал с кое-как вооруженными германцами, он составил заговор на погибель государству, договорившись с несколькими пособниками, которые по своей дикости и из-за отчаянного своего положения готовы были на самую безумную дерзость. Он попрал справедливость, мать и кормилицу римского мира, и она, отмщая за нечестивые деяния, как видел я сам на опыте и как заставляют в то верить повествования древних времен, в прах сотрет его гордыню. 14. Что же нам делать, как не идти навстречу налетевшему на нас шквалу, чтобы быстрыми средствами раздавить при самом зарождении ярость войны, прежде чем она разгорится сильнее? При помощи Бога вышнего, который от века карает неблагодарных, нечестиво поднятый меч, как я уверен, должен обратиться на гибель тем, кто, не будучи вынуждены обидой, а, напротив, возвеличены множеством благодеяний, дерзнули начать междоусобную войну на гибель невинным гражданам. 15. Предчувствие моего духа и обещание, которое дает справедливость, позволяют мне поручиться вам в том, что если мы сойдемся лицом к лицу, то их повергнет в оцепенение такой ужас, что они не вынесут

ни грозного блеска ваших взоров, ни первого звука вашего бранного клика».

16. Эта речь пришлась всем по сердцу, и солдаты, гневно потрясая копьями, стали выражать ему чувства преданности и расположения и требовать, чтобы их тотчас вели против бунтовщика. Это проявление расположения обратило императора от страха к надежде. Распустив тотчас собрание, он приказал Арбециону, которого считал на основании прежних его дел наиболее пригодным для подавления междоусобной войны, идти вперед с ланцеариями и маттиариями* и отрядами легковооруженных, а Гумоарию выступить с летами. Этот последний должен был встретить наступавших при приближении их к теснине Сукков. Констанций оказал предпочтение Гумоарию потому, что он был личным врагом Юлиана за пренебрежение, оказанное ему в Галлии**.

14

1. При таких охвативших Констанция бедствиях его Счастье приостанавливалось, застревало и указывало ясными, чуть ли не говорящими, знамениями на приближение конца его жизни. Так, его пугали ночные видения. Однажды, когда он не совсем еще погрузился в сон, ему привиделось, будто тень его отца поднесла ему прекрасного младенца; взяв его на руки, он посадил его к себе на колени, а тот выбил у него из правой руки державу[16] и далеко отбросил ее. Это являлось знамением государственного переворота, хотя толкователи объясняли это видение в благоприятном смысле. 2. После этого он признался самым близким своим людям, что перестал видеть некий таинственный образ, который иногда являлся ему в неясных очертаниях, и это было понято так, что его гений-хранитель[17] оставил его, так как ему скоро предстоит покинуть этот мир. 3. Теологи утверждают, что всякому человеку при самом рождении независимо от ожидающей его судьбы дается такое божество как бы для того, чтобы направлять его поступки; являются же они в видимом образе лишь очень немногим, тем, кто выделились особенными добродетелями. 4. Об этом говорят оракулы и надежные

---

* Имена легионов.

** См. гл. 8, 1.

свидетели, среди которых даже комик Менандр, у которого читаются такие два сенария:[18]

«При самом рождении приставляется к каждому человеку демон, мистагог его жизни».

5. Точно так же бессмертные поэмы Гомера дают понять, что не боги небесные беседовали с героями, помогали им в боях и поддерживали их: в общении с героями состояли их гении. Благодаря особенным их внушениям возвысились, как рассказывают, Пифагор, Сократ, Нума Помпилий, старший Сципион и, как некоторые полагают, Марий и Октавиан, тот, что первый получил титул Августа; точно так же Гермес Трисмегист, Аполлоний Тианский и Плотин[19], который в своих творениях решился истолковать эти мистические вопросы и глубоким анализом показал, на каких основаниях эти гении, связанные с душами смертных людей, как бы приняв их в свое лоно, охраняют их, насколько это возможно, и дают им высшие знания, если увидят, что они чисты и свободны от скверны, которая возникает от соединения с телом.

15

1. Ускоренными переездами Констанций прибыл в Антиохию, готовый с обычной для него в междоусобных войнах быстротой принять нужные меры. Сделав все приготовления, он ужасно спешил с выступлением, хотя большинство его окружающих этого не одобряло, ограничиваясь, впрочем, лишь ропотом. Никто не отваживался открыто отсоветовать или противиться. 2. Была уже глубокая осень, когда он выехал. В предместье, называемом Гиппокефал и расположенном в 3 милях от Антиохии, он увидел на рассвете труп убитого человека без головы, лежавший справа от него и простертый к западу. Это предзнаменование очень его испугало, и, хотя судьба явно готовила ему конец, он тем решительнее спешил вперед и прибыл в Тарс. Там он почувствовал легкую лихорадку и, полагая, что нездоровье могло бы пройти от движения в пути, поехал по трудным дорогам в Мобсукрены, последнюю на пути из этих мест станцию Киликии, расположенную у подножия Таврских гор. На следующий день он предполагал поехать дальше, но усилившаяся болезнь его задержала. Жар был так велик, что нельзя было дотронуться до его тела, пылавшего

как жаровня. Лекарства не действовали; чувствуя себя при последнем издыхании, он оплакивал свой конец и, будучи еще в полном сознании, назначил, как говорят, Юлиана преемником своей власти. 3. Затем он замолчал, начался предсмертный хрип, душа, готовая покинуть тело, долго боролась со смертью, и он умер 5 октября, на 38 году правления, прожив 44 года и несколько месяцев*.

4. Затем был совершен со стенанием последний призыв его к жизни, и началось слезное оплакивание. Тогда первые сановники двора стали обсуждать, что им делать и что предпринять. Некоторые завели потихоньку речь об избрании императора, по наущению, как говорили, Евсевия, которого мучило сознание своей вины. Но так как Юлиан имел полную возможность сломить мятежные замыслы, то и отправили к нему Теолайфа и Алигильда, бывших тогда комитами, чтобы объявить ему о смерти родственника и просить, чтобы он, без всякого промедления, пришел и взял под свою руку готовый ему повиноваться восток. 5. Ходил рассказ и передавался темный слух, будто Констанций выразил свою последнюю волю в завещании, в котором он назначил Юлиана, как я сказал, наследником и выделил фидеи-комиссы и легаты[20] тем, кого любил. 6. Жену свою он оставил беременной; родившаяся после его смерти дочь была названа его именем, и впоследствии, когда достигла брачного возраста, была выдана замуж за Грациана**.

16

1. Здесь будет уместно остановиться на достоинствах и недостатках Констанция, строго отдаляя одни от других; сначала я скажу о первых. Он умел сохранить во всем величие своего сана. Искание популярности претило его гордости. На дарование высших отличий он был очень скуп, а что касается увеличения окладов, то не допускал вообще никаких изменений за исключением очень немногих случаев, военным чинам не позволял величаться. 2. Ни один дукс не получил при нем титула clarissimus. Они были, как я сам то помню, perfectissimi[21]. Правители провинций не являлись на прием

* Счет годов правления ведется со времени назначения Цезарем. Самостоятельно правил Констанций 25 лет, с 337 г., когда умер его отец.

** Ср.: 29, 6, 7.

к магистру конницы и не допускали с его стороны вмешательства в гражданские дела. Но все военные и гражданские чины, по старым понятиям иерархии, видели вершину всех чинов в префектах претория. 3. В деле содержания армии он был чрезвычайно заботлив, а в оценке заслуг иногда слишком осторожен; придворные должности распределял с такой тщательностью, будто мерил по ниточке, и в его правление никто не появлялся на видном посту при дворе внезапно, или не будучи достаточно известен; а кто после десятилетней службы был назначен магистром оффиций, начальником финансового ведомства или кем-нибудь подобным, того он знал уже насквозь. Как никогда редко случалось, чтобы кто-нибудь из военных переходил в гражданское управление, и наоборот, только закаленные в бранных трудах получали военные командования. 4. Ему очень хотелось слыть ученым; но так как его тяжелый ум не годился для риторики, то он обратился к стихотворству, не сочинив, однако, ничего достойного внимания. 5. Бережливый и трезвый образ жизни и умеренность в еде и питье сохраняли ему силы так хорошо, что он болел очень редко, но каждый раз с опасностью для жизни. Частое наблюдение на опыте и исследования врачей показали, что именно так бывает с организмами, берегущими себя от разврата и излишеств. 6. Он мог довольствоваться очень кратким сном, когда требовали того обстоятельства. В течение продолжительных промежутков времени он так строго хранил целомудрие, что о том, чтобы он находился в любовной связи с кем-либо из мужской прислуги, не могло даже возникнуть никакого подозрения*, хотя проступки этого рода злоречие сочиняет, даже когда в действительности их не находит, относительно высоких особ, которым все дозволено. 7. В езде верхом, метании дротика, особенно искусстве стрелять из лука, в упражнениях пешего строя он обладал большим искусством. А то, что никогда не видели, чтобы он обтирался платком, сморкался на людях, плевал, поворачивая лицо то в ту, то в другую сторону, ел когда-либо за всю свою жизнь яблоки, — об этом я не говорю, так как не раз уже имел возможность об этом упомянуть**.

---

* Текст в этом месте испорчен, и поправку Гардтгаузена *amaro ministro*, вместо *mare ministro*, не считаем удачной.

** Ср.: 16, 10, 10—11.

8. Вкратце перечислив хорошие качества, о которых я мог получить сведения, перейду к изложению его недостатков. Если в некоторых отношениях его можно сравнить с императорами средних достоинств, то в тех случаях, когда он находил совсем ложный или самый незначительный повод подозревать покушение на свой сан, он вел следствие без конца, смешивал правду и неправду и свирепостью превосходил, пожалуй, Калигулу, Домициана и Коммода[22]. Взяв себе за образец этих свирепых государей, он в начале своего правления совершенно истребил всех связанных с ним узами крови и родства. 9. Беды несчастных, против которых появлялись доносы об умалении или оскорблении величества, отягчали его жестокость и злые подозрения, которые в таких делах направлялись на все возможное. И если становилось известным что-нибудь подобное, он вместо спокойного отношения к делу, приступал с жаром к кровавому розыску, назначал свирепых следователей, старался растянуть саму смерть в случаях казни, если это позволяли физические силы осужденных, и вообще на таких процессах превосходил свирепостью даже Галлиена. 10. Против последнего не раз возникали бунты: Авреола, Постума, Ингенуя, Валента, по прозванию Фессалоника, и многих других, и все-таки он иной раз карал эти заслуживающие смерти злодеяния со снисходительностью[23]. Констанций даже сомнительные и мнимые преступления доводил чрезмерной тягостью пыток до того, что они казались совершенно доказанными. 11. Хотя он чрезвычайно заботился о том, чтобы его считали справедливым и милостивым, но в делах этого рода не знал справедливости. И как искры, летящие из сухого леса при легком дуновении ветра, беспрепятственно стремясь вперед, несут гибель селениям, так и он мельчайшие поводы превращал в громады бедствий, действуя совершенно противоположно досточтимому императору Марку (Аврелию). Когда Кассий[24] посягнул в Сирии на императорский сан, Марку была доставлена захваченная связка писем, адресованных Кассием заговорщикам, так как взят был в плен тот, кто должен был их доставить. Марк, не распечатывая, приказал тут же ее сжечь, находясь еще в Иллирике, чтобы не узнать своих противников и против воли не возненавидеть их*. 12. Некоторые разумные люди высказывали мнение, что Констанций мог бы

* *Dio Cass.* LXX, 26; 28.

проявить большее величие духа, если бы без пролития крови отступился от власти, которую отстаивал с такой жестокостью. 13. Так и Туллий (Цицерон) говорит в одном письме к Непоту[25], упрекая Цезаря в жестокости: «Благополучие есть не что иное, как удача в благородных деяниях, или, давая иное определение: счастье есть судьба, помогающая добрым советом; а кто им не следует, тот никоим образом не может быть счастлив. Поэтому в нечестивых и гибельных планах, которых держался Цезарь, не могло быть никакого счастья. Счастливее, по-моему, изгнанник Камилл[26], чем его современник Манлий[27], даже если бы, как он того жаждал, ему удалось сделаться царем». 14. Ту же самую мысль высказывает и Гераклит Эфесский[28] в своем замечании, что иногда достойнейших людей побеждали по капризу судьбы негодяи и трусы; а что самое высокое проявление доблести следует видеть в том, когда могущественная власть возьмет как бы под ярмо страсти, увлекающие на проявления ненависти, гнева и ярости, и воздвигнет славный трофей в твердыне победителя духа.

15. Насколько во внешних войнах этот государь терпел урон и потери, настолько он возносился удачами в междоусобицах и был весь забрызган гноем, истекавшим из внутренних нарывов государства. За этот достойный скорее сожаления необычный успех он воздвиг себе на развалинах провинций с большими расходами триумфальные арки в Галлии и Паннонии, расположив на них записи с перечислением своих подвигов для поучения читающих, пока будут стоять эти памятники. 16. В отношении своих жен, евнухов с их льстивыми речами и некоторых придворных он оказывался весьма податливым, когда те аплодировали каждому его слову и ловили, когда он скажет «да» или «нет», чтобы поскорее с ним согласиться.

17. Тяжесть его правления усиливалась ненасытною жадностью сборщиков податей, которые доставляли ему больше ненависти, чем денег. И это было в глазах многих тем невыносимее, что он сам никогда не разбирал тяжб и не принимал мер для облегчения положения провинциального населения, когда его угнетало увеличение податей и повинностей. Кроме того, он нередко отнимал дарованное им же самим. 18. Христианскую религию, которую отличает цельность и простота, он сочетал с бабьим суеверием. Погружаясь в толкования вместо простого принятия ее, он возбудил

множество споров, а при дальнейшем расширении этих последних поддерживал их словопрениями. Целые ватаги епископов разъезжали туда и сюда, пользуясь государственной почтой, на так называемые синоды, стремясь наладить весь культ по своим решениям[29]. Государственной почте он причинил этим страшный ущерб.

19. Сложение его и внешний вид были таковы: темнорусый, с блестящими глазами, острым взглядом, с мягкими волосами, с гладко выбритыми и изящно блестевшими щеками; туловище от шеи и до бедер было длинновато, ноги очень коротки и искривлены; поэтому он хорошо прыгал и бегал*.

20. Набальзамированный труп почившего был положен в гроб, и Иовиан, в ту пору протектор-доместик, получил приказ сопровождать останки с императорскими почестями до самого Константинополя, чтобы его похоронить возле его родственников. 21. Когда он восседал на колеснице, везшей останки императора, как делается это государям, ему предоставляли образцы хлебного довольствия солдат или, как это называют, пробы, выставляли на смотр лошадей государственной почты, и народ по обычаю встречал его толпами. Все это и тому подобное предрекало Иовиану императорский сан, но так как он являлся лишь исполнителем погребальных церемоний, то лишь пустую видимость и тень этого сана.

* Вероятно, это вставка позднейшего читателя, прибавленная не без иронии.

Книга XXII

(годы 361—362)

1. Август Юлиан из страха перед Августом Констанцием делает остановку в Дакии и тайно совещается с гаруспиками и авгурами.
2. Узнав о смерти Констанция, Юлиан проходит через Фракию, вступает в Константинополь и без битвы овладевает всей Римской империей.
3. Осуждение некоторых приверженцев Констанция, одних по заслугам, других вопреки справедливости.
4. Август Юлиан прогоняет из дворца всех евнухов, брадобреев и поваров. О пороках придворных евнухов и падении военной дисциплины.
5. Август Юлиан открыто и свободно исповедует почитание богов, которое раньше скрывал, и возбуждает раздоры между христианскими епископами.
6. При помощи какой хитрости он заставил удалиться домой множество сутяжников из Египта, которые ему наскучили.
7. Юлиан часто отправляет правосудие в курии в Константинополе. К нему являются различные посольства чужеземцев.
8. Описание провинций Фракии, а также областей и народов, живущих около Понта.
9. Август Юлиан укрепляет Константинополь сооружениями и направляется в Антиохию; по пути он отпускает деньги никомедийцам на восстановление города из развалин, в Анкире находит время для участия в судебных процессах.
10. Во время зимовки в Антиохии Юлиан издает законы и никого не притесняет из-за религии.
11. Язычники волокут по улицам епископа Александрийско-

го Георгия вместе с двумя другими лицами, разрывают его на куски и сжигают безнаказанно его останки.

12. Юлиан готовит поход в Персию и, с целью заранее знать исход, обращается к оракулам, приносит несчетное число жертв, всецело отдавшись гаруспицине и авгуриям.
13. Пожар храма Дафнейского Аполлона Август Юлиан неправильно вменяет в вину христианам и приказывает закрыть главную церковь в Антиохии.
14. Август Юлиан совершает поклонение и приносит жертву Юпитеру на горе Касии. Почему он рассердился на антиохийцев и написал «Мисопогон».
15. Описание Египта; о Ниле, крокодиле, ибисе и пирамидах.
16. О пяти провинциях Египта и о знаменитых городах, в них расположенных.

1

1. Пока изменчивая судьба разворачивала такую цепь событий в разных частях земли, Юлиан среди множества разнообразных дел в Иллирике ревностно предавался исследованию внутренностей жертвенных животных и наблюдал полет птиц, стараясь узнать наперед исход событий; но ответы были сомнительны и неясны, и он пребывал в неизвестности относительно будущего. 2. Наконец один галльский оратор Апрункулий, назначенный впоследствии правителем Нарбоннской Галлии, человек опытный в гаруспицине, открыл ему грядущее, узнав его из рассмотрения, как он сам говорил, печени, которая оказалась покрытой двойной пленкой. Так как Юлиан опасался, что измышляют знамения применительно к его страстному желанию, то и находился в мрачном расположении духа, пока сам не увидел гораздо более радостного предзнаменования в котором совершенно ясно была предсказана смерть Констанция. В тот самый момент, когда Констанций умер в Киликии, солдат, который подсаживал Юлиана правой рукой на коня, споткнулся и растянулся на земле. Тут Юлиан в присутствии многих громко воскликнул, что упал тот, кто вознес его на высоту. И хотя он считал это радостным знамением, тем не менее, твердо придерживаясь принятого им плана действий, оставался в пределах Дакии и чувствовал себя очень тревожно, считая рискованным доверяться предположениям, которые, быть может, получат совсем противоположное истолкование в своем осуществлении.

2

1. Так он жил между страхом и надеждой, как вдруг явились отправленные к нему послами Теолайф и Алигильд. Они объявили ему о смерти Констанция, добавив, что император в последнем предсмертном слове назначил его преемником своей власти. 2. Эта весть чрезвычайно ободрила его, освободив от мучительных тревог и грозных боевых опасностей. Уверовав теперь в предзнаменования и испытав на опыте, какую пользу сослужила ему несколько раз в его делах быстрота, он отдал приказ идти во Фракию. Спешно двинув вперед войска, он прошел ущелье Сукков и со всей своей армией направился в Филиппополь, древнюю Евмольпиаду[1]. 3. Бодро и весело следовали за ним солдаты, так как увидели, что к Юлиану сверх ожиданий перешла по праву верховная власть, добывать которую они шли с риском подвергнуться величайшим опасностям. И как молва обычно раздувает неожиданные события, он спешил вперед в приподнятом настроении духа словно на колеснице Триптолема[2], которую древние сказания снабдили из-за быстроты ее передвижения крылатыми драконами, летающими по воздуху. Грозный на суше и на море, не встречая задержки ни в каких стенах, он вошел в Гераклею-Перинф*. 4. О его прибытии тотчас узнали в Константинополе; стар и млад, мужчины и женщины высыпали ему навстречу, словно ожидая увидать человека, сошедшего с неба. 11 декабря почтительно приветствовал его сенат при единодушном ликовании народной толпы, и, окруженный толпой солдат и граждан, он шел как бы в боевом строю. Все взоры были устремлены на него не только с живым любопытством, но и с величайшим восхищением. 5. Казалось каким-то сном, что этот совсем еще молодой, небольшого роста человек, прославленный великими делами, после кровавого истребления царей и племен, переходил с чрезвычайной быстротой из города в город, получая на каждом шагу новые средства и силы, — без затруднений захватывал все с быстротой пламени** и достиг наконец предоставленного ему волей небес принципата безо всяких потерь со стороны государства.

---

* Ныне Эски-Эрекли на Мраморном море.

** Предпочитаем чтение *flammae instar*.

3

1. Вскоре после этого он назначил Секунда Саллюстия префектом претория и поручил ему как верному человеку производство следствия, составив комиссию из Мамертина, Арбециона, Агилона и Невитты, а кроме того Иовина, который недавно был назначен магистром конницы в Иллирике. 2. Все они переправились в Халкедон и там при содействии командиров и трибунов иовинианов и геркулианов* вели следствие с большой строгостью в ущерб справедливости; исключить можно лишь некоторые случаи, так как было немного дел, в которых сама правда выдавала очень скомпрометированных подсудимых. 3. Прежде всего они приговорили к изгнанию в Британию Палладия, бывшего магистра оффиций, который только по подозрению обвинялся в том, что в бытность свою магистром оффиций при Цезаре Галле настраивал против него Констанция. 4. Затем приговорили к изгнанию в Верцелл бывшего префекта претория Тавра**, проступок которого перед лицом судей, отличавших правду от неправды, мог показаться вполне простительным. Чем он прегрешил, если в страхе перед начинавшимся движением бежал под защиту своего государя? Ужас вызвало чтение протокола его процесса, который начинался с таких слов: «В консульство Тавра и Флоренция, Тавр был приведен глашатаями на суд»... 5. Такое же бедствие грозило Пентадию***. Ему вменяли в вину то, что он, в качестве уполномоченного Констанция, составил точную запись ответов Галла, которые тот, будучи на краю гибели, давал во время допроса. Но так как Пентадий умело защищался, то в конце концов вышел из процесса без наказания. 6. Столь же несправедливо сослан был на далматинский остров Боа**** Флоренций, сын Нигриниана, бывший в ту пору магистром оффиций. А другой Флоренций, в прошлом префект претория и в тот год консул, который в страхе перед внезапно наступившим переворотом спасся от опасностей вместе с женой, долго скрывался и не мог вернуться до смерти Юлиана, был заочно приговорен к смертной казни. 7. Точно также Евагрий, комит

* Легионы, сформированные Диоклетианом и Максимианом.

** 21, 6, 5; 9, 4.

*** 20, 8, 19.

**** Ныне Буа.

императорской казны, Сатурнин, бывший заведующий дворцом, и бывший нотарий Пирин были отправлены в изгнание. Казнь Урсула, комита государственного казначейства, оплакивала, думаю я, сама Справедливость, обличая императора в неблагодарности. Когда Юлиан был послан в западные области в звании Цезаря, причем его желали всячески ущемить и не предоставили никакой возможности делать подачки солдатам, и тем самым солдаты могли скорее пойти на всякий бунт, тот самый Урсул дал письменный приказ начальнику галльской казны выдавать без малейших колебаний суммы, каких бы ни потребовал Цезарь. 8. Юлиан почувствовал, что эта казнь выставила его на поношение и проклятия многих. Он думал, однако, что это неизгладимое преступление может быть не приписано ему из-за его заявления, что убийство произошло без его ведома и что Урсула погубило раздражение против него военных людей, запомнивших приведенные мною выше слова, вырвавшиеся у него при виде развалин Амиды*. 9. Он проявил в этом случае свою растерянность и непонимание того, что подобало его положению, поскольку поставил во главе этой следственной комиссии Арбециона, человека всегда ненадежного и страшно тщеславного, прочие члены комиссии и командиры легионов состояли в ней только для вида; а Юлиан знал, что именно Арбецион, как храбрый участник побед Констанция в междоусобных войнах, был избран для действий против него. 10. Если сообщенные мною факты вызвали осуждение даже среди сторонников Юлиана, то дальнейшие случаи применения строгости были вполне заслуженны. Так, бывший имперский агент Аподемий, который, как было в соответствующем месте это указано, усердно старался, чтобы погубить Сильвана и Галла**, и нотарий Павел, по прозвищу Катена***, имя которого многие называли с глубокими вздохами, были сожжены живыми, судьба, какой и следовало ожидать. 11. Кроме этих лиц был приговорен к смертной казни Евсевий, который состоял начальником опочивальни Констанция. То был гордый и жестокий человек. Из самого низкого положения он был вознесен до такого, на котором

* 20, 11, 5.
** 15, 1, 2; 4, 8.
*** 14, 5, 6—9.

мог, так сказать, приказывать императору, и был тем невыносимее. Адрастия*, взирающая на человеческие деяния, дергая, как говорится, за ухо, внушала ему вести себя скромнее; а так как он не послушался, то она низвергла его как бы с высокого утеса в пропасть.

4

1. После этого император занялся придворным штатом во всем его наличном и возможном составе, но поступил не совсем как философ, назвавший своим призванием исследование истины. 2. Он заслуживал бы похвалы, если бы оставил только людей разумных и испытанной честности, хотя бы немногих. Нельзя не признать, что большая часть придворного штата являлась питомником всяких пороков, так что они заражали государство дурными страстями и раздражали многих более даже примером, чем безнаказанностью преступлений. 3. Одни из них промышляли грабежом языческих храмов и, вынюхивая каждый случай, где можно было воспользоваться чем-нибудь, поднялись из крайней бедности до колоссальных богатств. Усвоив привычку захватывать чужое, они не знали никакой меры в дарениях, грабеже и расточении. 4. Здесь зародилась распущенная жизнь, клятвопреступления, равнодушие к общественному мнению и то, что бессмысленная спесь осквернила позорным корыстолюбием свой кредит. 5. Отсюда произросло дикое обжорство пиров, и вместо победных триумфов появились столовые торжества, широкое использование шелка, расширение ткацкого ремесла, особая забота о кухне; под роскошные дома занимались все более широкие пространства, так что если бы консул Квинкций (Цинцинат)[3] оказался обладающим таким количеством пахотной земли, то утратил бы и после своей диктатуры славу бедняка.

6. К этим мерзостям присоединились нарушения воинской дисциплины. Вместо бранного клича солдат распевал развратные песенки; не камень, как прежде, был постелью для воина, но пуховики и складные кровати; солдаты разыскивали кубки более тяжелые, чем их мечи, — уже стыдно было пить из глиняной посуды; жить желали только в мра-

* Ср.: 14, 11, 25—26.

морных дворцах. А в древней истории написано, что спартанский воин был строго наказан за то, что во время похода его видели под крышей.

7. Солдаты тогда позволяли себе наглость и грабежи в отношении своих сограждан, а перед неприятелем проявляли трусость и бессилие; в полной праздности они обогащались путем разных происков и умели самым точным образом распознавать качества золота и драгоценных камней в полную противоположность недавнему прошлому. 8. Известно, что при Цезаре Максимиане, когда однажды был разграблен укрепленный лагерь персидского царя, один простой солдат нашел парфянский мешок с жемчугом; выбросив по своему неведению жемчуг, он пошел прочь, довольный блестящей кожей мешка.

9. Случалось в те дни, что Юлиан приказал позвать брадобрея постричь ему волосы. К нему вошел какой-то парадно одетый господин. Увидев его, Юлиан изумился и сказал: «Я приказал позвать не придворного кассира, а брадобрея». На вопрос императора о том, какое вознаграждение он получает за свое ремесло, последовал ответ: по двадцати рационов хлеба ежедневно, столько же рационов фуража для лошадей, так называемый capita, большой годичный оклад, а кроме того много богатых подачек. 10. Обратив на это внимание, Юлиан отправил в отставку всех таких людей, а также поваров и других подобных, обычно получавших такое же вознаграждение, как людей, мало ему нужных, и разрешил им идти, куда хотят*.

5

1. Хотя Юлиан с раннего детства был склонен к почитанию богов и, по мере того, как он мужал, в нем становилась все сильнее эта потребность, из-за разных опасений он отправлял относящиеся к богопочитанию культы по возможности в глубочайшей тайне. 2. Когда же исчезли всякие препятствия и он видел, что настало время, когда он может свободно осуществлять свои желания, он раскрыл тайну своего сердца и издал ясные и определенные указы, разрешавшие

* По свидетельству Либания, брадобреев было 1000, равно как и столько же поваров.

открыть храмы, приносить жертвы и восстановить культы богов. 3. Чтобы придать бо́льшую силу своим распоряжениям, он созвал во дворец пребывавших в раздоре между собой христианских епископов вместе с народом, раздираемым ересями, и дружественно увещевал их, чтобы они предали забвению свои распри и каждый, беспрепятственно и не навлекая тем на себя опасности, отправлял свою религию. 4. Он выставлял этот пункт с тем большей настойчивостью в расчете, что, когда свобода увеличит раздоры и несогласия, можно будет не опасаться единодушного настроения черни. Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях. Часто он говорил: «Слушайте меня, кого слушали аламанны и франки», думая, что он подражает изречению императора Марка (Аврелия). Но он не замечал, что положение было совсем иным. 5. Рассказывают, что когда Марк Аврелий на пути в Египет проезжал через Палестину, то, испытывая отвращение к вонючим и нередко производившим смуты иудеям, скорбно воскликнул: «О маркоманны, о квады, о сарматы! Наконец я нашел людей хуже вас».

6

1. Примерно в то же время прибыло ко двору под влиянием разных слухов много египтян. Любители каверз, которым доставляет величайшее удовольствие запутывать тяжбы, египтяне имеют особенное пристрастие требовать многократного возмещения, если они что-нибудь заплатили сборщику податей, стараясь при этом добиться уменьшения своего долга или удобной отсрочки для уплаты того, что с них взыскивается, или же испугать богатых людей тем, что они привлекут их к ответственности за взяточничество. 2. Все они, сбившись в кучу и перебивая друг друга, делали заявления префектам претория и самому императору и каркали, как вороны, высчитывая чуть ли не за 70 лет назад суммы платежей, которые были взысканы с них многими лицами по закону или в его наруушение. 3. Так как они не давали ничем заниматься, то Юлиан в специальном указе повелел им всем переехать в Халкедон* и обещал вско-

* Кадыкиой на азиатском берегу Босфора.

ре туда явиться, чтобы разобрать окончательно все их дела. 4. Когда они переправились на тот берег пролива, отдано было приказание начальникам судов, ходивших от одного берега к другому, не сметь перевозить египтян. Строгое соблюдение этого запрета освободило Константинополь от сутяжничества египтян, и, обманувшись в своей надежде, все они вернулись домой. 5. Этот случай привел к изданию закона, продиктованного самой справедливостью, по которому запрещалось привлекать к ответственности суффрагатора за то, что он получил по праву*.

7

1. Когда подошел день январских календ и имена Мамертина и Невитты были внесены в списки консулов, император снизошел до того, что при консульском выходе шел пешком вместе с почетными чинами. Одни хвалили этот поступок, другие порицали как унизительную аффектацию.

2. Затем, когда во время цирковых игр, которые давал Мамертин, проксим приемов** ввел, согласно обычаю, рабов, подлежавших освобождению, Юлиан сам произнес обычную формулу предоставления свободы. Когда же ему заметили, что в этот день юрисдикция принадлежит другому лицу, он сам наложил на себя за эту оплошность штраф в десять фунтов золота.

3. Посещая лично сенат, он поднимал там много вопросов, вызывавших разные реформы. Однажды, когда он разбирал в сенате дела, ему сообщили, что прибыл из Азии философ Максим[4]. Он выскочил, нарушая приличия, и забылся

* Текст указа сохранился в Феодосиевом Кодексе, II, 29. Нельзя не прибавить, что из сообщения Аммиана совершенно не видно, какую связь мог иметь указ с описанным выше сутяжничеством египтян. Император воспрещает возбуждать иски о возврате сумм, выданных частными лицами как *suffragium*. Под этим словом понимали плату, которую давали за ходатайство о назначении на ту или иную должность. При системе оплаты должностей при вступлении в них, *suffragia* были обычным явлением. Перемена особы императора, и притом путем революции, делала тщетными все *suffragia*, полученные отдельными лицами. Указом Юлиана было воспрещено возбуждать иски о возвращении *suffragia* под угрозой не только потерять уплаченное, но еще подвергнуться штрафу в таком же размере в пользу казны.

** Придворный чин вроде церемониймейстера.

до такой степени, что быстро побежал далеко от крыльца ему навстречу, поцеловал, почтительно приветствовал его и провел сам в собрание. Этим он выказал неуместную погоню за популярностью, позабыв прекрасное изречение Туллия (Цицерона), в котором тот порицает таких людей: 4. «Философы даже на тех книгах, которые они пишут о презрении к славе, сами подписывают свое имя и таким образом выражают желание, чтобы их называли по имени и хвалили там, где они выражают презрение к похвале и прославлению»*.

5. Вскоре после того два имперских агента из числа тех, которые отправлены в отставку, дерзко явившись к нему, обещали указать, куда скрылся Флоренций**, если им будет возвращено их служебное положение. Но он резко отверг их и назвал доносчиками, добавив, что недостойно императора путем бесчестных доносов разыскивать человека, который скрылся из страха смерти и которому из-за возможного прощения, быть может, недолго придется скрываться. 6. Свидетелем всех этих его поступков был сенатор Претекстат, сочетавший благородный образ мыслей с древнеримской важностью***. Он случайно оказался по личным делам в Константинополе, и Юлиан по собственному убеждению назначил его правителем Ахайи с проконсульской властью.

7. Занимаясь с полным вниманием упорядочением дел гражданского ведомства, Юлиан не упускал из виду и дел военных. На посты командиров он назначал только проверенных людей; во всех городах Фракии и пограничных крепостях исправлял укрепления и заботился всячески о том, чтобы расположенные по берегу Истра для отражения набегов варваров войска, которые, как он слышал, несли свою службу бдительно и храбро, не имели недостатка в оружии, одежде, провианте и не страдали от задержки уплаты им жалованья. 8. Так разделял он свои заботы и не позволял ничего запускать. Когда близкие к нему люди советовали напасть на соседних готов, часто проявлявших коварство и вероломство, он отвечал, что ищет лучшего врага: довольно для них и галатских купцов[5], которые повсеместно продают их в рабство, не разбирая их сословных различий.

* *Cic.* Pro. Arch., 11, 26.

** См. гл. 3, 6.

*** 27, 9, 8; 28, 1, 24.

9. Таково было его управление государством, и среди чужих племен пошла о нем молва как о государе, выделяющемся своей храбростью, умеренностью, знанием военного дела и всякими достоинствами; распространяясь мало-помалу, она наполнила весь мир. 10. Страх перед его приходом широко распространился среди соседних и далеко живущих народов, и отовсюду скорее обычного съезжались посольства. Народы, жившие за Тигром, и армяне молили его о мире, индийские племена до дивов и серендивов друг перед другом поспешно слали к нему своих старейшин с дарами, на юге мавры сами предлагали себя на службу Римскому государству, с севера и пустынных пространств, по которым впадает в море Фазид*, ехали посольства боспорцев** и других неведомых ранее народов с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им позволено было мирно жить в пределах родной их земли.

8

1. Полагаю, здесь будет уместно, раз уж мне пришлось в моем повествовании о великом государе упомянуть об этих странах, изложить ясно и достоверно некоторые сведения о землях между крайними границами Фракии и положении Понта[6], поскольку я знаком с теми краями по личному наблюдению и по книгам.

2. Известная высокая гора в Македонии Афон, через которую некогда прошел мидийский (персидский) флот***, и Кафарей, утес на Эвбее, где Навплий, отец Паламеда[7], вызвал крушение аргивского флота, хотя и лежат на большом расстоянии один против другого, отделяют, однако, Эгейское море от Фессалийского. Первое, постепенно расширяясь, с правой стороны на большом просторе усеяно островами Спорадскими и Кикладскими, названными так потому, что они лежат вокруг Делоса, прославленного рождением богов[8],

* Ныне Рион.

** Боспор, древний Пантикапей (ныне Керчь), был центром царства, состоявшего в вассальных отношениях к империи. Лет за сорок до Юлиана там прекратилась царская династия и прервались, по-видимому, связи и сношения с империей.

*** *Herod.* 7, 21 — рассказ о прорытии Ксерксом канала во избежание проезда подле Афона.

с левой стороны оно омывает Имброс, Тенедос, Лемнос, Фасос и при сильном ветре мощно поражает своими волнами Лесбос (Митилена). 3. Отраженными волнами оно обходит храм Аполлона Сминфийского[9], Троаду и славный гибелью героев Илион, и образует к западу Меланский залив, у начала которого можно видеть Абдеру, родину Протагора[10] и Демокрита, кровавое местожительство фракийца Диомеда* и долины, по которым впадает в него Гебр (Марица), далее — Маронея, Энос, город, который начал строить при дурных предзнаменованиях Эней и, вскоре оставив его, поспешил под руководством богов в древнюю Авзонию (Италию).

4. С этого места Эгейское море мало-помалу суживается и по соединительному протоку, как бы устроенному самой природой, вливается в Понт; присоединив к себе его часть, оно образует фигуру в виде буквы Ф; затем отделяет Геллеспонт от Родопы, протекает подле Киноссемы, где, по сказаниям, погребена Гекуба[11], Келы, Сеста и Каллиполя (Галиполи). С противоположной стороны оно касается могил Ахилла и Аякса, городов Дардана, Абидоса, где Ксеркс, построив мост, прошел по морю пешком, далее — Лампсака, который был подарен Фемистоклу персидским царем**, и Пария, сооруженного Парисом[12], сыном Ясиона. 5. Затем море суживается с обеих сторон в полукруг и, открывая вид на широкий простор суши, омывает растекающимися вокруг волнами Пропонтиды, восточного берега Кизик и Диндимы, священный храм Великой матери богов, Апамею и Киус, где Гилас... и Астак, впоследствии названный по имени царя Никомедией; на западе оно омывает Херсонес[13] и Эгоспотамы, где Анаксагор предсказал каменный дождь, Лисимахию и город, построенный Гераклом и посвященный им памяти своего спутника Перинфа (Гераклея-Перинф, Эски-Эрекли).

6. А в довершение полного сходства с буквой Ф в самой середине окружности лежит продолговатый остров Проконес (Мармара) и Бесбик (Калолимни). 7. Где эта форма (буква Ф) оканчивается, море опять суживается и, разделяя Европу и Вифинию, проходит подле Халкедона (Кадыкиой), Хризополя (Скутари) и других незначительных поселений. 8. На левом его берегу лежат гавань Атира, Селимбрия (Силиври),

* По сказанию, Диомед кормил своих коней человеческим мясом.
** *Corn. Nep.* Themist., 10.

Константинополь, древний Византий[14], колония афинян, и мыс Керас, на котором сооружена высокая башня, светящая кораблям. По имени последнего холодный ветер, дующий обыкновенно отсюда, называется Кератас.

9. Встречая здесь преграду и заканчиваясь соединением двух морей, водная стихия становится спокойнее и расстилается широкой гладью до самого горизонта. 10. Окружность моря, если плыть по побережью, как вокруг острова, измерена в 23 тысячи стадий*, как утверждают Эратосфен[15], Гекатей[16], Птолемей и другие авторитетнейшие специалисты в этого рода знаниях; и все географы единогласно уподобляют вид моря скифскому луку с натянутой тетивой. 11. Со стороны, где восходит солнце, оно замыкается болотами Меотиды, а где солнце склоняется к вечеру, окаймлено римскими провинциями; на той его стороне, откуда смотрит полярная звезда, живут люди различных языков и разных обычаев; южный его берег сведен легким изгибом. 12. На этих широких пространствах рассеяны греческие города. Все они, за исключением немногих, основаны в разные времена милетянами, колонистами афинян. Милет же основан много раньше в числе других ионийцев в Азии Нелеем, сыном знаменитого Кодра[17], который, как гласит сказание, пожертвовал собой за отечество во время войны с дорийцами.

13. Оконечности лука образуют с обеих сторон два узких Боспора, лежащие друг против друга: Фракийский и Киммерийский**.

Имя Боспора носят они потому, что некогда дочь Инаха, превращенная, по словам поэтов, в корову, перешла через них в Ионийское море***. 14. Справа от искривления Фракийского Боспора лежит берег Вифинии, которую древние называли Мигдонией. В ней находятся области Тиния и Мариандена, племя бебриков, которых храбрый Поллукс освободил некогда от свирепого Амика****, и удаленная местность, где грозно летавшие Гарпии устрашали некогда прорицателя Финея[18]. На этом берегу, образующем изогнутый*) продолговатый залив,

---

* 4071 км.

** Босфор и Керченский пролив.

*** Боспор — βοόσ πόρόζ, бычий брод. Известное сказание об Ио, дочери Инаха. См.: *Ovid.* Metam., I, 568.

**** *Apollodor.* Bibl., 1, 9.

*) Сохраняем чтение *curvata*, Гардтгаузен читает *curvatus*.

впадают в море реки Сангарий (Сагари), Филис, Лик и Ребас. Напротив устьев этих рек лежат черные Симплегады, два утеса, круто спускающиеся к морю. В древние времена они сталкивались с ужасающим шумом и, отступая назад мощным толчком, возвращались на то место, откуда срывались. Эти скалы расступались и сближались с такой быстротой, что даже если пролетала птица, то никакая быстрота полета не спасала ее и она гибла раздавленной. 15. Но с тех пор, как корабль «Арго», направлявшийся к колхам, чтобы похитить золотое руно, впервые прошел между этими скалами невредимым, они стали неподвижными и, утратив свою ярость, срослись воедино, так что тот, кто их видит теперь, не мог бы поверить, что они некогда были разъединены, если бы не были согласны в своих повествованиях об этом все поэты древности[19].

16. За Вифинией простираются провинции Понт и Пафлагония, в которых лежат Гераклея (Эрекли), Синоп, Полемоний и Амиз, значительные города Тиос и Амастрида (Амастра) — все они основаны предприимчивыми греками, — Кераз (Киризонт), откуда Лукулл привез плоды, носящие имя этого города*, скалистые острова, на которых расположены небезызвестные города Трапезунд и Питиунт (Пицунда). 17. Недалеко от этих мест есть Ахерузская пещера, которую местные жители называют μυχοπότιον, и гавань Акона, а также различные реки: Ахеронт, он же Аркадий, Ирис, Тибрис, а также Парфений, — все они стремительным течением впадают в море. Ближайшая к ним река — Термодонт (Термех); стекая с Армонских гор, он проходит по Темисцирейским рощам, в которые некогда вынудила переселиться амазонок вот какая причина.

18. В древние времена амазонки непрерывно опустошали кровавыми вторжениями области своих соседей. Возгордившись от своих успехов, в сознании превосходства своих сил над соседями, на которых они часто нападали, они зашли слишком далеко, пробившись через множество народов, вступили в войну с афинянами. В жестокой сече они были убиты, и так как лишились своих коней, то и пали в бою. 19. Когда стало известно об их гибели, остальные, оставшиеся дома, как негодившиеся для войны, оказались в очень трудном положении и, спасаясь от губительных нападений

* Cerasus — вишня.

соседей, мстивших им за прежние обиды, перешли на более спокойное местожительство на Термодонте. Там их потомство очень увеличилось, и с мощной ратью они вернулись в родные места, став впоследствии грозой для народов не одного с ними племени. 20. Недалеко оттуда отлого поднимается гора Карамбис (Керембе), напротив Гелики, и на расстоянии 2500 стадий* находится Криуметопон (Бараний лоб), мыс Таврики. От этого места весь морской берег, начиная от реки Галиса (Кизил-Ирмак), как бы вытянутый в длину по прямой линии, представляет собой нечто вроде тетивы, прикрепленной к концам лука. 21. Соседствуют с этими областями даги, самые воинственные из всех, и халибы: они первые начали добывать и обрабатывать железо. За ними занимают широкие пространства бизары, сапиры, тибарены, моссинэки, макроны и филиры, народы, с которыми у нас нет никаких отношений.

22. Недалеко от них находятся памятники славным мужам, где погребены Стелен, Идмон и Тифий: первый — спутник Геракла, насмерть раненный в битве с амазонками, второй — прорицатель аргонавтов, а третий — весьма искусный кормчий корабля «Арго». 23. За названными областями находится Авлийская пещера и река Каллихор, названная так потому, что Вакх[20], после того как он за три года покорил индийские народы, вернувшись в эти местности, восстановил на зеленых и тенистых берегах этой реки древние оргии и пляски. Некоторые полагают, что священнодействия этого рода называются триетерическими (трехлетними)...** 24. Далее лежат густо населенные области камаритов, и река Фазид (Рион) в своем шумном течении касается колхов, происшедших в глубокой древности от египтян. Там среди других городов есть Фазид, названный так по имени реки, и до наших времен известная Диоскуриада, основателями которой считаются спартанцы Амфит и Церций, возницы Кастора и Поллукса; от них произошло племя гениохов. 25. Неподалеку от них живут ахейцы, которые по окончании какой-то более ранней войны под Троей, — не той, когда спорили за Елену, — были загнаны, по словам некоторых писателей, встречными ветрами в Понт. Встречая по-

* 442,5 км.
** Ср.: *Verg.* Aen., 4, 302.

всюду врагов и нигде не находя места для прочного поселения, они засели на вершинах гор, покрытых вечным снегом. Страдая от ужасного климата, они привыкли собирать, добывать себе пропитание грабежом с опасностью для жизни. Потому-то и стали они свирепы выше всякой меры. О керкетах, которые с ними граничат, нельзя сообщить ничего достойного внимания.

26. Позади них живут обитатели Киммерийского Боспора; там находятся колонии милетян и как бы мать их всех — Пантикапей, который омывает река Гипанид, обильная собственными водами и впадающими в нее извне*. 27. На довольно далеком расстоянии отсюда живут по обоим берегам Танаиса (Дона) амазонки вплоть до самого Каспийского моря. Танаис вытекает из кавказских скал, течет широкими излучинами и, отделяя Азию от Европы, исчезает в меотийских болотах. 28. По соседству с Танаисом находится река Ра (Волга). На ее берегах водится корень одного растения, одноименный с этой рекой, который широко употребляется в медицине. 29. За Танаисом широко раскинуты савроматы; в их земле протекают непересыхающие реки: Марабий, Ромбит, Теофаний и Тотордан. Другое племя савроматов живет на большом расстоянии оттуда в прибрежной полосе, через которую впадает в море река Коракс.

30. Неподалеку отсюда лежит Меотида (Азовское море), занимающая весьма большое пространство. Много воды из ее обильных источников прорывается через Пантикапейский пролив в Понт, на правом берегу которого лежат острова Фанагур и Гермонасса, застроенные стараниями греков**. 31. Вокруг этих крайних и отдаленных болот обитает множество народов, весьма различных между собою по языку и обычаям: яксаматы, меоты, языги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны и агафирсы, у которых находятся обильные залежи камня адаманта. За этими народами еще дальше обитают другие, нам неведомые, так как они живут дальше всех в глубь материка. 32. А на левой стороне Меотиды есть полуостров, заполненный греческими колониями. Поэтому насе-

---

* Гипанид — Кубань. Очевидно, карта Аммиана передавала неточно географические отношения тех мест.

** Фанагория и Гермоносса — древние греческие колонии. Почему они названы островами, остается неясным. Вряд ли Аммиан мог иметь точные сведения о лиманах и озерах Таманского полуострова.

ление живет там спокойно и миролюбиво, полагает свои заботы в земледелии и питается плодами земли.

33. Недалеко от них за различными царствами живут тавры; среди них арихи, синхи и напеи страшны своей дикостью, и так как продолжительная безнаказанность усиливала их свирепость, то от того и пошло имя морю «Негостеприимное». Если его называют наоборот Евксинским (гостеприимным), то это ирония, подобно тому как мы, греки, называем благодушным глупого, благожелательницей — ночь, Евменидами (добромыслящими) — Фурий[21]. 34. Эти народы добывали милости богов человеческими жертвами и, закалывая пришельцев в жертву Диане, которая у них зовется Орсилохой, прибивали головы убитых на стенах храма как вечные памятники славным деяниям.

35. Близ Таврики* лежит необитаемый остров Левка**, посвященный Ахиллу. Если кто случайно попадет туда, тот, осмотрев памятники древности, храм и дары, посвященные этому герою, возвращается вечером на корабль. Говорят, что там нельзя проводить ночь, не подвергая опасности свою жизнь. На острове есть пруд и водятся белые птицы, похожие на зимородков, о происхождении которых, как и о времени битв на Геллеспонте я буду рассказывать в другом месте***. 36. В Таврике есть несколько городов; более значительные среди них — Евпатория, Дандака и Феодосия; есть и другие, поменьше, не оскверненные человеческими жертвоприношениями.

37. В этих местах находится самый угол лука. Теперь я прослежу по порядку дальнейшую его кривизну, обращенную к северу, до левого берега Фракийского Боспора. Замечу при этом, что, тогда как у всех прочих народов луки имеют более плоскую кривизну, только скифские и парфянские луки своими сведенными с обеих сторон внутрь широкими кривыми рогами с натянутой посередине прямой круглой тетивой представляют вид луны на ущербе.

38. В самом начале этого материка, там, где кончаются Рифейские горы, живут аримфеи, праведные и известные своим миролюбием люди. Область их омывают реки Хроний и Висула (Висла). По соседству с этим народом обитают мас-

* В тексте читается: In hac Taurica.

** Фидониси или Змеиный, против устья Дуная.

*** Гардтгаузен изменяет рукописное чтение *desseremus* на desserabamus.

сагеты, аланы и саргеты, а также многие неизвестные народы; но нам неведомы даже названия их, не то что обычаи.

39. На значительном расстоянии оттуда простирается Каркинитский залив, течет река с тем же названием и находится почитаемая в тех местах роща Тривии. 40. Далее, вытекающий из гор нервиев Борисфен, многоводный от самых своих истоков и обогащающийся впадением многих рек, вливается в море бурливыми волнами. На его лесистых берегах лежат города Борисфен, Кефелонес и Жертвенники, посвященные Александру Великому и Цезарю Августу*. 41. Вдалеке оттуда есть полуостров, который заселяют синды, известные только тем, что после несчастий, постигших их господ в Азии, они овладели их женами и имуществом[22]. К их земле примыкает узкая береговая полоса, называющаяся у местных жителей «Ахиллово ристалище», так как здесь некогда упражнялся в беге этот фессалийский вождь. В непосредственной близости от него находится Тир, колония финикийцев**, которую омывает река Тира (Днестр).

42. В среднем пространстве лука, представляющем собой весьма широкую протяженность, в 15 дней пути для хорошего пешехода, живут европейские аланы, костобоки и бесчисленные племена скифов, область которых тянется до земель с неизвестными нам границами. Небольшая часть их питается плодами полей; все же остальные кочуют по широким степям, не тронутым сохой, не знавшим посева, одичалым и покрытым инеем. Они питаются по-звериному; свои семейства, жилища и скудный домашний скарб они укладывают на кибитки, покрытые корой, и, когда появится желание, беспрепятственно передвигаются, направляя свои телеги куда вздумают.

43. Если подойти к другому обильному гаванями заливу, которым заканчивается фигура лука, то здесь выступает остров Певка, вокруг которого живут троглодиты, певкины и другие менее многочисленные народы. Там же лежат Истр, некогда весьма могущественный город, Томы (Кюстендже), Аполлония, Анхиал, Одисс (Варна) и много других, располо-

---

* На карте Птолемея значатся в восточной части Европейской Скифии города этого наименования.

** Очевидно, Аммиан был введен в заблуждение сходством имен *Turoz* и *Turaz*. Греческая колония Тира, одноименная с рекой, лежала на месте нынешнего Аккермана.

женных на берегах Фракии. 44. А река Данубий, имеющая свои истоки поблизости от Рavраков, на пограничных с Рэцией горных высотах, протекает по широкому пространству земель, принимая в себя 60 притоков, которые почти все судоходны, а на этом скифском берегу впадает семью устьями в море. 45. Первое из них образует вышеназванный остров Певку, остальные, которые называются в греческом переводе так: второе — Наракустома (устье Нарака), третье — Калонстома (Прекрасное устье) , четвертое — Псевдостома (Ложное устье); Борионстома (Северное устье) и затем Стеностома (Узкое устье), имеют более медленное течение, чем другие, а седьмое — почти стоячее и представляется черным как болото.

46. Весь Понт по своей окружности часто покрывается туманами, имеет воду более пресную, чем в других морях и изобилует отмелями. Это имеет место оттого, что вследствие частых испарений влаги сгущается воздух, масса впадающих вод опресняет воду моря, и так как множество впадающих в него рек несут ил и песок, то образуются нагромождающиеся наносы.

47. Известно, что из самых дальних пределов нашего моря (Средиземного) стаями устремляются в эту даль рыбы ради метания икры, чтобы вырастить свое потомство более здоровым образом благодаря пресной воде и в безопасных затонах, которых там очень много, спасти их от прожорливых морских чудовищ, так как в Понте не видели ничего подобного за исключением безвредных дельфинов, и то в малом числе. 48. А та часть Понтийского залива, которую поражает Аквилон и снега, подвержена такому холоду, что реки промерзают, как полагают, до дна, люди и животные не могут ходить по неверной и проваливающейся поверхности, — подобное бедствие никогда не постигает чистое море, но лишь смешанное с водами рек. После этого отступления, которое получилось более длинным, чем я предполагал, возвращаюсь к дальнейшему повествованию.

49. В завершение радостных событий момента случилось то, чего давно ждали, но что затягивалось различными проволочками. Агилон и Иовий, бывший впоследствии квестром, сообщили, что защитники Аквилеи, измученные продолжительной осадой, узнав о смерти Констанция, открыли ворота, вышли и выдали виновников бунта. Эти

последние, как я уже упоминал, были сожжены живыми, а всем остальным дано было помилование и прощение их проступка*.

9

1. Возгордившись от этих удач, Юлиан чувствовал себя как бы сверхчеловеком. Он счастливо избавился от непрерывных опасностей, и, казалось, сама Фортуна с рогом изобилия в руках оказывала ему, спокойно властвовавшему над римским миром, всяческое благоволение и сулила славу. К прежним его победам прибавляла она и то благополучие, что, когда он стал единодержавным правителем империи, ему не приходилось бороться с внутренними врагами, и ни один варварский народ не выходил из своей земли. Все народы, со свойственной людям страстью корить прошлое за грехи и обиды, единодушно слагали ему хвалу.

2. Устроив после надлежащего размышления все дела согласно обстоятельствам и времени и воодушевив солдат для предстоящих предприятий многократными речами и уплатой соответствующего жалования, Юлиан в гордом сознании всеобщего к себе расположения покинул Константинополь, решив направиться в Антиохию. Он много сделал для благосостояния Константинополя; там он родился и любил этот город как свою родину и почитал его. 3. Итак, он переправился через пролив и, миновав Халкедон и Либиссы, где погребен карфагенянин Ганнибал[23], прибыл в Никомедию. Этот славный издавна город предшествующие императоры так расширили, не останавливаясь для этого в расходах, что, по мнению сведущих людей, великое множество частных и общественных зданий придает ему облик одной из частей Вечного города (Рима). 4. Когда он увидел, что стены этих великолепных сооружений лежат в жалком прахе, молчаливая слеза выдала скорбь его духа, и медленным шагом направился он к дворцу. Скорбь его усилило то обстоятельство, что блиставшие некогда благосостоянием сенат и народ этого города вышли ему навстречу в жалких одеждах. Он узнавал в некоторых своих старых знакомых, так как он был воспитан там под руководством епископа Евсевия, своего отдаленного

* Ср.: 21, 12, 20.

родственника. 5. Отпустив значительные средства на устранение разрушений, произведенных землетрясением, он прибыл через Никею к границам Галлогреции[24]. Взяв оттуда направо, он заехал в Пессинунт, чтобы посетить древний храм Великой Матери богов. Из этого города во время Второй Пунической войны по указанию Кумской Сивиллы[25], Сципион Назика перевез изваяние богини в Рим*. 6. В рассказе о правлении императора Коммода я поместил краткий экскурс о прибытии этого изваяния в Италию и о других относящихся к этому обстоятельствах. 7. Относительно того, почему город носит такое название, писатели говорят по-разному: одни утверждают, будто город назван ἀπότοῦπεσετν, что значит по-латыни «падать», так как изображение богини упало с неба; другие повествуют, что так назвал это место Ил, сын Троса, царь Дардании**. Теопомп говорит, что это сделал не Ил, а Мидас, столь могущественный некогда царь Фригии[26].

8. Почтив богиню, совершив жертвы и дав обеты, Юлиан вернулся в Анкиру***. На дальнейшем пути оттуда его беспокоила толпа просителей: одни молили о возвращении отнятого у них насилием, другие жаловались, что они несправедливо включены в состав курии[27], некоторые, рискуя подвергнуться опасности, доходили в своем озлоблении до того, что возводили на своих противников обвинения в преступлениях оскорбления величества.

9. Проявляя строгость кассиев и ликургов[28] Юлиан с полным беспристрастием вникал в подробности каждого дела, воздавая каждому должное. Особенную строгость проявлял он к клеветникам, к которым относился с ненавистью, так как, занимая еще низкое положение и будучи частным лицом, он на себе самом испытал, до какой наглости доходят часто люди этого сорта. 10. Как на пример терпения, проявленного Юлианом в такого рода деле, можно указать в числе множества других на следующий случай. Один человек настойчиво доносил на другого, с которым он был в жестокой ссоре, обвиняя его в преступлении оскорбления величества. Император не обращал на него внимания, а тот изо дня в день повторял свой донос, и, когда наконец Юлиан спросил его, на кого он возводит это обвинение, он отвечал, что это

* *Liv.* 29, 10—11.
** *Herodian.* 1, 14.
*** Ангора.

богатый горожанин. Услышав это, император сказал с улыбкой: «На каком основании пришел ты к этому заключению?» 11. Тот ответил: «Он готовит себе пурпурное одеяние из шелкового плаща». Так как этот человек низкого общественного положения возводил на другого такого же, как он сам, столь тяжкое обвинение, то император приказал ему молчать и идти своей дорогой, не взыскивая с него. Но тот продолжал настаивать на своем. В досаде на эту назойливость Юлиан обратился к оказавшемуся поблизости комиту государственного казначейства и сказал: «Прикажи выдать этому опасному болтуну пару пурпурных сапог, чтобы он их снес своему противнику. Насколько я понял, он говорит, что тот сделал себе хламиду эгого цвета; так пусть он узнает, как мало значат жалкие тряпки без обладания высшей властью».

12. Если подобные поступки были достойны похвалы и заслуживают подражания хороших государей, то было жестоко и достойно порицания то, что при нем лишь с трудом добивались своего права люди, зачисленные в курию, хотя бы они могли сослаться на привилегии, число лет службы и доказать свое совершенно иное происхождение. Вследствие этого многие в страхе откупались тайными подарками от тяготы этого звания.

13. Продолжая свой маршрут, Юлиан прибыл в Пилы, город, расположенный на границе Каппадокии и Киликии. Правителя провинции, по имени Цельз, он встретил поцелуем — он знал его со времени своего обучения в Афинах — и, усадив его в свой экипаж, приехал вместе с ним в Тарс. 14. Спеша увидеть Антиохию, изящный венец Востока, он направился туда по обычному пути. При приближении к городу он был принят с общественными обетами, словно какое-нибудь божество, и был поражен криком огромной толпы, вопившей, что воссияло Солнце над восточными областями. 15. Как раз в эти дни совершался ежегодный, издревле установленный праздник, называвшийся Адонии в честь любимца Венеры (Адониса), который, как гласит сказание, погиб от клыков кабана, — это символ жатвы дозревших злаков. Можно было принять за печальное знамение, что при первом вступлении императора в этот огромный город, резиденцию государей, слышны были отовсюду завывающие звуки и скорбный плач. 16. Здесь проявил он свою терпеливость и мягкость, в случае, правда, незначительном, но

достойном удивления. Он питал ненависть к некоему Талассию, бывшему императорскому секретарю*, который интриговал против его брата Галла. Так как ему запрещено было участвовать вместе с другими почетными лицами во встрече и приеме императора, на следующий день его враги, с которыми он вел судебные тяжбы, собрав праздную толпу и приблизившись к императору, кричали: «Талассий, враг твоего величества, насилием ограбил нас».

17. Понимая, что тут представлялся случай погубить этого человека, он дал, однако, такой ответ: «Я признаю, что человек, которого вы называете, это есть и мой обидчик; но приличнее помолчать вам, пока он не даст удовлетворения мне, его первому противнику». И он приказал присутствовавшему префекту претория, чтобы тот не приступал к разбору их тяжбы, пока он сам не помирится с Талассием, что вскоре и последовало.

10

1. В Антиохии Юлиан приятно провел зиму, поддаваясь искушениям страстей, которые столь обильны повсюду в Сирии. Под видом отдыха он отдавал все свое внимание судебным делам, не менее трудным и требовавшим не менее глубокого внимания, чем дела военные. При этом он проявил самое ревностное старание разобраться в них, чтобы воздать каждому должное и справедливыми приговорами наложить на злодеев умеренные наказания, а невиновным обеспечить неприкосновенность их имущества. 2. И хотя при разбирательстве он иногда нарушал порядок, спрашивая не вовремя, какую веру исповедовал каждый из тяжущихся, среди его приговоров нет ни одного несправедливого, и нельзя было его упрекнуть в том, что он хоть раз отступил от стези справедливости из-за религии или чего-либо иного. 3. Желательным и справедливым приговором является такой, в котором после всестороннего изучения дела определяется, что одно справедливо, а другое несправедливо; уклоняться от этого принципа Юлиан остерегался, как опасается кормчий перед крутыми прибрежными утесами. Он мог этого достигнуть потому, что, зная за собой склонность увлекаться, он

* Proximus libellorum.

позволял префектам и своим приближенным смело удерживать его порывы, направлять их к должному и обуздывать их своевременным советом. Он открыто выражал сожаление о своих ошибках и с радостъю принимал исправление. 4. А когда защитники на тяжбах прославляли громкими аплодисментами его превосходное понимание права, он, как говорят, сказал с глубоким чувством: «Я всегда радовался и гордился, когда меня хвалили те люди, которые могли бы меня порицать, если бы я погрешил словом или делом». 5. Из многих примеров его милосердия в судебных делах достаточно будет привести один, очень характерный и не лишенный интереса. Одна женщина, явившись в суд, увидела, что ее противник, который был из числа отставных придворных, носил, против ее ожидания, пояс*. По поводу этой дерзости она подняла громкий крик. Император сказал на это: «Излагай свою жалобу, женщина, если ты считаешь себя в чем-нибудь обиженной; а этот человек так подпоясан, чтобы ему легче было ступать по грязи; это не может повредить твоему делу». 6. Эти и подобные факты, как он сам часто говорил, позволяли думать, что в его правление вернулась на землю та древняя богиня справедливости, о которой Арат[29] говорил, что, оскорбленная человеческой неправдой, она поднялась на небо. Но, к сожалению, кое в чем он руководствовался не законом, а своим произволом и кое-какими погрешностями омрачил широкий и светлый ореол своей славы. 7. Между прочим, он улучшил редакцию некоторых законов и, устранив двусмысленности, придал им полную ясность в том, что они повелевают и что запрещают. Но жестокой и достойной вечного забвения мерой было то, что он запретил учительскую деятельность риторам и грамматикам христианского вероисповедания.

11

1. В это время нотарий Гауденций, которого Констанций, как я сказал, послал в Африку для противодействия Юлиану, а также ревностный приверженец той же партии, бывший викарий тех областей Юлиан были привезены в оковах и

---

* Cingulum — пояс, символ состояния на службе, отсюда выражение cingulum adimere — дать отставку.

преданы смертной казни. 2. Тогда же был казнен и бывший дукс Египта Артемий по обвинению его александрийцами в тяжких преступлениях. После него был публично казнен сын бывшего магистра конницы и пехоты Марцелла за покушение на верховную власть. Наконец, были отправлены в ссылку Роман и Винценций, трибуны первой и второй схолы скутариев, которые были уличены в не соответствовавших их положению замыслах. 3. Немного времени спустя, после того как александрийцы узнали о смерти Артемия, возвращения которого с прежней властью они опасались, так как он угрожал отомстить многим за обиду, они обратили свой гнев против епископа Георгия*, который неоднократно уязвлял их — позволю себе так выразиться — своим змеиным жалом. 4. Сын шерстобитного мастера из киликийского города Епифании, он возвысился на горе многим, на несчастье себе и общему делу и был назначен епископом Александрии, города, который нередко без повода со стороны и без достаточных оснований приходит в бурное волнение, как о том свидетельствуют даже оракулы. 5. Для этих горячих голов Георгий сам по себе явился сильным возбудительным средством. Перед Констанцием, который имел склонность допускать наушничество, он оговаривал многих, будто они не повинуются его приказаниям, и, забыв о своем призвании, которое повелевает ему только кротость и справедливость, он опустился до смертоносной дерзости доносчика. 6. Говорят, будто он между прочим злостно донес Констанцию, что в этом городе все стоящие на его земле здания должны по справедливости платить налог в казну, как выстроенные основателем Александрии Александром Македонским с затратой крупных сумм государственных денег. 7. К этим злым делам он прибавил еще одно, которое вскоре низвергло его в пучину погибели. Когда он, вернувшись с императорской главной квартиры, с большой, по обычаю, свитой проходил мимо великолепного храма Гения[30], то, обратив свой взор на храм, воскликнул: «Долго ли будет еще стоять эта гробница?» Эти слова поразили многих как удар грома. Стали бояться, как бы Георгий не предал разрушению и этот храм и в тайных кознях всячески не работал на его гибель. 8. И вот, когда

* Преемник изгнанного Афанасия, поборника православия и врага арианства.

неожиданно пришло радостное известие о смерти Артемия, вся чернь в возбуждении от неожиданной радости устремилась с ужасным криком в дом Георгия. Его вытащили, подвергли всякого рода истязаниям, волокли по земле и до смерти затоптали ногами.

9. Вместе с ним были убиты начальник монетного двора Драконций и некто Диодор, имевший звание комита, — их волокли по улицам, связав ноги веревками. Первый провинился тем, что на монетном дворе, которым он управлял, приказал разрушить недавно воздвигнутый там жертвенник, второй — тем, что, заведуя постройкой церкви, очень ревностно стриг волосы подросткам, полагая, что длинные волосы имеют отношение к культу богов. 10. Не удовольствовавшись этим, бесчеловечная толпа возложила растерзанные трупы убитых на верблюдов, отвезла их на берег моря и, предав немедленно огню, бросила в море пепел. В громких криках мучители выражали опасение, что христиане, собрав их останки, воздвигнут им церкви, подобно тому как и тем, кого зовут теперь мучениками; эти последние, будучи побуждаемы отпасть от своей религии, переносили мучительные казни и, сохраняя незапятнанной свою веру, шли на славную смерть. Когда этих несчастных вели на страшную казнь, их могли бы защитить христиане, если бы ненависть к Георгию не была всеобщей. 11. Император, получив известие об этом ужасном злодействе, хотел сначала самым жестоким образом покарать виновных. Но ближайшие его советники смягчили его гнев, и он ограничился тем, что издал указ, в котором в резких выражениях порицал совершенное злодеяние и угрожал самыми страшными наказаниями, если и впредь будут попытки совершить что-либо, равно воспрещаемое справедливостью и законами.

12

1. Сам он готовился между тем к походу против персов, который в своих широких замыслах задумал уже давно. Его возбуждало желание отомстить за прошлое, так как он знал и слышал, что этот дикий народ в течение почти 60 лет терзал наш восток жесточайшим грабежом и разбоем, и наши армии нередко были истреблены до последнего человека. 2. Его снедала жажда брани по двум причинам:

во-первых, потому что он не выносил вообще покоя и бредил боевыми сигналами и сражениями, во-вторых, потому что, будучи в годы ранней юности, послан на битву с дикими народами, теперь, когда в результате происков царей и царевичей (персидских?) поднимался опять их боевой задор, а их князья и цари вновь старались разжечь войну и, как можно было думать, скорее готовы были дать себя победить, чем протянуть руки с мольбой о мире*, он горел желанием присоединить к своим славным военным отличиям титул Парфянского.

3. Трусливые и зложелательные хулители Юлиана, видя эти поспешные приготовления, возбуждали злостные толки о том, что недостойно и опасно, чтобы смена государя на троне принесла с собой такое несвоевременное потрясение для государства. Они прилагали все усилия, чтобы отложить поход. В присутствии тех, кто мог передать их речи императору, они говорили, что если он не будет вести себя спокойно, то в избытке своего счастья сам принесет себе гибель, как слишком пышный рост хлебов губит урожай. 4. Эти их старания и интриги оставались тщетными; он не обращал никакого внимания на тайные обиды, как Геракл на пигмеев или Тиодаманта, грубого лидийца[31]. 5. Как человек выдающейся инициативы, он продолжал с той же настойчивостью составлять грандиозный план военных действий и прилагал все силы для того, чтобы заготовить в соответствующем количестве запасы.

6. Однако слишком уж часто и обильно он поливал жертвенники кровью животных: иной раз он закалывал по сто быков, без счета приносил в жертву множество разного скота и белых птиц, которых отыскивали на суше и на море, так что каждый почти день можно было видеть, как наедавшихся без меры мяса и напившихся до бесчувствия солдат тащили по улицам в казармы на своих плечах прохожие из общественных зданий с пиров, которые следовало бы скорее запретить, чем допускать. Особенно отличались кельты и петуланты, распущенность которых превзошла в ту пору всякие пределы. 7. Безмерно увеличивались религиозные церемонии, совершавшиеся с огромными и совсем необычными расходами. Заявлять себя предсказателем можно было всяко-

* Текст, очевидно, испорчен, и мысль остается не вполне ясной.

му, знал ли он дело или нет, без определенной цели и установленных правил; всем разрешалось вопрошать оракулы и копаться во внутренностях животных, которые иногда дают указания на будущее; на всякий лад с преувеличенным разнообразием усиленно выискивали предсказания в пении и полете птиц и других знамениях.

8. При таком всеобщем настроении Юлиан, проявлявший во всем большую настойчивость, задумал нечто новое, а именно: открыть вещие воды Кастальского источника[32]. Говорят, что закрыл его каменной плотиной Цезарь Адриан, сам он узнал о предстоящей ему верховной власти благодаря вещим водам и опасался, чтобы и другим не было такого же знамения. Юлиан немедленно приказал перенести оттуда погребенные рядом трупы, с соблюдением того же обряда, который использовали афиняне для очищения Делоса[33].

13

1. Примерно в то же время, 22 октября, огромный храм Аполлона Дафнейского был уничтожен внезапным пожаром. Построил его Антиох Эпифан, этот царь, известный своим злобным и свирепым характером, и поставил в нем статую бога по образцу Юпитера Олимпийского, имевшего такие же размеры[34]. 2. Этот неожиданный и неприятный случай привел императора в такое раздражение, что он приказал произвести особенно строгое следствие и велел запереть самую большую церковь в Антиохии. Он подозревал, что пожар произвели христиане из зависти, так как они с неудовольствием видели, что вокруг этого храма возводился великолепный портик. 3. Был, однако, ничем, правда, не доказанный слух, будто храм сгорел по следующей причине: философ Асклепиад[35], о котором я упоминал в рассказе о Магненции*, прибыл издалека с целью повидать Юлиана и остановился в этом предместье. Он поставил у ног большой статуи маленькое серебряное изображение Небесной богини**, которое повсюду носил с собой, и, возжегши по обычаю перед ним восковые свечи, ушел из храма, а после полуночи, когда никого не было в храме и никто не мог прийти на помощь, вылетавшие искры упали на старое

* В недошедшей до нас части сочинения.
** Venus urania.

дерево, вспыхнувший в сухом материале огонь разгорелся и пожрал все до самого верха здания. 4. В том же самом году еще наступила страшная засуха, так что пересохли некоторые ручьи и иссякли источники, бившие с большой силой; позднее, однако, они пришли в прежнее состояние.

5. А 2 декабря, когда день уже клонился к вечеру, обрушилась от землетрясения уцелевшая раньше часть Никомедии*, а также и значительная часть Никеи.

14

1. Хотя эти несчастья очень огорчали заботливого государя, но он не забывал и о тех настоятельных нуждах, которые предстояло удовлетворить до начала желанной войны. Среди этих важных и серьезных забот казалось совершенно неуместным, что он хлопотал без всякого основательного повода, но исключительно ради популярности о дешевизне продуктов; а дело это такое, что если неудачно его повести, то обычно в результате бывает голод. 2. Хотя антиохийский сенат открыто заявил, что установить низкие цены в ту пору, когда требовал того император, совершенно невозможно, тем не менее он настаивал с таким же упорством, как и брат его Галл, хотя и не доходил, впрочем, до пролития крови. Рассердившись из-за упорства и противодействия, оказанного городским сенатом, он сочинил памфлет под названием «Антиохийская речь, или Враг бороды»; в нем он с раздражением перечислял всякие грехи города и допустил при этом немало преувеличений в нарушение истины. Ему пришлось, однако, потом услышать много острых шуток на свой счет; и так как он вынужден был в тот момент промолчать, то тем сильнее было его раздражение. 3. Его называли в насмешку Кекропсом (обезьяной), карликом, который выставляет вперед свои узкие плечи и свою козлиную бородку, ходит огромными шагами, как будто будучи братом Ота и Эфиальта, которым Гомер приписывает невероятно большой рост; называли его не почитателем богов, а виктимарием**, так как многие высмеивали его частые жертвы. Эти насмешки попа-

* Ср.: 17, 7.

** Victimarius — прислужник при жертвоприношении, убивавший жертвенное животное.

дали в цель, так как он, желая выставить напоказ свое усердие, сам подносил вместо жрецов священную утварь и совершал моления, окруженный толпой женщин. И хотя все это возбуждало его негодование, но он молчал, сдерживал свой гнев и продолжал отправлять религиозные церемонии.

4. Наконец в установленный день празднества он взошел на поросшую лесом гору, называющуюся Касий. Гора эта, поднимающаяся вверх на значительную высоту, представляет собой конусообразное возвышение; при вторых петухах с нее можно видеть восход солнца. Когда он приносил здесь жертву Юпитеру, он вдруг увидел простершегося на земле какого-то человека, который умоляющим голосом просил его даровать ему прощение и жизнь. На вопрос, кто он такой, получен был ответ, что это бывший гиерапольский председатель курии. Когда среди других почетных лиц он принимал участие в проводах Констанция, выступавшего из их города, низко льстя императору как несомненному победителю, с притворными слезами и воплями просил его прислать к ним голову неблагодарного изменника, подобно тому, как на его памяти носили повсюду голову Магненция. 5. Выслушав его признание, Юлиан сказал: «Я слышал рассказ об этом от многих, но ступай себе с миром домой. От всякого страха освобождает тебя милосердие государя, который мудро решил уменьшать число врагов и сам ревностно старается увеличить число своих друзей».

6. Когда он, совершив жертвоприношение, спустился с горы, ему представили донесение правителя Египта, в котором тот докладывал, что после продолжительных и тщательных розысков удалось найти быка Аписа, что, по представлениям тамошних жителей, считается добрым предзнаменованием и предсказывает хороший урожай и блага всякого рода. 7. Уместно будет сообщить кое-что по этому поводу. Среди животных, которым издревле воздается культ, наиболее известны Мневис и Апис. Первый посвящается Солнцу, но о нем ничего невозможно сообщить примечательного; второй — Луне. Апис должен иметь различные врожденные отметины, особенно его отличает пятно в виде полумесяца на правом боку. Когда, прожив некоторое число лет, он издохнет, будучи погружен в священный источник, а продолжать его век дальше определенного срока не позволяют тайные указания мистических книг, убивают с подобными церемо-

ниями и ту корову с определенными отметинами, которую к нему приводили. После смерти одного ищут другого при всенародном трауре, и когда удается найти быка со всеми нужными приметами, то ведут его в Мемфис, многолюдный город, прославленный культом божества Эскулапа[36]. 8. Когда же сто жрецов посвятят его и введут в особое помещение, он становится священным и, как говорят, дает откровения будущего определенными знаками, а некоторых из обращающихся к нему он, по-видимому, отвергает косвенными указаниями. Так, мне пришлось читать, что, когда Германик Цезарь подносил ему корм, Апис отвернулся, и этим предсказал быстро постигшую его потом кончину*.

15

1. Этот подходящий случай побуждает меня представить краткое описание Египта, о котором я подробно рассказывал в истории Адриана и Севера[37], большей частью на основании того, что сам видел. 2. Египетский народ, древнейший из всех, — разве только со скифами спорит он своей древностью**, — имеет южной границей Большие Сирты, мысы Фик и Борион, гарамантов и другие народы; с востока он простирается в направлении эфиопских городов Элефантины и Мероэ, Катадун, Красного моря и сценитских арабов, которых мы зовем теперь сарацинами***, с севера он связан с материком, где начинается Азия и сирийские провинции; с запада он отделен Иссиакским морем, которое некоторые зовут Парфенийским. 3. Прежде чем вести речь о других достопримечательностях этой страны, уместно будет сделать краткое сообщение о благодетельной реке Нил, которую Гомер называет Египтом[38]. 4. Истоки Нила, как мне думается, останутся неизвестны и последующим поколениям, как было то до сих пор. Но так как поэты в своих рассказах и расходящиеся в своих показаниях между собой географы высказываются весьма различно по этому темному вопросу, то я кратко изложу суждения, которые, по моему мнению, близки к истине. 5. Некоторые физики утверждают, что на севере, когда все сковывает зимний холод, образует-

* *Plin.* H. n., 8, 46.
** *Iust.* 2, 2.
*** Ср.: 14, 3.

ся масса снегов; а когда они начинают таять под влиянием летнего тепла, то образуются облака, содержащие испарения. Под дуновением пассатов они направляются в южные страны и от сильного зноя дают обильную прибыль воды Нилу. 6. Другие говорят, что проливные дожди в Эфиопии, которые в тех местностях очень сильны во время летнего зноя, вызывают в определенные сроки наводнения Нила. Оба мнения расходятся с истиной. Засвидетельствовано, что у эфиопов или вовсе не бывает дождей, или же они идут через большие промежутки времени. 7. Более распространено иное мнение, а именно: непрерывно дующие «продромы», а затем в течение 45 дней пассаты гонят назад течение реки, и уровень воды, из-за задержки ее быстрого течения, поднимается от прибывающей воды. Вода прибывает все больше от противодействия встречного ветра; с одной стороны ее гонит назад сила ветра, а с другой — напирает течение родников. И вот река, поднимаясь выше, покрывает все, скрывает от взора людского землю и становится как бы морем над низкой низменностью. 8. Царь Юба[39], опираясь на показания карфагенских писателей, утверждает, что истоки Нила находятся в горах, лежащих в Мавритании напротив океана. Он подтверждает это тем, что в тамошних водных бассейнах встречаются те же самые рыбы, животные и растения. 9. Протекая на пространстве Эфиопии под различными именами, которые ему дают многочисленные народы на его круговом течении, Нил достигает огромной массой воды порогов, т. е. крутых скал, с которых он не стекает, а, правильнее сказать, стремительно низвергается. Обитавшие здесь некогда аты от постоянного грохота глохли и потому вынуждены были переселиться в более тихие места. 10. Затем Нил течет более спокойно в семи протоках, из которых каждый имеет облик реки и судоходен. В Египте Нил не принимает никаких притоков до самого впадения в море. Кроме множества рукавов, вытекающих из главного русла и впадающих друг в друга, семь протоков многоводны и судоходны. Древние дали им такие имена: Гераклеотский, Себеннитийский, Больбитикский, Патмитикский, Мендезийский, Танитикский и Пелузиакский. 11. От этого места Нил течет из болот до катарактов, образуя множество островов, из которых некоторые так обширны, что течение реки покидает их едва на третий день. 12. Особенно знамениты из них два:

Мероэ и Дельта, названная так от треугольной формы этой буквы. От вступления Солнца в созвездие Рака и до перехода его в созвездие Весов река поднимается, и вода стоит на высоком уровне в течение ста дней. Затем вода начинает постепенно убывать, и вместе со спадом вод, там, где ходили суда, появляются теперь всадники. 13. Чрезмерный разлив столь же губителен, как и недостаточный, так как слишком долгое стояние воды замедляет обработку земли, а недостаточный разлив угрожает плохим урожаем. Ни один землевладелец никогда не хотел, чтобы река поднималась выше 16 локтей. При умеренном разливе сделанный на влажной жирной почве посев дает семидесятое зерно[40]. Нил — единственная река, которая не порождает никаких воздушных течений.

14. Египет богат различными видами животных; есть среди них земноводные и водяные, а также и такие, которые живут как на суше, так и в воде, почему и называются амфибиями. В сухих местах водятся газели, буйволы, очень забавные спинтурниции* и другие странные виды животных, которых нет нужды здесь перечислять.

15. Среди живущих в воде животных в огромных количествах водятся повсюду в тех местах крокодилы, зловредные четвероногие, живущие в обеих стихиях. Они лишены языка, подвижна у них только верхняя челюсть, усеянная рядами зубов; своими страшными зубами они крепко держат все, что схватят; размножаются они яйцами, похожими на гусиные. 16. Если бы при своих когтях они имели еще большие пальцы, то обладали бы достаточной силой для того, чтобы опрокидывать корабли. Они достигают в длину 18 локтей. Ночи они проводят в воде, а дни на суше, чувствуя себя в безопасности благодаря своему кожному покрову, который настолько крепок, что его чешую едва пробивает снаряд орудия. 17. Как ни свирепо это животное, оно перестает быть диким и свирепым в течение семи торжественных дней, когда жрецы в Мемфисе празднуют рождение Нила. 18. Кроме тех, которые дохнут от случайных причин, одни крокодилы гибнут от того, что водящиеся в Ниле, похожие на дельфинов животные распарывают им брюхо жесткими спинными плавниками, другие же вот по какой причине. 19. Маленькая

---

* Вид обезьян.

птичка трохил, разыскивая себе корм, летает возле лежащего крокодила, ласкается к нему и, раздражая приятным щекотанием его щеки, доходит до самой глотки. Когда это видит энидр, род ихневмона, он вслед за птичкой проникает в открытую пасть и, разодрав ему живот и внутренности, пробивается наружу. 20. Крокодил очень смел, когда убегают от него, но очень труслив, когда встречает сопротивление. Когда он на суше, он имеет очень острое зрение. В течение четырех зимних месяцев он не принимает, как говорят, никакой пищи.

21. Водятся в тех странах также гиппопотамы, самые смышленые из бессловесных животных. Внешне похожие на лошадь, они имеют раздвоенные копыта и короткие хвосты. Чтобы показать их смышленость, достаточно будет привести два примера. 22. Это животное устраивает себе логово в высоком и очень густом камыше, очень старательно охраняет свою безопасность и, когда представляется возможность, выходит кормиться на засеянных полях. А когда, наевшись, уходит назад, то оставляет в различных направлениях много следов, чтобы охотник не имел возможности выследить его по прямому следу и убить. 23. Если от чрезмерной жадности у гиппопотама раздуется живот и он ослабеет, то волочит ноги и ляжки по свежескошенному камышу, чтобы выпущенная из израненных ног кровь облегчила раздувшееся от обжорства тело, а израненные места обмазывает грязью, пока раны не зарубцуются. 24. Римский народ впервые увидел этих неведомых дотоле чудовищ в эдильство Скавра, отца того Скавра, которого защищал Цицерон, в своей речи приказывая населению Сардинии присоединиться в суждении об этой знатной фамилии к мнению о ней всего мира*. В последующие времена нередко доставляли гиппопотамов в Рим, а теперь их нигде нельзя найти. Местные жители рассказывают, что они перебрались в страну блеммиев, спасаясь от множества преследователей.

25. Среди египетских птиц, разнообразные породы которых нельзя даже сосчитать, священным считается милая птица ибис. Она полезна тем, что носит птенцам своим в гнездо змеиные яйца и содействует, таким образом, уменьшению количества этих смертоносных гадин. 26. Та же птица выступает

---

* *Cic.* Pro M. Aemilio Scauro, 20.

против стай крылатых змей, которые напитываются ядом из болот Аравии. Прежде чем те успеют выйти из своих пределов, ибисы дают им битву на воздухе и пожирают их. Об ибисе рассказывают, что он кладет яйца через клюв. 27. И в самом Египте водится чрезвычайно много змей, и притом страшно ядовитых: василиск, амфисбэна, скитала, аконтия, дипсада, ехидна и много других. Всех их превосходит размерами и красотой аспид, который никогда сам не покидает вод Нила*.

28. Много в тех странах такого, что стоит посмотреть. Отмечу лишь немногое. Повсюду там храмы огромных размеров. Ко всем чудесам света причисляются пирамиды, медленность и трудность сооружения которых описал Геродот. Это башни, превышающие высотой все сооружения, воздвигнутые человеческими руками, очень широкие у основания и заканчивающиеся острой вершиной.

29. Фигура эта потому носит у геометров название пирамиды, что кверху она сужается конусом наподобие огня, τουπυρό по-гречески. Так как их громада, воздымаясь на огромную высоту, постепенно сужается, то она, в соответствии с рассчетом механики, дает сокращающуюся тень.

30. Есть там и подземные каналы, и извилистые подземные ходы. Рассказывают, что знатоки древних обычаев, предвидя в будущем потоп и опасаясь исчезновения памяти о религиозных церемониях, с великим трудом соорудили их в разных местах. На гладко обтесанных стенах высечены были изображения многих видов птиц и зверей и всяких других животных, что и получило название иерографических письмен... 31. Далее находится Сиена (Асуан). Во время солнцестояния, когда Солнце начинает свой летний путь, его лучи, освещая все перпендикулярно, не позволяют тени выходить за пределы тела. Поэтому если поставить прямо палку или посмотреть на стоящего человека или дерево, то можно заметить, что тень заканчивается в очертаниях самого предмета. Совершенно такое же явление происходит и в Мероэ, лежащей в Эфиопии в непосредственной близости к тропику, где в течение 90 дней тень падает в сторону противоположную, чем у нас; поэтому и жителей тамошних зовут «антискиями» (противотенными). 32. Но так как обилие достопримечательностей Египта дале-

* По истолкованию Валезия, — ошибочно понятое свидетельство Лукана, 9, 704—7.

ко выходит за план, намеченный иной для своего труда, то предоставляю описание их людям высоких талантов, а сам расскажу лишь кое-что о провинциях.

16

1. В древние времена в Египте было три провинции: собственно Египет, Фиваида и Ливия; впоследствии прибавились две: от Египта отделена была Августамника и от безводной Ливии — Пентаполь. 2. В Фиваиде среди многих других городов нам более известны Гермополь (Ахмуним), Копт (Кефт) и Антину(поль), который построил Адриан в память юноши Антиноя;[41] а стовратные Фивы знает, конечно, всякий.

3. В Августамнике есть знаменитый город Пелузиум*. Он был основан, как рассказывают, Пелеем, отцом Ахилла, когда внушением богов ему было приказано совершить над собой обряд очищения в озере, омывающем стены этого города, чтобы избавиться от Фурий, преследовавших его после убийства им брата по имени Фока. Далее там расположены города Кассий (Эль-Катиех), где находится гробница Помпея Великого, Остракина и Ринокорура (Эль-Ариш).

4. В Ливии-Пентаполе лежит Кирена, древний, ныне пришедший в запустение город, основанный спартанцем Баттом[42], Птолемаида (Толомета), Арсиноя, она же Тевхира (Тохира), Дарнида и Береника (Бенегази), которую называют также Гесперидами. 5. А в безводной Ливии — Парэтоний (Аль-Беретун), Хэрекла и Неаполь (Лебида), кроме еще нескольких незначительных городов.

6. Собственно Египет, который со времени присоединения к Римской державе управляется префектами, славится величайшими городами Атрибис (Атриб), Оксиринх (Бехнезе), Тмуис (Тмэйэль-Эмдид) и Мемфис (Мериф). Кроме того в нем много меньших городов.

7. Венец всех городов — Александрия. Славу ее возвышало многое: и великое имя основателя, и искусство архитектора Динократа. При закладке огромных и великолепных ее стен Динократ, из-за отсутствия в данный момент извести, заменил ее мукой. Это случайное обстоятельство оказалось

---

* Развалины этого города находятся близ города Тинех, неподалеку от Дамиетты.

знамением будущего, а именно, что город этот будет изобиловать съестными припасами. 8. Господствующие там воздушные течения благоприятны для здоровья, воздух мягок и приятен, и, как выяснено на опыте, не проходит почти ни одного дня, чтобы жители этого города не видели ясного солнца. 9. Так как берег моря в этом месте со своей ненадежной и коварной линией, подходя к суше, причинял раньше много бедствий мореходам, Клеопатра решила соорудить в порту высокую башню, которая называется Фаросом[43] по названию места, и по ночам она светит кораблям. А раньше мореходы, прибывавшие из Парфенийского и Ливийского морей, не имея в качестве ориентира ни гор, ни холмов на широком и плоском берегу, попадали на мягкие и засасывающие отмели и терпели крушение.

10. Та же самая царица построила гептастадий, здание удивительное как по скорости сооружения, так и по громадным размерам. Повод для этого известен и вполне основателен. Остров Фарос, где, как подробно рассказывает об этом Гомер*, пребывал со стадами тюленей Протей, лежит от берега в 1000 шагах. Он платил дань родосцам. 11. Когда однажды сборщики податей явились туда и потребовали огромную сумму, царица с отличавшей ее изобретательностью на всякие хитрости под предлогом религиозного праздника увезла их в одно из предместий и приказала начать работу и вести ее без малейшего перерыва до конца. В семь дней был сооружен мол в семь стадий длиною и суша выиграла это пространство за счет моря**. Затем царица проехала на колеснице до самого Фароса и заявила родосцам, что они пребывают в заблуждении, так как имеют право требовать пошлину с островов, а не с континента.

12. В городе есть очень высокие храмы. Выделяется среди них Сераней[44]. Моя речь бессильна описать его. Обширные, окруженные колоннадами дворы, статуи, дышащие жизнью, и множество других произведений искусства — все это украшает его настолько, что после Капитолия, которым увековечивает себя достославный Рим, ничего более великолепного не знает Вселенная. 13. В этом храме были помещены книжные сокровища неоценимого достоинства. Но древние

* *Hom.* Od., 4, 400.
** 7 стадий = 1,249 км.

писатели единогласно свидетельствуют, что когда во время Александрийской войны при диктаторе Цезаре город подвергся разграблению, сгорело 700 тысяч томов, которые были собраны неусыпными трудами царей Птолемеев.

14. В 12 милях от Александрии находится Каноп (Абукир), который получил свое название, по свидетельству древней истории, по имени погребенного там кормчего Менелая. Город имеет роскошные храмы и веселые гостиницы; воздух здесь до такой степени приятен и здоров, что можно подумать, будто находишься вне пределов нашего мира, когда, пребывая там, услышишь под открытым небом ласкающий шум ветра.

15. Сама Александрия не вырастала, как другие города, постепенно, но при самом основании заняла огромное пространство. Часто страдала она от внутренних волнений, и наконец в правление Аврелиана раздоры между гражданами дошли до кровавых столкновений; стены были разрушены, и город потерял бóльшую частъ квартала, называвшегося Брухион, который служил в течение долгого времени местом жительства выдающихся мужей. 16. Отсюда происходили знаменитый грамматик Аристарх, глубокий исследователь науки Геродиан, учитель Плотина Аммоний Саккас и многие другие писатели, создавшие себе имя в литературе. Среди них выделялся Дидим Халкентер, известный обилием разнообразных познаний. В шести своих книгах, в которых он иногда неудачно нападает на Цицерона, он подражал силлографам, популярным писателям. Однако, по мнению ученых, он производит такое впечатление, как если бы щенок издали со своим слабым голоском лаял на страшно рыкающего льва. 17. И хотя кроме названных мной ученых прославилось здесь и много других еще в древности, но и теперь не умолкли в этом городе разные науки. Есть еще дух жизни в учителях наук, циркуль геометра раскрывает там разные тайны, не иссякла у них вовсе и музыка, не смолкла гармония, поддерживают некоторые доселе, хоть и немногие, наблюдение мирового движения и течения небесных светил, немало есть ученых, занимающихся числами, а кроме того есть специалисты по части раскрытия путей судеб. 18. А что до медицины, помощь которой так часто бывает нужна в нашей неумеренной и нетрезвой жизни, то ее изучение со дня на день усиливается настолько, что, хотя в этой области дело само показывает мастера, врачу вместо особого доказатель-

ства своей опытности достаточно в виде рекомендации о своем искусстве заявить, что он изучал медицину в Александрии. 19. Но довольно об этом. Если же кто желает достичь разумения божественного и бодрым разумом постичь начало предчувствий, то он увидит, что познания этого рода распространились по всему миру из Египта. 20. Здесь впервые люди задолго до других дошли до различных, так сказать, инкунабул религии и тщательно охраняют первые основы священнодействий, заключенные в тайных писаниях. 21. Усвоив эту мудрость, Пифагор, воздававший богам сокровенное поклонение, сумел придать всему, что говорил или намеревался сделать, высший авторитет и часто показывал свое золотое бедро в Олимпии*, и его видели беседующим с орлом. 22. Благодаря египетской мудрости Анаксагор смог предсказать каменный дождь и, потрогав ил из колодца, — предстоящее землетрясение. И Солон, воспользовавшись изречениями египетских жрецов, издал свои справедливые законы и оказал ими великую помощь римскому праву. Из этих источников черпал, не повидав Египта, Иисус в возвышенном полете своих речей, он — соперник Юпитера, герой достославной мудрости.

23. Жители Египта в основном смуглы, имеют лицо скорее черноватое, чем мрачное, тонки и сухопары телосложением, легко приходят в возбуждение по любому поводу, спорщики и жестокие упрямцы. У них стыдится тот, кто не может показать множество шрамов на теле за отказ платить подати, и до сих пор не могли еще изобрести орудия пытки, которое могло бы у какого-нибудь закоренелого разбойника в этой стране вырвать против воли настоящее его имя.

24. Известно, что Египет, как свидетельствуют об этом древние летописи, находился прежде под властью дружественных Риму царей. Но когда в морской битве при Акции побеждены были Антоний и Клеопатра, Октавиан Август овладел Египтом[45] и сделал его провинцией. Безводную Ливию мы унаследовали по завещанию царя Аниона; Кирену с остальными городами ливийского Пентапола мы получили благодаря щедрости Птолемея. Позволив себе это длинное отступление, вернусь назад к моему повествованию.

---

* Пифагор выдавал себя за воплощение Аполлона См.: *Iamblichi.* De vita pythagorica, 19, 91 сл.; 27, 103 (*Nauck*, p. 67—69, 99).

Книга XXIII

(год 363)

1. Август Юлиан делает тщетную попытку восстановить давно разрушенный храм в Иерусалиме.
2. Он приказывает царю Армении Арсаку готовиться к войне с персами и со своей армией и вспомогательными войсками скифов переходит через Евфрат.
3. Когда Август Юлиан проходил через Месопотамию, царьки сарацинских племен поднесли ему золотую корону и сами предложили вспомогательные отряды. Римский флот из тысячи ста судов приводит в ужас Евфрат.
4. Описание стенобитных машин: баллисты, скорпиона или онагра, тарана, гелеполия и огненосных снарядов.
5. Август Юлиан переходит по наводному мосту реку Абору у Цирцезия со всеми своими войсками и держит речь перед солдатами.
6. Описание 18 важнейших провинций Персидского царства, а также городов в каждой из них и обычаев населения.

1

1. Таковы были важнейшие события истекшего года. В новом году Юлиан, бывший уже три раза консулом, принял в четвертый раз этот высший сан, взяв себе в товарищи по трабее* префекта Галлии Саллюстия. Новостью казалось товарищество частного человека с Августом, так как никто не помнил, чтобы это случалось после консульства Диоклетиана и Аристобула[1]. 2. Предусматривая возможность всякого рода неожиданных случайностей, Юлиан самым настойчивым образом и с большим усердием вел приготовления к походу. Но в то же время он умел выказать заботу обо всех сторонах жизни государства и, желая оставить для будущих веков память о своем правлении великими сооружениями, задумал восстановить славный некогда иерусалимский храм, не жалея для этого никаких расходов. Веспасиан, а затем Тит выдержали целый ряд кровавых битв, прежде чем удалось осадить это здание и взять его штурмом[2]. Спешное исполнение этого предприятия Юлиан поручил антиохийцу Алипию, который был до того вице-префектом Британии. 3. Алипий усердно принялся за дело; правитель провинции (Палестины) оказывал ему содействие, но страшные клубы пламени, вырывавшиеся частыми вспышками близ фундамента, сделали это место недоступным для рабочих, так как их несколько раз обожгло. Так и прекратилось это начинание из-за упорного сопротивления стихии.

4. Примерно в то же время император предоставил разные почетные посты членам посольства, отправленного к нему из Вечного города. То были люди, принадлежавшие по рождению к высшей знати и имевшие общественные заслуги. Апрониана он назначил префектом Рима, Октавиана —

* Консульское одеяние, являвшееся отличием консульского сана.

префектом Африки, Венусту предоставил викариат Испании, Руфина Арадия сделал комитом Востока вместо недавно скончавшегося дяди своего Юлиана. 5. Когда эти назначения были проведены надлежащим образом, как раз в это время повергло его в ужас одно предзнаменование, которое, как оказалось впоследствии, было совершенно верным. Скоропостижно скончался комит государственного казначейства Феликс от истечения крови, а вскоре за ним скончался комит Юлиан, а читая надписи на статуях Юлиана, произносила слова: Felix, Iulianus, Augustus. 6. До этого имело место другое дурное знамение. В самые январские календы, когда Юлиан восходил на ступени храма Гения[3], один из жрецов, в более преклонных годах, чем другие, вдруг упал, хотя никто его не толкнул, и скоропостижно скончался. Присутствовавшие при этом то ли по неразумию, то ли желая польстить, говорили, что предсказание относится к старшему консулу, т. е. Саллюстию; но, как оказалось, то было знамение, что близится смерть не старшего по возрасту, а высшего по власти. 7. Кроме того и другие менее важные знамения указывали на будущее. Так, во время самого начала похода против персов пришло известие о землетрясении в Константинополе, и люди, сведущие в толковании знамений, говорили, что это нехорошее предзнаменование для государя, намеревающегося идти на чужую державу. Поэтому они советовали отказаться от несвоевременного замысла, утверждая, что только тогда можно не обращать внимания на эти и подобные знамения, когда вторгается внешний враг: тогда действует один вечный закон, обязывающий защищать всеми способами благо государства, пренебрегая совершенно страхом смерти. Примерно в то же время император получил из Рима письменное донесение о том, что, согласно его приказанию, обращались с вопросом о предстоящей войне к Сивиллиным книгам и что получен был совершенно определенный ответ, что император не должен в этом году переступать границы своей державы.

2

1. Между тем к Юлиану стали прибывать посольства от многих народов, которые предлагали ему свою помощь. Он оказывал им любезный прием, но с подобающим достоин-

ством давал ответ, что Римской державе не подобает отстаивать себя пришлым вспомоществованием, но, напротив, самой защищать своими силами друзей и союзников, если необходимость заставит их просить о помощи. 2. Только царю Армении Арсаку он предложил собрать большую армию и ожидать приказаний, куда ему направиться, обещая его в скорости известить, что он должен будет предпринять. Когда Юлиан собрал достаточные по своему мнению силы, он поспешил предупредить слух о своем вступлении в неприятельскую землю и еще в самом начале весны послал по отдельным отрядам приказ о походе и велел всем переходить через Евфрат. 3. Как только приказ был получен, все выступили с зимних квартир и, собравшись на разных стоянках, ожидали прибытия государя. А сам он еще до своего отъезда из Антиохии поставил во главе юрисдикции сирийского округа некоего Александра из Гелиополя*, человека вспыльчивого и сурового, и говорил, что не человек этот заслужил этот пост, но что такой именно судья — подходящий человек для корыстолюбивых и дерзких на язык антиохийцев. 4. Во время отъезда на проводы пришла огромная толпа людей разного звания и положения; все высказывали пожелания счастливого пути и славного возвращения и просили быть затем мягче и снисходительнее. Но гнев Юлиана на их насмешки и бранные клички еще не смягчился, и он отвечал в резком тоне, заявляя, что больше их не увидит. 5. Он говорил, что составил уже обратный маршрут и по окончании похода вернется на зимовку кратчайшим путем в Тарс киликийский; поэтому правителю провинции Меморию послано распоряжение сделать в этом городе все нужные приготовления. Это и случилось в скором времени: его труп был туда доставлен и в сопровождении самой скромной погребальной процессии предан земле в предместии, как он сам распорядился.

6. Когда солнце стало уже сильно греть, он выступил 5 марта и прибыл обычным путем в Гиераполь;** при вступлении его в ворота этого огромного города внезапно обрушился левый портик; под страшной тяжестью рухнувших балок и камней погибло 50 находившихся там солдат, не считая множества раненых. 7. Здесь он собрал к себе все войска

* Бальбек.

** Мембедж.

и с такой быстротой прошел Месопотамию, что, предупреждая молву о своем приходе — об этом он очень старался, — неожиданно занял Ассирию. Наконец, с армией и вспомогательными отрядами скифов (готов) он перешел Евфрат по наводному мосту и прибыл в Батны*, муниципальный город Осдроены, где столкнулся со зловещим предзнаменованием. 8. Большая толпа фуражиров, собиравшая, как обычно, провиант, стояла около чрезвычайно высокой скирды пшеницы (в тех краях обыкновенно так складывают снопы). Напор рвавших снопы людей растряс скирду, она обвалилась и засыпала своим страшным обвалом также 50 человек.

3

1. В глубокой печали двинулся он дальше и быстрым маршем прибыл в древний город Карры, прославленный гибелью Крассов[4] и римской армии. Здесь расходятся две дороги, ведущие в Персию: левая — через Адиабену и Тигр, правая — через Ассирию и Евфрат. 2. Во время остановки в этом городе на несколько дней Юлиан занимался неотложными делами и совершил по местному ритуалу жертвоприношение богине Луны, которую чтут в тех областях. Рассказывают, что перед жертвенником без свидетелей он передал тайно своему родственнику Прокопию пурпурный плащ, поручив ему немедленно захватить верховную власть, если будет получена весть о его смерти в Персии[5]. 3. И во сне тревожили здесь Юлиана сновидения, предвещавшие печальные события. Поэтому и он сам, и толкователи видений, принимая в расчет обстоятельства настоящего, признавали, что надо беречься следующего дня, которым было 19-е марта. Но, как стало известно позднее, в эту самую ночь в Вечном городе сгорел храм Аполлона Палатинского во время префектуры Апрониана, и если бы не были применены всевозможные противопожарные средства, то ярость пламени могла бы уничтожить даже Кумские (т. е. Сивиллины) книги.

4. Когда Юлиан был тут занят распоряжениями по войскам и заботами о провианте всякого рода, прискакали во весь дух разведчики и донесли ему, что конные отряды неприятеля, внезапно прорвавшись поблизости через границу,

* Ср.: 14, 3, 3. Хабур.

угнали добычу. 5. Пораженный этим неприятным известием, он тотчас же отрядил, как имелось это в виду по его военному плану, 30 тысяч отборных солдат и поставил их под начальство упомянутого выше Прокопия, к которому он прикомандировал с равными полномочиями комита Себастиана, бывшего дукса Египта. Он приказал им держаться по нашу сторону Тигра и бдительно следить, чтобы не произошло неожиданного нападения, как бывает нередко в подобных случаях, с той стороны, которая считалась совершенно безопасной; он поручил им также соединиться, если то возможно, с царем Арсаком и вместе с ним пройти через Кордуэну и Моксоэну, опустошить в быстром походе Хилиоком, плодородную местность Мидии, и другие области и соединиться с ним, пока он будет еще в Ассирии, чтобы поддержать его в случае надобности.

6. Распорядившись таким образом, Юлиан сделал вид, будто он намерен переправиться через Тигр, для чего специально заранее сделал распоряжения относительно устройства на этом пути провиантской части, а на самом деле выбрал направление направо. Проведя ночь спокойно, он потребовал наутро коня, на котором обычно ездил. Когда этот конь по имени Вавилонец был подведен, у него сделались колики: он упал на землю от боли и выпачкал чепрак, расшитый золотом и драгоценными камнями. Обрадованный этим предзнаменованием, Юлиан воскликнул при одобрительных криках близко стоявших: «Пал во прах Вавилон, растеряв все свои украшения». 7. Задержавшись на некоторое время, чтобы упрочить это знамение гаданием на жертвенных животных, он прибыл в укрепленный лагерь Давану, где вытекает река Белий, впадающая в Евфрат*. Подкрепившись здесь пищей и отдохнув, пришли на следующий день в Каллиник, город, весьма хорошо укрепленный и значительный по величине торгового оборота**. Здесь провел Юлиан 27 марта. В этот день ежегодно в Риме совершается торжественная процессия в честь Матери богов и обмывается водой реки Альмона колесница, в которой везут изваяние. Совершив священнодействие по древнему обычаю, Юлиан, воспользовавшись досугом, провел ночь

---

* У других авторов эта река носит название Balicha, ее современное имя Белих.

** Вероятно, нынешний город Ракка: *Forbiger*. Handbuch der alten Geographie. II. С. 630, примеч. 48.

в веселом и радостном настроении. 8. Выступив на следующее утро, он шел с армией, держась берега реки; уровень воды тогда был повышен от притока со всех сторон. Дойдя до одного места, он приказал разбить палатки. Здесь явились к нему царьки сарацинских племен. Они пали перед ним на колени, поднесли золотую корону, воздав ему поклонение, как владыке мира и своему властителю. Юлиан принял их очень любезно, так как знал их пригодность для партизанской войны. 9. Пока он держал перед ними речь, подошел флот, подобный тому, что снарядил некогда могущественный царь Ксеркс[6]. Командовали им трибун Констанциан и комит Луциллиан. Широкое русло Евфрата покрылось судами. Флот состоял из тысячи грузовых кораблей, построенных на различных верфях. Они были нагружены провиантом, оружием, осадными машинами. Кроме того было еще 50 боевых кораблей и столько же приспособленных для сооружения наводных мостов.

4

1. Это обстоятельство дает мне повод сделать для людей, не знакомых с военным делом, краткое, но ясное описание военных орудий, насколько это позволяют мои скромные дарования. Начну с баллисты. Между двумя столбами приделывается большая крепкая полоса железа, вытянутая наподобие большого правила; к средней цилиндрической части ее прилаживается далеко выступающий четырехугольный брус, в котором проделан прямой узкий канал. В этой части к брусу прикреплена толстая веревка из крученых жил, и он непосредственно соединен с двумя во́ротами. Около одного из последних становится наводящий, который осторожно кладет в углубление дышла деревянную стрелу с прикованным к ней большим железным наконечником. Когда это сделано, стоящие по обеим сторонам сильные люди быстро закручивают вороты. 3. Когда верхушка дойдет до конца веревок, стрела от внутреннего толчка летит так быстро, что ее едва может различить глаз, рассыпая иногда искры от чрезвычайной скорости. Часто случается, что, прежде чем бывает видна стрела, ощущение боли дает знать о смертельной ране*.

---

* Описание баллисты так кратко и неясно, что составить себе понятие об этом орудии совершенно невозможно. Быть может, кое-что не уцелело в

4. Скорпион, который в настоящее время называют онагром (дикий осел), имеет такую форму. Вытесывают два бревна из обыкновенного или каменного дуба и слегка закругляют, так что они подымаются горбом; затем их скрепляют наподобие козлов для пиления и пробуравливают на обеих сторонах большие дыры; через них пропускают крепкие канаты, которые дают скрепу машине, чтобы она не разошлась. 5. В середине этих канатов воздымается в косом направлении деревянный стержень наподобие дышла. Прикрепленные к нему веревки так его держат, что он может подниматься наверх и опускаться вниз. К его верхушке приделаны железные крючки, на которых вешается пеньковая или железная праща. Под этим деревянным сооружением устраивается толстая подстилка, набитый искрошенной соломой тюфяк, хорошо укрепленный и положенный на груду дерна или на помост, сложенный из кирпича. Если же поместить эту машину прямо на каменной стене, то она расшатает все, что находится под нею не из-за своей тяжести, но от сильного сотрясения. 6. Когда дело доходит до боя, в пращу кладут круглый камень, и четыре человека по обеем сторонам машины быстро вращают навойни, на которых закреплены канаты, и отгибают назад стержень, приводя его почти в горизонтальное положение. Стоящий наверху машины командир орудия выбивает тогда сильным ударом железного молота ключ, который удерживает все связи машины. Освобожденный быстрым толчком стержень отклоняется вперед и, встретив отпор в эластичном тюфяке, выбрасывает камень, который может сокрушить все, что попадется на его пути.

7. Эта машина называется *tormentum*, потому что напряжение достигается закручиванием (torquere), — скорпионом, потому что она имеет торчащее вверх жало; новейшее время дало ей еще название онагра, потому что дикие ослы, будучи преследуемы на охоте, брыкаясь назад, мечут такие камни, что пробивают ими грудь своих преследователей или, пробив кости черепа, размозжают голову.

8. Теперь обратимся к тарану. Выбирают высокую ель или ясень и обивают один конец на достаточном протяжении толстым железом, придав ему форму бараньего лба, откуда

тексте. Орудие это гораздо сложнее, чем представляется в описании нашего автора и имеет больше частей, чем упомянуто у Аммиана Марцеллина.

происходит название этой машины;* бревно подвешивают на поперечных балках, окованных железом, удерживая его в равновесии между ними. В соответствии с величиной бревна приставляют к нему определенное число людей, которые то оттягивают его назад, то со всей силы толкают затем на сокрушение того, что находится впереди, наподобие того, как наскакивает и отступает баран. От частых ударов, как от одного за другим удара молнии, сооружения дают трещины и расшатанные стены обрушиваются. 9. Эта машина, если она приведена в действие со всей силой, лишает прикрытия защитников, приводит к концу осаду и открывает самые укрепленные города.

10. Вместо этих хитро придуманных таранов, которые из-за частого применения потеряли прелесть новизны, применяют машину, нередко упоминаемую в сочинениях исторических писателей, которую мы, греки, называем ἑλέπολις. Пользовавшийся ею часто и в течение долгого времени Деметрий, сын царя Антигона, завоевавший Родос и другие города, получил прозвище «Полиоркета»**. 11. Сооружают ее таким образом. Сбивают огромный штурмовой щит из толстых досок, скрепленных длинными железными гвоздями; покрывают его воловьими кожами и плетеньем из свежесрубленной лозы и обкладывают сверху мокрой глиной, чтобы обезопасить от брандеров и метательных снарядов. 12. С передней стороны насаживают отточенные тройные острия, примерно такие, какими живописцы рисуют или скульпторы высекают изображение молнии. Острия эти выковываются из железа, они очень массивны и сокрушают все, на что натолкнутся. 13. Это мощное сооружение ставится на колеса, и солдаты, разместившись за ним в значительном числе, направляют его движение канатами. Напрягая все силы, они придвигают его к более слабым частям стен, и если защитники не в состоянии дать отпор, то эта машина сокрушает стены и открывает широкие проломы. 14. Маллеолы, род метательного оружия, изготовляются таким образом. К камышовому древку стрелы приделывается ниже острия коробка из железной проволоки, похожая по форме на женскую прялку, которой ткут полотняную пряжу; пустой ее желудочек со множеством мелких отвер-

---

* Aries значит баран.

** Время его деятельности — 317—283 гг. до Р. Х.

стий заполняется горючим материалом, закладывается также и фитиль. 15. Если выпустить ее осторожно из слабонатянутого лука — фитиль тухнет от быстрого полета — и она вонзится во что-нибудь, то разгорается; от брызг воды пламя становится еще сильнее, и нет иного способа потушить огонь, как засыпать его песком. На этом я заканчиваю речь об осадных орудиях, из которых я описал лишь немногие. Теперь возвращаюсь к последовательности моего рассказа.

5

1. Присоединив к себе вспомогательные отряды сарацинов, которые те предоставили с величайшей готовностью, Юлиан двинулся вперед ускоренным маршем и в самом начале апреля вступил в Керкузий*, сильную крепость, заложенную по всем правилам военного искусства. Реки Абора** и Евфрат окружают ее стены, образуя как бы остров. 2. До Диоклетиана это был незначительный и слабый пункт; но этот император окружил его высокой стеной с башнями, когда усиливал охрану границ со стороны варваров, чтобы персы не могли разгуливать по Сирии, как случилось недавно с большим ущербом для этой области. 3. Так, когда однажды в Антиохии, во время глубокого мира один мимический актер со своей женой во время театрального представления изображал выхваченные из жизни сценки и публика залюбовалась изяществом исполнения, жена его вдруг сказала: «Если это не сон, то вот персы». Публика повернула головы и, стараясь спастись от тучи пущенных в нее стрел, рассеялась, кто куда мог. Город был подожжен, убито много мирно разгуливавших людей, в окрестностях произведены были страшные грабежи и поджоги, и враги с огромной добычей беспрепятственно ушли домой. Мариад[7], который безумно привел их на гибель своих сограждан, был сожжен живым. Это случилось во времена Галлиена***.

4. Пока Юлиан находился в Керкузии, чтобы переправить по наводному мосту на Аборе армию и весь обоз, он получил скорбное письмо от префекта Галлии Саллюстия, который

* Киркисия.
** Хабур.
*** Годы правления: 253—268.

умолял его отложить поход против персов и заклинал не рисковать столь несвоевременно и не вымолив мира богов неизбежной гибелью. 5. Но Юлиан не обратил внимания на осторожный совет и смело шел дальше, так как никогда еще никакое человеческое могущество и никакая доблесть не могли спасти от предрешенного неизбежным роком. Сразу после перехода через реку он приказал разобрать мост, чтобы ни один солдат не мог задумать уйти из своей части назад. 6. И здесь опять случилось неблагоприятное предзнаменование: простертый труп одного провиантского служащего, который был казнен рукой палача. Состоявший при императоре префект Саллюстий приговорил его к смертной казни за то, что он, пообещав доставить определенное количество провианта к некоторому сроку, вследствие случайной помехи этого не выполнил. Но на следующий день, после того как был казнен этот несчастный, подошел, как он и обещал, другой флот, обильно нагруженный провиантом.

7. Выступив оттуда, мы пришли в место, именуемое Зайта, что означает в переводе «оливковое дерево»*. Здесь мы увидели издалека заметную гробницу императора Гордиана**;[8]. В соответствующем месте я описал его деяния с ранней юности, счастливые походы во главе армий и злокозненное его убийство. 8. Юлиан, верный своему религиозному настроению, принес здесь жертву обожествленному государю***. Когда затем, продолжая путь, он направлялся в запустевший город Дару, то разглядел издали отряд солдат и остановился на месте, недоумевая, что они несут. И вот они поднесли ему льва огромных размеров, который напал на их строй и был пронзен множеством стрел. Ободренный этим предзнаменованием, Юлиан преисполнился гордыми надеждами на будущее; но голос Судьбы всегда неверен и исход дела оказался совсем иной. То было предвестие смерти царя, но оставалось неизвестным которого. 9. В истории мы читаем, что даже ответы оракула бывали двусмысленными, и только последующие обстоятельства объясняли их смысл. Таково предсказание Дельфийского оракула, в котором

* В 20 римских милях южнее Керкузия.

** Годы правления: 238—244.

*** Consecratio — формальный акт, которым умерший император становился *divus*, т. е. причислялся к лику богов Римского государства.

предвещалось разрушение великого царства Крезом после перехода через реку Галис, а также другое, в котором афинянам для борьбы с мидянами (персами) сокровенно указано было на море[9]. Таково и позднейшее, несомненно, истинное, но не менее двусмысленное:

Aio te Aeacida Romanos vincere posse*.

10. Этрусские гаруспики, знатоки в деле предзнаменований, находившиеся в свите императора, давали неоднократно совет отменить этот поход. Но им не хотели верить. И вот они вынесли свои книги, относящиеся к военному делу, и свидетельствовали, что это знамение задерживающего значения и что оно неблагоприятно для государя, предпринимающего наступательную, хотя бы и справедливую, войну в чужие пределы. 11. Но они были бессильны перед возражениями философов. Эти последние пользовались тогда влиянием на императора, хотя они часто ошибаются и часто упорно отстаивают свои мнения о вещах, с которыми мало знакомы. В качестве аргумента, подтверждающего свое толкование, они приводили факт из прошлого. Когда император Максимиан** собирался вступить в битву с Нарзесом, царем Персидским, убиты были лев и огромный кабан и поднесены ему. Он одержал тогда победу и вернулся невредимым. Философы не учитывали того, что это знамение предвещало гибель наступающему, а тогда Нарзес первый занял Армению, находившуюся в зависимости от Рима. 12. На следующий день — это было 7 апреля, — когда солнце уже склонялось к закату, набежало маленькое облачко, вдруг сгустившее воздух и заставившее померкнуть свет. Грозно раздались один за другим удары грома, и молния убила солдата по имени Иовиан и двух лошадей, которых он вел назад, напоив в реке. 13. Вызваны были по этому поводу толкователи знамений и опрошены. Они настойчиво заявляли, что и это знамение воспрещает поход и утверждали, что эта молния — «советодательная», так называются молнии, которые советуют что-либо или отсоветуют. Это знамение, по их мнению, было тем значительнее, что молния убила солдата, носившего столь великое имя*, вместе с боевы-

* Смысл может быть двоякий: «я утверждаю, что ты, Эакид, можешь победить римлян» и «я утверждаю, что римляне могут победить тебя, Эакид».

** В 296 г.

ми конями, а книги о молниях не позволяют ни смотреть на места, пораженные молнией, ни ступать на них. 14. Философы, напротив, говорили, что блеск священного, внезапно увиденного огня не заключает в себе никакого предзнаменования, что это только течение более сильного дуновения, направленного некоей силой из эфира вниз; если же отсюда можно получить указание на будущее, то этим предрекается императору в его славнолюбивых предприятиях возрастание его славы, так как известно, что пламя по самой своей природе без сопротивления воздымается вверх.

15. Когда мост, о котором я упоминал, был наведен и вся армия переправилась через реку, император счел своим долгом обратиться с речью к солдатам, которые неустрашимо рвались вперед и были исполнены уверенности как в себе, так и в своем предводителе. По сигналу трубы собрались все центурии, когорты и манипулы; император, встав на земляное возвышение, окруженный высшими сановниками, держал такую речь с радостным выражением лица при единодушном расположении к нему всего собрания.

16. «Храбрые мои солдаты! Видя, что вы полны силы и бодрости я решил обратиться к вам с речью, чтобы доказать вам разнообразными аргументами, что не теперь впервые, как нашептывают мои зложелатели, проникли римляне в Персидское царство. Не стану говорить о Лукулле или Помпее[10], который, пройдя через земли албанов и массагетов (которых мы называем теперь аланами)**, разбил и это племя (персов) и видел Каспийское море. Мы знаем также, что легат Антония[11] Вентидий дал в этих пределах много кровавых битв. 17. Но, оставляя древние времена, я разверну пред вами то, что сохранила новая история. Из этой страны вернулись с победами и трофеями Траян, Вер, Север; также вернулся бы и Гордиан Младший, памятник которому мы теперь почтили. Он победил и обратил в бегство персидского царя при Резайне, но, по проискам преторианского префекта Филиппа и нескольких преступных его пособ-

---

* Iovianus — производное от Iupiter, Iovis.

** Албаны занимали область, прилегавшую к Каспийскому морю южнее Кавказского хребта. Аланы — кочевое население арийского племени на севере от Кавказского хребта. Остатком алан являются в настоящее время осетины. Позволю себе сослаться на свою работу: Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

ников, его сразил преступный удар на том самом месте, где он погребен[12]. Недолго бродила его тень неотмщенной: сама справедливость выступила против посягнувших на него, и они погибли мучительной смертью[13]. 18. Стремление к великим делам побудило этих государей совершить достопамятные подвиги. А нас призывают к этому предприятию горестная судьба недавно завоеванных городов, неотмщенные тени воинов погибших армий, страшные потери, утраты близких. Обеты всех побуждают нас уврачевать беды прошлого и, обеспечив за государством безопасность на этой границе, оставить потомству материал для прославления нашего имени. 19. С помощью Бога вечного буду я с вами повсюду, как полководец со счастливыми, как надеюсь, ауспициями и как воин, то впереди пешего строя, то в рядах наступающей конницы. А если изменчивая Судьба застигнет меня в бою, с меня будет довольно того, что я пожертвовал собой за римский мир подобно древним Курциям, Муциям* и славному роду Дециев. Мы должны уничтожить этот враждебный нам народ, на мечах которого еще не высохла кровь наших близких. 20. Много поколений одно за другим проходили у наших предков, прежде чем они наконец истребляли тех, кто был их врагом. Лишь после тяжелых и продолжительных войн побежден был Карфаген, но славный вождь побоялся оставить город после победы. До основания разрушил Нуманцию Сципион после тяжких испытаний осады[14]. Рим разрушил город Фидены[15], чтобы не дать вырасти сопернику своего владычества. Раздавил он фалисков и Вейи так, что нам трудно поверить древним историкам, что эти общины были некогда могущественны**. 21. Вот что я вам рассказал, как близко знакомый с родной древностью. А теперь остается, чтобы каждый из вас, позабыв о корысти, которая нередко бывала гибельна для римских солдат, держался в походе своей части и, если дело дойдет до необходимости сразиться, следовал за своим знаменем. Знайте, что, кто останется позади, тому враг подрежет жилы на ногах. Ничего я не боюсь, кроме коварства и засад нашего прославленного своей хитростью врага. 22. В заключение я даю обещание: после благо-

* *Liv.* II, 12; VII, 6.

** Ib. IV, 17 сл.; V, 25—27.

получного окончания этого похода, отказавшись от прерогативы государей, которые в силу своей власти считают справедливым все, что они скажут или постановят, дать отчет всякому, кто потребует, о своих удачных и неудачных мероприятиях. 23. Поэтому воспряньте, прошу вас, воспряньте духом в предчувствии грядущих успехов. В равной мере со мной примите вы на себя трудности, которые выпадут нам на долю, и будьте уверены, что победа всегда оказывается на стороне правды».

24. Такими бодрящими словами он закончил свою речь. Исполненные воинского духа солдаты, гордившиеся славою своего вождя и воодушевленные надеждой на удачу, подняли щиты и кричали, что не существует для них никаких опасностей и трудностей под командой самого императора, который берет на себя больше труда, чем возлагает на простого солдата, 25. С особенным воодушевлением выказывали свою радость галльские легионы, помнившие то, как не раз под его командой, когда он самолично объезжал ряды, на их глазах падали в прах или молили о пощаде варварские племена.

6

1. Дойдя до этого места в своем изложении, я считаю уместным сделать отступление, чтобы описать географическое положение Персии. В народоописаниях (землеописаниях) имеются об этой стране подробные рассказы, но лишь в очень немногих сообщены верные сведения. Если мое описание будет несколько подробнее, то тем полезнее окажется оно для полного представления. Кто чрезмерно старается в повествовании о неизвестном быть кратким, тот озабочен не тем, что он хочет определенно выяснить, а тем, что он должен опустить.

2. Это царство, некогда весьма небольшое по размерам и по причинам, которые я часто приводил, носившее различные имена, после того как рок похитил в Вавилоне Александра Великого, стало достоянием парфянина Аршака*. То был человек низкого происхождения[16]. В юности он был атаманом разбойников, но постепенно возвысился в своих стремлениях и составил себе славное имя рядом блестящих дея-

* Iustin. XLI, 4.

ний. 3. После многих славных и храбрых подвигов он одержал победу над преемником Александра Селевком Никатором (победитель)[17], которому это прозвище принесли его многочисленные победы. Изгнав македонские гарнизоны, Аршак не нарушал мира и в отношении своих подданных проявлял милосердие и справедливость. 4. Все соседние области он победил силой, соображениями справедливости или страхом своего имени; Персию наполнил городами, крепостями и укреплениями, сделал ее грозной для соседних народов, перед которыми она раньше сама трепетала, и умер спокойной смертью, будучи еще среднего возраста. Знать и простой народ были единодушны в своем суждении о нем, и его первого присоединили к сонму звезд, как они это полагают в своих религиозных представлениях. 5. Поэтому и до нашего времени удержался обычай, что гордые цари этого народа именуются братьями Солнца и Луны; и подобно тому как нашим императорам приятно и желанно имя Августа, так для жалких и бесславных некогда парфянских царей под счастливыми ауспициями Аршака создались величайшие отличия. 6. И теперь еще воздают ему культ, как богу, и оказываемый ему почет ведет к тому, что и в наши дни потомки Аршака имеют преимущество перед всеми другими в наследовании верховной власти и во всякого рода междоусобицах, которые у них нередки, всякий перс боится, как святотатства, ударить своей рукой Аршакида, будь он воин или частный человек[18].

7. Известно, что этот народ, одолев много других народов, расширил свое царство до Пропонтиды и Фракии; но высокомерие некоторых царей, питавших гордые замыслы и совершавших очень далекие походы, повергло царство в тяжкие бедствия и уменьшило его пределы. Таков прежде всего Кир[19]. С несчетной ратью он перешел Боспор; но скифская царица Томирида, горя жаждой мести за своих сыновей, истребила его полчища до последнего человека. 8. Позднее, когда Дарий, а за ним Ксеркс ополчились на Грецию и перенесли войну в другую стихию (море), потеряли они на море и на суше почти все свои войска и едва спаслись сами. Оставляю в стороне войны Александра и то, что по его завещанию весь народ перешел под власть единого преемника.

9. В течение долгого времени в период республики и затем при императорах эти народы вели время от времени

войну с нами; иной раз исход бывал нерешителен, в другой персы терпели поражение, а иногда оказывались победителями.

10. А теперь я хочу представить в очень кратком очерке, насколько это позволяет общий план моего сочинения, описание страны. Эти области имеют большую протяженность по долготе и широте. Они охватывают со всех сторон Персидское море, усеянное островами и весьма оживленное по морским сношениям. Утверждают, что вход в это последнее (из океана) настолько узок, что из Гармозонта, мыса Кармании, совершенно отчетливо виден противоположный мыс, который местные жители называют Маки. 11. За этим узким проливом море разливается широко, и плаванье совершается до города Тередона, где впадает в море Евфрат, оскудевший по пути водой. Залив имеет вид круга, и его береговая линия достигает 20 тысяч стадий*. Вдоль побережья рядом друг с другом лежат города и селения, и по побережью идет живой морской оборот. 12. За проливом расстилается Караманский залив, лежащий к востоку. Южный залив называется Кантих. Неподалеку от него — другой, лежащий к западу, который называется Халит. Отсюда, мимо множества островов, из которых лишь немногие известны, достигают Индийского океана. Так как он первый принимает горячие лучи восходящего солнца, то температура воды в нем высока. 13. По чертежам географов весь вышеописанный круг земель имеет такой вид. С севера и до Каспийских ворот он граничит с кадусиями, многочисленными скифскими племенами и аримаспами, дикими одноглазыми людьми; с запада соприкасается с армянами горой Нифатом, живущими в Азии албанами, Красным морем и сценитскими арабами, которых позднее прозвали сарацинами; на юге он имеет перед собой Месопотамию, а прямо к востоку простирается до реки Ганга, который прорезает земли индийцев и впадает в южное море. 14. Важнейшие провинции Персии, которыми управляют витаксы, т. е. командиры конницы, цари и сатрапы, — перечислять множество меньших было бы затруднительно, да и излишне — следующие: Ассирия, Сузиана, Мидия, Персия, Большая Кармания, Гиркания, Маргиана и земли бактрийцев, согдианов и саков, далее Скифия по ту

* 3540 км.

сторону Имая и до этой горы, Серика, Ария, Паропамисады, Дрангиана, Арахозия и Гедрозия.

15. Изо всех этих провинций как по численности населения, так и по территории и плодородию почвы первой является Ассирия.

Некогда эта область охватывала множество различных народов и крупных поселений, затем вошло в обычай обозначать их одним именем, и теперь вся эта область зовется Ассирией. Помимо обилия древесных плодов и злаков, есть в этой стране и нефть близ озера, называющегося Сосингит. Озеро это поглощает реку Тигр, который течет затем под землей и на большом расстоянии выходит снова на поверхность. 16. Есть здесь и асфальт, густой, похожий внешне на смолу; он имеет также сходство с нефтью. Если на источник его сядет птичка, то, как бы мала ни была, она теряет способность летать, погружается в него и тонет. Если эта жидкость воспламенится, то человеческий разум не найдет никакого способа потушить ее, кроме как присыпать землей.

17. В этой местности имеется трещина в земной поверхности, из которой поднимается смертоносный дух, убивающий тяжким запахом всякое живое существо, какое окажется поблизости. Если бы эта зараза, поднимающаяся из одного глубокого колодца, выходила через более широкое жерло, то, прежде чем подняться кверху, она из-за своей вредности сделала бы необитаемыми соседние земли. 18. Трещина, похожая на эту, находилась в прежние времена, как рассказывают некоторые авторы, близ Гиераполя во Фригии. Исходящий из нее вредоносный дух убивал своим сильным запахом все, что оказывалось поблизости; безвредным же он был только для евнухов — дело физиков объяснить причину этого особенного явления*. 19. А еще подле храма Асбамейского Юпитера в Каппадокии, где родился близ города Тианы знаменитый философ Аполлоний[20], есть источник, вытекающий из озера, который временами то бьет очень сильно, то сам втягивает свою воду и никогда не выходит из берегов.

20. Внутри границ этой области (т. е. Ассирии) лежит Адиабена, которую в древности называли Ассирией, но уже с давних пор она получила это название потому, что, будучи расположена между судоходными реками Оной и Тигром, недо-

* Ср.: *Dio Cass.* 68, 27.

ступна по сухопутью: переходить же по-гречески διαβαινειν*. 21. Так думают древние, а я полагаю, что имя это произошло оттого, что в этой области есть две непересыхающие реки, через которые я сам переходил по наводным мостам, Диабас и Адиабас**. Поэтому я думаю, что Адиабеной область эта названа по рекам, подобно тому как по величайшим рекам Египет у Гомера***, Индия, Евфратская область, прежде называвшаяся Коммагеной, а также Иберия от Ибера (Эбро), ныне Испания, и от известной реки Бетис (Гвадалквивир) — провинция Бетика.

22. В Адиабене находится город Нин, некогда владыка Персии, сохранивший имя могущественного царя Нина, супруга Семирамиды; далее — Экбатана (Гамадан), Арбела (Арбиль) и Гавгамела (Кармелис), где Александр после жарких битв в ожесточенной сече разбил Дария.

23. В Ассирии много городов. Наиболее примечательны среди них Апамея, она же Месена (Корна), Тередон (Дора), Аполлония, Вологессия и много им подобных. Но самые блистательные и всем известные города — это следующие три: Вавилон, стены которого Семирамида[21] скрепила асфальтом, а цитадель воздвиг древнейший царь Бел, Ктесифон, который построил в древние времена Вардан, а позднее царь Пакор[22] усилил количеством населения, построил стены, дал греческое имя и сделал лучшим образцом персидских городов, и, наконец, Селевкия — блестящее создание Селевка Никатора. 24. Во время разрушения последнего города войсками императора Вера[23], о чем было ранее рассказано****, взята была со своего места статуя Комейского Аполлона и доставлена в Рим, где жрецы поместили ее в храме Аполлона Палатинского. Рассказывают, что, когда после похищения этой статуи солдаты подожгли город и обыскивали храм, они наткнулись на узкую щель. Ожидая найти какие-нибудь драгоценности, они расширили ее. Тут из одного закрытого тайника халдейских[24] таинств выскочила на свет первичная чума. Заключая в себе зародыши неисцелимых болезней, она во времена того самого Вера и Марка

* Alpha privativum.

** Притоки Тигра Dijala и Adaim (*Streek, Pauly.* Real-Encyclopädie, IX, 301).

*** У Гомера Нил носит имя Египет.

**** В недошедшей до нас части труда.

Антонина прошлась от самых границ Персии до Рейна и Галлии, осквернив всю землю заразой и покрыв ее трупами.

25. Здесь лежит область халдеев, в которой родилась, как они утверждают, впервые древняя мудрость и возникло искусство верных предсказаний будущего. Из рек, протекающих через эти страны, наиболее значительны те, которые я уже назвал, а также Марзар, Царская река и самая важная из всех — Евфрат. Разделившись на три рукава, которые все три судоходны, Евфрат обтекает много островов, орошает благодаря искусству местных жителей их поля и делает последние пригодными как для обработки плугом, так и для разведения плодовых деревьев. 26. С этими областями граничат сузианы, у которых есть лишь немного городов. Выделяется среди них Суза (Шустер), которая часто служит резиденцией царей, Арсиана, Села и Араха. Остальные города малы и незначительны. А рек протекает через эти места много, и наиболее важные среди них Ороат, Гаракс и Мозэй. В песчаных степях, которые отделяют Каспийское море от Красного, они образуют множество озер.

32. В этих пределах лежат плодородные земли магов. Будет уместно, раз я упомянул о магах, сказать несколько слов об их секте и науках.

Знаменитый Платон, создатель великих идей, называет магию мистическим словом махагистрия: это самое совершенное богопочитание. В древние времена многое из этой науки значительно распространил из халдейских тайных учений бактриец Зороастр[25], затем царь Гистасп, мудрейший отец Дария[26]. 33. Смело проникнув в неведомые области верхней Индии, прибыл Гистасп в уединенное лесное место, в спокойной тишине которого жили только брахманы, обладатели возвышенной мудрости. Под их руководством он постиг, насколько был в силах, законы мирового движения, течения звезд и чистые обряды священнодействий. Из того, что он усвоил, передал он кое-что магам, а эти последние из поколений в поколение передают это дальнейшим векам вместе с наукой предугадывания будущего. 34. С тех пор в течение многих столетий и до настоящего времени много поколений, происходящих из одного и того же рода, посвящается на служение богам. Рассказывают, — если только можно тому верить, — что маги хранят у себя на никогда не гаснущих очагах упавший с неба огонь, маленькая частич-

ка которого, как приносящая благополучие, была некогда подносима, как говорят, азиатским царям. 35. Число магов у древних было незначительным, и услугами их пользовались персидские власти при совершении священнодействий. Было грехом приблизиться к жертвеннику или коснуться жертвы, прежде чем маг, произнеся по определенной формуле молитву, не совершит предварительных возлияний. Но постепенно маги размножились, сложились в целый класс населения, который и носит это имя. Маги живут в селениях, не укрепленных стенами, им разрешено жить по своим особым законам, и из уважения к религии они пользуются высоким почтением. 36. От семени магов семь человек, как сообщают о том древние книги, овладели Персидским царством после смерти Камбиза; но они были низвергнуты партией Дария, которому доставило жребий правления ржанье коня[27].

37. В этой стране изготовляется мидийское масло. Если смазанная им стрела будет выпущена из слабо натянутого лука и вонзится во что-нибудь, то она разгорается сильным огнем — при быстром полете огонь тухнет; если кто захочет потушить огонь водой, то вызовет более сильное горение, и нет иного средства потушить, кроме как посыпать землей. 38. Изготовляется оно так: специалисты этого дела настаивают обыкновенное масло на особой траве и дают отстояться; когда оно сгустится, его делают еще гуще, примешивая к нему натуральный продукт, похожий на густое масло. Этот продукт имеется в Персии и называется, как было сказано, местным словом «нафта»[28].

39. В этих местах разбросано много городов. Наиболее известны из всех Зомбис, Патигран и Газака; по величине и богатству выделяются Гераклея, Арзакия (Рей), Европ, Кирополис, Экбатана. Все они лежат у подошвы Иасонийского хребта в земле сиромидийцев. 40. Много рек протекает через эти земли; самые большие из них Хоасп (Карун), Гинд, Амард (Кизил-Узен), Харинда, Камбиз и Кир. Название последней реке, довольно широкой и значительной, дал древний царь, любимец народа, Кир, предав забвению старое, когда он выступал на завоевание Скифского царства, потому что эта река имеет стремительность, качество, которым и он сам отличался. С такой же порывистостью, которую проявлял Кир, она сама пробивает себе путь и впадает в Каспийское море.

41. Дальше к югу от этих мест в ближайшем соседстве лежит древняя Персия, богатая мелкими овощами, виноградной лозой и водой приятного вкуса, так как через нее протекает много рек, впадающих в названный выше залив; наибольшие из этих рек Батрадит (Наброн), Рогамаvий, Бризоана и Баграда. 42. Большие города лежат внутри страны — неизвестно, почему на берегах не сооружено ничего примечательного, — знамениты среди них Персеполь, Ардея, Оброат и Трагоника. Островов там только три: Табиана, Фара и Александрия.

43. С Персией соседят парфяне, обитающие под Аквилоном (т. е. к северу от них) в земле снегов и инея. Область их пересекает река Хроатр (Аджису), более обильная водой, чем другие. Среди городов более значительны Энуния, Мезия, Харакс, Апамия, Артакана и Гекатомпилы. От последнего места по берегу Каспийского моря до Каспийских ворот считается 1040 стадий*. 44. Жители всех областей этой страны дики и воинственны. Войны и битвы им настолько по сердцу, что у них считается счастливым тот, кто пал в бою. А кто умирает своей смертью, того поносят бранью, как выродка и труса.

45. С юго-востока к ним примыкают счастливые арабы, названные так, потому что они богаты плодами, скотом, виноградной лозой и благовониями разного рода. Страна в большей своей части прилегает с правой стороны к Красному морю, с левой к Персидскому, что позволяет населению пользоваться всеми благами обеих стихий. 46. Много есть там бухт и безопасных гаваней, торговые города, один поблизости от другого, великолепные и роскошно украшенные дворцы царей, весьма целебные горячие источники, множество ручьев и рек, весьма здоровый климат, так что по справедливости у них есть, по-видимому, все для полного блаженства. 47. Много в этой стране городов внутри нее и по берегам моря, богатых полей и долин; самые лучшие из городов — Геаполь (Горга), Наскон, Бараба, а также Нагара, Мэфа, Тапфара и Диоскурия. На обоих морях близко от берега лежит много островов, перечислять которые считаю излишним. Известнее других — Органа, где, как говорят, находится большой храм Сераписа.

48. За границами этого народа поднимается Большая

* 185 км.

Кармания со своими высокими хребтами, простирающаяся до Индийского моря; она богата плодами и древесными насаждениями, но стоит много ниже Аравии по славе и по пространству; не менее изобильна она реками и так же богата лугами. Из рек более известны здесь Сагарей, Саганис и Гидриан. Есть в ней и города, хотя их и немного, но они богаты всем, что нужно для жизни и удовлетворения всяких потребностей. Среди них блистает Кармана (Керман), первый у них город, а кроме того, Портоспана, Александрия и Гермуполь.

50. Внутрь материка от Кармании живут гирканы, область которых омывает море с тем же названием. Так как в их тощей почве семя замирает, то земледелию уделяется мало внимания. Они живут охотой, которая у них удивительно разнообразна. Здесь тысячами водятся тигры и множество диких зверей. Выше, помнится, я уже рассказывал, к каким разнообразным способам прибегают для их ловли. 51. Тем не менее местные жители не лишены знакомства с плугом: некоторые местности, где почва плодороднее, засеиваются; есть и древесные насаждения, где имеются для этого подходящие условия; многие живут здесь также и морской торговлей. 52. В этой области есть две очень известные реки: Окс (Аму-Дарья) и Максера, через которые иногда переплывают тигры, когда их томит голод, и производят неожиданные опустошения в соседних местах. Кроме многих незначительных городов гирканы имеют два значительных, расположенных на берегу моря: Соканда и Сараманна; другие лежат внутри страны: Асмурна, Сала и более известный чем эти — Гиркана.

53. Напротив этого народа к северу живут, как рассказывают, абии, весьма благочестивый народ, равнодушный ко всему человеческому, на которых, как говорит Гомер, Юпитер взирает с горы Иды*.

54. Местности за гирканами выпали на долю маргианам, которые почти со всех сторон окружены высокими горами и потому отрезаны от моря. Хотя большая часть их земель пустынна вследствие недостатка влаги, есть у них, однако, несколько городов; более известны, чем другие, Ясоний, ыАнтиохия (Мерв) и Нигэя. 55. Соседние области занимают бактрийцы, в прежние времена воинственный и весьма могущественный народ, всегда враждовавший с персами, пока

* Hom. Il. XIII, 5.

те не покорили все соседние племена и не распространили на них своего имени. А в древности там правили цари, которые были страшны даже Аршаку. 56. Бóльшая часть тех земель, так же как Маргиана, далеко находится от моря; но там водится множество животных и скот, что пасется там как по низким, так и по горным местам, очень крепок и силен; доказательством может служить то, что Митридат[29] оттуда привел верблюдов, которых римляне впервые увидели при осаде Кизика.

57. Бактрийцам подвластно много народов, первые среди них тохары. Страна эта, наподобие Италии, орошается многими реками; из них Артамис и Зариасп, соединившись в одно русло, а также Ох (Теджен) и Даргоман, после слияния между собою, преумножают своими водами громадную реку Окс (Аму-Дарья). 58. Есть и здесь города, расположенные на реках, меньших, чем выше названные: Хатрахарта, Аликорда, Астакана, Менапия и сама Бактра (Балх), откуда пошло имя народа и царства.

59. ...у самой подошвы гор, называемых Согдийскими, живут согдианы. В их земле протекают две реки, вполне удобные для судоходства: Араксат* и Димас (Маргинан). Стремительно стекая через горы и долины на равнину, они образуют Оксийское озеро, имеющее большую протяженность в ширину и длину. Из городов более известны Александрия, Киресхата и столица страны Дрепса (Андераб).

60. С согдианами смежны саки, дикий народ, населяющий невозделанные земли, годные только для скотоводства. Поэтому нет там и городов. Над этой страной высятся хребты Асканимия и Комед, у подошвы которых через селение, именуемое Каменная башня (Lithinos pyrgos), проходит большой торговый путь, по которому ведутся сношения с серами (китайцами).

61. В местах, где оканчиваются горы, называемые Имавскими и Апурийскими, живут в пределах Персии скифы, которые граничат с азиатскими сарматами и соприкасаются с крайними пределами земли аланов. Заброшенные в отдаленный угол земли, привычные к пустыне, они живут в далеко отстоящих одно от другого обиталищах и довольствуются скудным и бедным пропитанием. 62. Эти пределы населяют различные народы, перечислять которые считаю в данном

* Araxates следует поправить на Iaxartes (Сыр-Дарья).

случае излишним, так как спешу перейти к другому предмету. Но следует отметить, что среди этих народов, почти недоступных из-за их чрезвычайной дикости и грубости, есть кроткие и благочестивые люди, каковы яксарты и галактофаги, о которых упоминает поэт Гомер в следующих стихах:

...дивных мужей гиппомолгов,
Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных*.

63. Из множества рек, которые в этих землях природа или соединяет с более важными, или доводит в собственном течении до моря, знамениты Римм (Газури), Яксарт (Аму-Дарья) и Даик (Урал). Из городов известны только три: Аспабота, Хавриана и Сага.

64. За этими землями обеих Скифий с восточной стороны высокие горные хребты, образуя округлую линию, охватывают область серов, которые известны плодородием своих обширных земель. С запада граничат они со скифами, с севера и востока примыкают к снежной пустыне, а с юга простираются до Индии и Ганга. Горные хребты тех мест носят имена: Анкиба, Анзакий, Асмира, Емод и Опорокорра. 65. В этой стране, которая, будучи ограждена крутыми горами, постепенно переходит в огромную низменность, медленно протекают две реки: Эхард (Селенга?) и Баутис (Гоакго). Природные условия различных местностей здесь не одинаковы: в одном месте — ровная низменность, в другом — невысокая горная страна, и потому земля эта обильна хлебом, скотом и древесными насаждениями. 66. Плодородные земли населяют различные народы: в сторону севера и снегов — антропофаги, аннибы, сизиги, харды; к востоку — рабанны, асмиры и самые знаменитые из всех есседоны, к которым с запада примыкают афагуры и аспанары; с юга под крутыми склонами гор живут бэты. В этой стране городов хотя и не много, но они велики и богаты. Наибольшие из них: Асмира, Есседон, Аспакара и Сера; все они красивы и очень известны. 67. Серы живут в глубоком мире, не знают оружия и войны, и так как тихие и мирные люди более всего дорожат спокойствием, то они не причиняют никаких затруднений своим соседям. Климат у них приятный и здоровый, небо ясное, ветры легкие и приятные.

* *Hom.* Ilias XIII, 5.

Во многих местах растут редкие леса; плоды с деревьев они обрабатывают частым сбрызгиванием, как скорняки шкуру, и из похожей на шерсть, размягченной водой массы вычесывают тонкие нити, ткут основу и изготовляют материю «серик»;* раньше эту ткань использовали только вельможи, а в настоящее время она пошла в ход даже у самых простых людей. 68. Отличаясь удивительной умеренностью и дорожа спокойной жизнью, серы избегают общения с другими народами. Если же чужеземцы переправляются через реку ради покупки ткани или чего-то другого, то оценку предложенного товара производят только глазами, не произнося ни одного слова**. Они настолько воздержанны, что, обмениваясь собственными продуктами, сами не покупают ничего чужеземного.

69. За серами живут ариане, открытые дуновениям Борея (к северу). Через их земли протекает судоходная река Ария, которая образует огромное озеро с тем же названием. В этой стране много городов; из них известны — Витакса, Сарматина, Сотира, Нисибис и Александрия; от этого последнего города водным путем до Каспийского моря 1500 стадий***.

70. В непосредственной близости от ариан находятся паропамисады; к востоку от них лежит Индия, а к западу — Кавказ. Их земля примыкает к горам. Область их орошает река, не упоминаю меньших, Ортогордомарий, которая имеет свой исток в Бактрии. Есть у них несколько городов; более известные из них Газака (Газна), Навлиб и Ортоспана. От этого последнего города существует водный путь к границам Мидии, ближайшим к Каспийским воротам, на расстоянии 2200 стадий****. 71. С вышеназванным народом (паропамисады) соединены цепью холмов Дрангианы...*) (река) по имени Арабий, названная так потому, что вытекает из этой страны (т. е. Аравии). Кроме других городов особенно известны у них, как богатые и славные, Профтасия и Ариаспа.

72. Напротив них видна Арахозия, обращенная с правой стороны к Индии. От Инда, величайшей из рек, по имени

---

* Шелк.

** Ср.: *Herod.* 4, 106 (о карфагенянах).

*** 265,5 км. В Александрии признают нын. Герат. Упоминание о «водном пути» до моря объясняется, вероятно, недочетами карты, которой располагал Аммиан Марцеллин.

**** 389,4 км.

*) Валезий вставлял: quos flumen alluit.

которого названа земля (Индия), отделяется много меньшая река; она достаточно многоводна и образует озеро, именуемое Арахотоскрена. И здесь есть города, из менее значительных выделяются Александрия, Арбака и Хоаспа.

73. В самой глубине Персии лежит Гедрозия, которая с правого края касается Индии. Кроме других, меньших, рек ее орошает река Арабий. Здесь оканчиваются Арбитанские горы; от их подножия берет начало несколько рек, которые несут свои воды в Инд и теряют свое имя в этой большой реке. И здесь есть города; кроме расположенных на островах более важными слывут: Седратира и «Гавань женщин».

74. Чтобы подробное описание морского берега на просторах Персии не заставило меня отклониться слишком далеко от общего плана моего труда, считаю достаточным сделать краткое замечание, что протяженность моря от Каспийских гор на северной стороне до упомянутой теснины определяется в 9000 стадий, а на южной стороне от устий реки Нила до того места, где начинается Кармания, — в 14 000 стадий*.

75. Среди этого множества различных народностей люди столько же различны между собою, как и местности. Чтобы дать общую характеристику телосложению и нравам населения**, скажу, что вообще они тонкого склада, с черноватой или бледно-желтого цвета кожей, взор у них козлоподобный, брови полукруглые и сросшиеся, бороды довольно благообразны, а волосы на голове длинные. Все они без различия даже на пирушках и в праздничные дни не появляются иначе, как с мечом на поясе. Этот обычай существовал также у древних греков и оставлен был впервые, по надежному свидетельству Фукидида[30], афинянами***. 76. Большинство из них склонно к любовным излишествам и с трудом удовлетворяется множеством наложниц. Педерастии они не знают. Каждый по своим средствам заключает большее или меньшее число браков, поэтому у них любовь, разделяясь между различными предметами страсти, скоро угасает. Изысканных пиров, роскоши и особенно пьянства они избегают, как заразы. 77. Только для царского стола существует у них определенный час, а для всех остальных людей часами служит собственный желудок, и по его призыву

* 1593 и 2478 км.

** Не принимаем корректуры Гардтгаузена: *primores* и предпочитаем рукописное *et mores.*

*** *Thucid.* 1, 5, 6.

каждый съедает то, что попадется под руку, а после насыщения никто не обременяет себя излишними яствами. 78. Достойны удивления их умеренность и осторожность. Так, проходя иногда во вражеской земле через сады и виноградники, они не чувствуют желания поживиться чем-нибудь или тронуть что-либо, опасаясь яда или колдовства. 79. Нелегко увидеть, чтобы перс остановился, для того чтобы отлить воду, или присаживался в стороне для естественной надобности, до того тщательно они скрывают эти и другие неприличные отправления. 80 До того они подвижны, проявляют такую легкость членов и живость походки, что их можно принять за женоподобных, но они великолепные воины, впрочем, скорее хитрые, чем храбрые, и более страшные издали. Они забрасывают противника множеством лишних слов, издают дикие и свирепые возгласы, велеречивы, несносны и противны; они грозятся в счастии и несчастии, хитры, горды и так жестоки, что присваивают себе право жизни и смерти в отношении рабов и людей низкого положения. Они снимают кожу с живых людей целиком или по частям. Слуге, прислуживающему или стоящему за столом, не разрешается раскрыть рот, промолвить слово или плюнуть; поэтому, когда разостланы кожи на сиденьях для обеда, губы всех сжаты. 81. Законы у них очень суровы; выделяются своей жестокостью постановления против неблагодарных и дезертиров, ужасны и другие, согласно которым за вину одного гибнет весь его род. 82. Судьями избираются люди опытные и честные, мало нуждающиеся в чужих советах. Поэтому они смеются над нашим обычаем, по которому иной раз за спиной невежественного судьи располагаются бойкие ораторы и знатоки права. А то, будто судья должен был сидеть на коже судьи, осужденного за неправый суд, это или выдумка давних времен, или же этот существовавший некогда обычай в настоящее время вышел из употребления*. 83. Военная организация персов, их дисциплина, постоянные упражнения в военном строю и способ вооружения, нередко устрашавшие нас, делают их грозными даже для очень больших армий. Сами они больше всего полагаются на храбрость своей конницы, в которой несет службу вся их знать. Пехотинцы, вооруженные наподобие мирмиллонов**, несут службу обозных. Вся их масса следует за конницей,

* *Herod.* V, 25.

** Один из видов гладиаторского вооружения.

как бы обреченная на вечное рабство, не будучи никогда вознаграждаема ни жалованьем, ни какими-либо подачками. Столь смелый и привычный к боевым трудам народ мог бы покорить множество племен помимо тех, которые он себе подчинил, если бы его не беспокоили постоянно междоусобные и внешние войны. 84. Одеваются они, как правило, в яркие и цветные материи, и хотя спереди и с боков платье развевается по ветру, от пяток и до макушки не видно ни одного неприкрытого места на теле. К ношению золотых запястий и ожерелий, а также драгоценных камней и особенно жемчуга, которого у них очень много, персы привыкли после победы над лидийцами при Крезе.

85. Остается сказать лишь несколько слов о происхождении жемчуга. Его находят у индийцев и персов в твердых белых морских раковинах. Он зарождается от присоединения росы в определенное время года. Живущие в раковинах улитки чувствуют как бы половой позыв и, быстро открываясь и закрываясь, принимают влагу, пропитанную лунным светом. Становясь от этого беременными, они зачинают по два или по три маленьких шарика, или один, как наблюдается это иногда в выловленных раковинах. Такой шарик бывает больше размерами, отсюда и происходит название *unio*. 86. Подтверждением тому, что жемчужины происходят скорее из эфира, чем от питания из моря, может служить то, что если на них брызнуть капли утренней росы, то они становятся светлыми и круглыми, а капли вечерней росы делают их угловатыми и рыжеватыми, а иногда даже пятнистыми. Маленькими или большими делаются они из-за различных случайностей соответственно качеству воспринятой влаги. Закрытые улитки часто засыхают от страха перед молниями, или дают плохой жемчуг, или, наконец, у них происходит выкидыш. 87. А то, что ловля их весьма трудна и опасна и цены на них столь высоки, объясняется тем, что они избегают посещать людные берега из-за замыслов рыбаков и, как предполагают, скрываются у труднодоступных утесов и пристанищ морских псов. 88. Небезызвестно, что в уединенных бухтах британского моря также водятся эти раковины* и что там их собирают, хотя они много ниже по качеству.

---

* *Solin.* 53, 28.

Книга XXIV

(год 363)

1. Юлиан вступает с армией в Ассирию, овладевает крепостью Анафа на Евфрате и предает ее огню.
2. Император делает попытку овладеть некоторыми крепостями и городами, другие, покинутые жителями, предает пламени. Ему сдается Пирисабора, которую он разрушает огнем.
3. Август Юлиан обещает солдатам в случае успеха по сто денариев на человека и успокаивает сдержанной речью тех, которые негодовали на незначительность донатива.
4. Город Майозамальха взят приступом римлянами и разрушен.
5. Римляне берут крепость, неприступную по своему положению и весьма сильно укрепленную, и предают ее пламени.
6. После битвы, в которой пало 2500 персов, при наших потерях в 70 человек, Юлиан награждает многих венками перед строем всей армии.
7. После того как императора отговорили от осады Ктесифона, он необдуманно приказывает сжечь все корабли и удаляется от реки.
8. Когда уже нельзя было ни навести мосты, ни соединиться с частью своих сил, император решает вернуться через Кордуэну.

1

1. Убедившись в бодром настроении армии, которая с единодушным воодушевлением, призывая Бога в свидетели, восклицала, что такой государь не может не победить, Юлиан решил без промедления приступить к осуществлению своего плана и приказал после ночного отдыха дать сигнал к выступлению. Подготовив все в соответствии с великими трудностями такой войны, он вступил на рассвете в пределы Ассирии и, испытывая сам большее, чем другие, возбуждение, объезжал ряды и, вызывая соревнование с собою, побуждал всех к подвигам храбрости. 2. Как предводитель, умудренный опытом и наблюдением, он опасался из-за незнакомства с местностью засад и потому начал наступление, построив войска в боевом порядке. На некоторое расстояние вперед он выслал отряд легкой кавалерии в 1500 человек. Осторожно наступая на обоих флангах и со строя, они следили, чтобы не произошло неожиданного нападения. Сам он командовал пехотой центра, которая составляла главную силу его армии; нескольким легионам справа под командой Невитты он приказал держаться берегов Евфрата; а левое крыло с конными отрядами поручил Аринфею и Ормизде*, приказав идти в тесном строю по низменным полям. Арьергард вели Дагалайф и Виктор, замыкал ряды дукс Осдроэны Секундин. 3. Затем, чтобы внушить врагам устрашающее представление о своей численности на случай, если бы они сделали набег или просто следили издали, он приказал расступиться отдельным частям и расположил конницу вдали от пехоты, так что люди последних рядов находились почти в 10 тысячах

---

* 16, 10, 16.

шагов* от передних знаменосцев. К этому маневру с удивительным искусством прибегал, как говорят, Пирр, царь Эпира[1], обладавший большим умением выбирать удобное место для разбивки лагеря, раздвигать или стягивать свою армию, чтобы, смотря по надобности, она казалась больше или меньше.

4. Поклажу, обоз, нестроевых людей и всякого рода кладь он поместил между обоими флангами и отдал приказ двигаться вперед в строгом порядке, чтобы они, оказавшись без прикрытия, не могли быть захвачены внезапным набегом неприятеля, как это часто случалось. Флот, следовавший по извилистой реке, должен был двигаться так, чтобы не отставать и не уходить вперед.

5. После двухдневного похода мы подошли к расположенному на берегу реки покинутому городу Дуре. В этой местности показались стада оленей. Наши люди много их настреляли и набили тяжелыми веслами, так что все досыта наелись оленины. Но бóльшая часть этих животных, привычных к плаванию, переплыла через быструю реку и беспрепятственно ушла в знакомые им пустыни.

6. Затем четыре дня мы шли неспешным маршем. Когда день склонялся к вечеру, император отдал приказ комиту Луциллиану посадить на суда тысячу солдат и захватить крепость Анафу, которая, как и большинство других, омывается водами Евфрата. Корабли рассеялись, как было приказано, по удобным местам, остров был окружен, и облачная ночь прикрывала тайное нападение. 7. Но когда рассвело, вышедший из крепости за водой человек увидал внезапно врагов, поднял страшный крик, и разбуженный тревожным шумом гарнизон взялся за оружие. Изучив с высокого места план крепости, император быстро переправился через реку под охраной двух кораблей, а следом за ним подошло много судов, везших осадные орудия. 8. При приближении к стенам он понял, что сражение может привести к немалым опасностям, и стал то мягкой, то резкой и грозной речью склонять защитников к сдаче. Те попросили для переговоров Ормизду, и его обещания и клятвы вызвали у них большие надежды на милость римлян. 9. Наконец, ведя перед собой увенчанного быка, что у персов служит знаком принятия

* Около 15 верст.

мира, они спустились с умоляющими жестами вниз. Укрепление было тотчас предано огню; командир гарнизона Пузей, впоследствии бывший дуксом Египта, получил чин трибуна, а остальные обитатели с семействами и домашним скарбом были отправлены в сирийский город Халкиду*. 10. Среди них оказался один римский солдат, оставшийся в тех местах по болезни во время вторжения в персидские пределы Максимиана;[2] в ту пору он был, по его словам, юношей с первым пушком на щеках. По обычаю племени (т. е. персов), он взял себе много жен, а теперь, согбенный уже старец с огромным потомством, немало содействовал сдаче крепости и, будучи приведен в лагерь, ссылался на свидетелей в том, что он давно знал и предсказывал, что почти столетним стариком будет похоронен на римской земле. Вскоре после этого сарацинские разведчики к великой радости императора привели несколько взятых в плен врагов и были щедро награждены им для поощрения.

11. На следующий день случилось опять несчастье. Налетел ураган, закружился вихрем и перемешал все, что было покрыто: палатки оказались разорванными, множество солдат было опрокинуто навзничь или лицом к земле, так как ветер был столь силен, что сбивал с ног. В тот же день случилось и другое опасное событие. Река внезапно выступила из берегов и потопила несколько грузовых кораблей, так как прорваны были шлюзы, построенные из камня с целью задерживать и спускать воду для орошения полей. Случилось ли это по злому умыслу неприятеля или от подъема уровня воды в реке, нельзя было выяснить,

12. Взятие и сожжение первого неприятельского города и переселение его жителей подняло дух армии. Возбужденными кликами солдаты славили императора в уверенности, что помощь неба будет с ними и в дальнейшем.

13. И если в неизвестной земле необходима была вообще особая осторожность, то здесь приходилось еще опасаться хитрости и разнообразных враждебных замыслов персов. Поэтому император с отрядом легковооруженных появлялся то впереди своей армии, то за арьергардом, и, чтобы ничто не укрывалось от его внимания, он сам осматривал густые заросли и лощины и удерживал свойственной ему ласково-

* Киннесрин или Старый Алепио.

стью, а то и угрозой, солдат от самовольных попыток уйти подальше в сторону от армии. 14. Неприятельские поля, богатые всякими злаками, он позволял поджигать вместе с посевами и хижинами не раньше, чем когда все солдаты в достатке запасались всем необходимым, и таким образом неприятель терпел урон, оставаясь о том в неведении. 15. Наши солдаты охотно брали себе то, что попадалось им в руки; делом храбрости считали они найти новое место запасов и были рады тому, что, не терпя ни в чем ни малейшего недостатка, могли сберечь провиант, которым были нагружены корабли. Здесь один пьяный солдат явил без всякого побуждения с чьей-либо стороны свою безрассудную дерзость: он переплыл на тот берег, но враги на наших глазах схватили его и убили.

2

1. Двигаясь таким образом, мы достигли крепости, называемой Тилута. Расположенная на середине реки на очень крутой возвышенности, она в равной мере была укреплена как самой природой, так и рукой человека. Так как высота места делала эту крепость совершенно неприступной, то были предприняты лишь осторожные попытки склонить жителей к сдаче. Они стояли на том, что их капитуляция была бы несвоевременной в данный момент, но заявили, что если римляне, продвигаясь вперед, займут внутренние области царства, то и они перейдут на сторону победителя, как придаток. 2. И после этого, сохраняя почтительное спокойствие, они смотрели, как наши корабли проходили под самыми их стенами. Оставив за собой эту крепость, мы пришли к другому укреплению с названием Ахайахала, которое также окружено рекой и расположено на крутизне. Получив и здесь такой же ответ, как и в первой крепости, мы отступили. На следующий день мы подошли к укреплению, которое было оставлено без охраны из-за слабости его стен. Предав его пламени, мы пошли дальше. 3. В течение следующих дней, пройдя 200 стадий*, мы пришли в местность Бараксмальха. Перейдя затем реку, на седьмой миле от нее мы вступили в город Диакиру. Жители покинули его, оставив большие запасы хлеба и прекрасной

* 35,4 км.

блестящей соли. Тут мы видели очень высокий храм, поднимавшийся над цитаделью. Мы сожгли город, перебили несколько оказавшихся там женщин и, перейдя через источник бьющей из земли нефти, заняли город Озогардану, также покинутый жителями в страхе перед наступлением неприятеля. Там показывали трибунал императора Траяна*. 4. И этот город предали мы пламени и получили два дня на отдых. На исходе ночи второго дня сурена[3], первое лицо у персов после царя, и эмир по имени Подосакий, филарх** ассанитских сарацин, знаменитый разбойник, который в течение долгого времени свирепствовал на наших границах, — устроили засаду Ормизде: они знали — неизвестно откуда, — что он выйдет на рекогносцировку. Не удался их замысел потому, что в этом месте нет возможности перейти вброд реку: она течет здесь в узких и крутых берегах и очень глубока. 5. На рассвете мы впервые увидали врагов в их сверкающих шлемах и крепких панцирях. Наши солдаты, рвавшиеся в битву, храбро бросились на них. И хотя сила, с которой враги натягивали луки, и сверкание железа их панцирей нагоняли страх на наших, но гнев усиливал их храбрость и, тесно прикрывшись щитами, они не дали им выстрелить. 6. Ободренные этой первой победой, солдаты дошли до поселения Мацепракта. Там видны были полуразрушенные остатки стен. Рассказывают, что в древности эти стены имели большую протяженность и защищали Ассирию от нападений извне.

7. Здесь отделяется от Евфрата многоводный рукав и направляется во внутренние области Вавилонии для орошения полей и близлежащих городов; а другой, по имени Наармальха, что значит река царей, протекает подле Ктесифона; в его начале стоит высокая башня наподобие Фароса. 8. По наведенным с большой осторожностью мостам перешла через этот рукав вся пехота, а всадники с лошадьми переправились вплавь с оружием, выбрав место на излучине, где течение было слабее. При этом на часть нашей конницы выпущена была внезапно туча стрел; но быстрый вспомогательный отряд, выйдя на берег, бросился на убегавших неприятелей и налетел на них, как хищная птица на свою добычу.

9. Блистательно завершив это дело, мы подошли к Пири-

---

* Поход Траяна в Персию — 114—117 гг.

** Ф и л а р х — глава племени, шейх, а в древности — малех.

саборе, большому и весьма населенному городу, который окружен течением реки со всех сторон наподобие острова. Император сделал рекогносцировку города и его окрестностей и с величайшей осторожностью начал приготовления к осаде, как будто надеясь одним страхом отбить у населения охоту защищаться. Но когда после многократных попыток начать с ним переговоры никто не ответил ни на обещания, ни на угрозы, пришлось приступить к осаде. Тройная цепь вооруженных окружила стены, и в первый день до самого начала ночи шла перестрелка. 10. Защитники были достаточно сильны и отличались воодушевлением. С бойниц они повесили повсюду сбитые из шерсти прикрытия, чтобы ослабить силу удара метательных снарядов; прикрываясь щитами, сплетенными из крепкого лозника и покрыв их сырыми кожами, они оказывали самое деятельное сопротивление. Сами они производили впечатление людей из железа: полоски железа, точно прилаженные по форме частей тела, одевали надежным покровом весь корпус. 11. Несколько раз они вызывали для переговоров Ормизду как земляка и человека царской крови, а когда он приближался, осыпали его бранью и попреками, как изменника и перебежчика. На это издевательство ушла бóльшая часть дня, а с началом сумерек были подведены различные осадные машины и наши приступили к засыпанию глубокого рва. 12. Внимательно следившие за всем защитники заметили это при неверном вечернем освещении, и так как к тому же угловую башню пробил мощный удар тарана, то они покинули двойные стены города и заняли примыкавшую к нему цитадель. Стояла эта последняя на плоской вершине крутой горы, середина которой, поднимавшаяся вверх, составляла своими округлыми очертаниями фигуру аргалического щита; только на северной стороне не хватало коечего до округлой линии, но здесь еще более надежную защиту представляли собой обрывы скал, спускавшихся прямо в волны Евфрата. Сооруженные из асфальта и обожженного кирпича стены — постройка, не имеющая себе, как известно, равной по прочности, — представляли сами по себе опасную угрозу. 13. Наши солдаты, пылая боевой отвагой, прошли город, который нашли пустым, и ожесточенно сражались с горожанами, метавшими с цитадели всякие снаряды. Наши катапульты и баллисты теснили защитников; но и сами они со своей высоты храбро противопоставляли им огромные луки; широкие, с обоих концов выступавшие рога этих луков стягивались очень

медленно, зато спущенная сильным ударом пальцев тетива метала окованные железом стрелы с такой силой, что, впиваясь в тело противника, они пронзали его насмерть. 14. Шел также с обеих сторон бой целыми тучами метаемых от руки камней. С равными шансами длилась жаркая битва с величайшим упорством с рассвета до начала ночи; закончилась она без решительного исхода. На следующий день возобновился упорный бой: с обеих сторон одинаковы были потери, и счастье не склонялось ни на чью сторону. Тогда император, готовый на любой риск при этих обоюдных потерях, построив клин и прикрываясь от выстрелов тесно сдвинутыми щитами, в быстром натиске бросился с отважными бойцами к вражеским воротам, которые оказались окованными толстым железом. 15. Хотя камни, метаемые от руки из пращей, куски свинца и стрелы угрожали его жизни, но он громко приказывал своим людям пробивать створы ворот, чтобы открыть доступ в крепость, и отступил назад лишь тогда, когда понял, что тучи метательных снарядов могут его совсем засыпать. 16. Он отошел со всеми своими людьми; лишь некоторые из них были легко ранены, сам он вернулся невредимым, но с краской стыда на лице. Он знал из истории, что Сципион Эмилиан с историком Полибием[4], который был родом из Мегалополя в Аркадии, и тридцатью солдатами открыл подобным нападением ворота Карфагена. Этот подвиг, с полной достоверностью описанный в древней истории, нисколько не умаляет значения события нашего времени. 17. Эмилиан подошел к воротам под прикрытием каменной «черепахи» и, находясь в полной безопасности и сам будучи укрыт, пока неприятель не заметил это каменное сооружение, вторгся в лишенный защитников город. А Юлиан атаковал на открытом месте и отступил лишь тогда, когда небо над ним потемнело от тучи камней и снарядов.

18. До сих пор дело велось с торопливой поспешностью, и из-за несостоятельных забот о других делах не принимались за устройство виней и осадных щитов. Но тут Юлиан приказал соорудить машину, так называемый «Гелеполис», о которой выше было сказано, что ею пользовался Деметрий, завоевавший при ее помощи много бродов, за что и был назван Полиоркетом*.

19. С тревогой напряженно всматривались защитники в

---

* 23, 4, 10.

это огромное сооружение, которое должно было оказаться выше зубцов высоких башен; понимая, с какой настойчивостью ведется осада, они вдруг запросили мира, и, рассеявшись по башням и зубцам стен, простирали руки в знак того, что они предаются римлянам, и просили пощадить их и даровать им жизнь. 20. Когда они увидели, что орудия бездействуют и что осаждающие ничего больше не предпринимают, то приняли это за верный знак мира и попросили, чтобы им дана была возможность переговорить с Ормиздой. 21. Это им было разрешено. Начальник гарнизона Мамерсид спустился по канату вниз и был отведен к императору. Получив от последнего формальное обещание, что он и его товарищи будут помилованы и им будет сохранена жизнь, как он о том просил, он был затем отпущен назад. Когда он объявил в крепости о результате своих переговоров, все жители обоих полов, поскольку были приняты все пункты требований, подтвердили заключение мира самыми страшными клятвами и, открыв ворота, вышли все с криками, в которых провозглашали, что Цезарь в своем величии и милосердии явился для них как Гений-спаситель. 22. Насчитано было сдавшихся 2500 человек; остальное население, предполагая возможность осады, удалилось заранее, переплыв реку на малых судах. В этой крепости найден был огромный запас оружия и провианта. Взяв оттуда то, что было нужно каждому, победители предали все остальное пламени вместе с самой крепостью.

3

1. На следующий день после этого император, как раз когда он спокойно обедал, получил неприятное известие о том, что командовавший персами сурена неожиданно напал на три турмы нашей легкой конницы, находившейся в передовых разъездах. Пало с нашей стороны очень немного людей, но в их числе один трибун, и потеряно было знамя. 2. Страшно вспылив и считая, что главный залог безопасности — быстрота действий, он бросился с вооруженным отрядом на неприятеля и наголову разбил его. Уцелевших двух трибунов он уволил в отставку за нерасторопность и трусость, а десять солдат из числа тех, которые бежали, он лишил, следуя древнему обычаю, воинского звания и приговорил к смертной казни.

3. После того как город, что было упомянуто, был предан пламени, Юлиан приказал собраться армии и, взойдя на подготовленный трибунал, поблагодарил войска, побуждал всех поддерживать в себе тот же боевой дух и обещал выдать донатив по 100 серебряных монет на человека*. Когда же он увидал, что солдаты, недовольные незначительностью обещанной суммы, стали громко выражать свое неудовольствие, возвысил в негодовании голос и сказал такую речь: 4. «Вот перед вами персы, в избытке имеющие всякое добро. Их богатства могут перейти к вам, если мы будем соединять единодушие и храбрость. Верьте мне. Римское государство со своими колоссальными богатствами впало в крайнюю бедность из-за людей, которые в интересах личного обогащения научили государей возвращаться с войны, купив за золото мир у варваров. 5. Казна истощилась, города обезлюдели, провинции разграблены. Нет у меня ни личных средств, ни родни, хотя я и знатного рода; но в груди моей бьется не знающее страха сердце. Ничуть не стыдно императору, который полагает все блага в развитии духовных сил, признаться в своей благородной бедности. Ведь и Фабриции[5], будучи бедняками, провели великие войны и стали богаты славой. 6. Все это может оказаться у нас в изобилии, если вы, чуждые всякого страха, вверившись Богу и мне, который ведет вас, соблюдая по мере человеческого разумения осторожность, будете держать себя спокойно. Если же вы вернетесь к прежним позорным бунтам и будете мне сопротивляться, то это ваше дело. 7. Я один, как подобает императору, свершив ряд таких подвигов, умру на месте с презрением к жизни, которую может у меня вырвать и какая-нибудь ничтожная лихорадка, или по крайней мере сойду с этого поста: я ведь не так жил, чтобы нельзя мне было стать опять частным человеком. С гордостью и чувством радости могу я заявить, что с нами есть испытанные вожди, глубокие знатоки военной науки». 8. Эта спокойная речь императора, который сохранял самообладание как в счастье, так и в несчастье, в данную минуту успокоила солдат. Укрепившись в надежде на лучшее, солдаты давали обещание соблюдать дисциплину и с полным единодушием до неба превозносили его величие и возвышенность духа. Когда подобного рода заявления искренни и идут от сердца, то обычно это выражается легким

* Около 20 рублей на наши деньги (1908 г.).

стуком щитов. 9. После этого войска вернулись в свои палатки, подкрепились, насколько в данное время это было возможно, пищей и питьем, а также ночным сном. Юлиан воодушевлял своих солдат и тем, что постоянно клялся не тем, что ему было дорого, а величием своих начинаний: «Верно как то, что я сокрушу персов»... «Верно как то, что я восстановлю потрясенный римский мир». Таким же образом, как рассказывают, имел обыкновение подтверждать свои слова Траян: «Верно как то, что я увижу Дакию превращенной в провинцию», «Как то, что я по мосту перейду Истр и Евфрат» и многое тому подобное.

10. После этого, пройдя 14 миль*, мы пришли в местности, плодородие которых является результатом обильного орошения. Зная наперед, по какому пути мы направимся, персы открыли шлюзы и вызвали большой разлив воды. 11. Так как почва на большом протяжении превратилась в болото, Юлиан дал солдатам день на отдых, пошел сам вперед и, наведя мосты из мехов и кожаных лодок, а также нарубив пальмовых стволов, не без затруднений переправил войска.

12. В этих местностях много полей, засаженных виноградной лозой и разными плодовыми деревьями; в наибольшем числе произрастают здесь пальмы, которые образуют почти сплошной лес, простирающийся на обширных пространствах до самой Мезены и великого моря. На каждом шагу попадаются здесь срубленные ветви пальм с плодами и без них; из плодов производят в изобилии мед и вино[6]. Рассказывают, что пальмы взаимно оплодотворяются и легко можно различить пол дерева. 13. Добавляют и то, что женские деревья зачинают, будучи обмазаны семенем мужских и что они знают наслаждение взаимной любви. Это видно из того, что они склоняются друг к другу и даже сильный ветер не может вывести их из этого положения. Если женское дерево не будет обмазано семенем мужского, то происходит выкидыш и дерево роняет несозревшие плоды. Если неизвестно, к какому мужскому дереву питает любовь то или другое женское, то мажут ствол одного цветным соком другого и дерево воспринимает, согласно природе, сладость запаха. Эти явления подтверждают существование оплодотворения. 14. Насыщаясь плодами

* Около 20 верст.

пальм, войско миновало много островов, и там, где опасались недостатка пищи, там именно появлялся страх избытка и пресыщения. Неприятельские стрелки устроили было нападение на нас из засады, но оно не осталось без возмездия, и мы дошли до места, где главное течение Евфрата разбивается на много рукавов.

4

1. В этой области мы подошли к городу[7], который покинули населявшие его иудеи из-за его низких стен, и раздраженные солдаты предали его пламени. После этого император двинулся дальше со всевозрастающей верой в оказываемое ему, как он думал, покровительство божества. 2. Дойдя до Майозамальхи, большого города, окруженного сильными стенами, он приказал разбить палатки и принял самые тщательные меры предосторожности для того, чтобы обезопасить лагерь от внезапного нападения персидской конницы, перед храбростью которой на открытых местах трепещут все народы. 3. Сделав соответствующие распоряжения, он вышел сам пешком с небольшим отрядом легковооруженных, чтобы сделать точную рекогносцировку относительно расположения города, но попал в опасную засаду, из-за которой едва спас свою жизнь. 4. Через потайные ворота города вышло десять вооруженных персов; ползком они пробрались по подошве холмов и внезапно напали на наших. Двое из них бросились с обнаженными мечами на императора, выделявшегося своим внешним видом. Подняв вверх щит, он отразил удар и, нисколько не растерявшись, укрываясь за щитом, всадил свой меч в бок одного из нападавших, а другого зарубили его телохранители. Остальные, из которых некоторые были ранены, рассеялись в бегстве; с обоих убитых были сняты доспехи. Император привел назад в лагерь невредимыми своих боевых товарищей с доспехами врагов и был встречен всеобщим ликованием. 5. Торкват снял с убитого врага золотое ожерелье, дерзкого галла поразил с помощью птицы Валерий, прозванный потом Корвином, и эта слава сохранила их имена для потомства[8]. Зависти нет тут места, но пусть и это славное деяние Юлиана встанет рядом с теми подвигами древности. 6. На следующий день настланы были мосты, войска переправились, и лагерь был

разбит в другом, более безопасном месте и окружен двойным валом из-за того, как я уже сказал, что открытая равнина внушала опасения. Затем он предпринял осаду города, так как считал опасным идти вперед, оставляя в тылу у себя страшного врага. 7. Пока шли энергичные приготовления к осаде, неприятельский вождь сурена напал на наших обозных лошадей, которые паслись в пальмовых рощах, но был отброшен нашими охранными когортами и ушел с небольшими потерями. 8. Население двух городов, расположенных на островах реки, не доверяя своим силам, в страхе ушло за стены Ктесифона: одни прошли через лесную чащу, другие пустились в путь на выдолбленных стволах деревьев по соседним болотам, считая это единственным и самым верным способом совершить предстоявший им длинный путь в далекие земли. 9. Некоторые из этих последних отстали, и наши солдаты перебили их. Они и сами проезжали на лодках и челноках по разным местам и время от времени приводили взятых в плен. То был хорошо обдуманный план Юлиана: пока пешие силы будут вести осаду стен, конные отряды, разделившись на малые отряды, должны были выходить на грабеж. Таким образом достигалось то, что солдаты, не обременяя наших провинций, кормились с земель неприятеля.

10. Император приступил к решительной осаде города, имевшего двойные стены. Он окружил его тройной цепью щитов и был уверен в удаче этого начинания. Но насколько необходимо было это предприятие, настолько же оно оказывалось трудноисполнимым. Все подступы были закрыты высокими скалами с крутыми выступами и обрывами, что делало крайне опасным и даже невозможным подход, а к тому же и башни, многочисленные и очень высокие, грозно равнялись с высотой природной скалы цитадели; спускавшийся к реке склон был также защищен сильными бастионами. 11. Сюда присоединялась еще другая немалая беда, а именно то, что многочисленный гарнизон, состоявший из отборных людей, оставался совершенно глух ко всяким попыткам склонить его к сдаче и оказывал сильное сопротивление, надеясь победить или сложить свои головы за родину. С трудом удавалось удерживать рвавшихся вперед солдат, которые требовали боя пусть даже на ровном месте и в правильном строю и горели желанием схватиться с врагом, когда давали сигнал к отступлению.

12. Однако разумные меры, принятые с нашей стороны, преодолели великое напряжение сил противника. Работы были распределены, и все поспешно взялись за назначенное для каждого дело. Здесь воздвигали высокие насыпи, там засыпали глубокие рвы, в третьем месте копали в земле длинные траншеи, специальные мастера размещали осадные орудия, которым предстояло вскоре огласить воздух своим зловещим грохотом. 13. Работой над подкопами и осадными щитами руководили Невитта и Дагалайф, а распределение нападений и защиту машин от пожара и вылазок неприятеля принял на себя сам император. Все приготовления к разрушению города были завершены многообразными трудами и раздались голоса, требовавшие битвы. Как раз в этот момент вернулся командир по имени Виктор, сделавший рекогносцировку до самого Ктесифона, и сообщил, что он нигде не встретил каких-либо препятствий. 14. Это известие воспламенило радостью всех солдат, возбуждение усилилось еще больше, и, стоя в боевом вооружении, они ждали сигнала к битве.

15. И вот затрубили боевой сигнал и на обеих сторонах началось движение. С вызывающим, грозным криком римляне первые сделали несколько натисков на врага, который под своим покрытием из железных пластин наподобие легких перьев чувствовал себя очень смело, так как стрелы, попадая в твердую железную броню, отскакивали, не причиняя вреда. Сдвинутые над головами щиты, которыми римляне прикрывались с большим искусством, расходились иногда от постоянного движения и образовывали щели. А персы, напротив, упорно стояли на стенах и прилагали все старания к тому, чтобы по возможности отразить и сделать тщетным грозный натиск. 16. Когда же осаждающие, двигая перед собой осадные щиты, напирали уже на стены, пращники со стрелками, а также и другие, скатывавшие огромные камни, метавшие факелы и маллеолы, пытались их отбить. Тут приведены были в действие со страшным шумом баллисты, приспособленные к метанию деревянных стрел, и стали сыпать тучи снарядов, а скорпионы под искусной рукой стрелявших из них стали метать круглые камни.17. Несколько раз повторялись приступы, пока наконец полуденный жар огнем пылавшего солнца, все усиливаясь, не заставил прекратить бой утомленных и обливавшихся

потом людей, которые с напряжением всех сил вели стрельбу и сражались.

18. В таком же настроении обе стороны и на следующий день упорно продолжали бой в различных схватках с равным напряжением и прекратили его без решительного исхода. Император побывал со своими солдатами во всяких переделках и настаивал на необходимости скорейшего взятия города, чтобы слишком продолжительная задержка около его стен не помешала осуществлению его великих замыслов. 19. Но в сомнительных и трудных обстоятельствах иногда даже самое ничтожное обстоятельство может оказаться против всяких ожиданий важным, решающим моментом. Однажды, когда уже, как случалось, обе стороны были готовы прекратить бой и сражались с меньшим воодушевлением, придвинутый к стенам незадолго перед тем таран чрезвычайно сильным ударом разбил самую высокую башню, весьма прочно сложенную из кирпича. Ее падение со страшным грохотом увлекло за собой часть примыкавшей к ней стены. 20. Создавшееся таким образом изменение условий выставило в самом блистательном свете бранный труд осаждающих и воодушевление осажденных. Гнев и ожесточение наших солдат не знали ничего трудного, а для боровшихся за свою жизнь защитников не было ничего страшного и отпугивающего. Долго длилась ожесточеннейшая битва, много крови было пролито с обеих сторон, конец сражению положил закат солнца, и тут только усталые люди подумали об отдыхе. 21. Пока дело происходило при свете солнца и на глазах у всех, императору, бдительно следившему за всем, доложили, что легионеры, которым поручено было проложить подземные ходы, прокопали и укрепили их столбами и, достигнув уже фундамента стен, ждут его приказа, чтобы выйти наверх. 22. За полночь трубачи дали сигнал идти в бой, и все поспешили к оружию. Пошли на штурм стен с двух сторон, добиваясь, чтобы защитники, пока для отражения опасности они разойдутся туда и сюда, не могли услышать стук железных орудий на подземных работах, а в то же время безо всякой помехи мог внезапно выйти из подземных ходов проникший через них отряд. 23. Все было исполнено согласно этим распоряжениям, и, пока защитники были заняты, пробит был выход из подземного хода, и первым выскочил Экссуперий, солдат из отряда Виктора, за ним трибун Магн и нотарий Иовиан, а следом за ними целый отряд храбрецов.

Поразив кинжалами тех, кого они нашли в доме, через который вышли наружу, они осторожно пошли вперед и перебили караульных, которые по обычаю этого народа громкими голосами прославляли справедливость и счастье своего царя. 24. Древние верили, что сам Марс участвовал — если для божественного величия возможно смешаться с людьми — в штурме лагеря луканцев (Гаем Фабрицием) Лусцином[9]. Эта вера была вызвана тем, что во время штурма видели солдата огромного роста, который нес лестницу; а на следующий день, когда был произведен войсковой смотр, не могли его найти, несмотря на самые тщательные розыски, в то время как если бы это был солдат, то он сам объявил бы о своем доблестном подвиге. Но если тогда осталось неизвестным, кто совершил тот подвиг, то теперь отмечены были имена отличившихся храбростью. Они были награждены осадными венцами, и, по древнему обычаю, император похвалил их перед строем всей армии.

25. Пробитые во многих местах стены не давали более защиты обреченному на гибель городу, а вступившие в него разгневанные победители рубили всех, не различая ни пола, ни возраста; некоторые жители в страхе перед неминуемой гибелью, под угрозой огня с одной стороны и меча — с другой, оплакав свой конец, сами бросились вниз со стен и, совсем разбившись, сохраняли некоторое время жизнь, более жалкую, чем смерть, пока не приканчивал их меч победителя. 26. Начальник гарнизона, Набдата, с восемьюдесятью телохранителями был взят живым; его привели к императору, и тот, радуясь победе, милостиво приказал даровать жизнь ему и остальным.

Разделив добычу по заслугам и трудам каждого, Юлиан, довольствовавшийся вообще малым, взял себе немого мальчика, умевшего выразить все, что понимал, изящными жестами, и три золотые монеты, как приятную и радостную, по его представлениям, награду за одержанную победу. 27. А из взятых в плен девушек, весьма красивых, так как вообще в Персии женщины отличаются красотой, он не пожелал тронуть ни одной, или даже увидеть их. В этом он следовал примеру Александра[10] и Африкана, которые избегали прельщений этого рода; являя себя непобедимыми в трудах, они боялись, чтобы страсти не сокрушили их силы. 28. Во время этой осады в одного нашего инженера — имени его я не

могу вспомнить, — стоявшего случайно позади скорпиона, попал покатившийся назад камень, который неловко положил в машину наводчик орудия. Он был сбит с ног ударом в грудь и убит на месте, причем камень так размозжил его тело, что нельзя было распознать отдельных членов.

29. Когда император уже тронулся в путь, надежный доносчик сообщил ему, что возле стен разрушенного города в потайных пещерах, которых много в тех местах, затаился в засаде неприятельский отряд, чтобы, неожиданно выйдя оттуда, напасть на наш арьергард во время похода. 30. Тотчас были посланы пехотинцы испытанной храбрости, чтобы захватить засаду. Так как им не удавалось ни проникнуть во входы пещер, ни вызвать укрывшихся в них людей на битву, то они навалили у входов в пещеры кучи соломы и хвороста и подожгли этот горючий материал. Проникавший в тесноту пещер дым, становясь все гуще, задушил одних, а других вынудило выйти на верную смерть проникавшее к ним дыхание пламени. Так все бывшие в засаде погибли от огня или меча, и солдаты постепенно вернулись ко своим знаменам. Так большой и многолюдный город, взятый мощной храбростью римлян, превращен был в прах и развалины.

31. После этого славного дела мы прошли по непрерывному ряду мостов, частых в той местности из-за стечения многих рек, и подошли к двойному укреплению, высеченному в скале. Здесь сын персидского царя, выступивший из Ктесифона с вельможами и вооруженным отрядом, пытался преградить переход через реку командовавшему нашим передовым отрядом комиту Виктору, но отступил при виде приближавшейся армии.

5

1. Продвигаясь дальше, мы подошли к рощам и полям, радовавшим взор разнообразными посевами. Там мы нашли дворец, сооруженный в римском стиле. Он нам очень понравился и потому мы его оставили невредимым. 2. В той же местности было обширное круглое пространство, обнесенное изгородью, в котором держали на потеху царя диких зверей: львов с волнистыми гривами, косматых кабанов, страшно свирепых медведей, каковы они вообще в Персии, и других отборных огромных зверей. Наши всадники сломали ворота

и перебили всех этих зверей охотничьими дротиками и стрелами. 3. Вся эта местность весьма плодородна от природы, а также хорошо обработана. Недалеко от нее лежит Коха, называемая также Селевкией[11]. Тут мы поспешно окопали лагерь, в котором и дан был всей армии двухдневный отдых из-за удобства снабжения водою и хорошего пастбища. Юлиан пошел вперед с легким передовым отрядом, чтобы осмотреть покинутый город, разрушенный некогда императором Каром[12]. Тут находится никогда не пересыхающий родник, образующий большое озеро, имеющее исток в Тигре. Император увидел здесь прибитые на крестах тела родственников того человека, который, как я рассказал выше*, сдал нам город Пирисабору. 4. Здесь был сожжен живым и Набдата, который, как я упоминал, был вытащен из тайного убежища во взятом городе с 80 людьми**. В начале осады он дал на тайных переговорах обещание сдать город; но вел оборону самым ожесточенным образом; а, получив сверх ожидания прощение, дошел в своей дерзости до того, что позволял себе всячески поносить Ормизду.

5. Когда мы прошли несколько дальше от этого места, нас поразило печальное обстоятельство. Пока три когорты наших легких передовых войск бились с отрядом персов, который неожиданно сделал вылазку из ворот соседнего города, другой отряд, перейдя с противоположного берега реки, застал врасплох наших вьючных лошадей, которые следовали за нами с небольшим числом людей. Не предвидя опасности, люди беспечно занимались фуражировкой. Они были перебиты.

6. Император был страшно разгневан и возбужден по этому поводу. Двигаясь дальше и приближаясь уже к территории Ктесифона, мы наткнулись на укрепление, расположенное на высоком месте и весьма сильное. Он решил сам подойти к нему для разведки и с небольшим отрядом подъехал к стенам, предполагая, что его не узнают. Но когда он в своем запале оказался ближе чем на полет стрелы, неприятели узнали, кто он. Тотчас он был осыпан целой тучей различных метательных снарядов и едва не погиб от выстрелов большого орудия; оруженосец, державшийся возле него, был ранен,

* См. гл. 2.
** См. гл. 4.

а ему самому удалось уйти от этой большой опасности под прикрытием тесно сомкнутых щитов.

7. Страшно раздосадованный этим случаем, он решил осадить эту крепость. Но гарнизон приготовился к упорному сопротивлению. Люди были уверены в почти полной неприступности этого места и надеялись, что на днях прибудет персидский царь со значительными силами, который уже приближался ускоренным маршем.

8. Наши приготовили к действию винеи и остальные осадные орудия. Ночь была лунная, и стоявшим на стенах все было ясно видно. И вот в конце второй стражи неприятель, вдруг открыв ворота, сделал неожиданно вылазку большими силами и напал на нашу когорту. Много наших пало, и среди убитых был трибун, пытавшийся отразить опасность. 9. Пока шла эта схватка, персы, как и прежде, переправившись с противоположного берега, напали на наших в другом месте, несколько человек убили, а кое-кого взяли в плен. Наши действовали при этом несколько нерешительно, испуганные неожиданностью, а также и поскольку предполагали, что неприятель явился в большем числе. Но когда они приободрились и кое-как приготовились дать отпор, а другие войска, вызванные трубным сигналом, стали подходить с грозным шумом, нападавшие оробели и отступили без всяких потерь. 10. Император был очень разгневан и людей, уцелевших из той когорты, которая плохо выдержала нападение врага, перевел в пехоту, где служба тяжелее, и понизил их ранги. 11. Его охватило пламенное желание разрушить крепость, которая подвергла его смертной опасности; он сосредоточил на осаде ее все свои силы и заботы и не покидал цепи передовых бойцов, чтобы, сражаясь впереди, подавать пример храбрым солдатам, быть свидетелем и ценителем их подвигов. Долго и много трудился здесь Юлиан с большой опасностью для жизни; чередовались приступы и обстрелы, по тайному соглашению с осажденными крепость была наконец взята и предана пламени. 12. Затем, с учетом перенесенных уже и предстоящих в будущем трудностей истомленной чрезвычайными трудами армии предоставлен был отдых и в изобилии были розданы съестные припасы. Но с тех пор гуще укрепляли вал лагеря палисадом и глубже копали рвы, так как из недалекого Ктесифона можно было опасаться внезапных нападений и других неожиданностей.

6

1. Отсюда мы пришли к каналу, называющемуся Наармальха, что значит «Царская река»; в данное время в нем не было воды. Траян и после него Север[13] с большими усилиями прокопали здесь большой канал, чтобы, пропустив воду из Евфрата в Тигр, открыть путь для судов. 2. Признано было самым удобным очистить эти места, которые персы, опасаясь соединения рек, закрыли каменной плотиной. Когда расчистили долину и напор воды выровнял ложе канала, флот совершенно свободно проплыл 30 стадий* и вошел в русло Тигра. Тотчас построены были мосты, и, перейдя по ним реку, армия направилась на Коху. 3. Чтобы дать своевременный отдых после крайне утомительного похода, мы сделали остановку в богатейшей местности, приятно зеленевшей древесными посадками, виноградниками и кипарисами. В середине этого пространства стояло прелестное имение в густой тени зелени; по всем стенам дома были развешаны картины местного письма с изображениями царя, убивающего зверей на разного рода охотах. Вообще у персов живопись и скульптура имеют только один сюжет — убийство и война.

4. Таким образом, все шло по желанию императора, и он стал смелее относиться ко всякого рода трудностям и настолько полагался на свою счастливую доселе судьбу, что нередко отваживался на поступки, которые граничили уже с опрометчивостью. Так, более крупные корабли из числа тех, которые везли провиант и машины, он приказал разгрузить и посадить на них по 80 вооруженных людей. Разделив свой флот на три эскадры, две он оставил при себе, а одной приказал под командованием комита Виктора отплыть в самом начале ночи и, быстро переправившись через реку, захватить вражеский берег. 5. Командиры частей в сильном беспокойстве пытались единодушными просьбами удержать императора от этого плана действий, но так как им не удалось сломить его упорство, то пять кораблей, подняв флаг, как было приказано, быстро снялись и скрылись из виду. 6. Когда же они стали приближаться к вражескому берегу, то на них посыпался целый град факелов и всякого рода огненос-

* 5,31 км.

ных снарядов, и они сгорели бы вместе с солдатами, если бы император со свойственной ему порывистостью не приказал всему флоту как можно быстрее двинуться вперед, воскликнув, что это наши солдаты, согласно приказанию, дают сигнал, что они заняли берег. Следствием этого было то, что и корабли остались целы, и оставшиеся в живых солдаты, хотя с высоты их и громили камнями и всякого рода метательными снарядами, после ожесточенной схватки поднялись на высокие и крутые берега и удержали за собой позицию.

7. Историки удивляются Серторию, который в оружии и панцире переплыл Рону[14]. Этот его поступок воодушевил солдат, и, не желая остаться сзади, они, следуя данному примеру, легли покрепче на свои широкие и глубокие щиты и, кое-как их направляя, переплыли с быстротой кораблей пенившуюся в водоворотах реку.

8. Персы выставили против нас панцирных всадников в таком тесном строю, что при каждом движении тела тесно облегающие члены пластинки слепили глаза встречным; все лошади были также защищены кожаными покровами. В резерве были оставлены манипулы пехотинцев. Прикрываясь продолговатыми выпуклыми щитами, сплетенными из тростника и покрытыми сырой кожей, выступали они в тесном строю. Позади них слоны, как перемещающиеся горы, движением своих огромных туш грозили гибелью приближавшимся, наводя страх из-за воспоминаний о событиях прошлого.

9. Поэтому император, следуя гомеровской тактике*, поставил между первым и третьим строем более слабые подразделения, чтобы, оказавшись впереди, они в беспорядочном отступлении не увлекли всех остальных, или, будучи помещены сзади всех центурий и не имея никакой поддержки, не обратились тем легче в бегство. Сам он с вспомогательным отрядом легковооруженных разъезжал по переднему и заднему фронту.

10. Оба войска могли уже видеть друг друга. Римляне с развевающимися султанами на своих блистающих шлемах, потрясая щитами, спокойно выступали под звуки военной музыки в анапестическом такте**. Передовая линия начала

* *Hom.* Il., IV, 297 сл.

** Анапест (U U -) — размер медленного марша.

битву метанием копий, и земля, превращавшаяся под ногами людей в пыль, уносилась быстрым вихрем. 11. С обеих сторон раздался обычный боевой клич, бодрое настроение людей поддерживал звук труб, с той и другой стороны люди бились уже лицом к лицу копьями и мечами, и для каждого человека опасность быть пораженным стрелами миновала тем скорее, чем теснее он сходился с врагом. Подавшимся назад Юлиан спешил дать подкрепление, а отстававших старался подбодрить как соратник и командир. 12. Первая линия персов подалась и стала отступать сначала медленным, а потом, когда бой разгорелся, быстрым шагом и спешила в близлежащий город. Наши солдаты, хотя они были также утомлены сражением, длившимся от восхода солнца и до конца дня под палящими лучами, настойчиво напирали на отступавших, рубили врага в тыл и гнали противника вместе с Пиграном, суреной, и Нарцеем, главными вождями персов, до самых стен Ктесифона, нанося удары в спину и пятки. 13. Смешавшись с рядами бегущих, наши солдаты могли бы пройти через вход в крепость, но командир Виктор удержал их, подняв руки и возвышая голос. Сам он был ранен стрелой в плечо и опасался, что если, вырвавшись вперед, наши люди в беспорядке ворвутся внутрь стен и окажутся отрезанными от своих, то множество неприятелей легко сможет их подавить.

14. Пусть древние поэты воспевают бой Гектора, пусть они возносят храбрость Фессалийского вождя (Ахилла), пусть целый ряд веков возглашает славу Софана, Аминия, Каллимаха, Кинегира[15], этих светочей времен войны персов в Греции. Но, по всеобщему признанию, не меньшую доблесть проявили в тот день некоторые из наших.

15. Чуждые всякому страху, попирая ногами трупы врагов, забрызганные кровью неприятеля, собрались солдаты к императорской ставке, прославляли Юлиана и благодарили за то, что он, являясь повсюду столь же вождем, сколь и воином-бойцом, так блистательно вел дело, что персов пало около 2500, при наших потерях в 70 человек. Юлиан вызывал из строя по имени многих солдат, неустрашимости и храбрости которых он сам был свидетелем и ценителем, и раздал им венцы морские, гражданские и лагерные.

16. В полной уверенности, что после этих удач последуют другие подобные, он готовил много жертв Марсу Мстителю.

Но из десяти великолепных быков, которые были выведены для этой цели, девять, еще не будучи подведены к жертвенникам, сами жалостно простерлись на земле, а десятый оборвал веревку и убежал. С трудом привели его назад, и, когда его принесли в жертву, знамения по внутренностям оказались неблагоприятными. Увидев это, Юлиан в сильном негодовании воскликнул, призывая в свидетели Юпитера, что он не будет более приносить жертв Марсу. И он сдержал свою клятву, похищенный вскоре смертью.

7

1. На военном совете высших чинов об осаде Ктесифона некоторые высказывались в том смысле, что такое предприятие было бы слишком смело и несвоевременно, потому что положение города делает его неприступным, охрана его очень сильна и вскоре должен прибыть с несметным войском царь. 2. Это лучшее мнение взяло верх; император со свойственной ему проницательностью одобрил его преимущества и послал Аринфея с отрядом легкой пехоты на грабеж окрестных местностей, богатых скотом и всякими припасами.

Вместе с тем Аринфей должен был усердно преследовать неприятеля, который за последнее время повсюду рассеялся по труднопроходимым дорогам и знакомым ему разным убежищам. 3. Но потом император поддался своему стремлению идти вперед, не стал обращать внимания на предостережения и упрекал своих командиров в том, что они из трусости и желания спокойствия советуют ему отказаться от завоеванного уже Персидского царства. Оставив слева реку и поверив неудачным проводникам, он отдал армии приказ двинуться быстрым маршем по направлению к югу. 4. И как если бы сама Беллона подбросила ему роковой факел, он велел предать пламени все корабли, кроме 12 меньших, которые приказал везти на телегах на случай надобности в них для наводки моста. Это свое распоряжение он считал полезным, поскольку оставленный флот не мог послужить на пользу неприятелю и не отвлекались более на греблю и охрану судов почти 20 тысяч воинов, как было с самого начала похода.

5. Каждый про себя выражал опасения, да и сама очевид-

ность была за то, что в случае, если бы армия вынуждена была отступить из-за засухи ли или высоты гор, она будет отрезана от воды. К тому же и перебежчики под пыткой сознались в своем обмане. Тогда был отдан приказ, собрав все силы, потушить пожар. Но страшно разгоревшееся пламя уже уничтожило большую часть судов и удалось сохранить невредимыми только 12, которые для спасения их от огня были отделены от остальных. 6. Таким образом, флот без всякой надобности был уничтожен. А Юлиан, с полным доверием к своей объединенной армии, когда уже ни один человек не был отвлечен на посторонние дела, увеличившись численно, двинулся во внутренние области страны, и богатые местности в изобилии доставляли нам продовольствие.

7. Узнав об этом, неприятель, чтобы истомить нас голодом, поджег траву вместе с поспевшим хлебом. Задержанные в своем движении пожаром, мы должны были выжидать в укрепленном лагере, пока огонь сам не потухнет. Персы, издеваясь над нами, то нарочно рассеивались на далеком расстоянии, то иной раз напирали на нас в густой боевой линии, так что, наблюдая издали, мы предполагали, что пришел со вспомогательным войском сам царь и что они поэтому именно, как мы думали, отваживаются на дерзкие нападения и необычные предприятия. 8. Жалели, однако, как император, так и солдаты о том, что из-за неразумной утраты кораблей нельзя было ни навести мост, ни отражать набеги напиравшего на нас неприятеля, близость которого выдавал блеск оружия и брони, облекавшей все члены. К этому присоединялась и другая немалая беда, а именно: не появлялись вспомогательные отряды, которых мы ожидали с Арсаком* и нашими командирами, будучи задержаны причинами, о которых шла речь выше.

8

1. Чтобы уменьшить тревогу солдат, император приказал вывести нескольких пленных, которые были, как и вообще все персы, тонкого сложения, да к тому же исхудали, и, оглядывая своих, сказал: «Смотрите вы, которых делает мужами отважный дух, на безобразных и грязных козлов,

* Ср.: 21, 6, 8; 23, 2, 2.

которые, как мы узнавали это не раз на деле, обращаются в бегство, бросив оружие прежде, чем дело доходит до рукопашного боя»[16].2. После этих слов пленные были уведены, и он провел военный совет о положении дел. Высказывались различные мнения, а неразумная толпа стала кричать, что нужно вернуться назад тем путем, каким пришли. Император решительно воспротивился. Он сам, а с ним и другие, доказывали, что совершенно невозможно предпринять движение по широкой равнине, на которой уничтожен подножный корм и хлеба и уцелели лишь жалкие остатки сожженных селений; к тому же после таяния снегов на горах вся почва размокла, уровень воды в реках поднялся, и они вышли из берегов. 3. К трудностям общего положения присоединилось и то, что в тех местах в жаркое время года все кишит роями мух и комаров, которые закрывают свет солнца днем и блистание звезд ночью. 4. Так как человеческий разум не указывал нам выхода в этих колебаниях и сомнениях, то, устроив жертвенники и принеся жертву, мы испрашивали совета богов, идти ли нам через Ассирию, или же, медленно продвигаясь у подошвы гор, неожиданно вторгнуться в Хилиоком близ Кордуэны. Но исследование внутренностей животных не давало нам надежды на удачный исход ни того, ни другого плана. 5. Наконец, поскольку всякая надежда на лучшее была нам отрезана, мы остановились на решении двинуться в Кордуэну. 16 июня, когда мы снялись с лагеря и с восходом солнца император ушел вперед, показался не то дым, не то смерч. Мы подумали, что это стадо диких ослов, которые водятся там в огромном множестве; они держатся большими стадами, чтобы отбиваться от нападений свирепых львов. 6. Другие думали, что это подходит Арсак и наши вожди, из-за слухов, что император с большими силами осаждает Ктесифон, а некоторые утверждали, что это персы преградили нам путь. 7. В столь сомнительных условиях, во избежание какого-нибудь несчастия, дан был сигнал остановиться, и мы расположились в богатой травой долине близ речки; оградившись цепью из нескольких рядов щитов, мы разбили лагерь в форме круга. И до самого вечера нельзя было в густом воздухе разглядеть, что такое мерцало перед нами в неясных очертаниях.

Книга XXV

(годы 363—364)

1. Римляне храбро отбивают персов, которые сделали на них нападение во время похода.
2. Армия страдает от недостатка хлеба и подножного корма. Юлиана устрашают знамения.
3. Когда император для отражения персов, напавших со всех сторон, бросился необдуманно без панциря в битву, ему нанесена была рана копьем. Принесенный в палатку, он обратился с речью к стоявшим около него и, утолив жажду глотком холодной воды, скончался.
4. Доблести его и недостатки, сложение и осанка.
5. Императором избирают в спешке Иовиана, примицерия протекторов-доместиков.
6. Персы и сарацины тревожат частыми схватками римлян во время их спешного отступления, и римляне отражают неприятеля с большими потерями.
7. Голод и беспомощность римской армии побуждают Августа Иовиана заключить с Сапором вынужденный необходимостью, но весьма позорный мир, уступив ему пять областей с городами Нисибисом и Сингарой.
8. Перейдя через реку Тигр, римляне в течение долгого времени мужественно переносили полное отсутствие пищи и наконец достигли Месопотамии. Август Иовиан устраивает по мере возможности дела в Иллирике и Галлии.
9. Знатный перс Бинез принимает от Иовиана именем Сапора непреступный город Нисибис; жители были вынуждены покинуть родной город и переселиться в Амиду. Согласно мирному договору, персидские вельможи вступили во владение пятью областями с городом Сингарой и шестнадцатью крепостями.

10. Опасаясь волнений в государстве, Иовиан спешно проезжает через Сирию, Киликию, Каппадокию и Галатию. В Анкире он вступает в консульство совместно с сыном своим, младенцем Варронианом, и вскоре вслед за тем внезапно умирает в городе Дадастане.

1

1. Эту ночь, во мраке которой не блистала ни одна звезда, мы провели в настроении, соответствовавшем трудным и сомнительным нашим обстоятельствам; в страхе никто не смел ни присесть для отдыха, ни сомкнуть глаз и предаться сну. А когда рассвело, искрившаяся на солнце броня с железными ободками и издалека заметные блиставшие панцири оповестили нас, что перед нами царские войска. 2. Это зрелище возбудило наших солдат, и они рвались в бой, несмотря на отделявшую нас от неприятеля реку. Император сдержал этот пыл. Но неподалеку от лагерного вала столкнулись в жаркой стычке передовые отряды — наши и персидские, и в ней пал командир одной нашей части Махамей. На помощь ему бросился брат его, бывший впоследствии дуксом Финикии, уложил на месте убийцу своего брата и, наводя страх на всех встречных, смог с большими усилиями, хотя и сам был ранен в плечо стрелою, вынести из рядов сражающихся Махамея, лицо которого уже покрыла предсмертная бледность. 3. И хотя невыносимый жар и одна за другой повторявшиеся атаки истощали силы обеих сторон, однако вражеская конница была наконец отражена и рассеяна. Когда мы стали продвигаться дальше, сарацины, которых отбила до этого наша пехота, вскоре соединившись с главными силами персов, сделали стремительный набег на наш обоз; но, увидев императора, вернулись к своим резервам.

4. Выступив с этого места, мы подошли к селению по имени Гукумбра. Тут мы в течение двух дней подкреплялись всякого рода пищей и вопреки ожиданиям наелись досыта хлеба, а затем, предав пламени все, что не могли увезти с собою, двинулись дальше. 5. На следующий день, когда наше войско медленно двигалось вперед, персы совершенно не-

ожиданно напали на те наши отряды, которые в тот день несли арьергардную службу. Они могли бы легко их уничтожить, если бы ближайшие конные полки, быстро сообразив, в чем дело, не бросились на врага, широко рассыпавшись по низкой равнине, и не отразили этой страшной опасности, изранив нападавших. 6. В этой битве пал Адак, знатный сатрап, который некогда удостоился милостивого приема у императора Констанция, как посол персидского царя. Убивший его солдат принес Юлиану его доспехи и был подобающим образом вознагражден. 7. В тот же день пехотные войска возбудили против конного отряда терциаков обвинение в том, что во время их наступления на вражеский строй терциаки мало-помалу рассеялись и едва не поколебали бодрого духа всей армии. 8. Император воспылал справедливым гневом, отнял у них знамена, приказал сломать их копья и всем, кто был изобличен в бегстве, занять место во время похода между обозом и пленными; командиру терциаков, который единственный храбро сражался, вверено было командование другой турмой, трибун которой был изобличен в постыдном оставлении поля боя. 9. Лишены были также воинского звания еще четыре трибуна конных отрядов за подобное же преступление. Этой малой карой ограничился император, принимая в расчет предстоящие трудности. 10. Мы продвинулись затем на 70 стадий* вперед, и наш провиант все более уменьшался: травы и хлеба были сожжены, и каждый выискивал сам себе среди огня продовольствие и фураж, сколько мог увезти с собой. 11. Когда, продвигаясь дальше, вся армия сошлась в области, именуемой Маранга, на рассвете показались огромные полчища персов, с которыми были Мерен, начальник конницы, с двумя сыновьями царя и множеством знати. 12. То были закованные в железо отряды; железные бляшки так тесно охватывали все члены, что связки совершенно соответствовали движениям тела, и прикрытие лица так хорошо прилегало к голове, что все тело оказывалось закованным в железо, и попадавшие стрелы могли вонзиться только там, где через маленькие отверстия, находившиеся против глаз, можно что-то видеть или где через ноздри с трудом выходит дыхание. 13. Часть воинов, готовая сразиться копьями, стояла неподвижно, как будто люди были связаны

* Около 12 1/2 км.

медными цепями. Рядом с ними были расположены стрелки — этим искусством испокон веков сильны были персы. Широко разводя руки, они натягивали упругие луки, доводя тетиву до правого соска, и, зажимая в левой руке стрелу, ловким и умелым толчком пальцев выпускали звонко свистевшие стрелы, наносившие смертельные раны. 14. За ними стояли лоснящиеся слоны; страшный их вид и ужасный хобот внушали едва преодолеваемый ужас; их храп и запах и непривычный для глаз вид еще более пугали коней. 15. Сидевшие на них вожаки, памятуя о страшном поражении, понесенном персами при Нисибисе[1], имели на правой руке ножи с длинной ручкой; в случае если бы нельзя было справиться с разъяренным зверем, чтобы слон не обратился против своих, как случилось тогда, и не потоптал много людей, вожак должен был сильным ударом рассечь ему позвоночник в том месте, где голова соединяется с шеей. Еще в давние времена брат Ганнибала Газдрубал узнал на опыте, что это самый быстрый способ лишить жизни этого зверя*. 16. Несмотря на устрашающий вид всего этого, император, окруженный тесным строем вооруженных когорт и главных командиров, находился в самом бодром настроении. Превосходство сил неприятеля и опасность возбуждали его мужество, и он строил навстречу врагу манипулы полукругом с заходящими флангами. 17. Чтобы стрелки не могли разъединить отдельные части нашей боевой линии, он приказал наступать со всей возможной быстротой для скорейшего выхода из-под обстрела. Затем был дан обычный сигнал к битве, и в тесном строю римская пехота с величайшими усилиями пробила тесный фронт неприятеля. 18. Бой разгорался. Звон щитов, зловещий лязг оружия, грозные крики людей, все смешалось в одно; кровь и кучи трупов покрыли поле брани. Персов падало больше, так как они не обладали должной выдержкой и с трудом выносили бой лицом к лицу: им было более привычно сражаться на расстоянии и, увидев, что дрогнул их строй, отступать с быстротой несущихся по небу туч, и удерживать врагов от преследования, направляя назад залпы стрел. Итак, с величайшим напряжением сил персы были отбиты, и солдаты, утомленные долгими часами боя под палящими лучами солнца, вернулись, когда был дан от-

* *Liv.* 27, 49.

бой, в палатки с гордой готовностью отважиться и на большее. 19. В этой битве, как уже сказано, потери персов были очень велики, а наши — весьма незначительны. Из различных событий этой битвы наиболее заметными была смерть Ветраниона, заслуженного боевого человека, который состоял командиром легиона зианнов[2].

2

1. После этого было заключено соглашение о трех днях перемирия, и в течение этого времени все залечивали раны, свои или близких товарищей. Провиант у нас был на исходе, и мы страшно страдали от невыносимого уже голода, и так как посевы и пастбища были сожжены, и люди, и вьючный скот оказались в очень тяжелом положении, то совсем обнищавшим солдатам была роздана значительная часть того провианта, который везли обозные лошади трибунов и комитов. 2. Император, которому готовили на обед в его простой палатке не какие-нибудь изысканные яства по царскому обычаю, но лишь порцию похлебки, которой не позавидовал бы и рядовой солдат, совершенно не думая о себе, приказал раздать беднейшим контуберниям* все, что было заготовлено для царского стола. 3. Если он и предавался на некоторое время тревожному сну, то по привычке срывался с постели и по примеру Юлия Цезаря садился за писание. Когда он однажды в ночной полутьме размышлял над одной великой идеей какого-то философа, он увидел, как рассказывал об этом приближенным, в смутных очертаниях образ Гения римского государства, который он видел в Галлии, когда принимал верховную власть**. Голова и рог изобилия были закрыты, и видение грустно прошло через занавес его палатки. 4. На миг он впал в оцепенение; но будучи выше всякого страха, он поручил грядущее велениям неба и, поднявшись с разостланного на земле ложа еще среди глубокой ночи, совершил отвращающие бедствие священнодействия. Тут он увидел пламенеющий факел, который, казалось, падал с неба и, пролетев по воздуху, исчез. Ужас охватил его при виде

* Contubernium — группа солдат, живших в одной палатке. Деление людей по таким сожительствам стояло в связи с размещением их в строю.

** См.: 20, 5, 10.

этого явления, так как он боялся, не сам ли Марс столь открыто явил бедой грозящее небесное знамение.

5. Этот огненный светоч был тем, что мы (т. е. греки) зовем διαίσσων[3], он никогда не падает на землю и земли не касается. Того, кто думает, будто с неба могут падать тела на землю, следует по справедливости считать наивным простаком. Явления подобного рода происходят по различным причинам, и я приведу лишь некоторые объяснения. 6. Так, существуют мнения, что искры, воспламеняясь от эфира, сохраняют некоторое время силу в своем падении, но вскоре тухнут, или же что пламя лучей, падая на густые облака, выбивает сильным ударом искры, или что вообще световая материя задерживается в облаке. Принимая форму звезды, искра падает на землю, пока в ней поддерживается сила огня; но, ослабевая на громадном пространстве, разряжается в воздух, превращаясь в ту стихию, от сильного трения о которую произошло воспламенение. 7. И вот тотчас, еще до рассвета, созваны были этрусские гаруспики, и им был задан вопрос, что предвещает это необычное световое явление. Они дали ответ, что следует всячески воздерживаться от каких бы то ни было начинаний, и указали, что в Тарквитиевых книгах в главе о небесных явлениях указано: если на небе виден был огненный светоч, нельзя вступать в битву или решаться на что-либо подобное*. 8. Так как Юлиан отнесся к этому, как и многому другому, с пренебрежением, гаруспики просили отложить по крайней мере на несколько часов выступление с места стоянки. Но и этого они не добились: император отверг всякую науку предсказаний, и так как уже занялся день, то армия тронулась в путь.

3

1. При нашем выступлении отсюда персы сопровождали нас. После своих многократных поражений они боялись вступать в правильный бой с нашей пехотой, и незаметно сопровождали нас, устраивая засады, и, наблюдая за движением наших войск, шли по холмам по обеим сторонам нашего пути, так что наши солдаты, подозревая это, весь день не воздвигали вала и не устраивали прикрытия из палисада. 2. Фланги

* Ср.: 17, 10, 2, где упомянуты книги Тагета.

были хорошо прикрыты, и армия передвигалась соответственно условиям местности в виде четырехугольника, причем колонны довольно далеко находились одна от другой. Вдруг император, который в этот момент вышел немного вперед для осмотра местности и был без оружия, получил известие, что на наш арьергард неожиданно сделано нападение с тыла. 3. Взволнованный этим неприятным известием, он забыл о панцире, схватил в тревоге лишь щит и поспешил на помощь арьергарду, но его отвлекло назад другое грозное известие о том, что передовой отряд, который он только что оставил, находится в такой же опасности. 4. Пока он, забыв о личной опасности, спешил восстановить здесь порядок, персидский отряд катафрактов совершил нападение на находившиеся в центре наши центурии. Заставив податься левое крыло, неприятель стремительно стал нас окружать и повел бой копьями и всякими метательными снарядами, а наши едва выдерживали запах слонов и издаваемый ими страшный рев.

5. Император поспешил сюда и бросился в первые ряды сражавшихся, а наши легковооруженные устремились вперед и стали рубить поворачивавших персов и их зверей в спины и сухожилия.

6. Забывая о себе, Юлиан, подняв руки с криком, старался показать своим, что враг в страхе отступил, возбуждал ожесточение преследовавших и с безумной отвагой сам бросался в бой. Кандидаты*, которых разогнала паника, кричали ему с разных сторон, чтобы он держался подальше от толпы бегущих, как от обвала готового рухнуть здания, и, неизвестно откуда, внезапно ударило его кавалерийское копье, рассекло кожу на руке, пробило ребра и застряло в нижней части печени. 7. Пытаясь вырвать его правой рукой, он почувствовал, что разрезал себе острым с обеих сторон лезвием жилы пальцев, и упал с лошади. Быстро бежали к нему видевшие это люди и отнесли его в лагерь, где ему была оказана медицинская помощь. 8. Вскоре, когда мало-помалу утихла боль и прошел ужас, он, борясь смелым духом со смертью, потребовал оружия и коня, чтобы, вернувшись в ряды сражающихся, поднять боевой дух своих и показать, что он, забыв о себе, озабочен лишь судьбой других. Он проявил ту

* Candidati, ср.: 15, 5, 16 — отряд телохранителей, состоявший в ведении magistri officiorum. В составе этого корпуса было много варваров, ср.: 31, 15, 8.

же силу духа, хотя и при других обстоятельствах, что и знаменитый вождь Эпаминонд; тот, когда, смертельно раненный при Мантинее[4], был вынесен с поля битвы, с тревогой спросил о своем щите, а когда увидел его рядом с собой, умер от полученной раны с радостью. Бестрепетно расставаясь с жизнью, он со страхом думал лишь о потере щита. 9. Но так как силы Юлиана не соответствовали его стремлениям и продолжалось кровотечение, то он остался неподвижным и оставил всякую надежду на жизнь, когда на вопрос о названии места, где он был сражен, узнал, что называется оно Фригия; то, что он здесь умрет, открыл ему раньше письменный жребий[5].

10. Когда императора отнесли в палатку, солдат охватило невероятное воодушевление; ожесточение и горе побуждали их к мести, и они ринулись вперед, ударяя копьями о щиты, готовые умереть, если уж так суждено. Хотя густая пыль засыпала глаза и палящий зной ослаблял быстроту членов, но, чувствуя себя как бы лишенными военного звания от потери своего командира, они бросались на мечи, не щадя своей жизни. 11. А приободрившиеся, наоборот, персы пускали такие тучи стрел, что закрывали ими себя от неприятеля; перед ними медленно выступали слоны и пугали людей и лошадей величиной своего туловища и своим страшным ревом. 12. Далеко были слышны шум сходившихся лицом к лицу воинов, стоны падавших, ржание коней, лязг железа, пока наконец уже темная ночь не развела оба войска, вконец истомленные от ран. 13. Тут пало 50 вельмож и сатрапов персидских; помимо множества простых солдат, убиты были в этой свалке их главные командиры, Мерена и Ногодар. Пусть велеречивая древность дивится двадцати битвам Марцелла*, которые он провел в разных местах; пусть она прибавит сюда Сициния Дентата, стяжавшего множество военных венцов, пусть она изумляется, кроме того, Сергию, который, как рассказывают, был 23 раза ранен в разных боях и ореол славы которого омрачил последний его потомок, Катилина, вечным позором**[;6]. Но радостный результат битвы был куплен тяжкими потерями. 14. Во время жаркого боя после удаления императора правое крыло нашей армии ослабло, убит был Анатолий, бывший тогда магистром оффиций; только

* Плиний, h. n., 7, 92 говорит о 39 битвах.

** Почти дословная выписка из Солина, Collectanea, § 105.

благодаря счастливой случайности спасся бегством префект Саллюстий: в крайней опасности его спас один подчиненный и при этом был убит состоявший при нем советник Фосфорий. Некоторые солдаты, овладев после разных опасностей расположенным поблизости укреплением, могли соединиться с армией только на третий день после этого.

15. Пока продолжался бой, Юлиан лежал в своей палатке; вокруг него стояли его друзья, глубоко опечаленные и подавленные горем, и он простился с ними такой речью: «Слишком рано, друзья мои, пришло для меня время уйти из жизни, которую я, как честный должник, рад отдать требующей ее назад природе. Не горюю я и не скорблю, как можно думать, потому что я проникнут общим убеждением философов, что дух много выше тела, и представляю себе, что всякое отделение лучшего элемента от худшего должно внушать радость, а не скорбь. Я верю и в то, что боги небесные даровали смерть некоторым благочестивым людям как высшую награду. 16. И мне дан этот дар, — я в этом уверен, — чтобы я не изнемог под бременем страшных затруднений, не унизился и не пал. Я знаю на опыте, что всякое горе сокрушает малодушных, оказываясь бессильным перед человеком твердого духа. 17. Мои поступки не дают мне повода раскаиваться в чем-нибудь, не томит меня воспоминание о каком-либо тяжком преступлении ни в то время, когда меня держали в тени и в забвении, ни когда я принял верховную власть. Эту власть, имеющую родство с небожителями, я сохранил, думается мне, незапятнанной; с полным беспристрастием направлял я гражданские дела, и, лишь тщательно взвесив основания, объявлял войну или отражал ее, хотя удача дела и целесообразность человеческих решений не всегда находятся в соответствии между собой, так как исход предприятий направляют высшие силы. 18. В сознании того, что цель хорошего правления — это выгода и благосостояние подданных, я был, как вы знаете, всегда более склонен к поддержанию мира, не позволял себе в действиях произвола, который является источником порчи отношений и нравов в государстве. Я хожу в радостном сознании того, что где бы ни выставляло меня государство как властный родитель на явные опасности, я стоял недвижимо, привыкнув одолевать бури случайностей. 19. И не стыдно мне будет сознаться, что я давно уже знал, что мне предстоит умереть от железа: таково было открытое мне вещее предсказание.

С благодарностью склоняюсь я перед вечным Богом за то, что ухожу из мира не из-за тайных козней, не от жестокой и продолжительной болезни и не смертью осужденного на казнь, но умираю в расцвете моей славы. По справедливому суждению, в равной мере малодушен и труслив тот, кто желает смерти, когда это не подобает, и кто бежит от нее, когда пришел его час. 20. Силы меня покидают, и хватит мне говорить. Из предосторожности я умалчиваю об избрании императора, чтобы по неведению не обойти достойного или, назвав того, кого я считаю достойным, не подвергнуть его крайней опасности, если кто-то другой, быть может, будет ему предпочтен. Но как честный сын отечества я желаю, чтобы после меня нашелся хороший правитель».

21. После этих слов, произнесенных с полным спокойствием, Юлиан, желая распределить свое личное имущество между наиболее близкими своими друзьями, спросил о магистре оффиций Анатолии. Когда префект Саллюстий ответил, что тот «уже счастлив», Юлиан понял, что он убит, и тяжко застонал о смерти друга, хотя и выказал сам только что столь высокое равнодушие к своей собственной участи. 22. Все присутствовавшие плакали, и Юлиан властным тоном порицал их даже в такой час, говоря им, что недостойно оплакивать государя, приобщенного уже к небу и звездам. 23. Тогда все умолкли, лишь сам он глубокомысленно рассуждал с философами Максимом и Приском[7] о высоких свойствах духа человеческого. Но вдруг шире раскрылась рана на его пробитом боку, от усилившегося кровотечения он впал в забытье, а в самую полночь потребовал холодной воды и, утолив жажду, легко расстался с жизнью на 32 году. Родился он в Константинополе. В самом раннем детстве он стал сиротой, так как его отца Констанция погубили вместе со многими другими после смерти брата его Константина интриги наследников верховной власти. Рано потерял он также и мать свою, Базилину, происходившую из старинного знатного рода[8].

4

1. То был человек, бесспорно достойный быть причисленным к героям, выделявшийся славой своих дел и прирожденной величественностью. По определению философов, есть

четыре главные добродетели: умеренность, мудрость, справедливость и мужество[9], к которым присоединяются другие, внешние, а именно: знание военного дела, властность, счастье и благородство. Все их вместе и каждую в отдельности Юлиан воспитывал в себе самым ревностным образом.

2. Так, прежде всего он блистал таким нерушимым целомудрием, что после смерти своей супруги не знал больше никогда никакой любви. Он ссылался на рассказ Платона о трагике Софокле[10]. Когда того в старости уже спросили однажды, имел ли он еще дело с женщинами, он сказал, что нет, и прибавил, что считает счастьем освобождение от этой страсти, как от дикого и жестокого владыки. 3. Чтобы еще более определенно представить свои мысли в этом отношении, он часто повторял изречение лирика Вакхилида[11], которого любил читать, имевшее такой смысл: как прекрасный художник придаст изящное выражение лицу, так скромность украшает жизнь человека, стремящегося к высшему идеалу. В полном цвете своей юности он с такой заботой сохранял себя от этой страсти, что даже ближайшие люди из прислуги не имели даже подозрения о каких бы то ни было его увлечениях, как это часто бывает.

4. Этот вид воздержанности возрастал в нем благодаря умеренности в пище и сне, что он соблюдал строжайшим образом как в домашней обстановке, так и вне дома. Во время мира его пища по количеству и качеству была столь незначительна, что близко знавшие его люди этому удивлялись, как будто он был намерен вскоре опять вернуться к плащу философа. А во время различных его походов нередко все видели, как он, не присаживаясь, по солдатскому обычаю принимал простую пищу в самом малом количестве. 5. Подкрепив кратким сном свое закаленное в трудах тело, он лично проверял караулы и пикеты, а затем обращался к серьезным занятиям науками. 6. И если бы возможно было призвать к свидетельскому показанию* ночной светильник, при свете которого он работал, то он бы, конечно, указал на огромную разницу между этим государем и другими, так как о нем известно, что удовольствиям он не отдавал даже того, что оправдывается потребностью природы.

7. Доказательства его мудрости нельзя даже перечесть, и

* Принимаем поправку Гутшмида — *voce ulla testari.*

будет достаточно привести лишь несколько. Он был глубоким знатоком в науке военного и гражданского дела. Будучи весьма склонен к простоте в отношениях, он требовал к себе внимания лишь настолько, насколько считал нужным устранить неуважительное отношение и нахальство. Он был старше доблестью, чем годами. Весьма тщательно вникал он во все процессы и иногда становился непреклонным судьею. Строжайший цензор в том, что касалось наблюдения за нравами, благожелательный, презиравший богатство, равнодушный ко всему преходящему, он любил такую поговорку: постыдно для мудрого искать славы от своих телесных качеств, когда у него есть душа.

8. Его справедливость блистательно засвидетельствована весьма многими доказательствами. Прежде всего, он был, применительно к обстоятельствам и людям, весьма строг, но не жесток; далее, карая немногих, он воздействовал сдерживающим образом на пороки и скорее грозил мечом правосудия, чем пользовался им. 9. Оставляя в стороне многое другое, укажу на то, что всем известно. К некоторым явным своим врагам и злоумышлявшим против него людям он относился столь снисходительно, что уменьшал по прирожденной своей мягкости строгость законной кары.

10. О его мужестве свидетельствует множество битв, его военный опыт и выносливость в отношении страшных холодов, а также и зноя. От солдата требуется напряжение тела, от полководца — работа духа. Но он сам, смело встретившись однажды лицом к лицу со свирепым врагом, сразил его ударом;* иной раз он один удерживал отступавших солдат, встав грудью против них. Разоряя царства свирепых германцев и воюя на знойных песках Персии, он поднимал воодушевление своих, сражаясь в первых рядах. 11. Его знание военного дела засвидетельствовано множеством всем известных фактов; он предпринимал осаду городов и укреплений в самых опасных положениях, он умел разнообразными способами построить боевую линию, выбирал для разбивки лагеря здоровые и безопасные места, с правильным расчетом располагал форпосты и пикеты. 12. Его авторитет был столь силен, что его самым искренним образом любили, хотя вместе с тем и боялись. Являясь лично участником в трудах и

* См.: 24, 4, 4.

опасностях, он в жарком бою приказывал казнить трусов. Еще будучи Цезарем, он мог, даже не платя жалованья, держать в руках своих солдат в войне с дикими народами, как я уже о том рассказывал. Бунт солдат он успокоил заявлением, что вернется к частной жизни, если они не перестанут волноваться. 13. Достаточно, наконец, вместо всего другого указать на то, что простой речью перед строем он так воздействовал на привычные к холодам и Рейну галльские войска, что увлек их за собой через отдаленные земли в жаркую Ассирию и в близость с мидянами. 14. Его счастье было чрезвычайным: как бы на плечах самой Фортуны, которая некоторое время была доброй направительницей его судьбы, он преодолел в победном шествии невероятные трудности. После его ухода из западной половины империи и пока он был в живых, все народы пребывали в спокойствии, как будто жезлом Меркурия успокоил весь мир.

15. Его щедрость доказана множеством самых очевидных фактов. Сюда относятся назначения низкой ставки податей, освобождение от «коронного золота»*, прощение недоимок, накопившихся с давнего времени, беспристрастие в тяжбах фиска с частными людьми, возвращение отдельным городам их косвенных налогов с земельными имуществами за исключением тех, которые были по праву проданы прежними государями. Он вовсе не хлопотал о накоплении денег и полагал, что они в лучшей сохранности находятся у собственников. Он ссылался нередко на Александра Великого, который на вопрос, где его сокровища, благожелательно отвечал: «У моих друзей»[12].

16. Рассказав о его хороших качествах, насколько они мне стали известны, перейду теперь к выяснению его недостатков, чтобы хотя бы вкратце сказать о них. По натуре он был человек легкомысленный, но зато имел хорошую привычку, которая смягчала этот недостаток, а именно: позволял поправлять себя, когда вступал на ложный путь. 17. Говорил он очень много и слишком редко молчал; в своей склонности разыскивать предзнаменования он заходил слишком далеко, так что в этом отношении мог сравниться с императором Адрианом. Скорее суеверный, чем точный в исполнении

* Aurum coronarium — так назывались суммы, которые подносились от провинции императорам при вступлении во власть.

священных обрядов, он безо всякой меры приносил в жертву животных, и можно было опасаться, что не хватит быков, если бы он вернулся из Персии. 18. В этом отношении он был похож на императора Марка (Аврелия), в отношении которого сохранилась такая острота: «Белые быки шлют привет императору Марку. Если ты опять победишь, мы погибли». Рукоплескания толпы доставляли ему большую радость; не в меру одолевало его желание похвал за самые незначительные поступки; страсть к популярности побуждала его иной раз вступать в беседу с недостойными того людьми.

19. Тем не менее можно было бы признать правильным его собственное утверждение, что богиня справедливости, которая, по словам Арата, поднялась на небо, будучи оскорб-лена людскими пороками, в его правление опять вернулась на землю, если бы кое в чем он не допускал произвола и не становился непохожим на себя самого. 20. Изданные им указы, безоговорочно повелевавшие то или другое или запрещавшие, были вообще хороши, за исключением немногих. Так, например, было жестоко то, что он запретил преподавательскую деятельность исповедовавшим христианскую религию риторам и грамматикам, если они не перейдут к почитанию богов*.

21. Равным образом было несправедливо то, что он допускал включение в состав городских советов вопреки справедливости людей, которые были или чужими в тех городах, или же совершенно свободны от этой повинности благодаря привилегиям или своему происхождению.

22. Внешность его была такова: среднего роста, волосы на голове очень гладкие, тонкие и мягкие, густая, подстриженная клином борода, глаза очень приятные, полные огня и выдававшие тонкий ум, красиво искривленные брови, прямой нос, рот несколько крупноватый, с отвисавшей нижней губой, толстый и крутой затылок, сильные и широкие плечи, от головы и до пяток сложение вполне пропорциональное, почему и был он силен и быстр в беге.

23. Так как его хулители вменяют ему в вину, будто он возбудил на общую погибель новые бури военных предприятий, то пусть сама истина откроет им с очевидностью, что не Юлиан, а Константин зажег пламя войны с персами, с жадностью

* Ср.: 22, 10, 7.

ухватившись за выдумки Метродора, как я подробно рассказал о том в соответствующем месте*. 24. Отсюда — истребление наших армий, пленение иногда целых отрядов, разрушение городов, взятие укреплений или снесение их с лица земли, истощение провинций тяжкими поборами и приходившие в осуществление угрозы персов захватить все земли до самой Вифинии и берегов Пропонтиды. 25. А в Галлии, где войны непрерывно следовали одна за другой, рассеялись по нашей земле германцы и готовы были перейти Альпы, чтобы опустошить Италию, населению Галлии, претерпевшему уже страшные бедствия, предстояли только слезы и ужасы, когда даже воспоминание о прошлом было горько и будущее грозило стать еще более печальным. И этот молодой человек, посланный в западные области в звании Цезаря, все это исправил с удивительной быстротой и обращался с царями как с рабами. 26. И вот, чтобы таким же образом возродить Восток, он собрал войска против персов и принес бы себе отсюда триумф и почетный титул, если бы его планам и блестящим деяниям благоприятствовали решения неба. 27. И хотя мы видим в жизни, с какой опрометчивостью бросаются некоторые люди, один после поражения опять на войну, другой, потерпев в море крушение, вновь в море, и опять возвращаются к опасностям, под бременем которых они часто падали, находятся все-таки люди, которые поносят государя за то, что тот, кто оставался повсюду победителем, поддался желанию новых победных лавров.

5

1. Не было времени для стенаний и слез. О прахе его мы позаботились, насколько позволяли это обстоятельства и время, чтобы предать его погребению на месте, которое он

* В недошедшей до нас части сочинения. В хронике Кедрина сохранился рассказ об авантюристе философе Метродоре. Под маской философа он проник в Индию, где воспользовался дружеским приемом брахманов, но отблагодарил их тем, что выкрал из их храмов много драгоценных камней и жемчуга. От индийского царя он получил драгоценные подарки для императора Константина. По возвращении на родину он передал Константину подарки от своего имени и рассказал, что еще лучшие вещи были им посланы вперед, но что их похитил персидский царь. Константин потребовал у Сапора в резком тоне возвращения похищенного, не получил ответа, и это послужило поводом к началу военных действий.

раньше сам указал. А на рассвете следующего дня, — это было 27 июня, — когда неприятель рассыпался вокруг нас со всех сторон, главные начальники армии, пригласив командиров легионов и турм, собрались держать совет о выборе нового императора. 2. В собрании мнения резко разделились между разными лицами: Аринфей, Виктор и остальные из придворного штата Констанция искали подходящего человека из своей партии; напротив, Невитта, Дагалайф и знатнейшие галлы искали такого из своих соратников. 3. После долгих колебаний единогласно и при всеобщем сочувствии сошлись на Саллюстии. Когда тот стал отказываться, ссылаясь на свой преклонный возраст и болезни, один видный боевой человек*, видя, как упорно тот отказывается, сказал: «Что стали бы вы делать, если бы император, как это часто бывает, поручил вам ведение этой войны, находясь сам в отсутствии? Не стали ли бы вы, отложив в сторону все прочие заботы, стараться спасти армию от грозных опасностей настоящего? Действуйте так и теперь, и если нам дано будет увидеть Месопотамию, то объединенные голоса обеих армий дадут нам законного государя».

4. Совещание длилось еще очень недолго в соответствии с важностью дела и высказанные мнения не были еще надлежащим образом взвешены, когда несколько горячих голов, как это часто случается в затруднительных обстоятельствах, выбрали императором Иовиана, командира доместиков**, которому могли служить в некоторой мере рекомендацией заслуги его отца. Иовиан был сын весьма известного комита Варрониана, который лишь недавно, сложив воинское звание, удалился на покой.

5. Тотчас облекли его в императорские одежды, вывели из палатки, и он стал обходить по рядам готовившиеся к выступлению войска. 6. И так как армия была растянута на четыре мили***, то передовые отряды, слыша крики: «Иовиан Август», повторяли их еще громче. Будучи введены в заблуждение сходством его имени с именем Юлиана, так как все различие заключается в одной лишь букве, они подумали, что это выводят оправившегося Юлиана с криками радости и ликования,

* Гиббон высказал догадку, что это и был сам Аммиан Марцеллин.
** Domesticorum orsinis primus primicerius domesticorum.
*** Около 6 верст.

как это бывало обыкновенно. Но когда увидели, что подходит этот высокий и сутуловатый человек, то догадались, что случилось, и все разразились скорбными стенаниями и слезами.

7. Если строгий судья порицает какой-либо неосмотрительный поступок, совершенный в затруднении, то с тем большим правом он осуждал бы мореходов за то, что они, потеряв опытного кормчего, среди разошедшихся морских валов предоставили управление кораблем любому товарищу по опасности.8. Так решило дело слепое счастье. Первым следствием этого выбора было то, что бежал к персам знаменосец иовианов, которыми раньше командовал Варрониан. Бежавший был в плохих отношениях с новым государем, пока тот был еще частным человеком, так как позволял себе злые нападки на его отца и опасался потому беды для себя от своего личного врага, который теперь возвысился надо всеми людьми. Когда ему дано было разрешение сказать то, что он знает, он сообщил царю Сапору, который уже приближался, что страшный его противник скончался и что возбужденная кучка обозных создала в лице бывшего протектора Иовиана, человека бездеятельного и слабого, тень императорской власти. Едва лишь услышал Сапор о событии, которое являлось всегда предметом его тревожных обетов, он приободрился от этого неожиданного успеха и, присоединив значительное количество своей царской конницы к войскам, сражавшимся против нас, быстро двинулся вперед, чтобы напасть на арьергард нашей армии.

6

1. Так готовились к действиям обе армии. За Иовиа на были принесены жертвы, и на основании исследования внутренно-стей было объявлено, что он все потеряет, если останется за валом, как он предполагал поступить, и, наоборот, окажется победителем, если выступит вперед. 2. И вот, когда мы уже начинали наступление, нас атаковали персы, со слонами впереди строя. Вначале и люди, и лошади пришли в смятение от их рева и грозного наступления. Но иовианы и геркулианы* убили нескольких слонов и дали

* Легионы, носившие имена в честь императоров Диоклетиана и Максимиана.

сильный отпор панцирной коннице. 3. К ним на помощь подошли легионы иовиев и викторов, когда их уже теснил неприятель, уложили двух слонов и немало людей. На нашем левом крыле пало несколько храбрых воинов: Юлиан, Макробий и Максим, трибуны легионов, составлявших тогда главную силу нашей армии. 4. Мы их похоронили, как могли в нашем трудном положении, а когда уже при приближении ночи двигались быстрым маршем к укреплению Сумере*, обнаружили мы труп Анатолия, распростертый на земле, и спешно похоронили его. Здесь к нам присоединились 60 солдат с несколькими лицами из придворного штата, которые, как было об этом сказано, укрылись в укреплении Ваккат**.

5. На следующий день мы, по условиям места, которое нашли, разбили лагерь в долине, которая была как бы окружена со всех сторон стеной и имела один широкий выход; в последнем были забиты заостренные, как кинжалы, колья. 6. Увидев это, враги стали бросать в нас с поросших лесом высот разного рода метательные снаряды и поносить позорящими словами, называя нас изменниками и убийцами превосходного государя, так как и до них через перебежчиков дошел неопределенный слух, будто Юлиан пал от римской стрелы. 7. Между тем конные отряды дерзко форсировали главные ворота лагеря и пробились почти до самой палатки императора, но, потеряв много людей убитыми и ранеными, были отброшены сильным натиском наших.

8. Выступив оттуда ближайшей ночью, мы заняли местность Харху***. Тут мы были в безопасности, потому что здесь сооружены валы на берегу реки с целью преградить на будущее набеги на Ассирию сарацин и никто не тревожил наши войска, как прежде.

9. Пройдя 30 стадий**** от этого места, мы прибыли 1 июля в город по имени Дура*). Так как лошади настолько выбились из сил, что всадники шли позади пешком, сарацины воспользовались этим обстоятельством, чтобы окружить их своими полчищами. Им грозила гибель, если бы

* Позднее Самара, столица халифов династии Аббасидов.

** См. выше, гл. 3, 14.

*** 18, 10, 1.

**** 5,31 км.

*) Город за Тигром, одноименный с помянутым раньше — 23, 5, 8 (опечатки: Дора), 24, 1, 5 — городом на Евфрате.

отряды нашей легкой кавалерии не выручили их из беды. 10. Эти сарацины стали враждебны нам потому, что Юлиан запретил выдавать им крупные суммы под видом жалованья и подарков, как делалось прежде, а когда они явились к нему с жалобой, то услышали в ответ, что воинственный и бдительный государь имеет у себя железо, а не золото. 11. В этом месте персы своим упорством задержали нас на четыре дня. Как только мы трогались вперед, они нападали на нас и, повторяя эти нападения, вынуждали вернуться; когда же мы останавливались и выстраивались для битвы, они медленно отступали и томили нас продолжительными задержками. И как вообще люди, находящиеся в крайней опасности, с радостью принимают пустые вымыслы, так и в нашей армии распространился слух, будто близко граница наших территорий. И вот все войско с настойчивыми криками требовало позволения переправиться через Тигр. 12. Император с командирами частей возражал против этого; указывая на реку, которая уже поднялась при восходе созвездия Пса, он упрашивал не доверять опасным пучинам, напоминал, что многие не умеют плавать, и добавлял, что неприятельские отряды заняли оба берега выступившей из своего русла реки. 13. Но так как настоятельные уговоры оставались бесплодными и возбужденные крики солдат угрожали серьезным бунтом, то император оказался вынужденным отдать приказ галлам, соединившись с северными германцами, первыми пойти на реку. В этом заключался такой расчет: или их унесет сила течения и это сломит упорство остальных, или же, если они благополучно переправятся, можно будет с большей уверенностью решиться на переправу. 14. Выбрали для этого дела подходящих людей, которые в отличие от остальных с детства привыкли переплывать большие реки на своей родине, и, пока тишина ночи давала возможность скрыть это предприятие, они пустились вплавь как по сигналу. Быстрее, чем можно было ожидать, заняли они противоположный берег, смяли и перебили много персов, поставленных для охраны тех мест, которые беспечно предались мирному сну. Поднятием рук и скрученных плащей наши смельчаки давали знаки о своей удаче. 15. Издалека увидели это солдаты, бредившие переправой, и задержать их могло только то обстоятельство, что инженеры обещали построить мосты на мехах из шкур.

7

1. Пока производились тщетные попытки такого рода, царь Сапор, как прежде, пока он был еще далеко, так и теперь, когда подошел поближе, получал точные известия от своих разведчиков, а также и перебежчиков, о храбрых действиях наших войск, постыдных поражениях своих, убийстве стольких слонов, чего он не помнил никогда раньше. Он видел, что римская армия, закаленная в непрерывных трудах, думает после гибели своего славного вождя не о своем спасении, а лишь о мести и о том, чтобы покончить со своим трудным положением или великой победой, или достославной смертью. 2. Он учитывал многие тревожные обстоятельства: в обилии рассеянные по провинциям войска могут быть безо всяких затруднений собраны простой рассылкой приказа; он испытал на опыте и знал, что его подданные после столь страшных потерь запуганы и деморализованы, а вместе с тем он узнал, что в Месопотамии оставлена армия, немного меньшая числом, чем та, что была в Персии. 3. Кроме того, его тревожные опасения усиливало и то, что 500 человек разом благополучнейшим образом переплыли через вздувшуюся реку, перебили сторожевые посты и поощряли своих товарищей к проявлению отваги.

4. Между тем стремительное течение не давало возможности навести мосты, было съедено все, что было съедобно, и два дня мы находились в самом жалком положении. Мучимые голодом солдаты приходили во все большее раздражение и готовы были к гибели скорее от меча, чем от голода, этого подлейшего рода смерти. 5. Однако Бог небесный в своей вечной благости был за нас: персы против всяких ожиданий сделали первый шаг и прислали для переговоров об условиях мира сурену и другого вельможу. Они, очевидно, сами пали духом, и то обстоятельство, что римляне оказались победителями почти во всех сражениях, день ото дня все более ослабляло их бодрость. 6. Но условия, которые предлагали послы, были весьма тяжелы и сложны: они заявляли, что царь в своем милосердии разрешит вернуться восвояси остаткам армии из чувства человечности, если император со своими вельможами выполнит его требования. 7. С нашей стороны были отправлены Аринфей с префектом Саллюстием, и, пока шли переговоры для более точного

выяснения образа действий, прошло четыре дня мучительной голодовки, более тяжелой, чем любая казнь. 8. Если бы император, прежде чем их послать, использовал время для того, чтобы мало-помалу выбраться из неприятельской земли, то, конечно, он успел бы дойти до сторожевых постов Кордуэны, страны весьма плодородной, которая была в нашем владении, а граница ее отстояла от места, где это происходило, на сто тысяч шагов*.

9. Царь настаивал на возвращении ему, как он выражался, его владений, отнятых у него Максимианом, и, как выяснилось на деле, требовал в качестве выкупа за нас пять областей за Тигром: Арзакена, Моксоэна, Забдицена, а также Регимена и Кордуэна с 15 крепостями, а кроме того, города Нисибис, Сингара и Кастра Мавворум (лагерь Мавров) — эта весьма важная по своему расположению крепость**. 10. Нам следовало десять раз сразиться, прежде чем выполнить хотя бы одно из этих требований. Но на робкого государя влияла шайка льстецов: они называли ему грозное имя Прокопия*** и утверждали, что если он вскорости не вернется, то Прокопий, узнав о смерти Юлиана, легко и не встречая сопротивления, затеет государственный переворот со свежими войсками, состоявшими под его командованием. 11. Настроенный настойчивым повторением этих зловредных речей, Иовиан без колебания отдал все, что от него требовали, с трудом лишь оговорив условие, чтобы Нисибис и Сингара перешли во власть персов без жителей и чтобы разрешено было римлянам удалиться из уступаемых укреплений под защиту наших пограничных постов. 12. К этому сделана была еще весьма тяжелая и вероломная добавка, а именно: чтобы после этого соглашения не оказывать помощи против персов нашему всегдашнему верному другу Арсаку, если он будет о ней просить. Тут был двойной умысел: наказать человека, который по поручению императора опустошил Хилиоком****, и выждать случай совершить без затруднений нашествие на Армению. Поэтому и случилось впоследствии, что Арсак был взят живым в плен*) и персы во время раздоров и волнений

* Около 150 верст.

** 18, 6, 9 — Кафартута.

*** 23, 3, 2.

**** 23, 3, 5.

*) 27, 12, 3.

отняли у него значительное пространство земли на границе с мидянами и город Артаксату.

13. Когда был заключен этот постыдный договор, в предупреждение во время перемирия какого-либо действия, противоречащего условиям, видные люди с той и другой стороны были сделаны заложниками: от нас Немота, Виктор и Белловедий, трибуны имевших боевое имя легионов, от противной стороны — Бинез из числа знатных вельмож и три других сатрапа, люди небезвестные. 14. Так был заключен мир на тридцать лет, и обе стороны скрепили его клятвой. Поскольку местность вдоль реки была очень гориста, мы направились иным путем, на котором страдали не только от голода, но и от жажды.

8

1. Этот мир, заключение которого было вызвано соображениями человечности, стал причиной гибели очень многих людей: некоторые, терзаемые до смерти голодом, тайком уходили вперед, гибли из-за неумения плавать в пучинах реки или же, если, справившись с силою течения, добирались до берега, попадали в руки сарацин или персов, которых прогнали было, как я об этом говорил, германцы;* их избивали как скотину или уводили вдаль, для продажи в рабство. 2. Когда громко раздавшийся звук труб дал сигнал для переправы через реку, все с дикой и неудержимой стремительностью кинулись, не разбирая опасности. Каждый, забывая о других, думал только о себе, спешил уйти от всех этих ужасов: одни бросились на кое-как скрепленные плоты, держа за повод там и сям плывущих лошадей, другие сели на мехи, некоторые прибегли в затруднительном положении к разным другим способам, и вся эта толпа поплыла наискось через реку. 3. Сам император с небольшой свитой переправился на малых судах, которые остались, как я о том упоминал, после сожжения флота, и приказал, чтобы они ходили с берега на берег, пока не перевезут всех нас. Наконец мы все, кроме утонувших, оказались на другом берегу, спасенные в тяжких бедствиях милосердием Бога вышнего от опасности.

4. Находясь еще под гнетом страха грозных бедствий,

---

* См. гл. 6, 14.

узнали мы от наших передовых конных разъездов, что персы наводят мосты вдали от нас, чтобы после заключения мирного договора, когда затихнут уже все тревоги войны, захватывать наших беспечно тащившихся сзади больных людей и уставших лошадей. Но, заметив, что они разоблачены, они отказались от своего преступного замысла. 5. Освободившись от этой тревоги, пошли мы вперед быстрым маршем и подошли к Гатре, древнему городу, расположенному среди пустыни и уже давно покинутому. Воинственные государи Траян и Север[13] подходили к нему в разные времена, намереваясь его разрушить, и едва не погибли со всей своей армией, как я рассказывал при описании их деяний*. 6. Тут мы узнали, что на протяжении 70 тысяч шагов** на этой голой пустынной равнине нельзя найти воды за исключением соленой и вонючей, а из съедобного попадается только простая и горькая полынь и другие жалкие травы подобного рода. Мы наполнили сладкой водой все сосуды, которые были у нас, и, зарезав верблюдов и других вьючных животных, приготовили себе провиант, хотя и не вполне доброкачественный.

7. Шесть дней мы шли, не встречая никакого зеленого места для облегчения нашего ужасного положения. Возле персидской крепости Ур подошли к нам Кассиан, дукс Месопотамии, и посланный вперед навстречу трибун Маврикий. Они привезли с собой провиант, сбереженный благодаря осторожному использованию запасов, сделанных для войск, которые были оставлены с Прокопием и Себастианом. 8. Отсюда посланы были в Иллирик и Галлию нотарий Прокопий (отличный от вышеназванного) и военный трибун Меморид, чтобы принести туда весть о смерти Юлиана и о том, что после его смерти верховная власть досталась Иовиану. 9. Император возложил на них поручение явиться к его тестю Луциллиану***, который, выйдя в отставку, жил тогда в Сирмии, принести ему диплом о назначении его магистром конницы и пехоты, который он им вручил, и передать ему настоятельное предложение поспешить в Медиолан, чтобы обеспечить там спокойствие, а в случае каких-либо попыток государственного переворота, чего он особенно опасался, принять меры для

* В недошедшей до нас части сочинения.

** Около 109 верст.

*** 21, 9, 5—8.

их подавления. 10. Император дал им также и секретное письмо к Луциллиану, в котором предлагал ему взять с собой людей испытанной верности и деловитости, чтобы иметь в их лице себе опору по тем обстоятельствам, которые окажутся. 11. С весьма разумным расчетом он приказал находившемуся тогда по частным делам в Италии Малариху* принять от Иовиана командование войсками в Галлии и послал ему на это диплом. В этом заключался двойной расчет: во-первых, устранить генерала выдающихся заслуг, а потому и подозрительного, и, во-вторых, большим повышением человека, не питавшего больших надежд, заставить его ревностно поработать над упрочением колебавшегося еще положения самого виновника этого возвышения. 12. Людям, на которых возложены были эти поручения, было приказано представить события в лучшем свете и, куда бы они ни пришли, в полном согласии распускать слухи, что персидский поход окончился благополучно. Ради быстроты не прекращая езды и по ночам, они должны были вручить послание нового императора правителям провинций и командирам армий, тайным путем разведать их настроение и быстро вернуться с ответами, чтобы император, когда станет известно, что происходит в отдаленных частях государства, мог принять своевременные и тщательно обдуманные меры для укрепления своей власти.

13. Между тем опередившая этих посланцев молва, быстрый вестник печальных событий, облетала провинции и народы. Наиболее тяжким горем поразила она жителей Нисибиса, когда они узнали, что их город выдан Сапору. Они боялись его гнева и неприязни, вспоминая, сколько он каждый раз терял людей при своих частых попытках овладеть этим городом. 14. Было общеизвестно, что весь восточный край мог бы перейти во власть персов, если бы не препятствовал тому этот город своим превосходным расположением и размерами своих стен. И хотя несчастное население этого города тяжело томилось страхом перед грядущим, но его поддерживала, однако, слабая надежда, а именно: что император по собственному побуждению или склонившись на их просьбы сохранит за собой город, который был самым крепким ключом Востока.

15. Пока различные слухи распространяли сведения о положении дел, армия успела израсходовать небольшие запасы

* 15, 5, 6.

провианта, который, как я раньше упоминал, был привезен, и отчаянное положение могло бы вынудить людей обратиться к потреблению человеческого мяса, если бы не хватило на некоторое время мяса лошадей. Из-за этого была брошена значительная часть оружия и вьюков. Голод терзал нас так жестоко, что если где оказывался модий[14] муки, что случалось редко, то его покупали за десять золотых, и это считалось дешево.

16. Двинувшись оттуда в дальнейший путь, мы пришли в Тильсафаты, где вышли нам навстречу, соблюдая установленный обычай, Себастиан и Прокопий с трибунами и другими офицерами войск, назначенных им для охраны Месопотамии. Они были милостиво приняты и присоединились к нам. 17. Двинувшись затем ускоренным маршем, мы с радостным чувством увидали Нисибис. Император приказал разбить лагерь за городом и на настойчивые просьбы многочисленного населения войти в город и по императорскому обычаю поселиться во дворце ответил упорным отказом, так как ему было стыдно сдавать неприступный город ожесточенному неприятелю во время собственного пребывания в его стенах. 18. Тут в сумерки был схвачен во время обеда Иовиан, первый из нотариев, который, как я рассказал, во время осады города Майозамальхи был в числе первых, пробившихся внутрь города из подкопа*. Его отвели в пустынное место, бросили в сухой колодец и завалили камнями. Поводом послужило, очевидно, то, что после смерти Юлиана раздалось несколько голосов за него, как достойного верховной власти; а после избрания Иовиана он держал себя недостаточно сдержанно: позволил себе, как слышали, неодобрительно отзываться о сделанном выборе и иногда приглашал боевых товарищей на обеды.

9

1. Через день после этого Бинез, самый знатный из названных выше персов, торопясь исполнить поручение царя, настойчиво потребовал обещанного. С разрешения римского императора он вступил в город, водрузил над цитаделью знамя своего народа и объявил жителям о горестном для

* 24, 4, 23.

них выселении из отеческого города. 2. И так как им было приказано немедленно всем выселиться, то они умоляли императора, простирая руки, чтобы не заставляли их уходить; они заявляли, что они одни, без поддержки со стороны государства и без солдат, могут за себя постоять, будучи совершенно уверены, что сама правда поможет им в борьбе за родину, как они не раз испытали это на деле. Слезно молили об этом сенат и народ, но слова их шли на ветер, потому что император отказывался взять на себя грех клятвопреступления, как он говорил для виду, опасаясь на самом деле другого. 3. Тогда выступил с возражениями некий Сабин, человек бойкий на язык, выделявшийся среди своих сограждан своим богатством и происхождением. Он говорил, что Констанций в пору страшного усиления войн, будучи побежден персами[15] и спасшись с немногими бегством в Гибиту, далеко не безопасное место, жил ломтем хлеба, который ему подала одна старая поселянка, но до самого смертного часа ничем не поступился, а Иовиан в самом начале своего правления отказался от оплота провинций, запоры которого с древности пребывали несокрушимыми. 4. Эти настояния были безуспешны, император упорно ссылался на святость клятвы. Когда после долгих отказов он вынужден был принять поднесенную населением города корону, то некто Сильван, адвокат, дерзко воскликнул: «Пусть так тебя венчают, император, и остальные города». Иовиан разгневался на эти слова и отдал приказ в три дня всему населению покинуть город, и все проклинали такого государя.

5. И вот для изгнания откомандированы были солдаты, угрожавшие смертью тому, кто будет медлить. Стенания и крики наполнили весь город; по всем частям его стоял всеобщий стон; рвала на себе волосы женщина-изгнанница, которой предстояла разлука с богами-покровителями, под охраной которых она родилась и воспитывалась; потерявшая детей и овдовевшая женщина должна была уйти далеко от дорогих могил; достойные слез люди с плачем обнимали и целовали косяки и пороги домов. 6. Разные дороги наполнились переселенцами, уходившими кто куда мог. Торопясь, многие разоряли сами себя, собирали вещи, которые могли увезти, бросая много дорогого домашнего скарба, который приходилось оставлять из-за недостатка перевозочных средств.

7. По всей справедливости следует сделать тебе упрек, Фортуна римского мира, за то, что ты, когда бури одолевали государство, вырвала руль из рук опытного в делах кормчего и отдала его еще не созревшему юноше, который доселе решительно ничем не выказал себя, а потому несправедливо было бы как порицать его, так и хвалить. 8. Но вот что в самое сердце поразило каждого любящего отечество: опасаясь появления соперника своей власти и думая о том, что в Галлии и Иллирике часто выступали претенденты, он спешил предупредить слух о своем приходе и совершил под предлогом страха клятвопреступления недостойное империи дело, предав Нисибис, город, который еще со времен царя Митридата оказывал сильнейшее сопротивление захвату востока персами. 9. С самого основания нашего города нельзя, думается мне, найти в наших летописях случая, чтобы император или консул уступил какую-нибудь часть наших земель неприятелю и честь триумфа присуждалась не за возвращение того, что было отнято, а лишь за увеличение государства. 10. Потому-то было отказано в триумфе Публию Сципиону за возвращение Испании, Фульвию — за взятие Капуи после долгой борьбы и Опимию за то, что он после многих битв с различными результатами вынудил наконец к сдаче фрегелланов, бывших в ту пору заклятыми врагами Рима[16]. 11. Древняя история предоставляет нам также примеры того, что договоры, заключенные в отчаянном положении на постыдных условиях после того, как заключившие их стороны скрепили их клятвой, были немедленно расторгаемы возобновлением военных действий. Так было в древние времена, когда римские легионы в Самнии были проведены под ярмом у Кавдинского ущелья[17], когда Альбин в Нумидии[18] преступно помышлял о мире и когда виновник постыдно ускоренного договора Манцин был выдан нумантинцам.

12. Итак, жители были выселены, город сдан и откомандирован трибун Констанций для передачи персидским вельможам укрепленных мест с прилегающими к ним округами. После этого Прокопий получил приказ отправиться с останками Юлиана и предать их погребению в предместье Тарса, как распорядился сам Юлиан при жизни*. 13. Отправившись в путь с телом императора, Прокопий сразу после похорон

* 23, 2, 5.

исчез и его не могли нигде найти, несмотря на самые тщательные поиски, пока он не появился вдруг, уже значительно позже в Константинополе в пурпурной одежде императора*.

10

1. Так окончив эти дела, мы продолжали путь и пришли в Антиохию. Там в течение нескольких дней подряд было много грозных знамений, словно Бог являл свой гнев, и знатоки-предсказатели признавали в них указание на горестные события. 2. Так, у статуи Цезаря Максимиана, которая стояла в передней дворца, внезапно выпал бронзовый шар, имевший вид небесной сферы, который она держала в руке; в зале совета со страшным треском заскрипели балки; днем были видны на небе кометы, о природе которых физики в своих догадках очень расходятся. 3. Одни думают, что кометы называются так потому, что, представляя собою сочетание многих звезд, испускают сплетающиеся, как волосы**, лучи. Другие полагают, что они образуются из сухого испарения земли, которое, постепенно поднимаясь в верхние слои, воспламеняется. Некоторые придерживаются того мнения, что истекающие от солнца лучи, встречая препятствие на своем пути в нижние слои в виде противостоящего им густого облака, отдав свой блеск более плотной материи, являют человеческому взору свет, как бы исходящий от звезд. Некоторые твердо убеждены, что это явление происходит тогда, когда облако, поднявшись выше обычного уровня, получает свет вследствие соседства вечных огней, или, наконец, что кометы — это звезды, похожие на прочие, но человеческий разум не постиг, в какое время определено их восхождение и закат. Много и других мнений высказано о кометах в сочинениях писателей, изучающих устройство неба: но рассказывать об этом не могу я теперь, так как спешу перейти к другому.

4. Император недолго пробыл в Антиохии, так как, удрученный тяжестью различных забот, горел желанием двинуться дальше. И вот, не щадя ни лошадей, ни солдат, выйдя оттуда в самый разгар зимы, хотя было, как я сказал, множество препятствующих тому знамений, он прибыл в Тарс,

* 26, 5.
** Κόςμη — косма, волосы.

славный город Киликии, о начале которого я уже говорил выше*. 5. И отсюда он спешил выступить как можно скорее, но все-таки позаботился об украшении гробницы Юлиана, которая находилась близ дороги, ведущей к перевалу Тавра. Его останки и прах, если бы кто-нибудь рассудил по всей справедливости, надлежало видеть не Кидну, хотя это красивая и чистая река; для увековечения славы его подвигов возле его останков должен бы был струиться Тибр, проходящий своим руслом через Вечный город, обтекая памятники древним героям.

6. Отправившись затем из Тарса, Иовиан прибыл после продолжительного путешествия в каппадокийский город Тиану, где его уже встретили нотарий Прокопий и трибун Меморид и представили ему подробный отчет о своей поездке по порядку. Луциллиан приехал в Медиолан с трибунами Сениавхом и Валентинианом, которых он взял с собой, но, узнав, что Маларих отказался принять магистерство, как можно быстрее направился в Ремы**. 7. Предполагая здесь полное спокойствие населения, он потерял, как говорится, ориентацию и стал несвоевременно, пока не все еще было готово, преследовать по суду бывшего актуария по счетной части. Тот, зная за собой мошенничества и растраты, бежал к войскам и распустил басню, будто Юлиан еще жив и какой-то незначительный человек поднял восстание. Эта ложь вызвала в войсках сильные волнения, и солдаты убили Луциллиана и Сениавха, а Валентиниана, который вскоре стал императором, когда он в страхе не знал, куда ему бежать, увез в безопасное место связанный с ним узами гостеприимства Примитив. 8. К этим печальным вестям присоединилась и радостная, а именно та, что находятся в пути отправленные Иовином воины, которые на военном языке называются «головами схол», чтобы оповестить Иовиана, что галльская армия признает за ним императорский сан.

9. Узнав об этом, император предоставил Валентиниану, который вернулся с ними, командование второй схолой скутариев. Виталиан, состоявший в отряде герулов, причислен был к доместикам. Это был тот самый, кто много времени спустя, будучи возведен в звание комита, потерпел пораже-

* 14, 8, 3.
** Реймс.

ние в Иллирике. Немедленно был отправлен в Галлию Аринфей с письмом к Иовину, в котором император, оставив его на занимаемом посту, просил действовать твердо и в то же время возлагал на него поручение наказать вызвавшего волнения, а главных зачинщиков бунта заковать в кандалы и отправить на главную квартиру императора. 10. Распорядившись таким образом по этим неотложным делам, император принял в Аспуне, маленьком городке Галатии, прибывших из Галлии военных людей; они принесли приветствие на торжественном приеме; император поблагодарил их, сделал им подарки и приказал вернуться к своим частям.

11. По прибытии в Анкиру, император вступил в консульство, причем по возможности были сделаны необходимые приготовления для торжественного выезда. Товарищем по консульству он объявил своего сына Варрониана, тогда еще младенца. Он плакал, упорно отбивался от того, чтобы его сажали на курульное кресло во время проезда, как требовал того обычай, и это явилось знамением того, чему суждено было скоро случиться.

12. Вскоре застал Иовиана предназначенный ему судьбой смертный час. Когда он прибыл в Дадастану, пограничный город между Вифинией и Галатией, его нашли ночью мертвым. По поводу его кончины возникло много сомнительных предположений. 13. Рассказывали, что его убил ядовитый запах, оставшийся после побелки комнаты, в которой он ночевал, что он погиб от угара, возникшего от слишком сильно дымившей жаровни, и, наконец, что вследствие чрезмерного обилия пищи он получил смертельное несварение желудка. Умер он на 33 году жизни. Кончина его была такая же, как и Сципиона Эмилиана, и известно, что не было произведено следствия о смерти ни того, ни другого.

14. Осанка его при движении отличалась достоинством, лицо было очень приветливым, глаза голубыми, роста он был очень большого, так что долго не могли найти никакой подходящей ему царской одежды. Образцом для себя он избрал скорее Констанция (чем Юлиана), занимался иногда серьезными делами после полудня и имел привычку весело шутить в обществе близких людей. 15. Он был приверженец христианского закона и проявлял свое уважение к этой религии; образования был невысокого; по характеру был доброжелателен и, насколько можно было судить по немногим

случаям сделанных им назначений, осторожен в выборе сановников. В пище он допускал излишества, имел склонность к вину и любовным утехам — пороки, от которых, быть может, он бы и избавился из уважения к императорскому сану. 16. Рассказывали, что его отец Варрониан из откровения, полученного во сне, знал наперед судьбу сына и открыл это двум вернейшим друзьям, добавив и то, что ему самому будет дана консульская трабея. Одно свершилось, но другого он не мог достичь. О высокой судьбе своего сына он получил известие, но смерть постигла его раньше, чем он повидался с сыном. 17. И так как вещий сон открыл, что высшее звание предречено этому имени, то внук его, Варрониан, в ту пору еще младенец, был провозглашен консулом вместе со своим отцом Иовианом, как я рассказал выше.

Книга XXVI

(годы 364—366)

1. Трибуну второй схолы скутариев, Валентиниану, отсутствовавшему в Никее, вручается с общего согласия гражданских сановников и военных людей верховная власть. О високосном годе.
2. Когда Валентиниан, вызванный из Анкиры, поспешно прибыл в Никею, он был избран императором единодушными возгласами всех и, украшенный пурпурным облачением и диадемой и провозглашенный Августом, обратился с речью к армии.
3. О городской префектуре Апрониана в Риме.
4. Валентиниан назначает своего брата Валента в Никомедии трибуном конюшни, а потом в Константинополе в Гебдоме делает соправителем по верховной власти с согласия армии.
5. Императоры распределяют между собой комитов и военные части и вскоре после того вступают в первый консулат, один в Медиолане, другой в Константинополе. Аламанны опустошают Галлию. Прокопий на Востоке готовит государственный переворот.
6. Родина, род, характер и звания Прокопия; о том, что он скрывался при Иовиане и каким образом он был провозглашен императором в Константинополе.
7. Прокопий без кровопролития подчиняет себе фракийские области и обещаниями приводит к присяге на свое имя всадников и пехотинцев, проходивших через Фракию, а также присоединяет к себе иовиев и викторов, посланных против него Валентом, склонив их на свою сторону речью.

8. После освобождения от осады Никеи и Халкедона Вифиния попадает под власть Прокопия, а затем и Геллеспонт, после взятия Кизика.
9. Прокопий, покинутый своими в Вифинии, Ликии и Фригии и выданный Валенту живым, казнен усечением головы.
10. Протектор Марцелл, его родственник, и многие из партии Прокопия подвергнуты смертной казни.

1

1. С большим усердием довел я изложение хода событий до границ ближайшей современности и решил было не приступать к описанию того, что всем ближе знакомо. К этому склоняло меня как желание избежать опасностей, которые нередко настигают правдивых повествователей, так и опасение вызвать дальнейшим изложением суд непрошеных критиков, которые поднимают крик, как будто им нанесено оскорбление, если пропущено, что сказал за столом император, или не упомянуто, за что подвергнуты были взысканию простые солдаты где-нибудь в армии, или если, по их мнению, нельзя было умолчать при обстоятельном описании страны о каких-нибудь малозначимых укреплениях, или из-за того, далее, что названы имена не всех явившихся на первый выход городского претора и тому подобное. Мелочи такого рода не согласуются с принципами исторического изложения, которое обыкновенно остается на уровне важнейших событий и не вдается в детали. Тот, кто хотел бы получить сведения обо всем подобном, пожалуй, готов подумать, что можно исчислить неделимые тела, движущиеся в пространстве, атомы[1], как мы (греки) называем их. 2. Под влиянием подобных опасений некоторые древние историки не издавали при жизни своих подробно и тщательно обработанных сочинений, как утверждает это в одном письме к Корнелию Непоту[2] такой почтенный свидетель, как Туллий (Цицерон). Не стану, впрочем, придавать значения невежественным суждениям простаков и обращусь к рассказу о дальнейших событиях.

3. Когда описанные мной тяжкие несчастья закончились столь горестно и лишь краткий промежуток времени разделил смерть двух государей, совершены были погребальные

церемонии над телом Иовиана и прах его был отослан в Константинополь для погребения среди усыпальниц других императоров. Армия переместилась в Никею, главный город Вифинии, а высшие гражданские чины вместе с военными командирами, осознавая важность лежащей на них общей заботы, а некоторые из них обольщаясь при этом пустыми надеждами, искали на царство человека, проверенного в делах и достойного.

4. Некоторые нашептывали имя Эквиция, бывшего в ту пору трибуном первой схолы скутариев. Но так как более достойные люди не одобрили этого кандидата как человека резкого и грубоватого, то сделана была нерешительная попытка выдвинуть родственника Иовиана, Януария, который заведовал провиантской частью армии в Иллирике. 5. Когда и этот был отвергнут из-за отдаленности его местонахождения, то по внушению Бога небесного без возражений с чьей-либо стороны был избран, как вполне и во всем соответствующий тому, что требовалось, Валентиниан, командовавший тогда второй схолой скутариев, который остался в Анкире и, согласно приказу, должен был выступить следом за остальной армией. И так как это избрание не встретило возражений ни с чьей стороны и представлялось полезным для государства, то было отправлено посольство просить Валентиниана прибыть поскорее, а в течение десяти дней никто не держал кормила государственного корабля, — событие, о котором тогда же заявил гаруспик Марк в Риме на основании исследования внутренностей животного.

6. Между тем во избежание возможности каких-либо новых попыток, противоречащих принятому решению, и того, чтобы изменчивое настроение солдат не склонилось в пользу кого-либо из бывших налицо, принимали самые тщательные меры Эквиций и вместе с ним Лев, который тогда заведовал денежным довольствием при магистре конницы Дагалайфе и был впоследствии зловреднейшим магистром оффиций. Как паннонцы и приверженцы вновь избранного государя, они старались удержать настроение всей армии в соответствии с принятым решением, насколько это было в их силах и зависело от их усердия.

7. Валентиниан прибыл в ответ на этот призыв, но в течение следующего дня никому не показывался и никуда не выходил из дома. Он давал понять, что имел какие-то пред-

сказания относительно предстоявшей ему деятельности или повторявшиеся сновидения; но на самом деле он просто боялся добавочного дня в феврале, который как раз тогда был: он знал, что этот день нередко оказывался несчастным для Римского государства. Об этом добавочном дне хочу я здесь представить точное пояснение.

8. Древние знатоки мирового и звездного вращения, среди которых выделяются Метон, Евктемон, Гиппарх и Архимед[3], определяют год как время, в течение которого Солнце по вечному закону небесных тел совершает звездный круг — греки называют его ζωδιακός, — и, по истечении 365 дней и ночей возвращается в ту же самую точку, как, например, поднявшись от второго градуса Овна, вернется опять к нему, совершив свой оборот.

9. Но продолжительность года с полной точностью измеряется от полудня названным числом дней и шестью часами, и потому начало следующего года приходится вечером после шестого часа; третий год, начинаясь с первой ночной стражи, продолжается до шестого часа ночи; четвертый — с полуночи до полного рассвета.

10. Во избежание того, чтобы это исчисление с меняющимися началом года: один раз — с шестого часа дня, в другой — после шестого часа ночи, не привело в замешательство очевидную истину из-за разницы в счете, а с другой стороны, чтобы весенний месяц не оказался когда-нибудь осенним, было принято эти шесть часов, которые составляют за четыре года 24 часа, учесть в виде одних добавочных суток. 11. Эта глубоко продуманная система, с которой согласились многие ученые, привела к тому, что обращение года, приуроченное к одному точно определенному концу, свободно ото всякой неопределенности и неясности; исчисление солнечного обращения является уже совершенно свободным от какой-либо ошибки, и месяцы сохраняют один раз определенные для них сроки. 12. В течение долгого времени римляне, пока они еще не распространили широко своего владычества, не знали этого расчета и на протяжении многих столетий запутались в разных трудностях и оказались в глубоком мраке ошибок, особенно тогда, когда вручили жрецам право вставлять дни, так как те в угоду откупщикам или в интересах тяжущихся по своему произволу или укорачивали время, или продолжали его. 13. Из-за такого их отношения возникло множество других погрешностей (в кален-

даре), упоминать о которых в этой связи я считаю в настоящее время излишним. Октавиан Август* исправил эти погрешности, присоединившись к грекам, и, устранив колебание, прекратил прежнюю неустойчивость. После основательного исследования он определил год в 12 месяцев и 6 часов, так как в течение этого времени Солнце, совершив свой вечный путь через 12 созвездий, заключает срок целого года. 14. Этот доказанный в своей истине счет вставного дня прочно утвердил Рим, которому суждено с помощью Божьей жить во веки веков. Но обращаюсь к повествованию о дальнейших событиях.

2

1. Когда миновал день, неудобный, как полагают некоторые, для великих начинаний, к вечеру по совету префекта Саллюстия, встретившему всеобщее одобрение, было под угрозой смертной казни запрещено на следующее утро показываться на публике всем людям более высокого положения и таким, относительно которых существовало подозрение, что они питают высокие замыслы. 2. Когда наконец прошла ночь, мучительная для тех, кого терзали несбывшиеся желания, на рассвете собраны были в одно место все войска, Валентиниан вышел на плац, вступил по приглашению на высокий трибунал, как в комициях, и при всеобщем и единодушнейшем сочувствии всех присутствующих был объявлен правителем государства как человек, достойный этого своими завидными качествами. 3. Тотчас его облекли в императорское одеяние, возложили на него корону, и он был провозглашен Августом при громких криках хвалы ему, которые обыкновенно исторгает прелесть новизны. Он готовился произнести заранее обдуманную речь, и, когда уже освобождал руку, чтобы свободнее говорить, начался страшный шум: кричали центурии и манипулы, и все солдаты всех когорт настойчиво требовали, чтобы немедленно был провозглашен и другой император. 4. Хотя некоторые думали, что это вызвали немногие подкупленные в угоду обойденным при выборе, но ошибочность этого очевидна была из того, что слышны были не отдельные голоса подкупленных, но едино-

* Автор допустил ошибку: исправление календаря было делом Юлия Цезаря, а не Августа.

душный крик всей толпы людей, требовавший одного и того же; здесь сказался внушенный последними событиями страх перед непрочностью земного величия. В грозных криках всего войска видно было страшное возбуждение, и приходилось бояться дерзкой распущенности солдат, которая прорывается иной раз в роковых поступках. 5. Валентиниан больше всех других опасался этого; но в счастливый момент поднял он правую руку для речи с силой государя, исполненного уверенности в себе, и, смело оборвав кое-кого за мятежный дух и упорство, произнес свою заранее обдуманную речь, и никто уже больше не прерывал его.

6. «Храбрые защитники провинций! Я счастлив, горжусь и всегда буду гордиться тем, что вы, столь заслуженные и достойные люди, вверили мне, который никоим образом этого не ожидал и не добивался, управление римским миром как достойнейшему из всех. 7. Задачу, лежавшую на вас, пока не был еще избран новый правитель государства, вы исполнили славно и с пользой для дела вы поставили на вершине почестей того, кто с ранней юности и до этих зрелых лет своего века жил, как вы то сами видели, доблестно и безукоризненно. Так выслушайте же, прошу вас, спокойно то, что я считаю полезным в интересах общественного блага. 8. Необходимость избрать товарища с равной властью обусловливается множеством мотивов, в этом я не сомневаюсь и не возражаю против этого: я сам, как человек, испытываю страх перед множеством забот и переменчивостью счастья. Но ведь долг наш — всеми силами ратовать за согласие, благодаря которому получает силу и самое слабое дело. Оно будет без труда достигнуто, если вы с подобающим доверием полностью предоставите мне то, что принадлежит мне по праву. 9. Судьба, способствующая благим советам, насколько осуществление этого дела в моих силах и власти, даст нам в тщательных розысках подходящего человека. Как учат мудрецы, не только в делах управления, где опасности столь велики и столь часты, но и в нашей частной обыденной жизни, каждый должен делать другом чужого человека лишь после суждения о нем, а не судить его тогда, когда он им стал. 10. Это обещание даю я вам с надеждой на лучшее будущее; а вы храните твердость и верность; пока позволяет спокойствие зимы, укрепляйте силы тела и духа. Обычный дар по поводу избрания Августа вы получите без промедления».

11. Окончив эту речь, впечатление от которой усилил неожиданно властный тон, император вызвал всеобщее к себе сочувствие; согласились с его мнением и те, которые только что возбужденным криком заявляли иное требование. Осеняемый орлами и знаменами, окруженный с почетом отрядами всех частей и ставший уже грозным, Валентиниан был отведен во дворец.

3

1. В то время как переменчивая судьба сплетала на востоке такую нить событий, префект Вечного города Апрониан, честный и строгий судья, во множестве серьезных дел, нередко отягчающих эту префектуру, обратил свое главное внимание на колдунов, которые, впрочем, обнаруживались в ту пору несколько реже. Тех, которые были схвачены и с очевидностью уличены следствием в том, что причиняли вред другим людям, он предавал смерти после выдачи ими своих сообщников, и казнью немногих старался навести страх перед такой же участью на остальных, если кому-то удавалось скрыться. 2. Говорят, что он развивал столь бурную деятельность в этом отношении потому, что, будучи назначен префектом повелением Юлиана, бывшего в тот момент в Сирии, по дороге в Рим потерял один глаз и заподозрил, что это было следствием наведенной на него порчи. В справедливом, но превышающем меру раздражении он производил с величайшим усердием следствия об этих и подобных преступлениях. Некоторым он представлялся даже свирепым, так как иногда даже в амфитеатре, среди толпами стекавшегося народа, разбирал важные преступления. 3. После назначения многих наказаний за этого рода преступления он приговорил к смертной казни некоего возницу Гиларина, который был уличен и сознался в том, что сына своего, едва вышедшего из отроческого возраста, он отдал в обучение тайным воспрещенным законами наукам, чтобы не прибегать за помощью к кому-нибудь на стороне и иметь их у себя дома. Воспользовавшись тем, что палач слабо держал его, Гиларин вырвался и убежал в христианскую церковь, но его немедленно вытащили оттуда и отрубили ему голову. 4. Из-за суровости кары эти и подобные преступления стали тогда реже, так что никто или лишь очень немногие, сведущие в этого рода

злодействах, покушались на общественную безопасность; но в дальнейшем продолжительная безнаказанность вызвала ужасные злодеяния подобного рода, и дерзость дошла до того, что один сенатор, уличенный в том, что по примеру Гиларина чуть ли не по формальному контракту отдал специалисту по колдовству в обучение своего раба, откупился от наказания крупной суммой, как ходила о том усиленная молва. 5. И этот человек, добившийся оправдания, как гласила молва, именно таким путем, хотя ему бы следовало стыдиться за свою жизнь и свою вину, вовсе не помышлял о том, чтобы смыть оставшееся на нем пятно; но, как будто он один был чист от всякого проступка в толпе виновных, разъезжал на великолепно убранном коне по мостовым города и до сих пор таскает за собой толпы рабов и старается новым отличием привлечь к себе всеобщее внимание. Нечто подобное известно о древнем Дуиллии[4], который после славной морской битвы оговорил себе почетное право на то, чтобы при его возвращении из гостей с обедов играл перед ним флейтист.

6. Однако при этом Апрониане запасы провианта были настолько обеспечены, что ни разу не возникало ни малейших жалоб на недостаток припасов, что случается в Риме постоянно.

4

1. Итак, Валентиниан был провозглашен императором в Вифинии, как я об этом рассказал. Он отдал приказ выступать на следующий день, а пока созвал к себе на совет лиц высшего ранга и, выставляя напоказ свою мнимую готовность следовать хорошим советам других, а не своим единоличным решениям, поставил вопрос о том, кого ему следует избрать соправителем. Все молчали, а Дагалайф, бывший тогда командиром конницы, дал такой прямолинейный ответ: «Если ты, добрейший государь, любишь своих родных, то есть у тебя брат, а если отечество, то ищи, кого облачить в пурпур». 2. Император разгневался на эти слова, но промолчал и, скрывая свои мысли, прибыл ускоренным маршем 1 марта в Никомедию. Здесь он назначил своего брата Валента начальником императорской конюшни в ранге трибуна. 3. Оттуда он прибыл в Константинополь. Обдумав различ-

ные обстоятельства и сознавая, что государственные дела огромной важности, и притом неотложные, превосходят его силы, он решил далее не откладывать. И вот 28 марта он вывел Валента в предместье и при всеобщем одобрении — по крайней мере никто не смел возразить — провозгласил его Августом. Облачив его в императорские одежды и повязав диадему на его голове, он привез его во дворец в одной колеснице с собой как законного соправителя, но в действительности, как станет ясно это из моего дальнейшего изложения, подчинявшегося ему во всем настолько, как будто он был его подчиненным.

4. Едва устроилось благополучно это дело, как оба императора заболели тяжелой и продолжительной лихорадкой, а когда они оправились от болезни, то, будучи вообще более склонными к сыскам и следствиям, чем к упорядочению всяких дел, — поручили магистру двора Урзацию, грубому далматинцу, и Вивенцию из Сисции*, который тогда состоял квестором, произвести строжайшее следствие о возможных причинах постигшей их болезни. Настойчиво ходившие слухи истолковывали это в том смысле, что целью было вызвать вражду к памяти императора Юлиана и к его друзьям, поскольку, мол, болезнь наведена на императоров колдовством. Но все это развеялось само собой, так как не нашлось ни малейшего намека на какие-либо тайные замыслы. 5. В это время по всему римскому миру, словно по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к ним границы. Галлию и Рэцию одновременно грабили аламанны, сарматы и квады — обе Паннонии; пикты, саксы, скотты и аттакотты терзали непрерывными бедствиями Британию; австорианы и другие племена мавров сильнее обычного тревожили Африку; Фракию грабили разбойнические шайки готов. 6. Царь Персидский пытался наложить свою руку на армян и прилагал все усилия к тому, чтобы опять подчинить эту страну своей власти под тем несправедливым предлогом, что после смерти Иовиана, с которым он заключил мирный договор, ничто не должно препятствовать ему завоевать все то, на что он указывал как на принадлежавшее его предкам.

---

* Ныне Сиссек. Город Сисция лежал в пределах Паннонии.

5

1. Находившиеся в полном согласии между собой императоры, один поставленный выше избранием, другой — присоединенный только для вида, провели зиму на месте, а с началом весны прошли через Фракию и прибыли в Нэсс*. Там, в предместии Медиане, которое находится от города в трех милях, как бы собираясь немедленно расстаться, они поделили между собою комитов. 2. Валентиниан, которому принадлежал решающий голос, взял себе Иовина, которого еще раньше возвел Юлиан в сан магистра оружия в Галлии, и Дагалайфа, которого до того же сана возвысил Иовиан; следовать за Валентом на восток назначен был Виктор, обязанный своим повышением тому же государю, и к нему был присоединен Аринфей. А Лупицин, назначенный также Иовианом магистром конницы, охранял восточные области. 3. Тогда же и Эквиций, бывший тогда не магистром, а только комитом, получил командование иллирийской армией, и Серениан, сложивший уже давно военное звание, вновь поступил на службу и, как паннонец (т. е. земляк), сопровождал Валента в звании командира схолы доместиков. Приняв такое решение относительно командиров, императоры разделили между собой и легионы.

4. После этого оба брата выступили с войсками и поделили между собой столицы согласно желанию первенствовавшего: Валентиниан направился в Медиолан, а Валент — в Константинополь.

5. Во главе гражданского управления на Востоке в звании префекта состоял Саллюстий, в Италии, Африке и Иллирике — Мамертин, во главе галльских провинций — Германиан. 6. Оставаясь в названных городах, императоры в первый раз приняли оба консульские отличия, но весь этот год приносил тяжкие беды Римскому государству. 7. Германские границы прорвали аламанны: причиной их необычайного ожесточения было следующее обстоятельство. Когда их послы явились на главную квартиру для получения определенных и обычаем установленных даров, им были переданы подарки в меньшем по сравнению с прежним количестве и худшего качества. Приняв подарки, они воспылали гневом

* Ныне Нишь в Сербии.

и бросили их как унижающие их достоинство. Когда же Урзаций, бывший тогда магистром оффиций, человек вспыльчивый и горячий, обошелся с ними грубо, они уехали, преувеличили в своих рассказах случившееся и возбудили страсти в среде своих диких соплеменников, вызывая обиду за оказанное им будто бы грубое пренебрежение.

8. В то же время, или немного позднее, поднял на востоке бунт Прокопий. Валентиниан получил об этом известие в конце октября на пути в Паризии... в тот же день.

9. Против аламаннов император приказал выступить немедленно Дагалайфу. Они подвергли опустошению более близкие к ним местности и далеко ушли, не потеряв ни одного человека. Относительно же того, как ему подавить выступление Прокопия, не дав ему разгореться, он колебался в своих мыслях; смущало его главным образом то, что он не знал, выступил ли Прокопий претендентом уже после смерти Иовиана или при его жизни. 10. Дело в том, что Эквиций получил об этом донесение трибуна Антония, командовавшего Внутренней Дакией, который сообщил только о дошедшем до него неясном слухе, а потому и сам он не имел возможности ничего выяснить и только кратко уведомил государя. 11. Узнав об этом, Валентиниан возвел Эквиция в сан магистра и принял решение отступить в Иллирик, чтобы не дать возможности бунтовщику пройти через Фракию и, став уже странным , сделать вражеское вторжение в Паннонию. С ужасом он думал о том, как недавно Юлиан, поднявшись против императора, имевшего славу победителя во всех междоусобных войнах, против всяких ожиданий переходил с невероятной быстротой от города к городу. 12. Но его горячее стремление вернуться назад встретило сопротивление в виде советов близких людей, которые упрашивали и молили его не оставлять Галлию грозившим смертью и истреблением варварам и под этим предлогом не предавать провинций, нуждавшихся в сильной защите. Посольства более значительных городов присоединили свои просьбы не оставлять их беззащитными в столь трудных обстоятельствах, так как якобы уже одним своим присутствием он сможет спасти их от грозных бедствий, внушая ужас германцам славой своего имени.

13. Наконец, внимательно взвесив относительную важность дел, он склонился к мнению большинства. Не раз он

повторял, что Прокопий — враг только лично его самого и его брата, а аламанны — всего римского мира, и решил пока не покидать пределов Галлии. 14. Он прошел вперед до города Ремов* и, опасаясь внезапных вторжений в Африку, приказал Реотерию, который был тогда нотарием, а впоследствии достиг консульского сана**, отправиться на ее охрану. С ним вместе был послан Мазавцион, доместик-протектор, с тем расчетом, что тот, выросший в доме отца своего Крециона***, бывшего некогда комитом, знал все опасные местности в той стране. К ним император приставил Гауденция, своего оруженосца, человека, давно ему лично известного и преданного.

15. Из-за того, что одновременно в обеих половинах империи поднялись грозные бури, я расскажу о них по отдельности и последовательно: сначала опишу события на востоке, а затем — войны с варварами. Так как бо́льшая часть событий происходила на востоке и западе в одни и те же месяцы, то, если бы я стал перескакивать с места на место в своем изложении, могла бы произойти большая путаница и ход событий мог бы стать неясен в моем изложении.

6

1. Прокопий происходил из знатной фамилии; родом он был из Киликии, где и получил воспитание. Родство с Юлианом[5], который стал впоследствии императором, помогло его выдвижению, и уже с первого своего выступления на общественном поприще он был на виду. В частной жизни и характере он отличался сдержанностью, был скрытен и молчалив. Он долго и превосходно служил нотарием и трибуном и был уже близок к высшим чинам. После смерти Констанция во время переворота он, как родственник императора, возымел надежды на высшее положение и был включен в число комитов. Уже и тогда было очевидно, что, если когда-нибудь представится такая возможность, он выступит как возмутитель общественного спокойствия. 2. При вступлении в Персию Юлиан оставил его вместе с Сабинианом, предоставив последнему одинаковые

* Реймс.
** В 390 г.
*** Ср.: 21, 7, 4.

права, в Месопотамии во главе значительных военных сил и поручил ему, как гласил смутный слух, — с уверенностью никто этого не утверждал, — действовать сообразно тем обстоятельствам, о которых узнает, и, если бы до его сведения дошло, что римское дело постигла в Персии неудача, позаботиться о провозглашении себя императором. 3. Без всякого высокомерия и с большой осмотрительностью он исполнял возложенные на него обязанности. Когда же он узнал, что Юлиан был смертельно ранен и умер, что Иовиан получил верховную власть и что при этом распространился ложный слух, будто Юлиан при своем последнем издыхании высказывал желание, чтобы руль управления государством доверен был Прокопию, он стал бояться, как бы его не настигла по этой причине казнь без суда, и решил скрыться. Еще больше напугала его смерть Иовиана, первого нотария. После смерти Юлиана некоторые военные люди называли его достойным императорского сана; он был заподозрен в мятежных начинаниях и погиб жестокой смертью*. 4. И так как Прокопий узнал, что его разыскивают весьма усердно, то, желая уклониться от бремени жестокой вражды, удалился в неизвестные отдаленные местности. Когда же он узнал, что Иовиан старательно разыскивает его убежище, а ему самому надоела звериная жизнь (так как он попал в такое жалкое положение с высокого, какое занимал раньше, терпел голод в диких местах и был лишен человеческого общества), под гнетом крайней необходимости он пробрался окольными путями в область Халкедона. 5. Там он скрывался, считая это место надежным убежищем, у своего верного друга, некоего Стратегия, который раньше служил в дворцовых войсках, а теперь был сенатором. Оттуда он нередко наведывался в Константинополь, соблюдая величайшую осторожность, как выяснилось это из показания того же Стратегия, когда впоследствии не раз производилось следствие о соучастниках Прокопия. 6. Как самый бдительный разведчик, собирал он, никем не узнанный со своим обросшим бородой лицом и исхудавшим телом, слухи, усиливавшиеся в ту пору, так как многие, осуждая, как обычно, настоящее, поносили Валента, под тем предлогом, что он одержим страстью к грабежу чужого иму-

* 25, 8, 18.

щества. 7. Позорным подстрекателем Валента к жестокости был его тесть Петроний, возведенный внезапным скачком в патриции[6] из командиров легиона мартензиев, человек равно отвратительный душой и телом. Он горел желанием обобрать догола всех без разбора, присуждал виновных и невиновных после изысканных пыток к уплате вчетверо, разыскивая недоимки давних времен с императора Аврелиана, и впадая в отчаяние, если ему приходилось отпускать кого-нибудь, не осудив его. 8. К этим невыносимым качествам этого человека добавлялась и та беда, что, обогащаясь за счет чужих стенаний, он был неумолим, жесток и до крайности бессердечен, не способен ни сам кого-либо оправдать, ни принять оправдание. Он был ненавистнее Клеандра*, который, занимая пост префекта при императоре Коммоде, особенно бессердечно посягал, по свидетельству историков, на имущество разных лиц, и невыносимее, чем Плавциан**, который также в звании префекта, но при Севере, в своем диком безумии привел бы все дела в полное замешательство, если бы его не поразил меч отмщения. 9. Эти горестные события, которые при Валенте благодаря Петронию привели в запустение много домов, как бедных, так и знатных, и ожидание еще более тяжелого положения в будущем до глубины души угнетали граждан и солдат, стонавших под одинаковым бременем; обеты о перемене настоящего положения вещей при помощи Бога вышнего приносились с единодушным стенанием, хотя, конечно, втайне и без слов. 10. Тайком наблюдал за всем этим Прокопий и, полагая, что, если ему улыбнется судьба, он без затруднений достигнет верховной власти, приседал, как хищный зверь, когда, завидев подходящую добычу, тот готовится сейчас же сделать прыжок. 11. Между тем как он пламенел желанием ускорить то, к чему стремился, случай дал ему чрезвычайно подходящий повод. По окончании зимы Валент спешил в Сирию и уже вступил в пределы Вифинии, как вдруг он получил донесение пограничных начальников о том, что племя готов, которых в ту пору оставили в покое, что и усилило их буйный дух, объединилось и собирается проникнуть в соседние местности Фракии. Получив это известие,

---

* *Dio Cass.* 72, 12; 13.

** Ib. 75, 14—16.

император, желая беспрепятственно продолжать намеченный путь, приказал двинуть в достаточном количестве конницу и пехоту в места, подвергшиеся опасности вторжений варваров. 12. Когда Валент ушел далеко, Прокопий, надломленный продолжительными бедствиями, пришел к мысли, что даже жестокая смерть легче тяготивших его бедствий, и решил сразу броситься навстречу всем опасностям. Готовый на все, отдавшись своему гибельному решению, он затеял дерзкое дело. Дивитенсы и тунгриканы-младшие* получили приказ вместе с другими спешить на войну, грозившую вспыхнуть во Фракии. Им предстояла на обычном маршруте двухдневная остановка в Константинополе. Прокопий вознамерился склонить к возмущению эти легионы через нескольких знакомых ему людей, служивших в них, и, поскольку было опасно и трудно говорить со всеми, доверился немногим. 13. Соблазнившись надеждой на огромные награды, они дали ему под клятвой обещание сделать все, что он хочет, а также обещали ему поддержку своих ближайших товарищей, среди которых они во время совещаний занимали первое место, поскольку превосходили остальных размером жалованья и военными заслугами. 14. Согласно уговору, как только рассвело, Прокопий направился с тревогой в сердце в Анастасьевы бани, названные так по имени сестры Константина, где, как это было ему известно, квартировались те легионы. Там сообщили ему соучастники его тайных замыслов, что на ночной сходке все согласились встать на его сторону. Ему гарантирована была личная безопасность, он был охотно и с честью принят тесной толпой продажных солдат, но оказался среди них как бы пленником. Как некогда преторианцы после убийства Пертинакса приняли (Дидия) Юлиана, выторговавшего императорский сан**[;7], так и эти солдаты брали теперь под свою защиту Прокопия, который полагал в их среде первое начало своего злосчастного правления, и сами бдительно высматривали при этом всякую возможную выгоду.

15. И вот стоял он, бледный, как выходец с того света, и так как не удалось нигде найти пурпурного плаща, то он был

* Имена легионов.

** В 193 г.

одет в вышитую золотом тунику, как придворный служитель от пяток до пояса на манер благородного отрока, а ноги были обуты в пурпурные башмаки; в левой руке он держал копье, украшенное также куском пурпурной материи, — точно так же как на сцене в театре внезапно появляется блестяще убранное видение из-за занавеса или при помощи какого-нибудь театрального приспособления. 16. Поднятый на это посрамление всякой почести, он обратился с рабской речью к виновникам своего возвышения и, пообещав им большие богатства и всякие саны в связи с началом своего правления, вышел на улицу, окруженный тесным строем вооруженных солдат. Подняты были знамена, и он стал уже выступать смелее, а вокруг него раздавался страшный лязг от ударов щитов один о другой, издававших зловещий звук, так как солдаты, опасаясь, чтобы с верхних этажей не стали в них бросать камнями и кусками черепицы, прикладывали щиты к самым гребням своих шлемов.

17. Народ не выказывал Прокопию, набиравшемуся смелости по мере выступления вперед, ни сопротивления, ни сочувствия. Однако стало сказываться свойственное толпе увлечение новизной, чему содействовало то обстоятельство, что все единодушно ненавидели, как было сказано, Петрония, копившего себе богатства насилием, так как он во вред всем слоям общества опять вызывал к жизни давно погребенные дела и в тумане далекого прошлого возрождавшиеся долговые обязательства. 18. И вот Прокопий взошел на трибунал; при всеобщем оцепенении вокруг царило зловещее молчание. Сознавая, что теперь он встал на вернейший путь к смерти, он испытывал затруднения с речью из-за охватившей все его члены дрожи и долго стоял в безмолвии. Наконец он начал что-то лепетать прерывающимся, как у умирающего, голосом, выставляя на вид свое родство с императорским домом. Слабые возгласы подкупленных людей поддержаны были беспорядочными криками черни, провозглашавшей его императором. Затем он быстро направился в курию и, не найдя там никого из сенаторов, но лишь небольшую кучку простонародья, поспешно вступил преступной ногой во дворец.

19. Некоторые удивятся, конечно, тому, что это достойное осмеяния начало правления, затеянное столь неосторожно и легкомысленно, привело к таким скорбным бедствиям

для государства; но они, по-видимому, не знают событий прошлого и полагают, будто это был первый такой случай. 20. Но так именно возвысился Андриск из Адрамитта, человек самого низкого звания, до имени Псевдо-Филиппа и к Македонским войнам прибавил тяжкую Третью*. Так во время правления Макрина поднялся в Антиохии явившийся из Эмесы Гелиогабал Антонин[8]. Так неожиданное восстание Максимина принесло смерть Александру Северу и Маммее, его матери[9]. Таким же образом в Африке возвели на трон Гордиана Старшего, но ужас надвигавшихся опасностей вынудил его петлей покончить свою жизнь**;[10].

7

1. Поставщики провианта, придворные служители, настоящие и бывшие солдаты, отбывшие срок службы в военных частях и обратившиеся уже к более спокойной жизни, были привлечены, одни против воли, другие в согласии с ней, к сомнительной судьбе неожиданного претендента. Другие, считая все остальное более безопасным, чем настоящее, тайно покидали город и спешно направлялись в лагерь Валента.

2. Всех их опередил Софроний, тогда нотарий, а впоследствии префект Константинополя. Он застал Валента собирающимся покинуть Кесарию Каппадокийскую, чтобы из-за окончания тяжелой поры зноя в Киликии перебраться в Антиохию. Он рассказал ему о том, что произошло; Валент впал в сомнение, тревогу и смущение, но тому удалось направить его в Галатию, чтобы захватить возмущение прежде, чем оно успеет окрепнуть.

3. Пока Валент приближался форсированным маршем, Прокопий самым решительным образом работал днем и ночью. Он подговорил нескольких подставных лиц, которые с хитрой наглостью заявляли, будто они прибыли одни с востока, другие из Галатии; сочинив небылицу, будто Валентиниан умер, они заявили, что весь мир открыт новому государю.

4. Так как иной раз даже дерзкие замыслы усиливаются благодаря быстроте действий, то для спасения себя от опас-

---

* Ср.: 14, 11, 31.
** В 238 г.

ных людей Прокопий немедленно заключил в тюрьму Небридия, который недавно назначен был, благодаря проискам Петрония, преторианским префектом на место Саллюстия: а также Цезария, городского префекта Константинополя. Управление городом приказано было взять на себя с обычными полномочиями Фронемию, а быть магистром оффиций — Евфрасию; оба были галлами, имевшими репутацию образованных людей. Управление военными делами было предоставлено Гумоарию и Агилону, которые были вновь призваны на службу. Исход дела показал всю опрометчивость этого последнего распоряжения. 5. А так как возникало опасение, что комит Юлий, командовавший военными силами, расположенными во Фракии, если он узнает о бунте, выступит с ближайших стоянок с целью подавить мятеж, то придумали ловкую хитрость: от имени Валента под предлогом серьезного совещания относительно передвижений варваров, он был вызван вырванным силою письмом содержавшегося все еще в тюрьме Небридия. Заманив таким образом Юлия в Константинополь, его отдали под строжайший надзор. Посредством этого ловкого обмана приобретено было без пролития крови воинственное население Фракии, и тем самым получена была великая подмога в мятежных предприятиях.

6. После этой счастливой удачи стал заискивать у Прокопия Араксий и, предоставляя ходатайство своего зятя Агилона, стал префектом претория; точно так же многие другие заняли различные должности при дворе или получили места по управлению провинциями, одни против воли, другие предлагая сами себя и внося деньги. 7. И как обыкновенно бывает при внутренних беспорядках, люди, принадлежавшие к подонкам общества, выдвинулись наверх самым дерзким образом, тогда как представители высшей знати низвергались со своего высокого положения и подвергались высылке и даже смертной казни.

8. Когда благодаря этим и подобным обстоятельствам партия видимо упрочилась, оставалось собрать военную силу в достаточном количестве, и то, что в государственных переворотах не раз ставило преграды смелым начинаниям, даже если их начало было полностью оправданным, на этот раз удалось без труда достигнуть. Пешие и конные части, которые были вызваны во Фракию для военных действий, при

своем проходе через те местности встретили самый ласковый и заискивающий прием. 9. Они были расквартированы все в одной местности и представляли вид уже целой армии. Поддавшись на щедрые обещания, солдаты под страшными заклятиями присягнули на имя Прокопия и обещали ему крепко стоять за него, защищая его даже ценой своей жизни.

10. Очень благоприятным обстоятельством для их привлечения оказалось то, что Прокопий обходил ряды войск, имея на руках маленькую дочь Констанция, память о котором высоко почиталась, и поддерживая тем самым родство с ним и с Юлианом. Очень кстати было для него и то, что он получил некоторые императорские инсигнии от матери этой девочки, Фаустины[11], которая случайно была здесь. Он совершил еще одно действие для быстрого укрепления своего положения: выбрав несколько дерзких смельчаков, он отправил их для захвата Иллирика. Полагаясь вместо всего другого лишь на свою наглость, они распространяли золотые монеты с изображением нового государя и прибегали к другим соблазнам. Но Эквиций, командир военных сил в тех пределах, приказал их схватить и предал разного рода казням. 12. Опасаясь подобных происков, он занял три тесных прохода, которые давали доступ в северные провинции: один — через Прибрежную Дакию, другой — самый известный — через Сукки, третий — через Македонию, который называют Аконтисма*. Эти меры предосторожности сделали тщетной надежду узурпатора захватить Иллирик, и вместе с тем от него ушли огромные военные средства.

13. Между тем Валент, который был очень смущен жестокой вестью, возвращался через Галлогрецию[12]. Услышав о том, что происходит в Константинополе, он продвигался вперед с опаской и в страхе. Поразивший его столь внезапно ужас лишил его всякой предусмотрительности. Он до того потерял голову, что помышлял сбросить императорские одежды, как тяжелую обузу; и, конечно, он бы это сделал, если бы не помешали его приближенные и не отговорили его от позорного шага. Поддержанный мнениями лучших, он приказал двинуться вперед двум легионам — то были иовии и викторы —

* Проход Сукки см.: 21, 10, 2; Аконтисма — южный проход по берегу моря, неподалеку от древнего Неаполя, нынешней Кавалы.

и напасть на лагерь мятежников. 14. При их приближении сам Прокопий, только что возвратившийся из Никеи, куда он ездил, поспешил с дивитенсами и пестрой толпой дезертиров, которую ему удалось собрать за короткое время, к городу Мигду, расположенному на берегу реки Сангария*.

15. Когда легионы уже сходились, готовые вступить в сражение, Прокопий, не обращая внимания на летавшие уже стрелы, как бы бросая вызов врагу своим выступлением вперед, один вышел между двух линий. По счастливой случайности он узнал во вражеском строе некоего Виталиана, — знал ли он его действительно, существует сомнение, — приветствовал его по-латыни и дружески вызвал его из строя вперед: тут он подал ему руку, поцеловал и при всеобщем изумлении держал такую речь: 16. «Вот седая верность римских войск и религией скрепленная клятва! Вы миритесь, храбрейшие мужи, с тем, что за незнакомцев поднялось столько кинжалов своих людей! И для того, чтобы паннонский выродок, который все низвергает и попирает, обладал верховной властью, о которой он не дерзал и мечтать, нам оплакивать свои и ваши раны! Лучше последуйте за отпрыском царского рода, который с полным правом поднял оружие не за тем, чтобы похитить чужое, но чтобы восстановить величие предков».

17. Это спокойное слово подействовало на всех, и те, что пришли сюда на жаркий бой, склонив знамена и орлов, добровольно перешли к нему. Вместо грозного крика, который варвары зовут barritus**, они провозгласили его императором, тесно сплотились вокруг него и в полном единодушии привели назад в лагерь, поклявшись по военному обычаю, что Прокопий будет непобедим.

8

1. К этой удаче мятежников прибавилось другое радостное для них событие. Трибун Румиталька, привлеченный также на сторону Прокопия и принявший на себя общее управление двором, переплыл по заранее обдуманному плану с войском в

* Ныне Сакари, у турок — Айала.
** Ср.: 16, 12, 43.

Дрепанум, теперь именуемый Геленополь, и оттуда занял скорее, чем можно было ожидать, Никею. 2. Валент послал для осады этого города Вадомария, бывшего дукса (Финикии) и царя аламаннов*, с опытными в подобных военных действиях людьми, а сам направился в Никомедию. Оттуда он приступил к решительной осаде Халкедона**. Со стен этого города его осыпали бранью и называли оскорбительной кличкой сабайярия. Сабайей называется в Иллирике приготовленный из ячменя или другого хлеба напиток, употребляемый простыми людьми. 3. Недостаток провианта и чрезвычайное упорство защитников довели его до того, что он собирался уже отступить, как вдруг люди, запертые в Никее, внезапно открыв ворота, сделали вылазку и, перебив значительное число осаждавших, под предводительством отважного Румиталька стремительно бросились вперед, чтобы зайти в тыл Валенту, который еще не успел уйти из предместья Халкедона; и они бы осуществили свой план, если бы неясный слух не предупредил Валента о грозящей опасности и он не обманул врага, следовавшего по пятам за ним, быстрым отступлением по Суноненскому озеру*** и весьма извилистому течению реки Галла. Таким образом, и Вифиния перешла под власть Прокопия.

4. Когда Валент выбрался ускоренным маршем из Вифинии и прибыл в Анкиру, он получил известие, что с востока подходит с значительными силами Лупицин. Воспрянув в надеждах, он отправил опытного полководца Аринфея навстречу врагам. 5. Дойдя до Дадастаны, где, как я упоминал, умер Иовиан, он неожиданно для себя узнал, что против него выставлен с войсками Гиперетий, который раньше был служителем при штате главной квартиры:**** как своему личному другу, Прокопий поручил ему командование вспомогательными отрадами. Считая ниже своего достоинства побеждать в бою такого презренного противника и полагаясь на свой авторитет и внушительный рост, Аринфей приказал самим врагам связать их командира. Так этот призраку подобный начальник передовых отрядов был схвачен руками своих же людей.

* См.: 18, 2, 16; 21, 3, 4—5; 4, 2.

** Ныне Кадыкиой.

*** Ныне Санандже.

**** Гардтгаузен удержал в тексте очевидную глоссу: id est ventris ministrum et gutturis, которую устранял из текста еще Валезий.

6. Пока так шло дело, некто Венус, чиновник финансового ведомства при Валенте, задолго до этого посланный с деньгами в Никомедию, чтобы раздать жалование солдатам, находившимся в восточных областях, каждому на руки, узнав о печальных событиях и понимая, что время неблагоприятно, поспешил укрыться с выданной ему суммой в Кизике. 7. Там случайно оказался состоявший тогда комитом доместиков Серениан, посланный для охраны находившейся там казны. Издревле город этот был признан неприступным благодаря огромной линии своих укреплений, и, полагаясь на это, Серениан охранял его с наспех собранным гарнизоном. Прокопий, желая после захвата Вифинии присоединить к себе и Геллеспонт, откомандировал для завоевания этого города значительные силы. 8. Исполнение этого плана замедлялось тем, что нередко целые отряды осаждавших были поражаемы стрелами, свинцовыми снарядами и другим метательным оружием; к тому же защитники искусно заперли вход в гавань очень крепкой цепью, чтобы не могли войти военные корабли неприятеля, укрепив концы ее с той и другой стороны на материке. 9. После множества усилий солдат и их вождей, истомившихся в жестоких схватках, один трибун, по имени Ализон, испытанный и умелый боевой человек, прорвал эту цепь следующим способом. Связав три судна, он соорудил над ними штурмовое прикрытие такого вида: впереди на скамьях гребцов тесно друг к другу стояли вооруженные люди, держа щиты над головами; за ними в следующем ряду стояли люди несколько пригнувшись и еще ниже — в третьем ряду, а последние должны были присесть на корточки; таким образом в целом получался вид сводчатой постройки. Машины этого рода, применяемые в осадах, строятся такой формы с тем расчетом, чтобы метательные снаряды и камни спадали по склону и скатывались наподобие дождя. 10. И вот Ализон, имея некоторое прикрытие от метательных снарядов, применяя свою огромную физическую силу, засунул в эту цепь бревно и ударами двуострой секиры так разбил ее, что она разорвалась и открыла широкий доступ. Таким образом город оказался беззащитным пред неприятельским натиском. Поэтому, когда впоследствии после смерти виновника всего этого мятежа принимались жестокие меры против его соучастников, этот трибун за свое славное дело сохранил жизнь и остался на службе. Много времени спустя он пал в Исаврии в схватке с разбойничьей шайкой.

11. Как только этот военный подвиг открыл ворота Кизи-

ка, туда прибыл с величайшей поспешностью Прокопий; он помиловал всех, кто принимал участие в обороне и только одного Серениана приказал в оковах отвести в Никею и держать его под строжайшей охраной. 12. Вскоре после этого он предоставил проконсульскую власть Ормизде, молодому, но уже известному человеку, сыну упомянутого выше царевича*, поручив ему, как было в обычае у древних, управление как гражданскими, так и военными делами. Ормизда по своему мягкому характеру не проявлял большой энергии, и его едва не захватили внезапным нападением солдаты, которых послал Валент по обходным путям Фригии; но он ускользнул из их рук, проявив при этом большое присутствие духа; он не только сам ушел на корабле, который был приготовлен на всякий случай, но и сумел спасти, выпустив целую тучу стрел, свою жену, которая следовала за ним и была уже почти в руках врага. То была богатая и знатная женщина, которая своим внушавшим уважение поведением и прославившей ее настойчивостью впоследствии спасла своего мужа в крайне опасном положении.

13. Возгордившись свыше меры из-за удачи в Кизике и забывая, что самый счастливый человек от одного поворота колеса Фортуны может стать к вечеру самым несчастным, Прокопий приказал разграбить дом Арбециона, который он раньше берег, как свой собственный, предполагая, что обладатель его стоит на его стороне, — а дом этот был переполнен имуществом, имевшим несметную ценность. Разгневался же он на Арбециона за то, что тот не являлся к нему в ответ на неоднократные призывы под предлогом преклонных лет и болезней. 14. И хотя он от этого посягательства на чужое добро мог ожидать тяжких последствий, однако в ту пору он беспрепятственно и свободно, и даже при всеобщем одобрении, мог распространить свою власть на восточные провинции, жаждавшие переворота, возмущаясь из-за строгого режима, который в них держался. Но он беспокоился о привлечении на свою сторону некоторых городов Азии, старался разыскать людей, владевших искусством добывать золото из россыпей, а также** таких, которые могли бы оказаться полезными сотрудниками в сражениях; последних он

* Ср.: 16, 10, 16; 24, 1, 2; 2, 5.

** Вместо *ut* читаем *aut*.

ожидал в большом числе и крупных размерах; так он терял время и сам затупил себя, как притупляется острый кинжал. 15. Так некогда Песценний Нигер, которого римский народ неоднократно призывал на спасение гибнущего государства, благодаря промедлению в Сирии, был побежден Севером[13] у Исского залива в Киликии, где Александр разбил Дария[14], и, будучи обращен в бегство, пал от руки простого солдата в одном из пригородов Антиохии.

9

1. Эти события приходятся на зиму того года, когда Валентиниан и Валент были консулами[15]. Когда же высший сан перешел к Грациану, который не носил еще никаких званий и Дагалайфу, Валент в начале весны собрал свои силы и, присоединив к себе Лупицина, быстро двинулся с большим войском в Пессинунт, город, относившийся некогда к Фригии, а теперь — к Галатии. 2. Поспешно подготовив его к обороне на случай неожиданных обстоятельств в тех местностях, он направился у подножия высоких гор Олимпа по трудным горным дорогам в сторону Ликии, собираясь напасть на стоявшего там в полном бездействии Гумоария.

3. Он встретил очень упорное сопротивление, поддержанное многими, так как враг его возбудил большое ожесточение солдат: как я сообщил раньше, Прокопий возил с собою в носилках маленькую дочь Констанция и ее мать Фаустину, не отпуская их от себя как в походе, так и чуть ли не в строю, чтобы солдаты с тем бóльшим пылом сражались за отпрыска императорского дома, к которому он причислял и себя самого. Так некогда македоняне, вступая в битву с иллирийцами, поместили позади своего строя царя-младенца в колыбели и, опасаясь, как бы он не попал в плен, тем отважнее бились с неприятелем[16].

4. Против этих хитростей император нашел способ поддержать свое колеблющееся положение. Он приказал вызвать к себе бывшего консула Арбециона, который давно уже был в отставке, чтобы успокаивающе подействовать на возбужденное настроение внушительным присутствием полководца времен Констанция. Так оно и вышло. 5. Глубокий старец, превосходивший всех своим достоинством, указывал многим, склонным к измене, на свои почтенные седи-

ны, публично называя Прокопия разбойником, а солдат, увлеченных его обманом, своими детьми и сотрудниками в прежних ратных трудах; он просил их последовать лучше за ним, как своим отцом, который известен им счастливыми походами, чем за жалким проходимцем, который уже стоит накануне падения. 6. Узнав об этом, Гумоарий, хотя и мог ускользнуть от неприятеля и невредимым вернуться туда, откуда пришел, воспользовался, однако, близостью императорского лагеря и перешел к Валенту под видом пленного, как будто он совершенно неожиданно увидел себя окруженным кольцом нападавших.

7. Приободрившись благодаря этой удаче, Валент двинулся во Фракию. Когда при Наколии дело дошло до сражения, вождь мятежников Агилон предал свою партию в сомнительный момент и внезапно перешел к врагам; за ним последовало множество других, которые размахивали уже копьями и потрясали мечами, готовые вступить в бой. С распущенными знаменами и повернутыми в обратную сторону щитами, что является самым ясным признаком измены, перешли они на сторону императора.

8. Это совершенно неожиданное для Прокопия зрелище уничтожило все его надежды на спасение. Он бежал и пытался скрыться в окрестных лесах и горах. Спутниками его были Флоренций и трибун Бархальба. Этот последний, стяжавший себе известность в самых жестоких сечах со времен Констанция, был вовлечен в преступление не по своей охоте, а в силу необходимости. 9. Прошла уже бóльшая часть ночи; луна, блиставшая на небе с вечернего своего восхода, увеличивала ужас положения, и Прокопий, не видя возможности куда-либо уйти, в полной беспомощности, как это обыкновенно бывает в тяжкой нужде, взывал к своей горестной и жестокой судьбе. Когда он был погружен в тяжкие думы, спутники внезапно схватили и связали его, а с наступлением дня отвели в лагерь императора. Молча и в оцепенении предстал он перед ним. Ему тотчас отсекли голову и тем самым похоронили возникшую было тревогу междоусобной войны. Так было с Перперной, который, после того как Серторий был убит на пиру, овладел было на короткое время верховной властью; его вытащили из кустов, где он скрывался, привели к Помпею, и тот приказал его казнить[17].

10. В порыве возбуждения казнены были тотчас, без рас-

смотрения дела, Флоренций и Бархальба, которые его привели. Если бы они предали законного государя, то сама богиня справедливости признала бы заслуженной их казнь. Поскольку же то был мятежник и нарушитель общественного спокойствия, как рассматривали Прокопия, то надлежало самым щедрым образом вознаградить их за их славное дело.

11. Умер Прокопий, прожив на свете 40 лет и 10 месяцев. Внешне он был человек представительный, выше среднего роста, сутуловатый и ходил, всегда опуская взор долу. Его скрытность и замкнутость делали его похожим на знаменитого Красса, о котором Луцилий и Цицерон свидетельствуют, что он только один раз в жизни смеялся[18]. Достойно удивления в Прокопии то, что за всю свою жизнь он не обагрил себя кровью.

10

1. Почти одновременно с этим протектор Марцелл, родственник Прокопия, державший оборону Никеи, получив известие об измене солдат и гибели Прокопия, в полночь напал на заключенного во дворце Серениана и убил его. Смерть его была многим во спасение. 2. Если бы пережил победу этот грубый человек, горевший жаждой вредить другим, угодный Валенту, как благодаря существовавшему между ними сходству в характере, так и землячеству, он бы сумел погубить многих невиновных людей, угадывая тайные желания государя, который был вообще склонен к жестокости.

3. Совершив это убийство, Марцелл поспешил овладеть Халкедоном, будучи поддержан немногими теми, кого увлекали на путь преступления собственное ничтожество и отчаяние, он ухватился за тень жалкого принципата, обнадеженный двумя обстоятельствами, в равной мере обманчивыми. Во-первых, он предполагал, что ему удастся за небольшую плату привлечь на свою сторону три тысячи готов, посланных на помощь Прокопию царями, которых тот привлек на свою сторону указанием на родство с домом Константина, и, во-вторых, что оставалось еще неизвестным случившееся в Иллирике.

4. При этих тревожных обстоятельствах Эквиций, осведомленный надежными разведками о том, что вся тяжесть войны перенеслась в Азию, прошел через проход при Сукках

и пытался, опираясь на большие силы, открыть себе доступ в Филиппополь, древнюю Евмольпиаду, где заперся вражеский гарнизон. Этот город являлся важным стратегическим пунктом. В случае, если бы Эквиций решился идти на помощь Валенту и двинулся в Гемимонт, оставив его позади себя, — он еще не знал о том, что произошло в Наколии, — то этот город мог бы представить весьма существенные для него затруднения. 5. Но он вскоре узнал о ничтожных потугах Марцелла и отправил смелых и решительных людей, которые его схватили и заключили в тюрьму, как преступного раба. Через несколько дней его вывели оттуда, подвергли жестоким пыткам и казнили. Такой же участи подверглись и несколько его соучастников. Одна лишь заслуга была за Марцеллом, а именно то, что он устранил Серениана, который был жесток, как Фаларид[19], и склонен к тайным учениям (колдовству), которые он применял по ничтожным поводам*.

6. Гибелью вождя были предупреждены ужасы войны. Но тут началось свирепое преследование причастных к делу, и в отношении многих гораздо более жестокое, чем того требовали их заблуждения или проступки. Особенная жестокость применена была к защитникам Филиппополя, которые тогда лишь, и то после продолжительного сопротивления, сдались сами и сдали город, когда увидели голову Прокопия, которая была отправлена в Галлию. 7. Из уважения к заступникам некоторые были наказаны слабее. Это особенно проявилось в отношении Араксия, который в самый разгар бунта достиг происками префектуры. Благодаря заступничеству зятя своего Агилона, он был наказан лишь ссылкой на остров, откуда, однако, вскоре бежал. 8. Евфрасий и Фронемий отправлены были на Запад, и их судьба предоставлена решению Валентиниана. Евфрасий был освобожден, а Фронемий сослан в Херсонес. Это неодинаковое отношение к людям при одинаковости их вины имело причиной то, что Фронемий пользовался расположением покойного императора Юлиана: его достопамятные доблести принижали братья-императоры, не будучи сами ни равны ему, ни даже похожи на него.

---

* Текст здесь испорчен, и смысл не вполне ясен. Ср.: 14, 7, 7 о приверженности Серениана к колдовству.

9. Сюда прибавились и другие последствия, более тяжкие и более страшные, чем ужасы войны. Палач, орудия пыток, кровавые допросы начали свое шествие, не различая ни возраста, ни сана. Среди людей всякого положения и всех слоев общества под предлогом установления мира правился ужасный суд, и все проклинали несчастную победу, более тяжкую, чем любая истребительная война. 10. В боевом строю, при звуке труб, равенство положения делает легче опасности, и воодушевление воинской храбрости или достигает поставленной цели, или же венчается внезапной смертью, которая если и случится, то не будет заключать в себе ничего позорящего и приносит вместе с собой конец жизни и страдания. А где право и закон являются лишь маской для преступных целей и заседают судьи, прикрывающиеся видимостью Кассиевых и Катоновых приговоров[20], а всякое дело, которое ведется, направляется сообразно желаниям высокомерного властителя и вопрос о жизни и смерти подсудимых решается по его прихоти, — там более тяжко угнетает смертельная опасность, и чувствуется она сильнее. 11. Кто бы ни явился в ту пору во дворец с желанием награбить чужого добра, хотя бы он обвинял заведомо невиновного, принимался как верный друг, которого и надлежало обогатить за счет чужого несчастия. 12. Император, более склонный причинять вред и охотно внимавший всяким обвинениям, принимал преступные доносы, и различного рода казни доставляли ему дикую радость. Неведомо ему было изречение Цицерона, что несчастны те люди, которые считают для себя все дозволенным. 13. Эта непримиримость в деле, которое само по себе было правым, но победа в котором была постыдна, передала многих невиновных в руки мучителей, и они или склоняли головы на пытке, или умирали под ударом секиры свирепого палача. Если бы природа это допускала, то им было предпочтительнее хоть десять раз умереть в битве, чем, не будучи ни в чем виновными, с истерзанными боками, при всеобщем крике ужаса, подвергнуться казни как будто за преступление оскорбления величества, а перед казнью подвергаться телесному истязанию, что страшнее самой смерти. 14. Когда же свирепость, побежденная причиненными ею страданиями, уже перекипела, пошли на высокопоставленных людей проскрипции, изгнания и другие кары, которые некоторые считают более легкими, хотя и они тяжки; и, что-

бы обогатить этого, тот другой, знатный родом и, быть может, более заслуженный, лишался обладания своим имуществом, подвергался изгнанию, обрекался на гибель или жил подаянием. И не было никакого предела этим ужасным бедствиям, пока сам император и его близкие не пресытились деньгами и кровью.

15. Еще при жизни того мятежника, дела которого и смерть я описал, 21 июля в год первого консульства Валентиниана с братом, начались вдруг по всему лицу земному ужасающие явления природы, которых не найти ни в сказаниях, ни в достоверных летописях древности. 16. Вскоре после рассвета раздались страшные, непрерывно следовавшие друг за другом удары грома, и затем вся земля стала колебаться, море заволновалось, отступило от берегов, так что в открывшихся глубинах видны были увязшие в иле различные морские животные; тогда огромные долины и горы, вечно сокрытые в страшной глубине, впервые, вероятно, увидели лучи солнца.

17. Множество кораблей оказались как бы на сухом грунте, и люди свободно бродили по оставшимся лужам, собирая руками рыб и других морских животных. В то же время морские волны, как бы в гневе за свое удаление, опять поднялись и со страшной силой разлились через мелкие места по островам, затопили большие пространства континента и сравняли с землей множество зданий в городах и других местах. Все лицо земли было охвачено разразившейся борьбой стихий и повсюду наблюдались чудесные явления. 18. Страшный водоворот вызвало возвращение водной массы к берегам, и, когда успокоилось волнение, оказалось, что погибло много кораблей, и тела погибших в кораблекрушениях людей лежали навзничь и ничком.

19. Огромные корабли были подняты напором воды и оказались на вершине зданий, как случилось это в Александрии; некоторые были заброшены за две мили от берега, — так было близ города Мотоны в Лаконике, где я сам видел, когда проходил в тех местах, сгнивший и развалившийся корабль.

Книга XXVII

(годы 367—368)

1. Аламанны, победив в бою римлян, убивают при этом комитов Хариеттона и Севериана.
2. Иовин, магистр конницы в Галлии, уничтожает две шайки аламаннов, напав на них врасплох; третий отряд варваров он разбивает в битве при Каталаунах, уничтожив при этом шесть тысяч врагов и изранив четыре.
3. О трех префектах города Рима: Симмахе, Лампадии и Вивенции. Споры о римском епископате Дамаса и Урсина, бывшие при Вивенции.
4. Описание народов и шести провинций Фракии и знаменитых городов в каждой.
5. Август Валент предпринимает военные действия против готов, которые послали против него вспомогательный отряд Прокопию. Три года спустя он заключает с ними мир.
6. С согласия войска, Валентиниан нарекает Августом сына своего Грациана; облачив отрока в пурпур, он советует ему действовать мужественно и рекомендует его солдатам.
7. Раздражительность, суровость и свирепость Августа Валентиниана.
8. Пикты, аттакотты и скотты, убив дукса и комита, безнаказанно опустошают Британию; комит Феодосии разбил их и отнял у них добычу.
9. Племена мавров грабят Африку. Валент сдерживает разбои исавров. О городской префектуре Претекстата.

10. Август Валентиниан переходит Рейн и наносит поражение аламаннам, отступившим на крутые горы, в битве, сопровождавшейся потерями с обеих сторон; аламанны бежали.
11. О благородстве Проба, его средствах, добрых качествах и нравах.
12. Римляне и персы воюют из-за Армении и Иверии.

1

1. Пока описанные нами события протекали своим чередом в восточных пределах империи, аламанны, после тяжелых поражений и потерь, понесенных в многократных столкновениях с Юлианом, когда он был еще Цезарем, воспрянули наконец силами, хотя и далеки были от прежней своей мощи; по мотивам, изложенным выше*, они стали переходить уже границы Галлии, наводя повсюду ужас. Тотчас после январских календ, когда над скованной холодом землей свирепствовала жестокая зимняя стужа, выступившие отдельными отрядами шайки стали свободно разгуливать по стране. 2. Навстречу первой партии их выступил состоявший тогда комитом обеих Германий Хариеттон во главе отборного войска. В участники боевых трудов он взял Севериана, состоявшего также в ранге комита, человека немощного и весьма пожилого, который командовал дивитенсами и тунгриканами в Кабиллоне**. 3. Соединив силы в один отряд и быстро наведя мост через небольшую речку, римляне издали увидели варваров и стали осыпать их стрелами и другими легкими снарядами, на что те со своей стороны решительно и упорно отвечали тем же. 4. Когда же обе стороны сошлись ближе и, обнажив мечи, вступили в бой лицом к лицу, наш строй не выдержал сильного натиска варваров и не был в состоянии ни дать отпора, ни храбро вступить в бой; когда наши увидали, что Севериан упал с коня, пораженный стрелой в лицо, то, охваченные страхом, бросились в бегство. 5. Хариеттон смело задерживал отступавших собственной грудью и громкой бранью и, упорно оставаясь на

* 26, 5, 7.
** Шалон на Соне.

месте, старался избавиться от позора; но наконец он пал, насмерть сраженный стрелой. После его гибели взято было знамя эрулов и батавов; с торжеством и издевательством не раз высоко поднимали его вверх варвары, и только после продолжительного боя оно было отбито.

2

1. Весть об этом поражении была воспринята с глубокой скорбью, и Дагалайфу приказано было из Паризиев исправить дело. Долго он медлил, выставляя в свое оправдание невозможность напасть на варваров, рассеявшихся по разным местам; а когда вскоре затем он был отозван, чтобы принять консульские отличия вместе с Грацианом, тогда еще не имевшим никакого ранга, дело перешло к магистру конницы Иовину. Снарядившись и приготовившись, охраняя с большой бдительностью оба свои фланга, он дошел до места, называвшегося Скарпонна*. Там он напал неожиданно на огромную шайку варваров, прежде чем она успела вооружиться, и за короткое время уничтожил ее до последнего человека. 2. Затем он повел своих солдат, гордившихся славой этого не стоившего им никаких потерь боя, для истребления другой шайки. Осторожно продвигаясь вперед, этот прекрасный командир узнал в надежных разведках, что разбойничий отряд, разграбив лежавшие поблизости виллы, расположился на отдых у реки. Приблизившись и будучи скрыт в густо заросшей лесом долине, он видел, что одни купались, другие красили по обычаю в рыжий цвет свои волосы, некоторые пьянствовали. 3. Выждав удобный мент и внезапно дав сигнал звуком труб, он ворвался в разбойничий лагерь. Германцы лишь нагло выкрикивали пустые угрозы и поднимали шум, но напиравший победитель не давал им ни взять в руки разбросанное оружие, ни выстроить боевую линию, ни воспрянуть силой. Пронзенные копьями, изрубленные мечами, пали почти все, за исключением тех, которые бежали и укрылись по извилистым и тесным тропинкам.

4. После этого блестящего дела, которое свершили доблесть и удача, Иовин с возросшей смелостью повел своих солдат против третьей оставшейся еще шайки, предприняв

* Шарпень на Мозеле.

предварительно тщательные разведки. Он быстро двинулся вперед форсированным маршем и настиг ее всю близ Каталаунов* в полной готовности к бою. 5. Разбив лагерь на удобном месте, накормив своих людей и подкрепив их, сколько позволяло время, сном, он выстроил на рассвете боевую линию с большим искусством на открытой равнине, растянув ее так, что римляне, уступавшие числом, хотя и равные силами, заняв более широкое пространство, казались равными по численности с врагом. 6. Раздался трубный сигнал, и, когда враги встретились лицом к лицу, германцы остались на месте, устрашенные непривычным видом блестящих боевых значков. Сначала они дрогнули, но затем тотчас оправились, и бой затянулся до конца дня. Мощно напирали наши войска и могли бы без затруднений пожать уже плоды своей храбрости, если бы трибун арматур Бальхобавд, велеречивый и пустой человек, когда близился вечер, не отступил в беспорядке. Если бы остальные когорты отступили вслед за ним, то дело могло бы принять такой плохой оборот, что из наших не уцелел бы никто, чтобы принести весть о случившемся. 7. Но возбуждение наших солдат было столь велико, и они бились с таким ожесточением, что у неприятеля, при четырех тысячах раненых, оказалось шесть тысяч убитых, а с нашей стороны полегло тысяча двести и раненых было только двести.

8. Наступление ночи прекратило битву. Дав отдых людям, доблестный вождь на рассвете вывел войска в квадратном построении и, когда убедился, что варвары отступили под покровом ночной темноты, не опасаясь более никаких засад, повел свои войска по открытой местности, попирая ногами полуживых и окоченевших врагов, раны которых стянул жестокий холод и боль делала смертельными.

9. Так как при дальнейшем продвижении вперед он не встретил более ни одного врага, то повернул назад и тут получил весть о том, что аскарии**, которых он отправил по другой дороге с приказанием разграбить палатки аламаннов, захватили царя вражеских отрядов с незначительной свитой и повесили его. Рассердившись на трибуна, позволившего себе такое распоряжение, не спросив у высшего начальства,

* Шалон на Марне.

** Отряд этого наименования помянут в *Notitia dignitatum* среди auxilia Palatina.

он хотел его наказать и готов был осудить его на смерть, если бы не выяснилось совершенно очевидно, что это жестокое дело совершено было в порыве воинского задора.

10. Когда Иовин после славных своих подвигов возвратился в Паризии, его радостно встретил император, назначивший его позднее консулом. Радость государя была тем сильнее, что в те же самые дни он получил голову Прокопия, пересланную ему Валентом. Много было еще и других стычек в разных местностях Галлии, кроме тех, что описаны выше. Рассказывать о них было бы излишне, так как они не имели большого значения и не подобает растягивать историческое повествование изложением не важных мелочей.

3

1. В это время или немного раньше случились знамения в Аннонарной Тусции*, и знатоки в деле предзнаменований совершенно не могли дать истолкование их смыслу. А именно: в Пистории** около 3-го часа на глазах у многих осел взошел на трибунал и усиленно ревел. Смутились все, кто тут был и кто слышал об этом от других; никто не сумел разгадать знамения, и только позднее выяснилось значение этого предзнаменования. 2. Этой провинцией управлял в звании корректора Теренций. То был человек низкого происхождения, родом из Рима, принадлежавший к корпорации хлебников, который был так награжден за то, что донес на бывшего префекта Орфита, обвинив его в растрате. С той же дерзостью он и потом отваживался на разные дела, но был уличен в мошенничестве по делу навикулариев*** и, как говорят, погиб от руки палача, когда в Риме был префектом Клавдий****.

---

* Провинция Этрурия (Tuscia) была разделена на две части по реке Арно (Arnus); Южная называлась suburbicaria, Северная — annonaria. Эта последняя вошла ок. 400 г. в пределы провинции Эмилии.

** Пистоя.

*** Хлебное дело города Рима обслуживал целый ряд компаний и артелей, которые имели корпоративное устройство и с течением времени из свободных обществ превратились в принудительные союзы приписанных к данному делу семейств. Позволю себе сослаться на мое исследование: «Коллегии в древнем Риме» (Киев, 1882), где собраны свидетельства обо всех городских корпорациях, имевших отношение к экономической жизни Рима. С. 61—80.

**** В 374 г.

3. Но много раньше, чем это случилось, Апрониана сменил Симмах*, человек совершенно исключительной учености и высоких качеств[1]. Благодаря ему священный город процветал в спокойствии и изобилии в гораздо большей степени, чем обыкновенно. Он украсил город великолепным и весьма прочным мостом, который сам соорудил и открыл при великом ликовании сограждан, оказавшихся, однако, неблагодарными, как открыла это сама очевидность. 4. Через несколько лет они сожгли его великолепный дом в затибрском квартале, и побудило их к этому то, что какой-то ничтожный плебей[2] придумал, будто тот сказал без свидетелей, что охотнее сам своим собственным вином потушит известковые печи, чем продаст известь по той цене, по которой у него ее надеялись купить.

5. После него прибыл управлять городом Лампадий, бывший префект претория. Этот человек приходил в страшное негодование, если не слышал себе похвал, даже когда он плевал, словно и это он делал как-то особенно умно, не так, как другие. Подчас, однако, он проявлял серьезность и честность. 6. Когда в сане претора он давал великолепные игры и делал весьма щедрые подарки, то, тяготясь настойчивыми требованиями черни, которая вынуждала нередко раздавать большие подачки не заслуживавшим того людям, он одарил большими богатствами нескольких нищих, созванных с Ватикана, чтобы показать себя щедрым, но презирающим толпу.

7. Достаточно будет, чтобы не распространяться больше об этом, привести один пример его тщеславия, хотя и мелкий, но достойный упоминания. По всем частям города на сооружениях, воздвигнутых различными государями, он писал свое имя, не как восстановивший, но как созидатель. Говорят, что подобным недостатком страдал император Траян, за что его прозвали травой, обрастающей стены.

8. Измучили этого префекта частые бунты и особенно один, когда толпа черни подожгла было его дом поблизости от бань Константина[3], бросая в него факелы и маллеолы. Но быстро сбежавшиеся соседи и друзья разогнали толпу камнями и черепицей с крыш соседних зданий. 9. В страхе перед этим насилием он удалился еще в самом начале бунта к Мульвийскому мосту (который, как расска-

* 362—364 гг.

зывают, был сооружен Скавром-старшим)[4] и выжидал там, чтобы стихло это движение, вызванное серьезными причинами. 10. Приступая к сооружению новых зданий или ремонту некоторых старых, он добывал материалы не из обычных источников, а поступал так: если нужно было железо, свинец, медь или что-нибудь подобное, то он посылал своих прислужников, которые под видом покупки отбирали всякие материалы, не внося никакой платы; не мог он поэтому избежать гнева раздраженных бедняков, обиженных частыми убытками.

11. Преемником ему явился бывший квестор двора*, Вивенций, честный и разумный паннонец. Он управлял спокойно и мирно, и все продукты имелись в изобилии. Но и его напугали кровавые бунты народа, вызванные следующим обстоятельством. Дамас и Урсин горели жаждой захватить епископское место. 12. Партии разделились, и борьба доходила до кровопролитных схваток и смертного боя между приверженцами того и другого. Не имея возможности ни исправить их, ни смягчить, Вивенций был вынужден удалиться за город. 13. В этом состязании победил Дамас благодаря усилиям стоявшей за него партии. В базилике Сицинина**, где совершаются отправления христианского культа, однажды найдено было 137 трупов убитых людей, и долго пребывавшая в озверении чернь лишь исподволь и малопомалу успокоилась.

14. Наблюдая роскошные условия жизни Рима, я готов признать, что стремящиеся к этому сану люди должны добиваться своей цели со всем возможным напряжением своих легких. По достижении этого сана им предстоит благополучие обогащаться добровольными приношениями матрон, разъезжать в великолепных одеждах в экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их блюда превосходят царский стол. 15. Они могли бы быть поистине блаженными, если бы, презрев величие города, которым они прикрывают свои пороки, они стали бы жить по примеру некоторых провинциальных пастырей, которые, довольствуясь простой пищей и проявляя умеренность в питье, облекаясь в самые простые одежды и опуская взоры свои долу, заявляют себя перед веч-

* Гардтгаузен читает quaesitor, но о такой должности ничего не известно.
** Церковь S. Maria Maggiore в Риме.

ным Богом истинными его служителями, как люди чистые и скромные. Довольно будет этого отступления, а теперь возвратимся к последовательному изложению событий.

4

1. Пока описанные события происходили в Галлии и Италии, во Фракии разгорелись новые войны. Валент, следуя плану, одобренному его братом, по указке которого он правил, поднял оружие на готов. Он имел к тому совершенно справедливый повод, а именно то, что те послали помощь Прокопию, когда он затевал междоусобную войну. Здесь будет уместно в кратком отступлении рассказать о судьбе и географическом положении тех стран.

2. Описание Фракии было бы легким делом, если бы древние свидетельства были между собою согласны. Но так как неясность, возникающая из-за разноречивости их показаний, не подходит по характеру для труда, девиз которого — истина, то достаточно будет рассказать то, что я знаю по непосредственному своему знакомству. 3. Непреходящий авторитет Гомера учит нас, что эти земли представляли собой некогда равнины огромной протяженности и высокие горные хребты. Он говорит, что оттуда дуют Аквилон и Зефир*. Это или сказка, или же название Фракии давали всему тому широкому пространству, которое заселено различными дикими народами. 4. Часть его заселяли скордиски, которые в настоящее время обитают далеко от провинций Фракии, племя некогда суровое и дикое, как свидетельствует древняя история; они приносили пленных в жертву Беллоне и Марсу, с жадностью пили человеческую кровь из обработанных человеческих черепов. Римское государство часто терпело ущерб от их дикости, вступало с ними во многие жестокие битвы и под конец потеряло в войне с ними целую армию вместе с командиром.

5. А в теперешнем своем виде эти земли представляют собой рогатый полумесяц наподобие изящно закругленного театра. На западной оконечности среди крутых гор открываются теснины Сукков, которые образуют границу между фракийскими провинциями и Дакией. 6. Левую сторону,

* *Hom* II, 9, 5.

обращенную к северным созвездиям, закрывают возвышенности Гемимонта* и Истр, который на римском берегу течет мимо множества городов, крепостей и укреплений. 7. На правой, т. е. южной, стороне тянутся скалистые горы Родопского хребта, а со стороны, откуда появляется заря, границу образует пролив; последний протекает с большей массой воды из Евксинского Понта и на дальнейшем своем протяжении встречается с волнами Эгейского моря, где и образуется узкая полоса земли**. 8. В восточном углу Фракия соприкасается с границами Македонии через узкие и крутые проходы, которые носят имя Аконтисма***. Ближайшая отсюда станция государственной почты — Аретуза, где показывают гроб Еврипида, прославившегося своими величественными трагедиями, и Стагира, где, как известно, родился Аристотель, который, по выражению Цицерона****, излил из себя золотую реку. 9. И эти земли в древние времена населяли варвары, различавшиеся между собой по языку и по обычаям. Из них более всех по сравнению с другими памятны одрисы, как чрезвычайно дикое племя. Пролитие человеческой крови до такой степени вошло у них в обычай, что за недостатком неприятеля, они на пирах, насытившись и напившись, сами втыкали оружие в свои тела, будто чужие.

10. С возрастанием силы Римского государства, еще при консулах, Марк Дидий одолел после упорного сопротивления эти племена, которые оставались до тех пор неукрощенными и бродили в диком состоянии, не зная никаких законов; Друз заставил их ограничиваться пределами своей земли, Минуций разбил их в битве у реки Гебра, которая стекает с крутых гор одрисов, а затем остатки их были истреблены проконсулом Аппием Клавдием. Римский флот захватил города, расположенные на Босфоре и Пропонтиде. 11. После этого явился туда полководец Лукулл[5]. Он первый сразился с диким племенем бессов и в том же самом походе раздавил гемигмонтанов, несмотря на их жестокое сопротивление. Под его угрозами вся Фракия перешла во власть наших предков, и таким образом после опасных походов приобретены были шесть провинций.

12. Первая из них, передняя, которая граничит с Иллири-

* Балканские горы.

** Фракийский Херсонес.

*** Ср.: 26, 7, 12.

**** *Cic.* Acad. II, 38, 119.

ком, называется Фракией в собственном смысле слова. Ее украшают большие города Филиппополь, именовавшийся в древности Евмольпиадой, и Берёя. Далее — Гемимонт с большими городами Адрианополем, который раньше назывался Ускудама, и Анхиалом. Затем — Мезия, где лежит Маркианополь, названный так от имени сестры императора Траяна, Доростор*, Никополь и Одисс**. Рядом с ней лежит Скифия, более известные города которой — Дионисополь, Томы*** и Калатис. Крайняя провинция — Европа, в которой помимо небольших городов находятся известные два — Апры и Перинф, впоследствии названный Гераклеей. 13. Примыкающая к этой провинции Родопа имеет города Максимианополь, Маронею и Энос. Последний город был основан Энеем, который, оставив его, после долгих странствий, под непрестанным воздействием благих предзнаменований, поселился в Италии.

14. Известно, как о том идет всегдашняя молва, что почти все поселяне, которые живут на горных возвышенностях в вышеназванных областях, превосходят нас большей крепостью тела и как бы правом на более продолжительную жизнь. Полагают, что это связано с тем, что они воздерживаются от смеси кушаний... (и) горячей пищи, а также от того, что постоянно свежая роса действует стягивающим образом на их тело холодными брызгами, и они наслаждаются сладостью более чистого воздуха, а затем — что они первые среди всех чувствуют на себе животворящие по самой своей природе лучи солнца, прежде чем они наполняются земными элементами и оскверняются. После этого объяснения обращаюсь к начатому повествованию.

5

1. Когда Прокопий был побежден во Фригии и внутренние раздоры прекратились, магистр конницы Виктор был отправлен к готам, чтобы определенно установить, на каком основании народ, дружественный римлянам и связанный договором прочного мира, оказал поддержку человеку, начавшему войну против законных государей. В качестве полного оправдания своего образа действий готы представили

* Силистрия.

** Варна.

*** Кюстендже.

письмо самого Прокопия, который заявлял, что он принял верховную власть, принадлежащую ему как близкому члену Константинова рода. В этом документе они признавали заслуживающее снисхождения оправдание своей ошибки.

2. Узнав об этом из доклада того же Виктора, Валент не придал никакого значения этому пустому оправданию и двинул против них войска. Готы получили о том заблаговременно сообщение. Стянув все силы в одно место в начале весны, Валент расположился лагерем близ укрепления, называемого Дафна, и, наведя мост на палубах кораблей, переправился через реку Истр, не встретив никакого сопротивления. 3. Его самоуверенность выросла еще больше, когда он, предпринимая походы в разных направлениях, не встретил никого, кого бы мог победить или устрашить. А готы в страхе пред приближением огромной армии, направились в горы серов, крутые и доступные для прохода только людям, хорошо знакомым с местностью. 4. Во избежание того, чтобы пришлось, потеряв все лето, вернуться назад безо всякого военного успеха, он выслал вперед Аринфея, магистра пехоты, с летучими отрядами, и тот захватил часть готских семейств, пока те, не успев еще достигнуть пересеченных горных местностей, скитались по равнине, где и могли быть взяты в плен. Только достигнув этого случайного успеха, он и вернулся невредимым со своими войсками, не нанеся чувствительных потерь противнику и сам не пострадав от него.

5. С таким же рвением сделал он попытку проникнуть на вражескую территорию и в следующем году. Но, встретив препятствие в виде более широкого разлива Дуная, оставался на одном месте до глубокой осени в постоянном лагере, который разбил близ одного селения карпов. Так как вследствие сильнейшего разлива вод нельзя было ничего предпринять, он вернулся оттуда в Маркианополь на зимние квартиры.

6. Проявляя ту же настойчивость и на третий год, Валент воздвиг у Новиодуна* мост на судах для переправы через реку, прорвался в землю варваров и после продолжительного похода напал на воинственное племя гревтунгов**, обитавшее в

* Близ п. Исакчи на правом берегу Нижнего Дуная.

** Можно сомневаться в правильности этого сообщения автора. Вряд ли Валент доходил до областей, заселенных остготами, тем более что, упомянув о гревтунгах, Аммиан говорит далее о войне с Атанарихом, царем тервингов, т. е. вестготов. См. ниже, 31, 3.

отдаленных местах. После нескольких небольших стычек он встретился с самым могущественным в ту пору царем Атанарихом, который отважился оказать ему сопротивление с очень сильным, как ему казалось, войском. Атанарих был, однако, вынужден бежать, едва спасшись от гибели, а сам Валент со всеми своими вернулся в Маркианополь, как подходящий в тех местах пункт для зимовок.

7. После различных случайностей этого трехлетия были основания для окончания войны. Первое — то, что продолжительное пребывание императора на вражеской территории нагнало страх на варваров, второе — что запрет всяких торговых отношений ввергал варваров в крайний недостаток в самом необходимом. И вот они несколько раз отправляли послов с просьбой о прощении и даровании им мира. 8. Император, человек недалекий, но вообще весьма трезво оценивавший положение дел, пока его не развратили льстецы и он не истерзал государство достойными вечных слез убийствами, подверг этот вопрос тщательному обсуждению и решил, что следует дать готам мир.

9. И вот с нашей стороны были посланы к ним Виктор и Аринфей, состоявшие тогда магистрами пехоты и конницы. Когда они подтвердили в своих донесениях, что готы согласились на предложенные условия, выбрано было подходящее место для заключения мира. И так как Атанарих заверял, что он связан страшной клятвой и заветом отца своего никогда не ступать на римскую землю и нельзя было его заставить, а императору было не почетно переходить к нему, то решено было, что они встретятся на гребных судах на середине реки. Император с оруженосцами, с одной стороны, и Атанарих со своими людьми, с другой, встретились для заключения мира, согласно условиям. 10. Устроив это дело и получив заложников, Валент возвратился в Константинополь. Впоследствии Атанарих был изгнан из родной земли вследствие заговора близких ему людей, бежал в Константинополь, где и скончался. С подобающим великолепием его погребение было совершено по нашему обряду*.

* Т. е. языческому.

6

1. Между тем Валентиниан страдал от тяжелой болезни и был при смерти. На частной пирушке галлы, состоявшие при особе императора, намечали кандидатом Рустика Юлиана, состоявшего тогда магистром императорской канцелярии рескриптов. То был человек, со звериным инстинктом жаждавший человеческой крови, что он доказал, когда в звании проконсула управлял Африкой. 2. Отправляя должность городского префекта, в которой он и окончил свою жизнь, чувствуя себя неуверенно из-за тревожных обстоятельств и опасаясь тирана*, по воле которого он поднялся на такой высокий пост якобы из-за недостатка достойных людей, он вынужден был казаться мягким и кротким.

3. По сравнению с этой партией другие ратовали с большим рвением за Севера, бывшего в ту пору магистром пехоты, признавая в нем подходящие для императорского сана качества. Хотя он был суров и внушал страх, но во всяком случае был терпимее и предпочтительнее названного выше.

4. Но эти планы оказались напрасными: благодаря применению различных лечебных средств император выздоровел и, едва оправившись от смертельной опасности, решил предоставить отличия императорской власти сыну своему Грациану, приближавшемуся уже к совершеннолетию. 5. Приняв все предварительные меры и побеспокоившись о том, чтобы солдаты приняли это с готовностью, Валентиниан по прибытии Грациана выступил на военное поле, взошел на трибунал и, окруженный блестящим кольцом высших сановников, вывел сына за руку на середину собрания и рекомендовал войску предназначенного в императоры такой речью.

6. «Живым свидетельством вашего ко мне расположения является то, что я ношу это облачение императорского сана, которого я был удостоен, будучи предпочтен по сравнению со многими славными мужами. При вашем участии в моих решениях, при совместности наших обетов, собираюсь я своевременно совершить долг моей любви к отечеству, и в успехе дает ручательство само божество, всегдашней помощью которого будет вовеки стоять несокрушимо Римская держава. 7. Итак, примите благосклонно, храбрые мужи,

* Имеется в виду время правления Максима после смерти Грациана.

прошу вас, наше желание и знайте, что задуманное мной дело, которое освящает закон любви, хочу я не только совершить с вашего ведома, но желаю также, чтобы оно было одобрено и утверждено, как соответствующее нашим интересам и обещающее быть полезным в будущем.

8. Этого моего вступающего уже в годы юности сына Грациана, который долго жил среди ваших детей, которого вы любите, как наш общий залог, я собираюсь принять в соучастники верховной власти в интересах утверждения общественного спокойствия, если милосердное соизволение Бога небесного и ваше властное право поддержат то, что мне подсказывает чувство отцовской любви. Не в суровой обстановке с пеленок, как мы, он вырос; не свыкся он еще с перенесением бранных трудов; еще не по силам ему, как вы видите, дело Марса. Но он достоин славы своей семьи и славных дел его предков, и — говорю это, опасаясь зависти, — он совершит и большее, как нередко представляется это мне, когда я даю про себя оценку его характеру и наклонностям, пока не вполне еще сложившимся. 9. В ранней юности, как человек, прошедший курс образовательных наук, будет он чистым суждением взвешивать качество правых и неправых дел. Он будет поступать так, что разумные узнают, что он их понимает; он вознесется до славных подвигов, прирастая к боевым знаменам и орлам; он будет выносить палящий зной, снега, ночной холод, жажду, бессонные ночи; если вынудит необходимость, он будет защищать лагерь от неприятеля, жизнь свою положит за товарищей по опасности и — что является первым и высшим долгом патриотизма — будет уметь любить отечество, как свой отчий и дедовский дом».

10. Валентиниан еще не успел окончить свою речь, как солдаты, выслушав его слова с радостным согласием, спеша каждый со своего места один перед другим признать пользу дела и выразить свою радость, объявили Грациана Августом, примешивая сочувственный стук оружия к торжественному звуку труб. 11. Увидев это, Валентиниан преисполнился радостью, надел на сына корону и облачение высочайшего сана, поцеловал его и, обращаясь к нему, стоявшему во всем блеске своего сана и внимательно ловившему каждое слово, сказал такую речь: 12. «Вот, Грациан, ты теперь в императорском облачении, о чем мы все мечтали; оно поднесено тебе общим решением наших боевых товарищей при счастливых предзнаме-

нованиях. Принимайся за дело, сознавая трудность положения, как товарищ твоего отца и дяди, и привыкай проникать с войсками за Истр и Рейн, проходимые по льду, стоять рядом с твоими оруженосцами, с разумом отдавать свою жизнь за тех, кем ты правишь, не считать чуждым для себя ничего, что касается блага Римской державы. 13. В этот час довольно будет и этого наставления, и в своих советах я не откажу тебе в дальнейшем. А теперь прошу и заклинаю вас, защитники государства, храните вашей верной любовью подрастающего государя, который поручен вашей чести».

14. После произнесения императором этих торжественных слов Евпраксий из Цезареи в Мавритании, бывший тогда магистром канцелярии рескриптов, первый воскликнул: «Семья Грациана этого заслуживает». Тотчас же он был произведен в квесторы. За ним числилось много проявлений надежной верности, заслуживавших подражания со стороны людей здравомыслящих; никогда он не отступался от бестрепетной правды, был всегда тверд и похож на законы, которые, как мы видим, при всем различии обстоятельств, говорят всем одним и тем же языком. При своем представлении о справедливости оставался он и тогда, когда вспыльчивый император грозно набрасывался на него за правильные советы.

15. После этого встали в честь старшего императора и нового — этого отрока, к которому располагали всех блеск его глаз, лицо, вся его симпатичная внешность и прекрасные качества его ума. Все это могло бы создать из него императора, достойного сравняться с наилучшими из древних, если бы позволили это судьба и ближайшие к нему люди, которые затуманили неустойчивые еще его прекрасные качества дурными деяниями.

16. В этом случае Валентиниан нарушил установленный издревле обычай тем, что нарек брата и сына не Цезарями, а Августами. До сих пор ни один император не брал себе товарища с равной властью, кроме императора Марка, который сделал своего брата по усыновлению, Вера, соучастником императорского величия на полных правах равенства с собой[6].

7

1. Так все это устроилось согласно желанию государя и солдат. А через несколько дней бывший викарий* Авициан возбудил обвинение в казнокрадстве против префекта претория Мамертина, когда тот вернулся из Рима, куда ездил по служебным делам. 2. Из-за этого его заменил Вулкаций Руфин**, человек во всех отношениях отличный, авторитет которого славно возвышала его почтенная старость, но который никогда не упускал удобного случая поживиться, если можно было надеяться, что это останется в тайне. 3. Получив аудиенцию у императора, он устроил возвращение из ссылки, с восстановлением прав на имущество, бывшему префекту Рима Орфиту***.

4. Хотя Валентиниан, человек жестокий, в начале своего правления, желая ослабить мнение о своей суровости, сдерживал иногда свои дикие порывы, стараясь подчинить страсти разуму, этот его недостаток, который он скрывал и подавлял, подчас прорывался на гибель многим и вспыльчивость его характера ухудшала дело. Ученые признают раздражительность продолжительной, а подчас и непрерывной, язвой духа, которая обычно возникает от чрезмерной впечатлительности, и приводят, как справедливый аргумент, в доказательство этого то, что больные раздражительнее здоровых, женщины — мужчин, старики — юношей и несчастные — счастливых.

5. В эту пору среди казней людей менее высокого положения выделялась смерть Диокла, бывшего комита финансов в Иллирике, которого за незначительные проступки император приказал сжечь живым; далее, Диодора, бывшего имперского агента, и трех канцеляристов управления викариата Италии. Они были преданы жестокой смерти по жалобе императору комита на то, что Диодор возбудил против него гражданский процесс, а чины его канцелярии по приказу судьи позволили себе, когда он отправлялся в путь, давать ему совет явиться на суд. Память их и до сих пор чтут христиане в Медиолане и называют место, где они погребены, «Ad innocentes» (у невинных).

* В Африке.

** 14, 10, 4—5; 21, 12, 24.

*** См. выше, гл. 3, 2.

6. Позднее, когда по делу некоего Максенция, родом из Паннонии, поскольку судья правильно сделал распоряжение ускорить исполнение приговора, император приказал казнить декурионов трех городов, этому воспротивился тот же Евпраксий, бывший в ту пору квестором, и сказал: «Будь осторожен, благочестивейший государь: ведь тех, кого ты приказываешь убить, как преступников, христианская религия будет чтить, как мучеников, т. е. угодных Богу». 7. По его примеру ту же спасительную смелость проявил префект Флоренций. Когда по одному делу, заслуживавшему прощения, он услышал, что вспыливший император также приказал казнить по трое декурионов во многих городах, он сказал: «Что же делать, если в каком-нибудь городе не окажется столько декурионов? Нужно оговорить также и то, что они должны быть казнены, если они есть налицо в городе». 8. Эту суровость усиливала еще следующая ужасная несправедливость: если кто-то обращался к нему с просьбой избавить его от суда могущественного недруга и заменить одного судью другим, Валентиниан такой просьбы не удовлетворял, и пусть даже тот привел бы много основательных мотивов, отсылал его дело к тому самому судье, которого тот боялся. Ужасно было и другое: если ему сообщали, что какой-нибудь удручаемый бедностью должник ничего не может уплатить, он изрекал смертный приговор.

9. Эти и тому подобные проявления произвола позволяют себе некоторые государи, потому что они не признают за друзьями права возражать против их дурных решений и поступков, а врагов своих устрашают величием своей власти. Для того, кто считает великим подвигом все, к чему склоняется его воля, нет вопроса о несправедливости.

8

1. Выступив из Амбиан, Валентиниан спешил в Тревиры*. По дороге он получил тревожное известие, а именно, что Британия вследствие восстания варваров оказалась в крайней опасности, что Нектарид, комит морского побережья, убит и дукс Фуллофавд попал во вражескую засаду. 2. Эта весть повергла императора в большой ужас, и он послал Се-

* Амиен и Трир.

вера, бывшего тогда еще комитом доместиков, с поручением поправить дело, если судьба представит желанный к тому случай. Вскоре, однако, Север был отозван назад, и в те места отправился Иовин; он спешно послал вперед Провертвида, а сам был озабочен тем, чтобы набрать сильную армию, как того требовало трудное положение дел. 3. Наконец, поскольку с острова непрерывно поступали тревожные известия, приказано было отправиться туда Феодосию, известному своими боевыми подвигами[7]. Собрав храброе войско из легионов и когорт, он отправился туда, и ему предшествовали блестящие надежды.

4. Так как в описании деяний императора Константа* я описал, насколько это было в моих силах, прилив и отлив океана и положение Британии, то возвращаться к тому, что один раз уже было изложено, считаю излишним, как гомеровский Улисс[8] боится у феаков вторично рассказывать о своих странствиях из-за чрезвычайной их трудности**. 5. Достаточно будет сказать, что в то время пикты, делившиеся на два племени, дикалидонов и вертурионов, а также весьма воинственный народ аттакотты и скотты, бродили повсюду и производили грабежи, а в приморских областях Галлии франки и соседние с ними саксы там, куда только могли прорваться с суши или с моря, производили грабежи и пожары, забирали людей в плен, убивали и все опустошали.

6. Чтобы положить конец этим бедствиям, если поможет счастливая судьба, направился в эти крайние области земного круга хороший полководец и прибыл в Бононию***, где галльский берег отделен от Британии узким проливом. Море в том месте то вздымается страшными валами, то выравнивается как широкое поле, открывая безопасный путь мореходам. Осторожно переправился он через пролив и прибыл в спокойную гавань противоположного берега Рутупии****. 7. Когда следом за ним подошли батавы, герулы, иовии и викторы, легионы, дышавшие уверенностью в своих силах, он выступил вперед и направился к старому городу Лундинию, который позднее получил имя Августы. По дороге он разделил

* В недошедшей до нас части сочинения.

** *Hom.* Od., 12, 452.

*** Булон-сюр-мер.

**** Ричборо.

свою армию на много отрядов и напал на грабительские шайки врагов, отягченные поклажей. 8. Быстро справившись с теми, которые вели связанных людей и гнали скот, он отнял добычу, достояние несчастного податного населения, и возвратил собственникам за исключением небольшой части, предоставленной измученным солдатам. С триумфом он вступил в город, угнетаемый дотоле тяжкими бедствиями, но теперь воспрянувший в надежде на спасение более скорое, чем можно было ожидать.

9. Удача придала ему бодрость для бóльших начинаний. Вырабатывая безопасный план действий, он оставался в нерешительности, так как показания пленных и перебежчиков убеждали его, что нельзя справиться с рассеянными на широком пространстве племенами, и притом совершенно дикими, иначе, как неожиданными нападениями при помощи разных хитрых уловок.

10. Наконец он издал приказ, которым звал под знамена дезертиров, обещая им безнаказанность, и многих других солдат, которые разбежались в разные стороны, пользуясь отпусками. По этому вызову вернулись очень многие; но, несмотря на это ободрение, его тревожили тяжелые заботы, и он попросил прислать к нему Цивилиса для управления Британией в звании префекта — человек то был жестокий, но твердо державшийся правды и справедливости, — а также Дульциция, полководца, прославившегося отличным знанием военного дела.

9

1. Вот что происходило в Британии. А в Африке с самого начала правления Валентиниана свирепствовали варвары, совершавшие дерзкие набеги, сопровождавшиеся убийствами и грабежами. Положение дел ухудшало бездействие военной силы и жадность к чужому добру, особенно со стороны комита по имени Роман. 2. Этого человека, отличавшегося большой предусмотрительностью и великим искусством переносить ненависть на других, ненавидели очень многие за жестокость, и особенно по той причине, что он старался превзойти врагов в опустошении провинций. Полагаясь на родство с Ремигием, тогдашним магистром оффиций, он составлял фальшивые и неправильные донесения императору,

и тот при всей своей недоверчивости, которой он хвалился, долго оставался в неведении относительно тяжких бедствий африканцев. 3. Обо всем, что случилось в тех местностях, о смерти правителя области Рурика и его легатов и о прочих горестных событиях я подробно изложу, когда приведет меня к тому план моего повествования*.

4. Так как есть полная возможность высказать свободно свое мнение, то я и скажу откровенно, что этот император, первый в ряду своих предшественников, увеличил высокомерие военных людей с большим вредом для государства, не в меру повышая их общественное и личное положение; гибельно было как для государства, так и для частных лиц то, что он с неумолимой жестокостью карал проступки простых солдат, а офицеров щадил, и последние, как будто им была дарована полная безнаказанность, стали позволять себе невероятные преступления и, возомнив о себе слишком много, стали думать, что судьба всех без исключения зависит от их кивка. 5. Ради обуздания их тяжелой для других надменности древние законодатели иногда предписывали карать смертной казнью невиновных. И нередко случается, что за преступления толпы в силу несправедливости судьбы кара постигает невиновных — случай, выпадавший иной раз и на долю мирных граждан.

6. А в Исаврии** разбойники, расходясь шайками по соседним местам, с полной свободой предавали грабежу города и богатые виллы, принося страшный вред Памфилии и Киликии. Состоявший в ту пору викарием Азии Музоний (раньше он был учителем риторики в Афинах) видел, что они, не встречая никакого отпора грозят разорить всю Азию. Когда дело дошло до крайности и от распущенных солдат нельзя было ожидать никакой помощи, он сделал попытку напасть, если представится случай, на одну шайку грабителей, располагая лишь небольшим числом плохо вооруженных людей, которых называют диогмитами[9], но, проходя через одно узкое извилистое ущелье, попал в засаду, из которой не было выхода, и пал вместе со всеми своими людьми. 7. Этот успех сделал разбойников еще наглее, и, поскольку они теперь стали предпринимать свои набеги еще более

* См. ниже, 28, 6.

** 14, 2; 19, 13.

дерзко, наши войска оставили наконец бездействие и, перебив некоторое число их, загнали прочих в горные теснины, где они живут. Так как им не давали и там покоя, и они не имели возможности добывать себе пропитание, то они стали наконец просить на некоторый срок мира по совету германикополитанцев*, которые имели у них всегда значение как их подстрекатели. Выдав заложников, как того у них потребовали, исавры долго держались спокойно, не отваживаясь ни на какие враждебные действия.

8. В это время префектуру города (Рима) отправлял с отличием Претекстат. Многообразными проявлениями своей неподкупности и высокой честности, которыми он прославился с ранней юности, он достиг того, что редко случается, а именно, что, хотя сограждане боялись его, он не потерял их любви, которая вообще не выпадает на долю чиновным лицам, внушающим к себе страх. 9. Своим авторитетом и правильными, самой истиной продиктованными приговорами он успокоил волнение, которое вызвали раздоры христиан. После изгнания Урсина водворилось глубокое спокойствие, являвшееся наиболее желанным для римских граждан. Множество полезных мероприятий этого прекрасного правителя умножали его славу. 10. Так, он уничтожил все так называемые мэнианы**, сооружение которых было запрещено еще древними законами; заставил все частные дома, непочтительно примыкавшие к священным зданиям, отступить от последних, по всем частям города установил единство мер веса, так как иначе нельзя было противодействовать корыстолюбию многих людей, устанавливавших весы по своему произволу, а в расследовании тяжб он достиг того, что с похвалой о Бруте отмечает Туллий***, а именно: хотя он ничего не допускал в угоду кому-либо, однако все его действия были всем угодны.

* Германикополь — главный город свободной Исаврии.

** Так назывались выступавшие над улицами надстройки и пристройки к домам.

*** *Cic.* Orat., 10, 34: Quid enim tam distans, quam a sevcritate comitas? Quis tamen umquam te aut sanctior est nabitus aut dulcior?

10

1. Тогда же Валентиниан выступил в поход и полагал, что он это сделал весьма предусмотрительно, однако аламаннский царек Рандон осуществил свой давнишний замысел и тайно проник с легким грабительским отрядом к Могонциаку*, не имевшему гарнизона. 2. И так как именно в это время праздновался христианский праздник**, то он беспрепятственно увел в плен мужчин и женщин всякого звания и награбил много домашнего имущества.

3. Немного времени спустя неожиданно заблистала для римлян надежда на лучшее. Царь Витикабий, сын Вадомария, человек на вид слабый и болезненный, но сильный и храбрый, неоднократно поднимал против нас бранную бурю; поэтому прилагались всяческие усилия, чтобы каким бы то ни было способом устранить его. 4. Долго не удавались никакие попытки справиться с ним или ускорить его выдачу; наконец он пал вследствие предательства своего приближенного слуги, подкупленного нами. После его смерти на некоторое время прекратились вражеские вторжения. Убийца из страха перед карой, которой он боялся в случае раскрытия дела, поспешил бежать на римскую почву.

5. После этого стали исподволь готовить поход на аламаннов в большем против обычного масштабе, стягивая военные силы разного рода. Этого настойчиво требовала общественная безопасность, так как опасались коварных нападений народа, который очень быстро оправлялся. Возбуждены были также и солдаты, не имевшие никогда отдыха вследствие подозрительного поведения аламаннов, которые то униженно молили о мире, то вскоре после этого выступали с самыми дерзкими угрозами.

6. И вот, стянута была отовсюду огромная армия, тщательно снабженная оружием и провиантом, призван был с иллирийскими и итальянскими легионами командовавший ими Себастиан***, и, когда наступило теплое время года, Валентиниан вместе с Грацианом перешел Рейн. Не встретив неприятеля, император продолжал поход, разделив армию на три ко-

* Майнц.
** Вероятно, Пасха.
*** См.: 26, 6, 2.

лонны; сам он находился в центре, полководцы Иовин и Север командовали на флангах; таким образом, армия была в безопасности от внезапных нападений. 7. Передвигаясь по указаниям опытных проводников, производя разведки местности, медленно шли войска по обширной стране, и солдаты приходили все в большее раздражение и издавали грозные клики, как будто уже нашли врага. И так как в течение нескольких дней не могли найти никого, кто бы оказал сопротивление, то все посевы и строения, которые попадались на глаза, предавались пламени; исключение делалось только для пищевых продуктов, собирать и хранить которые побуждала неизвестность исхода предприятия. 8. Медленно продвигаясь дальше, император подошел к месту, которое называется Солициний*, и остановился здесь, словно перед сильным препятствием, потому что он узнал из достоверного донесения передовых разъездов, что вдали увидели неприятеля.

9. Не видя никакого другого способа спасения, кроме как защитить себя быстрым нападением на наши силы, варвары, полагаясь на свое знакомство с местностью и в полном согласии между собой, заняли горные высоты, обрывающиеся крутыми холмами, неприступными со всех сторон, кроме северной, представлявшей собой отлогий и удобный для подъема склон**. Наши войска остановились на месте; повсюду раздались призывы к оружию; чутко прислушиваясь к команде императора и командиров, стояли солдаты в ожидании поднятия знамени, что служит сигналом к началу боя.

10. Времени на размышление было мало, или даже вовсе не было; здесь нетерпение наших солдат вызывало тревогу, а там аламанны подняли свой страшный крик. В силу необходимости быстрого решения принят был такой план: Себастиан со своими войсками должен был занять северную часть горы, которая, как я сказал, представляла собой отлогий подъем, чтобы избивать бегущих германцев, если так решит судьба. Этот приказ был спешно исполнен. Грациан, который по своим юным годам еще не годился для бранных трудов, был оставлен позади при знаменах иовианов. Сам Валентиниан, как вождь осторожный и неторопливый, про-

* Швецингер близ Гейдельберга.

** См.: 28, 2, 5, где эти высоты названы nuns Pirus. По догадке Вагнера, это — Святая Гора близ Гейдельберга, der heilige Berg.

шел с непокрытой головой по центуриям и манипулам. Не открывая своего плана никому из высших офицеров и оставив позади бóльшую часть своих телохранителей, он помчался с немногими, на храбрость и верность которых мог вполне положиться, чтобы осмотреть подошву подъема, заявив с обычной уверенностью в своей проницательности, что можно найти и другую дорогу на крутые холмы, кроме той, которую нашли разведчики. 11. И вот, когда он ехал по неизвестным местам через болотные заросли, без дороги, вражеский отряд, находившийся сбоку в засаде, напал на него с такой стремительностью, что гибель его была бы неминуема, если бы он не прибег в крайней опасности к последнему средству: он погнал коня во весь опор через болото и скрылся под защитой легионов, спасаясь от страшной опасности. Насколько он был к ней близок, видно из того, что спальник, везший его шлем, украшенный золотом и драгоценными камнями, совсем исчез вместе со шлемом и не был найден потом ни живым, ни мертвым.

12. Когда люди оправились и отдохнули, был подан обычный сигнал к началу битвы. Под звуки грозно звучавших труб двинулись войска, исполненные воодушевления; впереди шли два юноши, Сальвий и Лупицин, один — скутарий, другой — из схолы гентилов, выбранные начать битву. Возбуждая своих грозным криком и потрясая копьями, бросились они на противолежащие скалы и, отбиваясь от аламаннов, полезли на самый верх. Следуя за этими застрельщиками, подошло все войско и с великим напряжением сил взобралось через крутизны по терновым зарослям на вершину горы. 13. С большим ожесточением обеих сторон начался бой: с одной стороны солдаты, более обученные военному искусству, с другой — варвары, напиравшие в своей дикой храбрости безо всяких предосторожностей, сошлись в рукопашной схватке. Разворачиваясь все шире, наша армия начала теснить врага на обоих флангах среди криков ужаса, ржания коней и звука труб. 14. Однако оправившись, варвары дали отпор, и на некоторое время шансы боя выравнялись. Битва шла со страшным упорством, и потери были очень значительны с обеих сторон*. 15. Наконец варвары были смяты воодушевленным напором римлян, и в страхе смешались передние с

* Гардтгаузен принимает чтение *turmarum funeribus*, что мне непонятно.

задними и стали отступать. Тут их поражали дротики и метательные копья. Когда же, совершенно обессилевшие и истомленные, они побежали, то открыли преследующему неприятелю свой тыл, коленные суставы и сухожилия. Много было перебито, часть бежавших истребил Себастиан, стоявший со вспомогательным отрядом за хребтом горы, окружив ее со стороны, откуда варвары не ждали нападения. Остальные, рассеявшись, скрылись в чаще лесов.

16. В этой битве были и с нашей стороны весьма чувствительные потери. Пал Валериан, первый офицер доместиков, и скутарий Натуспардо, столь выдающийся боец, что его сравнивали с древним Сицинием и Сергием*. Этой кровавой битвой закончился поход; солдаты отправились на зимние квартиры, а императоры воротились в Тревиры.

11

1. Примерно в это время скончался Вулкаций Руфин, состоявший в звании префекта претория. Для исполнения обязанностей префекта вызван был из Рима Проб[10]. Знатность рода, авторитет и колоссальное состояние принесли ему широкую известность в римском мире. Поместья он имел почти во всех провинциях. Заслуживал ли он или нет этой известности, решать об этом дело не моего слабого суждения.

2. Сама богиня счастья несла его, как выражаются поэты, на быстрых крыльях, представляя его благодетелем, возвышавшим своих друзей, а затем — жестоким интриганом, доводившим свою злобу до пролития крови. Хотя он был весьма влиятелен в течение всей своей жизни благодаря как своим колоссальным щедротам, так и тому, что непрерывно занимал один за другим разные высокие посты, но иногда бывал труслив в отношении людей нахальных и высокомерен в отношении робких, так что когда он чувствовал свою силу, то, казалось, гремел с трагического котурна, а когда робел — выступал приниженнее, чем на самом низком сокке**. 3. И как плавающие существа, будучи исторгнуты из своей стихии, недолго сохра-

* Ср.: 25, 3, 13.

** Котурн и сокк — специальные виды обуви, первый — для актера, исполнявшего трагедию, второй — комедию. Эти термины вошли в переносном смысле в латинский язык как обозначение высокого и низкого стиля и тона.

няют дыхание на сухой земле, так и он хирел без префектур, принимать которые вынуждали его раздоры между знатными фамилиями, за которыми всегда водятся грехи из-за необузданых страстей: чтобы иметь возможность безнаказанно обделывать свои дела, они всегда выдвигали своего главу на высокий государственный пост. 4. Нужно признать, что он, с присущим ему благородством, никогда не приказывал совершить какой-нибудь незаконный поступок клиенту или рабу; но если доходило до его сведения, что кто-нибудь из них совершал какое-нибудь преступление, то, хотя бы сама правда возражала, он, не разобрав даже дела и отрешаясь от вопроса о чести и нравственности, являлся защитником. Недостаток, порицая который Цицерон выражался так: «Какая разница между тем, кто побуждает к какому-либо поступку, и тем, кто его одобряет? И не все ли равно, желаю ли я, чтобы это случилось, или радуюсь, что оно случилось?»* Он был подозрителен и скрытен, не чужд был злобной насмешки и лести с целью нанести вред. 5. Эта дурная черта проявляется у таких характеров резче всего тогда, когда больше всего стараются ее скрыть. Он был неумолим и упрям. Если кого-то он задумывал обидеть, то уж нельзя было уговорить его и склонить его простить вину: для этого словно свинцом, а не воском залиты были его уши. Находясь на высоте богатства и почестей, он был всегда встревожен и озабочен, а потому всегда подвержен легким заболеваниям. Такова была череда событий в западных областях империи.

12

1. Персидский царь Сапор, достигший уже преклонных лет и имевший пристрастие с самого начала своего правления к грабежам, после смерти императора Юлиана и по заключении того постыдного мирного договора**, поддерживал дружбу с нами; но теперь, нарушив условия договора с Иовианом, стал налагать свою руку на Армению, чтобы подчинить ее своей власти, как будто обязательность условий договора была уничтожена. 2. Сначала он пускал в ход разные хитрости и, встретив сопротивление населения, стал наносить незначительные обиды и в то же время склонять на свою сторо-

* *Cic.* Phil., II, 12, 29.
** См.: 25, 7, 9.

ну сатрапов и некоторых вельмож, а иных брал в плен внезапными нападениями. 3. Потом он привлек на свою сторону самого царя Арсака, пустив в ход изысканные способы соблазна наряду с клятвопреступлением. Пригласив его однажды на пир, он приказал увести его через потайные двери, выколоть ему глаза, заковать в серебряные цепи, — что у них считается для более почетных лиц пустым утешением кары, — и сослать его в крепость с названием Агабана, где он после всяческих мучений был казнен. 4. Затем, распространяя свое вероломство, он изгнал Савромака, который римской властью был поставлен управлять Иверией, и передал управление этим народам некоему Аспакуре*, предоставив ему право носить диадему**, чтобы явно обозначить свое издевательство над нашим решением. 5. Осуществив эти свои нечестивые злоумышления, он предоставил Армению евнуху Килаку и Артабанну, перебежчикам, которых он некогда принял к себе, — один из них был, как говорят, раньше префектом племени, другой — командиром армии. Он возложил на них поручение приложить все старания к тому, чтобы уничтожить Артогерассу, город с крепкими стенами и сильным гарнизоном, где хранились сокровища Арсака и находилась его жена с сыном. 6. Исполняя приказ Сапора, вожди приступили к осаде. Так как к этой крепости, расположенной на крутой вершине горы, невозможно было подступиться, когда зима сковала землю снегом и льдом, то евнух Килак, обладавший умением уговаривать женщин, явился в сопровождении Артабанна под самые стены, получив заверения, что жизнь его не подвергнется опасности. Будучи допущен со своим товарищем внутрь крепости, как он того требовал, он с угрозами внушал царице и гарнизону смягчить быстрой сдачей раздражение Сапора, столь известного своей жестокостью.

7. Долго шли совещания, и под воздействием слез царицы, оплакивавшей жестокую судьбу своего супруга, люди, самым решительным образом стоявшие за сдачу города, поддались жалости и изменили свое мнение. В надежде на большую награду в будущем (от римлян), они договорились на тайном совещании, чтобы сильный отряд, открыв внезапно ворота, в условленный ночной час сделал вылазку и напал

* См.: 30, 2.

** Т. е. признав за Аспакурой царское достоинство.

неожиданно на вражеский лагерь; они брались сами позаботиться о том, чтобы виновники остались неизвестными. 8. Скрепив свое решение клятвой, они ушли из крепости и заявили, что осажденные просят предоставить им два дня на размышления о том, как им поступить. Этим они вызвали у персов полную беспечность. И вот, глубокой ночью, когда все беззаботно спали крепким сном, открылись ворота города, быстро выступил оттуда отряд воинов и, подкравшись неслышными шагами с кинжалами наготове, вошел в лагерь не ожидавшего никакой беды неприятеля. Не встречая никакого сопротивления, нападавшие перебили множество спавших людей. 9. Это неожиданное предательство и внезапное избиение персов страшно усилили противостояние между нами и Сапором. Сюда прибавилось еще и то, что император Валент принял сына Арсака Пару, который по совету матери бежал к нему из крепости с небольшой свитой; император назначил ему место пребывания Неокесарию*, известный город Полемоновского Понта, с соответствующим его званию содержанием и почетом. Милостивое отношение императора побудило Килака и Артабанна отправить посольство к Валенту с просьбой оказать помощь и дать им в цари этого самого Пару. 10. При тогдашних обстоятельствах им было отказано в помощи, а Пара был доставлен в Армению полководцем Теренцием, чтобы принять управление страной, пока без всяких отличий царского сана. Это условие было вызвано вполне правильным соображением, а именно: желали избежать возможности обвинения в нарушении мирного договора.

11. Получив известие об этих событиях, Сапор пришел в зверскую ярость и, собрав большую армию, вторгся в Армению и подверг ее опустошению. Устрашенный его вторжением Пара, а с ним вместе Килак и Артабанн, не находя нигде помощи, бежали в крутые горы, которые отделяют наши пределы от Лазики. Там скрывались они в течение пяти месяцев в чаще лесов и в горных ущелиях, и все усилия царя схватить их оказались тщетными.

12. Так как царь должен был понять, что с наступлением зимних холодов он лишь напрасно потеряет время, то, предав пламени все плодовые деревья и поставив сильные гарнизоны во всех укреплениях и крепостях, которыми он ов-

* Никесар.

ладел силой или благодаря предательству, он осадил всеми своими войсками Артогерассу. Когда гарнизон доведен был различными превратностями борьбы до полного истощения, крепость открыла ему ворота, и он предал ее пламени. Там была найдена жена Арсака, которую он увез с собой вместе с царскими сокровищами.

13. По этим причинам император послал в те страны комита Аринфея с войском, чтобы оказать помощь армянам в случае, если персы сделают попытку потревожить страну вторичным нападением.

14. Между тем Сапор, отличавшийся невероятным коварством и в зависимости от того, что ему было выгодно, или пресмыкавшийся, или высокомерный, начал через тайных посредников переговоры с Парой под предлогом заключения союза на будущее и укорил его, что он не заботится о своих интересах и под прикрытием царского достоинства находится, в сущности, в рабстве у Килака и Артабанна.

Поддавшись на эти льстивые речи, Пара предал их смертной казни и отослал головы убитых Сапору как свидетельство своей покорности ему.

15. Весть об этом убийстве широко разнеслась, и вся Армения была бы потеряна, если бы персы, устрашенные прибытием защитника Аринфея, не отложили нового вторжения в нее. Они ограничились тем, что послали к императору посольство с просьбой не защищать этого народа, как было условлено в договоре между ними и Иовианом. 16. Их просьба была отвергнута, и Савромак, который, как я выше упоминал, был изгнан из Иверийского царства, был отправлен туда с Теренцием и двенадцатью легионами. Когда он был уже близко от реки Кира*, Аспакур стал просить его учредить совместное правление и царствовать как два двоюродных брата; свое предложение он оправдывал тем, что он не может ни отступиться от власти, ни перейти на римскую сторону, так как его сын Ультра до сих пор находится у персов в качестве заложника. 17. Получив сообщение об этом и желая успокоить грозящие отсюда смуты разумным решением, император благословил разделение Иверии на две части течением реки Кира с предоставлением Савромаку областей, пограничных с армянами и лазами, а Аспакуру — земель, соседних с Албанией и персами.

* Кура.

18. Сапор был этим крайне раздосадован; он заявлял, что ему нанесено оскорбление, так как армянам оказывается помощь вопреки тексту договора, и без его согласия и даже без его ведома принято было решение разделить Иверийское царство на две части. Посольство, которое он послал к императору для улаживания дела об Армении, было отозвано назад. Словно уже не было никакой возможности наладить дружественные отношения с Римом, он стал искать помощи у соседних народов и готовил к походу свое войско, чтобы с наступлением весеннего времени низвергнуть все, что устроили римляне в своих интересах.

Книга XXVIII
(годы 368—370)

1. Многие, даже сенаторы и женщины из сенаторских родов, привлечены в Риме к суду по обвинению в колдовстве, разврате и прелюбодеяниях и преданы смертной казни.
2. Август Валентиниан укрепляет весь берег Рейна со стороны Галлии фортами, крепостями и башнями. Аламанны избивают римлян, строивших укрепление за Рейном. Разбойники маратокупрены в Сирии, по приказанию Августа Валента, уничтожены вместе со своими детьми и поселением.
3. Феодосий восстанавливает города Британии, разрушенные варварами, отстраивает укрепления и отбирает назад провинцию этого острова, которая получила имя Валенции.
4. О префектуре в Риме Олибрия и Амнелия и о пороках сената и римского народа.
5. Саксы в Галлии, после заключения перемирия, завлечены римлянами в засаду. Валентиниан, дав формальное обещание бургундам соединить с ними свои войска, навел их на Аламаннию; будучи обманутыми, они перебили всех пленных и вернулись домой.
6. Несчастья, причиненные австорианами провинции Триполис, лептинцам и эиензам. Комит Роман скрыл их от Валентиниана обманом, и они остались неотмщенными.

1

1. В то время как вероломство персидского царя вызвало, как я рассказал о том выше, неожиданные для нас тревоги и в восточных областях с новой силой разгорелась война, в Вечном городе через 16 с лишним лет после гибели Непотиана* стала свирепствовать сама Беллона и разожгла всеобщий пожар. Начавшись с малого, дело дошло до ужасных бедствий. Пусть бы их покрыло вечное молчание, чтобы не причинить вреда потомкам не столько описанием отдельных проступков, сколько изображением всеобщего падения нравов. 2. И хотя от подробного изложения этих кровавых событий меня удерживает справедливое опасение, связанное со многими различными соображениями, однако, будучи уверен в высшем уровне нравственности в настоящее время, я сообщу вкратце о том, что достойно памяти. Не будет также излишне коротко упомянуть об одном событии древнего времени, которое служило мне предостережением. 3. Когда, во время Первой Мидийской войны, персы опустошили Азию, то между прочим осадили с большими силами Милет. Угрожая осажденным мучительными казнями, персы довели их до такой крайности, что они все, придя в отчаяние от одолевших их бедствий, перебили сами свои семейства и, бросив в огонь все движимое имущество, стали один за другим бросаться в общий костер гибнущего отечества[1]. 4. Немного позднее Фриних поставил этот сюжет на афинской сцене[2], переработав его в трагедию. Сначала публика слушала пьесу с удовольствием; когда же дальнейшее развитие трагического действия стало производить слишком тяжелое впечатление, на-

---

* Непотиан, сын Евтропии, сестры Константина, погиб в 350 г. Он поднялся против «тирана» Магненция, но последний остался победителем, занял Рим и казнил как Непотиана, так и его мать.

род возмутился и присудил поэта к наказанию, полагая, что он собирался не утешить, а упрекнуть своих сограждан, дерзко выведя на сцену страдания, которые перенес славный город, оставленный безо всякой помощи со стороны своих основателей. Милет был афинской колонией, которая в числе других ионийских городов была основана Нелием, сыном Кодра[3], который, как рассказывают, обрек себя на смерть за отечество во время войны с дорийцами. 5. Но возвращаюсь к своему рассказу. Максимин, исправлявший раньше должность викария префекта, родом из города Сопиан в Валерии*, был человек низкого происхождения: его отец был счетным чиновником в канцелярии правителя провинции и род свой вел от карпов, которых разгромил Диоклетиан[4] на их старом месте жительства и переселил в Паннонию. 6. Пройдя недолгий курс обучения, он занялся адвокатурой, в чем не достиг особенных успехов, и был затем правителем Корсики, Сардинии, а потом Тусции. После этого он был повышен и заведовал хлебным снабжением Рима, и так как его преемник долго медлил в пути, то он оставил за собой управление Тусцией. Сначала он действовал с большой осторожностью, имея для этого тройное основание. 7. Во-первых, в его ушах звучали слова его отца, который был большой знаток разного рода знамений, связанных с полетом и пением птиц, гласящие, что он достигнет высот власти... но погибнет от руки палача. Во-вторых, он связался с одним сардинцем, которого потом сам, как прошел о том слух, погубил коварным образом; человек этот был весьма сведущ в вызывании злых духов и получении предсказаний от душ умерших людей. Пока жив был этот человек, он боялся предательства с его стороны и был обходительнее и мягче. В-третьих, потому что он, подобно пресмыкающейся гадине, держался в низких местах и не мог еще вызвать крупных кровавых дел.

8. Следующее обстоятельство дало ему повод расширить сферу действий. Бывший викарий Хилон и его жена по имени Максима подали тогдашнему префекту города Рима Олибрию** жалобу на то, что их пытались околдовать, они добились того, что те, кого они заподозрили, органный мастер Серик, учитель гимнастики Асболий и гаруспик Кампенсий были немедленно схвачены и посажены в тюрьму. 9. Но так как дело

* См.: 19, 11, 4 — восточная часть Паннонии.
** В 368 г.

затянулось вследствие болезни Олибрия, то раздосадованные задержкой истцы подали прошение, чтобы расследование их дела было поручено префекту хлебоснабжения, на что и было дано разрешение для ускорения дела. 10. И вот, получив возможность вредить, Максимин дал простор прирожденной ему жестокости, дремавшей в его грубой натуре, как нередко проявляют ее дикие звери, которых держат для амфитеатров, когда им удается вырваться на свободу, сломав двери клетки. Предварительное следствие по этому делу велось разными способами, словно прелюдия к трагедии. От каких-то людей с исполосанными пыткой боками получены были показания против знатных лиц, будто они через своих клиентов и других низкого положения людей, известных как преступники и доносчики, обращались к колдунам. И вот этот дьявольский следователь, не довольствуясь предоставленными ему полномочиями, представил злонамеренный доклад императору о том, что только более тяжкими казнями можно расследовать и покарать гибельные злодейства, в которых очень многие лица в Риме оказались повинными. 11. Узнав об этом, император, относившийся к проступкам скорее с горячностью, чем с разумной строгостью, пришел в страшное раздражение и отдал приказ, высокомерно подводя под закон об оскорблении величества эти дела, подвергать в случае надобности пыткам даже всех тех, кого древнее право и указы императоров освобождали от кровавого следствия. 12. А чтобы удвоение власти и возвышение положения умножило несчастия, он предоставил Максимину право действовать с полномочиями префекта и для следствия, которое начиналось на погибель многих, приставил к нему нотария Льва, бывшего впоследствии магистром оффиций*, который на своей родине, в Паннонии, занимался грабежом могил; зверская усмешка этого человека выдавала его жестокость, и не менее Максимина он жаждал человеческой крови. 13. Упорная решимость Максимина губить людей усилилась с получением подобного ему товарища и почетного для него указа императора с предоставлением высокого звания. Поэтому в восторге он ставил свои ноги то тут, то там, так что казалось, будто он танцует, а не ходит, стараясь подражать брахманам, которые, как рассказывают, шествуют между алтарями богов с высоко поднятой головой.

---

* 26, 1, 6; 30, 2, 10.

14. Зазвучал сигнал внутренних бедствий, и предстоящие ужасы привели всех в оцепенение. Из множества кровавых и жестоких дел, разнообразие и количество которых нельзя перечесть, выделялась смерть адвоката Марина. Он был обвинен в том, что позволил себе искать руки некоей Гиспаниллы при помощи колдовства; после самого поверхностного рассмотрения достоверности доноса, он был приговорен к смерти.

15. Допуская возможность, что кто-нибудь из моих будущих читателей, тщательно разобрав дело, упрекнет меня в том, что сначала случилось одно, а не другое, или что вовсе пропущено то, чему он был очевидцем, — я замечу в оправдание, что не все, что касалось людей низкого положения, достойно рассказа, и если бы пришлось описывать полностью все, то даже справки в государственном архиве не были бы вполне достаточны, поскольку разгорелось столько бедствий, и неслыханное бешенство безо всякой задержки поставило все вверх дном, когда всем было очевидно, что переживаемые ужасы были не судом, а приостановкой отправления правосудия.

16. Тогда же был привлечен к ответственности за прелюбодеяние сенатор Цетег и казнен через усечение головы; знатный юноша Алипий за незначительный проступок был отправлен в ссылку, и многие другие люди низшего звания подвергнуты публичной казни. В несчастьях этих людей всякий видел образ грозившей и ему самому опасности, и палач, оковы, мрачная тюрьма являлись всем даже в сновидениях.

17. В то же самое время был привлечен к ответственности Гиметий, муж прекрасных качеств. Ход этого дела был по моим сведениям таков. Когда он управлял Африкой в звании проконсула, то во время тяжкого голода, посетившего Карфаген, он выдал населению его хлеб из запасов, предназначенных для римского народа; немного позже, когда был большой урожай, он немедленно возместил все выданное. 18. Но так как он продавал нуждавшимся по десяти мадиев за один солид, а сам получал по тридцати, то излишек денег он внес в государственную казну. А Валентиниан, заподозрив, что он сделал при этом аферу лично для себя и прислал мало денег, наказал его конфискацией части его состояния.

19. В завершение его бедствий открылось в те же дни не менее гибельное для него обстоятельство. На гаруспика Аман-

ция, пользовавшегося тогда большой известностью, был сделан тайный донос, будто его вызывал тот же Гиметий ради каких-то преступных деяний для жертвоприношения. Будучи привлечен к суду, Аманций хотя и склонялся под тяжестью пыток, однако упорно все отрицал. 20. Так как он настаивал на своем отрицании, то из дома его были взяты секретные бумаги, и там оказалась собственноручная записка Гиметия, в которой тот просил его совершением торжественных обрядов расположить к нему императоров;* в конце записки содержались резкие выпады против императора за его корыстолюбие и жестокость. 21. Узнав об этом из донесения судей, которые дали этому злостное истолкование, Валентиниан приказал произвести самое строгое следствие по этому делу. И так как состоявший советником при вышеназванном Гиметий Фронтин изобличен был в составлении этой записки, то он был подвергнут наказанию розгами и, после того как сознался в этом деянии, сослан в Британию; а Аманций осужден был позднее по обвинению в уголовных преступлениях и казнен.

22. После этого ряда событий Гиметий был отправлен в Окрикул для допроса префектом Ампелием и викарием Максимином. Ему предстояла, как было очевидно, немедленная гибель; но, воспользовавшись предоставленной ему возможностью, он апеллировал к императору, и защита этим именем спасла ему жизнь. 23. Когда императору доложили об этой апелляции, он предоставил разобрать дело сенату. Сенат, рассмотрев его по всей справедливости, приговорил Гиметия к ссылке в Бои, местность в Далмации. Этим сенат навлек на себя тяжкий гнев императора, который страшно возмутился, когда узнал, что человек, обреченный, по его собственным предположениям, на смерть, подвергся более мягкой каре.

24. Эти и подобные бедствия, обрушившиеся на многих лиц, вызвали всеобщую панику. Чтобы эти бедствия, выползавшие тайными путями и распространявшиеся мало-помалу дальше, не повлекли за собой целой громады несчастий, по решению знати (т. е. сената), было отправлено к императору посольство. Бывший префект Претекстат, бывший викарий Венуст и бывший консул Минервий должны были подать императору прошение, чтобы кары не оказывались

* Т. е. Валентиниана и Грациана.

выше проступков и чтобы не подвергали пыткам сенаторов вопреки обычаю и праву. 25. Когда они были приняты на аудиенции и изложили свою просьбу, Валентиниан стал отрицать, что он сделал такое распоряжение, и начал кричать, что его оклеветали. Но квестор Евпраксий в деликатной форме доказал ему противоположное и, благодаря этой его смелости, отменен был жестокий приказ, беспрецедентный по своей суровости.

26. В то же время, на основании строжайшего следствия, произведенного Максимином, сын бывшего префекта Лампадия, Лоллиан, только что вошедший в пору юности, был уличен в том, что он, в возрасте еще неокрепшего суждения, переписал книгу о чародействе. Ему предстояло, как предполагали, подвергнуться ссылке. По совету отца, он апеллировал к императору. Согласно последовавшему приказанию, он был доставлен на главную квартиру и попал, как говорится, из огня да в полымя: разбор дела был передан консуляру Бетики Фалангию, и Лоллиан умер от руки палача.

27. Кроме названных лиц были привлечены к ответственности следующие лица сенаторского звания: Тарраций Басс, впоследствии городской префект, брат его Камений, некто Марциан и Евсафий. Они были обвинены в том, что оказывали покровительство колесничному вознице Авхению, как соучастнику в колдовстве. Так как доказательства были сомнительны, то благодаря заступничеству, как рассказывала молва, Викторина, состоявшего в самой тесной дружбе с Максимином, они были оправданы.

28. Даже на женщин простирались подобные несчастья. Многие матроны знатного происхождения были казнены по обвинению в прелюбодеяниях и безнравственности. Более известные из них были Кларитас и Флавиана. Когда одну из них вели на казнь, то с нее сорвали одежду, которая была на ней, и не позволили даже оставить ничего, чтобы прикрыть срамные части. За это палач, уличенный в совершении этого дикого злодеяния, был сожжен живым.

29. Далее, сенаторы Пафий и Корнелий, оба сознавшиеся в том, что осквернили себя колдовством, были казнены по приговору того же Максимина. Такая же участь постигла прокуратора монетного двора. Названных выше Серика и Асболия*

---

* См. выше, гл. 8.

он засек до смерти тяжкими ударами кнута со свинцом, так как, стараясь выманить у них имена соучастников, он дал им клятву, что не прикажет казнить их ни огнем, ни железом. После этого он осудил на казнь огнем гаруспика Кампенсия, не будучи по его делу связан никакой клятвой.

30. Здесь я считаю уместным рассказать, какая причина привела к гибели Агинация, человека, принадлежавшего, как гласила о том упорная молва, к самой древней знати, хотя и нельзя было подтвердить этого документально. 31. Все более наглея, Максимин, еще будучи префектом хлебоснабжения, найдя достаточный повод усилить свое нахальство, стал позволять себе презрительно обращаться с Пробом, который занимал самое высокое положение среди высших чинов и управлял разными провинциями на правах преторианского префекта*. 32. Агинаций возмущался этим и досадовал, что в судебных следствиях Олибрий предпочел ему Максимина, хотя он был викарием Рима. И вот в частном разговоре он намекнул Пробу наедине, что легко можно устранить этого тщеславного человека, который позволяет себе оскорблять заслуженнейших людей, если он согласен на это. 33. Проб, как утверждают некоторые, послал письмо об этом к Максимину, так как боялся его как человека, искусного в злодеяниях и имевшего влияние у императора. Никто об этом не знал, кроме посланца, передавшего письмо. Прочитав его, этот дикий человек воспылал таким гневом, что пустил в ход против Агинация все интриги, и извивался, как змея, которую придавило колесо. 34. Сюда прибавился и другой важный повод для козней, которые сгубили Агинация. Он стал обвинять умершего уже Викторина, что тот, пока был в живых, продавал приговоры Максимина, и, хотя по его завещанию он сам получил весьма значительный легат**, тем не менее с той же дерзостью угрожал процессом его вдове Анепсии. 35. Опасаясь этого, она придумала для того, чтобы можно было рассчитывать на помощь Максимина, будто ее покойный муж в недавно составленном завещании оставил и ему 3000 фунтов серебра. Сгорая чрезвычайной алчностью — он не был свободен и от этого порока, — тот потребовал полови-

* 27, 11.

** У римлян был обычай в завещаниях отказывать друзьям и близким людям ту или иную, смотря по состоянию, сумму денег.

ны наследства. Но, не удовольствовавшись и этим, придумал другой способ, как казалось, благородный и безопасный, и, чтобы не упустить представившегося удобного случая завладеть богатым состоянием, попросил в жены своему сыну дочь Анепсии, которой Викторин приходился отчимом. Мать дала согласие, и дело было быстро слажено.

36. В окружении таких и подобных равно достойных слез злодейств, которые изменяли самый облик Вечного города, шествовал вперед этот человек, имя которого можно произнести только со стоном скорби, нес гибель и разрушение благосостоянию многих домов и раздвигал сам себе рамки судебных полномочий. Рассказывают, что у него всегда висела из одного окна преторианского дворца веревка, к концу которой привязывали доносы*, и хотя они не подтверждались никакими доказательствами, но могли повредить многим невинным. Несколько раз он приказывал выталкивать (для вида) из дому Муциана и Барбара, своих служителей, поднаторевших во всяких обманах. 37. Притворно оплакивая несчастья, якобы их удручающие, они громко кричали, преувеличивая жестокость судьи, и не раз повторяли одно и то же, что, мол, не остается никакого средства для привлекаемых к суду спасти свою жизнь, кроме как возбуждать тяжкие обвинения против знатных людей, так как, привлекая их как соучастников своих несчастий, можно надеяться тем самым на освобождение.

38. Эта неумолимая жестокость выходила за всякие границы, и множество людей попадало в оковы; знатные по происхождению люди облекались в простые одежды и каждый был в тревоге за себя. Нельзя даже поставить в упрек кому-нибудь из них, когда, приветствуя его, они сгибались чуть ли не до земли, слыша, как этот зверски свирепый разбойник кричал, что никто не может оказаться невиновным против его воли. 39. Эти слова, за которыми быстро следовало исполнение, устрашили бы, конечно, даже людей, похожих на Нуму Помпилия и Катона. Дела шли так, что не пересыхали слезы на глазах таких людей, которые страдали лишь от вида чужих бедствий, что случается во время особенных житейских невзгод. 40. Этот судья с медным лбом, нередко отступавший от права и справедливости, имел одно хорошее

* Место это испорчено, и смысл восстанавливается гипотетически.

качество: иногда он, смягчаясь в ответ на просьбы, кое-кого щадил, что почти граничит с пороком, как написано это у Цицерона: «Где гнев неумолим, там господствует величайшая строгость; а где он легко сдается — величайшая неустойчивость, которую, однако, хотя плохо то и другое, должно предпочесть суровости»*.

41. Через некоторое время Максимин, как раньше Лев, получил преемника и был отозван на главную квартиру императора, будучи возведен в префекты претория. Он не стал от этого сколько-либо мягче и, как змея, старался вредить издали. 42. Тогда же, или немного раньше, появились зеленые побеги на метлах, которыми подметали зал заседаний сената, и это служило предзнаменованием того, что люди самого низкого звания поднимутся до высших чинов сановников.

43. И хотя уже пора вернуться к моему повествованию, однако, не нарушая последовательности изложения, я упомяну кратко о тех несправедливых деяниях, которые были совершены другими викариями префекта города Рима, потому что они действовали по указанию и воле Максимина, как покорные его слуги. 44. После него появился Урзицин, склонный вообще к более мягкому образу действий. Желая соблюдать осторожность и строгую законность, он послал донесение о том, что Езайя с другими, задержанными за прелюбодеяние с Руфиной, пытались обвинить в преступлении об оскорблении величества мужа Руфины, Марцелла, бывшего имперского агента. За это оказались им недовольны, как медлительным человеком, мало подходящим для решительных действий в отношении подобного рода преступлений, и он был отстранен от должности. 45. Его преемником стал Симпликий из Эмоны**. Сначала школьный учитель, затем советник при Максимине, он после отправления этой должности не стал ни горд, ни надменен, но наводил страх своим косым взглядом. Мягкий на словах, он потихоньку замышлял злое против многих. Прежде всего он казнил Руфину со всеми виновными в прелюбодеянии и соучастниками этого дела, о котором, как я выше сказал, докладывал Урзицин; той же участи подверглись затем многие другие, безо

* *Cic.* Ep. ad Qu. fr., 1, 13, 39.

** Город в провинции Паннонии, ныне Лайбах.

всякого различия между виновными и невиновными. 46. Соревнуясь в кровавой борьбе с Максимином, как со своим образцом, он старался превзойти его в нанесении смертельных ран представителям знатных родов и подражал древним Бузириду, Антею и Фалариду[5], так что, казалось, недоставало ему только быка в Агригенте.

47. При таком общем течении дела некая матрона Гезихия, которая была отдана под арест в дом одного служителя канцелярии вследствие возбужденного против нее дела, в страхе перед ожидавшими ее всякими ужасами, вдавила свое лицо в пуховую подушку и, лишившись возможности дышать через нос, задушила себя сама.

48. Сюда прибавилось другое не менее жестокое дело. Евмений и Абиен, оба члена сената, уже при Максимине были уличены в своей связи с Фаузианой, женщиной также знатного сословия. Пока жив был Викторин, они были в относительной безопасности, а после его смерти, устрашенные прибытием Симпликия, который грозился идти по следам Максимина, скрылись в тайном убежище. 49. Когда Фаузиана была осуждена, их привлекли к ответственности и вызвали в суд. Но они постарались скрыться еще тщательнее. Абиен скрывался долго в доме Анепсии. Как обычно бывает, что неожиданный случай отягчает несчастное положение, так было и здесь: раб Анепсии, по имени Апавдул, раздраженный тем, что была высечена его жена, ночью отправился к Симпликию и сделал донос. Тотчас были посланы служители, которые извлекли скрывавшихся из их убежища. 50. Абиен, вина которого отягчалась еще тем, что он обвинялся в прелюбодеянии с Анепсией, был казнен; а Анепсия, видя в отсрочке казни способ спасти свою жизнь, заявила, что она подвергалась насилию в доме Агинация при помощи колдовства. 51. Симпликий составил обо всем этом подробное донесение императору. Находившийся при дворе в ту пору Максимин питал вражду к Агинацию по поводу, о котором я выше сказал, и теперь, вместе с повышением в сане, еще больше ожесточился в своей злобе. Он стал настойчиво просить, чтобы император дал повеление казнить Агинация. И этот зловредный и влиятельный человек без труда добился желательного ему указа. 52. В то же время Максимин опасался усиления ненависти против себя, если по приговору Симпликия, его личного друга и советника, будет казнен человек

патрицианского рода. Поэтому он задержал на некоторое время у себя императорское повеление, колеблясь и раздумывая, в ком ему найти верного и решительного исполнителя кровавого дела. 53. Наконец, как в пословице, рыбак рыбака видит издалека, он нашел некоего Дорифориана, галла по происхождению, человека дерзкого до безумия. Получив его обещание быстро справиться с этим делом, Максимин устроил назначение его викарием и передал ему вместе с дипломом о назначении тот рескрипт; а из-за неопытности этого свирепого человека указал ему, как безо всяких препятствий поскорее погубить Агинация, который, воспользовавшись какой-нибудь отсрочкой, мог бы спастись от наказания.

54. Согласно приказанию, Дорифориан поспешил в Рим большими переездами и с самого начала отправления своей должности старательно выискивал способ, как ему без содействия с чьей-либо стороны лишить жизни сенатора знатного рода. Узнав, что он уже давно найден и находится под арестом на собственной вилле, Дорифориан решил самолично провести его допрос как главы обвиняемых и Анепсии в самую полночь, когда человек обыкновенно чувствует себя в возбужденном и тревожном состоянии: не касаясь множества других примеров, я напомню, что Аякс у Гомера высказывает желание умереть скорее при дневном свете, чем испытывать усиление смертного ужаса страхом ночи*. 55. И так как этот судья, или, скорее, негодный разбойник, держа в уме только свое обещание, во всем переступал меру, то, приказав привести для допроса Агинация, он велел впустить туда же целую толпу палачей. При зловещем звякании цепей он мучил пытками до смерти рабов, утомленных продолжительным заключением, требуя от них показаний против их господина, хотя милосердные законы запрещали делать это в следствиях о прелюбодеяниях[6].

56. Наконец, когда пытка, грозившая окончиться смертью, вырвала у одной рабыни неопределенные показания, он, не исследовав надлежащим образом правильность показания, немедленно изрек смертный приговор Агинацию. Тщетно тот апеллировал громким криком к императорам, его подхватили на руки и убили; по такому же приговору

---

* *Hom.* II, 17, 645.

была казнена и Анепсия. Такие злодейства Максимина, как тогда, когда он находился в городе, так и тогда, когда действовал через своих приспешников, приходилось оплакивать Вечному городу.

57. Но не остались без возмездия последние проклятия убитых. Как я расскажу в подходящем месте, Максимин, дошедший до невыносимой наглости, был казнен при Грациане; Симпликий был убит в Иллирике, и Дорифориан был отдан под суд и заключен в Туллианскую тюрьму. По совету матери, император Грациан приказал его оттуда освободить; но когда он вернулся домой, там казнили его мучительной смертью.

Таково было положение дел в городе Риме. Возвращаюсь теперь к своему повествованию.

2

1. Валентиниан, строивший обширные и полезные планы, укреплял все течение Рейна от начала Рэции и до океанского пролива большими плотинами, надстраивал стены крепостей и укреплений, ставил на подходящих и удобных местах сторожевые башни по всему пространству Галлии, а кое-где и за рекой воздвигал сооружения на самых границах с варварами. 2. Когда он понял, что одно высокое и сильное укрепление, которое он сам возвел от основания, может быть мало-помалу подмыто сильным напором воды протекавшей возле него реки Никра*, он задумал иначе направить само течение реки, привлек опытных в водном деле мастеров и приступил к выполнению этого трудного дела со значительным отрядом солдат. 3. В течение многих дней сколачивали ящики из дуба и опускали их в реку; и хотя вбивали и укрепляли возле них по нескольку рядов огромных свай, но поднимавшаяся в реке вода вырывала их и, двинув с места, ломала в водовороте. 4. Победили, однако, настойчивость императора и усилия послушных солдат. Часто во время работы им приходилось находиться до подбородка в воде, и были случаи возникновения смертельной опасности; но наконец укрепление было освобождено от разрушительного напора реки и крепко стоит и доныне.

* Неккар, правый приток Рейна.

5. Очень обрадованный этим успехом Валентиниан стянул опять войска, которые в связи с временем года разошлись уже по разным местам, и прилагал усилия на пользу государству, как и подобает государю. Для выполнения задуманного плана он принял решение спешно построить укрепление по ту сторону Рейна на возвышенности Пире*, лежащей в земле варваров. И так как только быстрота могла обеспечить благополучное осуществление этого предприятия, то он отдал приказ через Сиагрия, тогда нотария, а позднее префекта и консула, командиру Аратору приняться за это дело, пока повсюду царила глубокая тишина.

6. Аратор немедленно, согласно приказу, и переправился на ту сторону вместе с нотарием и начал земляные работы с солдатами, которых привел с собой. Он был сменен Гермогеном. В то же самое время появились некоторые старейшины аламаннов, отцы заложников, которых мы держали, согласно условиям договора, как весьма серьезный залог продолжительного мира. 7. Преклонив колени, они молили, чтобы римляне, которые всегдашней верностью слову вознесли свою судьбу до небес, не отклонялись, пренебрегая собственной безопасностью, на ложный путь и не принимались за недостойное дело, поправ условия договора. 8. Эти и подобные речи их не были услышаны, и, видя, что им не получить успокоительного и мягкого ответа, они ушли, оплакивая гибель своих сыновей. Как только они удалились, из укрытого места на соседней возвышенности появился отряд варваров, который, как легко было догадаться, дожидался там ответа, который получат старейшины. Бросившись на полуголых солдат, которые тогда носили еще землю, они выхватили мечи и перебили их, и с ними вместе были убиты и оба начальника. 9. Никто не уцелел, чтобы принести весть об этом, кроме Сиагрия, который после гибели всех остальных вернулся на главную квартиру. Разгневанный император лишил его военного звания, и он отправился к себе домой, подвергнувшись столь суровому приговору за то, что единственный уцелел.

10. Между тем в Галлии наглый разбой все усиливался на всеобщую погибель; особенно стали опасны большие дороги, и все, что обещало какую-нибудь поживу, расхищалось

* 27, 10, 9.

самым дерзким образом. Наконец, в числе множества других лиц, ставших жертвой этих коварных нападений, оказался Констанциан*, трибун императорской конюшни, родственник Валентиниана, брат Цериалия и Юстины**, его захватили из засады и вскоре после этого убили.

11. И как будто сами Фурии вознамерились вызвать повсеместно такие же бедствия, в другом далеком краю расхаживали жестокие разбойники маратокупрены. Так назывались жители селения с таким названием в Сирии близ Апамеи. При своей многочисленности они отличались большой ловкостью в разных хитростях и внушали большой страх, потому что под видом купцов и военных людей высокого звания, разъезжали, не вызывая огласки, повсюду и нападали на богатые дома, виллы и города. 12. Нельзя было спастись от их внезапного появления, так как они направились не в одно определенное место, а в различные и далеко отстоящие и врывались всюду, куда гнал ветер. Потому-то и саксы внушают больший страх, чем другие враги, вследствие внезапного своего появления***. Хотя эти шайки ограбили очень многих и, словно в каком-то безумии, испытывая жажду крови не меньше, чем добычи, произвели страшные избиения, но, чтобы рассказом о мелких событиях... не осложнить ход изложения, я упомяну лишь об одном коварно задуманном их злодеянии. 13. Собравшись в целый отряд под видом канцелярии чиновника казначейства с правителем провинции во главе, разбойники вошли вечером в город под зловещий крик глашатая и заняли вооруженной силой великолепный дом одного знатного человека под тем предлогом, что он приговорен к смерти с конфискацией имущества. Похитив драгоценную утварь, так как растерявшаяся от внезапного их появления прислуга не защищала своего господина, и перебив многих, они поспешно ушли до наступления дневного света. 14. Но так как они, хотя и были отягощены награбленным у многих добром, не упускали случая пограбить еще, то их настиг отряд имперских войск, напал на них и перебил всех до единого. Равным образом было перебито их подрастающее поколение, чтобы, возму-

* Ср.: 23, 3, 9.
** Жена Валентиниана; ср.: 30, 10, 4.
*** Ср.: 30, 7, 8.

жав, не сделалось похожим на родителей. Разрушены были и дома их, которые они обставили с большой роскошью за счет ограбленных ими людей. Это случилось еще до описанных событий.

3

1. Феодосий, именитый полководец, бодро начал поход из Августы, называвшейся прежде Лундиний, с отлично сформированной армией и оказал великую помощь угнетенным британцам. Повсюду он занимал удобные для засад места, опережая варваров, и не отдавал никакого приказания простому солдату исполнить что-либо, чего бы сам не начал со своей бодрой энергией. 2. Таким образом, исполняя сам обязанности дельного солдата и отличного полководца, он разбил и изгнал разные племена, которые нагло нападали на римские области, сознавая свою безнаказанность. Он восстановил города и крепости, которые пострадали от многочисленных бедствий, и обеспечил им безопасность на продолжительное время в будущем.

3. Пока он так действовал, случилось одно ужасное событие, которое могло бы привести к великим опасностям, если бы не было остановлено в самом начале.

4. Некто Валентин, брат жены Максимина, того ужасного викария, а позднее префекта, человек, способный на высокие замыслы, проживавший в Валерии, области Паннонии, был сослан за тяжкое преступление в Британию. Не вынося покоя, этот зловредный зверь стал замышлять восстание и питал гнев на Феодосия, понимая, что только он может подавить его преступные замыслы. 5. Он выискивал тайком и открыто всякие способы для достижения своей цели: дерзкие замыслы его крепли и усиливались, и он начал агитировать среди сосланных и солдат, побуждая их к бунту обещанием наград в размерах, которые ему позволяли обстоятельства. 6. Замысел уже близился к осуществлению. Но Феодосий вовремя получил сведения от своих агентов и со свойственной ему быстротой действий и твердой решимостью покарать ставшее ему известным злодеяние переслал Валентина с несколькими ближайшими соучастниками вождю Дульцицию для совершения над ними смертной казни. Его военная проницательность, которой он выделялся среди всех своих современников, побудила его, в предви-

дении будущего, запретить производство следствия о заговорщиках, чтобы не возбудить паники и не оживить только что успокоившихся тревог в британских провинциях. 7. Ликвидировав всякую опасность, он занялся проведением разных необходимых мероприятий. Всем было известно, что счастье не изменяло никаким его предприятиям, и он стал восстанавливать города и укрепления, как я сказал, обеспечивать границы стражей сторожевыми постами. Всем этим он настолько привел к прежнему виду провинцию, чуть не захваченную варварами, что по его докладу она получила законного правителя и по решению императора, который как бы справил триумф, называлась впоследствии Валенцией.

8. ...Ареаны*, класс служащих, установленный с давних пор, о которых я кое-что рассказал в повествовании о Константе, стали мало-помалу позволять себе разные злоупотребления, и Феодосий устранил их с их постов. Они были изобличены в том, что, поддавшись соблазну полученной и обещанной им добычи, не раз сообщали варварам, что происходит у нас. Обязанности их состояли в том, чтобы совершать поездки в разных направлениях и сообщать нашим военачальникам о передвижениях соседних племен.

9. После того как Феодосий столь блистательно завершил эти дела, как и те, о которых я говорил выше, он был отозван ко двору. Провинции он оставил в блестящем состоянии, и его прославляли за многие спасительные победы, как Фурия Камилла или Папирия Курсора[7]. Всеобщее к нему расположение выразилось в проводах до самого пролива. Переправившись при легком ветре через море, он прибыл на главную квартиру императора, был принят с радостью и похвалами и назначен преемником Валента Иовина, состоявшего магистром конницы.

4

1. Обилие событий внешней истории надолго отвлекло меня (в моем повествовании) от дел города Рима; к их изложению я возвращаюсь, начиная с префектуры Олибрия**,

* Этот термин нами не засвидетельствован в других источниках. Быть может, следует читать Angarii.

** 368—370 гг.

которая протекала очень спокойно и безо всяких жестокостей. Олибрий никогда не отступал от требований человечности, относился с большой осторожностью к тому, чтобы никакое его дело или слово не оказалось жестоким. Он строго преследовал клеветников, пресекал, где мог, вымогательства чиновников фиска, точно и тонко отличал правду от неправды и выделялся большой мягкостью в обращении с подчиненными. 2. Эти его достоинства омрачал один недостаток, мало вредивший общему делу, но весьма позорный для сановника высокого звания, а именно: вся его жизнь до того времени при его склонности к роскоши прошла в театрах и любовных похождениях, которые, впрочем, не оскорбляли нравственности и законов.

3. После него городом управлял Ампелий родом из Антиохии, также со страстью отдававшийся удовольствиям. После того как он был магистром оффиций, он был два раза проконсулом и значительно позднее достиг высокого звания префекта. То был человек по своим общим качествам как бы созданный для того, чтобы привлечь к себе расположение народа, но подчас, тем не менее, слишком строгий и, к сожалению, неустойчивый в своих решениях. Он мог хотя бы отчасти сократить зло обжорства и пьянства, но предпочел попустительство и потому не приобрел прочной славы. 4. Он издал распоряжение, чтобы раньше четвертого часа* питейные заведения не открывались, никто из простых людей не согревал воды для горячего напитка, продавцы кушаний не предлагали вареного мяса и чтобы вообще никакой порядочный человек не позволял себе есть на улице. 5. Эти и другие еще более дурные обычаи, вследствие продолжительного попустительства, вошли в такую силу, что даже сам Эпименид Критский[8], если бы он, как в мифе, восстал из могилы и вернулся к нам, не был бы в силах один отстоять город Рим: такое страшное падение нравов охватило большинство населения.

6. Теперь я хочу описать в беглом очерке, как я несколько раз делал раньше в соответствующих местах, пороки знати, а затем — простого народа. 7. Некоторые, блистая знатными, как они думают, именами, страшно гордятся тем, что зовутся Ребуррами, Флабуниями, Пагониями, Герсонами,

* Т. е. не раньше 9 часов утра по нашему счету.

Далиями, Таррациниями, Перразиями и другими столь приятно звучащими славными именами. 8. Некоторые величаются шелковыми одеждами и гордо выступают в сопровождении огромной и шумной толпы рабов, как будто их провожают на смерть или — чтобы выразиться избежав дурного знамения — они замыкают строй выступающей перед ними армии.

9. Когда такие люди входят в сопровождении 50 служителей под своды терм, то грозно выкрикивают: «Где наши?» Если же они узнают, что появилась какая-нибудь блудница, или девка из маленького городка, или хотя бы давно промышляющая своим телом женщина, они сбегаются наперегонки, пристают ко вновь прибывшей, говорят в качестве похвалы разные сальности, превознося ее, как парфяне свою Семирамиду, египтяне — Клеопатру, карийцы — Артемизию или пальмирцы — Зенобию[9]. И это позволяют себе люди, при предках которых сенатор получил замечание от цензора за то, что позволил себе поцеловать жену в присутствии собственной их дочери, что тогда считалось неприличным*.

10. Некоторые из них, когда кто-нибудь хочет их приветствовать объятием, наклоняют голову вниз, словно собирающиеся бодаться быки, и предоставляют льстецам для поцелуя свои колени или руки, полагая, что и это должно их сделать счастливыми, а что касается чужого человека, которому они, быть может, даже в чем-то обязаны, то, по их мнению, выполнен весь долг вежливости, если они предложат ему вопрос, какие термы он посещает, какой водой пользуется, в чьем доме остановился.

11. Будучи столь важными и являясь, как они о себе воображают, почитателями доблестей, эти люди, если только узнают, что получено известие о предстоящем прибытии в Рим коней или возниц, с такой поспешностью бросаются, смотрят, расспрашивают, как их предки дивились некогда братьями Тиндаридами, когда они известием о победе в давние времена наполнили всех радостью**.

---

* Плутарх в биографии Катона Старшего рассказывает, что во время своей цензуры он исключил из сената Манилия за такой поступок.

** Автор делает намек на известное сказание о том, как Кастор и Поллукс известили римлян о победе при Регильском озере.

12. Дома их посещают праздные болтуны, которые рукоплещут со всяческой лестью каждому слову человека высшего положения, играя шутовскую роль паразита древней комедии[10]. Как те льстят хвастливым солдатам, приписывая им осады городов, битвы, тысячи убитых врагов, уподобляя их героям, так и эти до небес превозносят знатных людей, восхищаясь высоко воздымающимися рядами колонн с капителями наверху и любуясь стенами, ослепляющими взор блеском мрамора.

13. Иной раз на пирах требуют весы, чтобы взвесить рыб, птиц и сонь, затем идут до тошноты повторяющиеся восхваления их величины, как будто никогда не виданной; а тут еще стоит при этом чуть не тридцать нотариев, с записными книжками, недостает только школьных преподавателей, чтобы произнести об этом речь.

14. Некоторые боятся науки, как яда, читают с большим вниманием только Ювенала и Мария Максима* и в своей глубокой праздности не берут в руки никакой другой книги; почему это так, решать не моему слабому рассудку. 15. А между тем людям такого высокого положения и столь знатного происхождения следовало бы читать много различных сочинений. Ведь они наслышаны, что Сократ, когда он уже был приговорен к смерти и заключен в темницу, услышав, как один музыкант распевал под аккомпанемент лиры стихи Стесихора[11], попросил того учить его, пока есть еще время; на вопрос певца, какая ему от этого польза, когда ему предстоит умереть послезавтра, Сократ ответил: «Чтобы уйти из жизни, зная еще чуть-чуть больше».

16. Немногие среди них проявляют должную строгость во взысканиях за проступки. Так, если раб несколько опоздает, принося горячую воду, отдается приказ наказать его тридцатью ударами плети; если же он намеренно убьет человека и присутствующие настаивают, чтобы виновный был наказан, то господин восклицает: «Чего же и ожидать от подобного негодяя и мошенника? Если в другой раз он посмеет сделать что-нибудь подобное, то уж я его накажу».

17. Верхом хорошего тона считается у них, чтобы чужой человек, если его приглашают к обеду, лучше убил бы брата у

* Историк III в., написавший биографии императоров от Нервы до Элагабала по образцу Светония.

кого-то, чем отказался от приглашения; сенатору легче потерять половину состояния, чем перенести отсутствие на обеде того, кого он решил пригласить после основательного и неоднократного рассмотрения этого вопроса.

18. Некоторые из них готовы сравнивать свои путешествия с походами Александра Великого или Цезаря, если им пришлось проехаться подальше для осмотра своего имения или для участия в большой охоте; если же они съездят из Авернского озера на расписных лодках в Путеолы, в особенности если это происходило во время тумана, то готовы уподобить себя Дуиллию*. Если при этом на бахроме шелковых завес окажутся мухи, не захваченные золочеными опахалами, или через щель завес проникнет луч солнца, они издиваются в жалобах на то, что не родились они в стране киммерийцев. 19. Если кто-то выходит из бани Сильвана или целебных вод Маммеи, то немедленно вытирается тончайшими льняными простынями и принимается тщательно осматривать вынутые из-под пресса блистающие белизной одежды, — а приносят их столько, что можно было бы одеть одиннадцать человек. Наконец, отобрав несколько одежд и нарядившись, он берет кольца, которые отдавал рабу, чтобы не попортить их сыростью, разукрашивает ими пальцы и уходит.

20. Вернись же кто из них недавно со службы при особе императора или из похода, в его присутствии (*никто не смеет открыть рот*), он является как бы председателем. Все молча слушают, что он говорит... он один, как глава дома, рассказывает неподходящее, но приятное ему, и по большей части умалчивает о том, что действительно интересно.

21. Некоторые из них, хоть это и нечасто случается, не желают, чтобы их звали aleatores (игроки в кости) и предпочитают называться tesserarii (метатели костей), хотя разница между этими названиями такая же, как между словами «воры» и «разбойники». Следует, однако, признать, что при общей слабости в Риме дружеских отношений прочны только те связи, которые возникают за игорным столом, как будто они приобретены пóтом славных дел, и они-то поддерживаются с чрезвычайным азартом. Некоторые из игорных обществ живут в такой близости, что можно их признать братьями Квинтилиями**.

* Duilli certamen — конъектура Келлера; Гардтгаузен принимает в тексте конъектуру Гиршфельда: velleris certamen.

** *Dio. Cass.* 71, 5.

Поэтому иной раз приходится видеть, как какой-нибудь человек, совсем простого звания, но сведущий в разных секретах игры, выступает с мрачным видом, словно Порций Катон, когда он провалился, вопреки всяким ожиданиям, на выборах в преторы, и это потому, что какой-нибудь проконсуляр посажен выше него за торжественным обедом или в собрании.

22. Некоторые заискивают перед богатыми людьми, старыми или молодыми, бездетными или холостыми, или даже такими, у кого есть и жена, и дети, — в этом отношении не делается никакого различия, — и склоняют их удивительно изворотливо к составлению завещания. Когда же те формулируют свою последнюю волю и свое имущество оставляют тем, в угоду кому написано завещание, тут они и умирают, как будто судьба ожидала от них этого именно поступка...

23. Другой, хотя и состоит в невысоком сане, ходит, гордо откидывая голову назад, и лишь через плечо оглядывает своих прежних знакомых, как будто это возвращающийся после взятия Сиракуз Марцелл.

24. Многие из них, отрицая существование высшего существа на небе, не позволяют себе, однако, ни выйти на улицу, ни пообедать, ни выкупаться, прежде чем из основательного рассмотрения календаря в точности не узнают, в каком созвездии находится, например, Меркурий или какую часть созвездия Рака занимает на своем пути Луна.

25. Другой, если заметит, что его кредитор настойчиво требует уплаты долга, прибегает к нагло готовому на все цирковому вознице и устраивает так, что против кредитора возбуждается обвинение в колдовстве; кары тот избегает лишь в том случае, если разрешит переписать вексель и поплатится сам большими расходами. Бывает еще и так, что кредитор попадает в тюрьму как бы за долг ему, и его отпускают не раньше, чем он признает этот мнимый долг.

26. С другой стороны, жена кует, по старой пословице, днем и ночью на одной и той же наковальне, заставляя мужа сделать завещание; точно так же и муж настойчиво пристает к жене, чтобы и она составила завещание. С двух сторон приглашаются юристы, чтобы составить взаимно себя исключающие документы, один — в спальне, другой, соперничающий с ним, — в обеденном зале. К юристам присоединяются опытные истолкователи знамений по внутренностям

животных, противоречащие между собой в своих предсказаниях: те щедро сулят префектуры и погребения богатых матрон; а эти, как будто уже присутствуя при погребении мужчин, велят делать необходимые приготовления... как говорит Цицерон: «Ничего на свете не признают они хорошим, кроме того, что приносит выгоду, и к друзьям относятся, как к животным: любят больше всего тех, от кого надеются получить пользу»*.

27. Когда они хотят сделать заем, то ходят скромно, как на сокках**, уподобляясь Миконам и Лахетам; а когда им напоминают об уплате, они держат высокий тон, как в трагедии, — подумаешь, что перед тобой Гераклиды Кресфонт и Темен. На этом я закончу о сенате.

28. А теперь перехожу к праздной и ленивой черни. И среди нее величаются иные, хоть и ходят без сапог, именами Цимессоры, Статарии, Семикупы, Серапины, Цимбрика, Глутирина, Трулла, Луканика, Пордака, Сальзула[12]. 29. Всю свою жизнь они проводят за вином и игрой в кости, в вертепах, увеселениях и на зрелищах. Великий цирк является для них и храмом, и жилищем, и местом собраний, и высшей целью всех их желаний. На площадях, перекрестках, на улицах и в гостиницах сходятся они в кружки, ссорятся и спорят между собой, причем один, как обычно, стоит за одно, другой — за другое. 30. Люди, успевшие пожить до пресыщения, ссылаясь на свой продолжительный опыт, клянутся Янусом и Эпоной[13], что гибель грозит отечеству, если возница, за которого они стоят, на ближайшем состязании не выедет первым из-за загородки и, не натягивая вожжей, не обгонит меты. 31. Безделие так въелось здесь в нравы, что лишь только забрезжит желанный день конских ристаний и не успеет еще полностью взойти солнце, как все стремглав спешат чуть не наперегонки с самими колесницами, которые будут состязаться. Все в тревоге и раздоре из-за своих обетов, которые приносят многим бессонные ночи***.

32. А в каком-нибудь жалком театре прогоняют актеров свистом, если кто-то из них деньгами не купит себе распо-

* *Cic.* De amic., 21, 79.

** Soccus — обувь актера в комедии, низкая, в противоположность котурну — высокой обуви, употреблявшейся актерами трагедии.

*** Обеты за успех того или другого возницы, той или иной партии.

ложения черни. Если театры в покое, то, следуя обычаю племени тавров, начинают реветь противными и бессмысленными голосами, что надо выгнать из города всех чужаков, хотя Рим во все времена был силен поддержкой пришлого элемента. Все это далеко не похоже на поведение и склонности древнего плебса, о котором предание сохранило много остроумных и изящных изречений. 33. А в наши дни появился обычай, что вместо усиленных аплодисментов на всяких зрелищах комедианту, гладиатору, вознице, всякого рода актеру, судьям малым и большим и даже женщинам* наемные клакеры настойчиво кричат: «У тебя ему учиться», хотя никто не может объяснить, чему кто должен учиться.

34. Ужасно распространен порок обжорства. Ощущая запах съестного, под пронзительные крики женщин, с первыми петухами, как павлины, что пищат от голода, бегут люди со всех ног, едва касаясь земли, к трактирам и грызут себе пальцы, пока остывают блюда; другие упорно выдерживают неприятный запах сырого мяса, пока оно варится, и можно подумать, что это Демокрит с анатомами, разбирая внутренности убитого животного, учит о том, какими способами потомство может лечить внутренние болезни**.

35. На этом я закончу свой обзор состояния города Рима и возвращусь теперь к повествованию о событиях, совершавшихся разнообразной чередой в провинциях.

5

1. В третье консульство обоих Августов*** саксы, уже не раз промышлявшие грабежом и убийствами наших, поднялись большими полчищами и, преодолев трудности переправы через океан, быстро направились к нашему рубежу. Первую бурю этого вторжения выдержал комит Нанниен, начальствовавший в тех пределах, полководец, испытанный продолжительным бранным трудом. 2. Но теперь он встретил врага, который хотел победить или умереть, и понесенные им

* Indices celsi et minores — быть может, распорядители на играх; при чем матроны — непонятно.

** Демокрит назван исследователем природы. Смысл в общем совсем неясен. Вероятно, имеются в виду даровые угощения римской черни за счет государства.

*** 370 г.

потери в людях и собственная рана заставили его понять, что ему не по силам выдержать предстоящую борьбу. На запрос к императору, что ему делать, он получил ответ, что ему на выручку идет магистр пехоты Север*. 3. Когда он прибыл на место с достаточными силами, самою расстановкой своих войск так устрашил варваров еще до битвы, что они и не думали о сопротивлении, но, испуганные блеском знамен и орлов, стали просить прощения и мира. 4. После продолжительного рассмотрения дела со всех сторон, признано было выгодным для государства предоставить перемирие и разрешено было варварам беспрепятственно вернуться туда — откуда они пришли, после того как они отдали много своей молодежи, пригодной для военной службы.

5. С чувством полной безопасности саксы готовились идти назад. Но с нашей стороны тайно был послан отряд пехоты, чтобы устроить засаду в удаленной долине, откуда можно было без затруднений напасть на проходящих мимо. Дело, однако, вышло совсем иначе, чем предполагали.

6. Заслышав шум шагов, некоторые солдаты выскочили преждевременно. Как только варвары их увидели, они подняли свой зловещий боевой клич, не дали нашим времени приготовиться к бою, и те побежали, однако тотчас же остановились и встали в тесном строю; отчаянность положения вынуждала их напрягать все силы, хотя уже и ослабленные. В кровавой резне они все погибли бы до одного, если бы, услышав их жалобные крики, не прискакал быстро на помощь отряд катафрактов, который был также помещен с другой стороны у перекрестка пути. 7. Тогда началась более ожесточенная сеча; с той и другой стороны стали решительно напирать римляне и избивать мечами окруженного неприятеля. И никому из них не дано было увидать опять родной дом, никому не дали пережить избиение земляков. Какой-нибудь строгий судья осудит это дело, как вероломное и нечестное; но, взвесив все обстоятельства, не станет негодовать, что вредоносная шайка разбойников при удобном случае была уничтожена.

8. Столь благополучно покончив с саксами, Валентиниан обдумывал разные планы и чувствовал себя весьма тревожно, всячески придумывая, каким образом сокрушить ему надмен-

* Ср.: 27, 6, 3.

ность царя Макриана и аламаннов, которые своими постоянными вторжениями непрерывно наносили неисчислимый вред Римскому государству. 9. Хотя этот дикий народ терпел, с тех пор как существовал, тяжелый урон в людях от различных несчастий, но он возрождался в своей силе так быстро, как будто оставался в течение долгих веков в неприкосновенности. Император останавливался то на одном плане, то на другом и наконец принял решение вызвать на погибель им бургундов, народ воинственный и чрезвычайно многочисленный, а потому и страшный для всех соседей. 10. Через верных и умевших молчать людей он несколько раз посылал собственноручные письма к их царям, побуждая их напасть на аламаннов в условленное время и со своей стороны обещая перейти через Рейн с римскими войсками и потеснить аламаннов в ту пору, когда они в страхе будут пытаться уйти от тяжелой и неожиданной войны.

11. Письма императора были дружелюбно приняты по двум причинам: во-первых, потому что уже с давних времен бургунды верят в свое римское происхождение, во-вторых, — они часто бывали в ссоре с аламаннами из-за соляных варниц и границ. Они выслали отборные дружины и, прежде чем римские войска успели собраться в одном месте, прошли до берегов Рейна. Император был в тот момент занят сооружением укреплений, и появление бургундов вызвало большой страх. 12. Некоторое время они выжидали, но так как Валентиниан не явился в условленный день и не исполнил ни одного обещания, они отправили послов на главную квартиру с просьбой прислать им подкрепление, чтобы при возвращении назад иметь прикрытие с тыла. 13. Когда послы поняли по отговоркам и затягиванию дела, что им в этом отказывают, они ушли с огорчением и негодованием. Узнав об этом, цари их пришли в ярость, считая себя обманутыми, и, перебив всех пленных, вернулись в свои земли.

14. Цари носят у них одно общее имя «гендинос» и по старинному обычаю теряют свою власть, если случится неудача на войне под их командованием или постигнет их землю неурожай. Точно так же и египтяне обычно возлагают вину за такие несчастья на своих правителей. Главный жрец у бургундов называется «синист» и сохраняет свое звание пожизненно, не подвергаясь никаким случайностям, как цари.

15. Чтобы не упустить этого удобного случая, Феодосий,

в ту пору магистр конницы, сделал через Рэцию нападение на аламаннов, разбежавшихся в страхе перед бургундами. Много народу он перебил, некоторых взял в плен и послал их, согласно приказанию императора, в Италию, где они получили плодородные земли и живут теперь, как податное население, на реке По.

6

1. Теперь, как бы перенесясь на другой конец мира, перейдем к рассказу о бедствиях провинции Триполис в Африке, над которыми, думаю я, плакала сама богиня Справедливости. С чего начались они, как разгоревшееся пламя, это я объясню в последовательном рассказе. 2. Граничащее с этими пределами варварское племя австорианов, всегда готовое к быстрым набегам и привычное жить грабежом и разбоем, сохраняло некоторое время спокойствие, но в силу врожденного своего характера начало вновь беспорядки, выставляя как серьезное основание следующее обстоятельство. 3. Один соплеменник этих людей, по имени Стахаон, пользуясь миром, свободно ездил по нашей территории и позволял себе какие-то незаконные дела; серьезнее других его проступков один, а именно: он всяческими хитростями старался вызвать измену в провинции, и это было подтверждено несомненными данными. За это он был предан казни огнем.

4. Под предлогом мести за несправедливую, как они утверждали, казнь своего соплеменника они ринулись, как остервеневшие звери, из своих обиталищ еще в правление Иовиана, но так как они опасались подходить к Лептису, городу многолюдному и защищенному сильными стенами, то засели на три дня в подгородных местностях, изобиловавших всяким добром. Они истребили много крестьян, которых внезапный страх привел в оцепенение или заставил искать спасения в пещерах, и, предав огню много всякого домашнего имущества, которое нельзя было увезти, вернулись к себе с огромной добычей и увели с собой взятого ими в плен одного из вельмож города, которого случайно застали в деревне вместе с семьей. 5. Устрашенные этим внезапным набегом, лептинцы, в ужасе перед бо́льшими бедствиями, которыми еще грозили им в своей наглости варвары, просили защиты у Романа, назначенного недавно комитом Африки. Когда он подошел с военными силами

и его просили помочь в трудном положении, он заявил, что тронется вперед не раньше, чем будет доставлен провиант в достаточном количестве и приготовлены 4000 верблюдов. 6. Несчастные горожане, изумленные этим ответом, заявили, что после опустошений и пожаров они не в состоянии искупать такими огромными жертвами грозящие им жестокие беды, и комит, пробыв там для вида сорок дней, ушел назад, не предприняв никаких военных действий. 7. Обманувшись в надежде на комита и опасаясь бóльших несчастий, триполитанцы, когда пришел установленный у них день собрания, которое бывает каждый год, избрали Севера и Флакциана депутатами для вручения Валентиниану золотых статуй богини Победы по случаю начала его правления и поручили им поведать ему с полной откровенностью о тяжких бедствиях провинции. 8. Узнав об этом, Роман послал курьера на быстром коне к магистру оффиций Ремигию* — он приходился ему родственником и был участником его грабежей, — прося его устроить дело так, чтобы следствие было поручено викарию и ему. 9. Депутаты явились на главную квартиру и на аудиенции у императора изложили на словах, какие бедствия постигли их, а также представили письменный документ, в котором последовательно было изложено все дело. Император прочитал письмо, и так как он не доверял ни докладу магистра оффиций, покровительствовавшего Роману в его преступлениях, ни противоречащим показаниям послов, то обещал произвести полное расследование дела; но поскольку верховная власть обычно оказывается игрушкой в руках приближенных, следствие это откладывалось со дня на день. 10. Пока триполитанцы в тревоге и волнении ждали помощи от двора, шайки варваров явились опять, проявляя еще большую наглость вследствие безнаказанности в прошлом. Они прошли область Лептиса и Эй, подвергли их страшному опустошению и ушли с огромной добычей. При этом убито было много декурионов, из которых наиболее известными были Рустициан, бывший жрец провинции, и эдил Никазий. 11. Этому вторжению не был дан отпор, потому что хотя по просьбе депутатов военная власть была передана правителю провинции Рурицию, но вскоре перешла к Роману. 12. Известие о новом несчастье было отправлено императору в Галлию и привело его в сильное раздражение. Поэтому отправ-

* 27, 9, 3.

лен был трибун и нотарий Палладий с поручением выдать расположенным в Африке солдатам задержанное жалованье, а также точно расследовать события в Триполисе.

13. Пока происходили эти проволочки и ожидание ответа от императора, австорианы, набравшись еще больше храбрости после повторной удачи, устремились как хищные птицы, которых остервенил возбуждающий вкус крови. Они избивали всех, кому не удавалось бежать от опасности, грабили все, что еще оставалось после прежних набегов, рубили плодовые деревья и виноградные лозы. 14. В эту пору некто Михон, знатный и влиятельный горожанин, был захвачен поблизости от города; он упал на землю и больные ноги не дали ему никакой возможности уйти, но прежде, чем его успели связать, он бросился в сухой колодец. При падении он сломал себе ребро. Варвары вытащили его из колодца и привели к городским воротам. Жена просила позволить ей выкупить его. Михон был поднят на канате на зубцы стен и через два дня умер. 15. Становясь все более наглыми, свирепые разбойники начали штурмовать стены Лептиса, и город, никогда раньше не испытывавший ужасов осады, оглашался жалобными стонами женщин. Восемь дней осаждали они город, и так как понесенные ими при этом потери в людях оказались совершенно напрасными, то они в огорчении вернулись в свою землю. 16. В тревоге за само свое существование и испытывая последнее средство, лептинцы, хотя еще не вернулись посланные ими ко двору депутаты, отправили Иовина и Панкратия с поручением представить императору точный доклад обо всем, что они видели и что сами перенесли. В Карфагене эти новые послы встретили Севера и Флакциана, прежних депутатов, и на расспросы о том, что им удалось сделать, узнали, что им приказано было доложить о своем деле викарию и комиту. Север тут и умер от тяжелой болезни. Тем не менее названные выше послы поспешили в больших переездах ко двору.

17. Когда затем Палладий прибыл в Африку, Роман, заранее осведомленный* о возложенных на него поручениях и желая обеспечить свою безопасность, посоветовал офицерам легионов через тайных посредников предоставить ему, как

* Удерживаю чтение *praestructus*, которое Гардтгаузен напрасно изменил в *praestructurus*.

человеку влиятельному и близкому к самым высоким чинам, бóльшую часть жалованья, которое он привез. Так и было сделано. 18. Обогатившись таким образом, он направился в Лептис и, чтобы разузнать о делах доподлинно, взял с собою Эрехтия и Аристомена, двух видных и красноречивых граждан, которые ему рассказали о бедствиях своих личных, своих сограждан и соседей, и отправился с ними на подвергшиеся опустошению места. 19. Они показали ему все, ничего не скрывая, и, осмотрев печальную картину опустошения провинции, он вернулся назад. Порицая Романа за его бездействие, он грозился доложить императору всю правду о том, что видел. Тот в гневе и печали заявил, что и он со своей стороны сделает доклад о том, что тот, будучи послан как честный нотарий, обратил в свою пользу весь донатив солдат. 20. Сознавая за собой это преступление, Палладий в дальнейшем ладил с Романом и, вернувшись ко двору, бесчестной ложью обманул Валентиниана, заявив, что триполитанцы жалуются понапрасну. Поэтому он был послан назад в Африку с Иовином, последним депутатом — Панкратий умер в Тревирах, — чтобы совместно с викарием рассмотреть заявления второго посольства. Кроме того император приказал отрезать языки Эрехтию и Аристомену, так как Палладий заявил, будто они сделали клеветнические заявления.

21. Согласно приказанию, нотарий следом за викарием прибыл в Триполис. Узнав об этом, Роман спешно отправил туда своего доместика* и происходившего из этой провинции члена своего совета Цецилия. Они сумели так настроить триполитанцев — обманом ли или подкупом — это неизвестно, — что те стали обвинять Иовина и настойчиво заявляли, что не возлагали на него поручения сообщить государю о том, что он ему доложил. Дело так позорно запуталось, что сам Иовин на свою собственную погибель сознался, что он солгал государю. 22. Когда Палладий вернулся ко двору и Валентиниан узнал об этом от него, то, будучи вообще склонен к жестокости, приказал предать смертной казни Иовина как зачинщика, а Целестина, Конкордия и Луция как злостных соучастников обмана. Он велел также казнить правителя провинции

* Звание, о котором мы больше знаем в позднейшие времена, в V и VI вв. Его носил при Велизарии в Африке Соломон, сменивший его в командовании.

Руриция за ложное известие, а кроме того и за то, что в его докладе, как полагали, были дерзкие выражения. 23. Руриций был казнен в Ситифисе, над остальными произнес приговор викарий Кресцент в Утике. Флакциан еще до смерти депутатов был подвергнут допросу перед викарием и комитом. Когда он смело держал свою защитительную речь, его чуть не закололи раздраженные солдаты, нападавшие на него с криком и бранью: они утверждали, что триполитанцев нельзя было защищать, потому что сами они отказались доставить необходимые для похода припасы. 24. Поэтому его заточили в тюрьму до того времени, пока не решит, что с ним делать, сам император, к которому обратились с запросом. Подкупив, как можно было предположить, стражу, он бежал в город Рим и там скрывался, пока не умер своей смертью.

25. После этого запоминающегося окончания внешних и внутренних несчастий замолк измученный Триполис; но он не остался беззащитным, так как бодрствовало вечное око правды и возымели действие предсмертные проклятия депутатов и правителя провинции. Много времени спустя случилось следующее. Палладий получил отставку и, убавив спеси, которой он был надут, ушел на покой. 26. Когда славный полководец Феодосий прибыл в Африку с поручением раздавить опасные начинания Фирма и, согласно приказу, совершал обыск частного имущества вышеназванного Романа, среди его бумаг оказалось письмо некоего Метерия, которое начиналось с обращения: «Господину патрону Роману Метерий» и заключало в себе помимо многого, не относящегося к делу, следующее: «Тебя приветствует разжалованный Палладий, который думает, что разжалование постигло его за то, что он в деле триполитанцев солгал священной особе императора». 27. Когда это письмо было послано ко двору и там прочитано, Метерий был арестован по приказу Валентиниана и признал письмо своим. Вследствие этого Палладий был привлечен к ответственности; но, понимая, какую дьявольскую кашу преступлений он заварил, воспользовался отсутствием в начале ночи на гауптвахте стражи, которая в христианский праздник была на всенощной в церкви, и повесился.

28. Когда стал известен этот счастливый поворот судьбы и погиб главный виновник этих тяжких злодейств, появились на свет божий Эрехтий и Аристомен, которые скрывались в далеких потайных местах, с того времени как узнали,

что приказано отрезать им языки за излишнюю болтливость. Смело сообщили они о преступном обмане императору Грациану — Валентиниан тогда уже умер — и были отосланы к проконсулу Гесперию и викарию Флавиану на допрос. Эти последние действовали с полным беспристрастием и справедливостью; Цецилий был подвергнут пытке и сознался в том, что он сам посоветовал согражданам обвинить депутатов во лжи перед императором. В результате этого следствия был представлен доклад, в котором была открыта вся правда. Ответа на него не последовало.

29. В полное завершение этой страшной трагедии присоединилась еще следующая сцена. Роман отправился ко двору и привез с собой Цецилия, чтобы тот обвинил следователей в пристрастии в интересах провинциалов. Будучи благосклонно принят Меробавдом, он просил вызвать много нужных ему людей. 30. Когда они явились в Медиолан и доказали, что были вызваны под пустым предлогом, их освободили и отправили домой. Еще при жизни Валентиниана после тех событий, о которых я рассказывал выше, Ремигий получил отставку и повесился, и я расскажу об этом в соответствующем месте.

Книга XXIX

(годы 371—373)

1. Нотарий Феодор покушается на верховную власть. Обвиненный перед Валентом в Антиохии в преступлении оскорбления величества и уличенный, он казнен вместе со многими соучастниками.
2. На востоке против многих людей возбуждается обвинение в колдовстве и после обвинительного приговора они подвергнуты казни удушением, одни заслуженно, другие вопреки справедливости.
3. Различные примеры свирепости Августа Валентиниана и его дикой жестокости, имевшие место в западной части империи.
4. Август Валентиниан, пройдя по мосту из судов через Рейн, не смог неожиданно захватить царя аламаннов Макриана по вине солдат.
5. Магистр конницы в Галлии Феодосий побеждает во многих битвах мавра Фирма, сына царя Нубела, который изменил Валентиниану, и, когда тот вынужден был наложить на себя руки, восстанавливает мир в Африке.
6. Квады, раздраженные бесчестным убийством своего царя Габиния, опустошают огнем и мечом Паннонии и Валерию, действуя вместе с сарматами; при этом были почти уничтожены два легиона. О городской префектуре Клавдия.

1

1. По окончании зимы персидский царь Сапор, страшно возгордившийся из-за успехов своих прежних побед, пополнил свои войска и, значительно усилив их, направил для вторжения в наши пределы катафрактов, стрелков и наемное войско. 2. Против этих полчищ выступили комит Траян и бывший царь аламаннов Вадомарий с очень сильной армией, собираясь, согласно приказанию императора, действовать против персов скорее оборонительным, нежели наступательным образом. 3. Когда они прибыли в Вагабанту, представлявшую большие удобства для расположения войск, им пришлось выдержать сильный натиск вражеских конных отрядов. Не желая принимать бой, они сначала намеренно отступили, чтобы не оказалось, что они первыми нанесли ущерб неприятелю и явились виновниками расторжения мирного договора; только вследствие крайней необходимости они вступили в бой и вышли победителями, причинив неприятелю значительный ущерб. 4. Обе армии воздерживались от решительных действий, но несколько раз затевались с той и с другой стороны стычки с различными исходами. Затем было заключено по взаимному соглашению перемирие, и по окончании лета верховные командиры обеих сторон отступили в разных направлениях, сохранив взаимную вражду. Парфянский (персидский) царь вернулся в Ктесифон, чтобы провести там зиму, а римский император вступил в Антиохию. Пребывая там в безопасности от внешнего врага, он едва не пал жертвой внутренней измены, как покажет это дальнейшее изложение событий.

5. Некто Прокопий, неспокойный и всегда страстно преданный интригам человек, сделал донос на придворных Анатолия и Спудасия, которые были осуждены на возмещение

растраченных ими казенных денег, как будто они покушаются на жизнь комита Фортунациана, проявлявшего большую настойчивость во взысканиях. Император вследствие жестокости своего нрава тотчас воспылал страшным гневом и, в силу высокого авторитета своей власти, отдал под суд префекта претория некоего Палладия, человека низкого происхождения, как нанятого вышеназванными лицами колдуна, и Гелиодора, толкователя судеб по гороскопу, чтобы заставить их выдать, что они знали по этому делу. 6. Когда производился строгий допрос об этом деянии или попытке, Палладий дерзко закричал, что дело, разбирательство которого происходит, пустое и не стоящее внимания; а что он, если позволено будет дать показания, разоблачит другое дело поважнее и пострашнее, для которого сделаны уже приготовления в широких размерах и которое может привести в смятение весь мир, если не будут приняты предупредительные меры. Получив приказание говорить свободно то, что он знает, он стал распутывать бесконечный клубок и утверждал, что бывший правитель провинции Фидустий с Иренеем и Пергамием тайно выведали имя того, кто будет императором после Валента. 7. Немедленно был схвачен Фидустий, находившийся случайно поблизости, и незаметно приведен в суд. Увидев доносчика, он не попытался скрыть уже разоблаченную тайну каким-либо запирательством и открыл всю горестную цель этого дела, откровенно сознавшись, что он обращался с вопросом о будущем государе вместе с опытным в деле прорицания Гиларием и Патрицием, из которых Гиларий состоял на дворцовой службе, и что полученный тайными способами ответ предсказал возвышение превосходного государя, а самим вопрошавшим — горестный конец. 8. Когда задумались, кто в ту пору превосходил всех силой духа, пришли к мысли, что превосходит других Феодор, достигший уже второго ранга среди нотариев. И он был в действительности таков, как о нем думали. Происходивший из древнего знатного рода в Галлии, с детских лет прекрасно воспитанный соответственно своему благородному происхождению, он отличался скромностью, рассудительностью, образованностью, располагающими манерами обращения, научными познаниями; он всегда казался выше того ранга и должности, которые занимал, и пользовался расположением, как у высших, так и у низших. Он был

почти единственный в то время человек, чей язык не сковывал страх перед опасностью, так как он не давал воли языку и всегда обдумывал то, что говорил.

9. Фидустий, замученный пыткой до полусмерти, добавил к своим показаниям, что при его посредстве об этом предсказании узнал Феодор через Евсерия, человека известного своей ученостью и пользовавшегося большим уважением, который незадолго до этого управлял Азией в звании вицепрефекта. 10. Немедленно был арестован Евсерий, и все дело было, согласно обычаю, прочитано императору. Дикий гнев, словно пылающий факел, разгорелся в душе Валента, и многие еще разжигали его позорной лестью, а больше всех — тогдашний префект претория Модест. 11. Так как он со дня на день все больше опасался быть замененным, то и старался разными способами расположить к себе Валента, человека простоватого, обволакивая скрытой и изукрашенной туманными словами лестью; простые и грубоватые речи Валента он называл цицероновскими цветами красноречия и для возбуждения его тщеславия вызывался предоставить в его распоряжение даже звезды, если он велит.

12. И вот отдан был приказ немедленно доставить Феодора из Константинополя, куда он отбыл по личным делам. А пока он был в пути, на основании разных предварительных распоряжений, которые выходили днем и ночью, пригоняли в Антиохию из различных областей множество людей, занимавших видное положение своим саном и знатностью. 13. Ни тюрьмы, ни частные дома не могли уже вместить толпу заключенных, задыхавшихся в страшной тесноте, так как бóльшая часть их содержалась в оковах, и всех обуял ужас за себя и своих близких. 14. Наконец прибыл и сам Феодор, полумертвый и в траурной одежде. Его разместили в глухом закоулке городской территории; было подготовлено все, чего требовало предстоящее следствие, и прозвучал сигнал к гражданскому кровопролитию.

15. И так как историк, сознательно умалчивающий о событиях, совершает, очевидно, не меньший обман, чем тот, кто сочиняет никогда не случавшееся, то я не отрицаю, — да в этом и нет сомнения, — что жизнь Валента была в крайней опасности, как и прежде нередко из-за тайных заговоров, так и тогда, и что меч, почти занесенный над ним военными людьми, отклонила судьба, предопределением которой он

был обречен на горестный конец во Фракии*. 16. Так, когда он однажды после полудня уснул в лесной местности между Антиохией и Селевкией, на него покушался Саллюстий, бывший тогда скутарием. Не раз были в дальнейшем такие же случаи, но он благополучно спасался от этих покушений, так как определенный ему при самом рождении срок кончины не позволял свершиться этим жестоким дерзновениям. 17. То же самое происходило при государях Коммоде и Севере, на жизнь которых бывали не раз самые дерзкие покушения, но первый, после того как он благополучно избежал многих различных опасностей в самом дворце, получил почти смертельный удар кинжалом в амфитеатре, когда входил туда на представление, от сенатора Квинциана**, человека преступного честолюбия, а второй, уже в преклонном возрасте, когда он лежал однажды в спальне, подвергся неожиданному нападению со стороны центуриона Сатурнина*** по наущению префекта Плавциана и был бы заколот, если бы не оказал ему помощи его уже взрослый сын. 18. Поэтому простительно было, что Валент со всяческой предусмотрительностью защищал свою жизнь, на которую покушались изменники. Но непростительно было то, что он с царским высокомерием совершенно одинаково, не делая различия между заслугами, со злобой и натиском обрушивался на виновных и невиновных; под сомнением была еще сама виновность, а император уже не имел сомнения относительно кары, так что некоторые раньше узнавали о своем осуждении, чем о том, что на них пало подозрение. 19. Эта его упорная предвзятость усиливалась корыстолюбием как его собственным, так и придворных; последние держали открытой свою пасть, и если изредка произносилось слово «милосердие», то называли это слабостью; они развращали человека, носившего смерть на конце своего языка; как свирепый ураган обрушивались они на все и спешили до основания разрушить самые богатые дома. 20. Император открыл доступ к себе всем интриганам и кроме того был подвержен двум недостаткам: первый — что он впадал в страшный гнев именно тогда, когда он сам стыдился своего гнева, и второй — что он считал ниже своего царского досто-

* 31, 13.

** *Herod.* 1, 8; *Dio Cass.* 72, 4 (Pompeianus).

*** *Dio Cass.* 76, 2 (с некоторыми различиями).

инства проверять справедливость того, что выслушивал с равнодушием частного человека как неопределенные слухи, и принимал это за вполне достоверное. 21. Следствием этого было то, что многие под видом милости к ним, были совершенно беспричинно изгнаны из родного дома и отправлены в ссылку; их конфискованное в казну имущество превращалось отчасти в личные доходы императора, так что осужденные были обречены на жизнь за счет подаяния, угнетаемые ужасной нищетой, в страхе перед которой древний поэт, мудрый Феогнид[1], советует нам даже бросаться в море*. 22. Если даже признать, что они это заслужили, то все-таки само отсутствие надлежащей меры было ненавистно. Поэтому справедливо отмечено, что нет более жестокого приговора, чем тот, который под видом пощады оказывается слишком строгим.

23. И вот, собрались с префектом претория во главе высшие чины, на которых возложено было производство следствия, расставлены были орудия пытки, заготовлены кнуты со свинцом и бичи; все оглашалось ужас наводящими дикими криками, и среди звона цепей слышались возгласы палачей: «держи, запирай, надави, накрой его!» 24. И так как на моих глазах многих после жестоких мук приговорили к казни, и все слилось теперь для меня в одну картину, как в покрытой туманом перспективе, то я в общих чертах изложу, что могу в точности восстановить в памяти, которая не удержала все множество отдельных фактов.

25. Прежде всего вызван был на суд Пергамий, против которого, как я сказал, Палладий показал, что он выведывал будущее нечестивыми средствами. Ему предложено было несколько малозначимых вопросов. Как человек, владевший словом и склонный вообще давать волю языку во вред другим, Пергамий, пока судьи размышляли в какой последовательности производить им следствие, дерзко заговорил сам и без конца сыпал тысячами имен, требуя доставить великих преступников чуть ли не из самых отдаленных краев Атласа. После того как он был казнен как зачинщик слишком дерзких обвинений и вслед за ним казнены были другие целой толпой, подошли к делу самого Феодора, словно к состязанию за честь победы на Олимпийских играх. 26. В тот же день помимо множества других горестных событий случилось и следую-

* *Theogn.* 175 сл.

щее: Салия, незадолго до этого бывший комитом казначейства во фракийских областях, когда его собирались вывести на допрос из тюрьмы и он стал надевать сапоги, пораженный величиной обрушившегося на него ужаса, скончался на руках у поддерживавших его людей.

27. Так как на составленном для разбора этого дела судилище судьи, хотя и приводили предписания законов, но направляли дело по воле владыки, то всех обуял ужас. Совершенно отклонившись от пути справедливости и поднаторев уже в искусстве причинять вред, император доходил до крайнего бешенства, как зверь в амфитеатре, если от него ускользает приблизившийся к клетке человек.

28. Когда приведены были на допрос Патриций и Гиларий и было им предложено изложить ход дела, их показания с самого начала разошлись; их подвергли пытке; доставлен был также треножник, которым они пользовались; доведенные до крайности, они открыли полную истину с начала и до конца. Сначала давал показания Гиларий. Он сказал:

29. «Под дурными знамениями устроили мы, почтенные судьи, по образцу Дельфийского треножника этот злосчастный столик, который вы видите, из лавровых прутьев, произнесли над ним таинственные заклинания, долго и много волхвовали и привели наконец в движение. Сам же способ приведения в движение, когда обращаются с вопросом о таинственных вещах, был таков.

30. В середине дома, который предварительно был повсюду очищен арабскими благовониями[2], устанавливался столик, а на него ставилось совершенно круглое блюдо, изготовленное из различных металлов. По окружности блюда искусно были вырезаны двадцать четыре буквы алфавита на точно отмеренных расстояниях.

31. Один человек, одетый в льняное платье и обутый в такие же льняные сандалии с повязкой на голове и ветвями счастливого дерева в руках, произнеся по определенной формуле сложенную молитву божеству, от которого исходит откровение будущего, с точным соблюдением установленного обряда становится над треножником и держит на весу укрепленное на очень тонкой льняной нитке легкое кольцо, освященное магическими формулами. Оно останавливается скачками на отдельных буквах, проходя определенные промежутки, и образует эпические стихи, соответствующие вопросам и

сложенные в ритме и размере, сходных с Пифийскими или получаемыми из прорицалища Бранхиадов[3]. 32. Когда мы вопрошали, кто будет преемником нынешнего императора, то — так как ходили слухи, что он будет во всех отношениях превосходный человек и подскакивавшее кольцо захватило два слога: ФЕО, прибавив и последнюю буку алфавита, — один из присутствующих воскликнул, что судьба указывает на Феодора. Дальше мы не вели нашего исследования, так как мы были уверены, что это тот, о котором мы спрашивали».

33. Представив с такой определенностью все дело перед глазами судей, он благожелательно прибавил, что Феодор пребывал обо всем этом в полном неведении. Когда затем спросили подсудимых, дал ли им оракул, к которому они обращались, откровение о том, чему они подвергаются в настоящее время, они произнесли в ответ известные стихи, в которых, с одной стороны, было ясно выражено, что это искание сверхчеловеческого в скором времени принесет им гибель, а с другой — и то, что самому императору вместе с его судьями угрожают Фурии, взывающие к убийствам и пожарам. Достаточно будет привести три последних стиха.

Мщенье постигнет того, кем кровь твоя будет пролита:
Гнев Тисифоны ужасный скует им злую судьбину
На Миманта полях чрез Арея, жестокого в мыслях[4].

После того как были прочитаны эти стихи, оба виновника были подвергнуты жестоким мукам на пытке, испустили дух, и мертвые тела их были унесены прочь. 34. Затем, чтобы полностью раскрыть механизм задуманного злодеяния, вывели целую толпу людей высоких рангов, в которых видели главных руководителей дела. Так как каждый из них думал только о себе и свою гибель хотел свалить на другого, то с разрешения судей начал давать свои показания Феодор. Сначала он молил о прощении; затем, будучи вынужден давать определенные ответы, сказал, что, узнав об этом деле от Евсерия, он несколько раз пытался донести о нем императору, но тот ему помешал, настаивая, что осуществление этой надежды обойдется без преступных попыток захвата верховной власти, а придет само собою, в силу решения неизменной судьбы. 35. Затем такие же показания дал под кровавой пыткой Евсерий. Но Феодора уличало его письмо к Иларию, составленное в неясных выражениях, в котором он, ук-

репившись уже в своей надежде на основании пророчества, высказывал уверенность в осуществлении предреченного и лишь осведомлялся о времени исполнения своего желания.

36. Когда это следствие было закончено, вызван был в суд как соучастник заговора Евтропий, который тогда управлял Азией в сане проконсула, но он ушел оправданным. Его выручил философ Пасифил, который был подвергнут жесточайшей пытке, чтобы погубить Евтропия ложным обвинением, но не удалось поколебать твердость духа этого человека. 37. К ним был прибавлен философ Симонид, человек еще совсем молодой, но самый строгий на моей памяти ревнитель добродетели. На него был сделан донос, будто он слышал об этом деле от Фидустия. Когда он увидел, что следствие ведется не по правде, а по велению одного, он заявил, что знал о предсказании, но молчал о доверенной ему тайне, считая недостойным доносить об этом.

38. Когда следствие все это выяснило, император в ответ на доклад судей издал рескрипт, в котором изрек надо всеми безо всяких оговорок смертный приговор. Огромная толпа с ужасом взирала на жестокое зрелище, и к небу возносились жалобы, так как в страданиях отдельных лиц видели всеобщее бедствие. Всех осужденных повели на казнь и задушили, кроме Симонида: последнего свирепый судья, взбешенный твердостью его духа, приказал сжечь живым. 39. Готовый скрыться от жизни, как от свирепой владычицы, с насмешкой над внезапным крушением дел мира сего, Симонид неподвижно стоял в пламени своего костра, следуя примеру знаменитого философа Перегрина[5], звавшегося также Протеем. Когда тот решил уйти из мира, то на Олимпийских состязаниях, на виду у всей Греции, взошел на костер, устроенный собственными руками, и сгорел в пламени.

40. И в следующие дни множество людей всяких званий, перечислить которых по именам было бы трудно, опутанных сетями клеветы, было замучено руками палачей. Силы их были сначала надломлены пытками, свинцом и кнутом; для некоторых казнь последовала без передышки и замедления, пока еще шло разбирательство того, следует ли их казнить; на глазах у всех убивали людей, словно резали скотину.

41. Затем было собрано множество рукописей и кучи книг, и все это предали огню в присутствии судей. Их принесли из различных домов как запрещенные писания, желая этим как

бы смягчить впечатление от убийств, хотя это были в основном книги по свободным наукам или же относились к праву.

42. Некоторое время спустя был привлечен к ответственности знаменитый философ Максим, человек с великим именем в науке, из весьма содержательных лекций которого почерпнул свою ученость император Юлиан*. Ему поставили в вину то, что он слышал о вышеуказанном предсказании. Он признал, что знал, но считал для себя обязательным молчать об этом и сам предсказал, что вопрошавшие оракул будут казнены. Его доставили на родину в Эфес и там отрубили голову, так что и он в свой смертный час испытал, что из всех преступлений самое тяжкое — это несправедливость судьи. 43. В сети преступного коварства был вовлечен и Диоген. То был человек знатного рода, больших дарований, блестящий судебный оратор, располагавший к себе всех приятностью обращения, недавно еще правитель Вифинии. Его казнили, чтобы конфисковать его богатое состояние. 44. В большую беду попал также и Алипий, бывший викарий Британии**, человек кроткого нрава, вышедший уже в отставку, — и сюда протянула свои руки неправда. Вместе со своим сыном Гиероклом, богато одаренным юношей, он был обвинен в колдовстве. Обвинителем против него выступил только один человек низкого происхождения, некто Диоген. Его подвергли всяческим мучениям, чтобы добиться слов, угодных государю, или, правильнее говоря, виновнику обвинения. Когда уже не оставалось на его теле живого места для пытки, он был сожжен живым. А сам Алипий после конфискации имущества был сослан в изгнание. Счастливый случай спас его сына, которого уже вели на казнь, и возвратил отцу.

2

1. Во все это время Палладий, открывший эту череду бедствий, который, как я раньше говорил, взят был под стражу Фортунацианом и был готов на все уже по своему низкому происхождению, нагромождал одну гибель на другую и повсюду распространял слезы и горе. 2. Получив возможность

* 22, 7, 3; 26, 3, 23.
** 23, 1.

предъявлять всем, кому ему будет угодно без различия состояний, обвинения в занятиях колдовством, как сведущий в выслеживании следов диких зверей охотник, опутал он многих своей гибельной сетью, обвиняя одних в причастности к колдовству, других в связи с лицами, повинными в оскорблении величества. 3. И чтобы не оставить женам времени оплакать своих несчастных мужей, немедленно посланы были агенты, которые, наложив печати на двери домов, во время обыска у приговоренного к казни подсовывали какие-нибудь старушечьи заклятия или издевательские любовные рецепты, рассчитанные на то, чтобы погубить невиновных. В суде, где ни закон, ни религия, ни справедливость не отличали истины от лжи, зачитывались эти документы, и этих людей, даже не допуская до защиты, после конфискации имущества, хотя за ними не было никакого проступка, безразлично — молодых или стариков, истерзав предварительно на пытках, на носилках уносили на казнь. 4. Следствием этого было то, что по всему востоку, в страхе перед подобными бедствиями, каждый предавал огню свою библиотеку. Такой обуял всех ужас! Одним словом, мы все в то время топтались как будто в киммерийском мраке, страшась одинаковой участи с гостями сицилийского тирана Дионисия: насыщаясь яствами, более страшными, чем самый голод, они трепетали перед угрожавшими их затылкам мечами, которые были привязаны на конском волосе и спускались с потолка той залы, где они возлежали за столом*.

5. Тогда же было возбуждено обвинение против Бассиана, принадлежавшего по происхождению к высшей знати, который состоял на службе в звании нотария первого ранга, в том, будто он пытался узнать, кто будет императором. Хотя он уверял, что искал предсказания относительно пола будущего своего ребенка, но лишь старания его влиятельной родни, заступившейся за него, спасли его от смерти, а его огромное состояние было конфисковано.

6. Еще раздавался грохот разрушения стольких знатных домов, когда в сотрудничестве с Палладием Гелиодор, этот дьявольский зачинщик всех бедствий, математик**, как гласила молва в народе, вследствие тайных соглашений, исхо-

* *Cic.* Tusc. 5, 21, 61—62.

** Т. е. предсказатель по гороскопу.

дивших из дворца, уже готов был высунуть свое смертоносное жало: всякого рода любезностями побуждали его выдать то, что он знал или выдумывал. 7. Самым заботливым образом его кормили изысканными яствами, снабжали большими суммами денег на подарки блудницам; он появлялся там и сям, выставляя повсюду свою безобразную рожу, и всем внушал ужас. 8. Его наглость возросла еще более, потому что он был, согласно собственному желанию, прикомандирован к сералю и состоял во главе спальных служб; имея туда открытый доступ, он охотно рассказывал там о приговорах отца отечества[6], которые грозили гибелью многим. Он был адвокатом, и через него получал Валент указания, что ему следует сказать в начале речи, чтобы легче достигнуть успеха и произвести эффект, и какими изысканными фигурами надлежит отделать блестящие ее места.

9. И так как было бы слишком долго перечислять то, что совершил этот палач, я расскажу только про одно, с какой дерзкой наглостью он напал на самых столпов патрициата. Непомерно возгордившись от тайных бесед с придворными, о чем я упоминал, и будучи открыт по своей низости для подкупа ради любого злодеяния, он донес на братьев Евсевия и Гипатия, блистательно отправлявших вместе консульский сан*, родственников императора Констанция по первому его браку**, будто они стремятся к верховной власти, строят планы относительно ее достижения и предприняли некоторые действия в этом направлении; это он и выставлял в качестве причины путешествия, которое он выдумал, и прибавлял, будто у Евсевия имеется даже наготове императорское облачение. 10. С жадностью ухватился за это свирепый и жестокий государь, считавший, что ему позволено все, даже несправедливое, почему и не следовало бы ему ничего позволять. Он приказал привести всех, на кого указывал с полной свободой обвинитель, освобожденный от действия законов, и распорядился начать следствие.

11. Долго пытались выяснить истину заключением и узами. Тот негодяй стоял на своем в своих коварных хитросплетениях; но и тяжелые пытки не могли вынудить признания, и было совершенно ясно, что эти люди далеки от по-

---

* Консулы 359 г. См.: 18, 1, 1.

** Констанций был женат на их сестре Евсевии — 21, 6, 4.

добного рода преступлений. И, однако, клеветник пользовался по-прежнему почтением, а те люди были наказаны штрафом и изгнанием. Вскоре, впрочем, они были возвращены с возмещением штрафа и сохранением прежних санов и почетных отличий.

12. Однако и после этого дела, которое должно бы было заставить одуматься, действовали столь же решительно и беззастенчиво, и наш не в меру властный государь не понимал, что разумный человек не должен даже в отношении своих врагов добровольно идти на злодейства и что нет ничего столь дикого, как соединение свирепого характера с гордым высокомерием верховной власти. 13. Но когда умер Гелиодор — неизвестно, от болезни или от насилия (не хотел бы сказать этого, если бы само дело не говорило), приказано было идти в трауре перед гробом, который несли простые носильщики, многим сановным лицам и среди них и братьям-консулярам (Евсевию и Гипатию). 14. В этом случае обнаружилось еще определеннее все умственное убожество императора: хотя его умоляли успокоиться в неутешном горе, но он остался непреклонен, так что казалось, будто он залил воском свои уши, собираясь плыть мимо утесов сирен[7]. 15. Когда наконец настойчивые просьбы его уломали, он все-таки приказал, чтобы одни с непокрытой головой и босыми ногами, а другие со скрещенными руками шли впереди погребального кортежа этого палача. Теперь даже ужасно вспомнить, в каком унижении оказалось столько людей высшего звания и прежде всего — бывших консулов, после того как они были отличены жезлом, трабеей, занесением в фасты их имен, ставших известными всему миру[8]. 16. Первый среди них — наш Гипатий, с отроческих лет блиставший добродетелями, муж разума и совета, поверявший все свои поступки абсолютным мерилом благородства; он приумножил своей славой знаменитость предков и достойными удивления делами своей префектуры, которую исправлял два раза, принес честь своему потомству на грядущие времена.

17. В то же время Валент присоединил к прочим своим достохвальным деяниям следующее: он, отличавшийся такой жестокостью, что с нетерпением ожидал окончания смертью медлящей кары, оставил безнаказанным некоего трибуна Полленциана, совершившего чудовищный поступок. Тот был уличен и сознался в том, что, разрезав живот

живой женщины и вынув оттуда плод, с заклинанием духов дерзнул вопрошать о смене государя. Но в память прежних близких отношений император, невзирая на ропот всех слоев общества, сохранил ему жизнь, оставил за ним значительное его состояние и позволил сохранить беспрепятственно прежний чин на службе.

18. О благодетельное образование, благоволением неба предоставленное счастливцам, как часто ты перевоспитывало и дурные от природы характеры! Сколько добра ты могло бы совершить в те темные дни, если бы благодаря тебе Валент мог знать, что власть есть, по определению философов, не что иное, как забота о благосостоянии другого, что добрый правитель должен ограничивать свое имущество, бороться с порывами страсти и с побуждениями сильного гнева и знать, как говорил диктатор Цезарь, что воспоминание о жестокости — плохая опора в годы старости. А потому, когда приходится произнести приговор относительно жизни человека, который является частью мира и дополняет до целого число живых существ, следует долго и много помедлить и никогда не допускать поспешности в деле, которое непоправимо. Известный пример тому дает древность. 19. На суде проконсула Азии Долабеллы[9] в Смирне одна женщина созналась, что отравила собственного сына и мужа за то, что они избили ее сына от другого брака. Когда во время повторного разбирательства совет проконсула, на рассмотрение которого дело было передано по закону, колебался, следует ли смотреть на это как на месть или как на злодейство, обвиняемую отправили в афинский Ареопаг[10], к строгим судьям, справедливый приговор которых разрешал, как гласят предания, даже раздоры богов. Рассмотрев дело, Ареопаг приказал женщине явиться с ее обвинителем через сто лет, чтобы не пришлось ни оправдать отравительницу, ни покарать мстительницу за родичей. Итак, не считается никогда слишком запоздалым применение крайней меры. 20. При всех описанных несправедливостях и позорных следах пыток, оставшихся на теле живых свободных людей, бодрствовало недремлющее око Справедливости, судьи и вечного мстителя за человеческие деяния. Последние проклятия убитых, возбуждая своими справедливыми жалобами вечного Бога, зажгли факел Беллоны, чтобы подтвердить правильность оракула, предсказавшего, что никакое преступление не остается безнаказанным.

21. Пока в Антиохии во время свертывания военных действий персами совершались описанные внутренние бедствия, Фурии, сотворив все эти многообразные несчастья, выступили грозной толпой из этого города и обрушились на всю Азию. Это случилось следующим образом. 22. Некто Фестин из Тридента, человек самого низкого и неизвестного происхождения, попал в большую милость у Максимина, который полюбил его как брата и сделал своим товарищем и сотрудником. По решению судеб он переехал на Восток, был правителем Сирии, магистром канцелярии рескриптов, оставил доказательства своей мягкости и уважения к законам и, получив управление Азией в звании проконсула, плыл, как говорится, на полных парусах в гавань славы. 23. Слыша, что Максимин стал врагом всех хороших людей, он иногда и сам порицал его поступки, называл их постыдными и бесчестными. Но когда он узнал, что казни невинных возвысили этого недостойного человека до префектуры, то почувствовал жажду совершить подобное и достигнуть того же. И, словно актер, вдруг сменивший маску, воспылав страстью вредить другим, он стал выступать со злыми выслеживающими глазами, предполагая, что тотчас достигнет префектуры, если и сам запятнает себя казнями невиновных. 24. Он совершил много различных жестоких, выражаясь мягко, проступков, но достаточно привести некоторые, получившие всеобщую известность, в которых он подражал тому, что совершено было в Риме. Действия, как дурные, так и хорошие, повсюду остаются такими же, хотя и различаются по степени. 25. Некоего философа Керания[11], человека заслуженного, он замучил пытками до смерти лишь за то, что в личном письме к жене тот сделал приписку по-гречески: «А ты думай, да не забудь набить подушку» — это обычная поговорка, когда обращают внимание собеседника на какое-либо более важное дело. 26. Одну простую старуху, которая умела лечить перемежающуюся лихорадку невинным заговором, он казнил как преступницу, хотя она с его ведома и по его приглашению вылечила его собственную дочь. 27. В бумагах одного почтенного горожанина, которые было приказано просмотреть по какому-то делу, отыскался гороскоп некоего Валента. Привлеченный к ответственности, он протестовал против клеветы, когда его упрекали в том, что он осведомлялся о гороскопе государя, давал обещание с полной достоверностью свидетельств доказать, что у него был брат Ва-

лент, который давно уже умер. Но не стали ожидать выяснения истины, и он был замучен на пытке. 28. В одной бане увидели юношу, который прикасался к мраморной облицовке пальцами обеих рук, каждым по очереди, и затем к своей груди и пересчитывал при этом семь гласных букв (греческой азбуки), считая это целебным средством против боли желудка. Его отвели в суд и после пыток отрубили голову.

3

1. Если я от этих ужасов обращу свое перо к Галлии, то нарушу порядок и последовательность событий, так как и там я встречу того же Максимина, уже в звании префекта; этот человек, пользуясь широкими полномочиями своего сана, являлся злым гением императора, омрачавшего доставшуюся ему верховную власть жестоким произволом. Читатель, принимая к сведению то, что я сообщаю, может сам сделать отсюда вывод об остальном, о чем я умалчиваю, и как благоразумный человек не вменить мне в вину, что я не охватил в своем повествовании всего того, что натворили злые советы преувеличением преступлений. 2. Суровый от природы Валентиниан постепенно все более и более подпадал под власть этого своего недостатка, который враждебен оправданным решениям. По прибытии Максимина, когда уже никто не склонял его к лучшему и не удерживал, Валентиниан переносился как бы под напором волн и бурь от одного ужаса к другому, так что, когда он раздражался, часто менялся его голос, походка, выражение и сам цвет лица. Из множества имеющихся вполне достоверных подтверждений этого достаточно будет привести несколько.

3. Одному юноше из тех, что зовутся педагогианами*, было приказано держать на охоте спартанского[12] пса и наблюдать за выгоняемой на охотников дичью. Он спустил пса раньше времени, так как тот бросился на него, пытаясь вырваться, и стал его кусать. За это он был бит палками до смерти и в тот же день погребен. 4. Начальника оружейного завода, который принес ему великолепно отполированный панцирь и ожидал за это награды, он приказал казнить за то, что это железное изделие весило несколько меньше, чем он предписывал. Од-

* Пажи.

ного христианского священника из Эпира *он приказал казнить за то, что тот дал убежище** Октавиану, бывшему проконсулу... а доносчик получил разрешение, хотя и спустя некоторое время, вернуться восвояси. 5. Конюший Константин позволил себе обменять несколько предназначенных для армии лошадей из числа тех, для получения которых он был послан на Сардинию, и по приказу императора был за это побит до смерти камнями. Популярный в ту пору возница Афанасий возбудил подозрения императора своими легкомысленными поступками, так что тот пригрозил, что прикажет сжечь его живым, если он позволит себе что-нибудь подобное. Немного времени спустя он был обвинен в колдовстве и император приказал сжечь его живым, не будучи нисколько снисходителен к этому любимцу публики. 6. Африкан, усердно занимавшийся адвокатурой в Риме, после управления одной провинцией, стал просить о назначении в другую. Когда об этом подал ходатайство за него магистр конницы Феодосий, благочестивый государь ответил такими грубыми словами: «Иди, комит, и перемени голову тому, кто хочет переменить провинцию». И по этому приговору погиб человек, обладавший даром красноречия, который стремился, как и многие другие, повыситься в ранге. 7. Некто, заслуживавший презрения самим своим ничтожеством, обвинял Клавдия и Саллюстия, служивших в легионе иовиев и достигших чина трибуна, в том, будто они высказывались в пользу Прокопия, когда тот выступил претендентом на императорскую власть. Хотя самое тщательное следствие ничего не выяснило, император поручил производившим дознание магистрам конницы отправить Клавдия в ссылку, а Саллюстия приговорить к смерти, обещав при этом помиловать его, когда его будут вести на казнь. Как было условлено, так и сделали; но Саллюстий не ушел от смерти, а Клавдий только после кончины Валентиниана был освобожден из горестной ссылки (*пропуск*) хотя они и весьма часто подвергались пытке. 8. Один за другим следовали допросы, некоторые умерли, замученные чрезмерными пытками, но даже следа преступлений, о которых был донос, не было обнаружено. В этом деле даже протекторы, которых посылали для производства ареста, были биты, вопреки обычаю, палками.

* Так восстанавливает здесь смысл пропуска в рукописях Валезий.

9. Ужас охватывает, если перечислять все по отдельности, и в то же время я опасаюсь, чтобы не показалось, что я намеренно отыскивал проступки государя, который в других отношениях обладал большими достоинствами. Но было бы неправильно обойти или умолчать следующий факт. У него были две свирепые медведицы, любительницы человеческого мяса, Золотая Крошка и Инноценция (Невинность). Он относился к ним с такой заботой, что клетки их поместил возле своей спальни, приставил к ним надежных сторожей, которые должны были следить за тем, чтобы злобная ярость этих зверей не ослабела по какой-нибудь случайности. Инноценцию, в конце концов, за ее заслуги он выпустил на свободу в лес, после того как на его глазах совершено было погребение немалого числа трупов растерзанных ею людей.

4

1. Таковы доказательства, которые с полной очевидностью изобличают то, что по характеру он был весьма жесток. А что касается бдительности в делах государственных, то тут его ни в чем не упрекнет никто, даже самый непримиримый противник, так как нельзя не признать, что бóльшая заслуга — управляться с варварами при помощи военной силы, чем изгонять их из пределов государства. И когда он дал (*пропуск*) и каждый враг, движения которого усматривали со сторожевых постов, падал под римским оружием.

2. Среди многообразных забот он придавал чуть ли не первоочередное значение тому, чтобы захватить живым, силой или хитростью, царя Макриана, как незадолго до этого поймал Юлиан Вадомария. Пока многократно менялись наши планы в отношении Макриана, он уже поднимался на нас со своими возросшими силами. Приняв меры согласно этому замыслу и обстоятельствам времени, узнав из показаний перебежчиков, где можно неожиданно захватить вышеназванного Макриана, Валентиниан, соблюдая всю возможную тишину, чтобы кто-либо не мешал в наводке моста, соединил на судах оба берега Рейна. 3. Магистр пехоты Север выступил с передовым отрядом в местность Маттиакских вод*; но из-за малочисленности своего отряда побоялся идти дальше и сде-

* Вероятно, Висбаден.

лал остановку, опасаясь, что если он не будет в состоянии оказать сопротивление, то напор множества вражеских сил его раздавит.

4. Тут ему случайно попались навстречу торговцы*, которые вели на продажу рабов; опасаясь, что через них может быстро распространиться весть о том, что они видели, он предал всех их смерти, отняв их товар. 5. Приободрившись благодаря прибытию бо́льших сил, вожди на самое короткое время задержались в лагере. Ни у кого не было ни вьючной лошади, ни палатки, кроме императора, да и тому заменяли палатку попоны. Задержавшись немного на месте из-за ночной темноты, они двинулись дальше со знакомыми с местностью проводниками. Коннице приказано было идти впереди под командой Феодосия (*пропуск*) ему помешал шум, поднятый своими же людьми, хотя он постоянно внушал им воздерживаться от грабежей и поджогов, но не мог этого добиться. Треск огня и нестройные крики разбудили телохранителей Макриана, которые, догадавшись в чем дело, посадили царя на легкую повозку и увезли его в безопасное место по узкой тропе среди крутых высот. 6. Так, не удалось это дело Валентиниану не по его вине и не по вине вождей, а вследствие своеволия солдат, которое многократно приносило тяжкие бедствия Римскому государству. Предав огню земли врага до пятнадцатого милевого столба, император, огорченный, вернулся в Тревиры. 7. Там он, как лев, от которого убежал олень или коза, скрежетал голодными зубами и, пользуясь тем, что паника рассеяла варваров, поставил вместо Макриана царем буцинобантов, аламаннского племени, сидевшего напротив Могонциака, Фраомария. Вскоре, однако, поскольку недавний набег совершенно опустошил эту область, он перевел его в Британию и назначил в должности трибуна командиром аламаннского легиона, который в ту пору отличался многочисленностью и силами. Точно так же он предоставил военное командование Битериду и Гортарию, знатным людям из того же племени. Но на Гортария вскоре был сделан донос дуксом Германии Флоренцием о том, что он состоит в изменнической переписке с царем Макрианом и варварской знатью. После того как это подтвердилось под пыткой, он был предан казни огнем.

* Аммиан употребляет слово scurrae.

5

1. Теперь... я считаю уместным описать события (имевшие место в Африке) в непрерывном изложении, во избежание неясности, которая может возникнуть, если вставлять рассказы о других событиях, другого характера и совершавшихся в разных местах.

2. Нубель, один из самых могущественных царей мавров, оставил, умирая, несколько сыновей, как законных, так и рожденных от наложниц. Один из последних, Замма, который пользовался расположением комита Романа, был коварно убит своим братом Фирмом. Это вызвало раздоры и войны. Комит, который с большим рвением спешил отомстить за его смерть, принял устрашающие меры на погибель убийце. Ходили упорные слухи, что к этому делу с большим вниманием относится двор, что донесения Романа, в которых он возводил на Фирма жестокие обвинения, охотно принимались и были прочитаны государю, причем многие придворные относились к ним с полным сочувствием. А те представления, которые делал через своих людей Фирм ради своего спасения, хотя и доходили до двора, но долго не доводились до сведения императора, так как Ремигий, тогдашний магистр оффиций, родственник и друг Романа, заявлял, что при наличии более важных и настоятельных дел докладывать такие излишние мелочи можно лишь при удобном случае.

3. Когда мавр понял, что его защитительные писания намеренно скрывают, и почувствовал себя в крайней опасности, так как, из-за утаивания того, что он мог сказать в свою защиту, могли изречь над ним смертный приговор как над опасным бунтарем и предать смерти, то отпал от империи и (собрал) вспомогательные силы... для опустошения (наших провинций?)... 4. Поэтому, чтобы не дать вырасти силам непримиримого врага, был отправлен магистр конницы Феодосий с небольшим отрядом войска*. То был человек, доблести которого в ту пору выделялись своим блеском среди других как недосягаемые. Он был подобен из древних — Домицию Корбулону и Лузию;[13] первый из них при Нероне,

* Comitatensis militis, т. е. войск, состоявших в comitatus, действующей армии (в противоположность milites limitanei). Comitatenses включали в себя и гвардию, milites palatini.

а второй в правление Траяна прославились многими славными деяниями. 5. И вот он выступил с добрыми предзнаменованиями из Арелата*, сделал переезд по морю с находившимся под его командованием флотом и, предупредив слух о своем выступлении, пристал к берегу Ситифенской Мавритании в местности, которую местные жители называют Игильгитан**. Там он случайно застал Романа, принял его любезно, сделал ему некоторое внушение по поводу того, что вызывало у него опасения, и отослал для организации сторожевых постов и пикетов на границе. 6. Когда тот отправился в Кесарийскую Мавританию, Феодосий послал Гильдона, брата Фирма, и Максима арестовать Викентия, который, будучи викарием Романа, был участником его высокомерных деяний и казнокрадства. 7. Дождавшись наконец своих солдат, которых задержала долгая переправа через море, Феодосий поспешил в Ситифис и приказал протекторам взять под стражу Романа с его свитой. Находясь в этом городе, он чувствовал себя в большой тревоге и придумывал про себя всякие способы, которыми можно было ему вести по сожженным зноем землям привычных к холоду солдат и победить врага, привычного к постоянным передвижениям, совершавшего внезапные набеги и скорее полагавшегося на тайные засады, чем способного вступить в правильное сражение.

8. Когда узнал обо всем этом Фирм сначала по неопределенным слухам, а затем и по вполне надежным сообщениям, то, смущенный прибытием этого испытанного вождя, он стал через послов просить прощения и забвения прошлого; отправил он и письмо, в котором объяснял, что не по собственному побуждению дошел до того, что сам считал преступным, но его толкнули на это произвол и несправедливость, и брался доказать это. 9. Прочитав письмо и дав обещание не начинать военных действий, если будут предоставлены заложники, Феодосий продолжал путь с целью провести смотр легионов, на которые была возложена охрана Африки, в Панхарианский пост, где им приказано было собраться. Там он приободрил войска речью, исполненной достоинства и разума; вернулся затем в Ситифис, собрал там местных сол-

* Арль на юге Франции.

** Гигерн.

дат, соединил их с теми войсками, которые привел с собой, и, не медля, поспешил как можно скорее выступить в поход. 10. Помимо многих других прославивших его распоряжений особую популярность принесло ему запрещение выдавать провиант войску населению провинции, причем он заявил с благородной гордостью, что жатвы и хлебные запасы неприятеля являются житницами доблестных солдат.

11. Сделав такое распоряжение на радость земледельцам, он продвинулся до города Тубусупта, расположенного близ Ферратского хребта, и отказался принять второе посольство Фирма, так как оно не привело с собой, вопреки уговору, заложников. С осторожностью разведав здесь все, как того требовало время и место, он устремился быстрым маршем на племена тиндензиев и масиниссензиев, которые знали только легкое вооружение и имели предводителями Масцизеля и Дия, братьев Фирма. 12. Когда эти быстрые враги были уже на виду, с той и с другой стороны понеслись сначала тучи стрел, а затем завязалась жесточайшая сеча. Среди стонов умирающих и раненых слышались воющие вопли пленных варваров. По окончании боя было разграблено и предано огню много селений. 13. Особенно тяжкому разорению, которое было произведено самым жестоким образом, подверглось имение по имени Пе́тра. Владелец его, Сальмаций, брат Фирма, отстроил его наподобие города. Приободрившись от этого успеха, победитель занял с чрезвычайной быстротой город Ламфокту, лежавший на границе между двумя вышеназванными племенами. 14. Там Феодосий разместил большой запас провианта, чтобы иметь возможность отдать приказ подвезти его с близкого пункта, если бы при продвижении в глубь страны пришлось попасть в пустынные местности. Между тем Масцизель, восстановив свои силы, привел подкрепление от соседних племен и попытал счастья в новой битве с нашими. Но он потерпел тяжкий урон и сам едва спасся от смерти, и то лишь благодаря быстроте своего коня.

15. Фирм, надломленный печальным исходом обеих битв и пораженный в самое сердце, чтобы не оставить неиспробованным последнего средства, отправил посольство из священников христианского обряда с заложниками, чтобы просить мира. Послы были приняты благосклонно, и так как они обещали доставить нужный войску провиант, как им было приказано, то вернулись с милостивым ответом. Отправив

вперед дары, мавр смело направился к римскому вождю верхом на коне, который мог выручить его в сомнительных случаях. Когда он приблизился, то блеск знамен и грозное лицо Феодосия поразили его: он соскочил с коня и, склонив шею, почти пригнулся к земле, порицал в слезных выражениях свою опрометчивость и молил о мире и прощении. 16. Феодосий встретил его ласково и облобызал, так как это входило в его планы, и Фирм совершенно приободрился, доставил провиант в достаточном количестве и, оставив несколько своих близких в качестве заложников, удалился, чтобы, согласно договору, возвратить пленных, которых он захватил в самом начале волнений. И действительно, через два дня после этого он без промедления очистил город Икозий, об основателях которого я говорил выше*, и, как было ему приказано, возвратил военные знамена, жреческую корону** и все остальное, что он захватил.

17. Затем наш вождь вошел в город Типозу и, когда послы мазиков, присоединившихся к Фирму, смиренно молили о прощении, дал им гордый ответ, что он немедленно двинется с войском против них за их измену. 18. Страх перед грозившей им опасностью привел их в оцепенение. Феодосий приказал им отправляться восвояси, а сам продолжал путь в Цезарею, город некогда богатый и знаменитый, о происхождении которого я также подробно рассказал при описании Африки. Когда он вступил в этот город, его взорам представилось зрелище страшного пожарища и торчащие повсюду камни, поросшие мхом. Поэтому он распорядился, чтобы первый и второй легионы временно расположились там, и приказал людям расчистить кучи мусора и держать охрану, чтобы город не подвергся новому нападению варваров.

19. Когда достоверные и не раз подтвержденные слухи разнесли весть об этих успехах Феодосия, правители провинций и трибун Викентий вышли из убежищ, куда они укрылись, и, освободившись наконец от страха, поспешно явились к вождю, который находился тогда в Цезарее. Встретив и приняв их с любезным вниманием, он удостоверился точным исследованием, что Фирм под видом страха и покорности питает тайный замысел напасть с внезапностью бури на войска, не опасавши-

* Нет в дошедшем до нас тексте Аммиана.

** Ср.: 28, 6, 10.

ея теперь никаких враждебных действий. 20. Поэтому, выступив из Цезареи, он двинулся к городу Сугабарриту, расположенному на склоне Трансцелленских гор. Там он нашел солдат четвертой когорты сагиттариев, которая перешла на сторону бунтовщика. Чтобы показать, что он довольствуется мягким наказанием, он перевел их всех в низший разряд солдат и приказал отправиться в Тигавии как им, так и части Константинова легиона вместе с их трибунами, из которых один возложил на голову Фирма свою шейную цепь вместо диадемы. 21. В это время вернулись Гильдон и Максим и привели с собой в оковах Беллена, одного из царевичей мазиков, и Ферикия, начальника племени: они поддерживали дело возмутителя общественного спокойствия... 22. Когда названные выше отряды явились, согласно приказу, он вышел при первых лучах солнца и, увидев, что они окружены войсками, сказал такие слова: «Верные товарищи! Как, по вашему мнению, надлежит поступить с этими преступными изменниками?» Раздался крик с требованием кровавой кары, и он выдал солдатам служивших в Константиновом легионе на казнь по древнему обычаю; старшим из сагиттариев он отсек руки, а остальных покарал смертью. Он действовал по примеру строгого командира Куриона, сломившего этим видом казни ярость дарданцев, которая несколько раз возрождалась, наподобие голов Лернейской гидры[14]. 23. Но зложелательные хулители, относясь с похвалой к тому древнему деянию, порицают поступок Феодосия как суровый и жестокий; они говорят, что дарданцы были ожесточенными врагами и понесли справедливую кару, а что с этими солдатами, находившимися на нашей службе, которые оказались виновны в одном лишь проступке, надлежало поступить мягче. Но я должен указать им на то, что они, может быть, и сами знают, а именно, что эта когорта была опасна как своим проступком, так и самим примером. 24. Вышеназванных Беллена и Ферикия, которых доставил Гильдон, и трибуна сагиттариев Курандия он приказал казнить, потому что последний и сам никогда не хотел нападать на врага, и не побуждал к тому своих солдат. В своем образе действий Феодосий следовал лишь изречению Цицерона: «Спасительная строгость лучше, нежели пустая видимость мягкосердечия»*.

25. Выступив оттуда, он разбил при помощи таранов по-

* *Cic.* Ad Brut., 1, 2, 5.

селение, называющееся Гайонатис, окруженное крепкой стеной, которое служило самым безопасным убежищем для мавров. Все жители были перебиты и стены сравнены с землей. Двинувшись затем к крепости Тингису и пройдя через Анкорарские горы, он напал на мазиков, которые собрались здесь со всеми своими силами и уже обменивались с нашими тучей стрел. 26. Обе стороны начали наступать друг на друга, и хотя мазики — народ воинственный и выносливый, но они не сломили наших сил и оружия и, будучи несколько раз отбиты с большим уроном, разбежались в позорном страхе. Бросившиеся бежать были перебиты за исключением тех, которые, найдя возможность уйти, смиренно молили о прощении и получили его, так как обстоятельства этого требовали. 27. Суггена, их предводителя... преемнику Романа он приказал отправиться в Ситифенскую Мавританию с поручением организовать охрану, чтобы провинция не подвергалась нападениям. Сам же он, став еще смелее от своих удач, пошел на племя музонов. Эти грабители и убийцы присоединились к Фирму, который, как они того ожидали, вскоре должен был стать еще могущественнее.

28. Продвинувшись на некоторое расстояние вперед, до города Адды, Феодосий узнал, что много племен, хоть и различных по образу жизни и языку, но объединенных в единодушном порыве, собираются начать ожесточенную войну; побуждала же их к этому обещанием больших наград сестра Фирма по имени Кирия, которая, обладая большими богатствами и проявляя женский задор, решила помочь самым энергичным образом своему брату.

29. Поэтому Феодосий опасался принять неравный бой и не рисковал в битве своего небольшого отряда с несчетным множеством — под его командой было 3500 человек — потерять всех своих людей, он боролся с двумя чувствами: стыдом перед отступлением и жаждой битвы, но напиравшие на него несметные полчища заставили его отступить. 30. Такой исход чрезвычайно воодушевил варваров, и они упорно преследовали его... он бы и сам погиб, и потерял весь свой отряд, если бы нестройно наступавшие варвары, увидав издали вспомогательный отряд мазиков с несколькими римлянами впереди, не подумали, что против них выступает большая армия; они обратились в бегство и открыли нашим занятые ранее проходы. 31. Так Феодосий вывел невредимыми своих

солдат. Прибыв в селение Мазук, он сжег живыми несколько дезертиров, искалечил других по примеру сагиттариев, которым отсекли правые руки, и в феврале прибыл в Типату. 32. Пробыв здесь подольше, он действовал, как тот древний «медлитель»[15], надеясь, если представится случай, раздавить воинственного и столь опытного в метании стрел врага скорее при помощи разумных военных хитростей, нежели в опасных схватках. 33. При этом он не упускал случая послать опытных в искусстве убеждать посредников к окрестным племенам: байурам, кантаврианам, анастоматам, кафанам, даварам и другим, чтобы привлечь их к союзу страхом ли или деньгами, а подчас и обещанием оставить безнаказанными их набеги... сокрушая напор врага двусмысленным образом действий и промедлением, с тем чтобы его раздавить, как некогда Помпей Митридата[16].

34. Предвидя нежелательный результат своего дела, Фирм, хотя силы, которыми он располагал для защиты, были очень значительны, покинул свое войско, которое собрал за огромные деньги, и, воспользовавшись ночным временем для того, чтобы скрыться, проник в отдаленные Капририенские горы, недоступные вследствие крутизны своих скалистых громад. 35. Его тайный уход имел следствием то, что его войско рассеялось и, расходясь по частям без командира, предоставило нашим возможность проникнуть в его лагерь. Разграбив лагерь и перебив тех, кто оказывал сопротивление, или взяв их в плен, наш осмотрительный вождь опустошил окрестности и поставил над племенами, через территории которых он проходил, правителей испытанной верности. 36. Это неожиданное и столь смелое наступление так устрашило изменника, что он искал спасения в быстром бегстве в сопровождении лишь нескольких рабов и, чтобы не встретить в чем-либо помехи, бросил свой багаж с драгоценностями, которые он до этого увез. Его жена устала в постоянных передвижениях и... 37. Феодосий не давал пощады никому из появлявшихся и, приободрив своих солдат лучшим довольствием и выдачей жалованья, разбил в легкой стычке капририензиев и абаннов и подошел к городу... узнав от надежных вестников, что варвары заняли уже горы, которые воздымались высоко вверх, образуя со всех сторон обрывы, доступные только для местных жителей, очень хорошо знакомых с местностью, он отступил и тем дал возможность неприятелю усилиться во время перерыва военных действий, хотя и кратко-

го, за счет больших вспомогательных войск соседних с ними эфиопов. 38. Огромными скучившимися массами с ужасным криком бросились они в бой, не щадя своей жизни, и грозным видом неисчислимых отрядов навели на него страх и вынудили отступить. Но вскоре бодрое настроение восстановилось, Феодосий вернулся с обильным запасом провианта, войска построились густыми рядами и, грозно размахивая щитами, дали отпор врагу. 39. И вот, хотя наши манипулы, опирая о колено свои щиты, были готовы броситься на варваров, поднимавших страшный шум своим оружием, однако Феодосий, как осторожный и предусмотрительный боевой человек, не решился дать сражение из-за малого числа своих солдат: смело выступая в боевом строю, он повернул бестрепетно путь к городу Конто, где Фирм разместил наших пленных в расчете на то, что город этот лежит в стороне и расположен на крутой горе. Освободив всех пленных, Феодосий по своему обычаю применил строгие меры наказания к изменникам и приверженцам Фирма.

40. Пока он вел эти удачные действия с помощью верховного божества, надежный лазутчик сообщил ему, что Фирм бежал к племени исафлензиев. С целью потребовать выдачи его, брата его Мазуки и остальных родственников, Феодосий вступил в пределы этого племени и так как не мог добиться выдачи, то объявил войну. 41. Произошел жаркий бой. Яростный выше всякой меры напор варваров он отразил только тем, что выстроил свою боевую линию полукругом. Исафлензии подались под напором теснивших их отрядов, их пало очень много. Сам Фирм, хотя и бился с ожесточением и не раз бросался на прямую гибель, бежал на своем коне, привычном носиться по скалам и утесам, а брат Фирма Мазука был ранен и взят в плен. 42. Феодосий приказал отправить его в Цезарею, где он оставил следы своих злодеяний; но тот сам раскрыл шире свою рану и скончался. Его отрубленную голову доставили в вышеназванный город при великом ликовании населения. 43. Затем Феодосий, после того как было таким образом подавлено восстание исафлензиев, покарал его племя тяжкими наказаниями, как требовала того справедливость. Так, он предал казни огнем влиятельного гражданина Эвазия, его сына Флора и некоторых других, которые были полностью уличены в том, что тайно оказывали помощь нарушителю мира.

44. Продолжая затем свой поход в глубь страны, Феодосий с большим воодушевлением двинулся против племени

юбаленов, откуда, как он узнал, был родом отец Фирма, Нубель; но высота гор и извилистые теснины заставили его остановиться. Он, правда, напал на врага, перебил много народа и открыл себе путь, но так как опасался горных высот, где легко можно было устроить засаду, то отступил в Авдиенскую крепость, не потеряв ни одного человека. Там сдалось ему дикое племя иезалензиев и обещало доставить вспомогательный отряд и провиант.

45. Радуясь этим славным успехам, наш превосходный полководец с удвоенным воодушевлением двинулся против самого виновника возмущения и поэтому сделал продолжительную остановку возле укрепления, называющегося Медиан, рассчитывая путем различного рода переговоров уладить дело так, чтобы ему выдали мятежника. 46. Среди этих забот и тревог он узнал, что враг опять вернулся к исафлензиям. Не медля, как и прежде, он сделал на них быстрый набег. Ему навстречу выехал царь Игмазен, влиятельный и могущественный в тех местах человек, и дерзко задал ему вопрос: «Из какого ты места и за каким делом ты сюда явился? Отвечай». Грозно взглянул на него Феодосий и сказал строгим тоном: «Я комит Валентиниана, владыки круга земного, и послан я, чтобы уничтожить зловредного разбойника. Если ты мне его не выдашь тотчас, то, согласно повелению непобедимого императора, ты погибнешь вместе с твоим племенем». Услышав эти слова, Игмазен разразился бранью на полководца и удалился в гневе и печали. 47. На рассвете следующего дня выступили вперед с той и другой стороны боевые силы в грозном воодушевлении. Варвары выставили на самом строе 20 тысяч человек, скрыв в тылу вспомогательные отряды, чтобы неожиданно окружить наших, когда они мало-помалу поднимутся на гору. К ним присоединилось много вспомогательных сил от иезалензиев, которые, как я упоминал, обещали нашим помощь и провиант. 48. Напротив, римляне, хоть и очень немногочисленные, но в возбуждении отваги и в гордом сознании прежних побед, сплотив ряды на флангах, тесно сдвинули свои щиты наподобие черепахи и дали отпор, не отступая ни на пядь. Битва тянулась от восхода солнца до конца дня. Незадолго до вечера появился Фирм на высоком коне и, распустив пошире пурпурный плащ, громким голосом убеждал солдат, чтобы они, если хотят спастись от опасности, в которую попали, вос-

пользовались случаем и выдали Феодосия, которого он при этом называл свирепым, суровым и жестоким изобретателем казней. 49. Эти неожиданные возгласы одних побудили биться еще ожесточеннее, а других соблазнили оставить бой. Когда настала ночь и устрашающий мрак скрыл обе стороны, Феодосий вернулся в Дуодиенское укрепление и сделал смотр солдатам; тех из них, которые из страха или вследствие речей Фирма оставили бой, он предал разным казням: одним отрубил правые руки, других сжег живыми.

50. Охранные караулы он расставил самым внимательным образом и, когда варвары после захода луны в полной темноте возымели дерзость покуситься на его лагерь, одних отбросил, а других, которые дерзко напирали, взял в плен. Вступив затем быстрым маршем, он напал окольными путями на вероломных иезалензиев с той стороны, откуда меньше всего можно было этого ожидать, и предал их земли совершенному опустошению. Потом через города Кесарийской Мавритании вернулся в Ситифис. Там он подверг пыткам Кастора и Мартиниана, соучастников в преступлениях Романа, и затем приказал их сжечь живыми.

51. После этого вновь началась война с исафлензиями, и, когда в первой же битве варвары были отбиты и много их пало на поле сражения, царь их Игмазен, привыкший до того времени к победам, стал опасаться за свое положение. Поняв, что общение с мятежником, если он его не прекратит, грозит ему смертью, он со всяческими предосторожностями и в большой тайне, насколько это было возможно, выехал один из своего лагеря и, как только увидел Феодосия, униженно стал его просить, чтобы тот приказал явиться Мазилле, старейшине мазиков. 52. Его просьба была исполнена, и через него он вел тайные переговоры с нашим полководцем: он советовал Феодосию, который был упорен по своему характеру, продолжать войну с его земляками, чтобы дать таким образом возможность Игмазену выполнить свой план и непрерывностью войны нагнать на них страх, так как, при всей своей приверженности к изменнику, они истомлены множеством потерь. 53. Феодосий последовал его совету и так обессилил исафлензиев частыми битвами, что их избивали как скотину. Фирм тайком бежал от них, но в то время, когда пытался скрыться в недоступном и отдаленном месте, он был задержан Игмазеном и отдан под стражу. 54. Он

узнал о тайных переговорах через Мазиллу и, видя один лишь исход, решил побороть любовь к жизни добровольной смертью: напоив допьяна своих сторожей, когда те крепко уснули в ночной тишине, сам он, не смыкая очей в ужасе перед неизбежной катастрофой, неслышными шагами покинул постель. Ползя на руках и коленях, он ушел подальше, закрепил на гвозде, вбитом в стену, случайно найденную веревку, которую послала ему судьба для прекращения жизни, засунул голову в петлю и испустил дух, избежав тем самым мучений, в которых ему предстояло окончить жизнь.

55. Игмазен очень от этого огорчился и скорбел, что у него похищена слава, так как ему не удалось привести живым в римский лагерь изменника. Обеспечив себе неприкосновенность через Мазиллу, он повез возложенный на верблюда труп умершего. Когда он приблизился к нашему лагерю, который был расположен у Субикаренского укрепления, то переложил труп на вьючную лошадь и доставил Феодосию к большой его радости. 56. Созвав солдат и население, Феодосий спросил, узнают ли в этом трупе Фирма, и когда убедился, что все без малейшего колебания узнали его, то выступил после небольшой остановки и как триумфатор вернулся в Ситифис. Там его встретили с величайшим торжеством и признательностью люди всех возрастов и состояний*.

6

1. Пока вышеназванный полководец (Феодосий) совершал эти воинские подвиги в Мавритании и Африке, внезапно поднялись квады, народ, теперь вовсе не страшный, но в прежнее время невероятно воинственный и очень могущественный**. Об этом свидетельствуют их стремительные набеги, совершенные ими вместе с маркоманнами, осада Аквилеи, разрушение Опитергия и множество кровавых деяний, совершенных с чрезвычайной быстротой, так что достойный государь Марк (Аврелий), о чем я раньше рассказывал***, с трудом выдержал их напор, форсировав Юлиевы Альпы[17]. И были у них, как у

* Конец этой войны относится к 374 г. Автор предупредил читателя, что события в Африке он расскажет до конца, не прерывая изложения указаниями на то, что в это время происходило в других местах.

** Ср.: 17, 12, 21; 26, 4, 5.

*** В недошедшей до нас части сочинения.

варваров, основательные причины для жалоб. 2. Валентиниан с самого начала своего правления пламенел похвальным, но и переходившим через край старанием укреплять границы. Он приказал соорудить сторожевые укрепления за рекой Истр на земле квадов, как будто она была уже подчинена римскому закону. Население негодовало на это, но, не желая подвергать себя опасности, старалось задержать эти работы лишь посольством к императору и ропотом. 3. Но Максимин, жадно хватавшийся за каждый повод к злодеянию и не умевший сдерживать прирожденную спесь, которая еще возросла от получения сана префекта, порицал Эквиция, состоявшего в то время магистром армии, отмечая его упрямство и бездеятельность в том, что не доведено до конца дело, которое решено было ускорить. Под предлогом заботы о государственных интересах он заявил, что если бы власть дукса в Валерии была предоставлена его молодому сыну Марцеллиану, то укрепление было бы воздвигнуто без малейшего промедления. 4. То и другое было исполнено. Назначенный дуксом Марцеллиан отправился в Валерию и, прибыв на место, бестактно надутый, как сын своего отца, не сделал никакой попытки обратиться с ласковыми словами к тем, кого изгоняли из их земель по фальшивым соображениям никогда не слыханной политики, и принялся за достройку начатого укрепления, сооружение которого было приостановлено вследствие разрешения обратиться с просьбой к императору. 5. Царь Габиний почтительно просил не допускать никаких новшеств. Как бы давая надежду на соизволение, Марцеллиан пригласил с притворной вежливостью его и других к себе на обед, а когда тот возвращался после обеда, он приказал убить его, нечестиво нарушив священный обычай гостеприимства.

6. Слух об этом преступном деянии распространился повсеместно и ожесточил как квадов, так и соседние племена. Оплакивая гибель царя, они объединились и послали грабительские отряды. Перейдя через Дунай в такую пору, когда не ожидали никаких враждебных действий, варвары напали на сельское население, занятое сбором жатвы, перебили большую часть, а оставшихся в живых увели вместе с множеством различного скота. 7. Едва не случилось в ту пору неизгладимое злое дело, которое пришлось бы причислить к позорнейшим несчастьям Римского государства: чуть не попала в плен дочь Констанция; ее везли на бракосочетание с Грацианом и сделали остановку для обеда в государственном имении, называв-

шемся Пистра. По милости Божьей находившийся тут правитель провинции Мессала посадил ее в экипаж, предназначенный для чиновников, и помчался во всю прыть коней в Сирмий за 26 миль оттуда. 8. Этот счастливый случай спас девушку царского рода от опасности жалкого рабства. Если бы нельзя было устроить выкуп, попади она в плен, то это принесло бы великие бедствия государству.

Квады с сарматами, племена, отличавшиеся особой умелостью в деле грабежей и разбоев, распространяя все шире и шире круг своих набегов, уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот, злобно радуясь грудам пепла от сожженных селений, страданиям убитых жителей, и без всякой пощады избивали последних, нападая на них врасплох. 9. Страх перед подобными бедствиями распространился по всем соседним местностям, а находившийся тогда в Сирмии префект претория Проб, совершенно не знакомый с ужасами войны, до того был поражен печальным зрелищем, что едва смел поднять глаза. Он долго пребывал в нерешительности, недоумевая, что ему предпринять, и приготовил уже на ближайшую ночь быстрых лошадей для бегства из Сирмия. Но он внял, однако, лучшим советам и остался на месте. 10. Ему сказали, что все находящиеся в городе немедленно последуют его примеру, чтобы укрыться в подходящих убежищах, а если это случится, то город, без всякой попытки защищаться, попадет в руки врага. 11. Поэтому, уняв мало-помалу свой страх, он с решимостью принялся за необходимые настоятельные меры: вычистил рвы, заваленные мусором, принялся за ремонт стен, которые в большей своей части пришли вследствие продолжительного мира в запущение и завалились, снабдил их грозными башнями. Он имел пристрастие к постройкам, ускорению же дела содействовало то обстоятельство, что он нашел готовый материал, собранный уже давно для сооружения театра и оказавшийся теперь достаточным для возведения построек, с которыми приходилось спешить. К этим мероприятиям он прибавил еще одно: с ближайшего поста призвал в город когорту стрелков, чтобы в случае осады она могла защитить его.

12. Эти предосторожности отвратили варваров от осады города; они не были достаточно искусны в этом роде войны, их обременяла к тому же добыча, и они стали выслеживать Эквиция. Узнав из показаний пленных, что Эквиций ушел в

очень отдаленные места Валерии, они поспешно направились туда, сердясь на него и злоумышляя на его жизнь за то, что, как они думали, он обманул их ни в чем не повинного царя. 13. Пока они в озлоблении спешили туда, двинуты были им навстречу два легиона, Паннонский и Мезийский, достаточно большая боевая сила. Если бы между ними было единодушие, то, без всякого сомнения, они оказались бы победителями. Но у них вышли раздоры, они спорили о чести и достоинстве и спешили по отдельности напасть на разбойников. 14. Хитрые сарматы поняли это и, не ожидая формального сигнала к битве, напали сначала на Мезийский легион и, пока солдаты в смятении хватались за оружие, многих убили. Возгордившись от успеха и воспрянув духом, они прорвали боевую линию Паннонского легиона и, разделив силы отряда, вторичным ударом едва не истребили всех; лишь немногих спасло от смерти поспешное бегство.

15. Во время этих несчастий дукс Мезии Феодосий младший, тогда еще юноша с едва пробивавшейся бородой, а впоследствии славный император, несколько раз изгонял свободных сарматов, называемых так в отличие от восставших против них рабов*, и наносил им поражения во время их вторжений в наши пределы на другой стороне. Стекавшиеся их полчища, несмотря на храброе сопротивление, он разбил в многократных стычках так решительно, что насытил диких зверей и хищных птиц кровью множества павших. 16. Остальные, когда уже ослабел задор, стали бояться, что этот полководец, проявивший такую энергичную доблесть, разобьет или обратит в бегство их вторгающиеся шайки на самой границе, или устроит засаду в глуши лесов. После многих тщетных попыток прорваться, которые они предпринимали время от времени, они оставили свой бранный задор, просили о забвении прошлого и, чувствуя себя в данное время побежденными, не делали ничего противоречащего условиям предоставленного им мира. И тем более охватил их страх, что для охраны Иллирика прибыли большие силы из галльской армии.

17. Пока провинции страдали от стольких бедствий, проносившихся над ними непрерывной чередой, Вечным городом управлял Клавдий. В год его правления протекающий через середину города Тибр, который, приняв в себя городские каналы

* Ср.: 17, 13; 19, 11.

и много обильных водой рек, впадает в Тирренское море, разлился от чрезвычайного избытка дождей и, потеряв даже вид реки, затопил почти весь город. 18. Части города, расположенные на равнине, превратились в озера, и только вершины холмов и более высокие дома были безопасны в этом ужасе. Так как высокий уровень воды прервал сообщение, то, во избежание голода, подвозили на лодках и челноках большое количество продовольствия. Но когда погода переменилась и река, сокрушив преграды, вошла в обычное русло, страх прошел и не ожидали больше никаких несчастий. 19. Сам префект действовал с величайшим спокойствием. Предупреждая каждую справедливую жалобу, он не был вовлечен ни в какие бунты и восстановил много древних зданий. Между прочим, он отстроил огромный портик, примыкавший к баням Агриппы, который получил название Доброго Исхода по той причине, что поблизости оттуда стоит храм этого имени.

Книга XXX

(годы 374—375)

1. Царь Армянский Пара, вызванный Валентом и отданный в Тарс под видом почетной охраны под стражу, бежит с тремя сотнями своих земляков. Обманув стороживших дороги, он возвращается в свое царство на коне. Вскоре после этого его убивает на пиру командир Траян.
2. Посольства Августа Валента и персидского царя Сапора, споривших о царствах Армянском и Иверийском.
3. Август Валентиниан, опустошив несколько областей Аламаннии, имеет свидание с аламаннским царем Макрианом и заключает с ним мир.
4. Префект претория Модест отстраняет Валента от участия в судопроизводстве; о судебных речах, юристах и различных видах адвокатов.
5. Валентиниан, намереваясь начать военные действия против сарматов и квадов, опустошавших Паннонию, отправляется в Иллирик. Перейдя Дунай, он опустошает области квадов, предает огню поселки и истребляет варваров без различия возраста.
6. Валентиниан, разгневавшись во время ответа послам квадов, оправдывавшим своих земляков, умирает от удара.
7. Кто был его отец и что он совершил как государь.
8. Его свирепость, корыстолюбие, ненависть и боязливость.
9. Его доблести.
10. Валентиниан-младший, сын Валентиниана, объявлен Августом в лагере близ Брегециона.

1

1. В то время, когда вероломство командира, совершившего преступное убийство царя квадов, вызвало на западе серьезные осложнения, совершилось и на востоке гнусное злодеяние: царь Армении Пара* пал жертвой тайных козней. Главной причиной этого позорного дела послужило, по моим сведениям, следующее обстоятельство. 2. Злонамеренные люди, уже не раз извлекавшие выгоду из общественных бедствий, возводили пред Валентинианом разные обвинения на Пару, только что достигшего юношеского возраста. Среди них был командир Теренций; по внешнему виду то был человек скромный и всегда серьезный, но в течение всей своей жизни он повсюду возбуждал раздоры. 3. Сговорившись с несколькими местными жителями, которые пребывали в страхе перед карой за свои проступки, он в своих донесениях ко двору постоянно напоминал об убийстве Килака и Артабанна** и добавлял, что юный царь, склонный вообще к высокомерным поступкам, проявляет чрезмерную жестокость в отношении своих подданных. 4. Вследствие этого Пара под предлогом участия в предстоящем обсуждении мероприятий по текущим делам, был приглашен с соблюдением царского этикета; но в Тарсе, столице Киликии, под видом почетной охраны его взяли под стражу, и он не мог ни добиться приема у императора, ни узнать причину спешного вызова, встречая со стороны всех упорное молчание. Наконец он получил тайное донесение о том, что Теренций в письме советовал императору немедленно послать в Армению другого царя, чтобы этот народ, далеко для нас не безразличный, из ненависти к Паре и из

* Сын Арсака; см.: 27, 12, 3.
** См.: 27, 12, 5.

страха перед его возвращением не переметнулся к персам, которые горят желанием захватить эту страну силой, угрозами или лестью.

5. Обдумывая это, Пара предвидел, что его ожидает жестокая гибель. Изощренный уже в коварстве и не усматривая другого пути к спасению, кроме как поспешное бегство, он по совету людей, которым доверял, собрал свою свиту, сопровождавшую его с родины в числе 300 всадников на быстрых конях, и, приняв скорее дерзкое, нежели обдуманное решение, как это обычно бывает в важных и тревожных обстоятельствах, выступил из города, когда день уже склонялся к вечеру, и отважно бросился вперед, построив свой отряд клином. 6. Правитель провинции, по поспешному донесению о том прислужника, стоявшего на страже ворот, нагнал его поблизости от города и настойчиво просил остаться, но просьбы оказались тщетными, и сам он едва ушел живым. 7. Тотчас был выслан за ним целый легион; но когда он уже настигал беглецов, Пара, повернув назад, бросился на солдат с храбрейшими людьми, осыпая противника стрелами, как искрами, но намеренно не попадая ни в кого, и испуганные солдаты вернулись в город вместе со своим трибуном быстрее, чем выступили*. 8. Свободный уже после этого от всяких опасений, после трудного похода в течение двух дней и двух ночей, Пара подошел к реке Евфрат. Не имея возможности переправиться через нее за недостатком судов, когда многие робели вследствие неумения плавать, сам он впал больше других в сомнения. И он остался там, если бы в числе разных способов, которые предлагал всякий, не найден был один, самый надежный в отчаянном положении. 9. К кроватям, которые оказались в жилищах, привязали по два меха, которых было много в стране, изобилующей виноградниками. Знатнейшие из свиты и сам царь, усевшись каждый в одиночку на ложе и таща за собой коней, пустились вплавь, держа направление наискосок, чтобы избежать напора встречных волн. Этим способом они наконец достигли противоположного берега, преодолев крайнюю опасность. 10. Все остальные, сев на лошадей, пустили их вплавь. Несшиеся вокруг волны не раз их захлестывали или уносили дальше; наконец их прибило к противоположному

* Хотя Аммиан употребляет термин «легион», но, очевидно, применяет это слово к конному отряду небольшой численности.

берегу, измученных и продрогших. Там они оправились и выступили затем в путь, чувствуя себя уже спокойнее, чем в предшествующие дни.

11. Известие о бегстве царя Пары поразило императора, и, опасаясь, что, вырвавшись из петли, Пара нарушит верность Риму, он немедленно отправил Даниила и Барзимера — первый был комитом, второй — трибуном скутариев — с тысячей легковооруженных стрелков, чтобы они принудили его вернуться. 12. Полагаясь на свое знакомство с местностью, они опередили его по сокращавшим путь долинам, так как Пара, чужой и необвыкший там человек, делал извилистые и круговые обходы. Разделив между собой войска, они перекрыли две ближайшие дороги, отстоявшие одна от другой на три мили, чтобы таким образом захватить его неожиданно, по какой из двух дорог он бы ни направился. Но по следующей случайности план их не удался. 13. Какой-то путник, спешивший на ту сторону, увидев, что холм занят вооруженными солдатами и избегая встречи с ними, пробрался по обходной тропинке, заросшей кустарниками и терном, и натолкнулся на утомленных армян. Его отвели к царю, и в разговоре наедине он ему сообщил, что видел. Его задержали, не причинив никакой обиды. 14. Царь после этого, не выдавая своего страха, послал, никому о том не говоря, одного всадника направо от дороги, чтобы приготовить пристанище и пищу; как только тот уехал вперед, другому было приказано таким же образом как можно быстрее отправиться на левую сторону с той же целью, причем ему оставалось совершенно неизвестным, что другой послан в другом направлении. 15. Приняв эти благоразумные меры предосторожности, сам царь со своей свитой направился, пользуясь указаниями того путника, по тропинке, густо заросшей кустарником, по которой трудно было провести навьюченного коня, оставил солдат позади и ускользнул. А солдаты, захватив его слуг, которые и посланы были только для того, чтобы сбить с толку сторoживших, собирались захватить царя чуть ли не распростертыми руками, как добычу на охоте. Пока они ждали, что он подойдет к ним, он беспрепятственно водворился в своем царстве. Принятый с великой радостью земляками, он сохранял нерушимую верность Риму и никому не проговорился об обидах, которые перенес.

16. Даниил и Барзимер вернулись ни с чем. Когда их стали преследовать оскорбительными насмешками за их нелов-

кость и неумелость, они, словно ядовитые змеи, потерявшие свой яд от первого укуса, запасали его вновь, чтобы при первой возможности по мере сил причинить вред ускользнувшему от них царю Паре. 17. Чтобы ослабить свою вину или погрешность, в которую они впали благодаря искусному маневру царя, они стали нашептывать императору, ловившему всякие слухи, ложные обвинения против Пары, придумывая, будто он большой мастер в заклятиях Цирцеи, при помощи которых можно оборотить и расслабить человека. Они добавляли, что он совершил свой переход, наводя на них мрак и придав себе и своим людям другой облик, и что если ему пройдет безнаказанно это издевательство, то он причинит тяжкие беспокойства.

18. Таким образом была усилена непримиримая ненависть императора к Паре, и каждый день замышлялись новые уловки, имевшие целью лишить его жизни силой или тайным способом. Секретным приказом это дело поручено было командовавшему тогда военными силами в Армении Траяну*. 19. Стараясь обмануть царя коварными ухищрениями, он то передавал ему письма Валента как свидетельство его доброго расположения, то являлся сам к нему на обед и, наконец, когда предательство было полностью подготовлено, пригласил его самым вежливым образом к себе на обед. Не подозревая ни о какой опасности, тот явился и расположился за столом на предоставленном ему почетном месте. 20. Были предложены изысканные кушанья, обширный зал оглашался звуками струнных и духовых инструментов и пением, и начало уже действовать горячащим образом вино, когда сам хозяин пира вышел под предлогом какой-то физической надобности и впущен был какой-то варвар грозного вида, из тех, что зовутся скуррами[1]. С диким и угрожающим взором он размахивал вытащенным из ножен мечом, чтобы заколоть юного царя, которому отрезана была уже всякая возможность ускользнуть. 21. Увидев его, царь, как раз тогда случайно наклонившийся над ложем, встал и извлек кинжал, чтобы защищать чем возможно свою жизнь, но он пал с пронзенной грудью, как позорная жертва, постыдно исколотая повторными ударами. 22. Этим нечестивым деянием обманута была доверчивость: кровь чужеземца, брызнувшая под оком бога гостеприимства на роскошные скатерти

* 29, 1, 2.

среди угощения, которое пользуется уважением даже в странах Евксинского Понта, прибавилась к пресыщению участников пира, разбежавшихся в великом ужасе. Если ушедшие из этой жизни могут испытывать страдание, то застонал бы в ужасе от этого деяния Фабриций Лусцин, вспомнив, с каким великодушием сам он оттолкнул Демарха, или, по другим сообщениям, Никию, царского слугу, который в тайном разговоре обещал убить Пирра, терзавшего тогда Италию ужаснейшей войной, поднеся ему кубок, отравленный ядом, и как он сам написал царю, чтобы тот принял меры предосторожности против своих ближайших слуг[2]. С таким серьезным вниманием относились предки с их чувством правды к радостному насыщению пищей даже врага. 23. Старались, однако, это новое дикое и постыдное злодеяние извинить примером убийства Сертория[3]. Но не знали, вероятно, льстецы, что никогда, как утверждает Демосфен[4], вечная слава Греции, позорное дело не может быть оправдано тем, что другое было на него похоже и осталось безнаказанным.

2

1. Таковы достопримечательные события, совершившиеся в Армении. Когда же Сапор, скорбевший о поражениях своих войск в предшествующее время, узнал о смерти Пары, которого очень старался вовлечь в союз с собой, он был поражен тяжкой скорбью, тем более что бодрый дух нашей армии вызывал в нем страх.

2. Опасаясь в будущем еще худшего, он отправил послом к императору Арсака с поручением предложить ему полностью оставить Армению которая являлась постоянной причиной раздора. В случае, если бы это предложение не было принято, он выставлял другое требование, а именно: прекратить разделение Иверии, устранить оттуда гарнизоны римской половины и предоставить царскую власть одному Аспакуру, которого он сам поставил над иверийцами*. 3. На это Валент дал ответ, что он не может допустить никаких изменений в решениях, принятых с общего согласия, и тем с большим рвением будет их отстаивать. На это достойное решение пришло уже в конце зимы ответное письмо царя, в котором он предъяв-

* 27, 12, 16.

лял лишь пустые и высокомерные претензии. Он утверждал, что невозможно с корнем вырвать поводы для раздоров, если не будут привлечены в качестве посредников люди, участвовавшие в заключении договора с Иовианом, из которых некоторые, как он знал, уже умерли.

4. Так как после этого отношения становились все тревожнее, то император, которому по силам было выбирать между предложенными мерами, а не придумывать свои, признал полезным для дела приказать, чтобы магистр конницы Виктор и дукс Месопотамии Урбиций немедленно отправились в Персию и доставили царю совершенно ясный и не допускающий сомнений ответ такого содержания: если царь стоит за справедливость и не посягает на чужое, как он нередко заявлял, то он совершает преступное дело, посягая на Армению, коль скоро населению позволено жить самостоятельно; если же гарнизоны, предоставленные Савромаку, не удалятся в начале следующего года, как было условлено, то царь будет вынужден выполнить то, что он промедлил сделать добровольно. 5. Посольство действовало твердо и смело; но оно погрешило тем, что согласилось, помимо прямого поручения, на принятие предложенных ему небольших округов в той самой Армении.

По возвращении нашего посольства, прибыл сурена, второе лицо в государстве после царя, и предложил императору те самые округа, которые, не задумываясь, приняли наши послы. 6. Ему был устроен любезный и пышный прием, но отпущен он был, не добившись того, чего требовал, и вслед за тем были начаты большие приготовления к военным действиям. Имелось в виду, что, когда дело пойдет к весне, император вторгнется в Персию с тремя армиями, и для этого с величайшей поспешностью нанимали вспомогательные отряды скифов*.

7. Сапор, не добившись того, на что рассчитывал в пустых надеждах, страшно рассердился, когда узнал, что наш государь готовится к походу. Презирая его гнев, он отдал приказание сурене отобрать вооруженной силой те округа, которые приняли комиты Виктор и Урбиций, если будет оказано сопротивление и войска, отряженные для охраны Савромака, окажутся в опасном положении. 8. Как он повелел, так и было это немедленно исполнено, и не было возможности ни исправить этого, ни отомстить за это, потому что на Римское государство

---

* Очевидно, под этим старым термином разумеются готы.

обрушился другой ужас, когда весь готский народ неудержимо наводнил Фракию. Об этих несчастьях я вкратце расскажу, если дойду в своем повествовании и до них*.

9. Такие события совершались в восточных пределах. Одновременно с этим отомстила за африканские несчастья и дала успокоение теням послов Триполиса, все еще не отомщенным и блуждавшим доселе, вечная сила Справедливости. Хотя она и запаздывает иной раз, но все-таки является неукоснительным исследователем правых и неправых дел. Вышло это так. 10. Ремигий, который, как я рассказал, покровительствовал комиту Роману в его грабежах провинций, после того как вместо него стал магистром оффиций Лев, вышел в отставку и занялся хозяйством поблизости от Могонциака, откуда был родом. 11. Пока он там беспечно жил, префект претория Максимин, относясь к нему с полным пренебрежением, как находившемуся уже в отставке, задался целью, всякими, какими только мог, способами оскорблять его, а было ему свойственно обрушиваться на все, словно некоей жестокой заразе. С целью выведать побольше тайн, он схватил Цезария, который был раньше доместиком Ремигия, а потом нотарием государя, и подверг его допросу под кровавой пыткой, задавая вопрос, что делал Ремигий и сколько он получил за помощь в нечестивых деяниях Романа. 12. Узнав об этом, Ремигий, живший, как я сказал, в отставке, потому ли что его мучила совесть или что страх перед наговорами отнял у него разум, лишил себя жизни, стянув горло веревочной петлей.

3

1. На следующий год в товарищи по консульству Грациану дан был Эквиций. Валентиниан опустошил несколько областей Аламаннии и принялся за сооружение укрепления близ Базилии, именуемого местным населением Робур (сила)**. Тут он получил донесение префекта Проба о несчастьях в Иллирике***. 2. Внимательно прочитав его, как подобает осторожному главнокомандующему, он сильно встревожился и послал нотария Патерниана, поручив ему самым точным образом исследовать дело. Как только он получил от него достоверные

* 31, 2—5.

** Местность нын. Гюннингена.

*** 29, 6.

известия о случившемся, то немедленно стал собираться в поход, чтобы раздавить, как он предполагал, первым шумом оружия варваров, посмевших потревожить границы. 3. Так как в конце осени имелось много серьезных затруднений на пути, то все придворные сановники прилагали старание к тому, чтобы многократными просьбами задержать его до начала весны. Они утверждали, во-первых, что нельзя двигаться по замерзшим дорогам, где невозможно найти ни подросшей травы для подножного корма, ни всего остального, что необходимо для обихода армии; во-вторых, указывали на свирепость соседних с Галлией царей и прежде всего Макриана, внушавшего в ту пору особенные опасения; о нем было известно, что, не будучи приведен к покорности, он дерзнет напасть даже на укрепленные города. 4. Указывая на эти обстоятельства и добавляя полезные советы, они склонили императора к более правильным мыслям. Тотчас, как того требовали государственные интересы, вышеназванный царь был приглашен вежливым письмом на свидание близ Могонциака (Майнц), и сам он был, казалось, склонен вступить в договорные отношения. Он прибыл в невероятно высокомерном настроении, как будущий верховный вершитель судеб мира, и в условленный день переговоров встал у самого берега Рейна, высоко подняв голову, среди громкого шума щитов, который производили его земляки. 5. С другой стороны Август, окруженный также большой свитой военных людей, сел на речные суда и осторожно пристал к берегу среди блеска сверкающих знамен. Дикие жесты и шум варваров успокоились наконец, и, после того как многое было сказано и выслушано с той и другой стороны, была установлена дружба, скрепленная взаимной клятвой. 6. Когда дело устроилось, удалился в свою сторону царь, устроитель разных замешательств, в смягченном настроении, с тем чтобы в будущем быть нашим союзником. И действительно, до самого конца своей жизни он давал в похвальных поступках доказательства своей твердой решимости жить с нами в согласии. 7. Впоследствии он погиб в земле франков. Прорвавшись туда в опустошительном походе, он попал в засаду, подстроенную ему воинственным царем Меллобавдом, и был убит. После торжественного заключения договора Валентиниан ушел на зимовку в Тревиры*.

* Трир.

4

1. Таковы были события в Галлии и на северной стороне. А в восточных частях империи, при полном внешнем спокойствии разворачивались внутренние бедствия из-за друзей Валента и приближенных к нему лиц, для которых личная выгода стоила дороже чести. Прилагались всяческие старания, чтобы отвлечь от участия в судопроизводстве императора, который отличался строгостью и охотно сам выслушивал тяжущихся. Побуждением к тому было опасение, чтобы не воспрянула, как было во времена Юлиана, невинность вследствие возможности защищаться, и не была сломлена надменность могущественных людей, которые под покровом безнаказанности утверждались в своей привычке не знать никаких границ. 2. По этим и подобным мотивам многие во взаимном согласии отговаривали его, особенно же префект претория Модест*. Этот человек, находившийся в полном подчинении у императорских евнухов и прикрывавший строгим выражением лица грубость своего духа, нимало не развитого знакомством с древней литературой, внушал императору, что вникать в мелочи частных тяжб ниже достоинства императорской власти. Валент, утвердившись в мысли, что личное участие в разборе дел принижает высоту верховной власти, как тот ему внушал, совершенно отошел от этого и широко раскрыл тем самым двери грабежам, которые усиливались день за днем вследствие подлости судей и адвокатов; действуя заодно, они продавали за деньги интересы людей непривилегированного звания командирам армии и влиятельным при дворе лицам, наживая богатства и высокие звания.

3. Профессию судебных ораторов великий Платон определяет так: πολιτικῆζ μωπίου ’είδωλον, т. е. тень частицы политической науки, или как четвертую часть лести; Эпикур, называя ее χαχοτεχνία (искусство обманывать), причисляет ее к дурным искусствам. Тизий называет ее орудием убеждения, и с ним соглашается Горгий Леонтинский[5]. 4. Искусство, столь нелестно аттестованное древними, превратилось, благодаря мошенничеству неких восточных людей, в нечто ненавистное всякому порядочному человеку, вследствие чего

---

* 19, 12, 6.

ограничивают его пределами заранее установленного времени. Поэтому я, прежде чем вернуться к продолжению своего повествования, изложу вкратце вредоносные проявления этого искусства, что я видел на опыте во время пребывания в восточных областях.

5. В древние времена трибуналы славились изяществом речей, когда ораторы, обладавшие блестящим даром слова, прилежно занимавшиеся науками, выделялись талантом, честностью, богатством и обилием красоты слова. Таков был Демосфен. Когда предстояло ему говорить, то, по свидетельству аттических историков, стекались люди со всей Греции, чтобы его послушать. Точно так же, когда Каллистрат вел знаменитое дело об Оропе, сам Демосфен пришел его послушать, оставив Академию и Платона. Таковы, далее, Гиперид, Эсхин, Андокид, Динарх, а также тот Антифонт Рамнусийский, который первый, по свидетельству древних, взял плату за защиту дела[6]. 6. Равным образом такие люди, как Рутилий, Гальба, Скавр, славны были своей жизнью, характером, честностью, а затем в разное время следующего века много бывших цензоров и консулов, а также триумфаторов: Красс, Антоний, Филипп и Сцевола[7], и множество других, которые, блистательно закончив свои военные командования, после одержанных ими побед и воздвигнутых трофеев, стяжали себе лавры форума на знаменитых процессах и пользовались всеобщим почетом.

7. После них Цицерон, превзошедший всех, постоянно исторгавший потоками своего властного слова из пламени суда над какими-нибудь угнетенными, заявлял, что оставление людей без защиты, быть может, и не навлекает порицания, но небрежное ведение защиты есть преступление.

8. А теперь по всем странам Востока можно видеть целые толпы насильников и грабителей, которые бродят по всем площадям и осаждают жилища богатых, как спартанские или критские собаки, и, старательно вынюхивая всякие следы, вылавливают процессы в самом их логовище.

9. Первый класс в их среде составляют те, которые хвалятся тем, что посредством тысячи поручительств сеют различные тяжбы, обивая косяки вдов и пороги сирот. И стоит им только заметить хотя бы слабую зацепку к тому, чтобы вызвать раздражение, как они возбуждают страшнейшую вражду между живущими в полном согласии друзьями, близкими

и родственниками. С течением времени эти дурные качества не слабеют, как бывает это с другими; напротив, они все больше и больше укрепляются. Оставаясь бедными при ненасытных своих грабежах, они оттачивают свой язык, как меч, для поимки изворотливыми речами верности присяге судей, само имя которых (index) происходит от слова «справедливость» (institia). 10. Свою дерзость они выдают за свободу, не знающую удержа наглость — за настойчивость и пустую болтливость языка — за красноречие. Сбивать этими скверными способами судей с толку есть прямой грех, как сделал о том замечание Цицерон. Вот его слова: «Так как нет ничего в государстве, что в такой мере не должно подвергаться извращению, как голос в народном собрании и приговор в суде, то я не понимаю, почему достоин кары тот, кто их подкупил деньгами, а заслуживает даже славу тот, кто достиг того же самого красноречием. По моему мнению, тот, кто совращает судью речью, делает больше зла, чем тот, кто его подкупает, так как честного человека никто не может подкупить деньгами, а речью может».

11. Второй класс составляют люди, которые, выдавая себя за специалистов в науке права, хотя она упразднена взаимной противоречивостью законов, молчат, словно на уста их наложены оковы, и своим упорным молчанием уподобляются собственным своим теням. Как люди, составляющие гороскоп, или толкователи прорицаний Сивиллы они придают своему лицу серьезное и важное выражение и продают ту науку, которая вызывает у них самих зевоту. 12. Чтобы казаться глубокими знатоками права, они вспоминают Требация, Касцеллия, Алфена*, законы Аврунков и Сиканов, давно уже забытые и похороненные вместе с матерью Евандра** за много веков до наших дней. И если представить, что ты умышленно убил свою мать, то все-таки они пообещают тебе привести сокровенные места законов для твоего оправдания, если только прослышат, что ты человек денежный.

13. Третью категорию составляют люди, которые ради того, чтобы продвинуться в своей тревожной профессии, изощряют свой продажный язык для опровержения истины и своим медным лбом и низким лаем обеспечивают себе бес-

* Знаменитые юристы конца Республики.
** *Verg.* Aen., 8, 57 сл.

препятственный доступ всюду, куда захотят. При многосложных тревожащих судей заботах они опутывают дело нерасторжимой сетью и стараются смутить покой всякого тяжбами. Они нарочно заваливают запутанными вопросами суды, которые являются храмами справедливости, когда действуют правильно, а когда развращаются, становятся обманными волчьими ямами: если кто в них попадет, то выберется только через много-много лет, высосанный до самого мозга костей.

14. Четвертая, и последняя, категория, бесстыдная, дерзкая и необразованная, состоит из тех, которые, раньше времени убежав из начальной школы, шатаются по закоулкам городов, занятые больше мимиамбами, чем тем, что нужно для помощи в процессах; обивают пороги богатых людей, гоняясь за тонкими обедами и изысканными кушаньями. 15. Отдавшись погоне за мерцающими выгодами и приобретением отовсюду денег, они убеждают каких-нибудь невинных простаков затевать попусту тяжбы. Будучи допущены к защите дела, что случается редко, они узнают уже во время производства дела из самых уст противника о форме и содержании принятого ими на себя иска; тут они пускают в ход такую непроходимую околесицу, что можно подумать, будто ты слышишь противное словоизвержение Терсита*. 16. Когда же они затрудняются обосновать нуждающиеся в доказательстве претензии, то пускаются в необузданную дикую брань. Поэтому случалось, что их самих привлекали к суду за упорные бранные речи против почтенных людей и обвиняли. Среди них есть такие невежды, что сами не помнят, владели ли они когда-либо книгами законов.

17. Если в кружке образованных людей назовут имя старого юриста, они принимают его за чужеземное название рыбы или чего-либо съедобного; а если какой-то человек, прибывший из другого места, спросит только одним словом Марциана**, с которым он раньше не имел дела, то все они сейчас станут заверять, что они Марцианы.

18. Они чужды всяких представлений о справедливости и правде, но, предавшись корысти и давно ею охваченные, дают лишь себе неограниченную свободу запрашивать. Сто-

---

* *Hom.* II, 2, 2, 11.

** Имя известного юриста, употребленное здесь в смысле термина.

ит им кого-нибудь хоть раз захватить в свои сети, они опутывают его, как паутиной; притворяясь больными, намеренно затягивают дело; они готовы по семь раз за плату выступать на суде для того, чтобы попусту прочитать всем известные положения права, и без конца придумывают одну отсрочку за другой. 19. И когда для обираемых тяжущихся прошли дни, месяцы, годы, тогда наконец ставится на очередь состарившееся дело, выступают эти блестящие головы и выводят вместе с собой другие подобия адвокатов. Когда же они вступят за решетку суда и дело идет о состоянии или жизни кого-либо, и нужно стараться, чтобы отстранить от невинного меч или тяжкий убыток, то обе стороны долго стоят, наморщив лбы, делая жесты руками на актерский лад, хотя и нет за спиной флейты, которую применял Гракх во время речей*. Наконец, по предварительному уговору, тот, кто более дерзок на язык, начинает какое-нибудь сладкогласное вступление, обещающее поспорить красотами с речами за Клуенция или за Ктесифонта**. И когда все уже только и ждут того, чтобы он окончил, он в заключение заявляет, что адвокаты после трех лет, на которые затянулся процесс, еще не вполне разобрались в этом деле. Добившись затем отсрочки, они настойчиво требуют платы за труд и опасность, как будто выдержали борьбу с древним Антеем.

20. При всем том адвокатское звание имеет немало неприятного, того, что едва ли может выдержать человек с развитым чувством собственного достоинства. Снизойдя до самых жалких доходов, они ссорятся между собой и дают прорываться, как я уже сказал, дикой ругани, причиняющей обиды многим. Полный простор дают они ей тогда, когда не могут подкрепить слабость вверенного им иска сильными аргументами. 21. Подчас им приходится иметь дело с судьями, которые получили свою выучку в актерском шутовстве Филистиона и Эзопа, а не вышли из школы Аристида, по прозвищу «Справедливый», или Катона[8]. Купив за большие деньги свое общественное положение, они высматривают, как назойливые кредиторы, какое бы то ни было имущество и исторгают у других добычу, отнимая чужое добро. 22. На-

* *Cic.* De orat. 3, 60.

** Автор имеет в виду знаменитые речи Цицерона за Клуенция и Демосфена De corona.

конец, тяжкая и жалкая сторона адвокатуры состоит в следующем: хотя дела проигрываются по тысяче различных случайностей, но можно сказать, всем тяжущимся как бы врождено представление, что неудачный исход процесса составляет вину адвокатов; им они приписывают всякий исход судоразбирательства и раздражаются не на недочеты иска, не на имеющую место иной раз несправедливость судей, но только на своих защитников. Но возвращаюсь к тому месту моего повествования, в котором я сделал отступление.

5

1. С наступлением весны Валентиниан выступил из Тревиров и быстрым маршем двинулся по обычным дорогам. Когда он уже подходил к тем областям, куда направлялся, к нему прибыли послы сарматов. Распростершись у его ног, они обращали к нему миролюбивые моления, чтобы он в милостивом и кротком настроении шел к ним, так как он найдет их земляков невиновными ни в чем ни советом, ни делом. 2. На их многократные повторения одного и того же император, по соображениям данного момента внимательно обдумав это дело, дал им ответ, что приписываемые им поступки должны быть расследованы на месте их совершения самым тщательным образом и привести к денежному взысканию. Затем он вступил в иллирийский город Карнунт*, находящийся в настоящее время в запустении и в развалинах, но представлявший собой весьма удобный пункт для командира армии, так как с этой близкой к границе стоянки, когда случай или расчет даст такую возможность, легко было задерживать варварские набеги.

3. Все пребывали в страхе и ждали, что по своей вспыльчивости и жестокости он покарает правителей, которые своим вероломством и трусостью вызвали запустение этой части Паннонии. Но когда он туда прибыл, то проявил такое равнодушие, что не стал производить следствия об убийстве царя Габиния** и дознаваться, по чьему попустительству и небрежению государство потерпело такой ущерб. Тут проявлялась та его черта, что, суровый в применении наказаний

* Между Дейч-Альтенбургом и Петронелем видны остатки этого города.
** 29, 5.

к простым солдатам, он был слишком снисходителен по отношению к людям высшего ранга и ограничивался лишь резкими выражениями.

4. Одного только Проба он преследовал с ожесточенной ненавистью и не переставал с тех пор, как его увидел, угрожать ему с одинаковой резкостью. Причины этого были известны и имели серьезное основание. Поэтому, впервые достигнув звания префекта претория и желая подольше сохранить его за собой всякими и не всегда похвальными способами, Проб, в противоречии со славой своего рода, более радел о лести, нежели о собственном достоинстве. 5. Потворствуя стремлению государя отовсюду набирать деньги, не делая большого различия между правдой и неправдой, он не старался вернуть его на стезю справедливости, как нередко поступали разумные советники, но и сам следовал за ним на этом дурном пути, хотя император мог поддаваться внушению. 6. Отсюда тяжкие бедствия подданных, гибельные налоги с изысканными названиями, упадок крупных и мелких состояний, причем многолетняя привычка к злоупотреблениям находила все новые и новые более сильные оправдания. Наконец тяжесть податей и многократное увеличение налогов вынудили некоторых лиц из местной знати из страха окончательного разорения искать новые места для жительства; другие страдали от жестоких взысканий со стороны чиновников и, не имея возможности удовлетворить их требования, становились постоянными обитателями тюрем. Некоторые из последних, которым опротивел свет жизни, прибегали к повешению, как к желанному исцелению от бедствий. 7. Молва настойчиво твердила, что вымогательства совершались все с большей и более неприглядной жестокостью; но Валентиниан не знал про это, как будто уши его были залиты воском; проявляя полное безразличие, он лишь желал извлекать прибыль, хотя бы из самых ничтожных вещей, и думал только о том, что ему доставляли. Однако, быть может, он пощадил бы паннонцев*, если бы раньше дошли до его сведения те слезы, достойные обиды, о которых он слишком поздно узнал по такому доводу. 8. По примеру других провинциалов, эпироты по распоряжению префекта также отправили посольство, чтобы принести императору благодарность. Эту обязанность был вынужден про-

* Откуда был родом.

тив своей воли исполнить философИфикл, человек испытанной твердости убеждений. 9. Когда он предстал перед императором, тот узнал его и спросил о причине прибытия. Ификл держал ответ на греческом языке. На внимательные вопросы государя о том, действительно ли пославшие его хорошего мнения о префекте, тот сказал, как и подобало философу, служителю истины: «Со стоном и принуждением». 10. Как стрелой поражен был император этими словами и стал узнавать о его действиях, как ловкая ищейка, расспрашивая его на его родном языке о тех, кого знал: где, например, тот, что блистал среди своих почетом и именем, или тот богач, или тот, бывший первым в городском сенате. Когда он узнал, что один повесился, другой переселился за море, третий лишил себя жизни иным способом, четвертый умер под кнутом, он страшно разозлился. Гнев этот всячески поддерживал магистр оффиций Лев, который — о ужас! — сам добивался префектуры, чтобы низринуться с большей высоты. Если бы он достиг ее, то можно было бы вознести до неба отправление должности префекта Пробом по сравнению с тем, на что бы тот мог посягнуть.

11. Находясь в Карнунте, император в течение целых трех летних месяцев был занят заготовкой оружия и провианта, собираясь, если представится благоприятный случай, пройти через землю квадов, виновников крупных беспорядков. В этом городе Фавстин, сын сестры преторианского префекта Вивенция*, состоявший нотарием при армии, после рассмотрения его дела Пробом, был подвергнут пытке и казнен рукой палача. Он был привлечен к ответственности за то, что убил осла: для колдовства, как утверждали обвинявшие его, а как сам он говорил, для изготовления средства против выпадения волос. 12. Со злым умыслом сочинили против него и другое обвинение, будто в ответ на обращенную к нему в шутку неким Нигрином просьбу сделать его нотарием, он, смеясь над ним, воскликнул: «Сделай меня императором, если хочешь этого достигнуть». Благодаря превратному истолкованию этой шутки подверглись казни и сам Фавстин, и Нигрин, и другие.

13. Валентиниан послал вперед Меробавда с состоявшим под его командой отрядом пехоты, приказав ему опустошить и

---

* 26, 4, 4; 27, 3, 11; 12; 30, 5, 11.

сжечь поселки варваров. Прикомандирован к нему был комит Себастиан. Сам Валентиниан быстро двинулся в Ацинк*, и экстренно собрав много судов и быстро наведя мост, перешел с другой стороны на землю квадов. А те следили за его продвижением с крутых высот, куда большинство из них удалилось со своими семействами в нерешительности и неизвестности о возможных случайностях, и пришли в оцепенение, когда увидели на своей земле, против всяких ожиданий, императорские знамена. 14. И вот, пройдя ускоренным маршем вперед, насколько это позволяли обстоятельства, истребив без различия пола и возраста всех, кого внезапный набег захватил блуждающими, и предав огню жилища, император вернулся назад не потеряв из своей армии ни одного человека. Задержавшись на некоторое время в Ацинке, где его захватила быстро наступившая осень, он стал искать удобных зимних квартир в этих местностях, где зимние холода сковывают все льдом. Кроме Сабарии** он не мог найти другой удобной стоянки, хотя тогда этот город не представлял уже собой сильной крепости вследствие непрерывно обрушивавшихся на него бедствий. 15. Недолго пробыв здесь, он двинулся быстро оттуда, хотя важно было (*дать отдых войскам*), и направляясь по берегу реки и оставляя достаточные гарнизоны для усиления крепостей и фортов, прибыл в Брегицион***. Судьба, определившая уже давно час наступления упокоения для императора, указала в виде целого ряда набегавших знамений на предстоявшую ему кончину. 16. Так, за очень немного дней до этого события засияли на небе кометы, возвещающие кончину людей высокого положения. Происхождение комет я объяснял выше****. До этого в Сирмии, во время внезапно налетевшей бури удар молнии привел к пожару в части дворца, курии и рынка. В Сабарии, когда он там находился, сел на гребень крыши царской бани филин и начал свою песню, возвещающую смерть; хотя в него метали камни и стрелы опытные руки, не удалось, однако, сбить его оттуда. 17. Точно так же, когда из названного города Валентиниан направлялся в поход, он хотел выйти через те же самые ворота, через которые вступил в город, чтобы тем дать предзнаменование, что он скоро вернется в Галлию. Когда ради этого

* Ныне Будапешт.
** Штейн на Ангере.
*** Шёни близ Коморна.
**** 25, 10, 3.

очищали одно заброшенное место от нагромоздившегося мусора, упала железная дверь и завалила выход; в течение целого дня множество людей не могло ее сдвинуть, напрягая все силы, и Валентиниан вынужден был выйти через другие ворота. 18. Ночью накануне того дня, когда ему предстояло умереть, он видел во сне, как бывает, свою отсутствующую жену сидевшей с распущенными волосами и в трауре. Нетрудно было понять, что то была его судьба, готовившаяся расстаться с ним в траурном одеянии. 19. Когда он вышел рано утром из дома с мрачным и грустным лицом, ему подвели коня; но тот не позволял ему сесть на себя, взвившись на дыбы, чего никогда не делал. Со своей врожденной вспыльчивостью, так как был он человек жестокий, он приказал отсечь правую руку конюху, который нечаянно толкнул его, когда он вскакивал на коня. И этот молодой человек мог бы безвинно погибнуть жестокой смертью, если бы трибун конюшни Цериалий на свой риск не отсрочил исполнение жестокого приговора.

6

1. После этого прибыли послы квадов; смиренно умоляли они предоставить им мир, предав забвению случившееся, и, чтобы иметь возможность достигнуть этого безо всяких затруднений, давали обещание поставлять рекрутов, а также предлагали другие полезные для Римского государства услуги. 2. Так как было решено принять их и, предоставив им перемирие, о котором они просили, вернуться назад, — недостаток провианта и позднее время года не позволяли продолжать военные действия против них, — то, по совету Эквиция*, они были допущены в приемный зал. Они стояли, согнув спины, обессилевшие со страху и смущенные. Получив приказание изложить данное им поручение, они начали приводить обычные оправдания, подтверждая их клятвой; уверяли, что не было никаких проступков в отношении нас на основании общего постановления вождей их племени, что имевшие место правонарушения совершены чужими им разбойниками, жившими у реки (Дунай); прибавляли также, как достаточное оправдание случившегося и то, что начатое римлянами сооружение крепости**, неспра-

* 26, 1, 4; 6; 5, 3; 7, 11; 29, 6, 3.
** 29, 6.

ведливое и несвоевременное, вызвало ожесточение дикого народа. 3. Император страшно вспылил и, разволновавшись в самом начале своего ответа, начал поносить в бранном тоне все их племя, упрекая за то, что они не хранят в памяти полученных благодеяний и неблагодарны. Понемногу он смягчился и перешел на более мягкий тон, как вдруг, словно пораженный молнией с неба, потерял дыхание и голос и страшно побагровел лицом; из горла внезапно хлынула кровь и на теле выступил предсмертный пот. Чтобы не дать ему упасть на глазах у всех и в присутствии презренных варваров, приближенные слуги бросились к нему и увели во внутренние покои. 4. Там его уложили в постель. Хотя дыхание было слабо, но он сохранял полное сознание, узнавал всех вокруг стоящих, которых созвали постельничие с величайшей поспешностью, чтобы никто не заподозрил их в убийстве. Из-за воспаления внутренностей необходимо было открыть жилу, но не могли найти ни одного врача по той причине, что сам император отправил их в разные места, чтобы лечить солдат, на которых напала чума. 5. Наконец нашелся один врач, но хотя и не раз вскрывал он жилу, не мог, однако, выпустить ни капли крови, поскольку внутренности были охвачены чрезвычайным жаром, или, как полагали некоторые, по той причине, что высохли органы вследствие закрытия каких-нибудь протоков (мы зовем их теперь геморoидами), замороженных ледяным холодом. 6. Под воздействием возраставшей силы болезни он почувствовал, что настает его последний час. Он пытался сказать что-то или отдать приказание, как показывало частое подрагивание грудной клетки, скрежет зубов и движения рук, подобные тем, что совершают кулачные бойцы в борьбе, но обессилел, по телу пошли синие пятна, и после долгой борьбы он испустил дух на 55-м году жизни и 12-м без ста дней своего правления.

7

1. Теперь уместно, как я уже поступал несколько раз, сделать отступление и в кратком обзоре изложить деяния этого государя, начиная с происхождения его отца и до его кончины, не обходя ни дурного, ни хорошего, что проявлено было на высоте верховной власти, которая всегда раскрывает внутренние качества характера человека, 2. Грациан-старший родился в паннонском городе Цибалах в семействе

простого звания. В детстве он получил прозвище Фунарий (канатчик), потому что еще ребенком ходил продавать вразнос веревки, и никогда солдаты, хотя бы их было пять и они тянули со всей силы, не могли у него вырвать его веревок. Его можно было сравнить с Милоном Кротонским[9], у которого, если он держал в правой или левой руке яблоко, никакая сила никогда не могла его вырвать. 3. За свою телесную силу и искусность в борьбе на солдатский лад он стал многим известен и, пройдя звания протектора и трибуна, командовал в сане комита военными силами в Африке. Тут он был заподозрен в казнокрадстве и уволен со службы; много позднее в том же звании он командовал войском в Британии и, наконец, получив почетную отставку, вернулся на родину и жил там в полной тишине. Констанций покарал его конфискацией имущества за то, что во время междоусобной войны он, по слухам, принимал в своем доме Магненция, когда тот, направляясь к своей армии, проезжал через его имение.

4. Заслуги отца служили с юных лет Валентиниану рекомендацией, но он выдвинулся также и своими собственными доблестями и в Никее был облечен отличиями императорского величества. Он принял в соправители своего брата Валента, который был теснейшим образом связан с ним, помимо кровного родства, также единомыслием. В соответствующем месте моего труда я покажу, что относительно Валента трудно решить, принадлежал ли он к хорошим или к дурным государям. 5. Валентиниан пережил немало тяжелых опасностей, пока был частным человеком. В самом начале своего правления он направился в крепости и города, расположенные на пограничных реках, а также в Галлию, открытую для аламаннских набегов, которые очень участились, когда стало известно о смерти императора Юлиана: одного его боялись аламанны после Константа. 6. Валентиниан внушал им страх как тем, что значительно усилил войска дополнительными контингентами, так и тем, что повсюду укрепил Рейн сооружением или надстройкой крепостей и укреплений, чтобы неприятель нигде не мог остаться незамеченным при своем приближении к нашим областям.

7. Оставляя в стороне многое, что он совершил с авторитетом рачительного государя или с успехом осуществлял через дельных командиров, упомяну, что после принятия в соправители Грациана, он устранил царя аламаннов Витика-

рия, сына Вадомария, юношу, только что вышедшего из лет отрочества, когда тот поднимал свое племя на бунт и войну. Так как нельзя было сделать этого открыто, то Валентиниан прибег к тайному убийству*. Сразившись с аламаннами при Солицинии**, где он едва не погиб, будучи обманут коварным образом, он мог истребить их всех до одного, если бы быстрое бегство не спасло немногих в темноте ночи.

8. Кроме этих предпринятых с большой осторожностью мероприятий он имел дело с саксами. Этот народ дошел до безумной дерзости и беспрепятственно совершал неожиданные набеги во всех направлениях. Когда однажды саксы после похода в пограничные области возвращались назад, обогащенные награбленной добычей, он уничтожил их коварным, но успешным образом, отняв у грабителей их добычу***.

9. Точно так же британцам, которые не были в состоянии отбивать шайки одолевавших их врагов и теряли всякую надежду на лучшее будущее, он вернул свободу и спокойствие, не позволив почти никому из грабителей вернуться восвояси****.

10. С равным успехом он подавил бунт паннонца Валентина. Находясь в ссылке (в Британии), он пытался возмутить общественный покой в тех областях; но дело было потушено прежде чем успело разгореться*). Далее, он освободил Африку от серьезных опасностей, в которые она была внезапно ввергнута, когда Фирм, не будучи в состоянии выносить грабежей и высокомерия военных чинов, поднял восстание мавров, чутко откликавшихся на все волнения и раздоры**). С равным мужеством он бы отомстил за скорби, достойные несчастья Иллирика; но настигшая его смерть не позволила завершить это важное дело.

11. И хотя перечисленные мною успехи являются делом его отличных полководцев, однако верно и то, что он, как человек решительный и закаленный продолжительным опытом военного дела, многое выполнял сам. Блистатель-

* 27, 10, 3—4.
** Швецинген.
*** 28, 5, 1—7.
**** 27, 8.
*) 28, 3, 3—6.
**) 29, 5.

ным его деянием могло бы стать взятие живым царя Макриана, являвшегося в то время такой грозой, если бы это удалось. Он готовил это с большим старанием, но, к великому своему прискорбию, узнал, что тот ушел к бургундам, которых он сам сблизил с аламаннами.

8

1. Таков краткий обзор деяний этого императора. А теперь в уверенности, что потомки, не будучи связаны ни страхом, ни мерзостью лести, являются обычно беспристрастными судьями прошлого, я укажу в общих чертах и на его недостатки, а затем отмечу и его достоинства. 2. Хотя он подчас одевал на себя личину кроткого, но по горячности своей натуры он был более склонен к суровости и, очевидно, забывал, что правителю государства следует избегать всего чрезмерного, как крутого утеса. 3. Никогда не случалось, чтобы он удовольствовался мягким взысканием, но иной раз приказывал продолжать кровавое следствие и после допроса с пыткой, а иные допрашиваемые были замучены до самой смерти. Такую он имел склонность причинять страдания, что никогда никого не спас от смертной казни подписанием мягкого приговора, хотя это иногда делали даже самые свирепые государи. 4. И, однако, мог бы он обратить свои взоры на многочисленные примеры предков и найти у чужеземцев образцы для подражания в проявлении человечности и кротости — качеств, которые, по определению философов, являются добрыми родственницами доблестей. Достаточно будет привести следующие примеры. Артаксеркс, могущественный царь персов, который вследствие длины одной из частей тела, имел прозвание Долгорукий[10], многократно, по врожденному своему добросердечию, смягчал нередкие у дикого народа смертные казни тем, что отсекал у иных преступников тиары вместо голов; а чтобы не отрезать ушей за проступки, как это принято у персов, отсекал свешивавшиеся с головного убора шнурки. Эта мягкость его нрава принесла ему такое расположение и уважение, что он при всеобщем сочувствии к себе мог совершить много дивных деяний, которые прославлены греческими писателями. 5. Когда во время одной из Самнитских войн[11] командир пренестинцев, получив приказание спешить на помощь, промедлил с

исполнением этого приказания и был за это привлечен к ответственности, Папирий Курсор, бывший тогда диктатором, приказал ликтору обнажить секиру, и, когда обвиняемый, оцепенев от страха, потерял всякую способность защищаться, — диктатор приказал ликтору рубить росший поблизости кустарник*. С этим обращенным в шутку наказанием он отпустил его и нисколько тем не уронил уважения к себе, как полководец, с честью закончивший продолжительную и тяжелую войну. Его считали единственным, кто бы мог сопротивляться Александру Великому, если бы тот вступил на землю Италии. 6. Этого, быть может, и не знал Валентиниан, как не помышлял и о том, каким утешением для несчастных является мягкость государей: он множил казни огнем и мечом, тогда как наши предки, в своем более мягком настроении**, признавали эти казни последним средством в крайних случаях; равным образом Исократ[12], со свойственным ему изяществом, изрек об этом навеки поучительное слово, что следует иногда прощать противнику, даже побежденному силою оружия, как если бы он не знал, что такое справедливость***. 7. Исходя из того же положения, и Цицерон сказал в защитительной речи за Оппия: «Деятельно трудиться для спасения жизни другого многим послужило во славу, и никогда никому не принесло позора то, что он мало сделал для гибели другого человека».

8. Корыстолюбие, не знавшее различия между пристойным и непристойным и стремившееся всякими путями к обогащению, пусть даже за счет чужой жизни, росло у этого государя все сильнее и сильнее и выходило из всяких границ. Некоторые пытались оправдывать его, указывая на императора Аврелиана:[13] как тот, после Галлиена и горестных бедствий государства, в пору полного опустошения казны устремлялся на богатых, словно горный поток, так и Валентиниан после потерь Парфянской (Персидской) войны, будучи вынужден предпринимать огромные расходы на пополнение и содержание войск, соединял с жестокостью страсть к накоплению огромных богатств. При этом он делал вид, буд-

---

* *Liv.* 9, 16.

** В чтении этого трудного и запутанного по своему смыслу места придерживаюсь чтения *repperit*, которое Гардтгаузен переделал на *reperitur*, а также *maiorum*, а не *animorum*, как читает Гардтгаузен.

*** *Isocr.* Paneg., 75.

то не знает, что есть кое-что, чего не следует делать, хотя бы и было то можно. Он был совершенно не похож на древнего Фемистокла: когда тот после битвы и истребления персидских полчищ свободно прогуливался и увидел лежащие на земле золотые запястья и шейную цепь, то, обращаясь к стоявшему поблизости спутнику, сказал: «Возьми это, потому что ты не Фемистокл». Этим он указывал на то, что корысть не пристойна благородному полководцу... 9. Примеров подобного воздержания римских вождей имеется множество. Оставив их в стороне, так как они не являются свидетельством совершенной добродетели, — не брать чужого еще не заслуга, — я приведу один из многих образчик бескорыстия простого народа древних времен. Когда Марий и Цинна[14] предоставили богатые дома проскрибированных граждан на разграбление римской черни, то народ, относившийся, несмотря на свою грубость, с состраданием к чужим невзгодам, пощадил имущество, приобретенное чужими трудами, и не нашлось никого, будь то бедняк или человек самого низкого положения, кто бы захотел поживиться от общественного бедствия, хотя это и было позволено.

10. Кроме этого, вышеназванный император горел в глубине души завистью и, зная, что многие пороки принимают внешний вид добродетелей, постоянно повторял, что строгость есть союзница истинной власти. И так как обладатели верховной власти полагают, что им все позволено и питают сильную склонность к унижению своих противников и устранению лучших людей, то он ненавидел людей хорошо одетых, высокообразованных, богатых, знатных и принижал храбрых, чтобы казалось, что он один возвышается над другими добрыми качествами, — недостаток, которым, как известно, сильно страдал император Адриан.

11. Валентиниан часто бранил трусливых, говоря про них, что они — позор человечества, низкие души, достойные стоять ниже черни; но сам иной раз позорно бледнел от пустых страхов и пугался до глубины души того, чего вовсе и не было. 12. Магистр оффиций Ремигий подметил эту черту его характера, и когда замечал, что он начинает раздражаться по какому-нибудь поводу, то вставлял невзначай в свою речь замечание о каких-нибудь передвижениях у варваров; Валентиниан тотчас пугался и становился кроток и мягок, как Антонин Пий. 13. Намеренно он никогда не назначал дурных

правителей; но если слышал, что назначенные им люди проявляют жестокость, то хвалился, что отыскал Ликургов и Кассиев, древних столпов справедливости, и в своих рескриптах наставлял их строго карать за проступки, хотя бы незначительные.

14. Никогда несчастные, попадая в непредвиденные бедствия, не находили убежища в милосердии государя, которое является всегда тем же, чем желанная пристань для гонимых бурным ветром по разыгравшемуся морю. Ибо цель справедливого правления, согласно учению философов, есть польза и благо подданных.

9

1. Уместно после этого перейти к его поступкам, достойным одобрения и заслуживающим подражания со стороны всякого разумного человека. Если бы он привел в соответствие с ними все остальное, то его можно было бы сравнить с Траяном и Марком (Аврелием). В отношении провинциалов он проявлял большую внимательность и повсюду облегчал бремя податей, своевременно воздвигал укрепления на границах государства, чрезвычайно строго держал военную дисциплину; грешил он только тем, что даже незначительные проступки солдат не оставлял без наказания, а преступлениям высших чинов давал простор разрастаться дальше и дальше, оставаясь иной раз совершенно глух к подаваемым против них жалобам. Здесь был источник беспорядков в Британии, бедствий в Африке, опустошения Иллирика.

2. И дома, и вне его проявлял он строгое целомудрие, не будучи нисколько заражен язвой безнравственности и разврата. Поэтому он мог удерживать распущенность двора в строгих границах, и ему тем легче было это, что он не потворствовал своей родне: родственников своих он или оставлял в безвестности частной жизни, или предоставлял им звания и посты не очень высокие, за исключением брата, которого принял в соправители, будучи вынужден к этому затруднительными обстоятельствами того времени.

3. В представлении высоких санов он был осторожен до щепетильности: никогда в его правлении не являлся правителем провинции какой-нибудь меняла, никогда не случалось продажи должности; только в начале его правления не

обошлось без этого, как вообще случается, что люди, в надежде захватить власть или остаться безнаказанными, совершают преступления.

4. В войне, как наступательной, так и оборонительной, он проявлял большую умелость и осторожность, будучи тесно знаком с боевой жизнью; он был весьма предусмотрителен в совете за или против, о дурном и хорошем, чрезвычайно сведущ в военном деле вообще. Он складно писал, хорошо рисовал и моделировал, изобретал новые виды оружия; память и речь его отличались живостью, но редко он доходил до красноречия;* он любил изящную обстановку, а в пище — изысканность, а не обилие.

5. Наконец, славу его правления составляет сдержанность, с которой он относился к религиозным спорам; никого он не обеспокоил, не издавал повелений почитать то или другое и не заставлял строгими запрещениями своих подданных склоняться перед тем, во что сам верил; эти вопросы он оставил в том положении, в каком их застал.

6. В отношении тела: он был мускулист и крепок, волосы и цвет лица были светлы, глаза голубые со взглядом всегда косым и жестким, рост — красивый, очертания тела правильны, что придавало ему в общем красу царственности.

10

1. Над телом почившего императора совершено было обычное оплакивание, его труп обрядили, чтобы препроводить его в Константинополь и предать погребению в императорской усыпальнице. Предстоявшие военные действия были отложены, и возникло напряженное опасение за ближайшее будущее, так как боялись, чтобы галльские войска, которые не всегда сохраняли верность законному государю, не замыслили при данных обстоятельствах какой-либо переворот, присвоив себе право распоряжения верховной властью. Благоприятным для тайных замыслов могло оказаться и то обстоятельство, что Грациан, оставаясь в неведении о происшедшем, находился все еще в Тревирах (Трир), где определил ему пребывание отец, когда отправлялся в поход. 2. В этом трудном положении, когда будущие участники

* Считаю лишней запятую после слова *raro* у Гардтгаузена.

опасностей, если бы они случились, были как бы на одном корабле и боялись все одного и того же, принято было следующее решение: разобрать мост, который пришлось до этого соорудить для вторжения во вражескую землю, и тотчас отозвать Меробавда, якобы от имени живого еще Валентиниана. 3. Как человек живого ума, он понял, что произошло, или, быть может, узнал от посланного, который явился отозвать его, и, опасаясь, что галльские войска могут начать беспорядки, сделал вид, будто получил приказ вернуться с войсками для охраны берегов Рейна, из-за якобы возросшего возбуждения варваров. Согласно секретному поручению, он подальше отослал Себастиана, не знавшего еще о смерти государя; хотя тот был мирный и спокойный человек, но вследствие огромной своей популярности в войсках он должен был именно поэтому быть предметом особых опасений.

4. И вот, когда Меробавд вернулся, дело подвергнуто было еще более внимательному рассмотрению и было решено сделать соправителем четырехлетнего сына покойного императора Валентиниана[15], который тогда находился в 100 милях от Тревир и проживал со своею матерью Юстиной на вилле, называемой Муроцинкта (окруженная стеной). 5. Когда такое решение было всеми единодушно поддержано, поскорее отправили за мальчиком дядю его Цериалия. Он посадил его в лектику, привез в лагерь, и на шестой день после смерти отца маленький Валентиниан, с соблюдением всех формальностей, был провозглашен императором и торжественно наречен Августом. 6. В ту пору предполагали, что Грациан будет недоволен, что без его разрешения поставлен другой государь; но впоследствии исчезли всякие опасения: братья жили в полном согласии, и Грациан, как человек благожелательный и рассудительный, нежно любил своего брата и прилагал все заботы для его воспитания.

Книга XXXI

(годы 375—378)

1. Предзнаменования гибели Валента и поражения от готов.
2. О местожительстве и нравах гуннов, аланов и других племен азиатской Скифии.
3. Гунны присоединяют к себе оружием или по договору аланов-танаитов; они нападают на готов и изгоняют их из их земель.
4. Бо́льшая часть готов, по прозвищу тервинги, изгнанная из своих пределов, с разрешения Валента переправляется римлянами во Фракию, пообещав повиноваться и поставлять вспомогательные отряды. Гревтунги, другая часть готов, коварным образом переправляются через Истр на судах.
5. Тервинги, измученные голодом и отсутствием жизненных средств, подвергаясь к тому же всяким притеснениям, отпадают от Валента и наносят поражение Лупицину и его войскам.
6. Почему взбунтовались Сферид и Колия, готские старейшины, принятые раньше со своими людьми. Перебив адрианопольцев, они соединились с Фритигерном и приступили к разграблению Фракии.
7. Профутур, Траян и Рихомер сражаются с готами в нерешительном бою.
8. Готы, запертые в Гемимонте, а затем выпущенные римлянами, оскверняют Фракию грабежом, убийствами, насилиями и пожарами и убивают трибуна скутариев Барзимера.
9. Фригерид, полководец Грациана, разбивает князя Фарнобия с множеством готов и тайфалов; уцелевшим сохранена жизнь и предоставлены земли на реке Паде.

10. Лентиензы-аламанны разбиты в сражении полководцами Августа Грациана, при этом был убит царь Приарий. Когда они сдались и дали Грациану новобранцев для военной службы, им позволено было вернуться домой.
11. Себастиан, неожиданно напав на нагруженных добычей готов близ Берои, разбил их. Лишь немногие спаслись бегством. Август Грациан спешит к своему дяде Валенту, чтобы оказать ему помощь против готов.
12. Август Валент решил сразиться с готами до прибытия Грациана.
13. Готы, соединившись все вместе, т. е. тервинги под начальством царя Фритигерна и гревтунги под командой вождей Алафея и Сафрака, сражаются в правильном бою с римлянами. Разбив конницу, они обращают в бегство пехоту, не имевшую прикрытия с флангов и скучившуюся, и наносят римлянам страшные потери. Валент был убит и нигде не разыскан.
14. Добрые качества и пороки Августа Валента.
15. Победители-готы осаждают Адрианополь, где Валент оставил свои сокровища и отличия императорского сана с префектом и придворным штатом. Перепробовав все способы взять город, готы отступают, не достигнув своей цели.
16. Готы, присоединив к себе за деньги полчища гуннов и аланов, тщетно пытаются взять Константинополь. Каким способом магистр Юлий за Тавром освободил от готов восточные провинции.

1

1. Между тем Фортуна со своим крылатым колесом, вечно чередуя счастливые и несчастные события, вооружала Беллону вместе с Фуриями и перенесла на Восток горестные события, о приближении которых возвещали совершенно ясные предсказания и знамения. 2. Помимо многих вещих предсказаний, изреченных прорицателями и авгурами, (были еще такие знамения): метались собаки под вой волков, ночные птицы издавали жалобные крики, туманный восход солнца омрачал блеск утреннего дня, а в Антиохии в ссорах и драках между простонародьем вошло в обычай, если кто-то считает себя обиженным, дерзко восклицать: «Пусть живым сгорит Валент»; постоянно раздавались возгласы глашатаев, приказывавших сносить дрова, чтобы протопить бани Валента, которые были сооружены по приказанию самого императора. 3. Все это чуть ли не прямо указывало, какой конец жизни грозит императору. Кроме того, дух убитого армянского царя и жалкие тени лиц, недавно казненных по делу Феодора*, являлись многим во сне, изрекали страшные зловещие слова и наводили ужас. 4. Нашли как-то мертвого орла, лежавшего с перерезанным горлом, и смерть его знаменовала собой громадные и всеохватные бедствия общегосударственного значения. Наконец, когда сносили старые стены Халкедона, чтобы построить баню в Константинополе, сняв ряд камней, нашли на квадратной плите, находившейся в самой середине стены, следующую высеченную надпись, которая совершенно определенно открывала будущее:

---

* 29, 1.

5. Но когда влажные Нимфы по граду закружатся в пляске,
В резвом веселье вдоль улиц несясь хорошо укрепленных,
И когда стены со стоном оградою станут купанья:
В эту годину толпа несметная бранных народов,
Силой прошедши Дуная прекрасно текущего волны,
Скифов обширную область и землю мизийцев погубит.
В дерзком и диком порыве вступивши в страну пеонийцев,
Там же и жизни конец обретет, и жестокую гибель.

2

1. Семя и начало всего этого несчастья и многообразных бедствий, вызванных яростью Марса, который своим пожаром сотрясает мир, восходит, как выяснено, вот к какому событию. Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру. 2. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. 3. При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть. 4. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду. И на чужбине входят они под крышу только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под ней. 5. Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей. Нет у них разницы между домашним платьем и выходной одеждой; один раз надетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она

расползется в лохмотья от долговременного гниения. 6. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами; обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. 7. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути. 8. Иной раз, будучи чем-нибудь обижены, они вступают в битву; в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. 9. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком. 10. Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — вдали оттуда, вырос — еще дальше. 11. Когда нет войны, они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дуновению перепадающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что че-

стно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступаются от своих союзников. Без всякого подстрекательства и точно так же без чьего бы то ни было посредства опять мирятся.

12. Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов. Раз я упомянул аланов, то будет уместно рассказать, откуда они и какие земли занимают, показав при этом запутанность географической науки, которая долго многое... и различное, наконец нашла истину...*.

13. Истр, пополнившись водой притоков, протекает мимо савроматов, область которых простирается до Танаиса, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни. Имя их происходит от названия гор. Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы. 14. Из этих народов нервии занимают среднее положение и соседствуют с высокими крутыми горными хребтами, утесы которых, покрытые льдом, обвевают аквилоны. За ними живут видины и очень дикий народ гелоны, которые снимают кожу с убитых врагов и делают из нее себе одежды и боевые попоны для коней. С гелонами граничат агафирсы, которые красят тело и волосы в голубой цвет, простые люди — небольшими, кое-где рассеянными пятнами, а знатные — широкими, яркими и частыми. 15. За ними кочуют по разным местам, как я читал, меланхлены и антропофаги, питающиеся человеческим мясом. Вследствие этого ужасного способа питания соседние народы отошли от них и заняли далеко отстоящие земли. Поэтому вся северовосточная полоса земли до самых границ серов осталась необитаемой. 16. С другой стороны поблизости от места обитания амазонок смежны с востока аланы, рассеявшиеся среди многолюдных и великих народов,

---

* В следующем описании автор пользуется не столько живыми сведениями о современном ему населении тех стран, сколько научными материалами, закрепленными на обращавшихся тогда географических картах. См.: *Кулаковский Ю. А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 18.

обращенных к азиатским областям, которые, как я узнал, простираются до самой реки Ганга, пересекающей земли индов и впадающей в Южное море.

17. Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. 18. Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же родятся и воспитываются дети, это — их постоянные жилища, и, куда бы они ни зашли, там у них родной дом. 19. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. 20. Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами. Поэтому-то и персы, будучи скифского происхождения, весьма опытны в военном деле*. 21. Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой. 22. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаж-

* Этнические термины «персы» и «парфяне» автор не различает; в данном месте он должен был бы назвать именно парфян.

дение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. 23. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют. 24. Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклинаниями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается. 25. О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах. Но возвращаюсь к повествованию о дальнейших событиях.

3

1. И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха, весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов. 2. Пораженный силой этой внезапной бури, Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них; но так как молва все более усиливала ужас надвинувшихся бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью. 3. Витимир, избранный после его кончины царем, оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа; но тяжкие обстоятельства сломили их и, потеряв надежду дать отпор, они осторож-

но отступили и перешли к реке Данастию, которая протекает по обширным равнинам между Истром и Борисфеном*. 4. Когда слухи об этих неожиданных событиях дошли до Атанариха, правителя тервингов, против которого недавно, как я об этом рассказывал, выступал в поход Валент, чтобы наказать за помощь, оказанную Прокопию**, он решил попытаться оказать сопротивление и развернуть все свои силы, если и на него будет сделано нападение, как на остальных. 5. Он разбил большой лагерь на берегах Данастия в удобной местности поблизости от степей гревтунгов и в то же время выслал на 20 миль вперед Мундериха (который был впоследствии командиром пограничной полосы в Аравии) с Лагариманом и другими старейшинами, поручив им высматривать приближение врага, пока он сам беспрепятственно занимался приготовлениями к битве. 6. Но дело вышло совсем не так, как он рассчитывал. Гунны со свойственной им догадливостью заподозрили, что главные силы находятся дальше. Они обошли тех, кого увидели, и, когда те спокойно расположились на ночлег, сами при свете луны, рассеявшей мрак ночи, перешли через реку вброд и избрали наилучший образ действий. Опасаясь, чтобы передовой вестник не испугал стоявших дальше, они ринулись быстрым натиском на Атанариха.

7. Ошеломленный первым ударом, Атанарих, потеряв коекого из своих, вынужден был искать убежища в крутых горах. От неожиданности этого события и еще большего страха перед будущим он стал воздвигать высокие стены от берегов Гераза (Прута) до Дуная поблизости от области тайфалов. Он полагал, что, быстро и основательно соорудив это прикрытие, он обеспечит себе полную безопасность и спокойствие. 8. Пока работа велась со всей энергией, гунны теснили его быстрым наступлением и могли бы совершенно погубить его своим появлением, если бы не оставили этого дела вследствие затруднительного положения, в которое их поставило обилие добычи.

Между тем среди остальных готских племен широко распространилась молва о том, что неведомый дотоле род людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах рушит и сокрушает все, что попада-

* Днестр.
** См.: 27, 5.

ется навстречу. Большая часть племен, которая оставила Атанариха вследствие недостатка в жизненных припасах, стала искать место для жительства подальше от всякого слуха о варварах. После продолжительных совещаний о том, какое место избрать для поселения, они решили, что наиболее подходящим для них убежищем будет Фракия; в пользу этого говорили два соображения: во-первых, эта страна имеет богатейшие пастбища и, во-вторых, она отделена мощным течением Истра от пространств, которые уже открыты для перунов чужеземного Марса. То же самое решение как бы на общем совете приняли и остальные.

4

1. И вот под предводительством Алавива готы заняли берега Дуная и отправили посольство к Валенту со смиренной просьбой принять их; они обещали, что будут вести себя спокойно и поставлять вспомогательные отряды, если того потребуют обстоятельства. 2. Пока происходили эти события за пределами империи, расходились грозные слухи о том, что среди северных народов совершаются новые движения в необычайных размерах, и шла молва, что на всем пространстве от маркоманнов и квадов до самого Понта множество неведомых варварских народов, будучи изгнано из своих обиталищ, внезапным натиском подошло к Истру с женами и детьми. 3. Сперва это известие принято было нашими с пренебрежением по той причине, что в тех пределах вследствие отдаленности театра военных действий привыкли получать известия, что войны или закончены, или по крайней мере на время успокоены. 4. Но когда дело стало выясняться в его истине и слухи были подтверждены прибытием посольства варваров, которое настойчиво просило о принятии бездомного народа на правый берег реки, приняли это скорее с радостью, чем со страхом. Поднаторевшие в своем деле льстецы преувеличенно превозносили счастье императора, которое предоставляло ему совсем неожиданно столько рекрутов из отдаленнейших земель, так что он может получить непобедимое войско, соединив свои и чужие силы, и государственная казна получит огромные доходы из военной подати, которая из года в год платилась провинциями. 5. С этой надеждой отправлены были разные лица, чтобы устроить переправу диких полчищ. Принимались тщательные меры для того,

чтобы не был оставлен никто из этих будущих разрушителей Римского государства, пусть даже он был поражен смертельной болезнью. Получив от императора разрешение перейти через Дунай и занять местности во Фракии, переправлялись они целыми толпами днем и ночью на кораблях, лодках, выдолбленных стволах деревьев. А так как река эта — самая опасная из всех и уровень воды был выше обычного вследствие частых дождей, то много народа утонуло, как те, кто при крайней переполненности судов слишком решительно плыли против течения, так и те, кто бросался вплавь.

6. Так прилагали все старания навести гибель на римский мир. Хорошо известно, что злосчастные устроители переправы варваров часто пытались определить их численность, но оставили это после многих безуспешных попыток.

«Кто хотел бы это узнать, — говоря словами знаменитого поэта, — тот справляется о ливийском песке, сколько песчинок поднимает зефир»*.

7. Вспомним древние свидетельства о вступлении мидийских полчищ в Грецию; переправившись через Геллеспонт, пытались устроить проход, искусно прорыв гору, и были подвергнуты перечислению у Дориска не поголовно, а толпами**, что потомство единодушно признало сказкой. 8. Но после того как бесчисленные толпы варваров рассеялись по провинциям и, распространяясь по широкому простору, заняли все местности и заполнили все горные хребты, — это событие нового времени подтвердило верность древнего сообщения.

Первыми были приняты Алавив и Фритигерн, император приказал выдать им пока провиант и предоставить земли для обработки. 9. В то время, как открыты были запоры на нашей границе и варвары выбрасывали на нас толпы вооруженных людей, как Этна[1] извергает свой пылающий пепел, и трудное положение государства требовало прославленных военными успехами командиров, именно тогда, словно по вмешательству разгневанного божества, во главе военных сил стояли как на подбор люди с запятнанным именем. На первом месте были Лупицин и Максим, первый — комит во Фракии, второй — командир, вызывавший к себе ненависть,

---

* *Verg.* Georg., II, 105.

** *Herod.* 7, 60.

оба они могли соперничать между собою в неосмотрительности. 10. Их зловредное корыстолюбие было причиной всех бед. Оставляя в стороне другие проступки, которые названные командиры или другие при их попустительстве позволили себе самым позорным образом в отношении переходивших к нам иноземцев, ничем до этого не провинившихся, я расскажу об одном столь же постыдном, сколь и неслыханном деянии, которое не могло бы быть признано извинительным, даже в глазах судей, замешанных в этом деле. 11. Пока варвары, переведенные на нашу сторону, терпели голод, эти опозорившие себя командиры завели постыдный торг: за каждую собаку, которых набирало их ненасытное корыстолюбие, они брали по одному рабу и среди взятых уведены были даже сыновья старейшин.

12. Между тем приблизился к берегам Истра и Витерик, царь гревтунгов, вместе с Алафеем и Сафраком, которые были его опекунами, а также Фарнобий. Спешно отправив посольство, царь просил императора оказать ему столь же радушный прием. 13. Послы получили отказ, как того, казалось, требовали государственные интересы; и гревтунги находились в тревожной нерешительности относительно того, что им предпринять. Атанарих, боясь получить такой же отказ, отступил в отдаленные местности: он помнил, что некогда презрительно отнесся к Валенту во время переговоров и заставил императора заключить мир на середине реки, ссылаясь на то, что заклятие не позволяет ему вступить на римскую почву*. Опасаясь, что неудовольствие против него осталось до сих пор, он двинулся со всем своим народом в область Кавкаланда, местность, недоступную из-за высоких поросших лесом гор, вытеснив оттуда сарматов.

5

1. А тервинги, принятые до этого в пределы империи, все еще скитались возле берегов Дуная, так как их угнетало двойное затруднение вследствие подлого поведения командиров: они не получали провианта, и их намеренно задерживали ради позорного торга. 2. Когда они это поняли, то стали горячо говорить, что они примут свои меры для отвраще-

---

* Ср.: 27, 5, 9.

ния бедствий, причиняемых им предательством; и Лупицин, опасаясь возможного бунта, подошел к ним с военной силой и побуждал их скорее выступать.

3. Этим удобным моментом воспользовались гревтунги: они заметили, что солдаты заняты были в другом месте и что переплывавшие с одного берега на другой суда, которые препятствовали их переходу, остаются в бездействии, они сколотили кое-как лодки, переправились и разбили свой лагерь вдалеке от Фритигерна.

4. Фритигерн с прирожденной ему предусмотрительностью старался обеспечить себя на всякий возможный случай в будущем, чтобы и императору выказать повиновение, и с могущественными царями быть в союзе; он медленно продвигался вперед и небольшими переходами подошел наконец к Маркианополю. Тут случилось еще одно тяжкое событие, которое воспламенило факелы Фурий, загоревшиеся на гибель государства. 5. Лупицин пригласил на пир Алавива и Фритигерна; полчища варваров он держал вдалеке от стен города, выставив против них вооруженные караулы, хотя те настойчиво просили разрешить им входить в город для покупки необходимых припасов, ссылаясь на то, что они теперь уже подчинены римской власти и являются мирными людьми. Между горожанами и варварами, которых не пускали в город, произошла большая перебранка, и дело дошло до схватки. Рассвирепевшие варвары, узнав, что несколько их земляков захвачено, перебили отряд солдат и обобрали убитых. 6. Секретным образом был об этом оповещен Лупицин, когда он возлежал за роскошным столом среди шума увеселений, полупьяный и полусонный. Предугадывая исход дела, он приказал перебить всех оруженосцев, которые, как почетная стража и ради охраны своих вождей, выстроились перед дворцом. 7. Томившиеся за стенами готы с возмущением восприняли это известие, толпа стала прибывать и в озлобленных криках грозила отомстить за то, что, как они думали, захвачены их цари. Находчивый Фритигерн, опасаясь быть задержанным вместе с остальными в качестве заложников, закричал, что дело примет опасный оборот, если не будет позволено ему вместе с товарищами выйти, чтобы успокоить народ, который взбунтовался, предполагая, что вожди его убиты под предлогом любезного приема. Получив разрешение, все они вышли и приняты были с торжеством и кри-

ками радости; вскочив на коней, они умчались, чтобы начать повсюду военные действия. 8. Когда молва, зловредная питательница слухов, распространила об этом весть, весь народ тервингов загорелся жаждой боя. Среди многих зловещих предвестий грядущих великих опасностей они подняли, по своему обычаю, знамена, раздались грозно звучащие трубные сигналы, стали рыскать грабительские отряды, предавая грабежу и огню селения и производя страшные опустошения, где бы ни представилась такая возможность.

9. Лупицин с большой поспешностью собрал войска против них и выступил, действуя скорее наобум, чем по обдуманному плану. В девяти милях от города он остановился в готовности принять бой. Увидев это, варвары бросились на беспечные отряды наших и, прижав к груди щиты, поражали копьями и мечами всякого, кто был на их пути. В кровавом ожесточенном бою пала бóльшая часть воинов, потеряны были знамена, пали офицеры за исключением злосчастного командира, который думал, пока другие сражались, только о том, как бы ему спастись бегством, и во весь опор поскакал в город. После этого враги оделись в римские доспехи и стали бродить повсюду, не встречая никакого сопротивления.

10. Так как наше повествование после изложения различного рода событий дошло до этого пункта, то я обращаюсь с просьбой к тем, кто будет это читать — если будут когда-нибудь такие, — не требовать от меня подробного изложения отдельных фактов и обозначения числа погибших, чего никоим образом невозможно с точностью установить. Я считаю достаточным описать важнейшие события, не допуская ни малейшего искажения истины ложью, так как историческому повествованию подобает полное беспристрастие. 11. Люди, не сведующие в истории древних времен, говорят, будто на государство никогда не опускался такой беспросветный мрак бедствий; но они ошибаются, пораженные ужасом недавно пережитых несчастий. Если обратиться к давним векам или даже и к более к нам близким, то окажется, что такие же и столь же печальные потрясения случались не один раз. 12. Так, Италию наводнили внезапно тевтоны с кимврами[2], явившиеся с отдаленных берегов океана. Но после страшных поражений, нанесенных Римскому государству, они были побеждены в решительных сражениях славными

вождями и в конечном своем истреблении изведали в жестоких бедствиях, сколь бессильна оказывается дикая военная мощь перед разумом. 13. Точно так же во время правления Марка (Аврелия) сплотились единодушно против нас различные племена и после страшного бранного шума, после разрушения взятых и разграбленных городов... лишь малая часть их уцелела[3]. 14. Вскоре, однако, после этих страшных несчастий дела пришли в прежнее состояние, благодаря тому обстоятельству, что наши предки не знали еще заразы распущенной жизни, не видали роскоши стола, не гонялись за постыдным прибытком; но все люди, как высокого, так и низкого положения, с полным единодушием стремились к славной смерти за отечество, как в тихую спокойную пристань.

15. Полчища скифских народов прорвались на двух тысячах судов через Боспор, прошли по берегам Пропонтиды и произвели жестокие опустошения на море и на суше, но, потеряв большую часть своих, вернулись назад[4]. 16. В сражениях с варварами пали императоры Деции[5], отец и сын; подверглись осаде города Памфилии, опустошено было много островов, вся Македония была охвачена пламенем, в течение долгого времени была в осаде Фессалоника, а также Кизик, взят был Анхиал и в то же время Никополь, который построил император Траян, как свидетельство победы над даками. 17. После многих жестоких поражений с той и другой стороны разрушен был Филиппополь, причем — если верно сообщение историков — убито было в стенах города сто тысяч человек. Пришлые враги свободно бродили по Эпиру, Фессалии и всей Греции; верховная власть была предоставлена славному полководцу Клавдию[6], но он пал смертью героя и прогнал их уже Аврелиан, человек дельный и строгий мститель за злодейства. После этого в течение продолжительного времени варвары держали себя спокойно и ничего не предпринимали, если не считать того, что изредка в течение последующего времени их грабительские отряды совершали губительные набеги на соседние с их землей местности. Но буду продолжать изложение с того момента, на котором я остановился.

6

1. В ту пору, когда вести, приходившие одна за другой, сообщили повсюду об этих событиях, готские князья Сферид и Колия, которые были приняты вместе со своими земляками задолго до того и получили разрешение зимовать в Адрианополе, отнеслись ко всему происшедшему с полным равнодушием, ставя выше всего свою собственную безопасность. 2. Неожиданно был им доставлен императорский приказ, повелевавший перейти на Геллеспонт. Они без малейшей дерзости попросили выдать им путевые деньги и провиант и разрешить двухдневную отсрочку. Начальник города, который был сердит на них за разграбление его пригородного имения, воспринял это враждебно и вооружил на их гибель всю чернь вместе с фабричными рабочими, которых там очень много, и, приказав трубачам играть боевой сигнал, грозил всем им смертью, если они не выступят немедленно, как было им приказано. 3. Пораженные этим неожиданным бедствием и устрашенные напором горожан, скорее стремительным, нежели обдуманным, готы застыли на месте; на них сыпались поношения и брань, в них попадали стрелы, и, раздраженные этим до крайности, они решились на открытый бунт. Перебив множество вырвавшихся вперед в дерзком задоре, остальных они обратили в бегство и перебили различным оружием. Затем они вооружились снятым с убитых римским оружием и, когда поблизости появился Фритигерн, соединились с ним как покорные его союзники и стали теснить город бедствием осады. Долго они продолжали это трудное дело, совершали приступы то здесь, то там, иные, совершавшие подвиги выдающейся отваги, гибли неотомщенные, многих убивали стрелы и камни, метаемые из пращей. 4. Тогда Фритигерн, видя, что не умеющие вести осаду люди терпят понапрасну такие потери, посоветовал уйти, не доведя дело до конца, оставив там достаточный отряд. Он говорил, что находится в мире со стенами и давал совет приняться за опустошение богатых областей, не подвергаясь при этом никакой опасности, так как не было еще никакой охраны. 5. Одобрив этот план царя, который, как они знали, будет деятельным сотрудником в задуманном деле, они рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам, их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобильный провиант.

Не говоря уже о врожденной дерзости, большой помощью являлось для них то, что каждый день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба. 6. К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли вынести тяжести налогов; они были приняты с единодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они указывали скрытые хлебные склады, места убежища жителей и тайники. 7. Только самые недоступные или лежавшие далеко в стороне места остались не задетыми при их передвижениях. Не разбирали они в своих убийствах ни пола, ни возраста и все предавали на своем пути страшным пожарам; отрывая от груди матери младенцев и убивая их, брали в плен матерей, забирали вдов, зарезав на их глазах мужей, через трупы отцов тащили подростков и юношей, уводили, наконец, и много стариков, кричавших, что они достаточно уж пожили на свете. Лишив их имущества и красивых жен, скручивали они им руки за спиной и, не дав оплакать пепел родного дома, уводили на чужбину.

7

1. С глубокой скорбью воспринял эти вести император Валент, и различные тревоги терзали его сердце. Немедленно он отправил в Персию магистра конницы Виктора, чтобы тот, из-за затруднений настоящего, заключил соглашение относительно Армении; сам он собирался немедленно выступить из Антиохии, чтобы отправиться в Константинополь, а впереди себя послал Профутура и Траяна; оба эти командира были о себе высокого мнения, но не годились для войны. 2. Прибыв на место назначения, где им надлежало измотать силы варваров в мелких стычках и засадах, они приняли неподходящий и опасный план: решили противопоставить расходившимся в их дикой храбрости варварам приведенные из Армении легионы, которые, хотя и были не раз с успехом проверены в боевых трудах, не могли, однако, равняться силами с несчетными полчищами варваров, которые заняли хребты крутых гор и равнины. 3. Эти легионы еще не испытали, что может совершить неукротимая ярость в со-

четании с отчаянием. Вытеснив врага за обрывистые склоны Гема, они заняли крутые горные проходы, чтобы, отрезав варварам всякий выход, взять их измором, а самим дождаться здесь полководца Фригерида, который подходил с паннонскими и трансальпинскими вспомогательными силами: по просьбе Валента ему приказал двинуться в поход Грациан, чтобы оказать помощь находящимся в крайней опасности. 4. За ним поспешил во Фракию Рихомер, бывший в ту пору комитом доместиков, который, по приказу того же Грациана, выступил из Галлии. Он вел с собою несколько когорт, которые, однако, были таковыми только по названию, так как большая часть людей дезертировала по совету — как ходили слухи — Меробавда, опасавшегося, чтобы лишенная охраны Галлия не подверглась опустошению с того берега Рейна. 5. Но так как подагра задержала Фригерида, или, впрочем, — как сочинили зложелательные его завистники — он воспользовался болезнью как предлогом, чтобы не участвовать в жестоких сечах, то Рихомер принял на себя с общего согласия главное командование и присоединился к Профутуру и Траяну, которые стояли близ города Салиций*. На небольшом расстоянии оттуда несчетные полчища варваров, оградив себя в виде круга огромным количеством телег, стояли как бы за стенами и наслаждались в полном спокойствии своей богатой добычей.

6. И вот, в надежде на перемены к лучшему, римские вожди, готовые, если представится случай, отважиться на славное дело, внимательно наблюдали за действиями готов. Их план был таков: если готы будут переходить на другое место, как это случалось весьма часто, напасть на них с тыла, в уверенности, что им удастся перебить множество народа и отнять бóльшую часть добычи. 7. Поняв это сами или получив об этом известие от перебежчиков, благодаря которым ничто не оставалось в тайне, варвары долго оставались на одном и том же месте. Но они испытывали страх перед противопоставленной им армией, которая, как они предполагали, была усилена еще другими войсками. Поэтому они призвали к себе обычным у них зовом рассеянные повсюду грабительские шайки, которые, получив приказ старейшин, тотчас же, словно горящие маллеолы, вернулись с быстротой птичьего полета в табор —

* Город в провинции Scythia (Добруджа) к северу от Том (Кюстендже).

карраго, как они это называют, — и придали огня своим соплеменникам для более крупных предприятий. 8. Теперь уже обе стороны были в бранном напряжении, которое стихало лишь на время. Когда вернулись те, которые до этого покинули лагерь в силу крайней необходимости, вся масса, все еще теснившаяся в пределах табора, страшно бушевала и в диком воодушевлении рвалась испытать крайние опасности, против чего не возражали и бывшие здесь главари племени. Но так как день уже склонялся к вечеру и приближавшаяся ночь задерживала их против воли и к их огорчению в покое, то они на досуге подкрепились пищей, но провели ночь без сна. 9. Римляне, узнав об этом, сами не отходили ко сну: враг и бешеные его предводители нагоняли на них страх как бешеные животные. Исход представлялся, правда, сомнительным, так как числом римлян было меньше; но благодаря справедливости своего дела они бесстрашно ждали, что он будет для них благоприятен.

10. Едва забрезжил следующий день, как на той и другой стороне раздался трубный сигнал к началу боя, и варвары, принеся по своему обычаю клятву, сделали попытку занять холмистые места, чтобы оттуда по склонам налетать, как катящееся колесо, с бо́льшим напором на противника. Увидев это, наши солдаты поспешили каждый к своему манипулу, встали в строй, и никто не оставался в стороне, не выдвигался вперед, покидая свое место в строю. 11. И вот, когда боевые линии на той и на другой стороне, осторожно выступая вперед, встали неподвижно на месте, бойцы оглядывали друг друга, бросая взгляды злобы и ожесточения. Римляне подняли по всей линии боевой клич, который становился все громче и громче — он называется варварским словом баррит*, — и возбуждали тем свои мощные силы, а варвары грубыми голосами возглашали славу предков, и среди этого шума разноязычных голосов завязывались легкие схватки. 12. И вот уже, поражая друг друга издали веррутами и другим метательным оружием, грозно сошлись враги для рукопашного боя и, сдвинув щиты в форме черепахи, сошлись нога к ноге с противником. Варвары, легкие и подвижные в своем строю, метали в наших огромные обожженные палицы, поражали в грудь кинжалами наиболее упорно сопротивлявшихся и прорвали левое крыло.

* Ср.: 16, 12, 43.

Сильный отряд из резерва, храбро двинувшийся с близкого места, оказал поддержку в ту пору, когда смерть уже висела над спинами людей. 13. Битва становилась все кровопролитнее. Люди похрабрее бросались на скучившихся, их встречали мечи и отовсюду летевшие градом стрелы; тут и там преследовали бегущих, поражая мощными ударами в затылки и спины, точно так же в других местах рассекали поджилки упавшим, которых сковывал страх. 14. Все поле битвы покрылось телами убитых; среди них лежали полуживые, тщетно цеплявшиеся за надежду сохранить жизнь, одни — пронзенные свинцом из пращи, другие — окованной железом стрелой, у некоторых были рассечены головы пополам и две половины свешивались на оба плеча, являя ужасающее зрелище. 15. Не истомившись еще в упорном бою, обе стороны взаимно напирали друг на друга с равными шансами; крепость тела не сдавалась, пока возбуждение бодрило силы духа. Склонявшийся к вечеру день прекратил смертоубийственную брань: не соблюдая никакого порядка, все расходились куда кто мог, и уцелевшие в унынии вернулись в свои палатки. 16. Некоторые из павших, люди высших рангов, были преданы погребению, насколько позволяли это условия места и времени; хищные птицы, привыкшие в ту пору кормиться трупами, сожрали тела остальных, о чем свидетельствуют и до сих пор белеющие костями поля. Известно, впрочем, что римляне, значительно уступавшие числом несметным полчищам варваров, с которыми они сражались, понесли тяжелый урон, но нанесли также жестокие потери варварам.

8

1. После столь печального исхода сражения наши отошли в недалеко отстоявший Маркианополь. Готы без всякого внешнего принуждения засели в своем таборе и в течение семи дней не смели ни выйти, ни показаться оттуда. Поэтому наши войска, воспользовавшись этим удобным случаем, заперли в теснинах Гемимонта огромные шайки других варваров, возведя высокие валы. Рассчитывали, конечно, что огромные полчища этих вредоносных врагов, будучи заперты между Истром и пустынями и не находя никаких выходов, погибнут от голода, так как все жизненные припасы были свезены в укрепленные города, из которых они не по-

пытались доселе ни одного осадить из-за своего полного неведения в этого рода предприятиях. 2. После этого Рихомер отправился назад в Галлию, чтобы привести оттуда вспомогательные силы из-за ожидаемых еще более грозных военных событий. Все это случилось в год консульства Грациана в четвертый раз и Меробавда, когда время шло уже к осени.

3. Между тем Валент, узнав о печальном исходе битвы и о грабежах, послал Сатурнина, бывшего в ту пору магистром конницы, на помощь Профутуру и Траяну. 4. В те же самые дни в местностях Скифии и Мезии, поскольку истреблено было все, что только было съедобного, варвары, стервенея от собственной ярости и голода, напрягали все силы, чтобы прорваться. После неоднократных попыток, которые были отражены сильным сопротивлением наших, засевших на высоких местах, они оказались в крайне затруднительном положении и призвали к себе шайки гуннов и аланов, соблазнив их надеждой на огромную добычу.

5. Когда об этом узнал Сатурнин — он уже прибыл и устанавливал линию постов и пикетов, — то стал мало-помалу стягивать своих и готовился отступить; то был разумный план, так как можно было опасаться, что варвары, как прорвавшая плотину река, сметут без больших затруднений всех, заботливо охранявших подозрительные места. 6. Когда теснины были открыты и своевременно отошли наши войска, варвары повсюду, где кто мог, обратились, не встречая никакого сопротивления, к новым неистовствам. Безнаказанно рассыпались они для грабежа по всей равнине Фракии, начиная от местностей, которые омывает Истр, до Родопы и пролива между двумя огромными морями. Повсюду производили они убийства, кровопролития, пожары, совершали всякие насилия над свободными людьми. 7. Тут можно было наблюдать жалостные сцены, которые ужасно было видеть и о которых равно ужасно повествовать: гнали бичами пораженных ужасом женщин, и в их числе беременных, которые, прежде чем разрешиться от бремени, претерпевали всякие насилия; малые дети хватались за своих матерей, слышались стоны подростков и девушек благородного происхождения, уводимых в плен со скрученными за спиной руками. 8. За ними гнали взрослых девушек и замужних женщин с искаженными от плача чертами лица, которые готовы были предупредить свое бесчестие смертью, хотя бы

самой жестокой. Тут же гнали, как дикого зверя, свободнорожденного человека, который незадолго до этого был богат и свободен, а теперь изливал свои жалобы на тебя, Фортуна, за твою жестокость и слепоту: в один миг он лишился своего имущества, своей милой семьи, дома, который на его глазах пал в пепле и развалинах, и ты отдала его дикому победителю на растерзание или на рабство в побоях и муках.

9. Как дикие звери, сломавшие свои клетки, варвары рассеялись на огромном пространстве и подступили к городу Дибальту*, где они наткнулись на Барцимера, трибуна скутариев со своим отрядом, корнутами и другими пешими отрядами, когда он разбивал свой лагерь. То был испытанный и бывалый в боях командир. 10. Немедленно, как требовала того необходимость, он приказал трубить боевой сигнал, укрепил свои фланги и двинулся в бой со своими храбрыми войсками. Мужественно отбивался он от неприятеля, и битва могла бы оказаться для него удачной, если бы конница, прибывавшая все в большем числе, не одолела его, когда он в конец уже изнемог. Итак, он пал, перебив немало варваров, потери которых делало, впрочем, незаметным их несметное количество.

9

1. После таких удач готы, не зная, что им делать дальше, разыскивали Фригерида, видя в нем мощного противника, чтобы уничтожить его там, где удастся найти. Покормившись и освежившись кратким сном, они шли за ним, как дикие звери: они знали, что по приказу Грациана он вернулся во Фракию и, укрепившись в Берое**, наблюдал за сомнительным ходом дел. 2. Для осуществления этого плана они шли со всей возможной поспешностью. А тот, умевший и командовать, и щадить своих солдат, догадываясь о замыслах неприятеля или точно об этом осведомленный из донесений лазутчиков, которых он послал, вернулся через крутые горы и лесные чащи в Иллирик. Непредвиденный случай предоставил ему тут большую удачу. 3. Продвигаясь медленно вперед в своем отступлении и ведя свои войска в строю тесно связанных клиньев, он наткнулся на

* Близ нынешнего Бургасского залива.
** Эски-Загра.

готского князя Фарнобия, который беспечно бродил с грабительскими шайками и вел с собой тайфалов, недавно принятых в союз. Тайфалы, если стоит сообщать об этом, когда наши разбежались в страхе перед неведомыми народами, перешли реку, чтобы грабить покинутые защитниками местности. 4. Внезапно увидев их, Фригерид, вообще весьма осторожный командир, стал готовиться вступить с ними в бой и напал на грабителей из того и другого племени, представлявших довольно грозную силу. Он мог уничтожить их всех до последнего человека, так что не оказалось бы и вестника об этом поражении. Но когда было перебито множество народа и пал Фарнобий, который раньше являлся грозным зачинщиком злодейств, Фригерид внял мольбам уцелевших и дал им пощаду. Они были переселены в итальянские города Мутину, Регий и Парму и получили земли для обработки. 5. О тайфалах рассказывают, что это поганое племя погрязло в гадких пороках, так что у них мужчины вступают в мужеложную связь с юношами, которые и проводят свои молодые годы в этом позорном общении. Если же кто-то из этих последних, возмужав, один на один поймает кабана или убьет огромного медведя, то освобождается от этой противоестественной скверны.

10

1. Такие бури сокрушали Фракию, когда эта несчастная осень склонялась к зиме. Фурии, казалось, дошли до бешенства, и бедствия, посетившие римский мир, распространяясь все дальше, захватывали отдаленные земли. 2. Лентиензы, аламаннское племя, пограничное с областями Рэции, нарушили давно заключенный договор и стали тревожить наши пограничные земли коварными набегами. Несчастным поводом к этому бедствию послужило следующее обстоятельство. 3. Один человек из этого племени, служивший в рядах императорских оруженосцев, вернулся по своим делам домой. На расспросы земляков о том, что делается при дворе, он, как человек болтливый, сказал, что вскоре Грациан, по просьбе своего дяди Валента, двинется с армией на восток, чтобы, удвоив силы, отразить жителей соседних стран, которые ополчились скопом на погибель Римскому государству. 4. Жадно слушали эти речи лентиензы, и так как они благодаря близкому соседству, сами кое-что видели *в подтверждение этого слуха*, то со

стремительной быстротой собрались в грабительские отряды и перешли по льду в феврале через Рейн... Но расположенные поблизости кельты и петуланты[7] прогнали их, нанеся им чувствительный урон, хотя и сами понесли при этом потери. 5. Германцы были вынуждены отступить, но, узнав, что бо́льшая часть армии двинулась в Иллирик, куда должен был прибыть император, пришли в еще большую ярость. Расширив свои замыслы, они собрались изо всех селений в одно место и в числе сорока — или, как иные заявляли, раздувая славу императора, семидесяти тысяч — дерзко вторглись в наши пределы в надменном сознании своей силы.

6. Вести об этом подвергли Грациана в большой страх. Он отозвал назад когорты, направленные уже в Паннонию, стянул другие, которые по разумной диспозиции были задержаны в Галлии, и поручил командование Нанниену, полководцу, отличавшемуся спокойной храбростью, приставив к нему товарищем с равными полномочиями Маллобавда, комита доместиков, царя франков, человека воинственного и храброго. 7. И вот пока Нанниен, учитывая переменчивость военного счастья, полагал, что необходимо подождать с решительными действиями, Маллобавд, увлеченный, что было в его характере, боевым пылом, не вытерпел задержки и напал на врага. 8. С той и с другой стороны грозно зазвучали трубы, и в первый раз завязалась битва по сигналу трубачей при Аргентарии*. Множество стрел и метательных копий неслось с той и другой стороны и поражало многих насмерть. 9. Но когда бой уже разгорелся, наши солдаты, увидев, что неприятель значительно превосходит их числом, стали уклоняться от открытой опасности и рассеялись по тесным заросшим деревьями тропинкам, как кто мог. Вскоре, однако, они выстроились уже с большей уверенностью. Дальний блеск и мерцание оружия вызвали у варваров ложное опасение, что подходит сам император. 10. Внезапно они повернули и, время от времени оказывая сопротивление, чтобы ничего не упустить в крайности, потерпели такое поражение, что из вышеуказанного числа не более пяти тысяч, как полагали, ушло под прикрытием густых лесов. В числе многих смелых и храбрых людей, которые тут пали, был и царь Приарий, зачинщик этой истребительной войны.

* Кольмар.

11. Эта удача увеличила еще больше уверенность в себе Грациана и, начав уже свой поход в восточные страны, он повернул налево, незаметно перешел через Рейн, решив в доброй надежде истребить, если будет благоприятствовать счастье, все это вероломное и охочее до волнений племя. 12. Один вестник за другим сообщали об этом лентиензам. Пораженные бедствиями своего племени, почти уничтоженного, и внезапным прибытием императора, лентиензы не знали, что им предпринять, так как не предоставлялось никакой, хотя бы краткой, отсрочки ни для сопротивления, ни для каких бы то ни было предприятий. Они стремительно отступили по труднопроходимым тропинкам в горные местности и, стоя кругом на крутых утесах, всеми силами охраняли свое имущество и семейства, которые привели с собою. 13. Чтобы справиться с представившимся затруднением, решено было выбрать из каждого легиона по пятьсот человек, хорошо проверенных в боевых трудах, и штурмовать эти высоты. Настроение людей поднимало особенно то обстоятельство, что император был постоянно на виду у всех в передних рядах, и они старались взойти на высоты, исполненные уверенности, что если им удастся взобраться на горы, то уже без всякой борьбы они захватят варваров, как добычу на охоте. Но начавшееся около полудня сражение затянулось, и его прекратил ночной мрак. 14. Бой шел с большими потерями с обеих сторон: многие из наших рубили врага, но немало их было зарублено насмерть; блистающие золотом и разноцветными красками доспехи императорской гвардии погнулись под частыми ударами метательных снарядов.

15. Долго держал Грациан совет с главными начальниками; было очевидно, что опасно и бесполезно с неуместной настойчивостью вести наступление на крутые утесы; мнения, однако, что естественно в таком деле, расходились; остановились на том, чтобы прекратить военные действия, и так как варваров защищала природа места, то обложить их, чтобы взять голодом. 16. Но так как германцы продолжали с таким же упорством борьбу и, пользуясь знанием местности, перешли на другие горы, еще более высокие, чем те, в которых они засели, то император последовал за ними и туда с войском и с таким же мужеством искал тропинки, ведущие на высоты. Лентиензы, видя, что он во что бы то ни стало решил покончить с ними, стали молить императора со слез-

ными просьбами принять их покорность, выдали, по его требованию, всю свою молодежь для зачисления в нашу армию и получили разрешение беспрепятственно вернуться в родную землю.

17. Эту победу, столь вовремя пришедшую и важную по своим последствиям в том смысле, что она ослабила силу сопротивления у западных народов, одержал по мановению вечного бога Грациан благодаря своей прямо невероятной энергии. В эту пору он находился в походе, направленном в другую сторону, и очень спешил. То был молодой человек, прекрасно одаренный, красноречивый, сдержанный, воинственный и мягкий, и он мог бы идти по стопам лучших императоров (прошлого времени), когда еще только пушок стал украшать его щеки, если бы склонность к забавам под развращающим влиянием ближайших к нему лиц, не направила его к пустым занятиям царя Коммода, хотя он и не проявил при этом кровожадности. 18. Как тот, сделавший своей привычкой убивать метательным оружием диких зверей на глазах народа, впадал в нечеловеческий восторг, когда ему удавалось стрелами различных видов перебить за один раз сто львов, впущенных в круг амфитеатра, не повторив ни одного удара, так и этот испытывал восторг, убивая стрелами зубастых зверей в загородках, которые зовутся vivaria. Многим серьезным делам он не придавал значения, и это в такое время, когда будь даже власть в руках Марка Антонина, то тот едва ли сумел бы справиться с тяжкими бедствиями государства без соответствующих ему помощников и разумных советов.

19. Сделав в согласии с обстоятельствами времени распоряжения в Галлии и покарав предателя-скутария, сообщившего варварам о том, что император спешит в Иллирик, Грациан выступил оттуда и через укрепление, которое носит имя Феликс Арбор (счастливое дерево)* и Лавриак**, направился быстрым маршем на помощь притесняемой части империи.

20. В эти самые дни получил преемника Фригерид, который весьма деятельно принимал меры по охране и спешно

---

* Укрепление на южном берегу Боденского озера (lacus Brigantinus), ныне Арбон.

** Лорх.

укреплял теснины Сукков, чтобы быстро повсюду распространявшиеся шайки неприятеля, как разлившиеся потоки, не проникли в северные провинции. Преемником Фригерида был комит по имени Мавр, при своем суровом виде человек продажный, совершенно неустойчивый и ненадежный. Это он некогда, в момент затруднений Юлиана Цезаря относительно короны, будучи в числе его оруженосцев и находясь на охране дворца, поднес ему, как я об этом рассказывал, свою цепь, снятую с шеи*. 21. Таким образом, в самый критический момент был устранен осторожный и дельный полководец, в ту пору, когда, даже если бы он давно вышел в отставку, трудность положения настоятельно обязывала вернуть его обратно к ратной службе.

11

1. Примерно в то же время Валент выступил наконец из Антиохии и после продолжительного путешествия прибыл в Константинополь. Его пребывание там длилось лишь несколько дней, и он имел при этом неприятности вследствие бунта населения. Общее командование пешими войсками передано было Себастиану, полководцу весьма осмотрительному, который незадолго до этого был прислан, по его просьбе, из Италии. Этот пост ранее занимал Траян. Сам Валент отправился в Мелантиаду, на императорскую виллу, где он старался расположить к себе солдат выдачей жалованья, пищевого довольствия и неоднократными заискивающими речами. 2. Объявив о походе приказом, он прибыл оттуда в Нику — так называется этот военный пост. Там он узнал из донесений лазутчиков, что нагруженные богатой добычей варвары вернулись из областей Родопы в окрестности Адрианополя. Варвары, узнав о выступлении императора со значительной армией, стали спешить на соединение со своими земляками, которые укрепились вблизи Берои и Никополя. Чтобы не упустить такого удобного случая, Себастиан получил приказ набрать из отдельных отрядов по 300 человек и с возможной поспешностью отправиться туда, чтобы совершить полезное для государства дело, как и сам он это обещал. 3. Когда он форсированным маршем подошел к Адрианополю, ворота

* См.: 20, 4, 18.

были закрыты и ему не позволили вступить в город. Гарнизон опасался того, что не попал ли он в плен и теперь играет фальшивую роль, а на самом деле собирается совершить что-нибудь гибельное для города; так некогда войска Магненция взяли обманом комита Акта и устроили себе через него открытие прохода в Юлиевых Альпах. 4. Когда наконец, хотя и поздно, признали Себастиана и пустили в город, он накормил солдат и дал им отдых, насколько было возможно, а на следующее утро выступил для тайного набега. День склонялся уже к вечеру, когда он вдруг увидел грабительские отряды готов близ реки Гебра. Под прикрытием возвышенностей и растительности он выжидал некоторое время и глубокой ночью, соблюдая возможную тишину, напал на не успевшего выстроиться неприятеля. Он нанес готам такое поражение, что перебиты были почти все, кроме немногих, кого спасла от смерти быстрота ног, и отнял у них огромное количество добычи, которой не мог вместить ни город, ни просторная равнина. 5. Фритигерн был страшно поражен этим и опасался, чтобы этот полководец, отличавшийся, как он часто слышал, быстротой действий, не уничтожил неожиданными нападениями рассеявшихся повсюду отрядов готов, занятых грабежом. Он приказал всем отойти назад и быстро отступил к городу Кабиле*, чтобы готы, находясь на равнине, не страдали ни от голода, ни от тайных засад.

6. Пока так шли дела во Фракии, Грациан, известив письмом своего дядю о том, как удачно он справился с аламаннами, послал вперед сухим путем обоз и вьюки, а сам с легким отрядом поехал по Дунаю и через Бононию прибыл в Сирмий**. Сделав там остановку на четыре дня, он спустился по течению того же Дуная в Кастра-Мартис (Марсов лагерь)***, хотя и страдал от перемежающейся лихорадки. На этом переходе он подвергся неожиданному нападению аланов и понес при этом некоторые потери в людях.

---

* Ямболи на Тундже.

** Митровица. Грациан шел по дороге, пролегавшей по долине Дравы. Слова pedestri itinere понапрасну отделены у Гардтгаузена запятой от дальнейшего. Тут есть некоторая неясность в сообщении Аммиана. Сирмий лежал на Саве, и если бы Грациан был раньше уже на Дунае, то, значит, он отошел назад от своей армии.

*** Этот город лежал в провинции Dacia ripensis, т. е. на правом берегу Дуная.

12

1. Два обстоятельства беспокоили в ту пору Валента: во-первых, сообщение о победе над лентиензами, и, во-вторых, письменное донесение Себастиана о блестящем деле, которое он старался раздуть пышными словами. Император выступил из Мелантиады, торопясь сравниться каким-нибудь славным делом с молодым племянником, доблести которого раздражали его. Он находился во главе армии, составленной из разных войск, которая внушала к себе доверие и была воодушевлена бранным духом, так как он присоединил к ней много ветеранов, и в числе их и офицеров высшего ранга; вступил опять в ряды и Траян, недавно бывший магистром армии. 2. Деятельные разведки выяснили, что враг собирается перекрыть сильными сторожевыми постами дóроги, по которым подвозился провиант для армии. Против той попытки немедленно предприняты были соответствующие меры: для удержания за ними ближайших проходов быстро был отправлен отряд всадников с пешими стрелками. 3. В ближайшие три дня варвары медленно наступали; опасаясь нападения в теснинах, в 15 милях от города (Адрианополя) они направились к укреплению Ника. По какому-то недоразумению наши передовые легкие войска определяли численность всей этой части полчищ, которую они видели, в десять тысяч человек, и император с лихорадочной поспешностью спешил им навстречу. 4. Продвигаясь вперед в боевом строю, он приблизился к Адрианополю. Там он укрепил свой лагерь палисадом и рвом, с нетерпением ожидая Грациана, и вскоре получил от него письмо, доставленное высланным вперед комитом доместиков Рихомером, в котором тот сообщал, что немедленно прибудет. 5. Грациан просил его в своем письме немного подождать соратника по опасности и не кидаться наобум одному в жестокие опасности. Валент собрал на совет различных сановников, чтобы обсудить, что нужно делать. 6. Одни, по примеру Себастиана, настаивали на том, чтобы немедленно вступить в бой, а магистр всадников по имени Виктор, хотя и сармат по происхождению, но неторопливый и осторожный человек, высказывался, встретив поддержку у других, в том смысле, что следует подождать соправителя, что, присоединив к себе подмогу в виде галльских войск, легче раздавить варваров, пылавших высокомерным сознанием

своих сил. 7. Победило, однако, злосчастное упрямство императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые советовали действовать с возможной быстротой, чтобы не допустить к участию в победе — как они это себе представляли — Грациана.

8. Пока делались необходимые приготовления к решительному бою, пришел в лагерь императора посланный Фритигерном христианский пресвитер — как они это называют — с другими людьми невысокого ранга. Будучи ласково принят, он представил письмо этого предводителя, который открыто требовал, чтобы ему и его людям, изгнанным из своей земли стремительным набегом диких народов, предоставлена была для обитания Фракия, и только она одна, со всем скотом и хлебом. Он обязывался сохранять вечный мир, если его требования будут удовлетворены. 9. Кроме того, тот же самый христианин, как верный человек, посвященный в секреты Фритигерна, передал другое письмо того же самого царя. Весьма искусный в хитростях и разных обманах Фритигерн сообщал Валенту как человек, который в скором времени должен был стать его другом и союзником, что он не может сдержать свирепость своих земляков и склонить их на условия, удобные для Римского государства, иным образом, чем если император покажет им немедленно на близком расстоянии свою армию в боевом снаряжении и страхом, который вызывает имя императора, лишит их гибельного боевого задора. Посольство, как весьма двусмысленное, было отпущено ни с чем.

10. На рассвете следующего дня, который по календарю числился девятым августа, войска были быстро двинуты вперед, а обоз и вьюки размещены были под стенами Адрианополя с соответствующей охраной из легионов... Казна и прочие отличия императорского сана, префект и члены консистория находились в стенах города. 11. Долго шли по каменистым и неровным дорогам, и знойный день стал близиться к полудню; наконец в восьмом часу* увидели телеги неприятеля, которые по донесению лазутчиков были расставлены в виде круга. Варвары затянули по своему обычаю дикий и зловещий вой, а римские вожди стали выстраивать свои войска в боевой порядок: правое крыло конницы было выдвинуто вперед, а бóльшая часть пехоты была поставлена позади в резерве.

* Т. е. около 2 часов по нашему счету.

12. Левое крыло конницы строили с большими затруднениями, так как бо́льшая часть предназначенных для него отрядов была еще рассеяна по дорогам, и теперь все они спешили быстрым аллюром. Пока крыло это вытягивалось, не встречая никакого противодействия, варвары пришли в ужас от страшного лязга оружия и угрожающих ударов щитов один о другой, так как часть их сил с Алафеем и Сафраком, находившаяся далеко, хотя и была вызвана, еще не прибыла. И вот они отправили послов просить о мире. 13. Император из-за простого вида отнесся к ним с презрением и потребовал, чтобы для заключения договора были присланы подходящие для этого знатные люди. Готы нарочно медлили, чтобы за время этого обманного перемирия могла вернуться их конница, которая, как они надеялись, должна была сейчас явиться, а с другой стороны, чтобы истомленные летним зноем солдаты стали страдать от жажды, в то время как широкая равнина блистала пожарами: подложив дров и всякого сухого материала, враги разожгли повсюду костры. К этому бедствию прибавилось и другое тяжелое обстоятельство, а именно: людей и лошадей мучил страшный голод.

14. Между тем Фритигерн, хитро рассчитывавший всякие виды на будущее и опасавшийся переменчивости боевого счастья, послал от себя одного простого гота в качестве переговорщика с просьбой прислать ему как можно скорее выбранных лиц как заложников и давал ручательство выдержать угрозы своих соплеменников и неизбежные (последствия?). 15. Это предложение внушавшего страх вождя встретило похвалу и одобрение, и трибуну Эквицию, который тогда управлял дворцом, родственнику Валента, было предписано с общего согласия отправиться немедленно к готам как заложнику. Когда он стал отказываться, так как попал однажды в плен к ним и сбежал от них у Дибальта, а поэтому боялся раздражения с их стороны, Рихомер сам предложил свои услуги и заявил, что охотно отправится, считая такое дело достойным и подходящим для храброго человека. И он уже отправился в путь, являя достоинства своего положения и происхождения... 16. Он уже приближался к вражескому валу, когда стрелки и скутарии, которыми тогда командовали ибер Бакурий и Кассион в горячем натиске прошли слишком далеко вперед и завязали бой с противником: как не вовремя они полезли вперед, так и осквернили начало

боя трусливым отступлением. 17. Эта несвоевременная попытка остановила смелое решение Рихомера, которому уже не позволили никуда идти. А готская конница между тем вернулась с Алафеем и Сафраком во главе вместе с отрядом аланов. Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути.

13

1. Со всех сторон слышался лязг оружия, неслись стрелы. Беллона, неистовствовавшая со свирепостью, превосходившей обычные размеры, испускала бранный сигнал на погибель римлян; наши начали было отступать, но стали опять, когда раздались задерживающие крики из многих уст. Битва разгоралась, как пожар, и ужас охватывал солдат, когда по нескольку человек сразу оказывались пронзенными копьями и стрелами. 2. Наконец оба строя столкнулись наподобие сцепившихся носами кораблей и, тесня друг друга, колебались, словно волны во взаимном движении.

Левое крыло подступило к самому табору, и если бы ему была оказана поддержка, то оно могло бы двинуться и дальше. Но оно не было поддержано остальной конницей, и враг сделал натиск массой; оно было раздавлено, словно разрывом большой плотины, и опрокинуто. Пехота оказалась, таким образом, без прикрытия, и манипулы были так близко один от другого, что трудно было пустить в ход меч и отвести руку. От поднявшихся облаков пыли не видно было неба, которое отражало угрожающие крики. Несшиеся отовсюду стрелы, дышавшие смертью, попадали в цель и ранили, потому что нельзя было ни видеть их, ни уклониться.

3. Когда же высыпавшие несчетными отрядами варвары стали опрокидывать лошадей и людей, и в этой страшной тесноте нельзя было очистить места для отступления, и давка отнимала всякую возможность уйти, наши в отчаянии взялись снова за мечи и стали рубить врага, и взаимные удары секир пробивали шлемы и панцири.

4. Можно было видеть, как варвар в своей озлобленной свирепости с искаженным лицом, с подрезанными подколенными жилами, отрубленной правой рукой или разорванным боком, грозно вращал своими свирепыми глазами уже на самом пороге смерти; сцепившиеся враги вместе валились на землю,

и равнина сплошь покрылась распростертыми на земле телами убитых. Стоны умирающих и смертельно раненых раздавались повсюду, вызывая ужас. 5. В этой страшной сумятице пехотинцы, истощенные от напряжения и опасностей, когда у них не хватало уже ни сил, ни умения, чтобы понять, что делать, и копья у большинства были разбиты от постоянных ударов, стали бросаться лишь с мечами на густые отряды врагов, не помышляя уже больше о спасении жизни и не видя никакой возможности уйти. 6. А так как покрывшаяся ручьями крови земля делала неверным каждый шаг, то они старались как можно дороже продать свою жизнь и с таким остервенением нападали на противника, что некоторые гибли от оружия товарищей. Все крутом покрылось черной кровью, и куда бы ни обратился взор, повсюду громоздились кучи убитых, и ноги нещадно топтали повсюду мертвые тела. 7. Высоко поднявшееся солнце, которое, пройдя созвездие Льва, передвигалось в обиталище небесной Девы*, палило римлян, истощенных голодом и жаждой, обремененных тяжестью оружия. Наконец под напором силы варваров наша боевая линия совершенно расстроилась, и люди обратились к последнему средству в безвыходных положениях: беспорядочно побежали, кто куда мог.

8. Пока все, разбежавшись, отступали по неизвестным дорогам, император, среди всех этих ужасов, бежал с поля битвы, с трудом пробираясь по грудам мертвых тел, к ланциариям и маттиариям, которые стояли несокрушимой стеной, пока можно было выдержать численное превосходство врага. Увидев его, Траян закричал, что не будет надежды на спасение, если для охраны покинутого оруженосцами императора не вызвать какую-нибудь часть. 9. Когда это услышал комит по имени Виктор, то поспешил к расположенным неподалеку в резерве батавам, чтобы тотчас привести их для охраны особы императора. Но он никого не смог найти и на обратном пути сам ушел с поля битвы. Точно так же спаслись от опасности Рихомер и Сатурнин.

10. Метая молнии из глаз, шли варвары за нашими, у которых кровь уже холодела в жилах. Одни падали неизвестно от чьего удара, других опрокидывала тяжесть напиравших, некоторые гибли от удара своих товарищей; варвары сокрушали всякое сопротивление и не давали пощады сдававшим-

* Битва происходила 9 августа, солнце вступило в созвездие Девы.

ся. 11. Кроме того, дороги были преграждены множеством полумертвых людей, жаловавшихся на муки, испытываемые от ран, а вместе с ними заполняли равнину целые валы убитых коней вперемежку с людьми. Этим никогда не восполнимым потерям, которые так страшно дорого обошлись Римскому государству, положила конец ночь, не освещенная ни одним лучом луны.

12. Поздно вечером император, находившийся среди простых солдат, как можно было предполагать, — никто не подтверждал, что сам это видел или был при том, — пал, опасно раненный стрелой, и вскоре испустил дух; во всяком случае, труп его так и не был найден. Так как шайки варваров бродили долго по тем местам, чтобы грабить мертвых, то никто из бежавших солдат и местных жителей не отваживался явиться туда. 13. Подобная несчастная судьба постигла, как известно, Цезаря Деция[8], который в жестокой сече с варварами был сброшен на землю падением взбесившейся лошади, удержать которую он не смог. Попав в болото, он не мог оттуда выбраться, и потом нельзя было отыскать его тело*. 14. Другие рассказывают, что Валент не сразу испустил дух, но несколько кандидатов и евнухов отнесли его в деревенскую хижину и скрыли на хорошо отстроенном втором этаже. Пока там ему делали неопытными руками перевязку, хижину окружили враги, не знавшие, кто он. Это и спасло его от позора пленения. 15. Когда они попытались сломать запертые на засовы двери и их стали обстреливать сверху, то, не желая терять из-за этой задержки возможности пограбить, они снесли вязанки камыша и дров, подложили огонь и сожгли хижину вместе с людьми. 16. Один из кандидатов, выскочивший через окно, был взят в плен варварами. Его сообщение о том, как было дело, повергло в большое горе варваров, так как они лишились великой славы взять живым правителя Римского государства. Тот самый юноша, тайком вернувшийся потом к нашим, так рассказывал об этом событии. 17. Такая же смерть постигла при отвоевании Испании одного из Сципионов[9], который, как известно, сгорел в подожженной врагами башне, в которой скрывался. Верно, во всяком случае, то, что ни Сципиону, ни Валенту не выпала на долю последняя честь погребения.

---

* Император Деций пал в битве с готами при Абритте, в нынешней Добрудже, в 251 г.

18. Среди большого числа высокопоставленных людей, которые пали в этой битве, на первом месте следует назвать Траяна и Себастиана. С ними пали 35 трибунов, командовавших полками и свободных от командования, а также Валериан и Эквиций, первый заведовал императорской конюшней, а второй — управлением дворца. Среди павших трибунов был трибун промотов Потенций, совсем еще юноша, но пользовавшийся всеобщим уважением; помимо личных прекрасных качеств его выдвигали также и заслуги его отца Урзицина, бывшего магистра армии. Уцелела, как известно, только треть войска. 19. По свидетельствам летописей только битва при Каннах была столь же кровопролитна[10], как эта, хотя при неблагоприятном повороте судьбы и благодаря военным хитростям неприятеля римляне не раз оказывались временно в стесненном положении; точно так же и греки оплакали в жалобных песнях, недостоверных в своих сообщениях, не одну битву*.

14

1. Так погиб Валент в возрасте около 50 лет после почти четырнадцати лет правления. 2. Теперь я упомяну как его добрые качества, так и недостатки; то и другое многим хорошо известно. Он был верен и надежен в дружбе, строго карал честолюбивые происки, сурово поддерживал военную и гражданскую дисциплину, был всегда до боязливости настороже, чтобы кто-либо под предлогом родства с ним не возносился слишком высоко, был очень осторожен в предоставлении и лишении санов, добросовестнейшим образом охранял провинции, которые он берег от убытков как свой собственный дом, с особенным старанием смягчал тяжесть податей, не допускал увеличения никаких налогов, был снисходителен во взыскании недоимок и являлся жестоким и озлобленным врагом проворовавшихся и уличенных в казнокрадстве правителей провинций. 3. Восток не помнит лучшего в этом отношении времени ни при каком другом императоре. Щедр он был со всеми, но в меру. Примеров можно было бы привести множество, но ограничусь одним. При дворе есть все-

* Разбор свидетельств о битве при Адрианополе и выяснение ее течения см.: *Delbrück.* Geschichte der Kriegskunst. II (1902). С. 280—297.

гда много людей, жадных до чужого добра; если кто-то просил о предоставлении ему выморочного владения или другого чего-нибудь, как это обычно, он, строго отличая справедливое от несправедливого, предоставляя это имущество просившему, но в то же время давал право голоса возражающему и участие в этом владении делил между тремя или четырьмя лицами, которых иной раз не было на месте. Таким образом, эти беспокойные люди должны были вести себя осторожнее, видя, что добро, на которое они скалили зубы, уменьшалось благодаря этому способу. 4. О зданиях, которые он обновил или возвел от основания в разных больших и малых городах, я не стану говорить, чтобы не растягивать своего изложения, так как они сами наглядно свидетельствуют о его заслугах. Во всем этом он, как я полагаю, был достоин подражания со стороны всякого хорошего государя. А теперь скажу о его недостатках.

5. В стремлении заполучить большие богатства он не знал меры, не был вынослив в бранных трудах и только выставлял для вида свою закаленность, был склонен к жестокости. Он был мало образован, не прошел курса ни военного, ни изящного образования; охотно искал с ущербом для других пользы и выгод себе самому; особенно невыносим он бывал в тех случаях, когда преступления неуважения или оскорбления величества предоставляли ему возможность выступать против жизни и состояния людей богатых. 6. Невыносимо было в нем и то, что хотя он хотел, чтобы казалось, будто он подчиняет все процессы и следствия действию законов, и поручал рассмотрение дел наилучшим из тех, кто состояли судьями, но в действительности он творил повсюду свой личный произвол. Он был груб в обращении, раздражителен, охотно выслушивал доносы, не отличая правды от лжи: эти недостатки даже в простых обыденных отношениях частной жизни ведут к весьма неприятным последствиям. 7. От природы он был ленив и нерешителен. Цвет лица был у него темный, зрачок одного глаза слепой, но издали это не было заметно; телосложение пропорциональное и крепкое, рост не высокий и не низкий, ноги несколько выгнуты, и живот немного выдавался.

8. Сказанного будет достаточно о Валенте; свидетельство моих современников вполне подтверждает справедливость изложенного. Но вот чего нельзя обойти молчанием. Когда

от оракула с треножником, который, как я рассказывал*, вертели Патриций и Гиларий, он узнал три вещие стиха, из которых последний звучал так:

На равнинах Миманта чрез Арея жестокого в мыслях...

то как человек необразованный и простой сначала не обратил на это никакого внимания, но когда по мере скопления тяжких бед стал малодушно труслив, то, вспомнив об этом оракуле, стал бояться Азии, так как слышал от людей ученых, что и Гомер и Цицерон** писали о возвышающейся над городом Эритреей горе Миманте. Говорят, что после его смерти, когда варвары отступили, нашли возле места его предполагаемой смерти высокий каменный памятник; на нем по-гречески была высечена подпись, свидетельствовавшая о том, что в давние времена там был погребен какой-то знатный человек по имени Мимант.

15

1. Когда после этой страшной битвы ночь простерла на землю свой мрак, оставшиеся в живых устремились одни вправо, другие влево, куда кого погнал страх, и искали каждый своих близких. Темнота не позволяла видеть ни на один шаг от себя, и им все казалось, что над головой поднят меч неприятеля. Издали доносились жалобные стоны покинутых, хрипы умирающих и мукой исторгнутые вопли раненых.

2. На рассвете следующего дня победители, как дикие звери, которых распалил вкус крови, устремились густыми толпами к Адрианополю. Их возбуждали пустые надежды взять город, и они были вполне уверены, что это им удастся. Они знали от перебежчиков, что там, как в сильной крепости, находились самые знатные сановники и были спрятаны отличия императорского сана и казна Валента.

3. Чтобы не дать ослабнуть всеобщему возбуждению, они уже на четвертый день окружили город со всех сторон, и начался жестокий бой. Осаждавшие с врожденной дикостью,

* 29, 1.
** *Hom.* Od., 3, 172. *Cic.* Ad Att., 16, 13.

дерзко бросались на верную гибель, а осажденные со своей стороны проявляли все свои силы и всю храбрость в обороне.

4. Так как значительное число солдат и погонщиков с лошадьми не смогли войти в город, то они были прижаты к стенам, засели в прилегавших зданиях и храбро сражались до девятого часа дня. В эту пору 300 наших пехотинцев из тех, которые стояли на самом бруствере, построившись тесным клином, перешли на сторону варваров. Но те стремительно бросились на них и, неизвестно по каким мотивам, всех их перебили. Это возымело свое действие в том смысле, что в дальнейшем никто уже даже в самом отчаянном положении не решался на что-нибудь подобное.

5. Среди стольких удручавших нас бедствий внезапно разразилась из черных туч страшная гроза с ливнем и рассеяла отряды напиравших со всех сторон варваров. Вернувшись к своим телегам, которые были расставлены по кругу, они еще дальше простерли свою наглость: прислали нашим угрожающее письмо с требованием сдаться и посла... обещая сохранить жизнь. 6. Но их посланец не осмелился войти, и письмо принес и прочитал какой-то христианин. К этому предложению отнеслись так, как оно того и заслуживало. Остаток дня и следующая ночь были использованы на подготовку средств защиты. Изнутри завалены были ворота огромными камнями, слабые места стен укреплены, для метания во все стороны стрел и камней установлены были на удобных местах орудия и подвезена повсюду в достаточном количестве вода, так как накануне некоторые из сражавшихся насмерть замучены были жаждой.

7. Со своей стороны готы, понимая опасную переменчивость боевого счастья, в тревоге о том, что на глазах их падали раненые и убитые храбрецы и что их силы постепенно слабели, придумали хитрый план, который раскрылся по указанию самой богини Справедливости. 8. Они склонили нескольких кандидатов нашей службы, которые накануне перешли на их сторону, чтобы те, притворившись беглецами, вернулись назад и постарались устроить так, чтобы их впустили в город, а когда войдут, чтобы тайком подожгли какую-нибудь часть города: пожар должен был служить условным сигналом к тому, чтобы ворваться в беззащитный город, пока население будет заниматься тушением пожара. 9. Согласно уговору, кандидаты отправились в путь. При-

близившись ко рвам, они подняли руки и просили, чтобы их впустили, как римлян. И действительно, их приняли, так как не возникало никакого подозрения, которое могло бы явиться препятствием. Но когда их спросили о намерениях врага, они стали показывать разное. Вследствие этого их подвергли пытке; они сознались, для чего пришли, и были казнены через отсечение головы.

10. С нашей стороны сделаны были все приготовления к бою, и в третью стражу ночи варвары, забыв страх, причиненный прежними потерями, устремились густыми рядами к запертым подступам в город, и предводители их проявляли все возраставшее упорство. Но вместе с солдатами поднялись для их отражения провинциалы и дворцовые служители, и при таком множестве нападавших метательное оружие всякого рода, пусть даже брошенное без прицела, не могло упасть, не причинив вреда. 11. Наши заметили, что варвары пользуются теми самыми стрелами, которые были пущены в них. Поэтому был отдан приказ, чтобы, прежде чем пускать стрелу из лука, делать глубокий надрез в дереве на месте прикрепления железного острия. От этого стрелы не теряли силы своего полета, сохраняли всю свою мощь в случае, если впивались в тело, но если падали на пустое место, то тотчас ломались. 12. В разгар битвы большое впечатление произвел совершенно неожиданный случай. Скорпион, род орудия, которое в просторечии зовется онагром (дикий осел), помещенный против густой массы врагов, выбросил громадный камень. Хотя он при падении на землю никого не задел, но вызвал своим видом такой ужас, что варвары отступили перед новым для них зрелищем и готовы были совсем уйти. 13. Начальники их, однако, приказали трубить, и сражение возобновилось. Но римляне снова имели преимущество, так как ни один почти метательный снаряд и камень из пращи не летел понапрасну. Командиры готов, возбужденные пламенным желанием овладеть богатствами, которые неправыми путями добыл Валент, становились сами в первые ряды, а остальные присоединялись к ним, в гордом сознании, что они в опасностях сравнялись с начальниками. Многие падали, смертельно раненные, раздавленные огромными тяжестями или с пронзенной грудью, другие несли лестницы и со всех сторон пытались лезть на стены, но на них, как по отвесу, падали камни, куски колонн, целые блоки и засыпали их. 14. Ужасающий вид крови не действовал на дошедших до неистовства варваров, и до самого вечера они проявляли ту же дикую храб-

рость. Их возбуждение поддерживало и то, что падало много защитников, сраженных насмерть их выстрелами и, видя это издали, они испускали крики радости. Так с величайшим воодушевлением длилась борьба без передышки за стены и против стен. 15. Но дело шло безо всякого плана, наскоками, в отдельных отрядах, что было свидетельством полной растерянности. Когда день склонился к вечеру, все вернулись в унынии в свои палатки, упрекая друг друга в бессмысленном безумии за то, что вопреки советам Фритигерна решились пойти на ужасы штурма.

16

1. Тогда принялись осматривать раны и лечить их своими народными способами; это заняло всю ночь, не долгую, правда, в данное время года. Когда начался день, они стали обсуждать на различный лад, куда им направиться. После долгих оживленных споров порешили, наконец, захватить Перинф*, а затем и другие богатые города. Сведения обо всем они получали от перебежчиков, которые знали не только то, что имеется в городах, но даже и внутри каждого дома. Согласно этому решению, которое было признано обещающим выгоды, они медленно направились вперед, не встречая никакого сопротивления, и производили по всему пути грабежи и пожары.

2. Войска, подвергавшиеся осаде в Адрианополе, узнав, что готы ушли, и получив через надежных разведчиков сведения, что окрестности свободны от неприятеля, в полночь вышли из города и двинулись, минуя большие дороги, по лесистым местам и окольным тропинкам — одни в Филиппополь, а оттуда в Сердику**, другие в Македонию. Сберегая все наличные свои силы и боевые средства, они шли как можно более быстрым маршем, в надежде найти в тех местах Валента. Они были в полном неведении о том, что он пал в самом вихре того сражения, или же, сказать точнее, бежал в деревенский дом, где, как думают, погиб в огне.

3. А к готам присоединились воинственные и храбрые гунны и аланы, закаленные в боевых трудах. Приманкой огром-

* Гераклея-Перинф, на берегу Пропонтиды (Мраморного моря), ныне Эски-Эрекли.

** София в Болгарии.

ной добычи добился этого союза ловкий Фритигерн. Разбив лагерь около Перинфа, они, памятуя прежние потери, не посмели, однако, ни подойти к городу, ни попытаться взять его, но зато обширную и плодородную область этого города они разграбили дотла, перебив или взяв в плен сельское население. 4. Оттуда они пошли спешным маршем к Константинополю, неисчислимые сокровища которого возбуждали их грабительские инстинкты. Опасаясь засад, они держались в связном строю и готовились напрячь все свои силы на гибель славного города. Но когда они дерзко лезли на него и почти что дергали запоры ворот, Бог небесный отогнал их вот каким случайным обстоятельством. 5. Незадолго до этого прибыл в Константинополь отряд сарацинов, пригодных скорее для грабительских набегов, чем для правильной битвы, — о происхождении этого народа, его нравах и обычаях я рассказывал в различных местах моего повествования*. Внезапно увидев отряд варваров, сарацины смело сделали вылазку из города, чтобы померяться силами в схватке. Бой затянулся надолго, был упорен, и обе стороны разошлись без решительного исхода. 6. Но отряд восточных людей одержал победу новым и раньше никогда не виданным способом. Один человек из него, с копной волос на голове, голый по пояс, издавая хриплые зловещие звуки, бросился между готами с кинжалом в руке. Сразив врага, он приблизил свои уста к его горлу и стал сосать брызнувшую кровь. Эта чудовищная сцена нагнала на варваров такой ужас, что потом они выступали, когда приходилось что-нибудь предпринимать, не со свойственной им дикой отвагой, но с явной нерешительностью. 7. Мало-помалу сломлена была их дерзость, когда они разглядели огромное протяжение стен, широко раскинувшиеся группы зданий, недоступные для них красоты города, несчетное количество населения и возле города пролив, соединяющий Понт с Эгейским морем. Разбросав сооружения, которые они стали готовить для осадных машин, и понеся бóльшие потери, чем те, что нанесли сами, они отошли оттуда и рассыпались по северным провинциям, и свободно прошли их до самого подножия Юлиевых Альп, которые в древности назывались Венетскими.

8. В эти дни магистр армии по эту сторону Тавра, Юлий, отличился решительным поступком, имевшим спаситель-

* 14, 4; 24, 2, 4.

ные последствия. Получив известие о несчастьях, произошедших во Фракии, он отдал относительно всех готов, которые были приняты до этого на службу и распределены по разным городам и укреплениям, тайный приказ ко всем их командирам, — все были римляне, что в наше время случается редко, — в котором повелевал всех их, как по одному сигналу, в один и тот же день, вызвать в предместья как бы для выдачи обещанного жалованья и перебить. Это разумное распоряжение было исполнено без шума и промедления, и благодаря этому восточные провинции были спасены от великих бедствий.

9. Вот что я, бывший солдат и грек по происхождению, изложил по мере сил, начав от правления Цезаря Нервы[11] и доведя рассказ до гибели Валента. Я обещал в труде своем представить истину и нигде, как думаю, сознательно не отступил от этого обещания умолчанием или ложью. Остальные события пусть опишут другие, более сильные, чем я, имеющие преимущество молодых лет и учености. Если же они — будь это им угодно — примутся за подобное, то мой им завет — дать своей речи более высокий полет.

АММИАН МАРЦЕЛЛИН И ЕГО ВРЕМЯ

Произведение Аммиана Марцеллина «История», в оригинале «Res Gestae» («Деяния»), принадлежит к числу наиболее значительных в исторической литературе Древнего Рима. Эта книга является достойным продолжением сложившейся благодаря Титу Ливию и Тациту традиции описания исторических событий. Более того, она представляет собой последнее выдающееся произведение этого жанра, а Марцеллин по праву именуется «последним великим историком Рима». К сожалению, до сегодняшнего дня это сочинение оставалось малоизвестным русскому читателю, поскольку единственное полное издание в переводе Ю. Кулаковского и А. Сонни вышло минимальным тиражом в 1906—1908 гг. и стало уже библиографической редкостью, а помещавшиеся в различных сборниках и антологиях отрывки мало способствуют достаточно полному представлению об этом произведении. Настоящее издание имеет целью восполнить данный пробел.

Аммиан Марцеллин жил и действовал в IV в. н. э., в эпоху, ключевую для всей дальнейшей истории Европы, когда в жесточайшей борьбе уходили в прошлое языческие и имперские ценности и общество обретало иные, совершенно новые духовные основы для своего дальнейшего функционирования, когда формировались новые человеческие сообщества, примером которых в недалеком будущем могут служить германские королевства, когда совершалось великое переселение народов из восточных степей, когда доминирующее значение обретало христианство в форме православия. Однако римский имперский дух был еще жив, и Марцеллин, примкнув к кружку «последних римлян», стал одним из величайших его выразителей.

Эпоха, о которой идет речь, вошла в историю под названием домината, системы, близкой к самодержавному правлению и в корне отличавшейся от принципата, существовавшего в первые века империи. Впервые назвал себя dominus («господин») император Аврелиан, правивший в 270—275 гг., человек, восстановивший империю из руин. Он ввел в Риме культ бога Солнца, стал его верховным жрецом, возложил на себя царскую диадему и присвоил себе титул dominus et deus natus («господин и богорожденный»). Однако ему не удалось заложить новые духовные и организационные основы общественной жизни импе-

рии, и эту задачу решили уже совершенно другие люди, использовавшие принципиально иные средства. С рассмотрения ситуации, с которой столкнулись эти новые люди, и прежде всего император Диоклетиан (284—305 гг.), получив верховную власть, мы и начнем свое изложение.

Кризис III века и его итоги

Эпоха, предшествовавшая захвату власти полководцем, сыном вольноотпущенника из Далмации Диоклетианом (как император — Цезарь Гай Аврелий Валерий Диоклетиан Август), вошла в литературу под названием «Кризис III века». Основания для такого именования были самые веские — ведь за предшествующие 50 лет ни один император не умер своей смертью, и менялись они зачастую по нескольку раз в год, да и часто легионы провозглашали в разных частях империи одновременно несколько «солдатских императоров», которых иногда тут же и убивали. Собственно, предпосылки для такого положения дел сложились гораздо раньше, еще в конце правления династии Антонинов, когда 31 декабря 192 г. был убит сын Марка Аврелия Коммод, прославившийся своей громадной физической силой, жестокостью и полной неспособностью управлять страной. Провозглашенный императором Пертинакс был вскоре убит преторианской гвардией, и в лагере последней состоялся позорный торг за императорский титул. Победителем в этом торге оказался римский богач Дидий Юлиан, и лишь железная рука выходца из Африки Септимия Севера остановила беспредел преторианцев. Император Септимий Север (193—211 гг.) резко ограничил права преторианцев и попытался провести ряд реформ, целью которых было создание жесткой военной монархии, стабилизация экономики и упорядочение всей жизни империи. Реформы удались, однако правление династии Северов стало последним относительно спокойным периодом. В 235 г. был убит последний ее представитель Александр Север, в 238 г. погиб сменивший его Максимин, а также боровшиеся против последнего в Африке отец и сын Гордианы (впрочем, отец покончил с собой сам, узнав о поражении и гибели сына) и свергшие Максимина «сенатские императоры» Пупиен и Бальбин. Во главе империи оказался 13-летний Гордиан III, бывший всего лишь игрушкой в руках противоборствующих сил. В 244 г. во время похода в Персию в результате заговора был убит и он, а императором стал префект претория Филипп Араб, воздвигнувший в качестве доказательства своей непричастности к убийству грандиозную гробницу Гордиана. При нем в 248 г. было торжественно отмечено 1000-летие со дня основания Рима, но это празднование стало «пиром во время чумы».

После убийства Филиппа в 249 г. окончательно рухнула вся система управления империей. Центральная власть утратила свою силу, и император Галлиен (253—268 гг.), невзирая на свои выдающиеся во-

енные и организаторские способности, не смог восстановить ее. Он побеждал узурпаторов, но на их месте сразу же появлялись новые. Время Галлиена вошло в анналы как время «тридцати тиранов», самыми значительными из которых были Постум в Галлии и Оденат (а после его смерти в 266 г. — его жена Зенобия) на Востоке, в Пальмире.

Другой важнейшей проблемой III в. было резкое обострение ситуации на границах империи и участившиеся вторжения варваров. На Востоке после прихода к власти династии Сасанидов, в 226 г. сменившей чужеземную династию Аршакидов, усилилось новоперсидское царство, начавшее агрессию в отношении империи. Так, например, царь Сапор I дважды захватывал столицу Востока Антиохию (в 256 и 260 гг.). На севере оживились многочисленные племена германцев, стремившихся поселиться на пустующих землях в пределах империи. В сражении с ними в 251 г. погиб император Деций.

Наконец, и экономическое положение империи оставляло желать лучшего. Рухнула хозяйственная система, сложившаяся в золотой век Антонинов, невыгодным стало ведение сельскохозяйственных работ, в особенности с использованием рабского труда, что привело к повсеместной замене его в крупных поместьях наемным (т. н. колонат). Города пришли в запустение из-за отсутствия поставок продовольствия, колоссальных налогов и иных общественных повинностей. Пребывание в курии (городском совете), ранее почетное и прибыльное, стало рассматриваться как жесточайшее наказание, из-за которого обеспеченные люди бросали свое имущество и бежали с семьями куда придется. Грандиозных размеров достигла инфляция, резко снизилось содержание золота в монетах. Хозяйство империи постепенно превращалось в натуральное.

Первые успехи в борьбе с внешним врагом были достигнуты только в 269 г., когда бывший полководец Галлиена император Клавдий (268—270 гг.) разгромил вторгшихся готов. Восстановление империи, по крайней мере чисто юридическое, осуществил упомянутый выше император Аврелиан, совершивший грандиозные походы на Восток и в Галлию и в 274 г. справивший в Риме свой триумф по образцу древних полководцев. Итак, перед Диоклетианом стояли следующие основные задачи: окончательно отразить натиск варваров на империю, ликвидировать последних узурпаторов и нормализовать хозяйственную и общественную жизнь страны. Реформы проводили и его ближайшие последователи, однако получить желаемые результаты в полной мере не удалось. Империя была смертельно больна, и ее крах оставался лишь вопросом времени.

Диоклетиан и его преемники

Диоклетиан был провозглашен императором войсками в Никомедии в Малой Азии 17 ноября 284 г. Согласно предсказанию, которое было дано ему в молодости в Галлии, он должен был стать императо-

ром, убив кабана. На воинской сходке после смерти императора Нумериана, когда префект претория Апр (aper по-латыни — «кабан») претендовал на императорский титул, Диоклетиан выхватил меч, поразил его и воскликнул: «Наконец-то я убил назначенного роком кабана!» Солдаты возвели его на престол и, одолев императора Запада, брата Нумериана Карина, Диоклетиан стал единоличным правителем империи.

Однако, сознавая шаткость и сложность своего положения, он не воспользовался единоличной властью. Оставшись в Никомедии и сделав ее своей столицей, уже в 285 г. он провозгласил Цезарем на Западе своего друга Марка Аврелия Валерия Максимиана; в 286 г. тот стал Августом, т. е. приобрел равные с Диоклетианом права и назначил своей резиденцией Медиолан (ныне Милан). Максимиан подавил охватившее Галлию восстание багаудов, разгромил вторгшиеся на территорию империи германские племена франков и аламаннов и усмирил выступление начальника флота Караузия, захватившего Британию и провозгласившего себя Августом.

1 марта 293 г. Августы назначили себе соправителей и предполагаемых наследников в ранге Цезарей. Диоклетиан выбрал Гая Галерия Валерия Максимиана, сына простого пастуха, выдвинувшегося благодаря своим военным заслугам, а Максимиан — потомка знатного рода Гая Флавия Валерия Констанция Хлора. Империя фактически оказалась разделенной на четыре части, и установилась так называемая тетрархия (четверовластие). Диоклетиан управлял Фракией, Азией, Сирией и Египтом, Галерий — Балканским полуостровом (кроме Фракии), Максимиан — Италией, Испанией и Африкой, а Констанций Хлор — Галлией и Британией. Диоклетиан установил себе и Максимиану срок правления до 305 г., когда на их место должны были заступить Цезари и в свою очередь назначить себе преемников.

Императоры успешно боролись с внешними и внутренними врагами: Диоклетиан подавил так называемое восстание Ахилея в Египте и изгнал оттуда кочевые племена блеммиев, Галерий разгромил персов и вернул империи Месопотамию, а также укрепил границу по Дунаю, Максимиан вел войны с маврами в Африке, и, наконец, Констанций одолел очередного узурпатора в Британии Аллекта.

1 мая 305 г. Августы, согласно заранее принятому решению, сложили с себя полномочия, а Галерий и Констанций заняли их посты. Назначение новых Цезарей произвел Галерий. Ими стали на Западе Флавий Валерий Север, а на Востоке — Валерий Максимин Даза. Именно такое решение послужило причиной краха всей власти тетрархов, поскольку при этом оказались обойденными сыновья Максимиана и Констанция — соответственно Максенций и Константин. Когда летом 306 г. в Британии умер Констанций Хлор, по всей империи заполыхала гражданская война. Войска немедленно провозгласили Августом Константина, Галерий признал его в этом качестве, а в Риме вспыхнуло восстание, в результате которого Цезарем был провозглашен Максенций, а Максимиан вернулся к власти, объявив себя Августом. Галерий в ответ на это назначил Августом и главнокомандующим в войне с Максенци-

ем Севера, а после гибели последнего — Валерия Лициниана Лициния.

Итак, в результате отречения Диоклетиана империя оказалась охваченной пламенем сразу нескольких гражданских войн. Бывший император попытался исправить это положение, вернувшись к власти. Источники по данному вопросу дают разноречивые сведения, но известно, что в 308 г. Диоклетиан был консулом. Очевидно, его попытки установить мир в империи оказались безуспешными, и в 313 г. он покончил с собой, пережив крах всей своей реформаторской деятельности.

Лициний после смерти Галерия в 311 г. стал старшим Августом и заключил соглашение с Константином о совместной борьбе с узурпаторами. Аналогичное соглашение заключили и их противники — Максенций и Максимин Даза. Константин вступил в Италию, двинулся на Рим и разгромил в решающей битве у Мильвиева моста 28 октября 312 г. Максенция. Последний во время бегства утонул в Тибре. Лициний, в свою очередь, в 313 г. победил Максимина Дазу. Итак, все императоры, кроме Константина и Лициния, были мертвы, и предстояла схватка между ними за единодержавную власть.

В ходе ряда войн в 314—316 гг. Константин отнял у Лициния большую часть Балканского полуострова. В битве при Адрианополе в 324 г. Лициний потерпел решающее поражение, сдался на милость победителя, был сослан в Фессалоники и через год казнен. В результате Константин Великий стал единоличным правителем государства, а своими преемниками и соправителями назначил собственных детей. В 324—326 гг. он провозгласил Цезарями своих четырех сыновей. Флавий Юлий Крисп (сын от первого брака) стал править Галлией, но в 326 г. был казнен вследствие интриг своей мачехи Фаусты, которая также вскоре была казнена. Константину Младшему, будущему Константину II, было поручено управлять Испанией, Галлией и Британией, Константу — Италией, Иллириком и Африкой, а Констанцию — Азией и Египтом. Себе Константин оставил Балканский полуостров.

В 337 г. император умер в разгар приготовлений к войне с персами, и вновь началась борьба между его преемниками. Констанций жестоко расправился со всеми своими родственниками и стал единолич ным повелителем Востока, уничтожив двух братьев Константина и семь его племянников. На Западе между тем началась война между Константом и Константином II. Последний был разбит в 340 г. в битве при Аквилее и погиб. Итак, к 340 г. империя оказалась разделенной на две части: на Востоке правил Констанций II, а на Западе — Констант. Единственными уцелевшими родственниками Константина были его племянники Галл и Юлиан, впоследствии император Юлиан Отступник.

Однако борьба на этом не закончилась. Франк Флавий Магненций, прошедший в римской армии все должности от простого солдата до комита, в 350 г. был провозглашен войсками императором на Западе и приказал убить Константа. Началась затяжная война, в ходе которой Магненций потерпел решающее поражение от Констанция в битве при Мурсе в 351 г., а в 353 г., оставленный всеми своими соратниками, покончил с собой.

Таким образом, в 353 г. Констанций II стал единоличным повелителем всей империи в ранге Августа. Именно с этого момента начинается повествование Аммиана Марцеллина. Дальнейшие события излагаются историком достаточно подробно и точно, поэтому далее мы останавливаться на них не будем. Однако необходимо рассмотреть те системы управления и общественной жизни, которые сложились в империи в результате проведенных Диоклетианом и Константином реформ.

Государственное управление в IV веке

С именами Диоклетиана и Константина связаны административные реформы, а точнее — введение системы иерархического управления. Вся империя была разделена на четыре префектуры, которые возглавляли префекты претория (praefecti praetorio). Рим и, с 330 г., Константинополь были выделены из состава префектур, и ими управляли собственные «префекты города» (praefecti urbis). Все эти префекты имели высший чин в государственной табели о рангах и титул viri illustres («сиятельные мужи»). Префектуры состояли из диоцезов (dioeceses), которых во всей империи насчитывалось двенадцать. Диоцезы управлялись подчиненными префектам сановниками с титулом викариев (vicarii). Викарии имели второй ранг и титуловались viri spectabiles («высокородные мужи»). Викарий Востока именовался comes Orientis («комит Востока»), а Египта — praefectus Augusti или сокращенно — Augustalis. Каждый из диоцезов включал несколько провинций, общее число которых вместе с Римом при Диоклетиане составляло 101 и достигло 120 к концу IV в. Во главе провинций стояли ректоры (rectores; часто в виде общего названия используется и термин iudices), которые в зависимости от статуса их провинций имели титулы проконсулов, консуляров, корректоров и президов (praesides). Правители провинций именовались viri clarissimi («светлейшие мужи»), т. е. наделялись титулом, который в эпоху принципата был высшим и который имели только сенаторы. Правители, имевшие титул проконсулов, принадлежали к рангу viri spectabiles, т. е. к тому же, что и викарии. Это различение правителей по титулам и рангам восходило к самым первым векам империи, когда к управлению провинциями наряду с сенаторами были допущены и представители всаднического сословия; последние имели звание прокураторов и управляли менее значимыми провинциями.

Префекту претория Галлии, имевшему резиденцию в Тревирах (ныне Трир), подчинялись викарий Испании, викарий семи германских и галльских провинций и викарий Британии. Префекту претория Италии (резиденция в Риме) были подчинены викарий Италии, викарий Иллирика (в пределах Далмации, Паннонии и Норика) и викарий Африки. Префекту претория Иллирика (резиденция в Сирмии) подчинялись викарии Македонии и Дакии (на правобережье Дуная). Префекту претория Востока с резиденцией в Константинополе под-

чинялись комит Востока (Палестина, Финикия и Сирия), префект Августал (Ливия, Египет), викарии Понта и Фракии. В особую категорию были выделены провинции Азии и Африки (в древности — проконсульская Африка), они были подчинены непосредственно императору и управлялись его «друзьями» (comites primi ordinis); этот титул был эквивалентен титулу проконсула. Позднее, при Константине, аналогичный статус получила Ахайя, а при Феодосии — Палестина.

Включение Италии в категорию провинций повлекло за собой утрату ее былых привилегий — свободу от налогов и повинностей. При Диоклетиане она была разбита на 8 округов: Транспадана, Венеция-Истрия, Эмилия-Лигурия, Фламиния-Пицен, Этрурия-Умбрия, Кампания-Самний, Лукания-Бруттий, Апулия-Калабрия. Ими управляли особые чиновники — корректоры (correctores). Корректорами назывались также направляемые императорским двором для контроля за деятельностью местной администрации чиновники. Контрольные функции принадлежали также императорским, или тайным, агентам.

Городская администрация в Риме сохранилась примерно в таком же виде, в каком она была в первые века империи. Во главе города стоял городской префект, снабжением заведовал префект анноны (praefectus annonae или praefectus frumenti dandi) и т. д. Существовали различные комиссии — по хлебо- и водоснабжению, постройке храмов, общественных и частных зданий и т. д. Специальные комиссии занимались регулированием русла и ремонтом берегов Тибра, очисткой и уборкой города.

Специально следует сказать о муниципальных советах (куриях), существовавших во всех городах. На их членов — декурионов, или куриалов, возлагалась ответственность за поступление налогов, распределение повинностей и т. д. Зачисление в курию считалось большой неприятностью и несчастьем в связи с существованием принципа круговой поруки.

Центральные органы управления

Органы центрального управления существовали при императорском дворе и включали огромное количество чиновников разных рангов.

Высший ранг (vir illustris) имели препозит императорской спальни (praepositus sacri cubiculi), «начальник служб» (magister officiorum), или, своего рода, «гофмаршал», квестор (quaestor), выполнявший законодательные функции, комит финансов (comes sacrarum largitionum), комит государственных доменов (comes rerum privatarum) и два комита доместиков (comites domesticorum), командовавшие конными и пешими отрядами императорской гвардии.

Ранг viri spectabilis имели примицерий императорской спальни (primicerius sacri cubiculi), примицерий нотариев (primicerius notariorum), castrensis sacri Palatii, ведавший дворцовыми работами и различными службами, и четыре начальника канцелярий (magister scriniorum).

Магистру оффиций подчинялась дворцовая гвардия, делившаяся на схолы, в составе которых различались скутарии, арматуры и гентилы, многократно упоминаемые Марцеллином. Гвардия набиралась практически исключительно из германцев. Особую схолу составляли agentes in rebus, «императорские агенты», выполнявшие контрольные и полицейские функции. Эта схола при Диоклетиане заменила так называемых фрументариев, ранее выполнявших аналогичные обязанности. Также особую схолу составляли нотарии, которые вели протоколы заседаний императорского совета, включавшего чиновников высшего ранга, и ведали гражданским и военным чинопроизводством. Кроме того, на них возлагались особые поручения.

Финансовая и налоговая политика

К концу III в. назрела необходимость реформ в сфере денежного обращения. Проведенная Диоклетианом в 286 г. денежная реформа в основном повторяла попытки проведения таковой во времена Авреллиана. Целью ее было повышение курса денег и стабилизация их обращения. В Древнем Риме из 1 римского фунта (327 грамм) золота чеканилось 40 полновесных золотых монет denarius aureus, или просто aureus. В III в. в золотых монетах не стало золота, а в серебряных — серебра. Для восстановления действительного соотношения между ценностью денег и их весом Диоклетиан постановил из фунта золота чеканить 60 золотых монет, из фунта серебра — 96 серебряных денариев, а из фунта меди — 30 медных монет. В соответствии с установленным курсом 1 фунт золота соответствовал 60 золотым, 1500 серебряным и 24 000 медным монетам, а 1 серебряная монета была равна 16 мешкам (folles) мелких разменных монет. Таким образом, золотой денарий стал содержать 5,5 грамма золота.

Однако денежная реформа не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Из-за завышенного курса золотых монет они стали вымываться из обращения, увеличилось число низкопробных, что привело к еще большему обесцениванию денег и росту инфляции. На этой почве неоднократно возникало недовольство, переходившее в открытые восстания, примером которых может служить упомянутое выше восстание Ахилея в Египте.

Налоговая политика была реформирована в условиях нарастающей натурализации хозяйства империи. Еще в III в. значительная часть государственных налогов стала выплачиваться натурой. При Диоклетиане этот процесс продолжался. Однако ранее провинции с точки зрения налогообложения находились в разном положении. Некоторые платили фиксированную ставку налогов деньгами, а другие — отдавали определенную часть урожая натурой, сохраняя право выплат соответствующей суммы в денежном исчислении. При этом в связи с постоянным обесцениванием денег предписывалось производить государственные выплаты не в ходячей монете, а в специально выпущенной для этой

цели государственной монете с твердым курсом (pecunia signata forma publica Romani). Прибегали также к экстраординарным обложениям провинций натурой, и взимались такие налоги на основании специальных императорских декретов — индикций (indictiones). Первое время эти поступления шли исключительно на содержание населения Рима и назывались curae annonae. В дальнейшем под анноной (annona) стали понимать годовую подать, взимавшуюся с населения натурой.

Диоклетиан экстраординарные налоги возвел в общее правило и распространил их на всю империю, в том числе и на ранее освобожденную от налогов Италию, за исключением ее юга, приписанного к Риму. В 289—290 гг. была проведена генеральная перепись и, согласно ей, произведена раскладка налогов (census). Ценз повторялся каждые пять лет, три цензовых (индикционных) года составляли индикционный цикл в 15 лет, по которому производилась генеральная перепись и счет лет.

В цензовые списки заносились и налогообложению подлежали люди, земля и имущество. Платежной единицей считалась «голова» (caput). К ней приравнивался один взрослый мужчина-земледелец, независимо от его социального статуса, две женщины, определенное количество обработанной земли, скота, лугов и лесов. В зависимости от качества земля делилась на несколько разрядов, по тому же принципу производилось деление виноградников, оливковых посадок и т. д.

Аннона стала чисто земельной податью, поэтому ею было обложено только сельское население, горожане же от ее уплаты освобождались.

Наряду с обычными налогами существовал также ряд специфических, например, налог на торговлю (negotiatorum collatio), ремесла (chrysargyrum) и другие статьи хозяйства. Сельское население было освобождено от уплаты всех налогов, кроме анноны. Назначенные на провинции налоги распределялись по куриям, и куриалы считались лично ответственными за их поступление в казну.

В связи с колоссальным ростом инфляции Диоклетианом была проведена реформа рыночных отношений. В 301 г. был издан эдикт о твердых рыночных ценах и заработной плате (Edictim de pretiis rerum venalium), целью которого было восстановление нарушенного кризисом равновесия между номинальной ценой денег и реальной их стоимостью и между ценами на товары и оплатой труда. В эдикте был представлен список норм, или тарифов, продажных цен и оплат труда (pretia statuta), за несоблюдение которых полагалось суровое наказание (вплоть до смертной казни). Однако этот эдикт оказался малоэффективным.

Армия

До Диоклетиана римская армия состояла из легионов, расквартированных по границам, по пограничным лагерям (castra) и крепостям (castella). В ходе войн III—IV вв. выявились все недостатки подобной организации. Пограничные армии, предоставленные самим себе, были тяже-

ловесны, плохо вооружены, врастали в свое окружение и с трудом снимались с обжитых мест. К тому же они имели тенденцию постоянно выдвигать из своей среды различных узурпаторов и претендентов на престол. В итоге большая часть функций пограничных войск была возложена на так называемые мобильные, императорские (comitatenses) войска, размещенные во внутренних городах и легко перебрасываемые с одного места на другое. Пограничные войска — лимитаны — продолжали существовать, но по отношению к мобильным они заняли второстепенное положение. Для подкрепления лимитанов на особо опасные участки границ посылались вспомогательные полки, сформированные по типу комитатов и называвшиеся pseudo-comitatenses.

Старые 6-тысячные легионы исчезли, и вместе с ними исчезло и звание legatus legionis. Численность воинских подразделений уменьшилась до 1000 или 500 человек в зависимости от строя и других условий. Назывались они legiones, vexillationes, auxilia, cohortes, alae, cuneis, а также numeris и equites. Командовали ими офицеры в звании трибуна (tribunus) или префекта (praefectus). Заметим, что исчезло и разделение офицерских чинов на низшие — центурионы и высшие — трибуны, префекты и легаты, доступные только лицам всаднического и сенатского сословий.

Вся империя была разделена на военные округа (дукаты), во главе которых стояли дуксы, — Восток, Фракия, Иллирик и т. д. Это деление не совпадало с административным. Дуксы имели второй ранг и титуловались viri spectabiles.

Верховным главнокомандующим военными силами империи считался император. Во главе армии стояли два высших офицера с титулом magistri militum. Один из них, более высокий по рангу, командовал всей пехотой и именовался magister peditum, другой командовал конницей и назывался magister equitum. Оба имели чин первого ранга и титуловались так же, как и префекты претория, viri illustres. Они занимались всеми работами, связанными с организацией военных действий, снабжением армии и т. д. При Констанции II был назначен еще ряд магистров для командования вооруженными силами отдельных территорий.

Поскольку со времени Диоклетиана император не имел постоянной резиденции, а всегда находился в походе, его двор приобрел статус ставки верховного главнокомандующего, и в этом смысле назывался comitatus. В связи с этим титул comes стал применяться ко всем высшим военным чинам империи, состоявшим при этой ставке, в том числе и к магистрам армии. Специально же комитами назывались офицеры второго ранга (viri spectabiles), постоянно или временно командовавшие соединением нескольких отрядов.

В Риме и Константинополе стояли гвардейские части — дворцовые войска (auxilia palatina) и свита императора (protectores domestici!), предназначенные для охраны особы императора. Они заменили собой старую преторианскую гвардию, распущенную при Константине.

Ядро римской армии составляли наемные войска, комплектовав-

шиеся путем добровольного поступления на службу. Только в чрезвычайных ситуациях при недостатке добровольцев прибегали к принудительному зачислению римских граждан и варваров на военную службу. Армия совершенно потеряла свою привлекательность для граждан, и основное ее пополнение происходило за счет варваров, в особенности германского происхождения. Результатом явилась варваризация армии, заметно отразившаяся на ее боеспособности и организации. Уже при Константине большую часть офицерских постов в армии занимали германцы. При Констанции эта тенденция продолжалась, что легко установить из текста Аммиана Марцеллина.

Религиозные реформы Диоклетиана и Константина

Еще одним кризисом, охватившим империю в III в., был религиозный. Проблема состояла в том, что с падением значения Рима в управлении империей, в особенности после знаменитого эдикта Каракаллы 212 г. о даровании гражданских прав всем жителям империи (Constitutio Antoniniana de Civitate), традиционная римская религия, по сути своей глубоко чуждая подавляющему большинству населения империи, с утратой италиками своих привилегий стала открыто отвергаться новыми гражданами. В связи с этим возникла проблема проведения религиозных реформ. На место всемирной или по крайней мере всеимперской религии в течение III в. претендовал ряд восточных культов, наиболее мощными среди которых были христианство, митраизм и различные солярные культы, а также имевшие иранское происхождение дуалистические системы, важнейшими из которых стали манихейство и гностицизм. Определенный вес приобретала сформировавшаяся на основе древней эллинской религии синкретическая религиозная система, поддерживавшаяся философами-неоплатониками.

На первых порах неоспоримый перевес был на стороне солярных культов. Напомним, что уже в начале III в. император Гелиогабал (Элагабал) был жрецом Солнца. Окончательно оформилась языческая религиозная реформа в правление императора Аврелиана, которому, по преданию, во время осады Тианы во сне явился философ, маг и волшебник I в. Аполлоний Тианский; одним из повелений последнего стало строительство в Риме храма Солнца. Император выполнил это распоряжение и основал в Риме соответствующий культ, став его верховным жрецом. Однако этот культ в гражданской среде просуществовал недолго и укрепился только в армии, где тесно переплелся с поклонением богу Митре.

Христианство в течение II—III вв. приобретало все большую популярность в империи, особенно в среде наименее обеспеченной и образованной его части. При этом оно относительно мирно сосуществовало с имперскими государственными структурами. Однако при императоре Деции, тяготевшем к древней римской религии, это сосуществова-

вание сменилось открытой враждой и вылилось в гонения на христиан. Аналогичные гонения имели место и при императоре Валериане (253—259 гг.), когда христианская церковь была объявлена антигосударственным учреждением, а христианство — враждебной религией.

Диоклетиан, придя к власти, показал себя ярым приверженцем древней римской религии. Он принял титул Jovius — «Сын Юпитера», а его соправитель Максимиан — Herculius — «Сын Геркулеса». Началось активное строительство храмов языческих богов, и на эти храмы расходовались громадные суммы государственных денег. Главное обвинение, выдвигаемое императором против христианских проповедников, было то, что они «совращают, пользуясь легковерием людей, общественные нравы всякого рода надеждами на будущее и возбуждают умы народа». Открытая война началась 23 февраля 303 г., в день Термина, бога границ и пределов. Поводом для преследования послужил пожар, охвативший императорский дворец в Никомедии, виновниками которого сочли христиан. Диоклетиан обвинил христианское духовенство в направленном против него колдовстве, из-за которого срываются все его начинания. Гонения продолжались с той или иной интенсивностью вплоть до 311 г., когда Галерий незадолго до своей смерти отменил их.

Константин и Лициний, придя к власти, издали в 313 г. знаменитый Миланский эдикт, согласно которому христианство уравнивалось в правах с государственной языческой религией. Признание такого равноправия фактически открывало зеленую улицу церкви, которая обладала крепкой организационной структурой и потому имела значительное преимущество перед своими соперниками. Константин, провозглашенный за это деяние Святым, Равноапостольным и Великим, стал активно принимать участие в делах церкви, хотя сам почти до смерти оставался язычником и в итоге принял крещение у ариан. В 325 г. для урегулирования догматических споров по его инициативе был созван Никейский собор, где решались богословские вопросы и был принят Символ веры. Таким образом, при Константине решительную победу одержало православие. Однако внутри христианства продолжались ожесточенные споры и сражения, зачастую доходившие до уличных драк и побоищ. В конечном итоге победу одержали ариане, которых активно поддержал ревностный приверженец их учения Констанций. Описанные Аммианом Марцеллином события происходят именно во времена господства ариан, конец которому был положен позднее, при императоре Феодосии Великом (379—395 гг.).

Языческая религия при Констанции оказалась фактически под запретом. Закрывалось, разрушалось и перестраивалось под нужды церкви все больше храмов богов, а имущество последних изымалось в пользу государства. Последней цитаделью язычества стал Рим, где сформировался кружок так называемых «последних римлян». Христианство проникло даже в здание римского сената, откуда по повелению императора Грациана (375—383 гг.) были вынесены статуя и алтарь Победы, стоявшие там с незапамятных времен. Любые безобид-

ные и ранее широко распространенные магические действия, например гадание, стали служить причиной для обвинения в «колдовстве», а наказание за него было одно — смертная казнь. Попытка языческой реакции на происходившее имела место единственный раз, когда во главе империи встал Юлиан, прозванный Отступником (361—363 гг.). Впрочем, события его правления подробно излагает Марцеллин.

Аммиан Марцеллин и его книга

Аммиан Марцеллин, «солдат и грек», как он себя называет в самом конце своего повествования, родился в Антиохии, главном городе Востока, что явствует из письма к нему его друга, знаменитого ритора Либания. Время рождения Аммиана достоверно не известно, но можно высказать гипотезу, что это было самое начало 30-х годов IV в. Вообще, биографию его в основном можно восстановить только на основании его собственного труда. Службу в армии он начал в звании протектора, что свидетельствует о знатности его рода. В 353 г. Аммиан состоит в свите магистра конницы Урзицина, сопровождая его в различных поездках: в Антиохию, в Медиолан, в Галлию для борьбы с узурпатором Сильваном. В 357 г. Марцеллин вместе с Урзицином отправляется на Восток, где участвует в войне с персами. В 359 г. он находится в Амиде, где становится непосредственным свидетелем осады и гибели этого города. В 363 г. Аммиан принимает участие в Персидском походе императора Юлиана, а затем, после гибели последнего, — в позорном отступлении римской армии. Вероятно, по возвращении из Персии он выходит в отставку и живет некоторое время в Антиохии. Скорее всего, следующий период его жизни прошел в путешествиях, во время которых он смог актуализировать полученные в юности сведения по географии и истории отдельных стран, что пригодилось ему при написании книги. В 80-е годы он приезжает в Рим и остается там навсегда. Вечный город привлекал его по многим причинам — как оплот исчезающего язычества, как место древней римской славы и, вероятно, не в последнюю очередь, — как место, где не надо было думать о хлебе насущном, поскольку государство обеспечивало всех жителей своей древней столицы бесплатным питанием. Именно в Риме Марцеллин пишет свою книгу, которая, скорее всего, была закончена около 390 г., поскольку при описании Серапеума в Александрии писатель не упоминает о его разрушении христианами в 391 г. Год смерти историка неизвестен, но, очевидно, он не дожил до начала нового века.

Из величайшего исторического произведения поздней античности до нас дошли только последние 18 книг, с 14 по 31, где описываются события 353—378 гг. Заканчивается оно описанием несчастной для римлян битвы при Адрианополе и гибели императора Валента. По свидетельству автора, свое описание римской истории он начинает с восшествия на престол императора Нервы, т. е. с 96 г. Таким образом, предшествующие 353 году 250 лет Аммиан должен был вместить всего

в 13 книг. Возможно, данному сочинению предшествовало другое, в котором излагались события до воцарения Констанция. Впрочем, это только гипотеза, и никаких достоверных данных о том сочинении нет.

Итак, Марцеллин начинает свое изложение с 96 г. Напомним, что именно этим годом и, точнее, описанием гибели Домициана заканчивает свои «Анналы» и «Историю» Тацит, последовательно изложивший события, начиная со смерти Августа в 14 г. Аммиан в ходе своего повествования ни разу не ссылается на Тацита как своего предшественника, однако его зависимость от того достаточно очевидна — и дело тут прежде всего в самом принципе анналистического изложения истории, в концепции исторического повествования. Таким образом, можно представить себе Марцеллина прежде всего как продолжателя дела Тацита.

Однако язык и стиль книги радикально отличаются от прозрачной классической латыни последнего. Хотя, безусловно, латынь Марцеллина хороша, она несет на себе явный отпечаток родного языка автора — греческого. Стиль изложения отличается искусственностью и манерностью, мы можем найти в нем множество явных и скрытых заимствований из других писателей. Но все это не принижает достоинств книги как литературного произведения — она все равно отличается целостностью и красотой.

Произведение Марцеллина важно и как исторический источник. Сведения здесь тщательно подобраны, проверены, и на них вполне можно полагаться. Невзирая на любовь к анекдотам, автор, однако, не злоупотребляет ими, но пользуется всегда к месту, не нарушая стройности изложения. Более того, исторические данные тщательно проанализированы, и им дана достаточно точная и адекватная оценка, что не может не вызвать симпатию у читателей. Во всяком случае, если сравнивать труд нашего историка с другим, безусловно, примечательным историческим произведением примерно того же времени — так называемые «Scriptores historiae Augustae» (SHA) «Писатели истории Августов», то нетрудно по достоинству оценить работу Марцеллина.

Аммиан Марцеллин, несомненно, был выдающимся человеком. Сам тот факт, что он, представитель знатного греческого рода, а отнюдь не варвар-наемник, выбрал карьеру простого солдата, свидетельствует о неординарности его личности, о том, что он не пожелал следовать духу времени и наслаждаться, пока это возможно, спокойной жизнью. Подтверждением его несомненных дарований может служить и владение латынью, которая была мало распространена среди гражданского населения на Востоке. Конечно, можно сослаться на службу в армии, где будущий историк вполне мог освоить язык — но разве в его сочинении мы можем найти хоть один след «командирской речи»? Нет, язык Марцеллина — это плод длительной и кропотливой работы над собой.

Аммиан не только грек по рождению — он и чувствует себя вполне эллином, язычником. Он неоднократно пишет «мы», подразумевая под этим «мы, греки», особенно часто при изложении тех или иных

религиозных положений или объяснении значений слов. Историк несомненно глубоко образованный человек, причем не только и не столько благодаря традиционному воспитанию, сколько в силу своей яркой индивидуальности. Он убежденный язычник, более того, поклонник неоплатонизма и герметизма и в то же время невероятно терпим в религиозных вопросах — как будто в противовес христианам, на глазах у него выясняющим вопросы церковной догматики в уличных драках.

В книге Марцеллина множество героев, и одними, такими как Урзицин и Юлиан, он восхищается, а других презирает, но отличает его прежде всего непредвзятость, причем подчеркнутая, словно продиктованная нежеланием цивилизованного человека следовать оценкам, даваемым варварами. В этом смысле героем его повествования является не какая-то отдельная личность, но Империя в целом, Империя как сплав римской организации и греческой духовнсти. Империя, которая давала место и защиту всякому человеку, Империя, которая на глазах у историка уходила в небытие...

* * *

В основу настоящего издания положен перевод, сделанный профессором Киевского университета им. Св. Владимира Ю. Кулаковским при участии профессора А. Сонни, опубликованный в Киеве в 1906—1908 гг.: *Аммиан Марцеллин.* История (т. 1—3). Перевод заново сверен по последним изданиям текста (Ammiani Marcellini rerum gestarum... edidit W. Seyfart, Leipzig, 1978 и *Ammianus Marcellinus.* Römische Geschichte. Bd. 1—4. Berlin. 1968—1971) и отредактирован. При подготовке издания полностью оставлены комментарии Ю. Кулаковского и добавлено минимально необходимое количество новых пояснений.

Л. Ю. Лукомский

ПРИМЕЧАНИЯ

КНИГА XIV

[1] Магненций провозгласил себя императором на Западе в 350 г. Констанций победил его в сражениях при Мурсе на Драве в 351 г. и в Коттиевых Альпах. Будучи оставлен своими приверженцами, М. покончил с собой.

[2] В Поздней Римской империи титул Цезаря присваивался принцам из императорского дома и, соответственно, соправителям императора. Флавий Клавдий (Юлий) Констанций Галл был племянником Константина Великого, сводным братом Юлиана и сыном Юлия Констанция, сводного брата Константина.

[3] *Комиты* первоначально были помощниками при высших римских магистратурах, а позднее — доверенными лицами императора в определенных областях. Они имели различный ранг и занимали должности при дворе и в центральном и провинциальном управлении.

[4] Автор подразумевает таких императоров, как Домициан или Коммод, которых он называет в аналогичном контексте в: 21, 16, 8.

[5] *Амфиарай* в греческих мифах известен как знаменитый прорицатель. Он принимал участие в походе Семерых против Фив, в котором он и погиб (*Павсаний.* 1, 34, 4 и далее, 2, 13, 7). *Марций* предсказал поражение римлян в битве при Каннах (*Ливий.* 25, 12, 5).

[6] Годы правления 235—238.

[7] Гордиан I и Гордиан II (сын первого) были провозглашены императорами в Африке в 238 г. В сражении с верными Максимину войсками погиб Гордиан II, причем причиной его поражения, по преданию, была поднявшаяся над полем битвы пыль. Узнав о поражении сына, Гордиан I покончил с собой. В память о них в том же году в Риме одновременно с провозглашением Пупиена и Бальбина Августами Цезарем был объявлен малолетний внук Гордиана I Гордиан III, который после гибели Максимина и своих соправителей стал единоличным правителем вплоть до 244 г., когда во время похода в Персию он был убит заговорщиками. Его преемник, Филипп Араб, воздвиг ему грандиозную гробницу на Евфрате.

[8] Римский император в 253—268 гг.

[9] Должность *префекта претория* была, начиная с Константина, высшей в иерархии гражданских чинов. Префекты претория существовали в четырех частях империи: на Востоке, в Италии, в Иллирике и в Галлии. *Талассий* занимал этот пост на Востоке с 15.3.351 по начало 354 г. Он происходил из богатой антиохийской семьи и состоял в родстве с Либанием, был христианином.

[10] *Скирон*, легендарный разбойник, был, по преданию, убит Тесеем. Он подстерегал путников в скалах между Аттикой и Мегарой, заставлял их мыть ему ноги, а затем сталкивал в море.

[11] Должности магистров конницы и пехоты были введены Константином Великим после того, как префект претория утратил свои военные полномочия. Здесь имеется в виду Урзицин.

[12] Сапор II — персидский царь (310—379), величайший противник римских императоров в IV в. Страх перед ним вынудил Констанция назначить в 351 г. Галла Цезарем. Пребывание последнего в Антиохии имело целью ослабление давления царя на Востоке.

[13] Собственно, название племени бедуинов, жившего поблизости от Египта. В позднейшее время сарацинами называли арабов.

[14] Имп. *Марк* Аврелий Антонин — правил в 161—180 гг.

[15] *Констанций II*, римский имп. в 337—361 гг., сын Константина Великого, здесь впервые становится действующим лицом.

[16] Правление Констанция исчисляется с 8 октября 323 г., когда он был провозглашен Цезарем вместе со своими братьями Константином и Криспом. Вместе с Константином II и Константом он был провозглашен Августом в 337 г., единолично правил с 350 по 361 г.

[17] Должность *нотария* возникла от должности придворного стенографа. Константин Великий учредил schola notariorum, высшую императорскую канцелярию, первый чин в которой назывался primicerius, а второй — tribunus ac notarius. Нотарий в качестве должностного лица занимал весьма высокое положение и по поручению императора направлялся в провинции для контроля и руководства деятельностью чиновников, особенно в вопросах судопроизводства. Выполняли нотарии и дипломатические функции.

[18] Должность городского *префекта* существовала в Риме уже при царях, затем она была упразднена и восстановлена при Августе, а затем при Тиберии. Ее занимали консуляры в течение не регламентированного законом времени.

[19] Мемий Витразий *Орфит* Гонорий — опора языческой оппозиции в Риме, префект города в 353—356 и 357—359 гг.

[20] В древности граждане Рима по родовому признаку делились на трибы, а по имущественному — на центурии. По трибам и центуриям проводилось голосование на народных собраниях.

[21] *Нума Помпилий* — полулегендарный второй царь Рима, прославившийся своей мудростью и добродетелью, с его именем связывают проведение реформ управления.

[22] *Симонид* Кеосский (556—468 до н. э.) — великий греческий эпический поэт.

[23] Марк Ацилий Глабрион разгромил сирийского царя из династии Селевкидов Антиоха III Великого при Фермопилах в 191 г. до н. э. (*Ливий*. 40, 34, 5).

[24] Труды и дни, 289—290. Гесиод происходил из города Аскры в Бе-отии.

[25] Марк Порций *Катон* Старший (ок. 234—149 до н. э.), прославившийся своей ревностной защитой древних римских традиций, нравов и обычаев.

[26] Публий *Валерий Публикола* (Попликола), легендарный гражданин Рима, участвовавший в изгнании из Рима царей, один из консулов в первые годы существования Республики, ум. в 503 г. до н. э. (*Ливий*. 2, 16, 7).

[27] Марк Атиллий *Регул* — консул 267 и 256 гг. до н. э., в 1-й Пунической войне нанес поражение Карфагену в морском сражении при Экноме (Южная Сицилия), однако после высадки в Африке был разгромлен и попал в плен. После пяти лет плена, по преданию, был отправлен в Рим для переговоров о мире и в речи перед сенатом отверг предложения карфагенян, за что и был предан мучительной смерти.

[28] Вероятно, имеется в виду Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235—183 до н. э.). См.: *Валерий Максим.* 4, 4, 10.

[29] *Номенклаторами* назывались в Риме рабы, которые подсказывали своим господам имя, положение и занятие встреченного гражданина; в поздние времена в их обязанности входило составление списков приглашенных на пиры.

[30] Имя царицы Шаммурат (конец IX в. до н. э.), происходившей из Вавилонии, жены ассирийского царя Шамшиадада V. С ее именем обычно связывают одно из чудес света — т. н. «висячие сады Семирамиды».

[31] Город в Умбрии, ныне Сполето.

[32] Имеется в виду Квинт Литиций Катул, сын носившего то же имя консула 102 г. до н. э. Указанное действие относится к 67 г. до н. э.

[33] Имеется в виду город в Сирии близ переправы через Евфрат, ныне Менбидж.

[34] В предшествующие времена титул *консуляра* соответствовал бывшему консулу; в IV в. н. э. присваивался лицам, направляемым для управления провинциями.

[35] *Дукс* в Поздней Римской империи — главнокомандующий войсками провинции.

[36] *Дворцовые схолы* — охраняющие дворец военные отряды, подчиненные magister officiorum, *протекторы*-доместики — телохранители в чине офицера, к их числу принадлежал сам Аммиан Марцеллин. *Скутарии* — военные отряды, получившие свое название от носимых ими щитов. *Гентилы* набирались из варваров.

[37] Comes sacrarum largitionum начиная с Константина заведовал финансами.

[38] Имеется в виду место проживания и отправления должностных обязанностей префектом претория.

[39] *Квестор* — низшая магистратура в Древнем Риме, связанная с управлением финансами. Во времена Поздней Империи чисто номинальная должность.

[40] *Куратор города* — должность, введенная Траяном. Первоначально в его обязанности входило управление городом от имени императора; в дальнейшем в основном управлял финансами.

[41] *Тавр* — горный хребет на юге Малой Азии.

[42] Император *Клавдий* — 41—54 гг. н. э.

[43] *Персей* — сын Зевса и Данаи, по преданию, убивший Медузу Горгону.

[44] Публий *Сервилий* Ватий Исаврийский победил в 78—74 гг. до н. э. пиратов, в 74 г. до н. э. первым из римлян перешел Тавр и покорил племя исавров.

[45] *Селевк Никатор* (Победитель, ок. 356—281 до н. э.) — полководец Александра Македонского, впоследствии один из диадохов, основатель династии Селевкидов; царь с 304 г. до н. э. В 301 г. до н. э. после победы над Антигоном Одноглазым захватил Сирию, а после победы в 281 г. до н. э. над

Лисимахом — Малую Азию. В том же году был убит во время похода против Македонии своим приемным сыном Птолемеем Керавном.

[46] *Гней Помпей* Магн (Великий, 106—48 до н. э.) после серии войн с Митридатом VI Евпатором, начатых его предшественником Лукуллом, в 64 г. до н. э. окончательно присоединил Восток к империи.

[47] *Тигран* Великий — царь Армении в 95—55 гг. до н. э., после серии успешных войн захватил Сирию, Киликию, Каппадокию, расширив пределы Армянской державы. В 66 г. до н. э. был побежден Помпеем и оставил завоеванные земли.

[48] Император Август — принципат в 27 г. до н. э. — 14 г. н. э.

[49] *Ирод* Великий — царь Иудеи 37—4 гг. до н. э., получив от Августа место для постройки города, возвел здесь в 10—9 гг. до н. э. величественные постройки и назвал вновь отстроенный город в честь императора. С 6 г. н. э. здесь располагалась резиденция наместника Иудеи.

[50] *Птолемей* Сотер II — сын Птолемея IX, царь Кипра 80—58 гг. до н. э. В ходе войны с пиратами вступил в конфликт с Римом и был вынужден покончить с собой.

[51] Марк Порций *Катон* Утический (95—46 н. э.) исполнял эти обязанности в 58—56 гг. до н. э. в качестве легата.

[52] *Нисибис* (Низибис), ныне Нусайбин, — главный город Мигдонии в Месопотамии. Принадлежал римлянам с 163 г., при Септимии Севере стал римской колонией. В III—IV вв. — основной опорный пункт в борьбе с персами. Отдан последним Иовианом в 363 г. по условиям мирного договора.

[53] Известный в античности анекдот. Тиран Кипра Никокреонт приказал пытать философа за то, что тот смертельно оскорбил его у могилы Александра Великого. Подобную историю рассказывает Клемент Александрийский (Strom. IV, 56,1), но называет здесь Зенона Элейского, философа, жившего на 200 лет раньше основателя стоической философии Зенона Китийского (ок. 335—ок. 265 до н. э.). Аналогичный рассказ существует про Анаксарха Абдерского (*Диоген Лаэрций*. 9, 10).

[54] В тексте, очевидно, неточность: консульство Галла названо iterum (вторым).

[55] Вулкаций *Руфин* — консул 347 г., брат Галлы, жены Юлия Констанция, брата Константина Великого, матери Цезаря Галла.

[56] *Медиолан* — ныне Милан. Со времен Диоклетиана здесь располагалась одна из резиденций римских императоров.

[57] Имп. *Диоклетиан* (284—305) в 286 г. взял себе в соправители Аврелия Валерия Максимиана.

[58] Гай Валерий Максимиан *Галерий* — Цезарь с 293 г., Август с 305 г. Умер в мае 311 г.

[59] В 356 г.

[60] Тесть будущего имп. Иовиана (см.: 25, 8, 9).

[61] *Фиваидские легионы* в 354 г. пополнялись за счет рекрутов в окрестностях Адрианополя. Их название связано с местом, где они были сформированы (Фиваида в Египте).

[62] Аргосский царь, принимавший участие вместе со своим зятем Полиником в походе Семерых против Фив, который единственный остался после него в живых. Через десять лет возглавил новый поход эпигонов — сыновей погибших, в результате которого Фивы были разрушены.

[63] *Немезида* — богиня греческой мифологии, дочь Никты, олицетворение Судьбы. *Адрастея* (греч. «неизбежная», «неминуемая») — ее эпитет. Она воздает людям по их вине за гордыню и несправедливость. «Мы» у Марцеллина, как правило, значит «греки». Последующие рассуждения, как и все подобные места у Марцеллина, окрашены в неоплатонические тона.

[64] Противопоставление имп. *Домициана* (81—96) как воплощенной жестокости и несправедливости его брату имп. *Титу* (79—81) было широко распространено в античности.

[65] *Коцит* — река в подземном царстве, приток Стикса или Ахеронта (см.: *Гомер.* Одиссея, 10, 513—514).

[66] *Агафокл* — тиран Сиракуз в 317—289 гг. до н. э.; по его завещанию в Сиракузах было восстановлено демократическое правление.

[67] *Дионисий* Младший — сын Дионисия Старшего, тиран Сиракуз с 367 г. до н. э.

[68] *Андриск*, объявивший себя сыном последнего царя Македонии Персея, возглавил борьбу против римлян в 149—148 гг. до н. э. В 148 г. до н. э. потерпел поражение и был выдан римлянам.

[69] Гай Гостилий *Манцин*, консул 137 г. до н. э., потерпев поражение в войне с жителями иберийского города Нуманция, заключил с ними договор, не утвержденный сенатом. В 133 г. до н. э. Нуманцию взял и разрушил до основания Сципион Эмилиан Африканский Младший.

[70] Тит *Ветурий* Кальвин, консул 334 г. до н. э.. был окружен при Кавдии самнитами во время их войны с римлянами.

[71] Марк *Клавдий* заключил в 236 г. до н. э. постыдный мир с корсиканцами.

[72] См. примеч. 27.

[73] Гней *Помпей* Магн, потерпев поражение от Цезаря при Фарсале, пытался скрыться в Египте, где и был умерщвлен по приказу малолетнего направляемого евнухами царя Птолемея XII. По преданию, голова его была преподнесена в подарок Цезарю.

[74] *Эвн* из Апамеи в Сирии возглавил войну против римлян в 136—132 гг. до н. э.

[75] *Вирулат* — вождь лузитанов, племени, проживавшего на территории нынешней Португалии, возглавлял партизанскую войну против римлян в 147—139 гг. до н. э.

[76] *Спартак* — вождь восстания рабов в Италии в 73—72 гг. до н. э.

КНИГА XV

[1] *Норик* — область в восточных Альпах, присоединенная к империи при Августе в 15 г. до н. э.

[2] *Демокрит* из Абдер (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — древнегреческий философ, создатель атомизма, известный, в частности, своими путешествиями к магам, гимнософистам и др., на которые, очевидно, намекает Марцеллин, говоря о «мирах Демокрита». Во всяком случае, положение о бесконечном числе миров относится, скорее, к Эпикуру, а в сохранившихся фрагментах Демокрита об этом ничего не говорится. *Анаксарх*, последователь Демокрита, сопровождал *Александра* в его походе на Восток.

[3] Инструктор высшего ранга, обучавший солдат военному искусству.

[4] Около 88 км.

[5] Древняя римская дорога проходила вдоль южного берега совр. Боденского озера из Арбор Феликсовых (совр. Арбон) в Виндомиссу.

[6] *Алфей*, река в Элиде в Греции, согласно древним преданиям, проложил тайную дорогу под дном моря, чтобы соединиться со своей возлюбленной — нимфой источника *Аретуза* на острове Ортига, находящемся в бухте г. Сиракузы на Сицилии. См.: Вергилий. Энеида, 3, 694—696.

[7] *Сильван* — франк родом, сын Бонита, который проявил себя при Константине Великом в войне против Лициния, был воспитан в римских традициях и как христианин. При узурпаторе Магненции был трибуном, но перед битвой при Мурсе перешел к Констанцию, за что и был назначен магистром пехоты.

[8] *Евсевий* был комитом при императоре Константе (см. примеч. 12) в 342 г. Его прозвище имеет греческое происхождение и означает «обжора», «чревоугодник».

[9] *Маларих* был, как и Сильван, франк родом.

[10] Имеются в виду лица, состоящие в определенной имущественной зависимости от Сильвана. Разумеется, здесь не идет речь о древней римской клиентеле.

[11] Корректоры управляли в IV в. малыми провинциями. Эта должность с середины IV в. стала вытесняться должностью консуляра.

[12] Флавий Юлий *Констант* — младший сын Константина Великого от Фаусты, родился в 323 г. Цезарь с 333 г.. Август в 337—350 гг. Погиб во время бегства от Магненция в 350 г.

[13] Потребность в пурпурных тканях возникла, т. к. пурпурная одежда представляла собой императорскую прерогативу. Эпизод о снятии пурпура со знамен встречается в жизнеописании Гордианов (SHA, v. Gord., 8, 3).

[14] *Бастиарии* — гладиаторы, боровшиеся в римских цирках, как правило, с дикими зверями обнаженными или безоружными.

[15] Т. е. вторгнуться в Италию.

[16] Относительно лидийского царя *Креза* и визита к нему афинского мудреца *Солона* см.: *Геродот*. 1, 33.

[17] Имеется в виду *Дионисий* Старший, тиран Сиракуз в 405—367 гг. до н. э. *Филоксен* из Киферы (ок. 434 — ок. 380 до н. э.) — дифирамбический поэт; по преданию, за критику Дионисия сослан им в каменоломни.

[18] Имеется в виду римская провинция *Ахайя*, образованная в 146 г. до н. э. и включавшая в себя Македонию и Грецию, где в это время учился Юлиан.

[19] Две германские провинции образованы при имп. Домициане в 90 г.

[20] *Тимаген* из Александрии, живший в Риме во времена Августа, перу которого принадлежали не дошедшие до нас «История Александра Великого» и «История кельтов».

[21] По преданию, *Геркулес* (лат. форма греч. «Геракл») был сыном Зевса и Алкмены, жены Амфитриона, царя Фив.

[22] *Герион* — трехглавый великан с острова Эритейя на западном краю земного круга, владевший угнанным Гераклом стадом быков. Упоминание о *Тавриске* встречается только у Аммиана Марцеллина.

[23] *Гарпал* (Гарпаг) — наместник персидского царя *Кира* (ум. в 529 г. до н. э.), покорил ионийские города в малой Азии.

[24] Т. е. с севера.
[25] Пересказываются события 2-й Пунической войны.
[26] 58—51 гг. до н. э.
[27] В то время, как римская миля равнялась 1000 двойных шагов, т. е. 1480 м., галльская левга (лига) составляла 2250 м.
[28] Т. е. увечный, калека.
[29] *Цицерон.* В защиту Фонтейя, 4, 9.
[30] Знаменитый римский историк, современник Цезаря.
[31] Дуалистическое религиозное направление, основанное в III в. персидским пророком Мани, с которого, по преданию, живым содрали кожу. В III—IV вв. распространилось в Сирии, Северной Африке и Италии.

КНИГА XVI

[1] Имеются в виду римские императоры *Тит* (79—81), *Траян* (98—117), *Антонин* Пий (138—161), *Марк* Аврелий (161—180).
[2] *Эрехфей* (Эрехтей) — один из легендарных древних царей Афин, прославился как создатель многих искусств. По преданию, был воспитан Афиной (*Минервой*, см.: *Гомер.* Илиада, 2, 546—548). Его могилу можно было видеть в Эрехтейоне, древнем храме Афины на Акрополе.
[3] Луций Корнелий *Сулла* (138—78 до н. э.) — знаменитый римский полководец и диктатор, противник Мария в гражданской войне, принял постановления против чрезмерных расходов на званые обеды и похороны (*Плутарх.* Сулла, 35). Приведенное изречение едва ли принадлежит Демокриту.
[4] Здесь имеются в виду занятия герметическими науками, в особенности изучение трудов Гермеса Трисмегиста.
[5] *Кир* Старший — сын Камбиза I, основатель Персидской державы, по преданию, помнил имена всех своих солдат. Поэт *Симонид* известен как создатель мнемотехники. *Гипатий* — софист, современник Сократа. Определение «самый тонкий из софистов» прилагается Авлом Геллием к Протагору.
[6] Т. е. налоговых льгот, вероятно, связанных с отсрочкой платежа до конца индикта — 15-летнего периода налогообложения.
[7] Эта должность известна нам только со слов Марцеллина.
[8] Сиракузский тиран *Дионисий* Старший (род. в 432 до н. э., ум. в 367 до н. э., тиран с 405 до н. э.) был в античности действующим лицом во множестве анекдотов. Приводимый здесь встречается в такой же или в подобной форме у Плутарха (Дион, 9), Диодора (20, 63, 3) и Цицерона (Туск. беседы, 5, 58—59).
[9] В Древнем Риме ворота храма бога *Януса* закрывались только во время мира.
[10] *Ликторы* были судебной свитой в Риме, начиная с царских времен. Они назначались из числа вольноотпущенников. Со связками прутьев — фасциями, а сперва и с топорами, они выступали перед высшими должностными лицами.
[11] Римская история знает двух *Дециев*, отдавших свою жизнь за отечество: Публия Деция Муса времен Ранней Республики и имп. Гая Мессия Квинта Деция Траяна (249—251), погибшего в битве с готами и карпами

у Абритта в Мезии. Имп. Клавдий Готский (268—270) умер от чумы, а вовсе не погиб в сражении.

[12] Цезарь Галерий совершил этот поступок во время одного из походов против персов в Большой Армении (*Евтропий*. 9, 25, 1).

[13] Фессалийский ритор *Кинеас* был министром при дворе воевавшего в Италии эпирского царя *Пирра*. Он был послан в Рим для переговоров после победы царя при Аускуле в 279 г. до н. э. (знаменитая «Пиррова победа»). См.: *Плутарх*. Пирр, 19.

[14] *Пракситель* — один из величайших греческих скульпторов, происходивший из Афин и живший во второй трети IV в. до н. э.

[15] Т. е. до ораторской трибуны на римском Форуме, украшенной носами взятых в качестве трофеев вражеских кораблей.

[16] Древний римский храм на Капитолии, воздвигнутый, по преданию, при царе Тарквинии Гордом (VI в. до н. э.).

[17] Храм всех богов, построенный в 125 г. н. э. Марком Агриппой и перестроенный во времена Адриана.

[18] Построен при имп. Адриане.

[19] Храм Мира, построенный при имп. Веспасиане в 71—74 гг.

[20] Построен в 55 г. до н. э. Первый постоянно действующий театр в Риме.

[21] Построен при имп. Домициане.

[22] Построенный при имп. Домициане стадион вмещал до 15 000 зрителей.

[23] Крупнейшее сооружение времен империи; его строительство началось в 113 г. и было законченно уже при имп. Адриане.

[24] *Ормизда* — сын носившего то же имя персидского царя (302—309), бежал в 324 г. к Константину Великому.

[25] Первый и крупнейший цирк Рима, перестроенный во времена империи. Вмещал до 200 тыс. зрителей.

[26] Система рвов и земляных валов, обозначавшая границу между Галлией и Германией.

[27] Брат узурпатора Магненция, назначенный им на пост правителя Галлии.

[28] Имя принца, очевидно, происходит от имени бога Сераписа, почитавшегося в качестве объекта эллинизированного египетского культа Осириса-Аписа, введенного по приказу Птолемея I в начале III в. до н. э. в Египте.

[29] Т. е. выступление с речью перед строем всех войск.

[30] Имеется в виду битва при Орхомене в Беотии в 86 г. до н. э. с войсками понтийского царя Митридата VI Евпатора под командованием Архелая. См.: *Плутарх*. Сулла, 21.

[31] Войско провозгласило Юлиана «императором» в древнеримском смысле этого слова — как заслуженного полководца.

КНИГА XVII

[1] Имп. Марк Ульпий *Траян* (98—117).

[2] *Пунические* войны происходили в III—II вв. до н. э. между Римом и Карфагеном. В ходе 1-й Пунической войны (264—241 до н. э.) Карфаген потерял все свои владения на Сицилии и в Сардинии, во 2-й Пунической войне

(218—201 до н. э.), которую вел со стороны Карфагена знаменитый Ганнибал, римляне после ряда серьезных поражений одержали решающую победу при Заме в Африке в 202 г. до н. э. и вынудили Карфаген капитулировать, в результате чего он лишился всех колоний вне Африки. После 3-й Пунической войны (149—146 до н. э.) Карфаген был разрушен, а все его жители обращены в рабство. *Тевтонские* войны происходили в конце II в. до н. э. Римляне после ряда поражений разгромили вторгшиеся на их территорию германские племена кимвров и тевтонов под руководством Гая Мария, в ходе этих войн 6 раз подряд становившегося консулом.

[3] Имеется в виду столица Египта в эпоху Нового царства.

[4] *Камбиз*, сын Кира, присоединил Египет к Персидской державе в 525 г. до н. э.

[5] Геродот связывает смерть Камбиза с безумием (или эпилепсией), поразившим его после убийства священного для египтян быка Аписа.

[6] Гай *Корнелий Галл* был не прокуратором, а первым префектом Египта, объявленного достоянием Августа лично, т. е. ставшего не сенатской, а императорской провинцией.

[7] Знаменитый город в Нижнем Египте, где находились храмы, посвященные Солнцу.

[8] Один из пригородов Рима, происхождение названия которого неизвестно.

[9] Южные ворота Рима в стене, построенной вокруг города при имп. Аврелиане в 275 г.

[10] *Гермапион* известен только из упоминания его имени Аммианом.

[11] *Раместа* — фараон Рамзес II.

[12] Сапор II был внуком персидского царя Сапора I и сыном царя Нарсеса. Последний в 298 г. потерпел решающее поражение от Галерия и вынужден был уступить империи значительные части Армении и Месопотамии.

[13] Имеется в виду борьба с Магненцием.

[14] *Аристотель*. Метеорологика, 2, 8.

[15] *Анаксагор* — ионийский философ, род. ок. 500 г. до н. э.

[16] Философ из Милета.

[17] Эти эпонимы принадлежат отнюдь не римскому Нептуну, а греческому Посейдону.

[18] Имеются в виду четыре стихии, или, согласно Эмпедоклу, «корни всего» (огонь, воздух, вода, земля), из которых, по античным представлениям, состоят и возникают все тела.

[19] Ношение бороды было почти исключительно греческим обычаем; римляне обычно были гладко выбриты.

[20] *Кимон* — афинский адмирал, сын Мильтиада, главнокомандующего в битве при Марафоне в 490 г. до н. э., когда были разгромлены войска персидского царя Дария I, одержал победу одновременно в морской и сухопутной битве над персидскими войсками при Евримедонте в Памфилии в 468 г. до н. э.

[21] Публий Корнелий *Сципион Эмилиан* Африканский Младший — сын победителя в битве при Пидне в 168 г. до н. э., родился в 184 г. до н. э. и был усыновлен своим дедом по матери Сципионом Африканским Старшим, победителем Ганнибала. В 146 г. до н. э. в ходе 3-й Пунической войны он взял штурмом Карфаген, а в 133 г. до н. э. — Нуманцию.

[22] Дунай.

[23] *Зизаис* впоследствии стал царем сарматов (см.: 17, 12, 20).

[24] Столица древнего Парфянского царства, в которой в описываемое время находилась резиденция персидского царя.

[25] *Прокопий* — двоюродный брат Юлиана, был провозглашен в 365 г. Августом в Константинополе (см.: 26, 6, 12 и далее).

КНИГА XVIII

[1] 359 г.

[2] Т. е. до полуночи.

[3] Т. е. римской колонии Августа Равракорум.

[4] *Кимвал* — ударный музыкальный инструмент, состоявший из двух металлических тарелок. Использовался в культовых действах.

[5] Чин магистра пехоты в IV в. был высшим в иерархии армейских должностей.

[6] *Каллисфен* из Олинфа был племянником Аристотеля. Он сопровождал Александра Македонского в его походе на Восток.

[7] Горгоны — дочери Форикса и Кето, Сфено, Евриала и Медуза, обитали, по преданию, на острове на крайнем западе ойкумены. Каждый, кто только бросал взгляд на их лица, превращался в камень. Медуза Горгона была убита Персеем, который отрубил ей голову, глядя на ее отражение в медном щите.

[8] При Диоклетиане *Коммагена* была превращена в римскую провинцию Евфратерию. В *Самосате* в описываемое время находился Урзицин со своей свитой.

[9] *Оба языка* — греческий и латынь.

[10] На границе с Персией.

[11] *Зопир*, сын Мегабиза, помог Дарию I захватить Вавилон, изобразив себя перебежчиком (*Геродот*. 3, 153—158).

[12] Полководец Ганнибала, командовавший карфагенской конницей в битве при Каннах.

[13] См.: *Гомер*. Одиссея, 13, 1—2.

[14] *Фециалы* — жреческая коллегия из 20 жрецов, существовавшая в Риме с царских времен. В ее обязанности входило помимо всего прочего урегулирование тяжб.

[15] Урзицину.

[16] *Декреты* — постановления городского совета (курии); *аккламации* — возгласы одобрения или неодобрения на заседании курии, которые было принято заносить в протокол.

[17] Имелся в виду захват Сирии, которая неоднократно оккупировалась персами во времена ослабления империи в правление имп. Галлиена (эпоха «30 тиранов»). Тогда, например, Антиохия была дважды взята штурмом: в 256 и 260 г.

[18] Письмо наполнено намеками на Греко-персидские войны V в. до н. э. «Преемник Адриана» — Антонин, перешедший к персам, тезка имп. Антонина Пия, сменившего имп. Адриана.

[19] В *Дориске* во Фракии во время похода на Грецию персидским царем Ксерксом был произведен подсчет своих войск, численность которых была определена в 1 700 000 человек.

[20] В 53 г. до н. э. в битве при *Каррах* парфяне разгромили римское войско под командованием Марка Красса, победителя Спартака и одного из триумвиров (наряду с Цезарем и Помпеем).

[21] Очевидно, выполняя предписания, связанные с отправлением какого-то древнего сирийского культа.

[22] Констанция, город, ранее называвшийся Антониополем, был заложен Каракаллой (именовавшимся Север Антонин) между Эдессой и Дарой; позднее был переименован в Максимианополь в честь Галерия, а затем был разрушен персами и восстановлен в бытность Констанция Цезарем на Востоке, т. е. между 324 и 337 гг.

[23] Т. н. virgines Christi имелись уже в первые века христианства.

КНИГА XIX

[1] См.: *Гомер.* Илиада, 17.

[2] *Адонис* — восточный бог плодородия, культ которого распространился в Ионии в VI в. до н. э. и был связан с культом Афродиты (рим. Венеры). Адонис считался возлюбленным последней, погибшим на охоте. Праздник Адониса справлялся в Афинах в середине лета, а в Антиохии — осенью.

[3] *Маны* — в римской мифологии считались богами загробного мира, а позднее — обожествленными душами предков, покровительствующими потомкам.

[4] *Фециалы* (см. примеч. 14 к кн. 18) при объявлении войны бросали обагренное кровью копье через колонну, стоявшую перед воротами храма Беллоны в Риме.

[5] См. 18,5,7.

[6] Например, таково мнение основателя научной медицины Гиппократа.

[7] См.: *Гомер.* Илиада, 1.

[8] *Фукидид.* 2, 47—53.

[9] *Гомер.* Илиада, 1, 50: смерть сперва поражает мулов и собак.

[10] Ок. 1800 м.

[11] Имеются в виду наполненные нефтью и подожженные горшки.

[12] По дороге из Амиды в Антиохию.

[13] Аммиан производит греческое слово spartoi от глагола speirein (сеять), используя излюбленный в античности прием этимологизации.

[14] Конец сентября.

[15] Т. е. подданные империи.

[16] Диоскуры — *Кастор* и Поллукс (Полидевк), один из которых (Кастор) издавна признавался покровителем Рима, считались защитниками моряков и спасителями при кораблекрушениях, поэтому в портовых городах, и, в частности, в Остии, возводились храмы в их честь.

[17] Введенный во II в. налог на общественные работы, в частности на содержание почтового ведомства и ремонт дорог.

[18] *Валерия* — дочь имп. Диоклетиана, родилась незадолго до его восшествия на престол (284), позднее стала женой Галерия и Августой. После смерти мужа была казнена вместе со своей матерью по приказу Лициния.

[19] См. описание событий, предшествовавших трагически окончившейся битве при Адрианополе (кн. 31).

[20] Слово «*марра*» на их языке означало «смерть».
[21] См. выше, 14, 5, 8 и 15, 3, 4.
[22] В Египте.
[23] Флавий Домиций *Модест* — друт Либания, христианин, на время правления Юлиана перешедший в язычество.
[24] Город носил это название с III в. до н. э. Ранее это был известный из Ветхого завета и египетской литературы Бет Шеан.
[25] По-видимому, идентичен кинику Хитру, упоминаемому Юлианом (Речи, 7, 224d).
[26] *Кларос* — оракул Аполлона на побережье Эфесского залива на Колофоне. *Додонские дубы* — имеется в виду Додонский оракул при храме Зевса в Эпире; будущее определяли женщины-жрецы по шелесту листьев священных дубов. *Дельфы* — самый знаменитый оракул в Греции в святилище Аполлона в Фокиде.
[27] Введены Суллой в 81 г. до н. э.
[28] См.: *Цицерон*. Письмо к Аттику, 1, 13, 5.

КНИГА XX

[1] 360 г.
[2] Флавий Юлий *Констант* был младшим сыном Константина Великого, Августом на Западе до 350 г. Его поход в Британию состоялся в 343 г.
[3] *Котурн* — высокий закрытый сапог из мягкой кожи. Котурны использовались актерами при исполнении трагических ролей, т. к. такие сапоги увеличивали их рост и придавали величественность фигуре.
[4] См.: *Плиний Старший*. Естественная история, 2, 48.
[5] Клавдий *Птолемей* (после 183—после 161) — великий античный астроном, астролог, математик и географ, живший и работавший в Александрии. Создатель геоцентрической модели мироздания.
[6] Дословный перевод: «возводящие и низводящие эклиптические узлы».
[7] Имеется в виду проименованное созвездие в Зодиаке.
[8] Научное обоснование этого факта восходит к Анаксагору. Платон (Кратил, 409 a, b) считает его известным с относительно недавних пор.
[9] «Отражение».
[10] Ср.: *Тацит*. История, 4, 15.
[11] Плац в середине римского военного лагеря.
[12] Т. е. когда не проводятся регулярные военные действия.
[13] *Гений* (греч. демон), хранитель Римского государства — издревле известный образ. Гений являлся Констанцию и Юлиану незадолго до их смерти (см.: 21, 14, 2 и 25, 2, 3).
[14] Известно, что *Первый Парфянский* легион располагался в Сингаре еще при имп. Септимии Севере, т. е. до 211 г.
[15] Персы трижды безуспешно осаждали Нисибис в 337, 350 и 359 гг.
[16] Вероятно, тождественна Бирте, или Македонополису, как этот город называет Птолемей.
[17] См.: 16, 7, 4—10.
[18] Ср.: *Страбон* 12, 537—539.
[19] См.: 22, 3, 7— 8.

[20] *Антиохия* была взята персами дважды: в 256 и 260 гг., однако, какой именно штурм имеет в виду Марцеллин, неясно.

[21] В гомеровской поэзии — крылатая вестница богов, прислуживающая Гере и сходящая по радуге.

КНИГА XXI

[1] С момента провозглашения Цезарем.

[2] *Елена* — сестра Констанция, была выдана замуж за Юлиана в 355 г., когда он был провозглашен Цезарем (см.: 15, 8, 18; 16, 10, 18). Позднее Юлиана обвиняли в отравлении жены. См.: *Либаний.* Речи, 37, 3—11.

[3] *Фемида* — титанида, греческая богиня права и законного правопорядка. Первая жена Зевса.

[4] *Авгурии* — гадание различными способами; в позднейшее время авгурии представляли собой формальную процедуру, осуществляемую коллегией жрецов-авгуров перед началом всякого дела, имевшего государственную важность, с целью заранее узнать мнение богов о его исходе. *Ауспиции* — гадание по полету птиц.

[5] *Сивиллы* — ясновидящие, прорицающие в состоянии экстаза. Всего в античности известно около 10 сивилл, появлявшихся в разное время в разных местах. Особой известностью пользовался сборник на греческом языке, озаглавленный «Сивиллины оракулы».

[6] Ссылка на *Аристотеля* неясна.

[7] Гаруспики гадали по внутренностям жертвенных животных.

[8] Имеется в виду Рождество (6—7 января), отмечавшееся тогда по юлианскому календарю.

[9] *Беллона* — древнеримская богиня войны.

[10] *Фаустина* была третьей и последней женой Констанция. Уже после его смерти она родила дочь Констанцию (21, 15, 6), впоследствии ставшую женой имп. Грациана.

[11] Знаки отличия.

[12] Особое значение *Африки* состояло прежде всего в том, что именно из этой провинции осуществлялись государственные поставки в Рим хлеба и масла.

[13] Ситифенская и Цезарейская *Мавритании* — две римские провинции, завоеванные в ходе Пунических и Югуртинских войн; свое название они носили по главным городам.

[14] См.: 15, 1, 2.

[15] Секст Аврелий *Виктор* — римский историк, автор «Книги о Цезарях», где излагалась краткая история императоров от Августа до Констанция.

[16] Шар как символ императорской власти; представлен на позднеантичных статуях и монетах.

[17] Ангел-хранитель, трактуемый Марцеллином в языческом духе.

[18] *Менандр* — аттический комедиограф конца IV — начала III в. до н. э. *Сенарий* — шестистопный стих, вариант греческого ямбического триметра.

[19] *Гермес Трисмегист* (Трижды Величайший) — полумифическая личность, гипотетический автор многочисленных, т. н. герметических сочинений, весьма популярных в эпоху поздней античности, легендарный создатель

и покровитель астрологии и алхимии; часто отождествлялся с египетским богом мудрости Тотом. *Аполлоний Тианский* — полулегендарный философ-неопифагореец, маг и волшебник I в.; ему посвящена написанная в начале III в. книга Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского». *Плотин* (204—269) — великий греческий философ, создатель неоплатонизма. Аммиан чувствует к нему глубокое расположение.

[20] Два типа наказов наследникам, впоследствии объединенных Юстинианом в простое завещание.

[21] *Clarissimus* («светлейший») — титул, присваивавшийся только сенаторам и членам их семей. *Perfectissimus* — «благородный господин».

[22] *Калигула* был имп. в 37—41 гг., *Домициан*, сын Веспасиана, — в 81—96 гг., *Коммод*, сын Марка Аврелия, — в 181—192 гг. Их имена стали в римской литературе как бы синонимами бессмысленной жестокости и самодурства.

[23] Имеется в виду т. н. «эпоха 30 тиранов», когда в правление Галлиена в 253—268 гг. империя практически распалась на множество самостоятельных государств. См.: SHA, биографии Галлиена и 30 тиранов.

[24] Имеется в виду узурпация императорской власти Авидием *Кассием* в 160-е гг.

[25] Корнелий *Непот* — историк I в. до н. э., автор жизнеописаний знаменитых полководцев, друг Цицерона. Цитируемое письмо нам неизвестно.

[26] Марк Фурий *Камилл* — римский полководец IV в. до н. э. См. его жизнеописание у Плутарха.

[27] Марк *Манлий* Капитолин — защитник Капитолия во времена захвата Рима галлами (ок. 390 г. до н. э.). В 384 г. до н. э. был обвинен в стремлении к царской власти и казнен.

[28] *Гераклит Эфесский* «Темный» — великий греческий философ VI в. до н. э., которому принадлежит изречение «все течет».

[29] Констанций был арианином, и во время его правления разворачивалась серьезнейшая борьба между православием, исповедовавшим Символ веры, принятый на Никейском соборе в 325 г., и арианством.

КНИГА XXII

[1] Город *Филиппополь* был основан в 342 г. до н. э. македонским царем Филиппом II во Фракии с целью контроля над только что завоеванной территорией. Аммиан называет его *Евмольпиадой* в память о легендарном фракийском царе *Евмольпе*, по преданию, положившем начало элевсинским мистериям; от него происходил знатный афинский род Евмольпиадов.

[2] Греческий бог (или герой) *Триптолем* считался покровителем земледелия и изображался со связкой колосьев на запряженной змеями колеснице.

[3] Луций *Квинкций Цинцинат* — консул 460 г. до н. э., диктатор 458 г. до н. э. по случаю войны с эквами, по преданию, жил в деревне в глубокой бедности.

[4] Философ-неоплатоник, учитель Юлиана.

[5] Из Галатии в Малой Азии.

[6] *Понт* Евксинский, ныне Черное море.

[7] *Навплий* — сын Посейдона и Амимоны, царь Евбеи, по преданию, из мести за своего сына *Паламеда*, побитого камнями за разоблачение Одиссея, зажег на берегу ложный маяк, что привело к гибели возвращавшегося из-под Трои ахейского флота.

[8] Лето (Латона) родила здесь Аполлона и Артемиду.

[9] Культ *Аполлона Сминфийского* (от греч. sminthos — «полевая мышь»), истребителя названных грызунов, был распространен в Троаде.

[10] Знаменитый софист V в. до н. э.

[11] *Гекуба* — жена Приама, троянского царя, мать Гектора, Париса, Кассандры и др. троянских героев.

[12] Париос, сын Ясиона, согласно культу Деметры, был вместе с Триптолемом ее любовником, за что его и поразил Зевс. В тексте ошибочно назван Парисом.

[13] Имеется в виду Херсонес Фракийский.

[14] *Константинополь* был основан в 330 г. по повелению Константина Великого на месте древней греческой колонии Византия.

[15] Греческий географ и математик III в. до н. э. из Александрии.

[16] Греческий логограф VI в. до н. э. из Милета.

[17] *Кодр* — легендарный последний царь Афин. Получив предсказание, что город не погибнет, если погибнет его царь, он переоделся нищим, затеял драку с наступавшими на Афины дорийцами и был в ней убит.

[18] *Финей* — слепой фракийский царь, наказанный некогда богами тем, что гарпии отбирали и оскверняли его пищу.

[19] См.: *Аполлоний Родосский*, 2, 317—605.

[20] Бог Дионис.

[21] Римские богини мщения, соответствовавшие греческим Эриниям.

[22] См.: *Аполлоний Родосский*, 4, 321 и далее.

[23] В 195 г. до н. э. *Ганнибал* был вынужден покинуть Карфаген и переселиться сначала в Сирию к Антиоху III Великому, а затем в Вифинию, где в 183 г. до н. э. он и покончил с собой.

[24] Галатия.

[25] Согласно преданию, сивилла (см. примеч. 5 к кн. 21) из г. Кумы привела Энея в подземное царство, а позднее передала царю Тарквинию Древнему три книги своих пророчеств. Публий Корнелий Сципион Назика (ум. в 132 г. до н. э.) был римским наместником в Пергаме; в 133 г. до н. э. он возглавлял римских сенаторов, убивших Тиберия Гракха.

[26] *Теопомп* (Феопомп) с Хиоса (IV в. до н. э.) — ритор и историк, ученик Исократа. *Мидас* — мифический царь Фригии, известный своим богатством.

[27] В IV в. включение в состав курии (городского совета) влекло за собой колоссальные издержки, из-за чего его избегали всеми способами, вплоть до бегства.

[28] *Кассий*. — Здесь имеется в виду Кассий Лонгин, префект Рима в 27 г. до н. э., проконсул Азии в 40 г. до н. э., прославившийся своей суровостью и неподкупной справедливостью. *Ликург* — полулегендарный спартанский законодатель (VIII в. до н. э.).

[29] *Арат* из Сол в Киликии (ок. 315—245 до н. э.) — ученик стоика Зенона, писатель, которому принадлежала дидактическая поэма «Явления», написанная по приказу македонского царя Антигона Гоната. Эта поэма пользовалась большой популярностью в Риме.

[30] Храм покровителя города (ср.: 23, 1, 6).

[31] Борьба пигмеев с *Гераклом* была популярным сюжетом в античности (см.: *Филострат.* Картины, 2, 22). *Тиодаманта* в его стычке с Гераклом называют лидийцем только Марцеллин и Филострат (там же, 2, 24).

[32] *Кастальский источник* — родник на горе Парнас около Дельф; по его воде совершались предсказания будущего.

[33] Перед введением Делийских игр в 425 г. до н. э.

[34] *Антиох Эпифан* правил в Сирии в 175—164 гг. до н. э., но на самом деле храм был возведен еще при Селевке Никаторе в 281 г. до н. э. Статуя Зевса Олимпийского — прекраснейшее творение Фидия.

[35] *Асклепиад* был философом-киником и известен также благодаря Юлиану (Речи, 7, 224) и Симмаху (Письма, 5, 31). «Небесная богиня» — вероятно, финикийская Астарта, которая именовалась греками «Афродита Урания». См. диалог «Пир» Платона.

[36] Греческий бог Асклепий.

[37] Эта часть сочинения не дошла до нас.

[38] В «Одиссее»: 4, 477, 581; 14, 257, 258; 17, 427. См.: *Геродот.* 2, 19—20.

[39] *Юба* — сын одноименного нумидийского царя, союзника римлян, живший в I в. до н. э. в Риме и составивший на греческом языке описание Африки (Ливии).

[40] Т. е. урожай сам-семьдесят.

[41] Возлюбленный имп. Адриана, умерший совсем молодым.

[42] См.: *Геродот.* 4, 159.

[43] Маяк на Фаросе был воздвигнут при царе Птолемее II ок. 280 г. до н. э.; признавался одним из чудес света.

[44] Храм Сераписа Осириса в Александрии, существовавший на этом месте еще до прихода в Египет Александра Македонского. Разрушен христианами в 391 г.

[45] В 30 г. до н. э.

КНИГА XXIII

[1] Тит Аврелий *Аристобул* — префект претория при имп. Карине, был выдвинут на 285 г. в консулы. Пришедший к власти *Диоклетиан* сохранил это назначение и стал сам консулом вместе с Аристобулом.

[2] Иерусалим был осажден в 68 г. армией под командованием Веспасиана. После того как последний в 69 г. стал императором, войну продолжил его старший сын Тит, который в 70 г. взял город штурмом и разрушил храм.

[3] *Храм Гения* города в Антиохии.

[4] В 53 г. до н. э.

[5] См. кн. 26.

[6] Во время Греко-персидских войн, описываемых Геродотом, в 480 г. до н. э.

[7] *Мариад* — куриал из Антиохии, был за растрату исключен из курии и перебежал к персам.

[8] *Гордиан* III после смерти был официально обожествлен в соответствии со сложившейся еще в первые века империи традицией.

[9] См.: *Геродот.* 1, 53; 7, 140—143.

[10] Походы *Лукулла* против понтийского царя Митридата VI Евпатора состоялись в 74—71 гг. до н. э. Позднее *Помпей* также провел здесь несколько военных кампаний.

[11] Имеется в виду Марк *Антоний*, под юрисдикцию которого в соответствии с соглашением, приведшим к образованию 2-го триумвирата (Октавиан, Антоний, Лепид), попал Восток. Здесь он провел ряд военных походов против парфян и в итоге в 35 г. до н. э. потерпел решительное поражение и с трудом спас армию.

[12] См. примеч. 8.

[13] Имп. Филипп Араб пал в 249 г. в битве с Децием под Вероной.

[14] В 133 г. до н. э.

[15] В 396 г. до н. э.

[16] *Аршак* (Арсак) — основатель парфянской династии Аршакидов, владевшей Персией с 228 г. до н. э. по 226 г. н. э. и в итоге свергнутой и замененной исконной персидской династией Сасанидов, происходил из кочевого племени парнов, вторгшихся в древнюю Парфию.

[17] Аммиан здесь путает Селевка I Никатора с его сыном Селевком II Калинником, воевавшим с Аршаком.

[18] Явный анахронизм: династия Аршакидов была свергнута с персидского престола еще в 226 г.

[19] *Кир* Великий — персидский царь в 559—529 гг. до н. э., основатель мировой персидской державы. См.: *Геродот.* 1, 204—215.

[20] См. примеч. 19 к кн. 21.

[21] См. примеч. 30 к кн. 14.

[22] *Пакор* — парфянский царь I в. до н. э.

[23] Соправитель Марка Аврелия, воевавший с парфянами в 161—165 гг.

[24] Имеются в виду жрецы племени халдеев, основавших Нововавилонское царство в VII в. до н. э.

[25] *Зороастр* (Заратустра) — вероятно, легендарный персидский пророк середины 2 тысячелетия до н. э., создатель зороастризма как самостоятельной религии.

[26] О *Гистаспе* ничего подобного не известно.

[27] См.: *Геродот.* 7.

[28] Нефть.

[29] *Митридат* VI Евпатор. Осада Кизика происходила в 74 г. до н. э.

[30] *Фукидид* (460—396 до н. э.) — великий греческий историк, афинский гражданин, один из создателей истории как науки, автор книги, посвященной Пелопоннесской войне (431—404 до н. э.).

КНИГА XXIV

[1] *Пирр* (319—272 до н. э.) — царь Эпира с 306 г. до н. э., считался в античности лучшим полководцем всех времен.

[2] В 296 г.

[3] Визирь.

[4] *Полибий* (ок. 200—120 до н. э.) — древнегреческий историк из Мегалополиса в Аркадии. С 16-летнего возраста находился в качестве заложника в Риме, где и подружился со *Сципионом Эмилианом*, сопровождал того в походах и, в частности, присутствовал при взятии Карфагена в 146 г. до н. э.

[5] Например, Гай Фабриций Лусцин, консул 282 и 278 г. до н. э., принадлежавший к бедному плебейскому роду. См.: 24, 4, 24; 30, 1, 22.

[6] Имеется в виду финиковая пальма.

[7] Вероятно, город Битра.

[8] Тит Манлий Империоз *Торкват* получил свое прозвище в 367 или в 361 г. до н. э. за то, что убил в бою галла и снял с него ожерелье (лат. torques). См.: *Ливий*. 6, 42, 5; 7, 9, 6—10, 14. Марк *Валерий Корвин* воевал в 349 г. до н. э. против галлов (там же, 7, 26, 1—6).

[9] См. примеч. 5.

[10] Имеется в виду Александр Македонский.

[11] Селевкия на Тигре.

[12] *Кар* был императором в 282—283 гг. Согласно Евтропию, он взял город штурмом, но не разрушил его.

[13] Имп. *Траян* и Септимий *Север* в ходе войн с парфянами.

[14] *Серторий* (123—72 до н. э.) — римский полководец, сторонник Мария и Цинны. После гибели последних бежал в Испанию, где в течение длительного времени вел борьбу против римлян. Приведенный анекдот Плутарх (Серторий, 3, 1) относит ко временам его молодости, когда он под руководством Мария участвовал в войнах с кимврами и тевтонами.

[15] *Гектор* и Ахиллес (*Ахилл*) — величайшие противники в Троянской войне. *Софан* проявил себя в 479 г. до н. э. в битве греков с персами при Платеях, *Аминий*, брат трагика Эсхила, — при Саламине в 480 г. до н. э. *Каллимах* и *Кинегир* погибли в сражении при Марафоне в 490 г. до н. э. при попытке захватить персидские корабли.

[16] Явная параллель с рассказом Ксенофонта в «Анабасисе» о том, как Кир приказал показать греческим наемникам пленных персидских вельмож раздетыми, чтобы они увидели, как те слабы и беспомощны, и тем самым поднять их боевой дух.

КНИГА XXV

[1] Имеется в виду осада *Нисибиса* Сапором в 350 г.

[2] Легион, набранный из варваров на Кавказе.

[3] Дословно — «пролетающий».

[4] *Эпаминонд* — фиванский полководец и государственный деятель. В 371 г. до н. э. в битве при Левктрах разгромил спартанскую армию, возглавляемую царем Агесилаем, а в 362 г. до н. э. — антифиванскую коалицию при *Мантинее*. В последней битве погиб и сам. Изобрел ряд усовершенствований в военной тактике (например, «косой строй»).

[5] См. описание у Зонары.

[6] Марк Клавдий *Марцелл* был солдатом уже в 1-ю Пуническую войну и главнокомандующим в войне с Ганнибалом. Особенно прославило его взятие Сиракуз (212 г. до н. э.). *Сициний Дентат*, обычно называемый вместе с Сергием (например, *Плинием Старшим*, 7, 101—106), был прославлен Авлом Геллием как римский Ахиллес (2, 11, 1). Его подвиги относятся к V в. до н. э. Луций *Сергий* был одним из послов, которых в 202 г. до н. э. послал в Карфаген Сципион для переговоров о капитуляции. Его потомок Луций Сергий *Катилина* в 63 г. до н. э. возглавил известный заговор, подавленный благодаря энергичным действиям Цицерона, в тот год бывшего консулом.

[7] Относительно *Максима* см.: 22, 7, 3. *Приск* — философ-неоплатоник, знаток тайных учений, у которого Юлиан обучался в Афинах. Умер в 90-е годы IV в.

[8] Мать Юлиана была дочерью консула и родственницей епископа Никомедии Евсевия. Умерла вскоре после рождения сына.

[9] См., например: *Платон.* Законы, 964b.

[10] *Он же.* Государство, 329 b, c.

[11] *Вакхилид* (505—450 до н. э.) — греческий лирический поэт, соперник Пиндара.

[12] Эти слова в древности приписывали не только Александру Македонскому, но и царю Египта Птолемею V Эпифану.

[13] Походы *Траяна* против парфян состоялись в 113—117 гг. Походы Септимия *Севера* происходили в 195 и 197—199 гг.

[14] 1 *модий* = 8,74 л.

[15] Эпизод из времени войны 338—350 гг.

[16] *Сципион* Африканский Старший, впоследствии победитель Ганнибала, в 211— 206 гг. до н. э. провел серию войн в Испании, и в результате вернул провинцию под власть Рима. Квинт *Фульвий* Флакк, консул 212 г. до н. э., в 211 г. до н. э. отвоевал Капую, ранее перешедшую на сторону Ганнибала. Луций *Опимий* в 125 г. до н. э., воспользовавшись предательством, захватил отпавший от Рима город Фрагеллы в Лации.

[17] См.: *Ливий.* 9, 2—12.

[18] Спурий Постумий *Альбин* воевал в 110 г. до н. э. с Югуртой в *Нумидии.*

[19] Сципион Эмилиан был найден утром в собственной спальне мертвым, без следов повреждения на теле и признаков какой-либо болезни. Это произошло в 129 г. до н. э.

КНИГА XXVI

[1] Учение об *атомах* было создано в VI—V вв. до н. э. Левкиппом и Демокритом. В дальнейшем оно было поддержано и развито эпикурейцами, однако так и осталось чуждым основной проблематике древнегреческой философии.

[2] См. примеч. 25 к кн. 21.

[3] *Метон* из Афин вместе со своим учеником *Евктемоном* разработал около 432 г. до н. э. систему согласования солнечного и лунного календарей, которая легла в основу всего древнегреческого календаря. *Гиппарх* из Никеи (190—125 до н. э.) — знаменитый греческий астроном. *Архимед* (287—212 до н. э.) — великий математик, астроном и инженер античности родом из Сиракуз. Погиб при штурме города римской армией под командованием Марцелла (см. примеч. 6 к кн. 25).

[4] Гай *Дуиллий* (Дуилий) — консул 260 г. до н. э., в ходе 1-й Пунической войны командовал флотом и нанес карфагенянам сокрушительное поражение в морской битве подле Липарских островов.

[5] Мать Прокопия была сестрой Базилины, матери Юлиана.

[6] В IV в. в связи с исчезновением древнеримских патрицианских родов звание патриция стало почетным титулом, который присваивался лично императором за особые заслуги.

[7] После убийства имп. Коммода 31 декабря 192 г. его любовником атлетом Нарциссом императором 1 января 193 г. был провозглашен сын вольноотпущенника, консул 192 г., *Пертинакс.* В марте 193 г. он был в свою очередь убит преторианцами, выставившими титул императора на публичные торги, победителем на которых оказался богач *Дидий Юлиан.* В июне 193 г., когда к Риму подошли легионы во главе с Септимием Севером, объявившим себя мстителем за Пертинакса, Юлиан был свергнут с престола и убит.

[8] *Гелиогабал* (Элагабал) был провозглашен императором в 218 г. благодаря проискам своей бабки Юлии Мезы, сестры Юлии Домны, вдовы имп. Септимия Севера. Он сменил *Макрина,* убийцу сына Септимия Севера Каракаллы (Севера Антонина).

[9] Имп. *Александр Север* (222—235) был двоюродным братом имп. Гелиогабала; усыновлен им в 221 г. Императором стал благодаря своей бабке Юлии Мезе и матери Юлии *Маммее.* Вместе с последней был убит во время солдатского мятежа подле нынешнего Майнца. Императором после него стал генерал еще Септимия Севера *Максимин* (235—238).

[10] См.: SHA, жизнеописание Гордианов.

[11] Последняя жена Констанция. Ее дочь от него родилась уже после смерти императора.

[12] Галатия в Малой Азии.

[13] *Песценний Нигер* — легат Сирии, был провозглашен императором легионами в 193 г.; в 194 г. потерпел поражение от Септимия *Севера* и погиб.

[14] *Дарий III* — последний царь (336—330 до н. э.) из династии Ахеменидов; потерпев поражение от *Александра* Македонского в битвах при Иссе и Гавгамелах, бежал и был убит.

[15] 365 г.

[16] Вероятно, имеется в виду Эроп, правнук македонского царя Пердикки II (2-я половина V в. до н. э.), предок Александра Македонского.

[17] См.: *Плутарх.* Серторий, 26.

[18] См.: *Cic.* De Fin., 5, 30, 92; Tisc. disp., 3, 15, 31. *Луцилий* — римский сатирический поэт (180—102 до н. э.). *Красс* — Луций Лициний Красс (140—91 до н. э.), выдающийся оратор, учитель Цицерона.

[19] *Фаларид* — тиран Акраганта (VI в. до н. э.), прославившийся своей жестокостью. Выражение «бык Фаларида», связанное с бронзовым быком, в котором он, по преданию, сжигал заживо своих врагов, стало нарицательным.

[20] Т. е. беспристрастных и справедливых.

КНИГА XXVII

[1] Отец знаменитого Симмаха, префекта Рима 384—385 гг., консула 391 г., одного из «последних римлян», язычника, боровшегося за восстановление статуи и алтаря Победы в римском сенате.

[2] *Плебей* в смысле человека низкого происхождения. Собственно, разделения общества на патрициев и плебеев в IV в. уже не существовало.

[3] Сооружены на Квиринале в 315 г. по приказу имп. Константина.

[4] Этот мост был построен к 220 г. до н э.; перестроен в цензорство Марка Эмилия Севера в 109 г. до н. э.

[5] Описываются события, происходившие при покорении Фракии в 118—70 гг. до н. э.

[6] *Марк* Аврелий и Луций *Вер* унаследовали императорскую власть на равных основаниях согласно завещанию имп. Адриана после смерти имп. Антонина Пия в 161 г.

[7] Отец будущего имп. Феодосия Великого (379—395).

[8] *Улисс* — латинский вариант имени Одиссея.

[9] Выполняли функции городской полиции.

[10] Петроний *Проб* — по легенде потомок имп. Проба (276—282).

КНИГА XXVIII

[1] Описываются события Ионийского восстания против персидского господства в начале V в. до н. э. *Милет* был взят и разрушен персами в 494 г. до н. э.

[2] Трагик *Фриних* в 494 г. до н. э. поставил в Афинах трагедию «Взятие Милета».

[3] *Нелий* — сын последнего легендарного афинского царя *Кодра* (см. примеч. 17 к кн. 22), основал по преданию Милет и другие ионийские города в Малой Азии. Воевал с дорийцами.

[4] Войну с племенем карпов победоносно завершил не Диоклетиан, а имп. Аврелиан в 273 г. Диоклетиан вел войны на Дунае в 285—287 гг.

[5] *Бузирид* — в греческой мифологии сын Посейдона, египетский царь, убивавший всех чужеземцев. *Антей* — сын Посейдона и Геи (Земли), вызывавший всех чужеземцев на поединок и убивавший их; обретал силу в прикосновении к земле. Убит Гераклом, оторвавшим его от земли. *Фаларид* — см. примеч. 19 к кн. 26.

[6] В древности в Риме вообще было запрещено пытать рабов с целью получения показаний против их господ.

[7] Марк *Фурий Камилл* возглавил борьбу с галлами после разрушения ими Рима в 387 г. до н. э. и занимался восстановлением города, за что был удостоен титула «второго основателя Рима». Луций *Папирий Курсор* — пять раз подряд консул, дважды диктатор, возглавлял борьбу Рима с самнитами в конце IV — начале III в. до н. э. Нанес врагам решающее поражение в 293 г. до н. э.

[8] *Эпименид Критский* — «жрец искупления», жил в Афинах ок. 500 г. до н. э.; был орфиком, душа его могла временно покидать тело и отправляться в странствия.

[9] *Семирамида* — см. примеч. 30 к кн. 1. *Клеопатра* — последняя царица Египта из династии Птолемеев; была возлюбленной Цезаря и Марка Антония. Вместе с последним покончила с собой после поражения от Октавиана в морской битве при Акции (30 г. до н. э.). *Артемизия* — царица Карии, участвовала в 480 г. до н. э. в походе Ксеркса против Греции. *Зенобия* — жена Одената, царица Пальмиры III в. Побеждена Аврелианом в 274 г. и прошла в его триумфе в Риме.

[10] *Паразит* (греч. «сотрапезник») — в античности характерный персонаж комедии — остряк, интриган, посредник.

[11] Лирический поэт *Стесихор* жил в 640—555 гг. до н. э. Данный анекдот рассказывает Цицерон (Cato maj., 8, 26).

[12] Ироническая интерпретация древних патрицианских имен.

[13] *Янус* — бог дверей и ворот, входов и выходов. При обращении к богам имя Януса называлось первым. *Эпона* — богиня кельтского происхождения.

КНИГА XXIX

[1] *Феогнид* из Мегар — знаменитый греческий поэт 2-й половины VI в. до н. э.

[2] *Арабские благовония* использовались при различных магических обрядах по крайней мере со времен Плавта (III в. до н. э.).

[3] В *Бранхиадах* находился знаменитый оракул Аполлона.

[4] *Тисифона* — одна из Эриний, греческих богинь мщения.

[5] *Перегрин* Протей — кинический философ II в. совершил в 165 г. на Олимпийских играх самосожжение. См.: *Лукиан.* Жизнь Перегрина.

[6] Этим титулом иронически называется Валент.

[7] *Сирены* — люди-птицы, дочери Ахелоя (Фориса), своим пением заманивали проходящие мимо корабли к своему острову, где они и разбивались о камни.

8. *Фасты* — здесь: годовые списки высших должностных лиц в Риме.

9. Публий Корнелий *Долабелла* — претор 69 г. до н. э., позднее проконсул в Азии.

[10] Храм в Афинах, место заседания суда, носившего то же название.

[11] Родом из Египта.

[12] Порода собак, отличавшаяся силой, выносливостью и агрессивностью.

[13] *Домиций Корбулон* был главнокомандующим римской армией при имп. Клавдии (41—54) и Нероне (54—68). *Лузий* Квет, мавр родом, командовал мавританскими вспомогательными отрядами в армии Траяна.

[14] Легендарное чудовище с 9 головами, жившее у источника Лерны в Аргосе. Ее убийство было 2-м подвигом Геракла.

[15] Квинт Фабий Максим Веррукос, прозванный Кунактор (*«медлитель»*) — ум. в 203 г. до н. э., консул 233 г. до н. э., диктатор 217 г. до н. э. После поражения римлян от Ганнибала при Тразименском озере вел сдерживающую войну, за что и получил свое прозвище.

[16] В войне 67—64 гг. до н. э.

[17] Первая Маркоманнская война, 166—175 гг.

КНИГА XXX

[1] *Скуррами* назывались германцы, служившие в римской армии.

[2] Во время второго консулата *Фабриция Лусцина* (278 г. н. э.) эпирский царь *Пирр* вел войну в Италии. Относительно описанного эпизода см.: *Плутарх.* Пирр, 21.

[3] См. его жизнеописание у Плутарха.

[4] Афинский политический деятель, величайший греческий оратор, боровшийся против македонской экспансии при Филиппе II. Годы жизни — 384—322 гг. до н. э.

[5] См.: *Платон.* Горгий, 463b. *Платон* (427—346 до н. э.) — величайший древнегреческий философ, создатель платонизма. *Эпикур* (341—270 до н. э.) — афинский философ, создатель эпикуреизма. Тизий из Сиракуз — один из «открывателей» риторики в середине V в. до н. э. *Горгий* из Леонтин (485—380 до н. э.) — знаменитый софист, персонаж упомянутого диалога Платона.

[6] Аммиан приводит примеры знаменитых греческих ораторов. *Каллистрат* был политическим деятелем и оратором в Афинах в 70—60-е гг. IV в. до н. э. В процессе об *Оропе* участвовал сам *Демосфен. Гиперид* (390—322 до н. э.) — современник Демосфена и его соратник по антимакедонской партии. *Эсхин* (389—314 до н. э.) — сторонник промакедонской партии того же времени. *Андокид* принадлежал к афинским олигархическим кругам и участвовал в политических интригах около 400 г. до н. э. *Динарх* — афинский логограф (составитель судебных речей) 2-й половины IV в. до н. э. *Антифон Рамнусийский* — один из руководителей олигархического переворота в Афинах в 411 г. до н. э.

[7] Римские ораторы: Публий *Рутилий* Руф — философ-стоик, политик и историк, консул 105 г. до н. э.; Сервий Сульпиций *Гальба* — консул 144 г. до н. э.; Мамерк Эмилий *Скавр* — современник имп. Тиберия (14—37); Луций Лициний *Красс* — консул 95 г. до н. э.; Марк *Антоний* — консул 99 г. до н. э.; Луций Меций *Филипп* — консул 91 г. до н. э.; Квинт Муций *Сцевола* — консул 95 г. до н. э., или его отец, носивший то же имя, консул 117 г. до н. э.

[8] *Филистион* — знаменитый мимический актер. *Эзоп* — греческий баснописец VI в. до н. э. *Аристид, по прозвищу «Справедливый»* — афинский государственный деятель V в. до н. э., принадлежал к аристократической партии и был противником Фемистокла. *Катон.* — Имеется в виду Катон Старший.

[9] *Милон Кротонский* — знаменитый древнегреческий борец, в 532—516 гг. до н. э. 6 раз одерживал победы на Олимпийских играх и 25 раз — на других состязаниях.

[10] *Артаксеркс* I — сын Ксеркса, персидский царь в 464—424 гг. до н. э.

[11] *Самнитские войны* (с самнитами) происходили в 343—341, 327—304 и 298— 290 гг. до н. э.

[12] *Исократ* (436—338 до н. э.) — знаменитый афинский оратор; покончил с собой после поражения военных сил антимакедонской коалиции при Херонее.

[13] См. биографию имп. Аврелиана в SHA.

[14] Проскрипции *Мария* и *Цинны* происходили в 87—83 гг. до н. э.

[15] Будущий имп. Валентиниан II (ум. в 392 г.).

КНИГА XXXI

[1] Вулкан на о. Сицилия.

[2] В конце II в. до н. э.

[3] Имеется в виду 1-я Маркоманнская война (166—175 гг.).

[4] Вероятно, речь идет о вторжении припонтийских народов при Галлиене в 267 г., когда были захвачены Византий, Аргос, Афины и другие греческие города. Подобное же вторжение было и в 269 г. при имп. Клавдии.

[5] Имп. Деций погиб вслед за своим сыном Геренниием Этруском в битве с готами и карпами в 251 г. В ходе этого вторжения и были захвачены перечисленные ниже города.

[6] *Клавдий II* Готский (268—270) разгромил готов около г. Наисса в Верхней Мезии в 269 г. В 270 г. император умер от чумы в Сирмии. Его последователь имп. Аврелиан в ряде сражений с трудом одолел варваров, прорвавшихся в Италию в 271 г.

[7] Имеются в виду соответствующие легионы.

[8] См. примеч. 5. Почему *Деций* назван Цезарем, неясно.

[9] Гней Корнелий Сципион Кальв, консул 212 г. до н. э., воевавший вместе со своим братом Публием Корнелием Сципионом в Испании против карфагенян.

[10] В *битве при Каннах* в 216 г. до н. э. Ганнибал, имевший 40 тыс. пехотинцев и 10 тыс. всадников, наголову разгромил римскую армию, в составе которой было 80 тыс. пехотинцев и 6 тыс. всадников.

[11] Имп. Марк Кокцей *Нерва* (96—98).

УКАЗАТЕЛИ

I. УКАЗАТЕЛЬ ОБЩИЙ

II. ИМЕНА ТРИБУНОВ И СОЛДАТ*

* В тех случаях, где не названа часть, в которой данное лицо было трибуном, опущено в указателе и самое слово трибун.

Невитта, франк, трибун турмы; впоследствии магистр и консул 17,6,3.
Немота, отданный заложником персам 25,13,7.
Нестика, трибун скутариев 17,10,5.
Нигрин, трибун турмы, зачинщик бунта в Аквилее 21,11,2.
Палладий, трибун и нотарий, производит следствие в Африке по жалобе лептинцев на Романа 28,6.
Полленциан, трибун, его чудовищное по дикости гадание, оставленное Валентом без наказания 29,2,17.
Потенций, трибун промотов 31,13,18.
Прокопий, послан в Галлию с известием о смерти Юлиана 25,8,7;10,6.
Прокул, доместик Сильвана 15,6,1.
Проспер 17,4,14; член посольства к Сапору 17,14,1.
Роман, трибун скутариев 22,11,2.
Румиталька, случайный сподвижник Прокопия 26,8,3.
Сальвий, скутарий. избранный начать битву 27,10,12.
Сениавх, командир турмы комитов 15,3,10;25,10,6.
Сերениан, комит доместиков, охранял казну 26,8,6.
Синтула, трибун конюшни Цезаря 20,4,3;5,1.
Скудилон, трибун скутариев, аламанн по происхождению 14,10,8;11,11.
Спектат, трибун и нотарий 17,4,14; член посольства к Сапору 17,14,1.
Тевтомер, франк, протектор-доместик 15,3,9.
Флоренций, предатель Прокопия, казнен 26,9,8.
Целла, трибун скутариев 16,12,6; убит в схватке с сарматами 19,16,11.
Экссуперий, храбрый солдат, выскочивший первым из подкопа при взятии Майозамальхи 24,3,23.
Эквиций, трибун первой схолы скутариев, впоследствии комит и консул 26,1,4.
Эквиций, родственник Валента, трибун и куратор дворца 31,12,15.
Юлиан, трибун легиона 25,6,3;6.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СКОРПИОНА И БАЛЛИСТЫ (23, 4) С ОБЪЯСНЕНИЕМ.

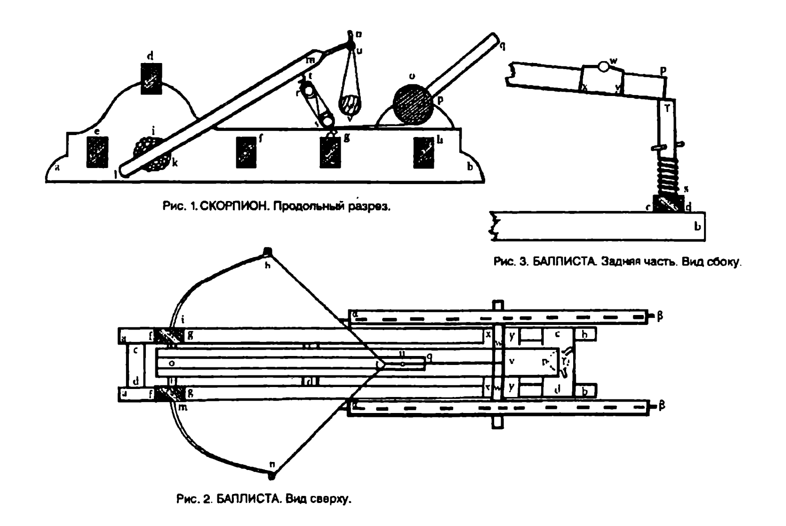
Рис. 1. СКОРПИОН. Продольный разрез.

Рис. 3. БАЛЛИСТА. Задняя часть. Вид сбоку.

Рис. 2. БАЛЛИСТА. Вид сверху.

СКОРПИОН

Рис. 1 — продольный разрез орудия.

a — один из двух продольных брусьев.

b — горбообразное утолщение бруса.

d — поперечное скрепление параллельных брусьев.

e f g h — такие же скрепления внизу орудия.

l m — дышло, занимающее после броска снаряда, вертикальное положение.

ik — канат из жил, пропущенный через отверстия в горизонтальной подставке и представляющий собой как бы пружину, которая в распрямленном состоянии подымает дышло в вертикальное положение.

mn — железный крюк на конце дышла.

uv — праща, укрепленная на крюке.

w — снаряд, положенный в пращу.

r, s — два блока, из которых один зацеплен за дышло, а другой соединен с горизонтальной подставкой орудия.

o — вал, на который наматывается канат, стягивающий блоки r и s.

pq — рычаг, при помощи которого происходит наматывание каната. Когда дышло притянуто вниз и доведено почти до горизонтального положения, канонир сбивает блок с крючка t; дышло освобождается и быстро принимает вертикальное положение, вследствие чего из пращи вылетает камень.

БАЛЛИСТА

Рис. 2 — вид орудия сверху.

a b — два параллельных деревянных бруса.

c d — поперечные скрепы этих брусьев.

f g — два вертикальных столба в передней части орудия, установленные на горизонтальной подставке.

h i k l m n — железная полоса, пропущенная через вертикально стоящие столбы;

o p — деревянное дышло, через которое в переднем его конце пропущена железная полоса — lk.

o q — полуцилиндрическое углубление в дышле, в которое кладут стрелу.

γ — винт, на который опирается задняя часть дышла (см. рис. 3).

h t n — тетива, стягивающая концы железной полосы.

u — крючок, за который зацеплена тетива посередине.

u v — канат, прикрепленный к крючку.

w w — вращающаяся ось, на которую наворачивается канат.

α β— вертикально установленные колеса, при помощи которых наворачивается канат, оттягивающий тетиву до определенного места.

Рис. 3 — задняя часть баллисты, вид сбоку.

b — подставка орудия.

γ — столб с винтообразной нарезкою, вращая который направо или налево можно изменять положение дышла.

Когда высвобождают тетиву из-под крючка, она выбрасывает стрелу, лежащую в углублении дышла.

Приведенные чертежи не могут претендовать на то, что в них точно угадан вид орудий, столь неясно и кратко описанных Аммианом Марцеллином.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Аммиан Марцеллин

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Редактор *Ю.А. Михайлов*
Художественный редактор *О.Н. Адаскин*
Компьютерная верстка *И.В. Котанчан*
Технический редактор *М.А. Страшнова*
Корректор *Н.Г. Лебедева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Научно-издательский центр «Ладомир»
при содействии ООО «ВРС»
103681, Москва, К-681, Заводская, 6а
Тел.: (095) 537-98-33. E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП "Издательство "Самарский Дом печати"
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Аммиан Марцеллин
А62 Римская история / Аммиан Марцеллин; пер. с латинского Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. — М.: АСТ: Ладомир, 2005. — 631, [9] с.

ISBN 5-17-029112-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-86218-212-8 (Научно-издательский центр «Ладомир»)

Главная тема этого выдающегося исторического сочинения IV в. нашей эры — деяния императора Юлиана Отступника, последнего язычника на Римском троне. «История», или «Деяния» («Res Gestae»), Марцеллина является продолжением знаменитого исторического труда Тацита, которое должно было охватить события с 96 по 378 г. Однако первые 13 книг сочинения Марцеллина ныне утрачены. Сохранились лишь книги 14—31, повествующие о событиях 353—378 гг.

«История» Аммиана Марцеллина по праву считается одним из выдающихся достижений латинской словесности. Мастерство рассказчика, точность и правдивость доставили автору славу достойного завершителя римской исторической традиции, представленной именами Тита Ливия, Тацита, Светония.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32